ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

Книга двадцать четвертая.

Выпускъ I.–II

Издана подъ редакціею
Ю. А. Кулаковскаго и А. М. Лободы.

КІЕВЪ.
Типографія М. Т. Мейнандера, Пушкинская ул. № 20.
1914.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

Книга двадцать четвертая.

КІЕВЪ 1914 г.

Г. ПАВЛУЦКІЙ.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

Книга двадцать четвертая.

Выпускъ I.

Издана подъ редакціею
Ю. А. Кулаковскаго и А. М. Лободы.

КІЕВЪ.
Типографія М. Т. Мейнандера, Пушкинская ул. № 20.
1914.

Печатано по постановленію Совѣта Историч. Общества Нестора-лѣтописца.
Предсѣдатель Общества *Ю. Кулаковскій.*

1812—1912 г.г.

1812-ый годъ въ его дѣятеляхъ.

Рѣчь, произнесенная поч. членомъ Г. Е. Аѳанасьевымъ въ торжественномъ собраніи 27-го октября 1912 г.

1812 годъ въ его дѣятеляхъ.

I.

Причины столкновенія.

На первомъ планѣ международныхъ отношеній начала XIX вѣка стояли Англія и Франція съ ихъ стародавнею борьбою и обостренными враждебными чувствами. Та борьба, которая завязалась между ними въ первой половинѣ XVIII вѣка изъ за колоніальнаго господства въ Остъ-Индіи, усилила прежнюю глубокую вражду между этими странами, вражду, которая своими корнями теряется въ глубинѣ среднихъ вѣковъ. Во всѣхъ политическихъ комбинаціяхъ восемнадцатаго вѣка Англія и Франція всегда стоятъ въ противныхъ лагеряхъ. Во время Семилѣтней войны Англія отхватила у Франціи Канаду. Франція отплатила ей тѣмъ, что помогла колоніямъ Англіи въ Сѣверной Америкѣ отдѣлиться отъ Англіи и образовать самостоятельное государство. Такіе удары не забываются, а послѣдній изъ нихъ произошелъ только за шесть лѣтъ до начала французской революціи 1789 года. Когда вспыхнула послѣдняя, Англія, какъ и другія государства Европы, сочла моментъ

благопріятнымъ для нападенія на Францію, такъ какъ по общему мнѣнію она должна была очень ослабѣть вслѣдствіе этого политическаго кризиса. Подъ предлогомъ защиты монархическаго принципа Англія присоединилась къ Пруссіи и къ Австріи, напавшимъ на Францію нѣсколько раньше. Расчетъ на слабость Франціи оказался ложнымъ. Во время революціи она оказалась сильнѣе, чѣмъ была при послѣднихъ двухъ короляхъ, а потому борьба Англіи и Франціи приняла затяжной характеръ и притомъ тѣмъ болѣе страстный, что во время ея Франція отстаивала свою національную независимость и только что завоеванную политическую свободу; старая вражда ожила и приняла бурный характеръ. Этотъ элементъ международныхъ отношеній никогда не слѣдуетъ забывать, когда хотятъ оцѣнить значеніе страстной вражды Наполеона къ Англіи и наоборотъ. Позади всѣхъ коалицій, образовывавшихся противъ Франціи во времена консульства и имперіи, всегда стоитъ Англія въ качествѣ главной пружины. Естественно, что и въ политикѣ Франціи въ этотъ періодъ главнымъ объектомъ борьбы является Англія, и такъ какъ въ рукахъ Наполеона все принимало грандіозные размѣры, то и борьба его противъ Англіи получаетъ какой то колоссальный, можно сказать, химерическій характеръ.

Рядомъ съ Англіей стоятъ въ борьбѣ съ Франціей Австрія и Пруссія. Еще раньше Англіи онѣ напали на Францію въ расчетѣ поживиться на ея счетъ, но прикрываясь защитой монархическаго принципа, необходимостью защиты престола и алтаря. Императрица Екатерина II была слишкомъ умна, чтобы повѣрить безкорыстью этихъ рыцарей монархическаго принципа, но она поощряла ихъ въ ихъ ревности, имѣя въ виду развязать себѣ руки въ Польшѣ. Пруссія и Австрія просчитались: вмѣсто побѣды и завоеваній, онѣ потерпѣли пораженія и территоріальныя

потери. За свое монархическое усердіе, Пруссія, вмѣсто Бельгіи, которою она выговаривала себѣ и которою завладѣли французы, получила Польшу по второму раздѣлу. Ни Пруссія, ни Австрія не мирились со своими разочарованіями и потому легко вступали въ коалиціи противъ Франціи, когда къ тому представлялись удобные случаи и когда къ тому же ихъ побуждали Англія или Россія.

При Екатеринѣ Второй русская политика руководится реальными интересами русскаго государства и по отношенію къ Франціи не одушевляется какими либо отвлеченными идеями или интересами Европы. Польша и Турція— вотъ объекты ея политики. Не то мы видимъ со вступленія на престолъ Павла I. Реальные интересы Россіи не требовали посылки русскихъ войскъ на поля Италіи или на снѣжныя вершины Альпъ. Въ концѣ царствованія Павла I налаживается сближеніе съ Франціей, но тоже не въ силу русскихъ интересовъ. Это дѣло было прервано смертью императора.

Въ началѣ своего царствованія Александръ I остается въ сторонѣ отъ войны Австріи съ Франціей, пораженіе ея при Маренго насъ не затрагиваетъ. Но это положеніе продолжается недолго. Уже въ 1805 году мы втягиваемся въ коалицію съ Австріей и Англіей, а затѣмъ въ слѣдующемъ году входимъ въ союзъ съ Пруссіей. Надъ гробомъ Фридриха Великаго Александръ I и Фридрихъ Вильгельмъ III протянули другъ другу руки и поклялись не заключать отдѣльно мира съ Наполеономъ. Но событія оказались сильнѣе воли государей. Пораженія при Іенѣ и Ауерштедтѣ разгромили Пруссію, вскрыли ея внутреннюю слабость и разрушили тотъ ореолъ силы, который окружалъ ее со времени Фридриха Великаго. Въ слѣдующемъ году пораженія при Прейсишъ-Эйлау и при Фридландѣ побудили Александра I прекратить войну. Перемиріе, а за-

тѣмъ личное свиданіе и переговоры въ Тильзитѣ привели не только къ миру, но и къ союзу Франціи съ Россіей.

Свиданіе, состоявшееся между имп. Александромъ и Наполеономъ на плоту, поставленномъ на Нѣманѣ, противъ г. Тильзита, и продолжавшееся болѣе часу, произвело на того и на другого сильное впечатлѣніе. Сильная натура Наполеона всегда дѣйствовала на людей, приходившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Это дѣйствіе было разнообразно. Или онъ подчинялъ людей силою своей грамадной воли, либо завораживалъ ихъ своей обаятельностью, своимъ огромнымъ умомъ, живымъ воображеніемъ, разнообразіемъ своихъ знаній и оригинальностью пониманія данныхъ условій и положенія. Люди тоже сильные по своей натурѣ подчинялись Наполеону помимо своей воли или даже вопреки ей. Маршалъ Массена разсказывалъ Шапталю (извѣстному ученому и министру внутреннихъ дѣлъ Наполеона) про свое первое свиданіе съ Наполеономъ. Это было, когда онъ пріѣхалъ въ Италію въ качествѣ главнокомандующаго. Его невзрачный видъ, его крайняя молодость (27 лѣтъ), то, что онъ часто держалъ въ рукахъ портретъ жены,-все это побуждало насъ думать, говоритъ Массена, что это бульварный генералъ, и что назначеніе его дѣло интриги партій. Но когда онъ началъ насъ разспрашивать, а потомъ излагать свои предположенія, мы увидѣли, что у насъ есть наконецъ настоящій начальникъ.

За то, когда Наполеонъ просто сходился съ людьми, бесѣдуя съ ними о вещахъ безразличныхъ, или желалъ понравиться, онъ былъ обаятеленъ. Можно привести множество свидѣтелей изъ французовъ, нѣмцевъ и англичанъ, изъ людей разныхъ общественныхъ положеній, начиная съ солдатъ и кончая генералами, министрами и профессорами, которые говорятъ намъ, что этотъ человѣкъ умѣлъ очаровывать людей своей бесѣдой, своей простотой въ обращеніи,

своимъ интересомъ къ разнообразнымъ предметамъ и своимъ умѣніемъ быстро входитъ въ сущность дѣла и высказываться объ немъ оригинально и умно. Приведемъ показаніе человѣка, который скорѣе былъ настроенъ противъ него. Капитанъ англійскаго корабля Беллерофонта, на которомъ Наполеонъ очутился въ качествѣ плѣнника послѣ своего отреченія, говоритъ, что хотя ему, какъ англійскому офицеру, неудобно хвалить злѣйшаго врага своей страны, „но этотъ человѣкъ въ такой степени обладалъ даромъ нравиться, что не найдется человѣка, который бы, какъ я, садясь съ нимъ за столъ болѣе мѣсяца, не проникся къ нему сочувствіемъ, видя, что человѣкъ, обладающій такими обворожительными качествами, доведенъ до такого положенія, въ которомъ я его видѣлъ".

Первое впечатлѣніе Александра было сильно въ пользу Наполеона. Впослѣдствіи онъ говорилъ: „Я никогда ни противъ кого не имѣлъ столько предубѣжденій, какъ противъ него; но послѣ трехъ четвертей часа бесѣды они исчезли, какъ дымъ". Но эта первая бесѣда была не единственною. Въ теченіе двухъ слишкомъ недѣль Наполеонъ и Александръ проводили почти всѣ дни вмѣстѣ. Утромъ бывали смотры и парады войскъ, потомъ бывали прогулки верхомъ. Оба государя любили верховую ѣзду и умѣли хорошо ѣздить на борзыхъ коняхъ. Своей любовью къ быстрой ѣздѣ они приводили въ отчаяніе прусскаго короля, который боялся лошади, не умѣлъ ѣздить и изображалъ изъ себя жалкую фигуру, когда Наполеонъ и Александръ пускались крупной рысью или галопомъ, а онъ долженъ былъ поспѣвать за ними. Каждый день Александръ обѣдалъ у Наполеона, а потомъ по вечерамъ они снова сходились и бесѣдовали о всевозможныхъ дѣлахъ. Эти разговоры не рѣдко затягивались до разсвѣта, и оба собесѣдника не разъ съ удовольствіемъ вспоминали объ этихъ

„soirées nocturnes“, во время которыхъ они обсуждали откровенно вопросы европейской политики. Во время этихъ личныхъ сношеній съ Александромъ и бесѣдъ съ нимъ Наполеонъ развертывалъ передъ нимъ всю силу своего ума и богатаго воображенія и употреблялъ всѣ средства, чтобы понравиться Александру, такъ какъ онъ смотрѣлъ на сближеніе съ Россіей, какъ на краеугольный камень своей будущей политики. Еще при Павлѣ I онъ старался о сближеніи съ Россіей и постарался пріобрѣсти расположеніе императора между прочимъ тѣмъ, что, возвращая русскихъ плѣнныхъ, онъ одѣлъ ихъ съ иголочки. Смерть Павла I прервала это сближеніе. Теперь онъ не хотѣлъ упустить изъ рукъ благопріятнаго случая и употребилъ всѣ усилія для созданія франко-русскаго союза.

Императоръ Александръ былъ человѣкомъ впечатлительнымъ отъ природы. Все великое его увлекало, и его живое воображеніе не могло оставаться равнодушнымъ передъ тѣми картинами будущихъ политическихъ задачъ, которыя развертывались въ бесѣдахъ съ Наполеономъ. Послѣдній представлялъ ему, что политика Екатерины II была національною политикой, преслѣдовавшей реальные интересы Россіи, тогда какъ послѣ нея она сошла съ этого пути, и стала космополитической, и мало считалась съ потребностями Россіи. Онъ призывалъ Александра вернуться на путь, начертанный его великой бабкой, и указывалъ на двѣ задачи русской политики: на завоеваніе Финляндіи, вызываемое необходимостью обезпечить тылъ Петербурга, и на освобожденіе турецкихъ славянъ, какъ на средство создать себѣ великое историческое дѣло и въ то же время, ослабленіемъ Турціи, укрѣпить положеніе Россіи на Черномъ морѣ. Наполеонъ утверждалъ, что Россія должна добиваться воротъ своего собственнаго двора, какъ онъ называлъ Черное море. Онъ не соглашался теперь же предоставить Алек-

ксандру овладѣть Константинополемъ, показывая это чудное видѣніе лишь въ отдаленной перспективѣ, но противъ овладѣнія Молдавіей и Валахіей онъ не возражалъ и отказывался отъ союза съ Турціей, а также и Швеціей.

Нельзя сказать, чтобы императоръ Александръ безраздѣльно поддавался обольщенію Наполеона, а, съ свойственнымъ самобладаніемъ, онъ не выказывалъ и той доли увлеченія, которое испытывалъ. Не даромъ Наполеонъ отзывался объ немъ, какъ объ „истомъ византійцѣ“ (C'est un véritable grec du Bas-Empire).—Съ своей ласковой улыбкой, любезнымъ обращеніемъ, умѣніемъ обо всемъ говорить спокойно и ровно, онъ и въ трудныя минуты не выказывалъ той сговорчивости, которая была бы желательна Наполеону. Онъ очень нравился Наполеону. Тотъ писалъ объ немъ женѣ своей послѣ перваго свиданія: „я только что видѣлъ императора Александра, и я очень имъ доволенъ. Это очень красивый, добрый и молодой императоръ. У него гораздо больше ума, чѣмъ обыкновенно думаютъ“. Но его, какъ онъ говорилъ, упрямство нерѣдко сердило Наполеона. Тѣмъ не менѣе изъ бесѣдъ императоровъ и изъ переговоровъ ихъ министровъ вышелъ Тильзитскій миръ и союзъ Россіи съ Франціей [1]) По этому договору Россія не понесла никакого тер-

[1]) Въ своемъ послѣднемъ сочиненіи „Императоръ Александръ I“ великій князь Николай Михайловичъ высказываетъ мысль, что Александръ уже въ Тильзитѣ былъ недоволенъ сближеніемъ съ Наполеономъ и говоритъ, что онъ „во всю свою жизнь не могъ переварить этого свиданія; чувства его достоинства были черезчуръ уязвлены, и самолюбіе державнаго повелителя Россіи приходилось приносить въ жертву обстоятельствамъ“. Мнѣ кажется, что это предположеніе недостаточно обосновано. Авторъ ссылается на письмо Александра къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ отъ 17(29) іюня изъ Тильзита и именно на фразу этого письма: „но что вы скажете обо всѣхъ этихъ событіяхъ:? Я провожу всѣ дни съ Бонапартомъ, цѣлые часы остаюсь съ нимъ съ глазу на глазъ.“ Такъ какъ тонъ этого письма обличаетъ

риторіальнаго ущерба; напротивъ, Пруссіей ей былъ уступленъ Бѣлостокъ съ его округомъ. Вся тяжесть пораженія легла на Пруссію. Наполеонъ не прочь былъ бы вовсе ее уничтожить. Сдѣлать это для него не представляло большого труда, такъ какъ военное могущество Пруссіи было совершенно разрушено; но Александръ I энергично защищалъ Пруссію. Ему трудно было забыть прежнія отношенія къ ней и ту клятву, которую онъ произнесъ вмѣстѣ съ Фридрихомъ-Фильгельмомъ III надъ гробомъ Фридриха III. Да и политическій интересъ Россіи не допускалъ полнаго уничтоженія Пруссіи, превращенія ея въ ничтожество. Наполеонъ предлагалъ Александру взять себѣ всѣ польскія земли до Вислы и къ сѣверу до Балтійскаго моря съ Данцигомъ включительно. Какъ изъ деликатности къ Пруссіи онъ отказался воспользоваться землями своей бывшей союзницы, такъ руководясь тѣмъ же деликатнымъ чувствомъ относительно Пруссіи, онъ отказался сдѣлать границею Россіи Нѣманъ вплоть до его устья. Вел. Кн. Николай Михайловичъ справедливо замѣчаетъ, что этотъ отказъ вызываетъ сожалѣніе. Изъ этого двойного отказа Александра родилось Варшавское герцогство. Оно образовалось изъ польскихъ земель, доставшихся Пруссіи по раздѣламъ Польши, и стало какъ бы частичнымъ возстановленіемъ бывшаго королевства.

Во „вниманіе къ императору Александру“, какъ сказано было въ договорѣ, Пруссіи оставлены были Бранденбургъ, Померанія и соб. Пруссія. Всѣ владѣнія ея на западъ отъ Эльбы были у нея отняты и присоединены къ Вестфальскому королевству. Въ Данцигѣ, сдѣланномъ воль-

---

удовлетвореніе результатами переговоровъ, то этой фразѣ нельзя приписывать никакого иного значенія, какъ только указаніе на то, что это положеніе нельзя было предвидѣть, что оно изъ ряда вонъ выходящее. Ни какой обиды тутъ не свозитъ.

нымъ городомъ, былъ поставленъ французскій гарнизонъ. Варшавское герцогство было поставлено въ связь съ Саксонскимъ королевствомъ, но связь эта была только личною. Саксонскій король былъ облеченъ титуломъ Великаго Герцога Варшавскаго; но герцогство управлялось своею конституціею, имѣло свой отдѣльный сеймъ, сенатъ и свое отдѣльное министерство.

Россія не только заключила миръ съ Франціей, признала Наполеона императоромъ французовъ и другіе его титулы, хотя онъ не заявлялъ требованія на такое признаніе, находя, что достаточно и того, что всѣ эти титулы выставлены въ заголовкѣ договора,—но она заключила съ Франціей союзъ и примкнула къ континентальной системѣ, отказавшись отъ союза съ Англіей, а Франція отказалась отъ союза съ Швеціей и съ Турціей.

Обѣ стороны остались довольны достигнутыми результами. Наполеонъ безусловно былъ доволенъ тѣмъ, что онъ пріобрѣлъ такого сильнаго союника противъ Англіи, съ которою онъ рѣшился бороться путемъ экономическаго бойкота; союзъ съ Россіей къ тому же дѣлалъ для него не страшными Австрію и Пруссію, какъ вѣроятныхъ союзницъ Англіи. Императоръ Александръ былъ доволенъ Тильзитскимъ миромъ уже потому, что Россія, не смотря на понесенныя пораженія, вышла безъ потерь. Александръ писалъ своей сестрѣ Екатеринѣ Павловнѣ: „Богъ насъ спасъ: вмѣсто жертвъ, мы выходимъ изъ борьбы съ нѣкоторымъ блескомъ“.

Затѣмъ перспектива свободы дѣйствій по отношенію къ Швеціи и на Дунаѣ не могла не представляться реальной выгодой союза съ Франціей, каковою она въ дѣйствительности и была.

Не смотря на это, въ Тильзитскомъ договорѣ было черное пятнышко, которое могло стать зародышемъ недора-

зумѣній между союзниками и испортить взаимныя ихъ отношенія. Это образованіе Варшавскаго герцогства. Если даже и не считать доказаннымъ фактъ, что Наполеонъ предлагалъ Александру всѣ польскія владѣнія Пруссіи, то все же образованіе Варшавскаго герцогства было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ создавшихся отношеній [1]). Разъ Наполеонъ стремился, а иначе и быть не могло, къ наибоолѣе значительному ослабленію Пруссіи, если онъ только „во вниманіе къ императору Александру" оставилъ за нею земли на востокъ отъ Эльбы, то не могъ онъ оставить за нею польскихъ земель. Не имѣя въ виду непомѣрно усиливать саксонскаго короля, онъ не могъ ничего иного сдѣлать, какъ образовать изъ нихъ автономное государство. По стародавней къ тому же политической традиціи Франціи онъ смотрѣлъ на поляковъ, какъ на союзниковъ послѣдней. Поэтому онъ смотрѣлъ на образованіе Варшавскаго герцогства какъ на стратегическій аванпостъ Франціи въ случаѣ возможной въ будущемъ войны съ Россіей, какъ на мѣру предосторожности. Стремясь укрѣпить союзъ съ Россіей, онъ не понималъ того, что устройствомъ Варшавскаго герцогства онъ наноситъ ударъ этому союзу. Онъ не понималъ историческихъ отношеній между Польшей и Россіей, а потому и не могъ оцѣнить той силы впечатлѣнія, которое должно было быть произведено въ правящихъ кругахъ послѣдней призракомъ возстановленія Польши въ видѣ герцогства Варшавскаго.

Въ Россіи этотъ фактъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Въ силу исторически сложившихся отношеній между двумя

*) Татищевъ въ своей книгѣ „Lewander et Napoleon" считаетъ предложеніе Наполеономъ Александру польскихъ земель до Вислы фактомъ (стр. 175), и проф. Деже въ своей статьѣ, помѣщенной въ Исторіи XIX вѣка Лависса и Рамбо, принимаетъ это извѣстіе не безусловно говоря: и если вѣрить мемуарамъ Огинскаго (т. II стр. 21).

славянскими народностями создались взаимная вражда и недовѣріе. Московское государство само когда то было въ критическомъ положеніи, вслѣдствіе вмѣшательства Польши въ его внутреннія замѣшательства; сама Москва была въ рукахъ поляковъ. Затѣмъ оно унаслѣдовало и отношенія къ Польшѣ Малороссовъ. Въ наступательномъ ходѣ, затѣмъ, Русскаго государства противъ Польши дѣло дошло до потери независимости послѣдней съ раздѣломъ ея владѣній. Не прошло еще 15 лѣтъ со времени этой катастрофы, какъ вотъ этотъ стародавній противникъ встаетъ изъ могилы и заявляетъ права на самостоятельное политическое существованіе. Значительная часть владѣній Польши находилась во власти Россіи. Безопасность этихъ владѣній отъ притязаній возрождающейся, какъ будто, Польши представлялась сомнительною.

Александръ I, въ силу его юношескихъ отношеній къ польскимъ раздѣламъ, какъ къ акту глубоко несправедливому, могъ относиться безразлично къ образованію Варшавскаго герцогства, какъ автономной политически единицы; но по возвращеніи въ Петербургъ онъ сталъ свидѣтелемъ недовольства русскаго высшаго общества Тильзитскимъ миромъ и сближеніемъ съ Франціей. Конечно, это значеніе польскаго вопроса для русско-французскаго союза въ первое время было незамѣтно, но тѣмъ не менѣе слѣдуетъ отмѣтить тутъ же, не преувеличивая значенія факта, что образованіе Варшавскаго герцогства было зародышемъ тѣхъ недоразумѣній, которыя впослѣдствіи повели вмѣстѣ съ другими причинами къ войнѣ 1812 года. Какъ увидимъ дальше, этотъ вопросъ сыгралъ среди этихъ причинъ выдающуюся роль.

Не слѣдуетъ также упускать изъ виду и другую причину недовольства высшаго русскаго общества, союзомъ съ Франціей, а оно только вѣдь одно и имѣло тогда вліяніе на

правительство. Мы имѣемъ въ виду господство эмигрантскаго въ немъ настроенія. Русское общество конца XVIII вѣка и начала XIX было воспитано во Французскомъ духѣ. Его языкъ былъ французскій до того, что многіе представители русской старой аристократіи съ трудомъ говорили по русски. Но это было вліяніе старой Франціи съ ея идеями и общественными воззрѣніями. Послѣ того какъ вспыхнула французская революція, волна эмиграціи хлынула въ Россію и усилила въ ней вліяніе этой старой Франціи съ ея ненавистью ко всему, что отзывалось революціей, усиливъ вмѣстѣ съ тѣмъ реакціонное настроеніе до такой степени, что даже возстановленіе ордена іезуитовъ было сдѣлано папой въ 1802 году только въ предѣлахъ Россіи и въ угоду Русскому императору. Сторонниковъ преобразованій было гораздо меньше, чѣмъ сторонниковъ старины съ неприкосновенностью неограниченнаго самодержавія и крѣпостного права, и привилегій дворянства.

Но и въ средѣ консерваторовъ было много оттѣнковъ. Карамзинъ былъ несомнѣннымъ консерваторомъ, но съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ массоновъ, какъ напримѣръ Голенищева-Кутузова, онъ былъ вольнодумецъ и его сочиненія исполнены якобинскаго яда. А сами массоны съ точки зрѣнія такого консерватора, какъ Ростопчинъ, были людьми опасными. Но всѣ эти оттѣнки консерватизма объединены были ненавистью къ Наполеону, какъ исчадію революціи и къ той Франціи, во главѣ которой онъ стоялъ. Не менѣе Наполеона реакціонеры ненавидѣли и Сперанскаго, какъ опаснаго реформатора. Подъ вліяніемъ этой ненависти къ Франціи пробуждается мысль о возвратѣ къ своему, русскому и отрицательное отношеніе ко всему иностранному. Начинается проповѣдь любви къ отечеству, къ своему языку и къ основамъ русской жизни. Эта проповѣдь находила сильный отголосокъ въ обществѣ. „Русскій Вѣстникъ“ Глин-

ки, „Разсужденіе о любви къ отечеству“ Шишкова, „Мысли вслухъ на Красномъ Крыльцѣ“ Ростопчина имѣли большой успѣхъ; „Записка о Древней и Новой Россіи“ Карамзина провѣдывала съ успѣхомъ противъ преобразованій не только Александра, но и Петра Великаго и призывала русскихъ вернуться къ устоямъ государственной жизни семнадцатаго вѣка, смягченнымъ цивилизаціей восемнадцатаго.

Былъ и центръ, въ которомъ группировалось все враждебное Франціи и отрицательно относившееся къ новшествамъ Александра. Это былъ дворецъ въ Твери великой кн. Екатерины Павловны, любимой сестры Александра. Отсюда шло реакціонное вліяніе на императора Александра, здѣсь же культивировалась любовь ко всему русскому и вражда къ французамъ, или какъ ихъ называлъ Ростопчинъ, „сухопарымъ французишкамъ“.

При такомъ настроеніи преобладающей части русскаго общества отношеніе его къ тильзитскому миру совершеено понятно. Далеко не реакціонный человѣкъ С. Р. Воронцовъ, но сторонникъ Англіи, въ своемъ гнѣвѣ на состоявшееся соглашеніе, предлагалъ, чтобы сановники, подписавшіе тильзитскій договоръ, совершили въѣздъ въ столицу на ослахъ. Шведскій посолъ Штедингъ осенью 1807 года сообщалъ королю Густаву IV: „неудовольствіе противъ императора все болѣе и болѣе возрастаетъ и на этотъ счетъ говорятъ такія вещи, что страшно слушать..; не только въ частныхъ собраніяхъ, но и въ публичныхъ собраніяхъ толкуютъ о перемѣнѣ правительства“.

Отрицательное отношеніе русскаго общества къ сближенію съ Франціей ярко отразилось на отношеніи его къ французскому послу Коленкуру. Не смотря на то, что онъ былъ очень близокъ къ императору, петербургское общество образовало вокругъ него пустоту и лишь въ предѣлахъ крайней необходимости поддерживало съ нимъ оффиціаль-

ныя отношенія. Не трудно понять, что изложенное нами настроеніе русскаго высшаго общества не могло не оказывать вліянія на императора Александра тѣмъ болѣе, что близкія къ нему лица, какъ напримѣръ императрица Марія Ѳедоровна и сестра вел. кн. Екатерина Павловна, были въ числѣ противниковъ сближенія съ Наполеономъ.

Мы говорили, что однимъ изъ условій франко-русскаго союза было присоединеніе Россіи къ континентальной системѣ. Далѣе мы увидимъ, на сколько прекращеніе торговыхъ сношеній съ Англіей было тяжело для Россіи, предметы вывоза которой требовали морской перевозки и имѣли своимъ главнымъ рынкомъ Англію. Ради полнаго осуществленія бойкота Англіи, этого, какъ называлъ ее Наполеонъ, „всемірнаго ростовщика“, онъ ввязывается въ войну съ Испаніей, такъ какъ послѣдняя отказывалась отъ прекращенія торговли съ Англіей и естественно стала главнымъ тразитнымъ складомъ англійскихъ товаровъ. Борьба эта оказалась нешуточною, потому что противъ французовъ всталъ испанскій народъ. Между тѣмъ Австрія, увидя эти затрудненія Наполеона и подъ вліяніемъ воздѣйствія Англіи, стала вооружаться. Для обезпеченія своего тыла отъ нападенія Австріи Наполеону нужно было сговориться съ своимъ союзникомъ. Отсюда свиданіе въ Эрфуртѣ.

На этомъ свиданіи Наполеонъ почувствовалъ измѣненіе въ отношеніи къ нему Александра. Онъ не могъ понять этого измѣненія и не догадывался объ его причинѣ. Между многими предметами переговоровъ, видное мѣсто занималъ вопросъ о томъ, чтобы сдѣлать Австріи коллективное представленіе о прекращеніи вооруженій. Александръ упорно сопротивлялся такому представленію.

Онъ не желалъ ослабленія Австріи, въ которой онъ видѣлъ вѣроятнаго союзника на случай возможнаго столкновенія съ Франціей. Къ тому же—и кажется это было важ-

нѣйшимъ факторомъ въ его поведеніи—онъ поддался внушеніямъ Талейрана, который сумѣлъ его убѣдить, что вооруженія Австріи носятъ только оборонительный характеръ, и что эта держава является единственнымъ оплотомъ противъ ненасытнаго властолюбія Наполеона. Такое поведеніе Талейрана похоже было на измѣну. Но дальнѣйшіе его поступки были уже настоящей измѣной. Убѣдивъ Александра отказаться отъ коллективнаго требованія о прекращеніи Австріею ея вооруженій, онъ далъ знать австрійскому послу, что Россія ни въ какомъ случаѣ не будетъ воевать съ нею. Получивъ это свѣдѣніе, Австрія отнеслась совершенно равнодушно къ тѣмъ параллельнымъ нотамъ, въ которыхъ Александръ и Наполеонъ призывали ее къ миролюбію. Мало того, она тотчасъ же начала переговоры съ Англіей относительно субсидій и сообщила послѣдней объ истинномъ отношеніи Россіи къ своему союзнику.

Благодаря этому, двѣ цѣли Наполеона на Эрфуртскомъ свиданіи не были достигнуты. Австрія не только не разоружилась; но рѣшила воевать. Англію желали склонить къ миру. Съ этой цѣлью ей была послана совмѣстная нота Россіи и Франціи; но такъ какъ до полученія этой ноты Англія уже знала объ истинныхъ отношеніяхъ Россіи къ Франціи и къ Австріи, то эта нота не возъимѣла никакого дѣйствія, и надежда на миръ съ Англіей тоже рушилась. Не смотря на то, что на Эрфуртскомъ свиданіи были заключены новыя соглашенія, какъ напримѣръ относительно Финляндіи и относительно Молдавіи и Валахіи, не смотря на то, что на глазахъ блестящей публики Александръ объявилъ себя другомъ Наполеона, признавая дружбу великихъ людей благословеніемъ боговъ, не смотря на весь блескъ этого свиданія, главные актеры знали истину. Когда Наполеонъ провожалъ Александра, онъ какъ будто чувствовалъ происшедшее измѣненіе и прозрѣвалъ сумракъ будущаго. Когда уда-

лились экипажи, увозившіе русскаго царя и его свиту, Наполеонъ постоялъ нѣкоторое время, смотря имъ вслѣдъ, потомъ повернулъ лошадь назадъ и поѣхалъ шагомъ, низко опустивъ голову и сильно задумавшись, и съ отпечаткомъ грусти на лицѣ. Чувствовалъ ли онъ, что „испанская чертовщина“, какъ онъ называлъ борьбу съ испанцами, поведетъ къ войнѣ съ Австріей и что эта послѣдняя даже при полной удачѣ окажется фатальною для союза съ Россіей, превративъ его въ соперничество, и приведетъ къ борьбѣ съ нею?

Война съ Австріей началась, Россія оказалась страннымъ союзникомъ. Она явилась съ своимъ войскомъ, когда уже Наполеонъ почти справился съ Австріей, да къ тому же это войско тщательно избѣгало всякаго столкновенія съ австрійскими войсками, такъ что война была вполнѣ безкровною. Если бы войска Варшавскаго герцогства не нанесли пораженій австрійской арміи, положеніе Наполеона было бы еще болѣе затруднительнымъ, и его стратегическіе расчеты потерпѣли бы еще большій ущербъ, чѣмъ это оказалось на самомъ дѣлѣ.

Въ переговорахъ о мирѣ Россія не приняла участія, и на всѣ просьбы Коленкура объявить свои желанія Александръ уклонялся сказать что либо опредѣленное. Когда же по вѣнскому трактаку, было аначительно усилено герцогство Варшавское за счетъ Галиціи, а для Россіи была выговорена только восточная часть ея до Перемышля, это вызвало недовольство Александра и негодованіе въ русскомъ обществѣ. Если Тильзитомъ были недовольны, какъ признакомъ желанія Наполеона возстановить Польшу, то теперь всѣ считали несомнѣннымъ, что такое намѣреніе есть и доказывается значительнымъ усиленіемъ Варшавскаго герцогства. Никто не думалъ о томъ, что Россія могла энергичнымъ дѣйствіемъ занять Галицію и Краковъ раньше войскъ

Варшавскаго герцогства и на основаніи положенія „beati possidentes“ получить эти земли. Она предпочла странную роль союзника, ведущаго войну только формально, и потому не могла претендовать на значительное территоріальное вознагражденіе.

Александръ заботился о томъ, чтобы Австрія не была серьезно обезсилена. Этого онъ не достигъ и не могъ достичь такою политикою, но и выгодъ отъ ея ослабленія не получилъ. Но призракъ оживающей Польши, встающей изъ могилы, сталъ теперь предъ русскими государственными людьми еще яснѣе, чѣмъ послѣ Тильзита. Въ эти два года, такимъ образомъ, франкорусскій союзъ прошелъ уже двѣ фазы: въ Эрфуртѣ на немъ оказалась трещинка, послѣ австрійской войны эта трещинка расширилась и превратилась въ большую рытвину, угрожающую всему зданію союза.

Подъ вліяніемъ возбужденныхъ опасеній русское правительство начинаетъ послѣ австрійской войны переговоры съ Франціей по польскому вопросу. Россія предложила заключить конвенцію, которою бы Франція объявляла, что королевство польское не будетъ возстановлено. Наполеонъ не соглашался на такое декларативное обязательство и предлагалъ дать обязательство, что онъ не будетъ ни дѣлать, ни содѣйствовать прямо или косвенно возстановленію Польши, ни поощрять его. Россія находила такое обязательство недостаточнымъ и въ сущности требовала, чтобы Наполеонъ далъ обязательство не только не содѣйствовать возстановленію Польши, но и подавить движеніе къ таковому, если бы оно обозначилось. Этого Наполеонъ обѣщать не могъ, не уничтожая собственными руками того оружія, которое онъ создалъ себѣ на случай могущаго произойти столкновенія. Переговоры велись въ концѣ 1809 и началѣ

1810 года, не кончившись ничѣмъ. Они внесли сильное охлажденіе между союзниками и вызвали взаимную подозрительность. Поведеніе Россіи во время австрійской войны и затѣмъ настойчивость ея въ стремленіи поссорить Наполеона съ поляками подсказывали Наполеону подозрѣніе о существованіи у Россіи какихъ то тайныхъ замысловъ, враждебныхъ Франціи. Въ силу незнанія исторіи русско-польскихъ отношеній, онъ не понималъ того впечатлѣнія, которое произвело на русское правительство усиленіе Варшавскаго герцогства.

Онъ совершенно искренно говорилъ и повторялъ Александру, что у него и въ головѣ нѣтъ мысли о возстановленіи Польши. Что онъ дѣйствительно такъ думалъ, видно изъ такихъ документовъ, которые не предназначались къ огласкѣ и въ которыхъ отразились дѣйствительныя намѣренія Наполеона. Въ нихъ онъ говорилъ своему министру иностранныхъ дѣлъ въ замѣткахъ, сдѣланныхъ для послѣдняго, что съ его стороны было бы донкихотствомъ браться за возстановленіе Польши, что онъ не можетъ съ легкимъ сердцемъ углубляться на сѣверъ, рисковать огромною авантюрой, лишь бы доставить себѣ безплодную честь разбить цѣпи народа (польскаго) и загладить преступленіе другого вѣка. Нужно меня считать совсѣмъ дуракомъ, говорилъ онъ, чтобы приписывать мнѣ желаніе похоронить двѣсти тысячъ человѣкъ въ пескахъ Польши ради воскрешенія этого государства. И однако такія намѣренія ему приписывались Александромъ и русскими государственными людьми, и то обстоятельство, что онъ отказался согласиться на конвенцію въ той редакціи, которая выработана была русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и одобрена Александромъ, служило въ глазахъ Александра доказательствомъ тайныхъ замысловъ Наполеона возстановить Польшу. Эти переговоры по польскому вопросу нанесли такой ударъ

франко-русскому союзу, что можно утверждать, что съ окончаніемъ ихъ въ началѣ 1910 года императоръ Александръ уже сталъ готовиться къ защитѣ Россіи отъ грядущей опасности, въ сущности говоря воображаемой. Какъ бы то ни было, изъ изложеннаго ясно, какое видное мѣсто занимаетъ польскій вопросъ въ ряду причинъ войны 1812 года.

Другіе вопросы, за исключеніемъ континентальной системы, имѣли второстепенное значеніе. Напримѣръ, занятіе Ольденбургскаго герцогства Франціей еще не осуществилось, когда, подъ вліяніемъ неудачи переговоровъ о Польшѣ, Александръ I уже началъ приготовленія къ борьбѣ съ Наполеономъ. Придавать поэтому Ольденбургскому вопросу важное значеніе въ дѣлѣ разрыва Россіи съ Франціей никакъ нельзя. Наполеонъ былъ совершенно правъ, предполагая, что само русское правительство только для виду придаетъ этому дѣлу такое большое значеніе. Въ разговорѣ своемъ съ русскимъ посломъ кн. Куракинымъ 15 августа 1811 года онъ ему сказалъ: „я не на столько глупъ, чтобы повѣрить, что васъ такъ занимаетъ Ольденбургъ. Я вижу ясно, что дѣло тутъ въ Польшѣ. Вы приписываете мнѣ различные проекты въ пользу Польши; я начинаю вѣрить, что вы сами собираетесь завладѣть ею".

Точно также второстепенное значеніе слѣдуетъ приписать раздраженію, вызванному ходомъ переговоровъ о сватовствѣ Наполеона къ великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ, впослѣдствіи королевѣ голландской. Этотъ вопросъ былъ поднятъ Наполеономъ еще осенью 1909 года сначала въ видѣ совершенно частнаго вопроса, обращеннаго посломъ Коленкуромъ къ имп. Александру. Затѣмъ, когда послѣдній съ своей стороны выказалъ, хотя и неискренно [1]), удоволь-

[1]) Въ письмѣ къ сестрѣ Екатеринѣ Павловнѣ отъ 23 дек. 1909 года имп. Александръ пишетъ: „Napoleon ce divorce et jette les yeux sur Anne." J'ai dit à ma mère qu'elle restait comme de raison la seule en

ствіе видѣть дружбу съ Наполеономъ закрѣпленною родственными узами и только оговорился, что рѣшеніе такого вопроса всецѣло находится въ рукахъ императрицы матери, посолъ по порученію Наполеона обратился къ Александру съ просьбой склонить императрицу Марію Ѳеодоровну дать согласіе на бракъ великой княжны съ Наполеономъ. Александръ взялъ на себя эту миссію и съ недѣли на недѣлю откладывалъ окончательный отвѣтъ императрицы матери, обнадеживая Коленкура, что вотъ-вотъ утвердительный отвѣтъ уже готовъ сорваться съ устъ ея. Коленкуръ вѣрилъ императору Александру и въ свою очередь обнадеживалъ Наполеона и въ своихъ донесеніяхъ отъ 15 и 21 января н. с. писалъ, что отвѣтъ будетъ данъ 4-го (16) февраля, и выражалъ увѣренность, что онъ будетъ положительнымъ. Но Наполеонъ, прочитавъ внимательно эти донесенія, увидѣлъ, что отвѣтъ будетъ отрицательный и быстро повернулъ фронтъ, обратившись со своимъ сватовствомъ къ Австріи. Въ одни сутки онъ получилъ отъ австрійскаго посла Шварценберга согласіе и увѣдомилъ Александра о счастливомъ событіи. Когда пришло донесеніе Коленкура отъ 4/16 февраля, въ которомъ онъ сообщалъ объ отказѣ Маріи Ѳеодоровны, бракъ съ австрійской герцогиней Маріей Луизой былъ окончательно налаженъ. Донесеніе Коленкура и письмо Наполеона Александру встрѣтились въ дорогѣ; но изъ сображенія времени видно было, что Наполеонъ посватался къ Маріи Луизѣ раньше, чѣмъ получилъ отказъ въ рукѣ вел. кн. Анны Павловны. Этотъ случай совпалъ съ переговорами о Польшѣ и прибавилъ новую каплю къ тому раздра-

droit de disposer de ma soeur et que je ferai la dessus ce qu'elle voudra. Mon opinion est celle-ci, que, vu tous ces embarras, tracasseries, mauvaise volonté et haine qu'on porte à l'individu, il y a moins d'inconvénients à décliner qu'a accepter de mauvaise grace". Gr. Duc Nicolas Mikhailovitch. Correspondance de l'Empreur Alexandre. I, p. 27.

женію, которое уже вызывалось послѣдними. Бо́льшаго значенія этому случаю придавать нельзя.

Начавъ думать о подготовкѣ борьбы съ Наполеономъ, Александръ остановилъ свое вниманіе на двухъ пунктахъ, на Польшѣ и на Австріи, полагая въ нихъ найти средства для борьбы. Въ этомъ раздуміи онъ невольно обращался къ мысли о томъ, нельзя ли воспользоваться въ Польшѣ тѣми элементами, которые склонялись въ пользу Россіи, и привлечь Польшу на свою сторону. Что такіе элементы были, это было обнаружено во время движенія нашего корпуса черезъ польскія земли во время австрійской войны. Теперь Александру вспомнились его юношескія мечты относительно возстановленія Польши и казалось, что, можетъ быть, эти мечты заключали въ себѣ частицу истины, при помощи которой можно было бы, обѣщая возстановить Польшу, сдѣлать ее орудіемъ противъ Наполеона. Въ этихъ мысляхъ онъ рѣшилъ въ мартѣ 1910 года переговорить съ Адамомъ Чарторыйскимъ, своимъ другомъ юности, человѣкомъ, съ которымъ онъ когда то дѣлился своими мечтами объ освобожденіи поляковъ и о преобразованіи русскаго государства. Онъ сдѣлалъ это тайкомъ отъ своего канцлера Румянцева, зная хорошо, что онъ не найдетъ въ немъ поддержки и одобренія своей затеѣ. По порученію Александра Чарторыйскій составилъ докладъ о польскомъ вопросѣ, и они вмѣстѣ обсуждали его. Предполагалось возстановить Польское королевство и поставить его въ неразрывную связь съ Россійской Имперіей въ лицѣ государя. Для изслѣдованія почвы и распространенія идеи соединенія съ Россіей были посланы въ Варшавское герцогство агенты. Одновременно съ этимъ начата была подготовка арміи на западной границѣ, и эта подготовка совершалась подъ покровомъ густой сѣти казаковъ, поставленныхъ на границѣ подъ предлогомъ

наблюденія за контрабандой, развившейся подъ вліяніемъ континентальной системы. Основа плана была такова: воспользоваться тѣмъ, что силы Наполеона заняты въ Испаніи и открыть нападеніе на Германію, соединившись съ войсками Варшавскаго герцогства. Предполагалось при этомъ присоедининеніе Пруссіи и возстаніе въ Германіи. Планъ представлялся тѣмъ болѣе осуществимымъ, что въ Германіи въ это время было только три дивизіи французскихъ войскъ подъ начальствомъ Даву, тогда какъ Россія успѣла собрать 240 тыс. человѣкъ.

Всѣ эти приготовленія, хотя и дѣлались въ глубокой тайнѣ, стали отчасти извѣстными. Русскіе агенты въ герцогствѣ сталкивались съ агентами французскими, и, такимъ образомъ, они другъ друга обнаруживали и доносили своимъ правительствамъ о сдѣланныхъ открытіяхъ. Французскій агентъ Тіаръ, напр., доносилъ довольно подробно о планѣ русскихъ присоединить Польшу, возстановивъ всѣ ея старыя учрежденія и привилегіи. То же дѣлали и русскіе агенты, донося о происках фвнцузовъ. Эти донесенія только усиливали взаимную подозрительность и вражду союзниковъ. Въ концѣ 1810 года до Наполеона стали доходить темные слухи и о военныхъ приготовленіяхъ Россіи. Услышавъ шумъ отъ передвигающагося войска и отъ стука работъ по сооруженію крѣпостей, онъ сталъ прислушиваться къ этимъ звукамъ и всматриваться въ туманную даль, и къ удивленію своему узналъ, что русская армія уже готова, что она придвинута къ границѣ герцогства Варшавскаго, тогда какъ у него ничего тамъ нѣтъ, и всѣ военныя приготовленія ограничивались укрѣпленіемъ Праги и доставкой въ Варшавское герцогство нѣсколькихъ тысячъ ружей. Онъ встрепенулся, и съ начала 1811 г. перенесъ центръ тяжести своей дѣятельности въ Германію и сталъ лихорадочно приготовлять тамъ военныя силы.

Но Россія отказалась отъ своего плана наступленія. Отказалась потому, что выяснилась слабость надежды на отпаденіе поляковъ отъ Наполеона, чего, впрочемъ, и надо было ожидать.

Другимъ объектомъ русской политики была Австрія. Можно было надѣяться на то, что эта держава, разгромленная Наполеономъ, видѣвшая благосклонное къ себѣ отношеніе Россіи, легко примкнетъ къ ней въ политикѣ противъ Франціи. Къ этой надеждѣ располагало и то, что въ Австріи было двѣ политики: оффиціальная, показная, дружественная Франціи, и не оффиціальная и скрытая, сильно ей враждебная. Положеніе французскаго посла въ вѣнскомъ обществѣ было совершенно такое же, какъ Коленкура въ Петербургѣ. Онъ былъ прекрасно принятъ при дворѣ и упорно бойкотируемъ въ аристократическомъ обществѣ, смотрѣвшемъ на него, какъ на представителя враговъ престоловъ и алтарей, посла Наполеона—исчадія революціи. Это настроеніе вѣнскаго общества было хорошо извѣстно въ Петербургѣ отчасти черезъ тѣхъ русскихъ аристократовъ, которые постоянно проживали въ Вѣнѣ. Тамошняя русская колонія была довольно многочисленна и вліятельна. Во главѣ ея стоялъ графъ Андрей Разумовскій, прозванный за свое вліяніе въ Вѣнѣ королемъ этого города. Другимъ центромъ былъ салонъ княгини Багратіонъ. Эти салоны были очагами вражды противъ Франціи, несмотря на то, что она состояла въ союзныхъ отношеніяхъ съ Россіей. Для тайныхъ переговоровъ съ австрійскимъ правительствомъ и подготовки почвы для союза съ Россіей туда былъ посланъ Алопеусъ, подъ видомъ посланника ко двору Неаполитанскаго короля, случайно задержавшагося въ Вѣнѣ. Посольство это было неудачно. Алопеусъ былъ недостаточно остороженъ, чтобы скрыть свою игру, а княгиня Багратіонъ ее окончательно испортила скандаломъ, ею устроеннымъ. По ея ини-

ціативѣ было устроено нападеніе въ окрестностяхъ Вѣны на возвращавшееся изъ Парижа персидское посольство, причемъ захваченъ былъ переводчикъ, котораго уговорили похитить документы и съ ними отправили его въ русскую армію. Дѣло это не имѣло важныхъ послѣдствій; но оно вызвало скандалъ, давшій поводъ Наполеону оффиціально жаловаться русскому правительству и на Алопеуса, и на русскую колонію въ Вѣнѣ. Алопеусъ былъ отозванъ, и даны были болѣе или менѣе удовлетворительныя объясненія. Но переговоры поручено было вести послу Шувалову. Онъ почти уже заключилъ конвенцію съ Австріей, по которой Россія обѣщала ей уступку Дунайскихъ Княжествъ, а взамѣнъ того Австрія должна была ей уступить остававшуюся у нея часть Галиціи съ Краковымъ. Этотъ обмѣнъ становится понятнымъ, если вспомнимъ планъ Александра о возстановленіи Польши. Онъ отказывался отъ традиціоннаго стремленія Россіи къ Балканскому полуострову и къ Константинополю изъ-за мечты возстановить Польшу и присоединить ее къ Россіи. Когда это дѣло было почти готово, возвратился изъ Парижа графъ Меттернихъ, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, обязанности котораго временно исполнялъ его отецъ, князь Меттернихъ. Сынъ прервалъ работу своего отца и убѣдилъ императора отказаться отъ мысли заключенія конвенціи, а русскому послу онъ объяснилъ, что австро-русская дружба такъ сильна, что въ конвенціи нѣтъ надобности. Меттернихъ настойчиво уклонялся вести дѣловые разговоры съ Шуваловымъ, но энергично посѣщалъ салонъ княгини Багратіонъ и тутъ старался убѣдить русскихъ въ томъ, что Наполеонъ только ждетъ окончанія испанскихъ дѣлъ. чтобы напасть на Россію. Это, конечно, передавалось въ Петербургъ и придавало силу всѣмъ тѣмъ внушеніямъ и впечатлѣніямъ, которыя окружали императора Александра и толкали его на

войну съ Наполеономъ, увѣряя въ ея неизбѣжности. Меттернихъ старался о разрывѣ Александра съ Наполеономъ и болѣе всего боялся какого-либо соглашенія между ними. Онъ не скрывалъ своихъ опасеній насчетъ возможнаго соглашенія между Франціей и Россіей въ ущербъ Австріи и Пруссіи. Жозефъ де-Местръ писалъ, что послѣдствіемъ громадныхъ военныхъ приготовленій можетъ быть миръ, „потому что оба государя только запугиваютъ другъ друга; но если подобное сближеніе состоится, то оно совершится при помощи новаго дьявольскаго соглашенія: съ одной стороны будетъ признанъ титулъ Западнаго императора со всѣми его послѣдствіями, а съ другой—кто же помѣшаетъ этимъ двумъ господамъ подѣлить между собою Европу?“ Къ стараніямъ Меттерниха предотвратить возможность примиренія Наполеона и Александра присоединялись усилія прусско-нѣмецкихъ патріотовъ и іезуитско-эмигрантской колоніи въ Петербургѣ. Они дружно сплотились вокругъ Александра, стремясь къ одной общей цѣли: низверженію ненавистнаго имъ Наполеона и возбужденію русскаго національнаго чувства противъ преобладанія Франціи. Въ этомъ же духѣ неусыпно дѣйствовала и императрица Марія Ѳеодоровна [1]).

Еще будучи въ Парижѣ и подмѣчая признаки возникающихъ неудовольствій между союзниками и принимая во вниманіе, что австрійскій бракъ облегчаетъ путь для политическаго сближенія Австріи съ Франціей въ ущербъ Россіи, Меттернихъ началъ переговоры съ Наполеономъ о жалкомъ положеніи Австріи. Онъ былъ подвинутъ къ нимъ отчасти разговоромъ съ Наполеономъ по поводу побѣды русскихъ подъ Силистріей (22 мая 1910 г.). Извѣстіе объ ней и о томъ, что предпринимается осада Шумлы,

[1]) Шильдеръ. Императоръ Александръ I. т. III. стр. 22.

онъ получилъ раньше всѣхъ и, зная, какъ Наполеонъ интересуется ходомъ операцій русскихъ на Балканскомъ полуостровѣ, поспѣшилъ къ нему съ полученнымъ извѣстіемъ. Оказалось, что Наполеонъ еще ничего не зналъ. Выслушавъ сообщеніе Меттерниха, онъ обратился къ картѣ и, переставивъ булавки, обозначавшія положеніе русской и турецкой армій, съ нескрываемымъ удовольствіемъ воскликнулъ: „да, это несомнѣнный успѣхъ русскихъ, и скоро наступитъ миръ! Турки проиграли кампанію. Они должны заключить миръ, который закончитъ войну, тяжелую для русскихъ“. Потомъ. подумавъ немного, онъ сказалъ: „теперь возможенъ союзъ Франціи съ Австріей. Наши интересы одинаковы“. Потомъ повторилъ нѣсколько разъ: „да, вотъ настоящій союзъ между нами, союзъ, основанный на общности интересовъ, единственно прочный“. Эти фразы, говоритъ Виндаль въ его исторіи отношеній Наполеона и Александра послѣ Тильзита, показываютъ, что въ это время (въ іюнѣ 1910 года) Наполеонъ былъ далекъ отъ настроенія Тильзита и даже Эрфурта. Австрійское правительство, освѣдомленное о треніяхъ, происходившихъ между Россіей и Франціей, сочло своевременнымъ воздѣйствіе на Наполеона въ направленіи, враждебномъ интересамъ Россіи, и поручило Шварценбергу начать переговоры съ нимъ объ уступкѣ Австріи западной части Валахіи, если нельзя больше, и обѣщало съ своей стороны содѣйствовать настояніямъ Наполеона предъ Россіей въ означенномъ смыслѣ военной демонстраціей на русской границѣ. Раньше, чѣмъ начать оффиціально переговоры объ этомъ предметѣ, было поручено Меттерниху частнымъ образомъ поговорить съ Наполеономъ и развѣдать почву. Онъ воспользовался удобнымъ случаемъ и сталъ жаловаться Наполеону на жалкое положеніе Австріи: лишенная своихъ итальянскихъ владѣній, отодвинутая отъ Адріатическаго моря вѣнскимъ трак-

татомъ, она теперь успѣхами русскихъ запирается съ востока. Русское вліяніе на балканскихъ славянъ запираетъ ей туда дорогу. Въ заключеніе онъ спросилъ Наполеона, не окажетъ ли онъ содѣйствіе Австріи въ томъ, чтобы Россія уступила ей хотя бы западную часть Дунайскихъ княжествъ. Наполеонъ отвѣтилъ рѣшительно: „я принялъ обязательства, нарушить которыя у меня нѣтъ ни причины, ни повода. Эти обязательства тяжелы, я вижу въ нихъ ущербъ для Франціи; но вы знаете, кто меня привелъ къ нимъ въ свое время. Дѣйствовать теперь противъ этихъ обязательствъ—значило бы дать Россіи поводъ къ войнѣ, что не входитъ въ мои виды, и къ тому же лишить себя права на довѣріе къ какимъ бы то ни было моимъ обязательствамъ. Какую гарантію я могъ бы представить въ другомъ случаѣ вамъ самимъ, если я теперь нарушу совершенно ясное обязательство потому только, что обстоятельства измѣнились, а потому у меня меньше нужды обращаться осторожно съ державой, съ которой я ихъ заключилъ?“ Тѣмъ дѣло и кончилось; но Меттернихъ изъ этого разговора и изъ совокупности всего того, что онъ могъ замѣтить, вывелъ, что интересъ Австріи можетъ выиграть отъ ссоры между Россіей и Франціей, что въ этой ссорѣ она можетъ играть на два фронта, смотря по обстоятельствамъ, глядя по тому, съ кѣмъ будетъ выгоднѣе дѣйствовать за одно.

Наполеонъ, съ своей стороны, по мѣрѣ ухудшенія отношеній съ Россіей, чаще думалъ объ отношеніяхъ къ Австріи. Если ему казалось труднымъ придти къ союзу съ Австріей и заставить идти въ ногу побѣдителей и побѣжденныхъ подъ Эслингеномъ и подъ Ваграмомъ, то все же онъ считалъ возможнымъ достигнуть благопріятнаго нейтралитета Австріи. Объ этомъ шли переговоры, въ результатѣ коихъ были намѣчены главныя черты того, что желала предложить Франція. Она предлагала Австріи получить

обратно Истрію и Далмацію, а Австрія съ своей стороны должна была уступить Франціи оставшуюся у нея часть Галиціи, которую, конечно, Наполеонъ имѣлъ въ виду присоединить къ Варшавскому герцогству. Эти переговоры были причиной того, что Меттернихъ, вернувшись въ Вѣну, прервалъ начатые его отцомъ переговоры о конвенціи съ Россіей. Онъ не желалъ этими переговорами компрометтировать отношенія къ Франціи и предпочелъ имѣть свободныя руки. Это Австрія не рѣдко умѣла дѣлать, какъ это видно и изъ послѣдующихъ ея политическихъ отношеній, хотя бы во время освободительной войны Россіи въ семидесятыхъ годахъ.

Какъ бы то ни было, какъ въ переговорахъ австро-русскихъ, такъ и въ переговорахъ австро-французскихъ мы видимъ одинъ и тотъ же объектъ—Польшу. Оба союзника, на случай своего предвидимаго, хотя и не желаемаго столкновенія, ищутъ возможности привлечь на свою сторону одинъ и тотъ же народъ, приманивая его надеждою возрожденія его погибшаго отечества. Съ другой стороны мы видимъ, что и на австрійскомъ театрѣ дипломатическихъ дѣйствій Александръ началъ подготовку будущаго столкновенія раньше Наполеона; только послѣдній дѣйствовалъ на немъ нѣсколько успѣшнѣе, чѣмъ Александръ.

Теперь слѣдуетъ остановить наше вниманіе на другой крупной причинѣ столкновенія Франціи съ Россіей. Я говорю о континентальной системѣ. По Тильзитскому договору, Россія присоединилась къ бойкоту англійской торговли, но она не обязывалась прекращать торговлю съ такъ называемыми нейтральными державами, хотя по миланскому эдикту Наполеона и товары на нейтральныхъ судахъ тоже не должны были допускаться на континентъ Европы. Это распоряженіе было вызвано тѣмъ, что Англія постановле-

ніями королевскаго совѣта 1809 г. объявила, что ни одно нейтральное судно не можетъ плавать безъ патента отъ Англіи и при условіи, что извѣстная часть груза судна должна быть изъ англійскихъ товаровъ.

Въ глазахъ Наполеона устраненіе англійскихъ товаровъ съ континента Европы должно было имѣть слѣдствіемъ разрушеніе англійской промышленности и торговли, что должно было заставить Англію капитулировать предъ Франціей и согласиться на миръ. Не слѣдуетъ думать, однако, что эта идея была только личнымъ произведеніемъ ума Наполеона. Она была столь же традиціонна, какъ и его вражда къ Англіи. Идея бойкота англійской торговли. какъ политическаго средства, была испробована впервые Національнымъ Конвентомъ, который, въ свою очередь, въ этомъ дѣлѣ. какъ и во многихъ другихъ своихъ мѣропріятіяхъ, былъ подражателемъ Людовика XIV, который въ 1667 году тоже пытался совершенно устранить англійскіе товары съ французскаго рынка, хотя и съ другими цѣлями. Какъ бы то ни было, но въ рукахъ Наполеона эта идея приняла гораздо болѣе грандіозные размѣры съ одной стороны въ силу его личности, а съ другой—въ силу огромнаго размѣра тѣхъ средствъ, которыя были въ его распоряженіи, и значительности той арены, на которой ему приходилось дѣйствовать.

Но по существу дѣла континентальная система была химерой. Она исходила изъ того взгляда, что торговля представляетъ собою процессъ односторонній, выгодный только при этомъ для страны вывозящей товаръ и убыточный для страны ввозящей его. Это заблужденіе было довольно распространеннымъ въ то время и сохранилось отчасти и до нашихъ дней, являясь наслѣдіемъ меркантильной системы. Наполеонъ былъ невѣждой въ экономическихъ вопросахъ и потому думалъ, что экономическіе интересы

могутъ подчиняться такъ же легко командѣ, какъ ей подчиняются полки. Даже можно сказать, что въ военныхъ вопросахъ, именно вслѣдствіе глубокаго знанія военнаго дѣла, онъ былъ гораздо болѣе остороженъ и внимателенъ къ подробностямъ дѣла, чѣмъ въ вопросахъ экономическихъ.

Такъ какъ, напротивъ, торговля представляетъ собою процессъ двусторонній, то интересы населенія европейскаго континента тоже страдали отъ прекращенія торговыхъ сношеній съ Англіей. Запрещеные товары поэтому шли по побережью Сѣвернаго и Балтійскаго морей путемъ контрабанды, которая развивалась въ громадныхъ размѣрахъ и получила въ глазахъ населенія характеръ національнаго дѣла. Наполеонъ идетъ на борьбу со всѣмъ, что перечитъ его мысли о бойкотѣ англійской торговли.

Испанія и Португалія продолжаютъ торговлю съ Англіей,—онъ лишаетъ ихъ самостоятельности; Австрія не прекращаетъ этой торговли и даже нападаетъ на самого Наполеона, — онъ отодвигаетъ ее отъ моря и присоединяетъ къ Франціи ея Адріатическое побережье. Братъ Наполеона Луи, его любимый братъ, сидя на голландскомъ престолѣ, не находитъ возможнымъ принести интересы Голландіи въ жертву интересамъ Франціи; но не желая въ то же время стать противъ своего брата, онъ отказывается отъ престола, и Голландія присоединяется къ Франціи. Затѣмъ въ теченіе 1810 и части 1811 годовъ идетъ цѣлый рядъ захватовъ вдоль береговъ Сѣвернаго моря и частью Балтійскаго. Земли около устья Везера и по заливу Ядъ захватываются, къ нимъ присоединяется часть земель Вестфальскаго королевства, и образуются такимъ образомъ новые французскіе департаменты. Тутъ же захватывается и Ольденбургское герцогство. Далѣе присоединяются къ Франціи владѣнія вольныхъ городовъ Гамбурга, Бремена и Любека. Съ образова-

ніемъ департамента Любека, съ портомъ Травемюнде, Наполеонъ дошелъ до Балтійскаго моря. Если принять во вниманіе, что въ Данцигѣ находился французскій гарнизонъ, то ясно станетъ, что Наполеонъ сталъ ногой на томъ морѣ, которое еще Петръ Великій стремился подчинить гегемоніи Россіи. Всѣ эти захваты, сдѣланные во имя полнаго осуществленія континентальной системы, вызывали наихудшія опасенія, а захватъ Ольденбургскаго герцогства особенно задѣвалъ семейные интересы императора Александра, въ силу родственныхъ отношеній съ герцогомъ Ольденбургскимъ. Александръ поэтому протестовалъ противъ этого акта Наполеона, признавая его нарушеніемъ Тильзитскаго договора; но Наполеонъ не придалъ значенія этому протесту и даже понялъ его, какъ вызовъ со стороны Россіи. Въ переговорахъ по этому вопросу онъ предлагалъ какой угодно эквивалентъ взамѣнъ сдѣланной аннексіи. Современники придавали ольденбургскому вопросу преувеличенное значеніе. На самомъ дѣлѣ, въ массѣ вопросовъ, вызванныхъ стремленіемъ обезпечить полное дѣйствіе континентальной системы, вопросъ этотъ занималъ ничтожное мѣсто и относительная острота его опредѣлялась семейными отношеніями русскаго двора.

Для русскаго государства континентальная система была тяжелымъ бременемъ, болѣе чувствительнымъ, чѣмъ для другихъ государствъ. Русскій вывозъ состоялъ почти исключительно изъ сырья, которое по своей громоздкости, сравнительно съ цѣнностью товара, не могло выносить сухопутной перевозки. Главнымъ рынкомъ для русскаго вывоза была Англія. Разъ море было закрыто и сношенія съ Англіей прекращены, русская торговля испытывала большія лишенія. Торговый оборотъ внѣшней торговли сократился за 1807—1811 г.г. съ 120 милл. р. до 83 милл., т. е. почти на треть. Это сокращеніе ложилось, главнымъ образомъ на

вывозъ предметовъ сельскаго хозяйства. Это уменьшало доходы русскихъ помѣщиковъ и, главнымъ образомъ, крупныхъ. Поэтому-то такъ сильно было недовольство именно въ этомъ классѣ на сближеніе съ Франціей и прекращеніе дружественныхъ отношеній къ Англіи. Сокращеніе вывоза создавало отливъ монеты на покрытіе того ввоза, который шелъ по сухопутной границѣ и состоялъ главнымъ образомъ изъ предметовъ роскоши, предметовъ цѣнныхъ. Вслѣдствіе отлива монеты, пришлось прибѣгнуть къ выпуску бумажныхъ денегъ, что влекло за собою обезцѣненіе денегъ и вздорожаніе товаровъ. Но послѣдніе дорожали и отъ того, что привозъ ихъ былъ затрудненъ. Вздорожаніе было громадно, особенно по части колоніальныхъ товаровъ. Сахаръ поднялся въ цѣнѣ съ 18—20 руб. за пудъ въ 1802 году до 115—120 руб. за пудъ въ 1811 году. Другіе товары тоже поднялись въ цѣнѣ. Это измѣненіе цѣнъ было особенно чувствительно всѣмъ тѣмъ, кто получалъ опредѣленный доходъ, какъ, напр., чиновники; еще тяжелѣе было тому классу, доходы котораго, въ силу тѣхъ же причинъ, подверглись сокращенію. Оно было тяжело и государству, которое всѣ свои потребности должно было оплачивать по высшей цѣнѣ. Понятно поэтому, что высшее русское общество было враждебно настроено противъ союза съ Франціей. Выше мы говорили, какую роль играло въ нерасположеніи высшаго русскаго общества къ новой Франціи вліяніе старой Франціи въ лицѣ эмигрантовъ и іезуитовъ. Вліяніе континентальной системы усиливало раздраженіе, созданное условіями, лежавшими въ области умственной культуры русскаго общества. Какъ ни было далеко это общество отъ прямого вліянія на государственную жизнь, оно все же оказывало свое вліяніе, такъ какъ высшія должности въ государствѣ и при дворѣ замѣщались изъ рядовъ крупнопомѣстнаго дворянства. Поэтому правительство, хотя и само-

державное и неограниченное, въ концѣ концовъ не могло оставаться внѣ этого вліянія и подчинялось ему. Переписка Александра I съ сестрою Екатериною Павловною служитъ тому неопровержимымъ доказательствомъ.

Въ послѣднее время было высказано мнѣніе, что континентальная система не была убыточна для Россіи, за исключеніемъ высшаго ея класса [1]) вслѣдствіе того, что по мнѣнію автора вся помѣстная Россія, не говоря уже о крестьянствѣ, не заинтересована была во внѣшней торговлѣ и въ повышеніи цѣнъ заграничныхъ товаровъ; отъ повышенія же цѣнъ хлѣбовъ, вслѣдствіе паденія цѣны денегъ, и повышенія въ зависимости отъ этого цѣнъ на предметы торговли она только выигрывала. Мнѣ кажется, что такое мнѣніе требуетъ большихъ оговорокъ.

Сокращеніе вывоза и вздорожаніе предметовъ потребленія било по доходу помѣщиковъ и служилаго класса. Это вѣрно. Но нельзя допустить, чтобы этимъ вліяніе этого экономическаго явленія оканчивалось. Теряя извѣстную часть дохода, помѣщики не могли не наверстывать эту потерю, требуя отъ крестьянъ большей части продуктовъ, чѣмъ прежде, иначе говоря, требуя отъ нихъ большаго количества труда въ свою пользу. Такимъ образомъ, съ этой стороны сокращеніе вывоза косвенно должно было отразиться на тяжести крестьянской барщины. Очень можетъ быть, что въ теченіе короткаго промежутка времени, въ теченіе котораго дѣйствовала у насъ континентальная система, этотъ процесъ не успѣлъ еще въ полной степени отразиться въ жизни крестьянства, но теоретически отрицать это вліяніе сокращенія вывоза и вздорожанія предметовъ ввоза, а также и предметовъ внутренняго производства (въ силу паденія цѣны денегъ) едва ли возможно.

[1]) Отечественная Война. Изд. Сытина. Статья Военскаго: Континетальная система, между прочимъ, стр. 230 и 231.

Далѣе, государство должно было за всѣ предметы своего хозяйства платить дороже. Оно могло покрывать этотъ излишній расходъ только за счетъ населенія путемъ увеличенія налоговъ.

Само собою разумѣется, что это увеличеніе не могло пройти мимо и среднихъ помѣщиковъ и крестьянъ. Такимъ образомъ, и съ этой стороны едвали можно отрицать увеличеніе тяжести жизни, какъ послѣдствіе континентальной системы. Такъ какъ въ Россіи съ дѣломъ вывоза продуктовъ связана была судьба купеческаго класса, то, естественно, сокращеніе вывоза сильно нарушало интересы этого послѣдняго, какъ и интересы нѣкоторыхъ фабрикъ, какъ, напримѣръ, паруснаго полотна, работавшихъ на вывозъ. Поэтому мнѣ кажется нельзя утверждать, что континентальная система была безразлична для населенія Россіи. Но если даже и допустить, что она сейчасъ задѣла только интересы крупнаго дворянства и интересы купечества и финансы государства, и еще не успѣла оказать своего вреднаго дѣйствія на все населеніе, то и этого было достаточно, чтобы возбудить неудовольствіе въ тѣхъ классахъ народа, которыхъ голосъ могъ доходить до правительства и оказывать на него вліяніе. Вѣдь въ концѣ концовъ на ходъ государственной жизни оказываютъ вліяніе сознанные интересы и тѣ части населенія, которыя доросли до сознанія своихъ интересовъ и тѣхъ путей, которыми слѣдуетъ идти для ихъ удовлетворенія. Такіе классы въ Россіи были на лицо, и господствующимъ изъ нихъ было крупное помѣстное дворянство и купечество, ведшее оптовую вывозную торговлю. Неудовольствіе этихъ классовъ росло по мѣрѣ роста убытковъ, и подъ вліяніемъ его, а также и ослабленія французской дружбы и въ силу интересовъ финансовыхъ, въ строгости примѣненія континентальной системы дѣлаются послабленія, и англійскіе товары проникаютъ подъ видомъ нейтральныхъ. Въ

1810 году проникновеніе ихъ было настолько значительно что черезъ Россію они проходили въ Германію. На лейпцигскую ярмарку привезено было изъ Россіи на семи стахъ подводахъ колоніальныхъ товаровъ.

Наполеонъ жаловался на допущеніе въ русскіе порты такъ называемыхъ нейтральныхъ судовъ, доказывалъ, что это вовсе не нейтральные суда а тѣже англійскіе, и требовалъ запрета выгрузки съ нихъ товаровъ; но это ни къ чему не вело. Мало того, въ интересахъ задержки денегъ въ странѣ 31 декабря 1810 года былъ опубликованъ новый тарифъ, который сильно поднималъ пошлины на предметы сухопутнаго ввоза, хотя и оставлялъ въ прежнемъ видѣ пошлины на товары, ввозимые моремъ. Этотъ тарифъ наносилъ ударъ ввозу главнымъ образомъ французскихъ товаровъ. Ввозъ ихъ, достигшій послѣ 1807 г. до 1511 т. р., подъ вліяніемъ новаго тарифа сократился до 306 т. р.

Къ этому прибавлялось еще то, что контрабандные товары, приходившіе сухопутьемъ, подвергались сожженію, тогда какъ это варварское распоряженіе не распространялось на морскую контрабанду. Тамъ дѣло ограничивалось только конфискаціей товара. Понятно, какое негодованіе вызвалъ во Франціи и въ Наполеонѣ новый тарифъ. Въ разговорѣ съ флигель-адъютантомъ Чернышевымъ, присланнымъ къ нему съ спеціальнымъ порученіемъ, онъ высказалъ свое неудовольствіе и сообщилъ ему, что онъ тоже сдѣлалъ распоряженіе по портамъ, отъ него зависящимъ, чтобы сжигались тамъ лѣсъ, пенька, желѣзо (sic) словомъ все, что приходитъ изъ Россіи. Вотъ такъ милые союзники воскликнулъ онъ, вотъ такъ поучительная дружба! Надо замѣтить, что протестъ Наполеона противъ новаго тарифа былъ столь же основателенъ, какъ и протестъ Россіи по поводу захвата Ольденбургскаго герцогства. По Тильзитскому миру было выговорено, что до заключенія между Россіей и Фран-

ціей новаго торговаго договора таможенныя ставки остаются прежними. Слѣдуетъ еще прибавить, что изданіе новаго тарифа, нарушавшаго 27 статью Тильзитскаго договора, произошло раньше захвата Ольденбургскаго герцогства. Если въ агрессивныхъ замыслахъ противъ Наполеона за Александромъ было первенство, то таковое же было за Россіей и въ нарушеніи Тильзитскаго договора.

Само собою разумѣется, что пререканія по поводу континентальной системы и такъ называемой нейтральной торговли, а затѣмъ по поводу новаго тарифа только усиливали раздраженіе съ обѣихъ сторонъ и вели ихъ не къ миру, а къ ссорѣ. Но въ данномъ дѣлѣ важно было то, что разница, созданная Россіей въ трактованіи французскихъ и англійскихъ (нейтральныхъ), товаровъ привела Наполеона къ убѣжденію, что Россія вошла въ соглашеніе съ Англіей и потому отдаляется отъ Франціи. На самомъ дѣлѣ этого не было, но убѣжденія въ существованіи такого соглашенія было совершенно достаточно, чтобы Наполеонъ видѣлъ въ этомъ призракѣ союза Россіи съ Англіей неизбѣжность близкой войны. Итакъ, два призрака подвигали союзниковъ къ столкновенію: намѣреніе возстановить Польшу, предполагаемое въ Напалеонѣ, и соглашеніе съ Англіей противъ Франціи, предполагаемое въ Александрѣ.

Съ точки зрѣнія Наполеона ключемъ его политики было отношеніе Франціи къ Англіи. Конитинентальная система была однимъ изъ главныхъ средствъ борьбы съ послѣднею. Разъ съ выходомъ изъ этой системы Россіи рушится эта система, Англія выходитъ побѣдительницей изъ борьбы. Значитъ, надо бороться съ Англіей черезъ Россію. Въ теченіе года слишкомъ идутъ приготовленія къ войнѣ, которой оба противника не желали, и которую оба по соображеніямъ, не имѣвшимъ оправданія въ дѣйствительности, признавали неизбѣжною. Когда двѣ арміи стали другъ противъ друга, вой-

на стала неизбѣжною. Опытъ показываетъ, что въ такихъ случаяхъ и посредническія услуги другихъ державъ не приводятъ къ устраненію войны. Для сошедшихся армій одинъ исходъ: подраться. А тутъ и посредника то никакого не было, такъ какъ кромѣ Наполеона и Александра никого и не было.

Какъ Наполеонъ смотрѣлъ на предстоящую войну, видно изъ письма его къ королю Виртембергскому отъ 21 марта (2 апрѣля) 1811 года: „Война разыграется вопреки мнѣ, вопреки Императору Александру, вопреки интересамъ Франціи и Россіи. Я уже не разъ былъ свидѣтелемъ этому, и личный опытъ, вынесенный изъ прошлаго, открываетъ мнѣ эту будущность. Все это уподобляется оперной сценѣ, и, англичане стоятъ за машинами. Но если я не желаю войны и если я далекъ отъ того, чтобы быть Донъ-Кихотомъ Польши, то по крайней мѣрѣ я имѣю право требовать, чтобы Россія оставалась вѣрною союзу [1]). Послѣднее не вѣрно. Своими захватами 1010 года и 1811 онъ лишилъ себя права настаивать на незыблемости Тильзитскаго договора, также какъ и Россія своимъ тарифомъ декабря 1910 года. Не желая войны, Наполеонъ слишкомъ много сдѣлалъ для того, чтобы она стала неизбѣжной. Онъ высоко цѣнилъ значеніе союза съ Россіей и въ то же время не могъ себя заставить быть болѣе уступчивымъ и внимательнымъ къ ея интересамъ. Нельзя не согласиться съ Вандалемъ, который ставитъ въ упрекъ Наполеону, что онъ не съумѣлъ сдѣлать такія уступки Россіи, которыя удержали бы ее въ союзѣ [2]).

[1]) Шильдеръ.—Императоръ Александръ I. т. III. стр. 24.

[2]) Ту же мысль высказываетъ одинъ изъ французовъ современниковъ и участниковъ похода въ Россію. Онъ говоритъ, что можетъ быть лучше было бы, еслибы Наполеонъ предоставилъ Россіи вести контрабандную торговлю колоніальными товарами съ Англіей и смотрѣлъ на это сквозь пальцы. Онъ тогда скорѣе справился бы съ Англіей. (Французы въ Россіи. т. II. стр. 106).

Императоръ Александръ тоже не желалъ войны и если онъ призналъ ее неизбѣжною, то потому, что, какъ мы знаемъ, былъ убѣжденъ въ томъ, что Наполеонъ подготовляетъ возстановленіе Польши и, слѣдовательно, захватъ бывшихъ польскихъ земель, принадлежащихъ Россіи. Въ виду этой воображаемой опасности онъ раньше Наполеона приготовился къ борьбѣ и даже готовъ былъ на наступательныя дѣйствія. Нельзя не видѣть, что, готовясь къ этой войнѣ, онъ не столько думалъ объ интересахъ Россіи, сколько о роли освободителя Европы отъ ига Наполеона. Все сговорилось вокругъ него, чтобы поддерживать его въ этомъ настроеніи. Европейскіе дипломаты привыкли со смерти Екатерины II смотрѣлъ на Россію, какъ на орудіе своихъ своекорыстныхъ цѣлей и дѣйствовали въ этомъ смыслѣ на Александра. Поэтому въ его воображеніи предстоящая война рисовалась, какъ послѣдняя борьба независимости противъ угнетенія. Въ письмѣ къ генер. Сухтелену Александръ писалъ 24 марта 1812 г.: „война, которая начинается, будетъ войною за независимость народовъ“ [1]). Даже изъ Франціи онъ получалъ внушенія въ пользу борьбы съ Наполеономъ. Тотъ самый Талейранъ, который въ Эрфуртѣ своими внушеніями поддерживалъ упорство Александра въ пользу Австріи, теперь уже совершенно измѣнически черезъ совѣтника русскаго посольства во Франціи Нессельроде давалъ въ августѣ 1811 года свои наставленія Александру: „сдѣлать себя сильнымъ, возможно болѣе сильнымъ, избѣгая однако дѣлать преждевременную концентрацію силъ; заключить миръ съ Турціей во что бы то ни стало, послать въ Парижъ человѣка сильнаго и снабженнаго неограниченными полномочіями, дабы путемъ переговоровъ выйти изъ

[1]) Вел. кн. Николай Михайловичъ. Императоръ Александръ I, стр. 110.

этого напряженнаго состоянія, которое выгодно только для Франціи“ [1]). Еслибы императоръ Александръ поставилъ себѣ вопросъ, какъ непремѣнно его поставила бы его знаменитая бабка: какую выгоду можетъ извлечь Россія изъ войны съ Франціей, онъ не могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ.

Та же неясность цѣли войны была и со стороны Наполеона. Онъ хотѣлъ черезъ Россію побѣдить Англію. Но въ этомъ предпріятіи его было страшно много риска. Выиграть Франція могла очень мало, а потерять, въ случаѣ неудачи, очень много, страшно много. Къ тому же въ этомъ предпріятіи не было того точнаго соображенія средствъ съ поставленною цѣлью, что было обыкновенно въ другихъ предпріятіяхъ Наполеона. Избалованный судьбою, онъ слишкомъ много мѣста предоставлялъ счастью и не ясно видѣлъ то, къ чему надо стремиться. Анонимный авторъ сочиненія „Les Monologues de Napoléon“ довольно удачно изображаетъ эту туманность плана предпріятія и его конечной цѣли. Онъ представляетъ себѣ Наполеона стоящимъ на лошади верхомъ на берегу Нѣмана. Онъ смотритъ на волны движущейся по нѣсколькимъ мостамъ арміи и говоритъ себѣ: „мои планы?—Пусть вѣрятъ друзья и недруги, что у меня и на этотъ разъ есть таковой, какъ бывало въ другія кампаніи. Истина въ томъ, что сегодня я отдаюсь богинѣ съ завязанными глазами, совсѣмъ не вѣдая, куда она меня приведетъ. Я направлялъ въ Москву и въ Азію, не больше. Вотъ весь мой планъ. Въ самомъ дѣлѣ, этого мало. Я не знаю, какое сопротивленіе я встрѣчу и до какихъ поръ дойду. Это опасно, и я отдаю случаю слишкомъ много мѣста. Я это знаю. Зачѣмъ же я здѣсь? Эта колоссальная экспедиція,

[1]) Шильдеръ. Императоръ Александръ I. т. III. стр. 25.

была ли она фатальна, неизбѣжна? Нисколько. Могъ ли я избѣжать ея? Да. Не было ли у меня иной возможности употребить мои силы и время? Еще разъ да. Такъ зачѣмъ же? Вѣроятно затѣмъ, чтобы вызвать къ жизни грандіозную картину, которая теперь разворачивается передо мною на Нѣманѣ, и чтобы записать ее на скрижаляхъ Исторіи... Къ дѣлу! На русскихъ! Прежде всего надо ихъ покорить. Имѣю ли я дѣло только съ Государемъ, или съ Дворомъ, или со всѣмъ народомъ? Я ничего не знаю. Какъ бы то ни было, возвращаться назадъ нельзя. Впередъ! въ неизвѣстность".

Въ теченіе всего 1811 года идутъ переговоры, въ которыхъ противники обращаются другъ къ другу съ фальшивою улыбкой на устахъ; но для обоихъ не составляетъ тайны приготовленіе къ войнѣ. Наконецъ 27 апрѣля 1812 года русскій посолъ въ Парижѣ, князь Куракинъ, представилъ Наполеону ультиматумъ. Условія этого дипломатическаго акта само русское правительство считало настолько мало пріемлемыми, что вмѣстѣ съ отсылкою ультиматума императоръ Александръ выѣхалъ въ Вильно къ арміи. Россія требовала очищенія побережья Балтійскаго моря, чтобы Наполеонъ вывелъ войска изъ Пруссіи, возстановилъ Ольденбургское герцогство и согласился на торговлю Россіи съ нейтральными государствами. За эти уступки обѣщалось въ ультиматумѣ вступить въ переговоры о вознагражденіи за Ольденбургъ и объ измѣненіи русскихъ тарифовъ, прилагаемыхъ къ французскимъ товарамъ.

Незадолго до предъявленія ультиматума у полковника Чернышева, присланнаго въ Парижъ для переговоровъ съ Наполеономъ, сдѣланъ былъ обыскъ, обнаружившій, что онъ пріобрѣлъ важные документы, подкупивъ одного изъ чиновниковъ военнаго министерства. Этотъ чиновникъ былъ судимъ и казненъ. Нечего и говорить, что послѣ этого и

въ виду требованій ультиматума аудіенція кн. Куракина была изъ самыхъ бурныхъ. „Вы дворянинъ, кричалъ Наполеонъ, какъ вы смѣете дѣлать мнѣ подобныя предложенія. Вы поступаете, какъ Пруссія передъ Іеной“. Такъ кончился русско-французскій союзъ и этапъ за этапомъ, съ Эльбы на Одеръ, съ Одера на Вислу подходила громадная французская армія, пока не подошла къ Нѣману и не сошлась наконецъ съ русской. 11 іюня с.с. началась переправа французскихъ войскъ и вторженіе ихъ въ предѣлы Россіи.

II.

Начало войны.

Наканунѣ войны Александръ I боялся больше всего того, чтобы не оказаться въ положеніи нападающей стороны. Въ своихъ разговорахъ съ австрійскимъ агентомъ графомъ Сенъ-Жюльеномъ и съ другими лицами онъ не разъ высказывался въ томъ смыслѣ, что онъ первый не нападетъ. „Не смотря на то, что на него сильно дѣйствуетъ партія, которая теперь преобладаетъ, пишетъ Сенъ-Жюльенъ графу Меттерниху въ своемъ донесеніи отъ 28 февраля (12 марта) 1811 года, Императоръ остается непоколебимымъ въ своемъ рѣшеніи не быть нападающимъ“. Трудно объяснить такое отношеніа къ дѣлу, тѣмъ болѣе, что въ 1810 году у него именно былъ планъ путемъ наступленія внести войну въ Варшавское герцогство и въ Германію, воспользовавшись отсутствіемъ тамъ войскъ Наполеона. Это настроеніе императора производило впечатлѣніе, что онъ и желаетъ войны и въ то же время очень ея боится. Тотъ же наблюдатель, который часто бесѣдовалъ съ Александромъ и могъ поэтому удобно слѣдить за его настроеніемъ, въ томъ же донесеніи пишетъ: „Императоръ Александръ одер-

жимъ боязнью войны настолько, что не можетъ скрыть ея; кажется, что онъ до сихъ поръ находится подъ впечатлѣніемъ того ужаса, который испытанъ былъ имъ послѣ дѣла подъ Фридландомъ, и этотъ ужасъ усиливается по мѣрѣ того, какъ доходятъ до него вѣсти объ усиливающихся приготовленіяхъ Франціи. Стыдъ униженія, который онъ испытываетъ предъ своими подданными, вслѣдствіе произвольнаго захвата герцогства Ольденбургскаго (Наполеономъ), страхъ, который вызванъ въ немъ угрожающими заявленіями внутри Имперіи, въ которыхъ его не щадили, заставили его принять рѣшеніе, которое, какъ онъ утѣшаетъ себя, можетъ и не привести къ войнѣ, грозныя послѣдствія которой постоянно стоятъ предъ его мысленнымъ взоромъ. Словомъ, этотъ Государь хотѣлъ бы въ одно время угодить и крику націи, желающей открытія моря, достоинству своей короны, подвинувшему его къ протесту, и тайному голосу, предсказывающему ему удары судьбы, предъ которыми онъ не чувствуетъ въ себѣ достаточно силы духа“ [1]). Изъ переписки Александра I видно, что онъ чувствовалъ наличность политическихъ интересовъ, которые создали союзъ съ Наполеономъ. Онъ говоритъ объ этомъ въ письмѣ къ своей матушкѣ изъ Эрфурта 25 августа 1808 года. Онъ заявляетъ, что огромная имперія Наполеона можетъ или постепенно, или быстро пойти къ упадку, и „было бы осторожнѣе подождать этого паденія и тогда только принять мѣры“. Но, рядомъ съ мотивами политическими для борьбы съ Наполеономъ, въ душѣ Александра перваго было нѣчто, что говорило объ личной ненависти, причину которой довольно трудно опредѣлить. Въ своихъ письмахъ къ сестрѣ вел. княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ отъ 7-го и 18 сентября

[1]) Вел. кн. Николай Михайловичъ. Александръ I. т. I. стр. 340 (въ приложеніяхъ).

1812 года онъ называетъ Наполеона „чудовищемъ“ (monstre), „адскимъ противникомъ“ (antagoniste infernal), въ которомъ „самое ужасное злодѣйство соединено въ выдающимся талантомъ“ (la plus horrible scélératesse joint le talent le plus éminent). Можетъ быть, намъ еще неизвѣстны всѣ документы, которые бы освѣтили эти личныя отношенія.

Какъ бы то ни было, нѣтъ ничего невѣрнаго въ показаніи графа Сенъ Жюльена, что Александръ I со страхомъ относился къ предстоящей борьбѣ и что онъ находился еще подъ впечатлѣніемъ чувствъ, пережитыхъ имъ послѣ Фридланда. Всѣ считали тогда Наполеона непобѣдимымъ, и шестнадцать лѣтъ побѣдоносныхъ войнъ легли основаніемъ для такого мнѣнія; они же создали увѣренныхъ въ себѣ солдатъ и храбрыхъ и опытныхъ генераловъ; поэтому неудивительно было-бы, если-бы Александръ I испытывалъ страхъ предъ приближавшимся столкновеніемъ; но у Александра была надежда на громадность пространства Россіи, и въ душѣ его было твердое рѣшеніе бороться до послѣдняго рессурса. Напрасно прусскій генералъ Гнейзенау писалъ въ 1811 году: „Отъ малодушной дряблости Александра я всего ожидаю. Послѣ перваго потерянаго сраженія онъ уступитъ всѣ земли по Двину и Днѣпръ, послѣ второго Петербургъ и Москву и удовольствуется Казанью и Астраханью“ [1]). Событія показали, что въ душѣ Александра было гораздо больше силы, чѣмъ предполагалъ Гнейзенау.

Надежда Александра на значеніе громадности пространства и мало населенности страны, какъ шансовъ противъ Наполеона, оказалась вѣрною. Съ самаго начала войны армія Наполеона начала таять; отъ Нѣмана до Двины она потеряла тысячъ полтораста человѣкъ, по большей части солдатъ изъ иноземныхъ контингентовъ. Кавалерія Мюрата

[1]) Шильдеръ. Импер. Александръ I. т. II. стр. 83.

уменьшилась съ 22 т. чел. до 14 т., корпусъ Нея съ 36 т. до 22 т. чел. Баварцы Евгенія, вслѣдствіе болѣзней, дезертирства и отсталыхъ, съ 27 т. до 13 т. чел. Даже молодая гвардія въ одной изъ своихъ дивизій потеряла 4000 человѣкъ изъ 7000 [1]). Но все же численный перевѣсъ силъ Наполеона былъ очевиденъ и заставлялъ отступать. Въ то же время императоръ Александръ убѣдился въ невозможности защищаться на избранной позиціи у Двины, въ Дрисскомъ лагерѣ, убѣдился и въ негодности этого самаго лагеря и пришелъ къ мысли о необходимости соединенія двухъ разрозненныхъ первой и второй армій.

Не видно было, какъ и гдѣ произойдетъ это соединеніе, а потому для окружающихъ императора была видна затруднительность положенія и то неудобство, которое вытекало изъ его присутствія въ арміи: онъ не командовалъ самъ, а между тѣмъ стѣснялъ главнокомандующаго. Но Александръ не хотѣлъ оставлять арміи и даже изготовилъ приказъ войскамъ, который онъ послалъ со своимъ флигель-адъютантомъ Чернышевымъ на редакцію Шишкову. Этотъ приказъ кончался словами: „я всегда буду съ вами и никогда не отлучусь“. Шишковъ отказался отъ такой редакціи и просилъ Чернышева доложить Государю, что нельзя давать такого обѣщанія, исполненіе котораго внѣ нашей воли. Въ то же время онъ переговорилъ съ Балашовымъ, чтобы вмѣстѣ убѣдить Александра оставить армію, такъ какъ этого требуетъ интересъ дѣла. Еще ранѣе того Шишковъ уже приготовилъ письмо къ Александру въ этомъ смыслѣ, но еще не зналъ, какъ передать его. Безъ согласія Аракчеева на такое письмо къ Императору нельзя бы обойтись. Когда Балашовъ и Шишковъ обратились къ нему съ

[1]) Лависъ и Рамбо. Исторія XIX в. т. II. стр. 163, ст. Рамбо, „Походъ въ Россію“.

этимъ дѣломъ и Шишковъ излагалъ ему, что благо отечества требуетъ удаленія Государя изъ арміи, Аракчеевъ воскликнулъ: „что мнѣ до отечества! Скажите мнѣ, не въ опасности ли Государь, оставаясь долѣе при арміи“? Послѣ утвердительнаго отвѣта онъ согласился подписать коллективное письмо къ Александру, гдѣ ему давался совѣтъ уѣхать изъ арміи, и съ вечера положилъ его на письменный столикъ государя. Александръ прочиталъ его утромъ и на другой день при докладѣ Аракчеева сказалъ ему: „я читалъ ваше посланіе“ (26 іюня). На другой день послѣ этого лаконическаго отвѣта онъ уѣхалъ по направленію въ Москву. Этотъ моментъ оставилъ глубокій слѣдъ въ душѣ Александра. Въ своемъ письмѣ къ сестрѣ Екатеринѣ Павловнѣ, которую онъ очень любилъ и съ которою говорилъ совершенно откровенно, онъ съ горечью вспоминаемъ объ этомъ событіи. „Послѣ того, какъ я принесъ свое самолюбіе въ жертву общей пользѣ, покинувъ армію, потому что считали, что я тамъ вреденъ, что я снимаю всю отвѣтственность съ генераловъ, что я самъ не внушаю никакого довѣрія войскамъ, что неудачи, будучи приписываемы мнѣ, будутъ болѣе тяжелы, чѣмъ тогда, если онѣ будутъ приписаны моимъ генераламъ. Судите сами, мой дорогой другъ, какъ мнѣ больно теперь слышать, что моя честь затронута, тогда какъ, покидая армію, я дѣлалъ только то, чего другіе желали, тогда какъ у меня не было другого желанія, какъ остаться съ нею“ [1])... Великая княгиня Екатерина Павловна въ своемъ письмѣ отъ 16 сентября затронула этотъ больной вопросъ и упрекнула брата въ томъ, что онъ не находится въ арміи и что этимъ обстоятельствомъ затрагивается его честь.

Оставивъ армію, Александръ не распорядился назначеніемъ одного главнокомандующаго на случай соединенія

[1]) Grand-Duc Nicolas Mikhailovitch. Correspondance de l'Empereur Alexandre I avec sa soeur. Стр. 88, письмо отъ 18 сент. 1812 г.

армій. Его упрекали, что онъ назначилъ командующимъ первою арміей Барклая де Толли. Отвѣчая на это обвиненіе, переданное ему сестрою, онъ говорилъ: „что можетъ человѣкъ сдѣлать большаго, какъ не то, чтобы слѣдовать своему лучшему убѣжденію. Это оно меня руководило, когда я назначилъ Барклая начальникомъ первой арміи, на основаніи той репутаціи, которую онъ создалъ себѣ въ прежнихъ войнахъ съ французами и шведами. То же убѣжденіе побуждало меня думать, что онъ выше Багратіона по своимъ познаніямъ... хотя я и имъ былъ не совсѣмъ доволенъ, все же я считалъ его менѣе плохимъ, чѣмъ другой (Багратіонъ) въ дѣлѣ стратегіи, о которой послѣдній не имѣетъ ни малѣйшаго понятія“. Но разъ Александръ не признавалъ за Багратіономъ познаній въ стратегіи, то тѣмъ менѣе можно было оставлять двоевластіе въ арміи, бывшее только вреднымъ для дѣла.

Уѣзжая изъ арміи, Александръ думалъ однако, что онъ издалека можетъ руководить ею помимо командующихъ. Со свойственнымъ ему недовѣріемъ къ людямъ, онъ стремился знать дѣло помимо донесеній командующихъ арміями и для этой цѣли предоставилъ писать себѣ непосредственно подчиненнымъ имъ генераламъ. Такъ, Ермоловъ былъ назначенъ начальникомъ штаба къ Барклаю, хотя и извѣстно было, что онъ относится къ послѣднему недоброжелательно. Ему предоставлено было писать Государю помимо Барклая. То же самое предоставлено было и графу Сенъ-При, назначенному начальникомъ штаба къ Багратіону. Багратіонъ говорилъ: „онъ переписывается съ Государемъ; когда я пишу, то и онъ пишетъ, только на французскомъ языкѣ“. Багратіонъ не довѣрялъ этому французу, и выходило такъ, что Сенъ-При наблюдалъ за Багратіономъ, а послѣдній учредилъ надзоръ за нимъ. Когда Александръ, вопреки своей волѣ, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія назна-

чилъ главнокомандующимъ князя Кутузова, онъ, не довѣряя ему, приставилъ къ нему начальникомъ штаба Бенигсена, зная, что между Кутузовымъ и имъ отношенія отвратительны. Эта система имѣть своихъ соглядатаевъ при главнокомандующихъ, конечно, была вредна для дѣла.

Послѣ оставленія арміи Александръ I поѣхалъ въ Москву. 11 іюля онъ прибылъ туда и съ момента пріѣзда былъ, такъ сказать, охваченъ атмосферой напряженныхъ чувствъ патріотизма, энергіи, готовности на жертвы и любви и преданности вѣнценосному вождю русскаго народа. Купечество мигомъ собрало 10 милл. рублей на военныя надобности. Московскій городской голова, имѣя капитала 100 т. р., первый подписалъ 50 т. р. Перекрестившись, онъ сказалъ: „мнѣ Богъ далъ, я отдаю отечеству“. Московское дворянство тоже откликнулось крупною жертвою. Оно постановило поставить ополченіе въ 80 т. чел. изъ своихъ крестьянъ. По условіямъ того времени это была жертва. Кромѣ того много мѣщанъ и разночинцевъ поступили въ ополченіе. Эти жертвы и готовность придти на помощь отечеству произвели сильное впечатлѣніе на Александра. Онъ почувствовалъ свою связь съ народомъ, почувствовалъ себя русскимъ царемъ. Впослѣдствіи, за торжественнымъ обѣдомъ (15 іюля), нѣсколько разъ повторялъ: „я этого дня никогда не забуду“.

На другой день по пріѣздѣ императора въ Москву съ разсвѣта стали стекаться въ Кремль, и народъ заполнилъ его вплотную. Когда Александръ вышелъ на Красное крыльцо и поклонился народу, громовые клики были отвѣтомъ на этотъ привѣтъ и слились съ колокольнымъ звономъ. Но рядомъ съ обычнымъ „ура“ слышались и другіе возгласы: „веди насъ, куда хочешь, веди насъ, отецъ нашъ; умремъ или побѣдимъ“. Началось шествіе къ Успенскому Собору, замедлявшееся густой толпой. На каждой ступени Краснаго Крыль-

ца сотни торопливыхъ рукъ хватались со всѣхъ сторонъ за ноги Государя, за полы мундира. Ихъ цѣловали и орошали слезами. Быстрый приливъ народа тѣснилъ его все болѣе и болѣе. Окружавшія его лица пытались раздвигать ряды. Императоръ, кланяясь на всѣ стороны, говорилъ: „не троньте ихъ, я пройду". Одинъ изъ толпы, посмѣлѣе другихъ, купецъ или мѣщанинъ, сказалъ ему: „не унываній! видишь сколько насъ въ одной Москвѣ! А сколько по всей Россіи! Всѣ умремъ за тебя". Это былъ голосъ народа. Находившіеся при Государѣ генералъ-адъютанты, пишетъ очевидецъ этого народнаго торжества, „принуждены были составить родъ оплота, чтобы довести Александра отъ Краснаго Крыльца до собора. Всѣхъ насъ можно было уподобить судну, безъ мачтъ и безъ кормила, обуреваемому на морѣ волнами. Между тѣмъ громогласное ура заглушало звонъ колоколовъ. Это шествіе продолжалось очень долго, и мы едва совершенно не выбились изъ силъ. Я никогда не видывалъ такого энтузіазма въ народѣ, какъ въ это время" [1]) Эти сцены глубоко потрясли Александра. Впослѣдствіи, когда онъ возвратился въ Петербургъ, онъ въ разговорѣ съ фрейлиною Стурдзою вспоминалъ съ большимъ чувствомъ о томъ, что онъ видѣлъ въ Москвѣ. Вел. Кн. Николай Михайловичъ думаетъ, что „московскія впечатлѣнія переродили Александра, сознавшаго всю мощь русскаго народа, на которую онъ часто возлагалъ надежды, но которой не всегда вѣрилъ". Послѣдовало что то въ родѣ Божественнаго откровенія, и душа его всецѣло отдалась Провидѣнію, завѣты котораго ему открылись, и сердце повелителя Россіи, его умъ, его помышленія стали какъ бы даромъ небесъ; то, что прежде было покрыто мракомъ, теперь прояснилось, благо-

1) Шильдеръ, Императоръ Александръ I. т. III. стр. 89 (приводитъ воспоминанія гр. Комаровскаго).

даря благословенію Всевышняго. По крайней мѣрѣ Александръ Павловичъ такъ себѣ объяснялъ это настроеніе и впослѣдствіи неоднократно говорилъ и писалъ о душевномъ переворотѣ, происшедшемъ съ нимъ въ Москвѣ лѣтомъ 1812 года. Вотъ когда появились первые зачатки мистицизма и тѣхъ чувствъ, которыя привели къ идеѣ Священнаго союза“ [1]). Вмѣстѣ съ чувствомъ восторга соединялось въ Александрѣ Павловичѣ чувство сожалѣнія, что онъ не стоитъ на высотѣ положенія. Онъ говорилъ той же г-жѣ Стурдзѣ: „этому народу нуженъ вождь, способный вести его къ побѣдѣ, а я къ несчастью не имѣю для этого ни опытности, ни нужныхъ дарованій. Моя молодость прошла подъ сѣнью двора; если бы тогда меня довѣрили Суворову или Румянцеву, они образовали бы меня для войны, и, можетъ быть, я сумѣлъ бы предотвратить тѣ бѣдствія, которыя угрожаютъ намъ теперь“.

Прежде чѣмъ перемѣнилось положеніе, а съ нимъ и настроеніе Александра, обратимся къ другой сторонѣ сцены событій 1812 года и посмотримъ на другихъ дѣятелей этой огромной исторической драмы.

На той сторонѣ сцены почти всю ее занимаетъ Наполеонъ. Не величава его фигура. Человѣкъ низкаго роста, располнѣвшій къ этому времени, такъ что Метернихъ говорилъ про него, что онъ сталъ квадратнымъ. Не въ его фигурѣ дѣло, а въ той громадной силѣ, которая крылась подъ этой оболочкой и только отчасти вырывалась изъ нея. На

---

[1]) Вел. кн. Николай Мих. „Императоръ Александръ I.“ т. I, стр. 114. Шильдеръ приводитъ фактическое доказательство, что этотъ поворотъ въ душѣ Александра произошелъ послѣ взятія Москвы. т. III, стр. 117.

первомъ планѣ стоитъ стальная воля огромной упругости, про которую говорили, что сломать или согнуть ее нельзя; ее можно было уничтожить только вмѣстѣ съ нимъ. Она сквозила въ выражаніи его лица, въ голосѣ и въ жестѣ, особенно въ молодости. На этомъ худомъ тогда лицѣ съ губами, сжатыми силой напряженія воли, съ впалыми щеками, больше всего поражали зрителя глаза сѣрые, пронзительные и быстрые. Они выдавали эту внутреннюю силу и подчиняли ему окружающихъ съ перваго взгляда помимо ихъ воли или даже противъ нея. Люди не робкаго десятка робѣли передъ этимъ маленькимъ человѣкомъ и повиновались ему. Извѣстна сцена перваго представленія ему генераловъ итальянской арміи послѣ прибытія его туда въ качествѣ главнокомандующаго. Его крайняя молодость (28 лѣтъ), невзрачность, то обстоятельство, что онъ часто бралъ портретъ жены и по долгу смотрѣлъ на него, все это располагало думать, что это одинъ изъ тѣхъ генераловъ, котораго выдвинули бульварные стратеги. Ожеро, бывшій извощикъ, человѣкъ большого роста и несомнѣнной храбрости, грозился, что онъ отдѣлаетъ этого мальчишку. Мы собрались, пишетъ современникъ, маршалъ Массена; онъ насъ заставилъ подождать; потомъ вышелъ, застегивая портупею, надѣлъ шляпу, объяснилъ диспозицію, далъ приказанія и отпустилъ. Во все это время Ожеро не проронилъ ни слова. Только на дворѣ ужъ онъ пришелъ въ себя и вспомнилъ свой извощичій лексиконъ. „Foutre, bougre! воскликнулъ онъ, этотъ маленькій генералъ нагналъ на меня страху“. Такъ было всегда. Скоро этотъ маленькій генералъ показалъ чудеса генія своей арміи, отвыкшей отъ побѣдъ и страдавшей отъ лишеній.

Съ волей, съ огромнымъ трудолюбіемъ связаны были живое воображеніе и колосальная память. Онъ воображалъ себѣ мѣстность по картѣ со всѣми ея рѣками, дорогами, оврагами, лощинами и горами, какъ будто видѣлъ ее пе-

редъ глазами. Онъ представлялъ себѣ движеніе войскъ съ такою точностью и ясностью, какъ будто это движеніе уже совершилось, и его приходится не предсказать, а только разсказать по писанному. Вотъ это сочетаніе памяти и воображенія давало ему возможность точнаго расчета. Этотъ расчетъ въ сочетаніи съ крылатой мыслью далъ ту быстроту стратегическихъ комбинацій, неожиданностью которыхъ онъ поражалъ своихъ противниковъ и удивлялъ современниковъ. И всѣ расчеты его обыкновенно были близки къ дѣйствительности. За нѣсколько дней до отъѣзда въ 1800 году въ армію Наполеонъ изучаетъ карту войны съ инженеромъ Моеско и проектируетъ переходъ черезъ Большой Сенъ Бернаръ, дѣлая отмѣтки на картѣ: „сюда отойдетъ Меласъ отъ Генуи, а здѣсь произойдетъ сраженіе, которое рѣшитъ участь кампаніи“. Такъ и произошло въ дѣйствительности то, что казалось невѣроятнымъ для посредственныхъ австрійскихъ генераловъ.

Когда говорятъ о Наполеонѣ, нерѣдко не принимаютъ въ расчетъ тѣхъ измѣненій, которыя въ немъ произошли отчасти вмѣстѣ съ возрастомъ, а отчасти въ силу пройденнаго имъ пути. Къ сорока годамъ онъ сталъ больше удѣлять времени сну и пищѣ, и близкіе люди склонны были думать, что онъ и умственно отяжелѣлъ. Едва ли однако это можно допустить. Отступленіе изъ Россіи, бои подъ Краснымъ и переправа черезъ Березину, кампанія 1814 года показываютъ, какое богатство энергіи, соображенія и находчивости крылось въ этомъ человѣкѣ. Можно только сказать, что къ этому времени Наполеонъ былъ избалованъ счастьемъ и потому слишкомъ много мѣста въ своихъ дѣйствіяхъ предоставлялъ судьбѣ. Затѣмъ слѣдуетъ еще обратить вниманіе на то, что создавшаяся огромная имперія съ ея разнородными элементами, масса недовольства, накопившагося въ Европѣ противъ наполеоновскаго владычества, создали та-

кіе политическіе интересы, которые давили на стратегію Наполеона и заставляли его иногда дѣлать то, чего онъ, какъ полководецъ, чуждый этихъ политическихъ соображеній, не сдѣлалъ бы. Мы сейчасъ это увидимъ на практикѣ войны 1812 года. Съ начала похода Наполеонъ стремится воспользоваться тѣмъ обстоятельствомъ, что русскія силы раздѣлены на двѣ отдѣльныхъ арміи, и ставитъ себѣ цѣлью разбить ихъ по частямъ. Онъ сосредоточиваетъ свои усилія на первой арміи. Когда эта комбинація оказалась безцѣльной вслѣдствіе состоявшагося соединенія обѣихъ русскихъ армій (22 Іюля), онъ быстро, со свойственной ему легкостью перехода отъ одной комбинаціи къ другой, задумываетъ быстро переправить свои силы приблизительно 200 т. чел. черезъ Днѣпръ у Росасны, съ налету овладѣть Смоленскомъ и такимъ образомъ отрѣзать русскую армію отъ Москвы и заставить ее принять рѣшительное сраженіе въ невыгодныхъ для нея условіяхъ. Слѣды этого новаго плана, по словамъ Шильдера, видны у Наполеона еще 25 іюля ст.ст., когда онъ наканунѣ навѣрно узналъ о соединеніи русскихъ армій подъ Смоленскомъ. Съ утра 2-14 августа войска Мюрата и Нея были уже за Днѣпромъ. Обстоятельства какъ будто благопріятствовали исполненію замысла Наполеона. Русская армія двинулась на с. з. отъ Смоленска, къ Руднѣ и, такимъ образомъ, оставила Смоленскъ безъ достаточной защиты. Но опасность была предотвращена осторожностью Барклая. Онъ склонилъ Багратіона къ рѣшенію не удалятьсся отъ Смоленска на западъ далѣе трехъ переходовъ, а, кромѣ того, онъ поставилъ къ ю. з. отъ Смоленска заслонъ корпусомъ Невѣровскаго. Стойкость этого послѣдняго разстроила планъ Наполеона и, по словамъ Шильдера, превратила блестящій ударъ въ азартную игру полководца, набалованнаго выигрышами на ошибкахъ противниковъ. Въ полдень 2-го августа Ней и Мюратъ наткнулись на отрядъ Не-

вѣровскаго, который вышелъ имъ на встрѣчу изъ Краснаго и, не смотря на численный ихъ перевѣсъ, задержалъ ихъ наступленіе на цѣлыя сутки и тѣмъ далъ возможность соединеннымъ первой и второй арміямъ вернуться къ Смоленску. Захватить его съ налету не удалось и пришлось вступить въ кровавое дѣло, кончившееся взятіемъ города, но стоившее французамъ большихъ жертвъ, а равно и русскимъ (5-го августа).

Взятіе Смоленска поставило задачу относительно будущаго. Французская армія, какъ мы видѣли выше, сильно разстроилась. Она сократилась теперь до 130 т. чел. въ той части, которая дѣйствовала противъ главныхъ русскихъ силъ. Соотношеніе ихъ, бывшее прежде 3 : 1, теперь измѣнилось въ отношеніи 5 : 4. Естественно было думать, что на этотъ годъ кампанія должна быть закончена, въ виду поздняго времени. Всѣ генералы Наполеона рѣшительно были за то, чтобы остановиться въ Смоленскѣ, заняться организаціей базы дальнѣйшихъ дѣйствій и на слѣдующій годъ двинуться дальше. И въ самомъ дѣлѣ, тылъ арміи не былъ организованъ, дальнѣйшее движеніе арміи вглубь страны дѣлало поэтому ея положеніе въ отношеніи доставки продовольствія и пополненія убыли весьма невыгоднымъ. Наполеонъ, конечно, понималъ всѣ эти доводы въ пользу остановки; но онъ опасался, что отсутствіе рѣшительнаго успѣха произведетъ невыгодное впечатлѣніе въ Германіи и можетъ отозваться какимъ либо движеніемъ, которое окажется гибельнымъ для всей кампаніи. Да и политическое положеніе во Франціи не представлялось совершенно покойнымъ. Поэтому онъ рѣшилъ двинуться дальше и искать рѣшительнаго сраженія, путемъ котораго и взятіемъ Москвы онъ расчитывалъ добиться мира и вернуться домой съ новой славой. Это рѣшеніе признается наиболѣе крупной военной ошибкой Наполеона въ войну 1812 года; но оно было

продиктовано не военными, а политическими соображеніями.

На той части сцены стояли противъ Наполеона русскіе полководцы, въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ Барклай де Толли, главнокомандующій Первой Западной арміи, и Багратіонъ, главнокомандующій Второй Западной арміи. Много было говорено и хорошаго, и худого про Барклая современниками, и больше худого, чѣмъ хорошаго. Но впослѣдствіи къ нему стали относиться иначе и возвели въ спасители отечества. Несомнѣнно, что это былъ человѣкъ недюжинный. Военное образованіе его было солидно и военный опытъ за нимъ былъ довольно значительный. Еще до войны секретарь императрицы Елизаветы Алексѣевны Лонгиновъ въ письмѣ графу С. Р. Воронцову отзывался о Барклаѣ, какъ о честномъ и тяжеловатомъ нѣмцѣ, но думалъ, что характеръ его и познанія недостаточны для поста военнаго министра. Чтобы судить, какъ одни и тѣ же лица судили о Барклаѣ во время войны и потомъ, надо прочитать отзывы Ростопчина въ его письмахъ и въ его запискахъ, писанныхъ позже, когда онъ, видимо, забылъ о томъ, что говорилъ объ немъ раньше. Въ запискахъ онъ признавалъ за нимъ всѣ несомнѣнныя качества полководца. „Барклай, пишетъ онъ, человѣкъ честный, благоразумный, методическій... У него не было другихъ заботъ, какъ сохранить армію. Онъ отличался необыкновенной храбростью и часто удивлялъ своимъ хладнокровіемъ". Между тѣмъ, въ своемъ письмѣ отъ 23 іюля императору Александру онъ говоритъ, что „Москва и войска въ отчаяніи отъ бездѣйствія и слабости военнаго министра, который совершенно подчинился Вольцогену. Въ главной квартирѣ спятъ до 10 часовъ утра". Первый изъ этихъ отзывовъ ближе къ истинѣ. Барклай былъ дѣйствительно честный и не только храбрый, но и

мужественный человѣкъ. Якобы подчиненность его Вольцогену вздоръ, которому могъ повѣрить и повторять его только такой легкомысленный человѣкъ, какъ Ростопчинъ. Напротивъ, Барклай еще въ началѣ войны выказалъ достаточно твердости и независимости характера, когда онъ выслалъ изъ арміи флигель-адъютантовъ Александра за ихъ интриги и сплетни. Говорили даже, что онъ выслалъ и брата государева вел. кн. Константина Павловича; повидимому, это было сдѣлано съ согласія Государя; но уже самая постановка вопроса о такой мѣрѣ требовала нравственнаго мужества [1]).

Но что его лишало нѣкоторыхъ существенныхъ качествъ полководца, это нерѣшительность въ проведеніи разъ принятаго плана. Таковой у него былъ и даже зародился въ головѣ его давно, гораздо раньше войны 1812 года. Когда раненымъ онъ лежалъ въ Данцигѣ въ госпиталѣ, онъ думалъ, что лучшій способъ войны съ Наполеономъ въ случаѣ его войны съ Россіей было бы отступленіе съ цѣлью ослабить его боевыя силы. Теперь сама дѣйствительность диктовала ему тотъ же планъ и онъ принялъ его и выполнялъ безостановочно, пока былъ командующимъ первой арміей. Но послѣ соединенія армій онъ колеблется. Его побуждаютъ перейти въ наступленіе изъ Смоленска на с. з. Онъ былъ противъ этого движенія на Рудню и однако предпринялъ этотъ безцѣльный походъ. Послѣ Смоленска онъ тоже нѣсколько разъ останавливается, чтобы дать генеральное сраженіе Наполеону сначала на р. Ужѣ, затѣмъ около Вязьмы и наконецъ у Царева Займища, и каждый разъ въ по-

[1]) Отечественная Война, т. III, стр. 92, ст. Мельгунова; Барклай де Толли и Багратіонъ.—Также „Correspondance de l'Empereur Alexandre I", изд. Вел. кн. Николая Михайловича, стр. 90. Екатерина Михайловна пишетъ 5 Авг " Barklai Vous a obéi en renvoyant de l'armée Constantin à Moscou: à présent le blâme en est jeté sur lui seul.

слѣднюю минуту онъ находитъ неудобства избранной позиціи для боя и приказываетъ отступать дальше. Въ результатѣ не только получалось недовѣріе арміи къ полководцу, но и подозрѣніе даже, что онъ не хочетъ воевать съ непріятелемъ. Кромѣ того, такъ какъ для занятія новой позиціи требовалось придти на нее загодя, чтобы укрѣпить ее, отступленіе арміи ускорялось безъ надобности и съ вредомъ для дѣла.

Но наблюдая за дѣятельностью Барклая въ это время, слѣдуетъ учитывать тѣ обстоятельства, которыя осложняли его положеніе и дѣлали его крайне труднымъ. Выше упоминалось о томъ, что Александръ, оставивъ армію, предоставилъ нѣкоторымъ генераламъ непосредственно сноситься съ нимъ помимо главнокомандующаго. Мало этого, онъ издали дѣлалъ указанія и распоряженія относительно дѣйствій той или другой части арміи, причемъ бывало, что эти распоряженія направлялись прямо начальникамъ корпусовъ помимо командующаго арміей. Иногда диспозиціи присылались и главнокомандующему, но безъ указанія цѣли движенія. Отъ такого вмѣшательства въ дѣло командованія арміей естественно получалась путаница и подрывъ авторитета командующаго арміей. Такъ, нѣкоторыя тактическія ошибки Багратіона при соединеніи армій приписываются этому вмѣшательству Александра въ дѣло командованія арміями [1]).

Еще болѣе мѣшало дѣлу то, что къ Барклаю, какъ къ нѣмцу, относились съ враждою и недовѣріемъ, причемъ на этомъ фонѣ разыгрывались и личная зависть, и вражда. Въ своихъ воспоминаніяхъ Жиркевичъ говоритъ, что онъ лично слышалъ, какъ вел. кн. Константинъ Павловичъ, подъѣхавъ къ его бригадѣ, въ присутствіи многихъ смолянъ такъ утѣ-

[1]) Отечественная Война, т. III, стр. 126, статья проф. Довнаръ-Запольскаго.

шалъ и поднималъ духъ войска: „Что дѣлать друзья. Мы невиноваты... Не русская кровь течетъ въ жилахъ того, кто нами командуетъ. А мы и болѣемъ, но должны слушать.. У меня не меньше вашего сердце надрывается“... Неудивительно, что вел. князя удалили изъ арміи; но удивительно, что такія слова произносились открыто про главнокомандующаго. Генералъ Левенштернъ вспоминалъ впослѣдствіи: всякій что нибудь имѣлъ противъ главнокомандующаго, самъ не зная почему. Всѣ дѣйствія главнокомандующаго критиковались безъ всякаго стѣсненія, обсуждались его мнимыя ошибки.—Противъ Барклая въ буквальномъ смыслѣ составился заговоръ, и притомъ довольно внушительный по именамъ лицъ, въ немъ участвовавшихъ. Не говоря о такихъ природныхъ интриганахъ, какъ Армфельдтъ, или о свитскихъ флигель-адъютантахъ и т. п., всѣ боевые генералы громко осуждали Барклая, и во главѣ ихъ Бенигсенъ, Багратіонъ и многіе другіе. Такія лица, какъ герцогъ Ольденбургскій, герцогъ Виртембргскій, вел. кн. Константинъ Павловичъ, открыто враждовали съ Барклаемъ. Такіе люди, какъ Багратіонъ, пользовавшійся огромнымъ заслуженнымъ авторитетомъ въ арміи, не стѣснялись открыто ругаться съ Барклаемъ. Въ присутствіи всѣхъ подчиненныхъ онъ кричалъ Барклаю: „ты нѣмецъ, тебѣ всѣ русскіе нипочемъ“. „А ты, дуракъ, и самъ не знаешь, почему называешь себя кореннымъ русскимъ“, отвѣчалъ на это Барклай. Можно ли было при такихъ условіяхъ говорить объ единодушіи вождей арміи и можно ли было легко управлять арміею [1]). Полководецъ „съ самымъ благороднымъ независимымъ характеромъ (такъ говоритъ о Барклаѣ декабристъ Фонвизинъ), геройски храбрый, благодушный и въ высшей степени честный и безкорыстный, человѣкъ беззавѣтно служившій родинѣ и, быть

[1]) Отечественная Война, т. III, стр. 25, ст. Мельгунова.

можетъ, спасшій ее искуснымъ отступленіемъ, въ которомъ сберегъ армію, вождь, какъ никто, заботившійся о нуждахъ солдатъ, не только не былъ любимъ арміей, но былъ заподозрѣваемъ въ самыхъ низкихъ дѣйствіяхъ. И эти вражда и подозрѣнія изъ арміи распространялись въ обществѣ. Тормасовъ писалъ женѣ: „представить не можешь, какой это глупый и мерзкій человѣкъ Барклай". Извѣстная помѣщица Волкова писала изъ Тамбова: „не можешь вообразить, какъ всѣ и вездѣ презираютъ Барклая". Барклай зналъ о ропотѣ солдатъ. Дошло вѣдь до того, что разъ ему не отвѣтили на его привѣтъ. Онъ зналъ, вспоминалъ впослѣдствіи Ермоловъ, что побѣда примирила бы его съ арміей, „но, говоритъ Ермоловъ, обстоятельства неблагопріятны были главнокомандующему и не только не допускали побѣдъ, ниже малыхъ успѣховъ". Въ этомъ отказѣ отъ сраженія, можетъ быть, больше было мужества, чѣмъ въ рѣшимости на него.

Подъ давленіемъ недовольства арміи и негодованія общества, ничего не понимавшаго въ этомъ постоянномъ отступленіи, Барклай палъ. Но, будучи смѣщенъ, онъ остался въ арміи подъ командой Кутузова и продолжалъ честно служить родинѣ. Но душевная рана, имъ полученная, была глубока. Онъ искалъ смерти. Подъ Бородинымъ онъ бросался въ самый пылъ боя и не подъ вліяніемъ увлеченія, а потому, что искалъ смерти; но она не пришла къ нему.

Исторія иначе отнеслась къ Барклаю, чѣмъ его современники; да и они потомъ признали его огромную заслугу въ войнѣ. Генералъ Колюбакинъ такъ оцѣниваетъ и ошибки, и заслуги его предъ войскомъ и страною: „Мы не раздѣляемъ всецѣло, говоритъ онъ, суроваго приговора историка Попова, высказаннаго имъ объ окончаніи съ пріѣздомъ Кутузова командованія Барклая: „такъ кончилось командованіе Барклая, грозившее погибелью обѣимъ арміямъ, чего императоръ при всемъ своемъ расположеніи къ Михаилу

Богдановичу, допустить не могъ". Но въ этомъ приговорѣ была своя доля справедливости. Оцѣнивая только періодъ съ 8 по 17 августа, періодъ въ девять дней, замѣтимъ прежде всего, что на всемъ протяженіи этого времени Барклай не имѣлъ строго и ясно опредѣленнаго плана дѣйствій, постоянно отказываясь отъ первоначальнаго плана и сочиняя новый... Наиболѣе отвѣчающій обстоятельствамъ планъ дѣйствій Барклая, повидимому, не принимается, а постоянныя колебанія и перемѣны привели къ тому, что мы съ самымъ малымъ сопротивленіемъ, довольно спѣшно и хлопотливо отступая, въ теченіе девяти сутокъ отдали противнику огромное пространство отъ Соловьевой переправы до Царева Займища, сражаясь у себя дома и имѣя возможность лишать противника всѣхъ средствъ къ жизни... За Барклаемъ остается вѣчная заслуга сохраненія арміи въ цѣлости; но эта заслуга была бы громадною и безпредѣльною, если бы онъ цѣльную армію привелъ къ Цареву Займищу не 17 августа а двумя недѣлями позже, въ крайности хотя недѣлей позже. Тогда еще вопросъ, дошелъ ли бы Наполеонъ до Москвы [1]). Этими замѣчаніями не отрицается значеніе плана Барклая, а признается таковое. Противникъ Барклая, генералъ Ермоловъ, впослѣдствіи въ своихъ запискахъ указываетъ, что этотъ планъ настолько требовался обстановкой дѣла, что его замѣститель явился съ обѣщаніемъ скорѣе пасть подъ стѣнами Москвы, нежели предать ее въ руки враговъ, а долженъ былъ послѣдовать въ концѣ концевъ плану Барклая [2]).

Самымъ ярымъ противникомъ Барклая, какъ мы уже замѣтили, былъ командующій второй западной арміей Багратіонъ. Человѣкъ безстрашный, обладавшій тонкимъ и гибкимъ умомъ, быстрый въ своихъ рѣшеніяхъ и не колебав-

[1]) Отечественная Война, т. III, стр. 227, статья ген. Колюбакина.

[2]) Тамъ же, т. III, стр. 97, ст. Мельгунова.

шійся въ ихъ выполненіи, онъ былъ, какъ говорили современники, генералъ-отецъ и былъ боготворимъ войскомъ, которое вѣрило въ него. Онъ былъ бы прекраснымъ полководцемъ, если бы у него было достаточное образованіе. А именно образованія то у него совсѣмъ не было. Александръ I писалъ про него, что у него нѣтъ ни малѣйшаго понятія о стратегіи [1]). Всѣ современники, отдавая должное его мужеству и другимъ достоинствамъ, признавали именно отсутствіе образованія главной причиной того, что онъ не былъ способенъ на стратегическія соображенія. Нападая на Барклая, Багратіонъ проявлялъ именно непониманіе требованій положенія. Онъ говорилъ, что стоитъ только напасть на непріятеля, чтобы онъ бѣжалъ и не нашелъ мѣста для отступленія. Ссылаясь на показанія плѣнныхъ и раненыхъ непріятельскихъ воиновъ, онъ доказывалъ, что войска непріятеля это сволочь, съ которою справиться ничего не стоитъ, что „мы ихъ шапкамя закидаемъ“, и негодовалъ на то, что мы срамимъ себя отступленіемъ. Онъ писалъ, что ему стыдно носить военный мундиръ при такомъ способѣ веденія войны. Нужно однако признать, что въ его нападкахъ на Барклая было не только искреннее негодованіе на его способъ веденія войны, но и побужденія личнаго свойства, въ которыхъ, можетъ быть, онъ не давалъ себѣ яснаго отчета. Не даромъ Ермоловъ, любившій Багратіона, долженъ былъ пристыдить его за эту личную непріязнь. Онъ писалъ ему по поводу его жалобъ на Барклая: „Вамъ, какъ человѣку, боготворимому подчиненными, тому, на кого возложена надежда многихъ и всей Россіи, обязанъ говорить истину: стыдно вамъ принимать частныя неудовольствія къ сердцу, когда стремленіе всѣхъ должно быть къ пользѣ общей. Это

[1]) „Correspondance de l'Empereur Alexandre I“. p. 87. Письмо Александра I къ Екатеринѣ Павловнѣ.

одно можетъ спасти погибающее отечество наше. Принесите ваше самолюбіе въ жертву погибающему отечеству нашему, уступите другому и ожидайте, пока назначатъ человѣка, какого требуютъ обстоятельства".

Можетъ быть, благодаря той же необразованности (онъ нигдѣ не учился), въ немъ непріятно поражаетъ хвастливость. Онъ заявлялъ, что онъ былъ любимымъ ученикомъ Суворова, и ставилъ себя выше другихъ генераловъ. Но всѣ эти личные и военные недочеты искупались въ немъ пылкостью натуры, способной на подвиги, природными военными талантами и живымъ, яркимъ патріотизмомъ и любовью къ войску. На поляхъ Бородина онъ показалъ, что стоитъ его храбрость, и своей геройской смертью онъ искупилъ свои недостатки. Можетъ быть, именно эти качества характера снискали ему симпатіи вел. кн. Екатерины Павловны, тоже пылкой женщины, у которой тоже чувство брало верхъ надъ холоднымъ разсудкомъ [1]).

Недовольство общества и арміи нашли себѣ удовлетвореніе въ назначеніи главнокомандующимъ Голенищева-Кутузова. Это назначеніе состоялось помимо воли и даже противъ воли Александра Павловича. Онъ имъ былъ недоволенъ за Бухарестскій миръ. Послѣдній не соотвѣтствовалъ его надеждамъ, особенно послѣ такой длинной войны, какова была война съ турками. Но въ этомъ былъ виноватъ

---

[1]) Багратіонъ былъ смертельно раненъ подъ Бородинымъ и скончался 12 Сентября въ имѣніи Голицына Симахъ, Владимірской губ. По поводу его кончины вел. кн. Екатерина Павловна пишетъ Александру 13 сент.: Bagration est mort hier au soir. Vous vous rappelez mes relations avec lui et que je vous ai dit qu'il a en main des documenis qui pourraient cruellement me compomettre en tombant en mains étrangères. Il m'a cent fois juré les avoir aneantis, mais la connaissance de son caractère m'a toujours fait douter de la verité... „Correspondence de l' Empereur Alexandre", p. 85.

скорѣе самъ Императоръ. Разъ онъ еще въ половинѣ 1810 года сталъ готовиться къ войнѣ съ Наполеономъ и даже мечтать о нападеніи на него раньше, чѣмъ тотъ успѣетъ собрать достаточныя силы въ Германіи, и этимъ создалъ положеніе, при которомъ война стала вопросомъ времени; то, естественно, нужно было заключить миръ съ Турціей во что бы то ни стало, а при такомъ положеніи разсчитывать на выгодныя его условія не приходилось. Хотя Кутузовъ и получилъ за этотъ миръ титулъ графа, но онъ остался въ опалѣ и былъ не у дѣлъ, когда началась война съ Франціей. Петербургское дворянство выбрало его начальникомъ ополченія, и въ этомъ званіи засталъ бывшаго полководца и главнокомандующаго дунайской арміей моментъ, когда нужно было назначить главнокомандующаго. На сколько Александръ былъ нерасположенъ къ Кутузову, на столько послѣдній въ обществѣ и въ войскахъ былъ любимъ и почитаемъ. „Когда я вернулся въ Петербургъ, пишетъ Александръ сестрѣ своей Екатеринѣ Павловнѣ 18 сентября, всѣ были за назначеніе старика Кутузова. Это былъ общій крикъ. Знаніе этого человѣка побудило меня сначала противиться этому назначенію; но когда Ростопчинъ письмомъ отъ 5-го августа сообщилъ мнѣ, что вся Москва желаетъ, чтобы Кутузовъ командовалъ, находя, что и Барклай, и Багратіонъ, оба одинаково неспособны на это, . . . я не могъ ничего иного сдѣлать, какъ уступить всеобщему желанію, и я назначилъ Кутузова. Я и сейчасъ думаю, что въ данныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находимся, я не могъ иначе поступить, какъ остановиться изъ трехъ генераловъ, одинаково неспособныхъ быть главнокомандующимъ, на томъ, на кого указывалъ общій голосъ“ [1]). Александръ назначилъ небольшой комитетъ, которому поручилъ обсудить этотъ вопросъ и когда послѣд-

[1]) „Correspondance de l' Empereur Alexandre I“, p. 87.

ній единогласно высказался за Кутузова, онъ повелѣніемъ отъ 8-го августа назначилъ его главнокомандующимъ; но начальникомъ штаба его назначенъ былъ Бенигсенъ, съ которымъ Кутузовъ былъ въ отвратительныхъ отношеніяхъ.

Новый главнокомандующій былъ человѣкъ извѣстный, съ долгой военной карьерой. Онъ извѣстенъ былъ не только какъ военный, но и какъ дипломатъ. Широко образованный, очень умный и осторожный, съ большимъ военнымъ опытомъ, пріобрѣтеннымъ еще подъ началомъ Суворова, онъ обладалъ тѣмъ секретомъ привлекать къ себѣ довѣріе арміи и пріобрѣтать вліяніе на нее, которымъ владѣлъ въ совершенствѣ Суворовъ. Онъ отличался той хитрецой, которая создаетъ репутацію человѣка, которому палецъ въ ротъ не клади. Про него Суворовъ говаривалъ: „его и самъ Рибасъ не обманетъ". У него было то непосредственное чутье положенія, которое помогало ему безошибочно разбираться въ трудныхъ обстоятельствахъ и не теряться въ нихъ. Одинъ иностранный военный писатель говоритъ про него: „Изъ всѣхъ генераловъ, современниковъ Наполеона, развѣ только двое во главѣ армій достойны помѣряться съ нимъ, это эрцгерцогъ Карлъ и Веллингтонъ; но осторожный и хитрый Кутузовъ былъ самымъ опаснымъ его противникомъ". Самъ Наполеонъ впослѣдствіи, въ 1814 году, въ разговорѣ съ русскимъ плѣннымъ генераломъ Полторацкимъ, послѣ сраженія при Шампоберѣ, вспоминалъ про Кутузова и сказалъ: „votre fin merle de Koutouzof m'a joliment mis dedans avec sa marche de flanc" (вашъ хитрецъ Кутузовъ ловко меня посадилъ своимъ фланговымъ движеніемъ).

Г. Е. Аѳанасьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отчетъ о составѣ и дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца за 41-й годъ его существованія, съ 27 окт. 1912 г. по 27 окт. 1913 г.

Въ день памяти своего покровителя прп. Нестора-лѣтописца, Историческое Общество имѣетъ честь представить слѣдующій отчетъ о своемъ составѣ и дѣятельности за 41-й годъ своего существованія, т. е. съ 27 октября 1912 года по 27 октября 1913 года.

Свѣдѣнія о личномъ составѣ Общества, его Совѣта и Бюро.

Къ 27 окт. 1912 г. въ Обществѣ числилось 167 членовъ: 23 почетныхъ, 137 дѣйствительныхъ и 7 членовъ-корреспондентовъ. Изъ нихъ въ отчетномъ году Общество лишилось 2-хъ почетныхъ членовъ: о. Антонія Стефановича Петрушевича и Александра Петровича Яблоновскаго, и одного дѣйствительнаго—Николая Александровича Оболонскаго.

О. Антоній Петрушевичъ родился въ 1821 г. въ Добрянахъ, въ Галиціи, и съ 1847 г. самоотверженно посвятилъ себя собиранію и изученію матеріаловъ по исторіи, археологіи, этнографіи, литературѣ, языкознанію родного ему края; онъ лично обслѣдовалъ какъ богатыя библіотеки и архивы Львова, Перемышля, Вѣны и Праги, такъ и малоизвѣстныя книгохранилища бѣдныхъ галицкихъ, буковинскихъ и прикарпатскихъ церквей и монастырей, сдѣлалъ доступнымъ свѣту науки обширный, весьма цѣнный рукописный матеріалъ, часть котораго, между прочимъ, была имъ пожертвована Университету св. Владимира, и явился своего рода новымъ Несторомъ Галицкой Руси.

Александръ Петровичъ Яблоновскій родился въ 1829 г., учился въ Кіевскомъ и Дерптскомъ Университетахъ, много путешествовалъ по славянскимъ землямъ и Востоку. Поселившись въ Варшавѣ, онъ вмѣстѣ съ проф. Павинскимъ задумалъ и осуществилъ громадное научно-историческое предпріятіе—изданіе матеріаловъ по исторіи Рѣчи Посполитой. Въ частности ему лично здѣсь принадлежитъ рядъ капитальнѣйшихъ трудовъ по исторіи Волыни, Подоліи и Червоной Руси; эти труды создали покойному заслуженную славу одного изъ лучшихъ знатоковъ исторіи Юго-Западной Руси.

Николай Александровичъ Оболонскій, по роду своей спеціальности и занятій, дальше стоялъ отъ круга интересовъ и дѣятельности Общества Нестора-лѣт., чѣмъ отмѣченные выше ученые, однако еще въ 1893 г. онъ вступилъ въ ряды членовъ этого Общества и, не имѣя возможности активно въ немъ работать, всегда, тѣмъ не менѣе, проявлялъ къ нему вниманіе, о которомъ Общество вспоминаетъ съ такою же признательностью, съ какою чтитъ его заслуги предъ наукой и Университетомъ св. Владимира.

Новыхъ членовъ въ отчетномъ году было избрано: два почетныхъ: А. Л. Бертье-Делагардъ и Д. И. Иловайскій,

и 10 дѣйствительныхъ: проф. Университета св. Владимира П. М. Богаевскій, проф. С.-Петербургской Духовной Академіи Н. Н. Глубоковскій, проф. Краковскаго Университета Л. В. Яновскій, проф. Нѣжинскаго института В. В. Новодворскій, инспекторъ 5-й гимназіи А. Ѳ. Музыченко, профессорскіе стипендіаты Н. К. Гудзій и И. И. Огіенко, исправляющіе должность доцентовъ Кіевской Дух. Акад. С. И. Чернышевъ и Н. Н. Пальмовъ и помощникъ библіотекаря Кіевскаго Университета Н. Л. Эрнстъ.

Такимъ образомъ къ концу отчетнаго года въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца состояло всего 176 членовъ: 24 поч., 145 дѣйствит. и 7 чл.-корреспондентовъ. Изъ нихъ на постоянномъ жительствѣ въ г. Кіевѣ находилось 93 члена: 6 почетныхъ, 84 дѣйств. и 3 члена-корреспондента.

Въ составѣ Бюро Общества въ отчетномъ году никакихъ перемѣнъ не произошло, и посему въ него входили: предсѣдатель Ю. А. Кулаковскій, товарищъ его Г. Г. Павлуцкій, казначей В. И. Щербина, секретарь А. М. Лобода, библіотекарь и помощ. секретаря В. А. Абрамовичъ. Предсѣдатель, его товарищъ, казначей и секретарь являлись также членами Совѣта Общества. Кромѣ нихъ Совѣтъ состоялъ изъ членовъ учредителей, поч. членовъ В. С. Иконникова и Н. И. Петрова, а также изъ членовъ по избранію—Г. Е. Аѳанасьева, М. Ф. Владимирскаго-Буданова, М. В. Довнаръ-Запольскаго, В. З. Завитневича, И. М. Каманина, О. И. Левицкаго и А. І. Степовича.

Всѣхъ засѣданій Совѣта въ отчетномъ году было 4.

Свѣдѣнія по кассѣ Общества.

Приходъ.

1) Остатокъ отъ прошлаго года къ 27-му октября 1912 г. . . . . 6,157 р. 88 к.

(Въ томъ числѣ два билета въ 3,900 р., на текущемъ счету въ Банкѣ 2,125 р. 22 к. и на рукахъ у казначея 132 р. 66 к.).	
2) Членскихъ взносовъ поступило	210 р. — к.
3) Пособія отъ казны	800 р. — к.
4) Проценты на капиталъ	235 р. 18 к.
5) За проданныя книги	19 р. 94 к.
Итого . .	7,423 р. — к.

Расходъ.

1) На изданіе XXIII кн. „Чтеній“	1,472 р. 24 к.
2) На устройство засѣданій	169 р. 50 к.
3) Канцелярскіе и мелочные расходы . . .	8 р. 78 к.
Итого . .	1,650 р. 52 к.

Остатокъ на 27 октября 1913 года.

1) Неприкосновеннаго капитала:	
билетъ въ . . .	1,000 р. — к.
билетъ въ . . .	3,000 р. — к.
2) Наличными деньгами	1,772 р. 48 к.
Всего . .	5,772 р. 48 к.

Свѣдѣнія о состояніи библіотеки Общества.

Къ 27-му октября 1912 г. въ отдѣлѣ печатныхъ книгъ имѣлось 3,613 названій въ 8,039 томахъ и брошюрахъ; въ теченіе отчетнаго года поступило 143 названія, въ 270 томахъ и брошюрахъ, а всего въ настоящее время въ библіотекѣ Общества имѣется 3,755 названій, въ 8,309 томахъ и брошюрахъ.

Свѣдѣнія о дѣятельности Общества.

Дѣятельность Историческаго Общества Нестора-лѣтописца, по примѣру прежнихъ лѣтъ, выражалась прежде всего въ устройствѣ засѣданій, на которыхъ докладывались и обсуждались научныя сообщенія по входящимъ въ кругъ занятій Общества вопросамъ. Всѣхъ такихъ засѣданій въ отчетномъ году было 14 (противъ 15 прошлаго года); изъ нихъ 13 очередныхъ и 1 годичное. Доложено было 28 сообщеній (противъ 31 за прошлый годъ), 22-хъ докладчиковъ (противъ 19 прошлаго года). Часть этихъ докладовъ, согласно издавна установившемуся обычаю, обусловлена была знаменательными событіями, выпадавшими на отчетный годъ. Крупнѣйшимъ изъ такихъ событій было 300-лѣтіе прекращенія смуты и избранія на царство дома Романовыхъ; въ виду этого цѣлый рядъ докладовъ былъ посвященъ дѣятельности первыхъ Романовыхъ. Таковы: рѣчь Е. Д. Сташевскаго въ годичномъ собраніи о „Московско-шведскихъ отношеніяхъ отъ начала царствованія Михаила Ѳеодоровича до эпохи Смоленской войны"; его же доклады: о „Земельныхъ пожалованіяхъ въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича", объ „Отношеніи правительства эпохи Михаила Ѳеодоровича къ тушинцамъ и ихъ пожалованіямъ", и о „Сыскныхъ приказахъ 1619—1630 г.г."; П. П. Смирнова о томъ, „Когда зародилась мысль о соборномъ уложеніи" и о „Выборахъ отъ посада Великаго Новгорода на земскій соборъ 1648—49 г.г."; наконецъ, В. Е. Данилевича: о „Положеніи Приказа Великія Россіи въ ряду другихъ московскихъ Приказовъ" и о „Компетенціи Приказа Великія Россіи".

Утрата, понесенная славянствомъ въ лицѣ Адольфа Патеры и Ярослава Верхлицкаго, нашла себѣ выраженіе въ соотвѣтствующемъ докладѣ А. І. Степовича. Международный

историческій конгрессъ въ Лондонѣ былъ охарактеризованъ П. Н. Ардашевымъ, а международному же аѳинскому конгрессу востоковѣдовъ былъ посвященъ докладъ Ѳ. Ив. Кнауэра.

Затѣмъ, изъ прочихъ докладовъ наибольшее количество пришлось на долю археологіи, исторіи и литературы Южной Руси.

Графъ А. А. Бобринскій познакомилъ общество съ замѣчательными „Золотыми находками 1912—1913 г.г. въ курганѣ „Солоха“ и полтавскомъ кладѣ“. А. Д. Эртель подѣлился своими открытіями въ кіевскихъ „Древнихъ пещерахъ на Звѣринцѣ“, причемъ надписи на стѣнахъ этихъ пещеръ послужили предметомъ особаго спеціальнаго доклада И. М. Каманина. Л. П. Добровольскій продолжалъ свое обслѣдованіе окрестностей Кіева и, на основаніи лѣтописныхъ и вновь добытыхъ имъ топографическихъ данныхъ, установилъ мѣстоположеніе „Лѣтописнаго Дорогожича“. Цѣнные новые матеріалы, касающіеся „Обученія грамотѣ и воинской экзерциціи въ Малороссіи въ XVIII ст.“, сообщилъ Г. А. Максимовичъ, а А. А. Назаревскій представилъ нѣсколько новыхъ данныхъ „Къ исторіи кіевскаго музыкантскаго цеха“.

Искусство южной Руси затронуто было Г. Г. Павлуцкимъ въ докладѣ: „Малорусскій орнаментъ на церковныхъ вышивкахъ“.

Наконецъ, литературы этого края касались доклады В. А. Розова: „Южно-русскія рукописи монастыря св. Авраамія въ Іерусалимѣ“, и И. И. Огіенка: „Легендарно-апокрифическій элементъ въ „Небѣ Новомъ“—І. Голятов-скаго“. Два доклада были посвящены Н. В. Гоголю: „Н. В. Гоголь, какъ литературный критикъ“, Н. К. Гудзія, и „Къ вопросу о душевной драмѣ Н. В. Гоголя“, А. В. Багрія.

Докладъ М. В. Довнаръ-Запольскаго имѣлъ цѣлью напомнить свѣтлый образъ одного изъ виднѣйшихъ масоновъ и тоже уроженца южной Руси—С. И. Гамалѣя.

Изъ сообщеній, не стоящихъ въ особой, спеціальной связи съ нашимъ краемъ, два касались русской литературы: С. И. Родзевичъ представилъ обстоятельный анализъ французскихъ литературныхъ вліяній въ „Героѣ нашего времени“ Лермонтова („Предшественники Печорина во французской литературѣ“); А. М. Лобода охарактеризовалъ труды французскихъ ученыхъ: Омана—о французской культурѣ въ Россіи, Дюшеня—о Лермонтовѣ, Лиронделя—о Шекспирѣ въ русской литературѣ и о гр. А. Толстомъ („Новѣйшія французскія изслѣдованія въ области русской литературы“).

Два доклада было изъ области фольклора: „Двѣ античныя сказки о животныхъ“ и „Поэма Симонида Аморгскаго и современная легенда о происхожденіи женщины“, В. П. Клингера. Докладчикъ въ обоихъ случаяхъ имѣлъ цѣлью установить античное происхожденіе нѣкоторыхъ сказочныхъ и легендарныхъ сюжетовъ.

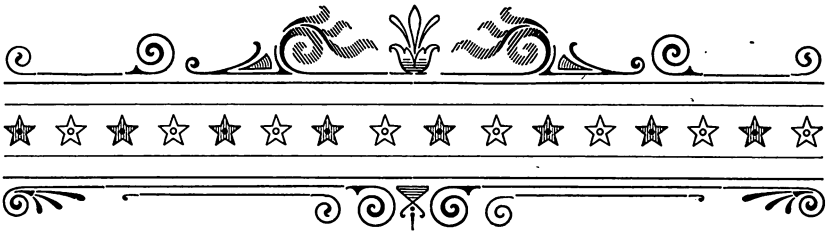
Наконецъ, изъ круга византійско-церковной исторіи былъ докладъ Ю. А. Кулаковскаго: „Когда совершилось возвращеніе Креста Господня изъ персидскаго плѣна“.

Кромѣ устройства засѣданій, Общество продолжало изданіе своихъ „Чтеній“—выпустило 1 и 2 выпуски XXIII кн. „Чтеній“ и приступило къ печатанію 1-го вып. слѣдующей книги.

Общество, наконецъ, поддерживало связи и съ другими очагами научно-исторической мысли—путемъ-ли совмѣстной работы или нравственной поддержки при посредствѣ привѣтствій и т. под.

Отдѣлъ II.

Сообщенія и изслѣдованія.



Гоголь—критикъ Пушкина.

Какъ извѣстно, Пушкинъ высоко цѣнилъ критическій талантъ Гоголя и даже предлагалъ ему предпринять обширный трудъ по составленію исторіи русской критики [1]). Въ первомъ томѣ пушкинскаго „Современника“, вышедшемъ въ 1836 г., была помѣщена, безъ подписи автора, статья Гоголя „О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 г.“ [2]), обратившая на себя вниманіе читателей и трактовавшаяся даже какъ „profession de foi“ новаго журнала [3]).

---

[1]) Въ своемъ дневникѣ Пушкинъ писалъ: „Гоголь, по моему совѣту, началъ исторію русской критики“. Соч. Пушкина подъ ред. С. А. Венгерова, СПБ., 1911, т. V, стр. 443.

[2]) Соч. Гоголя подъ ред. Тихонравова, изд. X, т. V, стр. 486—507. (Въ дальнѣйшемъ всѣ ссылки на это именно изданіе).

[3]) Въ „Письмѣ къ издателю“, помѣщенномъ въ „Современникѣ“, А. Безсоновъ, считая авторомъ статьи Пушкина, писалъ: „Статья „О движеніи журнальной литературы“, по справедливости, обратила на себя общее вниманіе. Вы въ ней изложили остроумно, рѣзко и прямолинейно весьма много справедливыхъ замѣчаній. („Современникъ“, 1836 г., т. III, стр. 322). Въ примѣчаніи къ этому письму Пушкинъ заявляетъ, что мнѣнія, высказанныя въ статьѣ „О движеніи литера-

Самъ Гоголь очень серьезно смотрѣлъ на задачи критики и къ критику предъявлялъ большія требованія. „...Критика“, говорилъ онъ, „основанная на глубокомъ вкусѣ и умѣ, критика высокаго таланта имѣетъ равное достоинство со всякимъ оригинальнымъ твореніемъ: въ ней виденъ разбираемый писатель, въ ней виденъ еще болѣе самъ разбирающій. Критика, начертанная талантомъ, переживаетъ эфемерность журнальнаго существованія. Для исторіи литературы она неоцѣнима“ [1].

Несмотря на недюжинный талантъ, обнаруженный Гоголемъ на критическомъ поприщѣ, почти никто изъ изслѣдователей не удѣлялъ вниманія ему какъ критику. „Если Гоголь—историкъ цѣнится у насъ, обыкновенно, незаслуженно мало, то Гоголь—критикъ просто мало кому извѣстенъ. Въ обширной литературѣ о Гоголѣ эта сторона его дѣятельности почти никѣмъ не разсматривается. А между тѣмъ она достаточно поучительна и уже вполнѣ безспорно обрисовываетъ Гоголя не только какъ безсознательнаго художника-творца, но и какъ литературнаго судью съ вполнѣ

туры“, не во всемъ раздѣляются самимъ издателемъ и не являются программой „Современника“. Ср. Соч. Пушкина подъ ред. С. А. Венгерова, т. V, стр. 389.

Бѣлинскій въ своей замѣткѣ „Нѣсколько словъ о „Современникѣ“ считаетъ одной изъ интереснѣйшихъ статей 1-й книги журнала статью „О движеніи журнальной литературы“ и такъ же, какъ и Безсоновъ, видитъ въ ней „духъ и направленіе новаго журнала“. „Вообще эта статья“, говоритъ Бѣлинскій, „содержитъ въ себѣ много справедливыхъ замѣчаній, высказанныхъ умно, остро, благородно и прямо, и потому подающихъ надежду, что „Современникъ“ будетъ журналомъ съ мнѣніемъ, съ характеромъ и дѣятельностью“. Ср. Полное собраніе соч. Бѣлинскаго подъ ред. С. А. Венгерова, СПБ, 1901, т. III, стр. 3—7.

[1]) Соч., т. V. „О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 г.,“ стр. 506. Взглядъ этотъ очень напоминаетъ мысли Шевырева,

опредѣленнымъ взглядомъ на задачи художественной дѣятельности". Приведенныя слова принадлежатъ С. А. Венгерову, мимоходомъ лишь касающемуся критической дѣятельности Гоголя въ своей статьѣ „Писатель—гражданинъ", впервые напечатанной болѣе 10-ти лѣтъ тому назадъ [1]). Послѣдующая литература о Гоголѣ, въ томъ числѣ вызванная юбилеемъ 1909 г., не восполнила почти пробѣла, указаннаго г. Венгеровымъ. Только въ книгѣ Н. А. Котляревскаго, спеціально посвященной Гоголю и вышедшей 1-мъ изданіемъ на годъ позже только-что указанной статьи, находимъ пересказъ двухъ критическихъ статей Гоголя, пересказъ, сопровождаемый очень высокой оцѣнкой заслугъ нашего писателя какъ критика,—и только. [2])

Въ предлагаемой статьѣ мы остановимся исключительно на выясненіи заслугъ Гоголя въ дѣлѣ оцѣнки Пушкина. Здѣсь именно критическій талантъ писателя сказался во всей своей силѣ; тутъ, въ большей степени, чѣмъ въ другихъ статьяхъ этого рода, сказалъ онъ свое новое слово, цѣна котораго, какъ увидимъ ниже, очень велика даже по сравненію съ тѣмъ, что сказано было лучшаго о Пушкинѣ въ послѣдующее время. Какъ ни блестяща по своему содержанію и формѣ, напримѣръ, статья „О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 г.", все же въ ней сужденія Гоголя были менѣе оригинальны и новы, чѣмъ

высказанныя имъ въ „Теоріи поэзіи". (Москва, 1836 г.). Ср. Ивановъ. Исторія русской критики, ч. 3 и 4-я, СПБ, 1900, стр. 24. Такую же, приблизительно, точку зрѣнія по этому вопросу на Западѣ почти одновременно съ Гоголемъ развивалъ Сентъ-Бевъ, а позже Оскаръ Уайльдъ и Брандесъ.

[1]) Первоначально въ „Русскомъ Богатствѣ" за 1902 г. Перепечатана въ „Очеркахъ по исторіи русской литературы", СПБ, 1907, стр. 161—240.

[2]) Н. Котляревскій. Н. В. Гоголь, СПБ, 1903, стр. 141—146.

взгляды, высказанные имъ, въ другихъ мѣстахъ, относительно Пушкина.

Первой статьей, въ которой Гоголь заговорилъ о Пушкинѣ, былъ небольшой лирическій набросокъ „Борисъ Годуновъ. Поэма Пушкина", написанный въ концѣ 1830 г. [1]). Статья написана съ большимъ подъемомъ и представляетъ собою нѣчто въ родѣ стихотворенія въ прозѣ. Начинается она съ того, что передается отрывочный разговоръ въ книжной лавкѣ по поводу только-что вышедшей драмы Пушкина. Покупатели различныхъ ранговъ единодушно хвалятъ новую драму и быстро ее раскупаютъ. Въ это время подходитъ вдохновенный Элладій къ своему не менѣе вдохновенному другу Полліору, разсѣянно глядящему на жадную толпу покупателей, и спрашиваетъ его: „Не правда ли, милый Полліоръ, не правда ли, что ни съ чѣмъ не можешь сравнить этого тихаго восторга, напояющаго душу при видѣ, какъ пламенно любимое нами великое твореніе неумолчно звучитъ и отдается сочувствіемъ во всѣхъ сердцахъ, и люди, кажется, отбѣжавшіе навѣки отъ собственнаго, скрытаго въ самихъ себѣ, непостижимаго для нихъ міра души, насильно возвращаются въ ея предѣлы?" Полліоръ, видимо, отъ избытка чувствъ ничего не отвѣчаетъ и ограничивается лишь безмолвнымъ пожатіемъ руки своего друга. Ни томительный свѣтъ луны ни блескъ и шумъ чуднаго города—ничто не въ силахъ было нарушить его торжественную задумчивость: „какая-то священная грусть, тихое негодованіе сохранялось въ чертахъ его, какъ будто бы онъ заслышалъ въ душѣ своей пророчество о вѣчности, какъ будто бы душа его терпѣла муки невыразимыя, непостижимыя для земного". Дальше слѣдуетъ восторженный гимнъ

[1]) Соч, т. V. стр. 66—70.

поэзіи и поэту, въ частности Пушкину, произносимый Полліоромъ. Это обычное исповѣданіе вѣры эстетика-романтика 30-хъ годовъ, въ которомъ находимъ и противопоставленіе вдохновеннаго, одареннаго свыше поэта грубой черни и развитіе той мысли, что человѣческимъ словомъ не выразить того „безграничнаго океана чувствъ", который возникаетъ въ душѣ при чтеніи твореній генія. По адресу Пушкина посылаются хвалебные эпитеты, въ родѣ „великій", „дивный", а его новое твореніе называется также „дивнымъ" и „вѣчнымъ". Въ такомъ духѣ вся статья. Драма Пушкина какъ-будто произвела на Гоголя такое ошеломляющее впечатлѣніе, что онъ, вслѣдъ за Полліоромъ, считаетъ чуть-ли не святотатствомъ обращаться къ ея детальному разбору— и ограничивается восторженнымъ панегирикомъ.

Несмотря на такія особенности статьи, она представляетъ собой явленіе очень интересное для своего времени. Для того чтобы вполнѣ оцѣнить ея значеніе, необходимо обратить вниманіе на то, какой пріемъ въ русской критикѣ встрѣтилъ „Борисъ Годуновъ". По отзыву Бѣлинскаго, „Борисъ Годуновъ" былъ принятъ совершенно холодно, какъ доказательство совершеннаго паденія таланта, еще недавно столь великаго, такъ много сдѣлавшаго и еще такъ много обѣщавшаго" [1]). Самъ Гоголь въ слѣдующей своей критической статьѣ „Нѣсколько словъ о Пушкинѣ", написанной въ 1832 г., спрашиваетъ: „По справедливости ли оцѣнены послѣднія его (Пушкина) поэмы? Опредѣлилъ ли, понялъ ли кто „Бориса Годунова", это высокое, глубокое произведеніе, заключенное во внутренней, неприступной поэзіи, отвергнувшее всякое грубое, пестрое убранство, на которое обыкновенно заглядывается толпа? По крайней мѣрѣ, печатно нигдѣ не произнеслась имъ вѣрная оцѣнка, и онѣ остались

[1]) „Сочиненія Александра Пушкина". Соч. Бѣлинскаго, СПБ., 1865 г., ч. VIII, стр. 611.

донынѣ нетронуты“ [1]). Если многіе критики находили твореніе Пушкина выдающимся, то лишь по сравненію съ предылущими его произведеніями; вообще же говоря, не могло быть и рѣчи, съ точки зрѣнія этихъ критиковъ, о сопоставленіи „Бориса Годунова“ съ шедеврами западно-европейской литературы.

„Сѣверный Меркурій“ приводилъ такой куплетъ, якобы спѣтый однимъ изъ прочитавшихъ „Бориса Годунова“: „И Пушкинъ сталъ намъ скученъ, и Пушкинъ надоѣлъ, и стихъ его не звученъ, и геній охладѣлъ. Бориса Годунова онъ выпустилъ въ народъ: убогая обнова, увы! на новый годъ“ [2]).

Олинъ, издатель „Колокольчика“, писалъ: „Намъ кажется, что это новое произведеніе г. Пушкина совершенное ребячество, или, говоря другими словами, школьная шалость, достойная исправленія. Мы бы охотно помирились, если бы ее, по крайней мѣрѣ, можно было назвать хотя своенравною; но сей эпитетъ менѣе всего ей приличенъ. Здѣсь г. Пушкинъ... опять, попрежнему, поэтъ-подражатель [3]).

Въ отдѣльной брошюрѣ, изданной въ 1831 г. подъ заглавіемъ: „Разговоръ помѣщика, проѣзжающаго изъ Москвы черезъ уѣздный городокъ, и вольнопрактикующаго въ ономъ учителя россійской словесности [4]), одинъ изъ участниковъ

---

[1]) Соч., т. V, стр. 211.

[2]) „Сѣверный Меркурій“, 1831 г., № 1, стр. 8.

[3]) Ср. А. Филоновъ. „Борисъ Годуновъ“ А. С. Пушкина. Опытъ разбора со стороны исторической и эстетической. СПБ., 1899, стр. 155.

[4]) Ср. В. Зелинскій. Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина, ч. III, изд. 2-е, Москва, 1901 г., стр. 120—130. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы не могли непосредственно воспользоваться журналами, на которые ссылаемся, пользуемся указаннымъ сборникомъ Зелинскаго.

діалога—учитель, высказывая мысли автора статейки, съ обывательской тупостью раздѣлываетъ драму, не укладывающуюся въ рамки школьной піитики того времени.

Журналъ „Гирлянда“ въ краткой библіографической замѣткѣ присоединяется къ разбору, сдѣланному въ только-что упомянутой брошюрѣ; по мнѣнію автора замѣтки, „въ числѣ критикъ, вышедшихъ на извѣстное произведеніе А. С. Пушкина, эта маленькая брошюрка... должна занять если не самое первое, то, по крайней мѣрѣ, почетное мѣсто“ [1]).

Таковы были отзывы явныхъ хулителей „Годунова“. Тѣ литературные судьи, которые въ общемъ относились къ драмѣ сочувственно, все же указывали въ ней немало слабыхъ сторонъ.

Критикъ „Сына Отечества“ Плаксинъ отнесся къ „Борису Годунову“ очень сдержанно [2]). Не отрицая нѣкоторыхъ достоинствъ драмы, онъ, вообще говоря, цѣнилъ ее не особенно высоко. Неоклассическій трафаретъ, съ которымъ онъ къ ней подошелъ, помѣшалъ ему правильно взглянуть на дѣло. „Прочитавъ „Бориса Годунова“, говоритъ онъ, „стараешься припомнить дѣйствіе, хочешь остановиться на тѣхъ случаяхъ, которые бы удерживали героевъ въ подвигахъ доблестныхъ или, увлекая къ бѣдствіямъ и гибели, безпокоили, тревожили, устрашали читателя, но не находишь сего! Ищешь сильныхъ, возвышенныхъ чувствованій, и—кромѣ двухъ или трехъ мѣстъ, принужденъ остаешься довольствоваться милыми, живыми, вѣрными списками съ обыкновенной природы“ [3]). Недостатокъ драмы и въ томъ, что „дѣйствіе ея не имѣетъ ни единства ни пол-

[1]) Зелинскій, op. cit., стр. 131.

[2]) „Замѣчанія на сочиненіе А. С. Пушкина: „Борисъ Годуновъ“. „Сынъ Отечества“,. 1831 г., т. XX, стр. 213–230, 281—294, т. XXI, стр. 22—37, 85—96.

[3]) Ibid.. т. XX, стр. 225—226.

ноты", а языкъ ея не всегда достаточно торжественъ [1]). Въ общемъ Пушкинъ, по мнѣнію критика, „Борисомъ" доказалъ, что много можетъ сдѣлать, а ничего не сдѣлалъ" [2]), а потому онъ „не можетъ и не долженъ хотѣть быть ни Шекспиромъ ни Байрономъ, ибо они на его мѣстѣ не были бы тѣмъ, что онъ теперь" [3]).

Въ томъ же „Сынѣ Отечества" находимъ разборъ пушкинской драмы, сдѣланный И. С. Камашевымъ [4]). По его отзыву, „Борисъ Годуновъ" есть такое стихотвореніе, которое, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ особенное вниманіе литературной критики" [5]). Однако, дальше слѣдуетъ характерная мысль. Напрасно, думаетъ авторъ статьи, толкуютъ, будто Пушкинъ уронилъ себя въ своемъ новомъ произведеніи. Говорить такъ—значитъ или смотрѣть на Пушкина черезъ увеличительное стекло, или не понимать какъ слѣдуетъ „Бориса Годунова". „Пушкинъ никогда не былъ литературнымъ геніемъ, разумѣя подъ этимъ словомъ лице, подобное Данту, Шекспиру, Байрону, Гете; мы увѣрены", продолжаетъ Камашевъ: „что нашъ поэтъ самъ отказался бы отъ подобной чести; отказались бы, можетъ быть, и сіи великіе люди отъ „Бориса Годунова", наравнѣ съ другими сочиненіями Пушкина" [6]), ибо, прежде всего, „Годуновъ" образовался „подъ вліяніемъ чуждыхъ элементовъ" [7]). Кромѣ того, поэтъ въ своей драмѣ „не развилъ достаточнымъ образомъ своей богатой мысли" [8]),

---

[1]) Ibid., стр. 281.

[2]) Ibid., т. XXI, стр. 94.

[3]) Ibid., стр. 96.

[4]) „Еще о „Борисѣ Годуновѣ", стихотвореніи А. С. Пушкина". „Сынъ Отечества", 1831 г., т. XXIII, стр. 100—115, 170—180.

[5]) Ibid., стр. 100.

[6]) Ibid., стр. 102.

[7]) Ibid., стр. 104.

[8]) Ibid., стр. 108.

въ ней не показано „біеніе пульса народной жизни", „событіе развивается вяло, неясно, сцены взяты не такія, какихъ ожидалъ бы читатель,—по большей части онѣ всѣ весьма незначительны" [1]). Поэзія событія „исчезла въ стихотвореніи Пушкина, и вотъ почему, прочитавъ „Бориса Годунова", восхищаясь каждою отдѣльною сценою, остаешься недоволенъ цѣлымъ; весь составъ стихотворенія есть какой-то легкій неоконченный очеркъ, намекъ на что-то, но это что-то, которое и есть собственно поэзія событія, остается невысказаннымъ" [2]). „Взявъ мысль богатую, онъ не раскрываетъ ея достаточнымъ образомъ, не вводитъ насъ въ глубину святилища поэзіи, подобно великому Шекспиру; онъ и здѣсь, какъ и вездѣ, поверхностенъ" [3]).

Надеждинъ, въ общемъ, очень сочувственно отнесся къ „Борису Годунову". Съ его точки зрѣнія, „Борисъ подъ *карамзинскимъ* угломъ зрѣнія никогда еще не являлся въ столь вѣрномъ и яркомъ очеркѣ", какъ въ драмѣ Пушкина [4]). Издатель и критикъ „Телескопа" первый указалъ на то, что сюжетъ драмы составляетъ не самъ Борисъ въ своей „біографической недѣлимости", а царствованіе Бориса—„эпоха, имъ наполняемая, міръ имъ созданный и съ нимъ разрушившійся" [5]). Однако, критикъ въ „Борисѣ Годуновѣ" находитъ также немало недостатковъ. Главный изъ нихъ заключается въ томъ, что „въ немъ („Б. Г.") интересъ раздвоенъ весьма неудачно" [6]); главное лицо—Годуновъ—пожертвовано совершенно другому лицу, которое въ драмѣ должно

[1]) Ibid., стр. 110, 111.

[2]) Ibid., стр. 112—113.

[3]) Ibid, стр. 115.

[4]) „Борисъ Годуновъ", сочиненіе А. Пушкина". „Телескопъ", 1831 г., ч. I, № 4, стр. 564.

[5]) Ibid., стр. 559.

[6]) Ibid., стр. 568.

было-бы играть подчиненную роль,—Самозванцу. По мнѣнію того же критика, Самозванецъ, Марина Мнишекъ и Пименъ изображены поэтомъ неудачно.

Полевой главный недостатокъ драмы усмотрѣлъ въ томъ, что Пушкинъ въ ней слѣдовалъ Карамзину, которому, какъ извѣстно, она и была посвящена. „Прочитавъ посвященіе“, говоритъ критикъ, „знаемъ напередъ, что мы увидимъ *карамзинскаго* Годунова: этимъ словомъ рѣшена участь драмы Пушкина. Ему не пособятъ уже ни его великое дарованіе, ни сила языка, какою онъ обладаетъ. Мы увидимъ въ его драмѣ только борьбу сильнаго генія, блѣдный оттѣнокъ великой идеи, а подробности должны быть непремѣнно ложны и сбивчивы или безцвѣтны“ [1]). „Когда вы прочитаете драму Пушкина“, продолжаетъ Полевой, „у васъ останется въ памяти множество чего-то хорошаго, прекраснаго, но несвязаннаго, въ отрывкахъ, такъ что ни въ чемъ не можете вы дать себѣ полнаго отчета“ [2]). Резюмируя сказанное, Полевой заключаетъ, что „Борисъ Годуновъ“ не выдерживаетъ суда критики, разсматриваемый какъ драматическое созданіе“ [3]).

Достаточно извѣстенъ приговоръ, который произнесъ Бѣлинскій по адресу „Бориса Годунова“ спустя почти 15 лѣтъ послѣ его появленія. „Пушкинъ“, говоритъ онъ вслѣдъ за Полевымъ, „рабски во всемъ послѣдовалъ Карамзину,— и изъ его драмы вышло что-то похожее на мелодраму, а Годуновъ его вышелъ мелодраматическимъ злодѣемъ, котораго мучитъ совѣсть и который въ своемъ злодѣйствѣ нашелъ себѣ кару. Мысль нравственная и почтенная, но уже

---

[1]) „Борисъ Годуновъ“. „Московскій Телеграфъ“, 1833 г., ч. 49, стр. 309.

[2]) Ibid., стр. 310.

[3]) Ibid., стр. 321—322.

до того избитая, что таланту ничего нельзя изъ нея сдѣлать“ [1]).

Какъ видимъ, въ приведенныхъ отзывахъ Плаксина, Камашева, Надеждина, Полевого и Бѣлинскаго драма Пушкина отмѣчается какъ незаурядное литературное явленіе, однако не лишенное болѣе или менѣе значительныхъ недостатковъ. Безусловныхъ и восторженныхъ цѣнителей „Бориса Годунова“, не замѣчавшихъ яко-бы присущихъ ему недостатковъ, было очень мало. Къ числу ихъ, кромѣ Гоголя, необходимо отнести Дельвига, Шаликова, издателя „Дамскаго Журнала“ и И. Кирѣевскаго [2]).

Дельвигъ полагалъ, что характеръ Бориса Годунова „не только выдержанъ поэтомъ, но еще, какъ будто помощью увеличительнаго стекла, придвинутъ къ намъ“ [3]). По его словамъ, „появленіе „Бориса Годунова“ вполнѣ вознаградило долгое, нетерпѣливое ожиданіе любителей поэзіи [4]).

Шаликовъ пришелъ въ восторгъ отъ новой драмы. На ней, онъ говоритъ, „лежитъ особенная или, лучше сказать, собственная печать, подобная Микель-Анджеловой печати на безсмертномъ куполѣ знаменитаго римскаго храма—печать таланта неустрашимаго, всемогущаго“ [5]). „Одно только непостижимое воображеніе геніевъ творитъ такимъ образомъ“ [6]).

---

[1]) Соч. Бѣлинскаго, Москва, 1865 г., ч. VIII, стр. 616.

[2]) Не упоминаемъ Веневитинова, которому знакома была только одна сцена изъ „Бориса Бодунова („Келья въ Чудовомъ монастырѣ“), напечатанная въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ за 1827 г. Поэтъ восторженно отнесся къ этому отрывку и поставилъ его „на ряду со всѣмъ, что есть лучшаго у Шекспира и Гёте“. Ср. Полное собраніе сочиненій Д. В. Веневитинова подъ редакціей А. Н. Пятковскаго. Спб., 1862, стр. 191—198.

[3]) „Литературная Газета“, 1831 г. Ср. Филоновъ, op. cit, стр. 94.

[4]) Ibid., стр. 152.

[5]) „Дамскій Журналъ“ за 1831 г. Ср. Зелинскій, op. cit., ч III, стр. 44.

[6]) Ibid., стр. 45.

Въ статьѣ И. Кирѣевскаго новъ и оригиналенъ, по сравненію съ предыдущими сужденіями, взглядъ на смыслъ драмы: „Очевидно", думаетъ критикъ, „что и Борисъ, и Самозванецъ, и Россія, и Польша, и народъ, и царедворцы, и монашеская келья, и государственный совѣтъ—всѣ лица и всѣ сцены трагедіи развиты только въ одномъ отношеніи: въ отношеніи къ послѣдствіямъ цареубійства. Тѣнь умерщвленнаго Димитрія царствуетъ въ трагедіи отъ начала до конца, управляетъ ходомъ всѣхъ событій, служитъ связью всѣмъ лицамъ и сценамъ, разставляетъ въ одну перспективу всѣ отдѣльныя группы и различнымъ краскамъ даетъ одинъ общій тонъ, одинъ кровавый оттѣнокъ" [1]). При такомъ взглядѣ на сущность драмы Пушкина сами собой отпадаютъ тѣ упреки, которые дѣлались многими критиками по адресу „Годунова".

Мы исчерпали почти всѣ критическіе отзывы о „Борисѣ Годуновѣ", появившіеся одновременно съ замѣткой Гоголя и вскорѣ послѣ нея [2]). Какъ видимъ, Гоголь въ своемъ восторженномъ отношеніи къ драмѣ былъ въ меньшинствѣ, но именно на сторонѣ этого меньшинства была правда, и послѣдующая критическая литература о Пушкинѣ блестяще это подтвердила.

Слѣдующая статья Гоголя—„Нѣсколько словъ о Пушкинѣ" [3])—первоначально написана была въ 1832 г.; временемъ же ея окончательной отдѣлки былъ 1834 г., когда ре-

---

[1]) „Обозрѣніе русской литературы за 1831 г." „Европеецъ", 1832 г, № 1, стр. 111.

[2]) Ср. еще С. С. Трубачевъ. „Пушкинъ въ русской критикѣ (1820—1880 г.)". СПБ., 1889 г.; П. В. Владимировъ. „Отношеніе къ А. С. Пушкину русской критики съ 1820 г. до столѣтняго юбилея 1899 г." Сборникъ „Памяти Пушкина", изданный Университетомъ Св. Владимира. Кіевъ, 1899 г., отд. II, стр. 1 — 64; А. Филоновъ. „Борисъ Годуновъ". СПБ, 1899, стр. 149—169.

[3]) Соч. Гоголя, т. V, стр. 207—212.

дактировался матеріалъ для „Арабесокъ“, въ составъ которыхъ она и вошла. По сравненію съ первоначальнымъ наброскомъ окончательная редакція отличается, главнымъ образомъ, своимъ стилемъ, нѣкоторыми исключеніями и вставками, не привносящими въ содержаніе и смыслъ статьи по существу ничего новаго [1]). Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что эта статья вмѣстѣ съ тѣми замѣчаніями, которыя дѣлаетъ Гоголь по поводу Пушкина въ другой своей статьѣ—„Въ чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность?“, является одной изъ самыхъ блестящихъ въ критической литературѣ о нашемъ поэтѣ вплошь до настоящаго времени. Здѣсь Гоголь задался цѣлью опредѣлить общій характеръ поэзіи Пушкина, выяснить сущность его дарованія и особенности его творчества. До появленія этой статьи у насъ почти не существовало такихъ общихъ обзоровъ, посвященныхъ разсмотрѣнію пушкинскихъ твореній, такъ сказать, en masse. Дѣло ограничивалось, въ большинствѣ случаевъ, разборомъ того или иного произведенія безъ указанія на характерныя черты поэтической индивидуальности Пушкина [2]). Въ дальнѣйшемъ этотъ пробѣлъ былъ удачно восполненъ Бѣлинскимъ [3]), менѣе

---

[1]) Ср. Соч. Гоголя, т. V, Примѣчанія, стр. 581—584.

[2]) Касаясь толковъ современныхъ аристарховъ по поводу Пушкина, Бѣлинскій въ 1844 г. говорилъ, что изъ этихъ толковъ „ничего не извлечешь, ничѣмъ не воспользуешься“. „Исключеніе остается только за статьей Гоголя о Пушкинѣ въ „Арабескахъ“, изданныхъ въ 1835 г.“. Объ этой замѣчательной, по выраженію критика, статьѣ онъ обѣщаетъ вспомнить въ продолженіе своего разбора и, дѣйствительно, черезъ нѣсколько страницъ приводитъ съ перерывами всю статью Гоголя.

[3]) Въ „Литературныхъ мечтаніяхъ“ и особенно въ извѣстныхъ статьяхъ о Пушкинѣ подъ общимъ заглавіемъ „Сочиненія Александра Пушкина“.

удачно Полевымъ [1]) и совсѣмъ неудачно Булгаринымъ [2]), а пока что, помимо статьи Гоголя, существовалъ единственный опытъ такого рода—статья Кирѣевскаго „Нѣчто о поэзіи Пушкина“ [3]). Въ началѣ статьи Кирѣевскій спрашиваетъ: „Отчего лучшія его (Пушкина) произведенія остаются неразобранными, а вмѣсто разборовъ и сужденій слышимъ мы одни пустыя восклицанія: „Пушкинъ поэтъ! Пушкинъ истинный поэтъ! „Онѣгинъ“—поэма превосходная! „Цыганы“—мастерское произведеніе!“ и т. д.—Отчего никто до сихъ поръ не предпринялъ опредѣлить характеръ его поэзіи вообще, оцѣнить ея красоты и недостатки, показать мѣсто, которое поэтъ нашъ успѣлъ занять между первоклассными поэтами своего времени?“ [4]). Берясь самъ за выполненіе этой задачи, критикъ чувствуетъ тутъ, однако, непреодолимыя трудности, происходящія отъ отсутствія единства и цѣльности настроенія въ поэтическихъ созданіяхъ Пушкина. „Говоря о Пушкинѣ“, пишетъ онъ, „трудно высказать свое мнѣніе рѣшительно, трудно привесть къ единству все разнообразіе его произведеній и пріискать общее выраженіе для характера его поэзіи, принимавшей столько различныхъ видовъ. Ибо, выключая красоту и оригинальность стихотворнаго языка, какіе слѣды общаго происхожденія находимъ мы въ „Русланѣ и Людмилѣ“, въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“, въ „Онѣгинѣ“, въ „Цыганахъ“ и т. д.? Не только каждая изъ сихъ поэмъ отличается особенностью хода и образа изложенія (la manière); но еще нѣкоторыя изъ нихъ различеству-

[1]) „Борисъ Годуновъ“, сочиненіе А. Пушкина. „Московскій Телеграфъ“, 1833 г. ч. 49, стр. 117—147 и 289—327.

[2]) „О характерѣ и достоинствѣ поэзіи А. С. Пушкина“. „Сынъ Отечества“, 1833 г., т. XXXIII, стр. 309—326.

[3]) „Московскій Вѣстникъ“, 1828 г., ч. 8, стр. 171—196.

[4]) Ibid., стр. 171.

ютъ и самымъ характеромъ поэзіи, отражая различное воззрѣніе поэта на вещи, такъ что въ переводѣ ихъ легко можно бы было почесть произведеніями не одного, но многихъ авторовъ“ [1]). При такомъ взглядѣ на творческій путь поэта, очевидно, не легко опредѣлить его индивидуальность, и Кирѣевскій, дѣйствительно, мало сосредоточивается на этой задачѣ. Вотъ общая сдѣланная имъ характеристика поэта, довольно вѣрная, но далеко не полная: „Отличительныя черты его (Пушкина) суть: живописность, какая-то безпечность, какая-то особенная задумчивость и, наконецъ, что-то невыразимое, понятное лишь русскому сердцу... Въ этомъ періодѣ развитія поэзіи Пушкина особенно замѣтна способность: забываться въ окружающихъ предметахъ и текущей минутѣ. Та же способность есть основаніе русскаго характера“ [2])... Въ большей части статьи Кирѣевскій слѣдитъ за постояннымъ возростаніемъ самобытности поэта, начиная съ „Руслана и Людмилы и кончая „Онѣгинымъ“.

Обратимся къ статьѣ Гоголя.

„При имени Пушкина“—такъ начинается статья—„точчасъ осѣняетъ мысль о русскомъ національномъ поэтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ поэтовъ нашихъ не выше его и не можетъ болѣе назваться національнымъ; это право рѣшительно принадлежитъ ему. Въ немъ, какъ будто въ лексиконѣ, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Онъ болѣе всѣхъ, онъ далѣе раздвинулъ ему границы и болѣе показалъ все его пространство. Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа: это русскій человѣкъ въ конечномъ его развитіи, въ какомъ онъ, можетъ быть, явится черезъ двѣсти лѣтъ. Въ немъ русская природа, русская душа, рус-

[1]) Ibid., стр. 173.

[2]) Ibid., стр. 193—194.

скій языкъ, русскій характеръ отразились въ такой же чистотѣ, въ такой очищенной красотѣ, въ какой отражается ландтафтъ на выпуклой поверхности оптическаго стекла“ [1]). Считая Пушкина глубоко національнымъ поэтомъ, Гоголь говоритъ: „Онъ при самомъ началѣ своемъ уже былъ національненъ, потому что истинная національность состоитъ не въ описаніи сарафана, но въ самомъ духѣ народа. Поэтъ даже можетъ быть и тогда національненъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами всего народа, когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами“ [2]). Такое мнѣніе о національномъ направленіи поэзіи Пушкина и такое опредѣленіе существа національности у поэта было по тому времени совершенной новостью. Большинство критиковъ тщетно взывало о необходимости національнаго направленія въ нашей литературѣ [3]); эти критики не видѣли въ произведеніяхъ нашихъ писателей отраженія народной стихіи, не видѣли они ее и въ произведеніяхъ Пушкина, который почти всѣми поголовно трактовался какъ послѣдователь Байрона. Если, какъ мы видѣли, Кирѣевскій и говорилъ о все возрастающей самостоятельности нашего поэта, то вопросъ о національномъ направленіи его поэзіи имъ вовсе не поднимался. Даже поэтъ Веневитиновъ, критикъ, въ общемъ, довольно проницательный, такъ отзывался о народности 1-й главы „Евгенія Онѣгина“: „Я не знаю, что тутъ народнаго, кромѣ именъ петербургскихъ улицъ и ресторацій. И во Франціи, и въ Англіи пробки хлопаютъ въ потолокъ, охотники ѣздятъ въ театры и на балы. Приписы-

[1]) Соч. Гоголя, т. V, стр. 207.

[2]) Ibid., стр. 208.

[3]) Ср. Н. Котляревскій. Н. В. Гоголь, СПБ. 1903, стр. 24—56.

вать Пушкину лишнее—значитъ отнимать у него то, что истинно ему принадлежитъ. Въ „Русланѣ и Людмилѣ“ онъ доказалъ намъ, что можетъ быть поэтомъ національнымъ“ [1]). Едва ли не одинъ только Полевой, судя лишь по первой главѣ романа, сумѣлъ найти въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ черты народности. „Надо думать“, говоритъ онъ, возражая Веневитинову, „что г. — въ (Веневитиновъ) полагаетъ народность русскую въ русскихъ черевикахъ, лаптяхъ и бородахъ, и тогда только назвалъ бы „Онѣгина“ народнымъ, когда на сценѣ представился бы русскій мужикъ, съ русскими поговорками, побасенками и проч.! Народность бываетъ не въ одномъ низшемъ классѣ: печать ея видна на всѣхъ званіяхъ и вездѣ... Общество, куда поставилъ своего героя Пушкинъ, мало представляетъ отпечатковъ русскаго народнаго быта, но всѣ сіи отпечатки подмѣчены и выражены съ удивительнымъ искусствомъ. Ссылаюсь на описаніе петербургскаго театра, воспитаніе Онѣгина, поѣздку къ Талону, похороны дяди, не исключая множества другихъ чертъ народности“ [2]).

---

[1]) „Сынъ Отечества“, 1825 г., ч. 100, № 8. „Разборъ статьи о „Евгеніи Онѣгинѣ“, помѣщенной въ 5-мъ № „Московскаго Телеграфа“ на 1825 г.“ Перепечатано въ Соч. Веневитинова подъ ред. Пятковскаго, СПБ, 1862, стр. 205.

[2]) „Московскій Телеграфъ“, 1825 г., ч. 4-я, № 15. (Особенное прибавленіе къ „М. Т.“), стр 10.

Нужно, впрочемъ, отмѣтить, что въ своемъ отвѣтѣ Полевому Веневитиновъ, не отказываясь отъ своего мнѣнія относительно отсутствія народности въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, даетъ довольно вѣрное опредѣленіе народности въ поэтическомъ произведеніи, въ общемъ напоминающее опредѣленіе Гоголя: „Я понимаю народность“, говоритъ онъ, „не въ черевикахъ, не въ бородахъ и проч. (какъ остроумно думаетъ г. Полевой), но и не въ томъ, гдѣ ея ищетъ издатель Телеграфа. Народность отражается не въ картинахъ, принадлежащихъ какой либо особенной сторонѣ, но въ самихъ чувствахъ поэта, напитаннаго духомъ

Переходя отъ утвержденія о національномъ направленіи генія Пушкина къ выясненію тѣхъ особенностей, которыя составляютъ принадлежность нашего поэта сравнительно съ другими, Гоголь видитъ эти особенности „въ чрезвычайной быстротѣ описанія и въ необыкновенномъ искусствѣ немногими чертами означить весь предметъ“. „Его эпитетъ такъ отчетистъ и смѣлъ“, говоритъ Гоголь, „что иногда одинъ замѣняетъ цѣлое описаніе; кисть его летаетъ. Его небольшая пьеса всегда стоитъ цѣлой поэмы. Врядъ ли о комъ изъ поэтовъ можно сказать, чтобы у него въ коротенькой пьесѣ вмѣщалось столько величія, простоты и силы, сколько у Пушкина“ [1]). Въ этой блестящей, хотя и сжатой характеристикѣ заключается то зерно, изъ котораго выросли лучшіе критическіе статьи о Пушкинѣ, въ томъ числѣ статья Бѣлинскаго. Трудно въ столь немногихъ словахъ охарактеризовать сущность творчества Пушкина лучше, чѣмъ это сдѣлалъ Гоголь. Въ нѣсколькихъ строкахъ весь обликъ поэта, впервые угаданный какъ слѣдуетъ Гоголемъ.

одного народа и живущаго, такъ сказать, въ развитіи, успѣхахъ и отдѣльности его характера. Не должно смѣшивать понятія народности съ выраженіемъ народныхъ обычаевъ: подобныя картины тогда только истинно намъ нравятся, когда онѣ оправданы гордымъ участіемъ поэта. Такъ, напримѣръ, Шиллеръ, въ „Вильгельмѣ Телѣ“, переноситъ насъ не только въ новый міръ народнаго быта, но и въ новую сферу идей: онъ увлекаетъ, потому что пламеннымъ восторгомъ самъ принадлежитъ Швейцаріи“ (Соч., стр. 224).

Въ названной выше статьѣ Кирѣевскій такъ опредѣляетъ условія, дѣлающія поэта народнымъ: „Мало быть поэтомъ, чтобы быть народнымъ; надобно еще быть воспитаннымъ, такъ сказать, въ средоточіи жизни своего народа, раздѣлять надежды своего отечества, его стремленія, его страсть,—словомъ, жить его жизнію и выражать его невольно, выражая себя“. „Московскій Вѣстникъ“, 1828 года, ч. VIII, стр. 196.

[1]) Соч. Гоголя, т. V, стр. 209.

Продолжая свою статью, Гоголь отмѣчаетъ тотъ фактъ, что послѣднія произведенія Пушкина [1]), написанныя имъ по возвращеніи съ Кавказа, произведенія, проникнутыя любовью къ родной обстановкѣ, къ обыкновеннымъ русскимъ равнинамъ,—менѣе захватили читателей, чѣмъ тѣ поэмы, въ которыхъ фигурируетъ Эльбрусъ, горцы, Крымъ и Грузія. Очевидно, здѣсь намекъ на послѣднія главы „Евгенія Онѣгина", принятыя критикой, въ большинствѣ случаевъ, неблагосклонно [2]), и, можетъ быть, на „повѣсти Бѣлкина", впервые оцѣненныя по достоинству лишь Аполлономъ Григорьевымъ [3]). Замѣчательны тѣ строки, въ которыхъ Гоголь, тогда особенно неравнодушно относившійся къ романтизму, беретъ подъ свою защиту новое—реалистическое направленіе въ поэзіи, едва только нарождавшееся у насъ и далеко еще не находившее себѣ признанія среди присяжныхъ литературныхъ судей. „Никто не станетъ спорить", говоритъ онъ, что дикій горецъ въ своемъ воинственномъ костюмѣ, вольный, какъ воля, самъ себѣ и судья и господинъ, гораздо ярче какого-нибудь засѣдателя и, несмотря на то, что онъ зарѣзалъ своего врага, притаясь въ ущельи, или выжегъ цѣлую деревню, однакоже онъ болѣе поражаетъ, сильнѣе возбуждаетъ въ насъ участіе, нежели нашъ судья въ истертомъ фракѣ, запачканномъ табакомъ, который невиннымъ образомъ, посредствомъ справокъ и выправокъ, пустилъ по міру множество всякаго рода крѣпостныхъ и свободныхъ душъ.—Но тотъ и другой, они оба—явленія, принадлежащія къ нашему міру: они оба должны имѣть право на наше вниманіе, хотя по весьма естественной причинѣ то, что мы рѣже

---

[1]) Разумѣются, конечно, произведенія, появившіяся до 1832 г., времени написанія разсматриваемой статьи.

[2]) Ср. Трубачевъ. Указ. соч., стр. 180—205.

[3]) Ibid., стр. 274—276.

видимъ, всегда сильнѣе поражаетъ наше воображеніе, и предпочесть необыкновенному обыкновенное есть больше ничего, кромѣ неразсчетъ поэта—неразсчетъ передъ его многочисленною публикою, а не передъ собою: онъ ничуть не теряетъ своего достоинства, даже, можетъ быть, еще болѣе пріобрѣтаетъ его, но только въ глазахъ немногихъ истинныхъ цѣнителей“ [1]).

Но что особенно высоко цѣнилъ Гоголь въ Пушкинѣ—такъ это его мелкія стихотворенія, которыя онъ ставилъ чуть-ли не выше всего того, что было написано Пушкинымъ. „Въ мелкихъ своихъ сочиненіяхъ“, говоритъ Гоголь, „этой прелестной антологіи, Пушкинъ разностороненъ необыкновенно и является еще обширнѣе, виднѣе, нежели въ поэмахъ... Это собраніе его мелкихъ стихотвореній—рядъ самыхъ ослѣпительныхъ картинъ. Это тотъ ясный міръ, который такъ дышитъ чертами, знакомыми однимъ древнимъ, въ которомъ природа выражается такъ же живо, какъ въ струѣ какой-нибудь серебряной рѣки, въ которомъ быстро и ярко мелькаютъ ослѣпительныя плечи или бѣлыя руки, или алебастровая шея, обсыпанная ночью темныхъ кудрей, или прозрачныя гроздія винограда, или мирты и древесная сѣнь, созданныя для жизни. Тутъ все: и наслажденіе, и простота, и мгновенная высокость мысли, вдругъ объемлющая священнымъ холодомъ вдохновенія читателя... Здѣсь нѣтъ краснорѣчія, здѣсь одна поэзія: никакого наружнаго блеска, все просто, все прилично, все исполнено внутренняго блеска, который раскрывается не вдругъ; все лаконизмъ, какимъ всегда бываетъ чистая поэзія. Словъ немного, но они такъ точны, что обозначаютъ все. Въ каждомъ словѣ бездна пространства; каждое слово необъятно, какъ поэтъ“... [2]) Гоголь изумляется, что не только

[1]) Соч. Гоголя, т. V, стр. 210.
[2]) Соч. Гоголя, т. V. стр. 211—212.

толпа, но и записные знатоки и литераторы остаются равнодушными къ этимъ стихотвореніямъ: „Непостижимое дѣло!“ говоритъ онъ, „казалось, какъ бы имъ не быть доступными всѣмъ! Они такъ просто-возвышенны, такъ ярки, такъ пламенны, такъ сладострастны и, вмѣстѣ, такъ дѣтски чисты! Какъ бы не понимать ихъ!“ [1]).

Гоголь былъ совершенно правъ, дѣлая упреки публикѣ и критикамъ въ непониманіи ими стихотвореній Пушкина. Стоитъ перечитать тѣ отзывы современной поэту критики, какія дѣлались по поводу этихъ стихотвореній, чтобы убѣдиться въ томъ, что Гоголь былъ первымъ и надолго единственнымъ цѣнителемъ пушкинской антологіи. Если она для насъ представляется цѣлымъ откровеніемъ, если Пушкинъ именно благодаря ей для насъ особенно близокъ и дорогъ, то для современниковъ поэта она была чужда и непонятна. „Почти никакого значенія не имѣютъ всѣ рецензіи, написанныя о стихотвореніяхъ Пушкина. Критики, обыкновенно, отстраняли отъ себя всякія сужденія о нихъ, замѣчая, „что они краснорѣчиво говорятъ сами за себя“. Вся критика ограничивалась, обыкновенно, двумя-тремя замѣчаніями, которыя, вѣроятно, сумѣлъ бы сдѣлать всякій любитель литературы,—замѣчаніями о многосторонности таланта Пушкина, ибо въ его сборникахъ помѣщались, дѣйствительно, самыя разнообразныя стихотворенія“ [2]). „Сѣверная Пчела“, напримѣръ, не нашла сказать ничего лучшаго, какъ то, что „муза его (Пушкина) своенравная красавица, которая любитъ переряжаться, но всегда умѣетъ одѣться къ лицу“ [3]), и это потому, что критикъ нашелъ поэта не въ мѣру эклектическимъ: „онъ является передъ нами то строгимъ, отчет-

[1]) Соч. Гоголя, т. V, стр. 212.

[2]) Трубачевъ, op. cit., стр. 267.

[3]) Зелинскій, op. cit., ч. II, стр. 141—142.

ливымъ классикомъ, то смѣлымъ, полнымъ жизни романтикомъ. Критику „Русскаго Инвалида“ [1]) изъ всѣхъ произведеній, вошедшихъ въ 3-ю часть стихотвореній Пушкина, особенно понравилась „Сказка о царѣ Салтанѣ“ [2]). Говоря о мелкихъ стихотвореніяхъ, онъ ограничивается простымъ ихъ перечисленіемъ.

Баронъ Розенъ, съ галантностью свѣтскаго кавалера касаясь въ своей слащавой рецензіи [3]) той же 3-ей части стихотвореній, не идетъ дальше ничего не говорящихъ расшаркиваній и комплиментовъ. Ему очень пріятно вновь встрѣтиться съ „милыми знакомками“, съ которыми онъ уже раньше встрѣчался въ журналахъ и альманахахъ и которымъ онъ „уже платилъ дань удивленія“; но въ чемъ заключаются достоинства этихъ „милыхъ знакомокъ“, прельстившихъ велерѣчиваго критика, читателямъ не сообщается.

Надеждинъ [4]) заявлялъ, что онъ многаго ждалъ отъ новаго сборника произведеній Пушкина, но, къ его сожалѣнію, остался этимъ сборникомъ совершенно неудовлетвореннымъ. Эта третья часть стихотвореній представляется ему „печальной лѣствицей упаданія поэта“ [5]); въ ней онъ нашелъ „рядъ неудачныхъ попытокъ таланта, разочарованнаго въ юношескихъ своихъ мечтахъ и неумѣющаго найти опоры для своихъ зрѣлыхъ помысловъ и вдохновеній“ [6]).

---

[1]) Ср. Зелинскій, op. cit., ч. III, стр. 161—162.

[2]) Замѣтимъ, что сюда вошли, между прочимъ, „Моцартъ и Сальери“, „Пиръ во время чумы“, „Кавказъ“, „Зимнее утро“, „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“, „Къ Вельможѣ“, „Поэту“, „Бѣсы“, „Зимній вечеръ“, „Анчаръ“ и др.

[3]) Въ „Сѣверной Пчелѣ“ за 1832 г. Ср. Зелинскій, op. cit., ч. III, стр 162—164.

[4]) „Лѣтописи отечественной литературы“. „Телескопъ“, 1839 г., ч. 9, стр. 103—123.

[5]) Ibid., стр. 111.

[6]) Ibid., стр. 115.

Въ заключеніе статьи Надеждинъ сопоставляетъ стихотворенія Пушкина со стихами давно забытаго нами поэта Теплякова и въ этомъ Тепляковѣ видитъ продолжателя Пушкина.

Булгаринъ [1]), отводя Пушкину слѣдующее мѣсто вслѣдъ за Державинымъ и Крыловымъ, полагалъ, что „въ мелкихъ стихотвореніяхъ поэтъ паритъ безпрерывно въ высотахъ, обозначенныхъ Байрономъ“ [2]). Если, по взгляду критика, Пушкинъ и оригиналенъ, то далеко не въ такой степени, какъ великіе западно-европейскіе поэты. Дѣло въ томъ, что „умъ сихъ великихъ поэтовъ упитанъ былъ науками, а душа ихъ созрѣла въ созерцаніи природы и человѣчества“ [3]). Нашъ поэтъ, такимъ образомъ, обвиняется въ недостаткѣ знаній, въ поверхностности образованія. Намекая на Пушкина, тотъ же Булгаринъ беззастѣнчиво заявляетъ: „Писатель безъ мыслей, безъ великихъ философическихъ и нравственныхъ истинъ, безъ сильныхъ ощущеній—есть просто гударь, хотя бы его риѳмы были сладостнѣе Россиніевой музыки, а образы свѣтлѣе Грёзовой головки“ [4]).

Полевой рекомендовалъ Пушкину выбросить изъ собранія своихъ сочиненій „Дорожныя жалобы“ и „Къ Вельможѣ“, какъ произведенія недостойныя его пера [5]). Какъ истый романтикъ и поклонникъ Байрона, онъ такія стихотворенія какъ „Наполеонъ“, „Демонъ“, „Къ морю“, „Андрей Шенье“—

---

[1]) „О характерѣ и достоинствѣ поэзіи А. С. Пушкина“. „Сынъ Отечества“, 1833 г., т. XXXIII, стр. 309—326.

[2]) Ibid., стр. 312.

[3]) Ibid., стр. 315.

[4]) Ibid., стр. 323.

[5]) „Борисъ Годуновъ“. „Московскій Телеграфъ“, 1833 г., ч. 39-я, стр. 141.

ставилъ выше „Подражаній Корану“, „19 октября“, „Воспоминанія“, „Бѣсовъ“, „Анчара“.

Наконецъ, самъ Бѣлинскій не сразу угадалъ цѣнность стихотвореній Пушкина. Оплакивая паденіе поэта въ связи съ выходомъ третьей части его стихотвореній, онъ говорилъ: „Въ третьей части полнаго собранія его (Пушкина) стихотвореній замерли звуки его гармонической лиры. Теперь мы не знаемъ Пушкина; онъ умеръ или, можетъ быть, только обмеръ на время. Можетъ быть, его уже нѣтъ, а можетъ быть, онъ и воскреснетъ; этотъ вопросъ, это Гамлетовское быть или не быть скрывается во мглѣ будущаго“ [1]). Только въ своемъ обзорѣ русской литературы за 1841 г. [2]) и особенно въ знаменитыхъ статьяхъ о Пушкинѣ 1843 — 46 гг. Бѣлинскій сталъ въ этомъ случаѣ на вѣрную точку зрѣнія, и тѣ мѣста, которыя посвящены въ этихъ статьяхъ обзору мелкихъ стихотвореній поэта, принадлежатъ къ однимъ изъ самыхъ глубокихъ и увлекательныхъ страницъ въ книгахъ великаго критика [3]).

Такимъ образомъ, только въ 40-хъ годахъ, уже послѣ смерти поэта, оцѣнка Пушкина, сдѣланная Гоголемъ еще въ 1832 г., нашла себѣ признаніе. До тѣхъ же поръ Гоголь въ своихъ сужденіяхъ былъ почти одинокъ.

---

[1]) „Литературныя мечтанія“. Полное собраніе соч. Бѣлинскаго подъ ред. С. А. Венгерова, т. I, стр. 364.

[2]) „Русская литература въ 1841 г.“, ibid., т. VII, стр. 32—35.

[3]) Очень характеренъ отзывъ Бѣлинскаго 1844 г. о третьей части стихотвореній Пушкина, прямо противоположный тому, который данъ былъ въ „Литературныхъ мечтаніяхъ“. Теперь онъ пишетъ: „Вообще третья часть заключаетъ въ себѣ лучшія мелкія пьесы Пушкина, не говоря уже о двухъ превосходнѣйшихъ драматическихъ очеркахъ— „Моцартъ и Сальери“ и „Пиръ во время чумы“. Въ самомъ стихѣ виденъ большой успѣхъ. И между тѣмъ аристархами того времени эта часть была принята очень дурно“ (sic!). Соч. Бѣлинскаго, М., 1865 г., ч. VIII, стр. 415.

Въ концѣ 1846 г. Гоголемъ была написана статья „Въ чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность?“, вошедшая позднѣе въ его „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“ [1]). Пушкину въ ней удѣлено, сравнительно, очень много мѣста. Здѣсь находимъ мы, въ сущности говоря, дальнѣйшее развитіе тѣхъ мыслей, которыя высказалъ Гоголь въ статьѣ только-что нами разсмотрѣнной. Кое-что тутъ даже повторяется, только въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ. Необычайная многосторонность, умѣніе въ немногихъ словахъ сказать очень многое, простота въ соединеніи съ силой и величіемъ, мѣткость и образность эпитетовъ—всѣ эти отличительныя особенности пушкинскаго генія, отмѣченныя Гоголемъ еще въ 1832 г., отмѣчаются и въ сейчасъ разбираемомъ отрывкѣ. Что касается нѣкоторыхъ другихъ мыслей по поводу произведеній Пушкина, то онѣ, въ большинствѣ случаевъ, уже не представляютъ собой того интереса новизны и оригинальности, какимъ отличалась статья предыдущая. Большинство изъ того, что говоритъ здѣсь Гоголь, было отмѣчено предыдущей критикой, которая съ конца 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ стала лучше разбираться въ пушкинскомъ наслѣдіи, чѣмъ критика современная поэту. Особенно это относится къ Бѣлинскому, съ позднѣйшими сужденіями котораго о Пушкинѣ во многомъ совпадаютъ сужденія Гоголя 1846 г. Найдемъ мы теперь кое-какія совпаденія у Гоголя и съ мыслями нѣкоторыхъ другихъ критиковъ. Подробнѣе на этомъ останавливаемся попутно съ разсмотрѣніемъ интересующаго насъ отрывка гоголевской статьи.

Въ началѣ этого отрывка высказывается мысль, что поэтическая дѣятельность Пушкина представляетъ собой завершеніе, синтезъ того, что въ русскую литературу вне-

[1]) Соч. Гоголя, т. IV, стр. 169—212.

сено было Жуковскимъ и Батюшковымъ. „Въ то время, когда Жуковскій", читаетъ здѣсь, „стоялъ еще въ первой порѣ своего поэтическаго развитія, отрѣшая нашу поэзію отъ земли и существенности и унося ее въ область безтѣлесныхъ видѣній, другой поэтъ, Батюшковъ, какъ бы нарочно ему въ отпоръ, сталъ прикрѣплять ее къ землѣ и тѣлу, высказывая всю очаровательную прелесть осязаемой существенности. Два разнородные поэта внесли вдругъ два разнородныя начала въ нашу поэзію; изъ двухъ началъ вмигъ образовалось третье: явился Пушкинъ" [1]). На преемственность Пушкина отъ Жуковскаго и Батюшкова указывалъ Шевыревъ еще въ 1841 [2]). По его мнѣнію, до Пушкина русскій стихъ прошелъ черезъ двѣ школы. Первой была школа державинская—пластическая (?), второй—школа Жуковскаго и Батюшкова, изъ которой и вышелъ Пушкинъ [3]). Ту же мысль высказалъ Бѣлинскій въ 1843 г. Говоря о лицейскихъ стихотвореніяхъ поэта, критикъ замѣчаетъ: „Онъ былъ сперва счастливымъ ученикомъ Жуковскаго и Батюшкова, прежде чѣмъ явился самостоятельнымъ мастеромъ" [4]). Эта мысль въ продолженіе статьи повторяется и подтверждается Бѣлинскимъ на примѣрахъ нѣсколько разъ [5]).

---

[1]) Соч. Гоголя, т. IV, стр. 180—181.

[2]) „Сочиненія Александра Пушкина". „Москвитянинъ", 1841 г., ч. V, стр. 236—270.

[3]) „Вслѣдъ за пластическою школою образовалась у насъ школа музыкальная: основатели ея—Жуковскій и Батюшковъ. Она обратила все вниманіе на звуки стиха—на ихъ стройное, гармоническое, безостановочное теченіе... Изъ этой школы вышелъ Пушкинъ. Отъ нея по закону преданія и наслѣдія, существующему во всякомъ человѣческомъ развитіи, принялъ онъ стихъ оконченный звукомъ, стройный, гармоническій". „Москвитянинъ", 1841 г., ч. V, стр. 239—240.

[4]) Соч. Бѣлинскаго, ч. VIII, М. 1865 г., стр. 314.

[5]) „Лицейскія" стихотворенія не богаты поэзіей, но часто удивляютъ красотой и изяществомъ стиха. Фактура этого стиха совсѣмъ

Продолжая свою статью, Гоголь спрашиваетъ: „Что же было предметомъ его поэзіи?“ и даетъ такой отвѣтъ: „Все стало ея предметомъ и ничто въ особенности. Нѣмѣетъ мысль передъ безчисленностью его предметовъ. Чѣмъ онъ не поразился и передъ чѣмъ онъ не остановился? Отъ заоблачнаго Кавказа и картиннаго черкеса до бѣдной сѣверной деревушки съ балалайкой и трепакомъ у кабака,—вездѣ, всюду, на модномъ балѣ, въ избѣ, въ степи, въ дорожной кибиткѣ—все становится его предметомъ“ [1]). Мысль эта также не отличалась новизной. Еще въ 1839 году нѣмецкій критикъ Фарнгагенъ-фонъ-Энзе говорилъ почти то же самое: „Въ мірѣ древняго сельскаго обычая и въ ежедневной модной жизни, въ чертогахъ и подъ палаткою цыганъ, вездѣ онъ на своей почвѣ, вездѣ принимается его поэзія. Въ самомъ дѣлѣ, онъ доводитъ богатый міръ сей во всемъ его объемѣ до поэтическаго воззрѣнія“ [2]). Короче въ томъ же духѣ высказывался и Бѣлинскій: „Какъ истинный художникъ, Пушкинъ не нуждался въ выборѣ поэтическихъ предметовъ для своихъ произведеній, но для него всѣ предметы были равно исполнены поэзіи“ [3]).

Сходится Гоголь съ Бѣлинскимъ и въ опредѣленіи отношенія Пушкина къ своимъ предшественникамъ. „На Пушкинѣ“, говоритъ Гоголь, „оборвались всѣ вопросы, которые дотолѣ не задавались никому изъ нашихъ поэтовъ, и въ которыхъ виденъ духъ просыпающагося времени“ [4]).

не пушкинская: она принадлежитъ Жуковскому и Батюшкову“ (ibid., стр. 314). „Въ дѣтскихъ и юношескихъ опытахъ Пушкина... больше всего видно... вліяніе Жуковскаго и особенно Батюшкова“. (Ibid., стр. 316). Ср. еще стр. 321, 322, 332, 333.

[1]) Соч. Гоголя, т. IV, стр. 181—182.

[2]) „Сочиненія Пушкина“. „Сынъ Отечества“, 1839 г., т. VII, отд. IV, стр. 11.

[3]) Соч. Бѣлинскаго, ч. VIII, стр. 384.

[4]) Соч. Гоголя, т. IV, стр. 182.

По словамъ Бѣлинскаго, читая самобытныя стихотворенія Пушкина, „не то что не вѣришь, а совершенно забываешь, что была на Руси поэзія и до Пушкина: такъ оригиналенъ, новъ и свѣжъ міръ его поэзіи“ [1]). Если мы не примемъ въ расчетъ раннихъ, „переходныхъ“ произведеній поэта, то между предшествующей русской литературой и Пушкинымъ „не будетъ никакой связи: вы увидите совершенный перерывъ“ [2]).

Гоголь высоко цѣнилъ въ Пушкинѣ объективность его таланта, отсутствіе предвзятыхъ симпатій и антипатій и исключительную способность отзываться на самыя разнообразныя возбужденія, которыя доставляла ему окружавшая его жизнь. Въ лицѣ Пушкина Гоголь видѣлъ прежде всего художника и артиста, чутко воспринимавшаго красоты внѣшняго міра, и этотъ художникъ, артистъ, по мысли Гоголя, въ поэтѣ былъ такъ силенъ, что совершенно заслонялъ собой личность. „При мысли о всякомъ поэтѣ представляется больше или меньше личность его самого“ [3]), говоритъ Гоголь. Это въ одинаковой степени относится какъ къ великимъ западно-европейскимъ поэтамъ—Шиллеру, Байрону, Гёте, такъ и къ нашимъ писателямъ—Державину, Жуковскому, Батюшкову. У одного Пушкина мы не замѣчаемъ этого проявленія личнаго начала. „Что схватишь изъ его сочиненій о немъ самомъ? Поди, улови его характеръ, какъ человѣка! На мѣсто его предстанетъ тотъ же чудный образъ, на все откликающійся и одному себѣ только не находящій отклика. Всѣ сочиненія его—полный арсеналъ орудій поэта. Ступай туда, выбирай себѣ всякъ по рукѣ любое и выходи съ нимъ на битву“ [4]). Ту же мысль,

[1]) Соч. Бѣлинскаго, ч. VIII, стр. 364.

[2]) Ibid., стр. 378.

[3]) Соч. Гоголя, т. IV, стр. 183.

[4]) Соч. Гоголя, т. VI, стр. 183.

иначе только выраженную, находимъ и у Бѣлинскаго. По его словамъ, въ Гомерѣ, напримѣръ, насъ занимаетъ не столько художественная сторона его твореній, сколько древне-эллинское міросозерцаніе и древне-эллинскій міръ, отображаемые въ его поэзіи; въ Шекспирѣ останавливаетъ на себѣ вниманіе тоже не художникъ, а глубокій сердцевѣдъ; въ поэзіи Байрона бросается въ глаза прежде всего колоссальная личность поэта; съ Гёте соединяется представленіе о великомъ мыслителѣ-созерцателѣ; Шиллеръ особенно дорогъ намъ какъ трибунъ человѣчества. Совсѣмъ не то Пушкинъ: „Въ Пушкинѣ, напротивъ, прежде всего увидите художника, вооруженнаго всѣми чарами поэзіи, призваннаго для искусства какъ для искусства, исполненнаго любви, интереса ко всему эстетически-прекрасному, любящаго все— и потому терпимаго ко всему“ [1]).

Сошелся Гоголь съ Бѣлинскимъ и во взглядѣ на отношеніе Пушкина къ своему творчеству. И тотъ и другой отмѣтили благоговѣйное, серьезное отношеніе поэта къ своему призванію, какъ-бы ниспосланному свыше. Гоголь писалъ: „Пушкинъ слышалъ значеніе свое лучше тѣхъ, которые задавали ему запросы, и съ любовью исполнялъ его. Даже и въ тѣ поры, когда метался онъ самъ въ чаду страстей, поэзія была для него святыня,—точно какой-то храмъ. Не входилъ онъ туда неопрятный и неприбранный; ничего не вносилъ онъ туда необдуманнаго, опрометчиваго изъ собственной жизни своей; не вошла туда нагишомъ растрепанная дѣйствительность... И какъ онъ лелѣялъ ихъ (стихи) въ себѣ! Какъ вынашивалъ! Ни одинъ италіанскій поэтъ не отдѣлывалъ такъ сонетовъ своихъ, какъ обрабатывалъ онъ эти легкія, повидимому мгновенныя созданія. Какая точность во всякомъ словѣ! Какая значительность всякаго

[1]) Соч. Бѣлинскаго, ч VIII, стр. 367.

выраженія! Какъ все округлено, окончено и замкнуто!“ [1]). Ту же мысль и иногда въ тѣхъ же выраженіяхъ развивалъ Бѣлинскій еще въ 1841 г.: „У Пушкина нѣтъ ни одного стихотворенія, которое не вышло бы изъ жизни и было написано вслѣдствіе желанія такъ что-нибудь написать, въ чаяніи, что авось-де это будетъ недурно... Это обстоятельство рѣзкой чертой отдѣляетъ Пушкина отъ всѣхъ поэтовъ предшествовавшихъ періодовъ. Художническая добросовѣстность Пушкина была до него безпримѣрнымъ явленіемъ въ нашей литературѣ: онъ высылалъ изъ міра души своей только выношенныя, вызрѣвшія поэтическія фантазіи, которыя сами рвались наружу... Слѣдствіемъ глубоко-истиннаго содержанія, всегда скрывающагося въ произведеніяхъ Пушкина, была ихъ строго художественная форма. Каждое его стихотвореніе есть отдѣльный міръ, замкнутый въ самомъ себѣ, полный собственныхъ силъ, чуждый всякихъ несвойственныхъ ему элементовъ, всего посторонняго и лишняго, свободно движущійся въ своей сферѣ. Какъ вѣрна у Пушкина всякая мысль, всякое чувство и всякое ощущеніе, такъ вѣренъ у него и всякій образъ, каждая фраза, каждое слово. Все на своемъ мѣстѣ, все полно, ничего недоконченнаго, темнаго, неточнаго, неопредѣленнаго“ [2]). Какъ видимъ, и здѣсь у обоихъ писателей по существу однѣ и тѣ же мысли.

Какъ извѣстно, Достоевскій въ своей знаменитой рѣчи, произнесенной имъ при открытіи памятника Пушкину въ Москвѣ, указалъ на характерную для нашего поэта способность постиженія самыхъ разнообразныхъ формъ быта не только своего народа, но и народовъ чужихъ. Отсюда онъ сдѣлалъ выводы о провиденціальной миссіи русскаго наро-

---

[1]) Соч. Гоголя, т. IV, стр. 184.

[2]) „Русская литература въ 1841 г.“ Соч. Бѣлинскаго подъ ред. Венгерова, т. VII, стр. 33.

да—быть посредникомъ при сближеніи различныхъ племенъ. Черту эту въ Пушкинѣ отмѣтилъ и Гоголь, не дѣлая, впрочемъ, отсюда никакихъ выводовъ относительно задачъ и назначенія насъ, русскихъ. „Чтеніе поэтовъ всѣхъ народовъ и вѣковъ", говоритъ онъ, „порождало въ немъ тотъ же откликъ... И какъ вѣренъ его откликъ, какъ чутко его ухо! Слышишь запахъ, цвѣтъ земли, времени, народа. Въ Испаніи онъ испанецъ, съ грекомъ—грекъ, на Кавказѣ—вольный горецъ, въ полномъ смыслѣ этого слова; съ отжившимъ человѣкомъ онъ дышитъ стариною времени минувшаго; заглянетъ къ мужику въ избу—онъ русскій весь съ головы до ногъ: всѣ черты нашей природы въ немъ отозвались, и все окинуто иногда однимъ словомъ, однимъ чутко найденнымъ и мѣтко прибраннымъ прилагательнымъ именемъ" [1]). Такой взглядъ на Пушкина въ критической литературѣ былъ уже не новъ: онъ высказывался на разные лады нѣсколько разъ до появленія разсматриваемой нами статьи, и Гоголю пришлось, съ нѣкоторыми варіаціями, лишь повторить сказанное до него. Такъ, еще въ концѣ 30-хъ годовъ, говоря о Пушкинѣ, Фарнгагенъ-фонъ-Энзе замѣчаетъ: „Ему все одинаково извѣстно—югъ и сѣверъ, Европа и Азія, дикость и утонченность, древность и современность; изображая разнороднѣйшее, изображаетъ онъ тѣмъ отечественное" [2]).

Въ томъ же духѣ высказывается и критикъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" за 1841 г. „Наша русская жизнь, а слѣдственно и литература образовались изъ вліянія двухъ элементовъ: европейскаго и своего отечественнаго, и никто, кромѣ Пушкина, не умѣлъ такъ тѣсно и благотворно сплавить въ душѣ своей объ эти стихіи. Духъ его глубоко изу-

[1]) Соч. Гоголя, т. IV, стр. 185.

[2]) „Сочиненія Пушкина". „Сынъ Отечества", 1839 г., т. VII, отд. IV, стр. 10.

чилъ эту длинную гамму жизни—отъ спальни мадридской пѣвицы или салона, гдѣ Татьяна

„...въ малиновомъ беретѣ
Съ посломъ испанскимъ говоритъ“,

до дымной, освѣщенной лучиной хижины мужика и убогой черкесской сакли. Кто у насъ, не теряя своей самобытности, съ такою воспріемлемостію успѣлъ въ своихъ твореніяхъ усвоить себѣ идеи исполиновъ европейской поэзіи—Гёте и Байрона, Данте и Шекспира и древнихъ Грековъ? Также Пушкинъ,—вспомните его сцену изъ „Фауста“ или „Цыганъ“, „Подражанія Данте“ или „Анжело“, „Каменнаго гостя“ и антологическія стихотворенія. Эту гибкую воспріимчивость мы видимъ и въ Жуковскомъ; но онъ чужія, готовыя идеи только переплавлялъ въ прекрасныя формы языка русскаго, а Пушкинъ, глубоко проникнутый духомъ великихъ писателей, какъ-бы дополнялъ ихъ своими твореніями, которыя ему самому принадлежали“ [1]).

Шевыревъ говорилъ: „Чудное сочувствіе Пушкинъ имѣлъ со всѣми геніями поэзіи всемірной—и такъ легко было ему усвоивать себѣ и претворять въ чистое бытіе русское ихъ изящныя свойства! Это въ Пушкинѣ черта національная: какъ же было ему не отражать въ себѣ характера своего народа?“ [2]).

Бѣлинскій, говоря въ 1843 г. по поводу стихотворенія Пушкина „Горацій“, пишетъ: „Въ этомъ стихотвореніи видна художническая способность Пушкина свободно переноситься во всѣ сферы жизни, во всѣ вѣка и страны,—виденъ тотъ Пушкинъ, который при концѣ своего поприща нѣсколькими терцинами въ духѣ Дантовой „Божественной Комедіи“ познакомилъ русскихъ съ Дантомъ больше, чѣмъ могли

[1]) Зелинскій, op. cit., ч. IV, стр. 164.

[2]) „Москвитянинъ“, 1841 г., ч. V, стр. 247

бы это сдѣлать всевозможные переводчики,—какъ можно познакомиться съ Дантомъ, только читая его въ подлинникѣ“ [1]). Наконецъ, тотъ же Бѣлинскій въ 1844 г. о томъ же говоритъ слѣдующимъ образомъ: „Онъ въ высшей степени обладалъ этимъ тактомъ дѣйствительности, который составляетъ одну изъ главныхъ сторонъ художника. Прочтите его чудную драматическую поэму „Русалка“: она вся насквозь проникнута истинностью русской жизни; прочтите его тоже чудную драматическую поэму „Каменный гость“: она и по природѣ страны, и по нравамъ своихъ героевъ такъ и дышитъ воздухомъ Испаніи; прочтите его „Египетскія ночи“: вы будете перенесены въ самое сердце жизни издыхающаго древняго міра... Такихъ примѣровъ удивительной способности Пушкина быть какъ у себя дома во многихъ и самыхъ противоположныхъ сферахъ жизни мы могли бы привести много, но довольно и этихъ трехъ“ [2]).

Если во взглядѣ на способность Пушкина перевоплощаться въ чужія культурныя формы, проникаться психологіей чуждыхъ ему національностей Гоголь не былъ оригиналенъ, то зато исключительную оригинальность проявилъ онъ во взглядѣ на повѣствовательныя произведенія Пушкина, въ частности на „Капитанскую дочку“. Произведенію этому, получившему высокую оцѣнку лишь въ позднѣйшее время, очень не повезло на первыхъ порахъ въ критической литературѣ. Его, обыкновенно, замалчивали, считая рядовымъ явленіемъ тогдашней литературы, стоящимъ далеко ниже многихъ другихъ твореній поэта. Даже Бѣлинскій не угадалъ истинной цѣны „Капитанской дочки“. Въ своей рецензіи, написанной въ 1841 г. по поводу появленія въ свѣтъ полнаго собранія сочиненій поэта, онъ отдавалъ пред-

[1]) Соч. Бѣлинскаго, ч. VIII, стр. 326.

[2]) Ibid. стр.., 387.

почтеніе передъ „Капитанской дочкой“ „Дубровскому“ [1]). Говоря о той же „Капитанской дочкѣ“ въ 1846 г., Бѣлинскій отзывался о многихъ картинахъ въ повѣсти какъ о чудѣ совершенства (таковы портреты отца и матери героя, его гувернера, Савельича, Зурина, Миронова и его жены и, наконецъ, Пугачева). Къ рѣзкимъ недостаткамъ повѣсти, по мнѣнію критика, принадлежатъ: „ничтожный, безцвѣтный характеръ героя повѣсти и его возлюбленной Марьи Ивановны и мелодраматическій характеръ Швабрина“ [2]). Все это не мѣшаетъ, однако, Бѣлинскому признать „Капитанскую дочку“ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній русской литературы. Впрочемъ, этому „замѣчательному“ произведенію Бѣлинскій въ своихъ извѣстныхъ обширныхъ статьяхъ о Пушкинѣ посвящаетъ всего нѣсколько строкъ.

Намъ извѣстны только два вполнѣ сочувственныхъ отзыва о „Капитанской дочкѣ“, предшествовавшихъ появленію статьи Гоголя. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ Плетневу, другой Шевыреву. Первый писалъ: „Во всѣхъ своихъ повѣстяхъ, подобно какъ и въ стихотвореніяхъ, онъ (Пушкинъ) былъ изумительно отчетливъ. Но въ послѣдней (здѣсь рѣчь идетъ о „Капитанской дочкѣ“ *Н. Г.*) достигнулъ онъ высочайшаго совершенства—простоты самой природы“ [3]). Шевыревъ такъ отозвался о „Капитанской дочкѣ“: „Это произведеніе лучше другихъ онъ выносилъ—и въ немъ можно было видѣть переходъ къ какому то еще новому, дальнѣйшему развитію Пушкина, если-бы жестокая судьба русской поэзіи присудила иначе“ [4]). Сравнимъ съ приведенными

[1]) Соч. Бѣлинскаго подъ редакціей С. А. Венгерова, т. VI, стр. 279.

[2]) Соч. Бѣлинскаго, ч. VIII, стр. 702.

[3]) „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ“. „Современникъ“, 1838 г., т. X, стр. 50—51.

[4]) „Москвитянинъ“, 1841 г., ч. V-я, стр. 244.

только-что сужденіями отзывъ Гоголя, при всей своей лаконичности выгодно отличающійся своей мѣткостью и опредѣленностью. „Мысль о романѣ, который бы повѣдалъ простую, безыскусственную повѣсть прямо-русской жизни“, писалъ Гоголь, „занимала его (Пушкина) въ послѣднее время неотступно. Онъ бросилъ стихи единственно затѣмъ, чтобы не увлечься ничѣмъ по сторонамъ и быть проще въ описаніяхъ, и самую прозу упростилъ онъ до того, что даже не нашли никакого достоинства въ первыхъ повѣстяхъ его. Пушкинъ былъ этому радъ и написалъ „Капитанскую дочку“, рѣшительно лучшее русское произведеніе въ повѣствовательномъ родѣ. Сравнительно съ „Капитанскою дочкою“, всѣ наши романаны и повѣсти кажутся приторною размазнею. Чистота и безыскусственность взошли въ ней на такую высокую степень, что сама дѣйствительность кажется передъ нею искусственною и карикатурною. Въ первый разъ выступили истинно-русскіе характеры: простой комендантъ крѣпости, капитанша, поручикъ; сама крѣпость съ единственною пушкою, безтолковщина времени и простое величіе простыхъ людей, все—не только самая правда, но еще какъ-бы лучше ея“ [1]). Только послѣдующей критикѣ суждено было выяснить все значеніе этого выдающагося романа, и эта критика блестяще подтвердила то, что говорилъ о немъ Гоголь [2]).

Наконецъ, Гоголь высоко цѣнилъ Пушкина и какъ мыслителя, сказавшагося въ журнальныхъ и критическихъ замѣткахъ и отрывкахъ изъ собственныхъ записокъ. „Въ послѣднее время набрался онъ“, читаемъ мы, „много русской жизни и говорилъ обо всемъ такъ мѣтко и умно, что

---

[1]) Соч, Гоголя, т. IV, стр. 185—186.

[2]) Ср. Н. И. Черняевъ. „Капитанская дочка“ Пушкина. Москва, 1897 г., стр. 4—29.

хоть записывай всякое слово: оно стоило его лучшихъ стихотвореній“ [1]).

Для Гололя было ясно огромное вліяніе Пушкина на современную поэту литературу: „Что же касается до Пушкина, то онъ былъ для всѣхъ поэтовъ, ему современныхъ, точно сброшенный съ неба поэтическій огонь, отъ котораго, какъ свѣчки, зажглись другіе самоцвѣтные поэты. Вокругъ него образовалось ихъ цѣлое созвѣздіе“ [2]). Здѣсь Гоголь также сходится съ Бѣлинскимъ, признававшимъ органическую зависимость современной ему литературы отъ Пушкина и полагавшимъ, что вліяніе геніальнаго поэта „кончится только развѣ со смертью русскаго языка“ [3]). Разница, однако, въ томъ, что Бѣлинскій довольно низко цѣнилъ пушкинскую плеяду, въ то время какъ Гоголь, и конечно—справедливо, относился къ ней болѣе благожелательно и сочувственно [4]).

---

[1]) Соч. Гоголя, т. IV, стр. 186. О Пушкинѣ-мыслителѣ находимъ сочувственный отзывъ также у Шевырева. (Ср. „Москвитянинъ“, 1841 г., т. V, стр. 265) и у критика „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. (Ср. Зелинскій, op. cit., ч. IV, стр. 172).

[2]) Соч. Гоголя, т. IV, стр. 187.

[3]) Соч. Бѣлинскаго подъ ред. С. А. Венгерова, т. VII, стр. 38.

[4]) Въ тѣхъ же „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“ (въ статьяхъ: „О лиризмѣ нашихъ поэтовъ“ и „О театрѣ, объ одностороннемъ взглядѣ на театръ и вообще объ односторонности“) Гоголь дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній по поводу Пушкина, имѣющихъ, въ данномъ случаѣ, для насъ второстепенное значеніе. Въ первой статьѣ рѣчь идетъ о Пушкинѣ какъ о патріотѣ, во второй защищается память поэта, оклеветанная въ „Маякѣ“ извѣстными Бурачкомъ и А. Мартыновымъ, обвинявшими Пушкина въ наклонности къ деизму. (Ср. соч. Гоголя, т. IV, стр. 39, 43—46, 50—52, 61—69 и примѣч., стр. 504—515).

Въ своихъ письмахъ Гоголь также нѣсколько разъ касается Пушкина какъ поэта. Въ январѣ 1832 г., посылая А. С. Данилевскому

Итакъ, въ итогѣ, какова же роль Гоголя въ дѣлѣ истолкованія Пушкина? Роль эта очень велика. Въ этомъ отношеніи онъ можетъ быть поставленъ почти на ряду съ Бѣлинскимъ съ тою только оговоркой, что право почина все же остается за Гоголемъ. Онъ первый рѣшительно указалъ на великое значеніе „Бориса Годунова", первый необыкновенно удачно опредѣлилъ характеръ и особенности пушкинскаго творчества, первый, какъ слѣдуетъ—оцѣнилъ мелкія стихотворенія поэта и разъяснилъ, въ чемъ заключается ихъ непреходящее значеніе, и, наконецъ, первый поставилъ на соотвѣтствующую высоту его повѣсть, въ томъ числѣ—„Капитанскую дочку". Если многое изъ того, что сказалъ о Пушкинѣ Гоголь въ статьѣ „Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность?", было сказано его предшественниками и не отличалось новизной, если на его сужденіяхъ здѣсь и отразились, быть можетъ,

---

„Сѣверные цвѣты", онъ пишетъ: „Тутъ ты найдешь Языкова такъ прелестнымъ, какъ еще никогда,—Пушкина чудную піесу „Моцартъ и Сальери", въ которой, кромѣ яркаго поэтическаго созданія, такое высокое драматическое искусство". (Письма въ изд. Маркса, т. I, стр. 200). Въ письмѣ къ тому же Данилевскому отъ 30 марта 1832 г. читаемъ: „Любовь до брака—стихи Языкова: они эффектны, огненны и съ перваго раза уже овладѣваютъ всѣми чувствами. Но послѣ брака любовь—это поэзія Пушкина: она не вдругъ обхватитъ насъ, но чѣмъ болѣе вглядываешься въ нее, тѣмъ она болѣе открывается, развертывается и наконецъ превращается въ величавый и обширный океанъ, въ который чѣмъ болѣе вглядываешься, тѣмъ онъ кажется необъятнѣе, и тогда самые стихи Языкова кажутся только частію, небольшою рѣкою, впадающею въ этотъ океанъ". (Письма, т. I, стр. 211). Въ письмѣ къ М. О. Балабиной (февраль, 1842 г.) Гоголь говоритъ: „Вамъ пора быть здоровымъ, и я хочу васъ застать не за Жанъ-Поль-Рихтеромъ, а за Шекспиромъ и Пушкинымъ, которые читаются только въ здоровомъ расположеніи духа". (Письма, т. II, стр. 149). Въ нѣсколькихъ письмахъ читаемъ о томъ, какъ тяжела была для нашего писателя утрата Пушкина. (Ср. т. I, стр. 434, 454, 459; т. II, стр. 12).

взгляды этихъ предшественниковъ (главнымъ образомъ, конечно, Бѣлинскаго),—то это не уменьшаетъ заслуги Гоголя въ дѣлѣ оцѣнки Пушкина: главное и существенное о поэтѣ было сказано въ статьѣ „Нѣсколько словъ о Пушкинѣ“, отъ начала до конца самостоятельной, несравнимой ни съ чѣмъ, что до того писалось на эту тему. Сужденія, высказанныя Гоголемъ по поводу Пушкина въ слѣдующей статьѣ, представляютъ собой, главнымъ образомъ, рядъ положеній, по духу непосредственно вытекавшихъ—изъ статьи 1832 г. Не забудемъ также, что взглядъ Бѣлинскаго на Пушкина, можно думать, въ извѣстной степени сложился именно подъ вліяніемъ этой статьи. Добавимъ, наконецъ, что ни одно изъ положеній, высказанныхъ Гоголемъ относительно Пушкина, не было поколеблено въ послѣдующей критической литературѣ вплоть до нашего времени.

Н. К. Гудзій.

Легендарно-апокрифическій элементъ

ВЪ „НЕБѢ НОВОМЪ"

Іоанникія Галятовскаго,

южно-русскаго проповѣдника XVII-го вѣка.

Издавна всякія апокрифическія сказанія представляли любимое чтеніе грамотныхъ людей, такъ какъ каноническія книги св. Писанія не могли удовлетворять всѣмъ пытливымъ запросамъ человѣческаго духа. Каноническія книги кратки и немногословны какъ разъ въ самыхъ интересныхъ и таинственныхъ мѣстахъ; пытливый умъ съ древнѣйшихъ временъ не могъ съ этимъ помириться, почему и стали возникать, какъ дополненія къ каноническимъ книгамъ, всякаго рода сказанія и легенды, получившія потомъ названіе апокрифовъ.

Южная Русь представляла изъ себя весьма удобную почву для развитія апокрифовъ, всякихъ легендарныхъ и таинственныхъ сказаній и повѣрій.

Много было источниковъ, откуда Южная Русь черпала подобныя сказанія, много было путей, по которымъ эти

сказанія въ изобиліи проникали сюда. Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ [1]) указываетъ три источника для развитія апокрифовъ въ Южной Руси: 1) устная передача ихъ отъ грековъ и болгаръ, посѣщавшихъ Русь и заѣзжавшихъ въ Кіевъ, и такая же передача отъ русскихъ странниковъ-богомольцевъ, ходившихъ въ Константинополь, на Аѳонъ и въ Палестину; 2) византійскія сочиненія апологетическія, экзегетическія и историческія, преимущественно же Палея и Хроники, также и польскія схоластическія проповѣди, и 3) непосредственно апокрифическія книги.

Не будемъ останавливаться на подробномъ разборѣ выше названныхъ источниковъ апокрифическихъ сказаній для Южной Руси, — ихъ довольно подробно разбираетъ проф. Сумцовъ [2]); добавимъ только, что устная передача апокрифическихъ сказаній греческими іерархами для позднѣйшаго времени засвидѣтельствована въ одномъ изъ сочиненій Галятовскаго, именно въ его „Ключѣ Разумѣнія“: здѣсь, противъ легендарнаго извѣстія, что „до гробу Христового огонь сходитъ зъ неба, кождого року, подъ часъ Воскресенія Христова“ обозначенъ такой источникъ этого сказанія: „Ѳеофанъ и Паиссій, Патріархи Іерусалимскіи, въ Кіевѣ бывши, тое повѣдали“ [3]).

Развитіе апокрифовъ въ Южной Руси относится къ самому раннему времени; значительное число ихъ въ домонгольскій періодъ засвидѣтельствовано дошедшими до нашего времени рукописями [4]). Эти апокрифическія сказанія и легенды, усиленно распространяясь среди грамотнаго народа

---

[1]) Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ, Кіевъ, 1888, стр. 3; отдѣльный оттискъ изъ „Кіевской Старины“ за 1887 г.

[2]) Op. cit., стр. 3—10.

[3]) Кл. Разумѣнія, 1665 г. л. 476 об.

[4]) *Голубинскій,* Исторія русской церкви, изд. 1-е, т. I, стр. 757.

и низшаго духовенства, рѣдко возстановляли противъ себя высшее духовенство, мало подвергались осужденію и порицанію—имъ дана была полная возможность развиваться и распространяться. Въ Сѣверной Руси, какъ извѣстно, дѣло обстояло нѣсколько иначе,—тамъ противъ апокрифовъ рѣзко возсталъ еще Максимъ Грекъ.

Все развиваясь, апокрифы въ XVII вѣкѣ въ Южной Руси достигли своего апогея; писатели этого вѣка свободно пользуются апокрифами, подобно книгамъ каноническимъ; апокрифическія сказанія и легенды рекомендуются для назидательнаго чтенія въ монашескихъ кельяхъ [1]), преподносятся простому народу съ церковной каѳедры въ видѣ проповѣдей. И тогда какъ въ Западной Европѣ популярность апокрифовъ падаетъ со времени реформаціи, апокрифы въ Малороссіи были популярны даже среди духовенства до конца XVIII-го вѣка, а среди простого народа они въ полной своей силѣ и свѣжести живутъ и до настоящаго времени.

Ничего удивительнаго, конечно, нѣтъ, что въ произведеніяхъ Галятовскаго, самаго популярнаго и талантливаго писателя XVII вѣка, мы часто встрѣчаемъ всевозможныя апокрифическія сказанія,—много ихъ въ „Ключѣ Разумѣнія“, не мало ихъ и въ „Небѣ Новомъ“. Правда, цѣльныхъ сказаній здѣсь мы не находимъ,—все это отрывки или передѣлки; но въ такомъ же видѣ эти сказанія были распространены въ Южной Руси въ частности, и въ Россіи вообще: „болѣе въ передѣлкахъ, чѣмъ въ подлинномъ видѣ, болѣе въ извлеченіяхъ и отрывкахъ, чѣмъ въ полныхъ сочиненіяхъ,—были распространены болѣе апокрифическія сказанія, возникшія изъ апокрифовъ, чѣмъ самые апокрифы“ [2]).

---

[1]) См. предисловіе къ „Небу Новому“ 1665 г.: Чителнику ласкавый.

[2]) *И. Я. Порфирьевъ,* Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки, Спб., 1887 г., стр. 2.

„Небо Новое“—это сборникъ чудесъ Богородицы, сборникъ, спеціально предназначавшійся для проповѣдниковъ. Онъ вышелъ въ 1665 г., выдержалъ 3 изданія и широко распространился по Южной Руси [1]).

Анализъ легендарно-апокрифическаго элемента въ „Небѣ Новомъ“ мы начнемъ съ описанія житія Богородицы, какъ оно изложено въ повѣстяхъ Галятовскаго, потомъ скажемъ объ иныхъ апокрифическихъ сказаніяхъ въ „Небѣ Новомъ“ и закончимъ настоящую главу описаніемъ загробной жизни и демонологіи по чудесамъ „Неба Новаго“.

I.

Житіе Богородицы.

Почитаніе Богородицы, какъ извѣстно, началось почти съ первыхъ вѣковъ христіанства. Развиваясь все сильнѣе, это почитаніе постепенно превратилось въ особый культъ Богородицы; уже съ половины V-го столѣтія Богоматерь съ младенцемъ становится популярнымъ изображеніемъ [2]). О личности Богоматери рано сложились многочисленные разсказы, большею частью задушевные и поэтическіе.

Чествованіе Богородицы на католическомъ Западѣ было обставлено большою пышностью и обрядностью; чествованіе это на христіанскомъ востокѣ было значительно блѣднѣе [3]) Почитаніе Богородицы, развиваясь, увеличивалось въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, перешло и въ новое время. Почитаніе это, какъ извѣстно, имѣло большое вліяніе на развитіе культуры, въ смыслѣ облагораживанія ея, сильно

---

[1]) См. нашу работу: „Изданія „Неба Новаго“ І. Галятовскаго“ въ журналѣ „Искусство, живопись и графика“ за 1911 г.

[2]) *Сумцовъ,* Очерки апокриф. сказ. и пѣсенъ, стр. 55.

[3]) Ibid., стр. 56.

отразилось оно на литературѣ и искусствѣ. Самыя поэтическія легенды средневѣковаго Запада посвящены Мадоннѣ [1]). „Никогда не было идеала, который имѣлъ бы болѣе глубокое и въ цѣломъ болѣе благотворное вліяніе, чѣмъ средневѣковое представленіе Мадонны. Женщина въ первый разъ поднята была до своего полноправного положенія, и святость слабости была признана такъ же, какъ святость печали... Все, что было лучшаго въ Европѣ, жило и дѣйствовало подъ этимъ вліяніемъ (Мадонны), и оно было источникомъ многихъ чистѣйшихъ элементовъ нашей цивилизаціи“ [2]).

Въ Южную Русь почитаніе Богородицы перешло съ Запада черезъ Польшу, и тутъ въ XVII вѣкѣ оно достигло своего наибольшаго развитія. Результатомъ такого почитанія явилось и само „Небо Новое“ Галятовскаго; другіе писатели тоже старались такъ или иначе почтить Богородицу: Лазарь Барановичъ написалъ Алфавитъ въ честь Божьей Матери (на польскомъ языкѣ) [3]), другой извѣстный архіепископъ Черниговскій—Іоаннъ Максимовичъ напечаталъ въ Черниговѣ, въ 1707 г. большую книгу—„Богородице Дѣво“, и пр. Часто писатели вообще посвящали свои работы Дѣвѣ Маріи, какъ, напр., Антоній Радивиловскій и др.

Почитаніе Богородицы вызывало живѣйшій интересъ ко всякаго рода сказаніямъ о житіи Ея, а также о Ея дѣлахъ и чудесахъ. Уже въ средневѣковыхъ сборникахъ были отдѣлы, посвященныя Божьей Матери,—въ Dialogus Miraculorum, въ Speculum Magnum и др.; находимъ сказаніе о Богородицѣ и въ „Римскихъ Дѣяніяхъ“. Составлялись и спеціальные сборники, посвященныя Богоматери [4]).

---

[1]) *Ѳ. И. Буслаевъ,* Католическое направленіе, стр. 273.

[2]) *Лекки,* Исторія раціонализма въ Европѣ, т. I, стр. 172.

[3]) Библіотека Кіево-Печерской, Лавры, VIII, 6/31.

[4]) Напр., Miracoli de la glor. V. Maria, Медіоланъ, 1469, на итальянск. яз.; Laudes B. M. Virginis (похвалы Божьей Матери), Гамбургъ, 1491,

Въ „Небѣ Новомъ“ Галятовскій семь (I—VII) первыхъ отдѣловъ посвятилъ житію Богородицы; въ другихъ отдѣлахъ помѣщены чудеса Ея. Мы разсмотримъ эти отдѣлы, рисующіе жизнь Богоматери,—тутъ приводится много легендарно-апокрифическихъ свѣдѣній.

Отдѣлъ I-й—„*Чуда Пр. Богородици межи Сибѣллями, Пророчицами Поганскими*, которыи предъ Зачатіемъ Еи, за обявленіемъ Бозскимъ знали Еи, и въ Книгахъ своихъ оную писали и людемъ проповѣдали и выславляли“, — тутъ 10 сивиллъ предсказываютъ о рождествѣ Христа отъ Дѣвы Маріи. Галятовскій, согласно своему времени, глубоко вѣрилъ

на лат. яз. (Сопиковъ, стр. XXVII); распространенъ былъ въ средніе вѣка сборникъ Ioannes le Comt: De beata Virgine Maria, Парижъ, 1503 г. (*Владиміровъ*, Великое Зерцало, стр. 13).

Житіе Богородицы всегда вызывало къ себѣ живой интересъ; въ литературѣ извѣстно не мало спеціальныхъ работъ, посвященныхъ Дѣвѣ Маріи. См. напр: *Gödecke*, Das Mittelalter, Christus und Maria; *Genthe*, Die Jungfrau Maria, Halle, 1859 г.; *Rud. Hoffmann*, Das Leben Iesu nach den Apokryphen, стр. 140—154. *A. Völgtlin*, Vita beate virginis Mariae, Tübingen, 1888 г. *A. Schulz*, Die Legende vom Leben der Jungfrau Maria und ihre Darstellung in der bildenden Kunst des Mittelalters, Leipzig, 1878 г.—*А. И. Кирпичниковъ*, „Успеніе Богородицы въ легендѣ и искусствѣ“, Труды VI-го Археол. съѣзда въ Одессѣ, 1888 г., II, 191 — 249. *С. А. Бѣлокуровъ*, Изъ духовной жизни Моск. Общества XVII в., 1903 г., гл. I: Сказаніе объ Успеніи пр. Богородицы.—Интересна румынская книга: Legendele Maicii Domnului. Studiu folkloristic de Sim. Fl. Marian. Изд. Academiei Române. Bucuresti, 1904,—въ книгѣ собраны румынскія легенды о Б-цѣ; объ этой книгѣ см. *С. Н. Чебанъ*, Румынскія легенды о Богородицѣ, „Этнограф. Обозрѣніе“ за 1912 г. кн. XC—XCI. *І. А. Смирновъ*, Апокрифическія сказанія о Б. Матери и дѣяніяхъ апостоловъ, М. 1873 г. (изъ „Правосл. Обозрѣнія“, кн. VI) — *В. Сахаровъ*, Апокрифическія и легендарныя сказанія о Пр. Дѣвѣ Маріи, особенно распространенныя въ древней Руси, „Христ. Чтеніе“ за 1888 г. №№ 3—4, 7—12.—Сказаніе о земной жизни пр. Богородицы, Сбп., 1869.—Величіе пр. Богородицы и приснодѣвы Маріи, М. 1845 г.—

въ силу западныхъ источниковъ, вслѣдствіе чего неудивительно, что въ „Небѣ Новомъ“ мы встрѣчаемъ подобные предсказанія, взятыя изъ книгъ Мартина Бѣльскаго. Галятовскій вѣритъ этимъ предсказаніямъ, и вообще не отказывается отъ подобныхъ пророчествъ (каноническихъ ветхозавѣтныхъ предсказаній о рождествѣ Христа отъ Дѣвы Маріи въ „Небѣ“ нѣтъ),—они встрѣчаются и въ иныхъ мѣстахъ книги Галятовскаго. Такъ, въ отд. VIII, чудо 7 (л. 17) сивилла Геритрея объявляетъ имя Богородицы еще до зачатія ея (источникъ—Oracula Sibyllina, кн. 8); какой-то астрологъ Албумазаръ также предсказываетъ о рождествѣ Христа отъ Дѣвы Маріи (XIX, 5, л. 52); приводятся похвалы св. Дѣвѣ Магомета и его ученика (XIX, 12—15 л.л. 53, 54).

Кромѣ этого, приводятся предсказанія о Пр. Дѣвѣ даже римскихъ поэтовъ,—Овидія и Виргилія.

„Овѣдіушъ Вѣршописецъ“, разсказываетъ Галятовскій (XIX, 4, л. 52, источникъ: Овѣдіушъ де Пон: кн. I, Елег: 2, до Максима): „будучи погапиномъ на выгнаню межи Сарматами, написалъ о Пр. Богородици Вѣрши, въ которыхъ Богинею Ей называетъ, мовячи:

Вѣръ тому, що я мовлю, въ тымъ тя оупевняю,
Же въ Сармацкой Краинѣ, о тымъ добре знаю,
Зъ Неба ся тутъ зъявило чудо, повѣдаютъ,
Презъ Богиню, котрую всѣ тутъ выславляютъ“.

Приводится предсказаніе и поэта Виргилія: „Вѣргѣліушъ Поета, будучи погапиномъ невѣрнымъ, чы отъ доб-

---

А. Кирпичниковъ, Сказанія о житіи Пр. Дѣвы Маріи и ихъ выраженіе въ средневѣковомъ искусствѣ, Ж. М. Н. Пр. 1883 г., іюль. *А. Н. Поповъ*, Библіографическія матеріалы, М. 1879—1880 г.г., цѣнны введенія. *Н. О. Эминъ*, Сказаніе о преставленіи Богородицы и объ ея образѣ, написанномъ Евангелистомъ Іоанномъ, „Правосл. Обозр.“ за 1874 г.—Литературу см. еще ниже, стр. 55.

рого чы отъ злого духа наученный, написалъ о Пр. Дѣвѣ и о Царствіи Христовомъ такіе слова: Южъ вертается и Дѣвица, вертаютъся Сатурновы Царства“ (XIX, 3, л. 51 об.). Виргилій, какъ извѣстно, вообще считался провозвѣстникомъ Христа; въ IV эклогѣ его средневѣковые люди вычитывали пророчество о рожденіи Спасителя; онъ былъ типомъ мудраго, вѣщаго язычника, пріуготовленный сосудъ христіанства [1]), почему не удивительно встрѣтить его пророчество въ „Небѣ“ Галятовскаго; вышеприведенное пророчество Виргилія взято изъ 4-й книги его эклогъ.

Отдѣлъ II-й—„*Чуда о зачатіи и рождествѣ Пресвятои Б-ци*“. Интереснымъ здѣсь является чудо 2-е,—ученіе о зачатіи Богородицы безъ первороднаго грѣха. Слѣпая вѣра въ западные источники часто приводила южно-русскихъ іерарховъ къ тому, что они отступали отъ чистоты православныхъ догматовъ, и это мы видимъ довольно часто въ произведеніяхъ Галятовскаго. Главными и частыми отступленіями отъ чистоты своихъ догматовъ въ Южной Руси было признаніе слѣдующихъ католическихъ догматовъ и ученій: 1) ученіе о чистилищѣ, 2) о непорочномъ зачатіи Пр. Дѣвы, 3) о преосуществленіи св. Даровъ во время возгласа священника: Пріимите, ядите... и пійте отъ нея вси и 4) признаніе святыми Августина и Іеронима. Всѣ эти католическія ученія попадаются въ произведеніяхъ Галятовскаго (напр., въ „Ключѣ Разумѣнія“). Что касается „Неба Новаго“, то здѣсь мы встрѣчаемся съ неправославнымъ ученіемъ о непорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи (II, 2), многія же мѣста книги вообще

---

[1]) *А. Веселовскій,* Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха; Спб. 1881 г., V, 140. Приводя выписку (доставленную Вл. Каллашемъ изъ Лаврской Кіевск. Библіотеки) изъ „Неба“ о Виргиліи, А. Н. Веселовскій неизвѣстное ему „Небо Новое“ называетъ дефектнымъ экземпляромъ старопечатной книги.

противорѣчатъ духу ученія православной церкви [1]). Догматъ о непорочномъ зачатіи Пр. Дѣвы возникъ у католиковъ въ противовѣсъ протестантскому ученію, вовсе не почитавшему Пр. Дѣвы [2]), а уже отъ поляковъ перешелъ въ Южную Русь, гдѣ мы находимъ его въ произведеніяхъ многихъ южно-русскихъ писателей, напр. у Лазаря Барановича, у св. Димитрія Ростовскаго [3]) въ его Четьихъ-Минеяхъ [4]). Въ Москвѣ подобныя католическія ученія вызывали сильный протестъ; такъ, патріархъ Іоакимъ писалъ въ 1689 г. печерскому архимандриту Варлааму Ясинскому по поводу „Четьихъ Миней“ Димитрія: „напечатастехъ въ книзѣ своей оной, яко Пресвятая Богородица зачата и рождена безъ первороднаго грѣха, отъ Адама происходящаго“, въ

---

[1]) Въ Синодальной Библіотекѣ находится сборникъ, непереплет., № I, въ которомъ на л. 192 помѣщена „Выписка неправославныхъ мѣстъ въ книгѣ Новое Небо“, гдѣ приведены 4 чуда „изъ книги Новаго Неба о чудесѣхъ Пр. Богородицы“, именно, чудеса 12—15 изъ отдѣла чудесъ Богородицы „межи поганами“, гдѣ говорится о похвалѣ Магомета Богородицѣ. Выписки изъ „Неба Новаго“ приведены здѣсь въ русскомъ переводѣ. Эти выписки сдѣланы, вѣроятно, инокомъ Евфиміемъ (Ср. *И. А. Шляпкинъ,* Дим. Ростовскій, 133).

[2]) *И. А. Шляпкинъ,* Димитрій Ростовскій, стр. 110.

[3]) Въ Типографской Библіотекѣ въ Москвѣ хранится интересный экземпляръ „Неба Новаго“ 1665 г.,—именно, принадлежавшій св. Димитрію Ростовскому; въ книгѣ этой, на л. 133 об., подчеркнуто красными чернилами мѣсто (въ указателѣ): „безъ грѣха первородного зачалася Пресвятая Богородица“.

[4]) Служба непорочному зачатію Пр. Дѣвы ежедневно совершалась въ Жировицкомъ уніатскомъ монастырѣ (чудеса отъ ИБМ. Жировицкой приводятся въ „Небѣ“). Печатныя данныя изъ южно-русской литературы XVII в. сведены у *Гагарина:* „Любопытныя свидѣтельства о непорочномъ зачатіи Богородицы. Лемань, 1858“ и критикѣ на нее „Христ. Чтеніе“ 1859, № 11. См. *Шляпкинъ,* Дим. Рост. 191, 192, примѣчаніе.

нашихъ книгахъ, де, этого нѣтъ а только „въ книгахъ латиномудрующихъ“ [1]).

Понятно, что книги, содержавшія въ себѣ подобныя католическія ученія, встрѣчались съ неудовольствіемъ въ Москвѣ и запрещалось ихъ распространеніе; такъ, на московскомъ Соборѣ 1690 г. были запрещены „Ключъ Разумѣнія“ 1665 г. и „Мессія Правдивый“ 1669 г.; было ли запрещено тамъ „Небо Новое“—неизвѣстно, въ спискѣ запрещенныхъ книгъ его не встрѣчаемъ [2]); во всякомъ случаѣ, въ Москвѣ среди высшаго духовенства „Небо Новое“ не могло найти радушнаго пріема [3]). Но въ Синодальной Библіотекѣ хранится выписка не православныхъ мѣстъ изъ „Неба Новаго“—очевидно, на эту книгу въ Москвѣ было обращено особое вниманіе.

Источникомъ чуда 2-го отд. II, гдѣ приводится ученіе о непорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи, въ „Небѣ Новомъ“ обозначенъ (л. 4 об.): „Книга Дормѣ Секуре о зачат.: пр. Б-ци“.

Изъ этого же отдѣла II отмѣтимъ чудо 3, гдѣ говорится о должномъ празднованіи дня зачатія Пр. Богородицы (источникъ: „Анзелмъ Архіеп. Катуар., О зачатіи Пр. Б-ци“).

Глава III—*„Чуда Пр. Богородици мешкаючои въ церкви Соломоновой“*. Здѣсь разсказывается, что въ Церкви Соломоновой Богородицѣ прислуживалъ ангелъ и носилъ ей пищу (чудо 1), тутъ она имѣла большое утѣшеніе, ибо видѣла Славу Божію и Ангеловъ (ч. 2), исполняла три заповѣди Божьи (ч. 4): любила Бога, любила ближняго и

---

[1]) „Труды Кіевской Духовной Академіи“ за 1909 г., кн. X, 190, статья *Ѳ. И. Титова:* „Св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій“ (173—239).

[2]) *Шляпкинъ,* Op. cit., 117.

[3]) Ученіе о непорочномъ зачатіи Богородицы см. и въ „Ключѣ Разумѣніе“ 1665 г. л. 245 об.: Дѣва „безъ первороднаго ся грѣха зачала и уродила“, см. еще л. 272 об.; ср. еще Alphabetum Heretikow, 291.

ненавидѣла діавола, т. е. всякій грѣхъ. Когда Дѣвѣ исполнилось 14 лѣтъ, Архіерей предложилъ ей оставить Церковь и выйти замужъ, но Марія отвѣтила, что она на всю жизнь посвящена Богу. Тогда Архіерей подошелъ къ Кіоту и спросилъ у Бога, что ему дѣлать. Голосъ отвѣтилъ (этотъ голосъ слышали всѣ присутствующіе), чтобы онъ положилъ на алтарь всѣ жезлы дому Давидоваго, и чей жезлъ зацвѣтетъ и на верху его сядетъ Духъ Св. въ видѣ голубя, тому дать въ жены (пошлюбить) Дѣву Марію. Расцвѣлъ жезлъ Іосифовъ и ему была вручена Дѣва, которую онъ отвелъ въ домъ свой въ Вифлеемъ и „промышлялъ о речахъ на веселье потребныхъ“, а Марія съ 7 подругами, съ которыми жила въ церкви Соломоновой, ушла къ своимъ родителямъ въ Назаретъ (чудо 5) [1]).

Источникомъ для чудесъ 1 и 5-го послужило Первоевангеліе Іоакова (гл. VIII и IX-я), но не прямо,—у Галятовскаго обозначено: „Гіеронимъ, въ книзѣ: обяз: Елизавее:“

Въ житіи Богородицы по „Небу Новому“ Галятовскаго благовѣщеніе происходитъ два раза. Первый разъ это было въ церкви Соломоновой (II, чудо 3): Дѣва Марія читала у пророка Исаіи Слова: Се Дѣвая въ чревѣ зачнетъ и родитъ сына... и молилася Богу, чтобы могла быть у такой Дѣвы хотя бы служанкой; въ это время показалась Маріи „свѣтлость великая“, со средины которой она услышала голосъ: „Породишъ сына моего, и за тое иншые будутъ тобѣ служити, жесь любячи мене иншымъ служити хотѣла“. Благовѣщалъ, т. о., самъ Богъ, невидимый Дѣвой. Явившись къ Елизаветѣ, Марія, разсказала ей происшедшее. Источникомъ

---

[1]) Ср. румынскій разсказъ, что Б-ца была дочерью одного царя, который, узнавши, что Дѣва зачала, желалъ узнать виновника этого,—онъ созвалъ знатныхъ людей,—у виновнаго должна была расцвѣсть сухая яблоневая палочка (Legendele Maicii Domnului, 1904 г., стр. 87).

этого благовѣщенія, какъ и всего III-го отдѣла, является „Гіерон(имъ) въ Книз: обяв: Елизавее:".

Второй разъ благовѣщеніе происходитъ (отд. IV, 1, 5) согласно Евангелисту Лукѣ (I, 26—38) [1]).

Отдѣлъ IV—„Чуда... подъ часъ Рожества Христова" ничего интереснаго въ себѣ не заключаетъ.

Отдѣлъ V-й—*„Чуда Пр. Богородици, уходячои въ Египетъ"*, заключаетъ въ себѣ много апокрифическихъ сказаній, написанныхъ на основѣ апокрифическаго евангелія псевдо-Матѳея. Источники для этихъ сказаній указаны таковы: Перегринація князя Радивилла (ч. 2), Кассіодоръ (ч. 3), Огородокъ Царицы (ч. 3, 4, 5, 6) [2]), Бароній (ч. 7), Созоменъ (ч. 8) и Іоаннъ Карѳагенскій (ч. 9, 11) [3]).

Семь лѣтъ жила Богородица съ Іосифомъ и св. Младенцемъ въ Египтѣ. Когда Марія пріѣхала въ Египетъ и хотѣла остановиться въ селѣ Натаріи, Іосифъ отправился въ село искать помѣщенія. Ожидая, Богородица остановилась подъ фиговымъ деревомъ, которое сейчасъ же раздвоилось, давъ т. о. помѣщеніе Маріи и Христу. „Стоитъ тое дерево", добавляетъ Галятовскій,—„до сего часу накшталтъ намету, где Турки завше держатъ лямпу запаленую" (л. 9, ч. 2).

А другой разъ, когда св. семейство отдыхало подъ пальмовымъ деревомъ, то дерево, по приказанію св. Младенца, накормило своими плодами Марію и напоило Іосифа

---

[1]) О благовѣщеніи Богородицы см. статью *І. Свѣнцицкаго:* „Архангелови вѣщання Маріи", оттискъ изъ 76—77 кн. „Записок Укр. Наук. Тов. ім. Шевченка", 1907 г.; тутъ же и литература вопроса.

[2]) Огородокъ Царицы здѣсь, конечно, Hortulus Reginae Мефрета, а не Огородокъ А. Радивиловскаго, какъ думаетъ І. Франко (Апокрифи, т. II, 403).

[3]) Объ источникахъ „Неба Новаго" мы печатаемъ въ другомъ мѣстѣ отдѣльную статью: „Источники „Неба Новаго" І. Галятовскаго", почему въ данной статьѣ объ источникахъ говоримъ мало.

(ч. 3). Оба сказанія эти взяты (не прямо) изъ апокрифическаго евангелія псевдо-Матѳея (гл. XX и XXIII).

Когда Богородица пришла къ городу Сиренъ и зашла въ капище, находившіеся тамъ 365 идоловъ упали и разбились; когда объ этомъ узналъ Евфродозій, онъ поклонился Христу, какъ Богу (ч. 4). Паденіе болвановъ неоднократно въ „Небѣ Новомъ“,—см. еще отд. V, 7; л. 51 ч. 1, XIX; л. 56 ч. 19, XIX. Въ житійной литературѣ, какъ извѣстно, паденіе идоловъ—обыкновенный и частый мотивъ [1]). Что касается паденія идоловъ отъ посѣщенія капища Маріею съ сыномъ, то возможно, что эта легенда возникла отъ неправильнаго пониманія одного мѣста у пророка Исаіи, именно XIX, 1 [2]). Легенда эта—отрывокъ изъ извѣстнаго апокрифическаго сказанія Афродитіана (у Галятовскаго Евфродозія), которое уже Максимъ Грекъ подвергъ строгому критическому разбору. Во всякомъ случаѣ эта легенда сильно распространена и даже попала въ церковное богослуженіе; такъ, въ икосѣ 6-омъ Акафиста Пр. Богородицѣ читаемъ: „Возсіявый во Египтѣ просвѣщеніе истины, отогналъ еси лжи тму: идоли бо его, спасе, не терпяще твоея крѣпости, падоша... Радуйся низпаденіе бѣсовъ“ [3]).

Дальше (чудо 5) разсказывается, что одинъ разъ на св. семейство напали разбойники и хотѣли отнять у нихъ

---

[1]) См. напр., „Казаня Приданый“ 1660 г., л. 6 об.,—идолы попадали, когда зашелъ Георгій.

[2]) *И. Я. Порфирьевъ,* Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, Спб., 1890 г. стр. 15.

[3]) О паденіи болвановъ въ Египтѣ, въ капищѣ бога Явдула см. Креховскую Палею, рукоп. XVI—XVII в., здѣсь подробнѣе, чѣмъ въ „Небѣ Новомъ“; См. *Франко,* Апокрифы, I, стр. 306. Ср. еще евангеліе псевдо-Матѳея гл. XXII—XXIV. См. еще *П. Е. Щегловъ,* Очерки исторіи отреченной литературы. Сказаніе Афродитіана, „Извѣстія отд. русск. языка“ за 1899 г. кн. I, 148—199 и кн. 4.

осла; но одинъ изъ разбойниковъ, поразившись красотою ребенка, заступился за семейство; этотъ разбойникъ потомъ былъ распятъ съ правой стороны Христа. Въ другой разъ (ч. 11) жена одного разбойника выкупала своего больного ребенка въ водѣ, въ которой Марія мыла пеленки Христа,— и ребенокъ выздоровѣлъ. Эти разсказы о нападеніи разбойниковъ были сильно распространены; въ Палестинѣ еще до сихъ поръ разсказываются эти легенды [1]. По Малороссіи эти легенды также ходятъ до сихъ поръ [2].

Львы и парды указывали дорогу и служили св. семейству (ч. 6); дерево большое возлѣ г. Гермополя до земли нагнулось, отдавая имъ честь (ч. 8); въ поганской божницѣ сами двери открылись передъ ними (ч. 9) [3].

Отдѣлъ VI-й—*„Чуда Пр. Богородици въ житіи еи“* составленъ на основаніи Евангелія и Дѣяній Апостольскихъ и не содержитъ въ себѣ ничего интереснаго. Отмѣтимъ только ч. 3,—когда Богородица въ Іерусалимѣ молилась и кланялась на горѣ Оливной, въ тотъ часъ кланялись вмѣстѣ съ нею и деревья оливковыя, честь ей выражая. Кромѣ этого отмѣтимъ,—когда Духъ св. снизошелъ на апостоловъ, онъ сошелъ и на Дѣву Марію, такъ что и она стала говорить на разныхъ языкахъ (ч. 7) [4].

Интереснымъ является отдѣлъ VII-й—*„Чуда Пр. Богородици подъ часъ Успенія еи“*. Источникомъ этого отдѣла

---

[1]) *А. Норовъ,* Путешествіе по святой землѣ, ч. II стр. 107.

[2]) См. нашу статью: „Отраженіе въ литературѣ „Неба Новаго“ Іоанникія Галятовскаго“, „Филологическія Записки“ за 1911—1912 г.

[3]) Для чудесъ 6-го и 8-го первоисточникъ—евангеліе псевдо-Матѳея (гл. XX и XIX).

[4]) Сказаніе, что Духъ Св. сошелъ и на Марію, выработалось поздно,—только къ концу среднихъ вѣковъ и то въ литературѣ западной, а не византійской. См. *А. И. Кирпичниковъ,* Къ иконографіи Сошествія Св. Духа, „Труды Имп. Моск. Арх. Общ. т. XV, 1894 г., стр. 9 и др.

является „Св. Епифаній, на Успеніе Пр. Богородици“. Епифаній—Іерусалимскій монахъ обители Каллистратовой, жилъ около XI—XII вѣка, по другимъ извѣстіямъ жилъ въ IX вѣкѣ. Онъ написалъ апокрифическое жизнеописаніе Богородицы; составляя это жизнеописаніе, онъ пользовался трудами предшественниковъ, писавшихъ о жизни Дѣвы Маріи: псевдо-Іоанна Богослова (V в.), слово котораго передѣлывалось и переводилось на разные языки, Іоанна Солунскаго (VII в.), и Андрея Критскаго († 720 г.); на житіи Епифанія отразилось и протоевангеліе Іакова (II в.), древнѣйшій изъ новозавѣтныхъ апокрифовъ; отразилось на немъ и сказаніе Афродитіана (у Галятовскаго—Евфродозія, см. ниже, паденіе болвановъ). Житіе Епифанія по славянскимъ рукописямъ встрѣчается очень часто [1]).

Вотъ краткое содержаніе отдѣла объ Успеніи Богородицы [2]).

Чудо 1-е. Богородица плакала, что не видитъ Сына ей явился Христосъ и сказалъ: „третего дня отъ тѣла взята будешъ“.

---

[1]) *И. Порфирьевъ.* Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, Спб., 1890 г. стр. 12.

[2]) У *Порфирьева,* Новозав. апокрифы, помѣщенъ разборъ апокрифическихъ сказаній, относящихся къ Богородицѣ, особенно объ ея Успеніи; тутъ же и тексты апокрифовъ; на стр. 295—311 помѣщено житіе Богородицы Епифанія (изъ Торжественника XVI вѣка); совпаденій съ „Небомъ“ нѣтъ, но содержаніе одно.

Объ Успеніи см. *Франко,* Апокрифы, II т., предисловіе. См. еще: *А. С. Хахановъ,* Очерки по исторіи грузинской словесности, Москва, 1895, стр. 187 и далѣе,—приведенъ грузинскій списокъ Успенія Василія Кесарійскаго (См. то же Ж. М. Н. Пр. 1894 г. № 11). Отмѣтимъ еще „Повѣствованіе о Успеніи Богоматери“, Кіевъ, около 1661 года, in 4⁰, 30 листовъ (*Каратаевъ,* № 705). См. еще литературу объ Успеніи выше, стр. 46—47.

2. Передъ смертью Богородицы ангелъ принесъ ей пальмовую вѣтку (знакъ ея дѣвства), которую приказалъ нести передъ ея гробомъ.

3. Ко времени погребенія Б-цы всѣ апостолы изъ далекихъ и разныхъ странъ принесены были на облакахъ.

4. Душу Б-цы вознесъ на небо самъ Христосъ.

5. Когда наступилъ часъ смерти Б-цы, къ ней явился Христосъ и взялъ ее на небо.

6. Послѣ погребенія апостолы пошли ко гробу Б-цы, но тѣла ея въ гробу не нашли.

7. Когда хоронили Б-цу, облако окружило процессію.

8. Одинъ еврей хотѣлъ сбросить тѣло Б-цы „зъ маръ на землю", но у него невидимо были отсѣчены обѣ руки.

9. Во время погребенія Б-цы ангелы въ воздухѣ пѣли, „котрое спѣванье всѣ люде чули".

10. Евреи хотѣли сбросить на землю тѣло Пр. Дѣвы, но были ослѣплены за это.

Источникъ для всѣхъ 10 чудесъ у Галятовскаго показанъ: Св. Епифаній, На Успеніе Пр. Б-ци.

11. По Воскресеніи Христовомъ апостолы имѣли обычай за обѣдомъ оставлять одно мѣсто незанятымъ и вспоминали Христа. Богородица явилась апостоламъ на облакѣ со множествомъ ангеловъ (источникъ: Полуустовъ, О благодареніи по обѣдѣ).

Отмѣтимъ еще ч. 6, гдѣ разсказывается, что когда черезъ три дня по погребеніи апостолы пошли ко гробу Маріи, они не нашли ея тѣла. По поводу этого исчезновенія Галятовскій разсказываетъ два мнѣнія: „розумѣли едны св. отци", что Богъ спряталъ отъ людей тѣло Богородицы, какъ спряталъ тѣло Моисеево; „другіи зась розумѣли", что она взята на небо; „тую другую сентенцію"—добавляетъ Галятовскій—„приняла вся церковъ каѳолическая"... Разсказъ характеренъ даже своимъ тономъ и формой!

Апокрифическія сказанія объ Успеніи Богородицы глубоко проникли въ народную среду, гдѣ очень часто встрѣчаются иконы Успенія съ апокрифическимъ содержаніемъ,—съ жидовиномъ, ангелами, съ апостолами на облакахъ и т. п. [1]).

Отмѣтимъ еще нѣкоторые разсказы, помѣщенные въ другихъ отдѣлахъ „Неба Новаго“. Дѣва Марія соткала Христу, когда Онъ былъ еще малымъ ребенкомъ, шату, и эта шата росла вмѣстѣ съ Христомъ (IX, ч. 1, л. 17 об.; см. „Ключъ Разумѣнія“ 1665 г. л. 242 об.) [2]). На третій день послѣ Успенія и погребенія Богородицы апостолы открыли гробъ ея для ап. Ѳомы, не присутствовавшаго при погребеніи,—въ гробѣ ничего не оказалось, кромѣ шаты Маріи (IX, 4). Апостолъ Ѳома не былъ при погребеніи Богородицы,—онъ проповѣдывалъ слово Божіе въ Индіи; когда на облакѣ онъ возвращался къ апостоламъ, онъ встрѣтилъ на воздухѣ Божью Матерь, передавшую ему

---

[1]) См. *Д. Ровинскій,* Русскія народныя картинки, Спб. 1881 г., т. III, № 1172—1193. Успеніе Богоматери празднуется съ VI-го вѣка; прежде праздновалось 15 янв., а съ 582 г. по приказанію греческаго императора Маврикія съ 15 авг. Разсказъ о жидовинѣ, желавшемъ сбросить тѣло Богородицы, помѣщенъ еще въ Legenda Aurea. Легенды объ Успеніи Богородицы распространены и среди Румынъ, см. Legendele Maicii Domnului, 1904, стр. 305—309 (апостолы принесены на облакахъ, Ѳома прибѣгаетъ и ему показываютъ пустой гробъ, Богородица бросаетъ Ѳомѣ свой поясъ, извѣстный эпизодъ съ жидовиномъ).

[2]) Первоисточникъ этого сказанія—апокриф. Евангеліе Никодима; у Галятовскаго источникъ: Іоаннъ Карѳагенскій, О распятіи Христовомъ. Риза Спасителя вывезена Персіянами изъ Грузіи въ 1626 году; шахъ подарилъ ее царю Михаилу Ѳеодоровичу (Никоновская лѣтоп. VIII, 248); она хранится въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ въ особо устроенномъ для нея шатрѣ. Часть ризы находится въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. *Ровинскій,* III, 680; V, 508.

свой поясъ (IX, 5) [1]). Домъ Пр. Богородицы въ Назаретѣ ап. Іаковъ и другіе превратили въ церковь, которую ангелы черезъ тысячу лѣтъ перенесли изъ Назарета въ Далмацію „до землѣ Влоской до Ляврету“ (XXIV, ч. 19, л. 87 об.).

Наконецъ, на небесахъ Дѣвѣ служатъ семь ангеловъ: Михаилъ, Гавріилъ, Рафаилъ, Уріилъ, Сеалтіилъ, Егудіилъ и Варахіилъ (XXV, 28, л. 100) [2]).

Таково житіе Богородицы, какимъ оно представлено въ „Небѣ Новомъ“ Галятовскаго.

Нашъ очеркъ былъ бы неполнымъ, если бы мы не упомянули еще нѣкоторыхъ легендъ, связанныхъ съ именемъ Богородицы и находящихся въ „Небѣ Новомъ“. Прежде всего нужно отмѣтить *сказаніе о семи радостяхъ Богородицы* на землѣ (XV, ч. 7. л. 33); радости эти слѣдующія: 1) Гды почала Сына Божого, 2) Гды Его въ животѣ своемъ носила, 3) Гды Его породила, 4) Гдыся Ему Волсвы кланяли, 5) Гды Христа въ Церкви по трохъ днехъ знашла, 6) Гды Христосъ всталъ зъ мертвыхъ и вступилъ до Неба и 7) Гды сама до Неба естъ взята. Эти радости Богородица имѣла на землѣ, на небѣ же Она имѣетъ такихъ семь радостей: 1) дѣвицствомъ Ангеловъ и годностю святыхъ перевышаю, 2) на свѣтѣ покой чыню, 3) мнѣ мешканцѣ всѣ небесныи послушныи сутъ, 4) що хочу оу Сына своего оупросити могу, 5) сподобиламся сѣсти близко Пренасвятѣйшой Тройци, 6) я естемъ Маткою людей оутрапеныхъ, которыися до мене оутѣкаютъ и 7) моя радость на вѣки не скончитъся. Богоро-

[1]) Положеніе пояса Богоматери празднуется 31 авг., установлено празднество въ X вѣкѣ по случаю исцѣленія отъ пояса императрицы Зои. Повѣсть эта была еще въ Золотой Легендѣ. Поясъ хранился въ ковчегѣ, въ церкви Богоматери, построенной импер. Ѳеодосіемъ младшимъ.

[2]) Эти ангелы иногда пишутся на иконахъ Божьей Матери. См. *Родинскій,* Народныя картинки, т. IV, 719.

дица прибавляетъ, что „если кто вѣрный будетъ тое чынити (читать семь радостей), подъ часъ смерти его душу его покрыю и вызволю, и предъ Сыномъ моимъ стану и причынятимуся за нею и потѣшу оную“... Эта прибавка, очевидно, и послужила причиной широкаго распространенія сказанія о семи радостяхъ Богородицы по Южной-Руси и Польшѣ [1]). На западѣ, какъ извѣстно, сильно были распространены т. н. „рожанцы“—сцены изъ жизни Богородицы и Іисуса, обведенныя и сплетенныя вмѣстѣ розовыми вѣнками. Въ этихъ „рожанцахъ“ часто, между прочимъ, рисовали семь болѣзней и семь радостей Богородицы. Списокъ болѣзней Богородицы, написанный на кускѣ бумаги, носили на шеѣ, какъ амулетъ.

Какъ извѣстно, сопоставленіе Пр. Дѣвы съ цвѣтами, особенно съ лиліей и розой, было любимымъ въ Южной Руси. А. Радивиловскій посвятилъ отдѣльную проповѣдь („Огородокъ“, слово 3-е на Введеніе Пр. Дѣвы во храмъ) на сравненіе Богородицы съ лиліей. До настоящаго времени среди малорусскаго народа встрѣчаются духовныя вирши, гдѣ Богородица сравнивается съ лиліей и розой. Напр.:

Сіяетъ Марія,
Небесна Лелия!
Ны первородного
Ны учынкового
Грѣху не причасна... [2])

Или еще примѣръ:

Рожа слѣчная, дѣво чистая, вдячне пахнучая!
Бѣла лелѣя, дѣва Марія, слѣчне пахнучая!...

---

[1]) См. нашу статью: „Отраженіе „Неба Новаго“ І. Галятовскаго въ литературѣ“, стр. 11—12 (по отд. оттиску).

[2]) *В. Гнатюк,* Угро-руські духовні вірші, № 156

...Вдячна роже, царице, госпоже,
Вдячна лелѣя, Дѣва Марія...
...Нетлѣнна явися, красная роже... [1])

Въ одной духовной пѣснѣ припѣвомъ поется:

Біла лелія, діво Марія... [2])

Это сравненіе Богородицы съ цвѣтами видимъ и въ особой Иконѣ Богородицы,—Благоуханный цвѣтъ, которую церковь празднуетъ 15 ноября.

Въ „Небѣ Новомъ“ также находимъ сопоставленіе лиліи съ Дѣвой Маріей, правда, отдаленное: въ одномъ чудѣ (IV, 6, л. 8 об.) разсказывается, какъ Егидій для доказательства сомнѣвающемуся въ дѣвической чистотѣ Божьей Матери трижды ударяетъ жезломъ о землю и изъ земли выростаютъ три лиліи. Въ другомъ чудѣ (VIII, 2, л. 15 об.) разсказывается, какъ одинъ человѣкъ всегда поздравлялъ Богородицу, говоря: „Радуйся, Маріе“ („бо тылко умѣлъ“); когда онъ умеръ, изъ устъ его выросла лилія съ золотой надписью: „Радуйся, Маріе“. Наконецъ, разсказывается (VIII, 3, л. 15 об.), какъ одинъ монахъ читалъ псалмы, начинающіеся съ буквъ имени Марія, за что послѣ его смерти изъ устъ, глазъ и ушей выросло по розѣ...

Распространено также сравненіе Богородицы со звѣздой; такъ, Галятовскій въ своемъ „Ключѣ Разумѣнія“ написалъ цѣлую проповѣдь, построивъ ее на перечисленіи тѣхъ звѣздъ, изъ которыхъ составлена корона Богородицы (по изд. 1665 г. л. 251 об.—261, Каз. 2-е на Успеніе). Это сопоставленіе встрѣчаемъ и въ народныхъ виршахъ:

---

1) *М. Грушевскій,* Сьпіванник з початку XVIII в., № 29, 38, 40.

2) Етнографічний Збірник, з Угорської Руси, стр. 125.

О мати дѣво чистая,
Звѣздо въ неби пресвѣтлая...[1])

Изображеніе Богородицы со звѣздой—очень древнее; такое сопоставленіе—отголосокъ апокрифическаго сказанія о звѣздѣ Пр. Богородицы, сѣвшей ей на голову во время благовѣщенія у колодца [2]).

Отголоскомъ сказаній о звѣздѣ Богородицы можно считать рисунокъ и заглавіе выходного листа, а также кое какія мѣста изъ посвященія „Неба Новаго“ Аннѣ Потоцкой. Заглавіе книги: „Небо Новое *зъ новыми звѣздами* сотворенное, то естъ Преблагословенная Дѣва Марія Богородица зъ чудами своими“ находится въ двухъ концентрическихъ кругахъ, и въ самомъ кольцѣ этихъ круговъ помѣщено пять звѣздъ; справа въ кругѣ рогатый мѣсяцъ, слѣва лучистое солнце [3]).

А въ посвященіи читаемъ: „Звѣздами сутъ чуда еи, которымися она приоздобила, бо якъ звѣзды небесныи выдаютъ свѣтлость, такъ чудовныи учынки Пр. Богородици свѣтятъ всему свѣту... Звѣзды небесныи вѣрнымъ и невѣрнымъ людемъ, добрымъ и злымъ свѣтятъ, такъ Матка Бо-

---

[1]) *В. Гнатюк,* Угро-руські духовні вірші, № 227.

[2]) *Н. Ѳ. Сумцовъ,* Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ, Кіевъ, 1888, стр. 62.—Ср. названіе сборника чудесъ Богородицы „*Звѣзда* Пресвѣтлая“.

[3]) Луна и звѣзды при Богоматери—распространенный мотивъ; иконы Богоматери, стоящей на лунѣ, а также окруженной звѣздами—часты; см. *Д. Ровинскій,* Русскія народныя картинки, 1881 г., т. III, № 1125, 1126, 1151—1153. Мотивъ этотъ, очевидно, изъ Апокалипсиса Іоанна: „Явися жена облеченна въ солнце, и луна подъ ногама ея, и на главѣ ея вѣнецъ отъ звѣздъ двоюнадесяте“ (Апок. XII, 1).

жая межи людми вѣрными и невѣрными, межи Праведными и грѣшными Чуда чынитъ"... [1])

Таковы легендарно-апокрифическія сказанія о Богородицѣ. Всѣ эти легенды широко распространены среди народа,—народъ ихъ съ любовью читалъ и запечатлѣлъ въ духовныхъ виршахъ. Напр., такъ наз. „кантички" еще и теперь широко распространены среди народа,—въ нихъ много пѣсенъ въ честь Богородицы [2]). Крупными проводниками апокрифовъ о Б-цѣ въ среду простого народа вообще были сочиненія южно-русскихъ писателей; такъ, Антоній Радивиловскій неоднократно приводитъ ихъ въ своихъ проповѣдяхъ. Апокрифическими сказаніями о Богородицѣ пользовался Димитрій Ростовскій, составляя свою извѣстную драму на Успеніе; въ своихъ Четьихъ Минеяхъ (см. 8 сент., 21 ноября, 25 и 26 марта, 25 и 26 дек., 2 февр. и 15 авг.) онъ приводитъ много апокрифическихъ сказаній о Богородицѣ [3]).

Приведемъ здѣсь нѣкоторыя выдержки изъ духовныхъ стиховъ, дабы показать, какъ апокрифическія сказанія о Богородицѣ проникали въ народъ. Конечно, „Небо Новое" не было единственнымъ источникомъ этихъ народныхъ стиховъ,—источниковъ подобныхъ было много; но что въ числѣ этихъ источниковъ не послѣднее мѣсто занимаетъ „Небо Новое",—это не подлежитъ сомнѣнію.

---

[1]) Рисунокъ выходного листа „Неба" напоминаетъ слѣдующая духовная вирша, очевидно, искусственная:

Буд оборона, тебе корона здобитъ, царице,
З звѣздъ учиненна, преукрашенна, Богородице!
Тя солнечная шата слѣчна приоздобляетъ,
А мѣсяцъ роги подъ твои ноги, Панно, схиляетъ *(М. Грушевський,* Сьпіванник, 33, № XXX).

[2]) См., напр., Kantyczka czyli Piesni Nabożne. Wilno, 1897, стр. 274 и далѣе.

[3]) „Марія" Тараса Шевченка составлена отчасти по апокрифическому Первоевангелію Іакова.

Когда Богородица жила въ церкви Соломоновой, ангелъ служилъ ей и носилъ пищу (III, чудо 1, по Первоевангелію Іакова). Это сказаніе часто встрѣчается въ народныхъ духовныхъ стихахъ.

Ты во церкви отъ Ангела
Пищу сладку пріимаше
И небесну ты вкушаше...
...Ангелъ пищу приношаетъ,
А Дѣвая принимаетъ... [1])
...Дѣва вводится
И святымъ ангеломъ
Питается... [2])

Еще:

Дванадесять тамо, ангеловъ питанно,
Яже тебѣ Дѣво служитъ
Ангелъ непрестанно... [3])

Для чуда 2 отд. III—Богородица видѣла въ церкви Соломоновой славу бога и ангеловъ, параллель: Богородица находится

„Во церкви Соломонови, *где зритъ Бога слова*“ [4]).

---

[1]) *П. Безсоновъ,* Калѣки перехожіе. Москва, 1863, вып. IV, стр. 2, 5. Ср. еще *Чубинскій,* Труды, т. I, стр. 159.

[2]) Ibidem, стр. 5.

[3]) *В. Гнатюк,* Угро-руські духовні вірші, № 35. Этотъ же разсказъ встрѣчается и у румынъ (См. Legendele Maicii Domnului, 1904, стр. 9, 14).

[4]) Ibidem, № 157.

Народныхъ духовныхъ пѣсенъ объ Успеніи сохранилось очень много [1]). Приведемъ только то, что имѣетъ себѣ параллель въ „Небѣ Новомъ“.

Апостоли съ конца свѣта
Собралися вси безъ совѣта (VII, чудо 3) [2])
...Отецъ свыше призираетъ,
Сынъ Матери руцѣ даваетъ... (VII, ч. 1, 5).
...Ангеловъ множество пѣснь спѣвали,
Гды взимали
Душу чисту, Іисусъ Христу,
Отъ земли къ небеси провождали (VII, ч. 7, 9).
Тогда апостоли не были,
Облакомъ съ конецъ слетѣли,
Спѣшились на погребъ... (VII, чудо 3).
...Ѳома въ Индіи збавился [3]),
На погребъ Дѣвы спознился,
А потомъ приспѣвши зѣло рыдалъ,
И припадалъ ко гробу лицемъ... [4]) (IX, 4, 5).
...А Ѳома преславный, по всемъ свѣтѣ явный,
Въ Индіи забавился, на погребеніе не поспѣшился... (IX, 5) [5])
...А Ѳомина жалость воспріята въ радость:
Сама Божа Маты казала свой поясъ даты (IX, 5) [5]).

---

[1]) См. *М. Грушевський,* Сьпіванник з початку XVIII в.; *Гнатюк,* Угр. р. дух. вірші, № 152 и др.

[2]) *Безсоновъ,* V, стр. 46.—*В. Варенцовъ,* Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ, СПБ., 1860, стр. 201,—Хвала Успенію Богородицы, раскольничій стихъ, записанный въ Саратовѣ.

[3]) Нужно *забавился,* забавився, замѣшкался.

[4]) *Безсоновъ,* V, стр. 50.

[5]) *М. Грушевський,* Розвідкі й материяли до історії України-Руси, II, 1897 р.; Духовні вірші з Галичини, № XVI, Духовная пѣснь объ Успеніи.

...Аѳоный неситый, Іродъ ядовитый,
Вскорѣ бѣжаше и къ одру достизаше,
Хотяше струтити и начатъ хулити
Пречистую панну, слѣчную Діанну.
Ангелъ зъ мечемъ сташе, руцѣ отсѣцаше (IX, 8) [1])
...Аѳоній одръ хотѣлъ струтити,
Волшебствомъ умѣлъ ходити,
Никтоже бо не видѣ отъ земна рода.
Но вовода
Зъ мечемъ власно
Предста вжасно,—
Аѳоній безъ рукъ является... (IX. 8) [2]).

Какъ не трудно замѣтить, почти всѣ вышеприведенные духовные стихи—южно-русскаго происхожденія, на что ясно указываетъ ихъ языкъ; это и понятно: Южная Русь любила апокрифическія сказанія, широко распространяла ихъ и до нашихъ дней сохранила ихъ въ формѣ духовныхъ стиховъ, образцы которыхъ приведены выше.

Прежде чѣмъ приступить къ другимъ апокрифамъ въ „Небѣ Новомъ“, покажемъ, какой выступаетъ Богородица въ своихъ чудесахъ.

Читающаго „Небо Новое“ прежде всего поражаетъ слишкомъ грубая матеріализація Божества. Со святыми, Христомъ и Богородицей Галятовскій обращается запросто, какъ съ людьми ему близкими, знаетъ святыхъ и ихъ мысли, какъ Гомеръ своихъ боговъ. Подобное обращеніе съ Богомъ и святыми вообще характеризуетъ писателей

---

[1]) *М. Грушевський,* Розвідки, № XVI.

[2]) *Безсоновъ,* V, стр. 50; Стихи у Безсонова приводятся по украинскому списку.

XVII-го вѣка; „Ключъ Разумѣнія“ въ этомъ отношеніи является типичнымъ памятникомъ; подобное же отношеніе къ Божеству находимъ и въ произведеніяхъ Антонія Радивиловскаго. Матеріализація Божества—не оригинальное южнорусское явленіе,—оно заимствовано изъ Польши, гдѣ оно долго процвѣтало и рельефнѣе всего отразилось въ проповѣдяхъ Ѳомы Млодзяновскаго.

Общее впечатлѣніе о Богородицѣ по чудесамъ „Неба Новаго“—она является заступницей передъ Богомъ за нашъ грѣховный міръ. Но часто она немилосерда и мстительна, часто не останавливается ни передъ какими, даже самыми матеріальными и грубыми мѣрами для наказанія оскорбляющихъ ее.

Такъ, къ образу Богородицы въ Монтани одинъ человѣкъ въ насмѣшку привелъ для исцѣленія „быдля слѣпое“; животное Богородица исцѣлила, но человѣка „очей позбавила“ (л. 69, ч. 11)... Въ другой разъ одна больная дѣвица пришла къ тому же образу и отдала Богородицѣ свои дорогія одежды, прося исцѣленія. Когда дѣвица исцѣлилась, она стала жалѣть объ одеждѣ; тогда Богородица возвратила ей одежду, но съ нею—и болѣзнь (л. 69. об. ч. 12)... У дѣвицы Валдрады усохъ палецъ, т. к. она надѣла на него съ неуваженіемъ перстень Богородицы (л. 19 об., ч. 5).

Вообще, Богородица не даетъ помощи тому, кто отъ нея отказывается. „Въ повѣтѣ Пѣнскомъ въ селѣ Ставку едного человѣка навѣдилъ Богъ обложною хоробою зо всѣмъ домомъ его“; Богородица Купятицкая спасла всѣхъ, исключая мужа, не вѣрившаго въ Ея помощь (л. 128 ч. 16, року 1634 марта 30). Другой разъ въ Голландіи одна женщина тяжело рожала; ей совѣтовали для облегченія болей зажечь свѣчу въ честь Богородицы, но та отказалась и не повѣрила, „и свѣчу на ей честь запаленую казала згасити“, за это изъ женщины „по штуцѣ дитя вышло, зъ великимъ

самои матки болемъ“ (л. 61 об. ч. 11). За насмѣшку надъ Богородицею крокодилъ съѣдаетъ индѣйца (л. 39 об. ч. 28).

Наказываетъ Богородица и за оскорбленіе своей иконы (л. 67 ч. 4). Одинъ монахъ Веніаминъ, въ 1607 г., желая узнать, изъ какой матеріи образъ Богородицы въ Купятичахъ, порѣзалъ его ножемъ. Поѣхалъ потомъ Веніаминъ въ Пинскъ и тамъ выкупилъ отъ смерти одного человѣка и, взявъ его на свой возъ, ѣхалъ съ нимъ на Подляшье; но по дорогѣ выкупленный замучилъ монаха и порѣзалъ ножемъ, какъ монахъ порѣзалъ образъ Богородицы (л. 124 об. ч. 6).—Оскорбившаго Дѣву Марію даже злой духъ порвалъ и мучилъ (л. 68 об. ч. 8).

Наказываетъ Богородица и за отнятіе церковныхъ имѣній. Одинъ богачъ завладѣлъ селомъ, пожертвованнымъ Дѣвѣ Маріи; за это его „фебра порвала“, и ему показалася Богородица, „молотъ желѣзный въ рукахъ держачая, которымъ его въ лобъ ударила и ранила“, и у богача „знакъ раны былъ на чолѣ завше, ажъ до смерти его“ (л. 43 об. ч. 3). Чудомъ этимъ пользовались впослѣдствіи писавшіе противъ отнятія церковныхъ имѣній; такъ, его приводитъ св. Димитрій Ростовскій какъ дополненіе къ старому сочиненію (1505 г.) „О свободѣ святыя церкве“ [1]).

Не любитъ Богородица и ложной присяги. „Въ мѣстѣ Торуненскомъ“ есть церковь Богородицы, въ которой одинъ человѣкъ ложно присягнулъ и сейчасъ же упалъ „назадъ

---

[1]) Синод. № 147 и 811; Титова безъ №; *Шляпкинъ*, Дим. Ростовскій, 429. Въ упомянутомъ выше (см. стр. 49, прим. 3) экземплярѣ „Неба Новаго“, принадлежавшаго Дим. Ростовскому, чудеса противъ разграбляющихъ церковныя имѣнія выписаны Дим. Ростовскимъ на переплетѣ, а въ книгѣ они отчеркнуты красными чернилами. См. Отчетъ объ экскурсіи семинарія русской филологіи въ Москву, 1912 г., стр. 39, Занятія И. И. Огіенко.

головою" и „такъ забилъ собѣ голову, же ледво живый зосталъ". И другіе люди, ложно присягавшіе въ этой церкви, умерли, „року не дочекавши" (л. 82 об. ч. 2) [1]). Не терпитъ Она и не нужнаго поручительства. Однажды пресвитеръ Даніилъ поручился передъ Богомъ за Евлогія Каменосѣчца, но Евлогій не оправдалъ порученія; и вотъ Даніилу снилось, что Христосъ „строфалъ Даніила, же онъ за Евлогіемъ ручилъся, и казалъ предстоящимъ звязати его и бити" (л. 32 ч. 6, изъ Патерика Скитскаго)...

Общеизвѣстна повѣсть о епископѣ Магдебургскомъ Удонѣ, котораго Богородица возвела въ епископскій санъ, но потомъ наказала за нечестивую и развратную жизнь. (Событіе происходило въ 955 году). Повѣсть эта—самая обширная въ „Великомъ Зерцалѣ", взята изъ средневѣковой хроники Тритемія; кромѣ „Великаго Зерцала" повѣсть эта повторена во множествѣ отдѣльныхъ списковъ,—она была въ высшей степени популярною и распространенною. Въ „Небѣ Новомъ" это самая обширная повѣсть (л. 40 об.—42, ч. 1).

Сильно наказываетъ Богородица и еретиковъ, не признающихъ ея. Но, можно сказать, въ „Небѣ Новомъ" не видно большой ненависти къ еретикамъ, какъ въ другихъ сборникахъ, наоборотъ,—Богородица иногда имъ помогаетъ, предостерегаетъ. Правда, хотя и рѣдко, но крѣпкія словечки противъ еретиковъ встрѣчаются, какъ, напр.: сарацинъ одинъ, оскорбившій Богородицу, упавши въ ровъ съ лошадью, „здохлъ", а другой—„душу свою вырыгнулъ" (л. 36 ч. 16).

Въ „Небѣ Новомъ" упоминаются такіе еретики: Ѳеофилъ (л. 24 ч. 1), Александръ Нилка (не вѣрилъ непороч-

[1]) Наказаніе за ложную присягу,—общераспространенный мотивъ, попавшій и въ народныя картинки; см. *Д. Ровинскій,* III, № 792.

ному зачатію Дѣвы Маріи, л. 4 об. ч. 2), Махометъ (л.л. 53—54, ч. 12—15), Несторій (л. 59 ч. 1, 2, л. 63), Лео Арменъ (л. 62), Арій (л. 62), герезія Самосатенова (л. 42 об., ч. 5), Гаянъ (л. 60 ч. 5), іересіархи Германъ и Гвидо (л. 60 ч. 6), Юліанъ Апостатъ (л. 24 ч. 8), образобойцы Ѳеофилъ (л. 59 ч. 4) и Константинъ Копронимъ (л. 61 ч. 9) и др.

Еретикъ Несторій оскорблялъ Богородицу, за что ему „робаки росточили языкъ“ (л. 59 ч. 2). Мученику Меркурію Дѣва приказала убить Юліана Апостата, и кровавое копье Меркурія видѣли многіе люди (л. 24 ч. 8). Ѳеофилъ иконоборецъ наказанъ былъ тѣмъ, что не могъ закрыть губъ, такъ что „всѣ внутрности его презъ уста было видати“ (л. 59 об. ч. 4)...

Вѣроятно, Галятовскій занимался вопросомъ о полемикѣ противъ Евреевъ уже во время составленія „Неба Новаго“, такъ какъ въ своемъ сборникѣ евреямъ онъ отвелъ цѣлую главу XX-ю: „Чуда... межи Жыдами“ (8 чудесъ, л.л. 56—58). Отдѣлъ этотъ правда, ничего особаго не содержитъ,—чудеса взяты изъ средневѣковыхъ источниковъ. Кромѣ спеціальнаго отдѣла, евреи фигурируютъ и въ нѣкоторыхъ иныхъ чудесахъ (л. 15 ч. 1, л. 17 ч. 6, л. 42 об. ч. 6). Во всѣхъ этихъ повѣстяхъ большею частію разсказывается о крещеніи евреевъ; въ трехъ чудесахъ (XX, 4, 6, 8) передаются легенды объ осквернені евреями иконъ. Всевозможныхъ легендъ о евреяхъ было много и въ средневѣковыхъ сборникахъ.

Но Богородица милостива къ тѣмъ, кто ищетъ у нея защиты. Съ древнѣйшихъ временъ распространено было мнѣніе, что самый закоренѣлый грѣшникъ, обратившись къ Богородицѣ, получаетъ прощеніе; разсказовъ съ подобнымъ мотивомъ было очень много; такой же мотивъ взялъ Димитрій Ростовскій для второй части своей Успенской драмы. Легенды о заступничествѣ Богоматери сильно распростра-

нены среди народа, много такихъ легендъ образовалось въ XVII вѣкѣ [1]). Въ средніе вѣка учили даже, что у св. Дѣвы легче получить милость, чѣмъ у Христа [2]).

Сильно развившійся культъ Дѣвы Маріи развилъ и такое утвержденіе, что для спасенія достаточно одного произношенія привѣтствія Богородицѣ. Ave Maria спасаетъ всѣхъ, даже разбойниковъ,—такихъ разсказовъ много почти во всѣхъ средневѣковыхъ сборникахъ. Почитаніе Богородицы восходило до курьезовъ: въ „Небѣ Новомъ“ разсказывается (л. 15 об. ч. 3), что одинъ монахъ ежедневно читалъ псалмы, начинающіеся съ буквъ, заключенныхъ въ имени Маріа...

Большое значеніе привѣтствія Богородицѣ часто встрѣчаемъ въ „Небѣ Новомъ“. Одинъ человѣкъ всегда восхвалялъ Богородицу, говоря: Радуйся, Маріе: Больше молиться онъ не умѣлъ; когда же онъ умеръ, изъ устъ его выросла лилія съ надписью: Радуйся, Маріе (л. 15 об. ч. 2). Правда, среди народа и теперь ходитъ много разсказовъ о простакахъ, не умѣвшихъ молиться, но спасенныхъ [3]). Богородица воскрешаетъ даже распутнаго юношу, ибо тотъ всегда произносилъ ангельское привѣтствіе (л. 47 об. ч. 1). А набожный священникъ Северъ, весьма чтившій Богородицу, даже воскрешаетъ мертваго (л. 83 об. ч. 6). Королева Венгерская Рынга, какъ только родилась, сейчасъ же воскликнула: „Витай, Царице Небесная“ (л. 42 об. ч. 4).

Если грѣшники что-либо дѣлаютъ для Богородицы, она всегда ихъ спасаетъ. Такъ, одинъ воинъ хотѣлъ „отняти дѣвицство“ у дѣвицы Маріи, но пощадилъ ее, ибо она „пошлюбила дѣвицство свое дѣвѣ Маріи“; за это послѣ

---

[1]) *Д. Ровинскій,* Русскія народныя картинки, 1881 г., т. V, стр. 188.

[2]) *П. Н. Владимировъ,* Къ изслѣдованію о „Великомъ Зерцалѣ“, Казань, 1885 г., стр. 13.

[3]) См. *Б. Гринченко,* Этнографическіе матеріалы, т. II, 369.

смерти воинъ „доступилъ збавленя вѣчного“ (л. 16 об. ч. 4). Однажды Зенонъ, цесарь греческій, отнялъ у одной женщины дочь ея „на свою роспустность“; дѣвица взмолилась къ Богородицѣ о помощи, но получила отвѣтъ, что „скаралабымъ Зенона за его роспустность, але ми недопускаетъ рука его, которая даетъ убогимъ ялмужну“ (л. 26 ч. 6)... Татарскому царю Ачикерею Богородица помогаетъ на войнѣ, ибо тотъ обѣщалъ ей жертву (л. 54 об. ч. 17). Когда на городъ Евору напало повѣтріе, люди обратились къ Богородицѣ, „зъ срѣбра мѣсто учинивши ей оффѣровали, просячи, жебы за срѣбрное мѣсто мѣсту ихъ здоровъе привернула“, и Богородица спасла городъ Евору (л. 31 об. ч. 5).

Вообще, Богородица помогаетъ людямъ праведной жизни. Во Флоренціи былъ бѣднякъ, имѣвшій много взрослыхъ дочерей, но не имѣвшій чѣмъ прокормить ихъ. Бѣднякъ обратился за помощью къ Богородицѣ и та помогла ему. Когда однажды пришелъ онъ въ церковь, то подслушалъ разговоръ двухъ нищихъ, имѣвшихъ крупныя деньги; бѣднякъ донесъ объ этомъ архіепископу, а тотъ, отнявши деньги у нищихъ, отдалъ ихъ ему „на потребу порокъ его“ (л. 88 ч. 20). Другой разъ Богородица помогла епископу Бонифатію; сынъ епископа, священникъ Константинъ, продалъ своего коня за 20 золотыхъ и деньги спряталъ; деньги эти епископъ отдалъ нищимъ. Возвратясь домой и не найдя денегъ, Константинъ „учинилъ крыкъ великій“. Епископъ обратился къ Богородицѣ и та вложила въ его одежду 20 червоныхъ золотыхъ (л. 85 ч. 10)...

Кромѣ этого, Богородица „языкъ урѣзаный знову привернула“ одному священнику (л. 62 об. ч. 15); открываетъ истинную вѣру младенцу Райнеру (л. 42 об. ч. 6) и Григорію Чудотворцу (л. 42 об. ч. 5); надѣлила большой мудростью набожнаго Романа, давши ему съѣсть „картку свитую“ (л. 42 ч. 2); монаху Герману дала великую мудрость, такъ

что онъ зналъ даже языки еврейскій, греческій и латинскій (л. 42 об. ч. 3).

Спасая грѣшныхъ, Богородица часто спасаетъ и людей не христіанъ. Такъ, она помогаетъ епископу „професіи Рымской"—Радошевскому, въ 1626 г. мая 10 (л. 117 об. ч. 29), спасаетъ больного татарина (л. 54 ч. 16), исцѣляетъ Карктуса, башу турецкаго (л. 44 ч. 6), спасаетъ отъ разбойниковъ одного еврея Іакова, которому говоритъ: „я естемъ Марія, зъ которойся ты и народъ твой нагораваете, еднакъ пришламъ тутъ, абымъ тобѣ доброе за злое отдала" (л. 56 ч. 1)...

Вотъ такой рисуется Богородица въ чудесахъ „Неба Новаго". Нельзя винить Галятовскаго въ крайней матеріализаціи ея,—это было обыкновеннымъ явленіемъ въ Южной Руси XVII вѣка, присущимъ не одному только Галятовскому, а всѣмъ тогдашнимъ писателямъ.

Обратимся теперь къ другимъ апокрифическимъ разсказамъ, находящимся въ „Небѣ Новомъ" Галятовскаго.

II. Сивиллы.

Сивилла — произведеніе греческаго вѣрованія; это нимфа, предсказывающая будущее; Троянская Кассандра и ея дочь считались сивиллами. Издавна ходило много разнообразныхъ сивиллиныхъ разсказовъ; разсказы эти проникли въ Южную Русь изъ Польши и распространялись въ большомъ количествѣ списковъ [1]). Изъ Южной

[1]) Одинъ изъ списковъ см. *Петровъ,* Рукоп. Софійскаго собора, № 161 (38), сборникъ конца XVII в., л. 607,—о сивиллахъ и ихъ изреченіяхъ; пророчества сивиллъ приведены здѣсь по-гречески, латински, русски и молдавски (кириллицей). Индія считалась мѣстомъ сивиллинаго царства, См. *Ровинскій,* Р. Н. картинки, IV, 469.

Руси разсказы эти проникли даже въ Русь Московскую, гдѣ нашли себѣ также радушный пріемъ. „Книга о Сивиллахъ“ по указу Алексѣя Михайловича переведена была въ XVII вѣкѣ (съ латинскаго?) Николаемъ Спафаріемъ, приближеннымъ къ боярину Матвѣеву; книга посвящена была Алексѣю Михайловичу, приготовлена къ печати, но почему-то напечатана не была [1]). А въ 1666 г. окольничій Богданъ Хитрово подарилъ налой въ Лютиковъ монастырь въ Перемышльскомъ уѣздѣ; на этомъ налоѣ по бокамъ нарисовано было семь сивиллъ [2]),—фактъ, показывающій, какъ глубоко проникло въ народъ сказаніе о сивиллахъ. Кромѣ этого, еще одинъ фактъ—для Руси московской: Иноземецъ Богданко Салтановъ нарисовалъ на полотнѣ двѣнадцать сивиллъ и поднесъ ихъ царевичу въ 1673 году [3]).

Всѣ эти факты свидѣтельствуютъ о широкомъ распространеніи сивиллиныхъ сказаній; даже извѣстная царица Савская также иногда причисляется къ сивилламъ, очевидно по созвучію именъ. Ничего удивительнаго, т. о., нѣтъ въ томъ, что Галятовскій приводитъ въ „Небѣ Новомъ“ пророчества сивиллъ о Дѣвѣ Маріи; такъ поступали и другіе,—напр., въ проповѣди Симеона Полоцкаго на Рождество

---

[1]) Рукоп. Моск. Арх. М. И. Д. № 462 (930); Рум. муз. № 226; Погодина № 1598 л. 238; Толстого, I, № 129, 141. Есть указаніе и на переводъ съ польскаго подобной же статьи, *Шляпкинъ*, Д. Рост., 85; *Филаретъ*, Обзоръ, стр. 244; *Владимировъ*, Великое Зеркало, V. О сивиллахъ см. краткое описаніе ркп. Древнехранилища при братствѣ Алекс. Невскаго, Вып. I, Владимиръ, 1906 г.,—№ 155 изображеніе сивиллъ съ ихъ предсказаніями. Въ Народн. Домѣ во Львовѣ, Сборн. № 138, XVI в., заключаетъ въ себѣ слово о Сивиллѣ царицѣ, значительно обширнѣе, чѣмъ изданное въ „Памятникахъ“, I, 277.

[2]) *Шляпкинъ*, Дим. Ростовскій, стр. 62—63.

[3]) Дополненія къ Актамъ ист., т. VI, 195—197.

Христово говорится, что о рождествѣ пророчествовали 12 языческихъ сивиллъ [1]).

Свое сказаніе о сивиллахъ Галятовскій перевелъ съ польскаго, изъ книгъ (кн. I, листъ 120) Мартина Бѣльскаго. Мы ниже приводимъ полностью отдѣлъ I „Неба Новаго" (л.л. 1—4 по первому изданію 1665 года), при чемъ рядомъ съ нимъ приводимъ и польскій источникъ.

Чꙋда Пр҃тои Бц҃и межи Сvвѣллами пророчицами поганскими, Которыи пре҃ Зачатіемъ ея, за ѡбявленіемъ Бж҃имъ знали ея и в Книгахъ своихъ ѻнꙋю писали и людемъ проповѣдали, и выславляли.

Чꙋдо Первое.

Сvвѣлла Персика Пророцкимъ дх҃омъ ѿ Бг҃а наполнена, такіи слова ѿ Преч҃той Дв҃ѣ в своихъ вѣршахъ написала:

Пріидетъ на свѣтъ Великій Пррк҃ъ,	Przeydzie na swiat wielki Prorok
З Высокихъ Краинъ през ѻболокъ,	Z wysokich krain przez obłok.
З Дв҃ы ся Чт҃ои народитъ,	Z Panney się czystey narodzi,
А насъ з Бг҃омъ Ѿц҃емъ погодитъ.	A nas z Bogiem Oycem zgodzi [2]).

Чꙋдо второе.

Сvвѣлла Ливика за побꙋдкою Дх҃а ст҃го, так ѿ Пр҃чтой Дв҃ѣ пророковала:

---

[1]) *А. Пыпинъ,* Исторія русской литературы, т. II, 332.

[2]) Есть еще 8 стиховъ.

Ото прі́йдетъ дн҃ь свѣ́тлости,	Oto przeydzie dzien swiatłosci,
Роспоро́шитъ всѣ те́мности,	Rozpędzi wszytkie ciemnosci,
Котро́го ча́сꙋ вѣ́чный Панъ,	Ktorego czasu wieczny Pan
Длѧ всѣ́хъ грѣха́ бꙋ́детъ посла́нъ,	Dla wszech ludzi będzie posłan [1]).
Бꙋ́детъ ве́длꙋгъ тѣ́ла жи́ти,	Będzie chowan według ciała,
Па́нна ѥ҆гѡ̀ бꙋ́детъ мѣ́ти,	A Panna go będzie miała,
Нако́рмитъ пе́рсми свои́ми,	Swymi piersiami karmiła,
Такъ є҆́стъ Та́йнами Бж҃скими.	Taiemnosc Boska sprawiła [1]).

Чꙋ́до трє́тє́є.

Сѵбѣ́ллѧ Де́лфика ма́ючи в́ собѣ̀ Дх҃а ст҃о́гѡ, тако́є ѡ҆ Прєч҃той Дв҃ѣ написа́ла Проро́цтво:

О Ѵл҃вѣ́чє ꙁнай Па́на своє́гѡ,	O człowiecze, poznay Pana swego!
Прр҃къ прі́йдетъ, длѧ ꙁбавле́нѧ твоє́гѡ,	Przydzie Prorok—dzien zbawienia twego.
Той наꙋ́кою в́весъ свѣ́тъ ѡ҆свѣща́етъ,	Ten wszytek swiat nauką oswieci—
Нєха́й в́ па́мѧти ко́ждый є҆гѡ̀ ма́єтъ,	Miey go kazdy na dobrey pamięci.
Бж҃кимсѧ дѣ́йствомъ ꙁ́ Дв҃и́ци наро́дит,	Boską sprawą z Panny się narodzi,
И҆ свои́мъ вѣ́рнымъ ср҃ца ѡ҆холо́дитъ.	Swoim wiernym swe serca ochołodzi.

[1]) Дальше еще 4 стиха.

Ѵ҆ѹ҆до ѵ҆ѣтвѣ҆ртоѣ҆.

Сѵбѣ́лла Хѵме́рїа ѿ Дх҃а ст҃о́гѡ наѹче́нна, такі́є ѡ҆ Прⷭ҇то́й Бц҃и слова̀ написа́ла:

Дв҃и́ца в́ молодо́мъ вѣ́кѹ,	Będzie Panna w młodym lecie
Бѹ́детъ в́ ѵе́сти ѵл҃вѣ́кѹ,	Godna wielbienia na swiecie.
Мы всѣ бѹ́демъ є҆ѝ ѵти́ти,	Z nàs wszech godnosc będzie miała,
Цр҃а в́ рѹка́хъ вѹ́детъ мѣ́ти,	Krola w ręku piastowała.
Котро́мѹ принесѹ́тъ да́ры,	Ktoremu przyniosią dary
Правовѣ́рные тры Цары.	Trzey krolowie pełni wiary [1]).

Ѵ҆ѹ҆до пѧтоѣ҆.

Сѵбѣ́лла Самі́а ꙁа спра́вою Дх҃а ст҃о́гѡ, ѡ҆ Преѵ҆той Дв҃ѣ такъ пророкова́ла:

Ото на свѣ́т кн҃а прїйдет Пⷭ҇а бога́тый ꙁ Нб҃а,	Oto przeydzie bogaty Pan
Наро́дитсѧ ꙁ оу҆бо́гой Дв҃ци, такъ тре́ба,	Narodzi się z ubogiey dziewki nam.
Ꙁвѣрѧ́та є҆мѹ̀ хва́лѹ бѹ́дѹтъ ѿдава́ти,	Zwierzęta mu chwałę będą dawac,
Нб҃о, Ꙁемлѧ̀, Агг҃ли бѹ́дѹтъ вы-ꙁнава́ти.	Niebo, ziemia z Anioły wyznawac [2]).

---

[1]) Есть еще 4 стиха.

[2]) Есть еще 6 строкъ.

Чꙋ҆до шє҆стоє҆.

Сѵбѣ́лла Кꙋме́а, тако́є Пророцⷭ҇во мѣ́ла ѡ҆ Прєⷭ҇той Дв҃ѣ, да́ноє собѣ́ ѿ Дх҃а ст҃о́гѡ:

Ю҆жъ мои̑ слова̀ ю҆жъ ѡ҆стате́чныє,	Już me słowa ostateczne
Правди́вє сꙋтъ и҆ бꙋ́дꙋтъ тєжъ вѣ́чныє,	Prawdziwe są, będą wieczne,
Кото́рыи намъ Цр҃ѧ ꙁнамєнꙋ́ютъ,	Ktore Krola znamienuią,
И҆ при́стьє є҆гѡ̀ на свѣ́тъ ѡ҆бѣцꙋ́ютъ,	Na swiat Go przysc obiecuią
Котры́й в҆ поко́ю бꙋ́дєтъ ꙁ҆нами жи́ти,	Ktory w pokoiu będzie żył,
И҆ всємꙋ̀ свѣ́тꙋ ми́лый маєтъ бы́ти,	Wszytkiemu swiatu będzie mił,
Прїи́мєтъ на сєбѐ лю́дскоє о҆́нъ тѣ́ло,	Przeymie na się ludzkie ciało—
Гдⷭ҇ꙋ Бг҃ꙋ то́є ба́рꙁо ми́ло,	Tak się Bogu podobało.
Дв҃и́цꙋ ѡ҆ꙁмєтъ собѣ̀ о҆́нъ ꙁа Мт҃кꙋ,	Pannę za matkę wybierze,
Оба́чит҆ бовѣ́мъ є҆и̑ в҆ пра́вым҆ ста́ткꙋ,	Bo ją pozna w prawiey wierze.
Прє́йдєтъ пе́внє насъ Нєвѣ́ста го́дностю,	Przeydzie nas z oney godnoscią,
Поко́рою и҆ Цно́тою, Цꙋ́дностю,	Cnotą, pokorą, cudnoscią.
Длѧ тогѡ̀ ꙁва́битъ Па́на тꙋ́тъ своє́го,	Przeto zwabi Pana swego
В҆ чи́стый живо҃ свой ꙁ҆ Нб҃а высо́кого.	W żywot z nieba wysokiego.

Чꙋ̑до сє̑моє̑.

Сѵбѣ́лла Гєллєспо́нтика ѡ̑ Прєч҃той Дв҃ѣ дх҃ом Проро́цкимъ такъ напи́сала:

Ґды́мъ тєжъ ꙗ̑кі́нсь рє́чы розмышлѧ́ла,	Gdym też nieco rozmyslała,
Па́ннꙋмъ в́ вели́кой чє́сти ѡ̑глѧда́ла,	Pannę-m wiełkiey czci widziała,
Котра́ѧ свого̀ да́рꙋ таково́гѡ,	Ktora godna daru swego
Го́дна з́ прєйзрє́нѧ Па́на прємꙋ́дрогѡ,	Z przeyrzenia Pana wiecznego.
Такъ оу̑ва́жит́ Панъ свою̀ слꙋжє́бницꙋ,	Tak uważy swą sługę Pan,
Жє в́ є̑и̇ живо́т́ прїйдєт́ ꙗ̑къ в́ ложни́цꙋ,	Jż iey żywot nawiedzi sam,
А̑ то́й рожа́й є̑стъ ба́рзо знамени́тый.	A ten rodzay znamienity
В́ Бз҃кой спра́вѣ таќ прє҃ людми́ закры́тый,	W Boskiey sprawie tak zakryty,
Жє вели́коє ди́восѧ пока́жєтъ,	Jż się to za dziw okaże
Па́нна тако́и рє́чы ґды дока́жєтъ.	Pannę bydz w takiey powadze.

Чꙋ̑до о̑смоє̑.

Сѵбѣ́лла Фрі́ґіѧ прєз́ наꙋ́кꙋ Дх҃а ст҃о́гѡ Проро́цкїє вѣ́ршѣ такі́и ѡ̑ Прєст҃о́й Бц҃и зложи́ла:

Ви́дѣлам́ Па́на на҃ всѣ́хъ найвы́шшогѡ,	Widziałam wszech naywysznego
На ꙁлосли́вый свѣ́тъ ба́рꙁо гнѣвли́вого,	Na swiat bardzo gniewliwego:
Мѣ́лъ ю҆́жъ неꙁбо́жныхъ люде́й ꙁагꙋби́ти,	Miał ludzie złosliwe strawic,
Ꙁно́вꙋ брате́рство ꙁ́ними схо́чет мѣ́ти,	Zas się z nimi chce poprawic.
Пошле́тъ к҆ Дв҃и́ци ҆Аггла своє́гѡ,	Posle do Panny Anieła,
Жебы́ ꙁ́ вѣ́рою приняла̀ ѻ҆́ногѡ,	Aby go z wiarą przyięła.
Пре҃вѣ́чномꙋ є҆́стъ Бг҃ꙋ то́є ми́ло,	Tak się Bogu podobało:
҆Єслѝ ѻ҆́нъ ѡ҆́ꙁметъ ѿ Дв҃и́ци тѣ́ло,	Gdy On wezmie z Panny ciało,
То́є ꙁа свои́хъ ѻ҆́нъ ѡ҆фѣрова́ти:	Ma ie za swe ofiarowac,
Ма́єтъ, оу҆па́лыхъ люде́й ꙁахова́ти.	Upadłe ludzie ratowac.

Чꙋ҆до дє҆вѧтоє҆.

Сѵбѣ́ллѧ Єѵро́пєа ꙁа спорѧже́нїєм Дх҃а Бж҃го, тако́є Пр҃рцство ѡ҆ Пр҃чтой Дв҃ѣ, свѣ́тꙋ ѡ҆бѧви́ла:

Прі́йдєтъ на Свѣ́тъ сло́во вѣ́чноє,	Przydzie na swiat Słowo wieczne,
Вѣ́рнымъ свои́мъ пожыте́чноє,	Wiernym swoim pożyteczne.
Ꙁ҆ Нб҃а є҆́стъ ѿ Бг҃а посла́нный,	Z nieba od Boga posłany

През҄ живо́тъ цнотли́вои Па́нны,	Przez żywot cnotliwiey Panny.
Го́ры и҆ вели́кїе ва́лы:	Przeydzie gory, wielkie waly,
Пре́йдетъ, бꙋ́детъ тꙋ́тъ часъ нема́лый.	Pobędzie tu czas niemaly [1]).

Чꙋ́до дє́сатоє.

Сνбе́лла Тибуртина Дꙋхомъ Бж҃скимъ наполне́нная, такі́е слова̀ ѿ Пре́чтои Дв҃ѣ Бц҃и е҆ ве́ршахъ свои́хъ написа́ла:

Бг҃ъ правди́вый да́лъ мнѣ вымо́ву такꙋ́ю,	Pan Bog prawdy dał mi tę wymowę,
Жемъ ѡ҆бави́ла свѣ́тꙋ Дв҃ицꙋ ди́вную,	Żem przez swoię obiawiła głowę
Котра́я въ Вифлеѡ́мѣ сн҃а чꙋка породи́,	Pannę, ktora w Bethleem porodzi,
Є҆дна́къ Дв҃ицтвꙋ є҆й то́е не зашко́дит,	Panienstwu iey nigdy nie zaszkodzi.
Ст҃ая то го́дная, щасли́вая Мт҃и,	O swięta to, dostoyna, szczęsna mac,
Кото́рая дастъ томꙋ̀ свой по́карм дитя́ти.	Ktora Mu swoy pokarm będzie dawac.

Чꙋдо ѡ҆ди́надцатоє.

Гды Пога́не є҆ Ры́мѣ збꙋдова́ли божни́цꙋ, Ї҆исꙋсовѣ бо́гови своє́мꙋ фалши́вомꙋ, натой часъ пыта́ли Сνбе́лли Тибур-

1) Есть еще 4 стиха.

ти́ни, по́ки бы та́ѧ мѣ́ла божни́ца стоѧ́ти? Ѿказа́ла Тибѵрти́на, по́ки Дв҃и́ца сн҃а поро́дитъ, та́къжесѧ и ста́ло, бо по́ты Ꙗнѹсова божни́ца стоѧ́ла, по́ки Преч҃таѧ Дв҃а Х҃а не породи́ла, а̑ ско́ро оу̑роди́ла Х҃а, за́раз та́ѧ божни́ца в Ры́мѣ на землю оу̑па́ла.

У Мартина Бѣльскаго: Ggy Rzymianie... kościoł... chcieli zbudowac... pytali Tyburtyny, długo li kościoł pokoia, ktory był Janusowi boszkowi zbudowali, będzie stał? Odpowiedziała: poki Panna nie porodzi. Ale potym (kościoł) upadł, gdy się Chrystus narodził.

Чꙋ̑до два̑на̑дцѧтое̑.

Гды Октовїа́нъ Це́саръ Ры́мскїи хотѣ́лъ зва́тисѧ Бо́гом, в́то́й часъ Сѵбѣ́ллѧ Тибѵрти́на Проро́чица Пога́нскаѧ, показа́ла е́мꙋ на Нб҃ѣ Дв҃и́цꙋ держа́чꙋю на рꙋка́хъ свои́х дитѧ́тко, и мо́вила: Той Олтаръ е̑стъ Сн҃а Бж҃ого. длѧ тогѡ̀ Сѵбѣ́ллѧ показа́ла Дв҃и́цꙋ держа́чꙋю на рꙋка́хъ свои́хъ Дитѧ́тко, бо Пророкова́ла ѡ̑тымъ, же мѣ́ла Преч҃таѧ Дв҃а Х҃а породи́ти, и Єгѡ̀ на рꙋка́хъ свои́хъ держа́ти.

У М. Бѣльскаго: Ggy Rzymianie za Boga chcieli chwalić Cesarza Octawiana... (Sybilla Tyburtina) kazała mu weyzreć w niebo, gdzie tam uyrzał Pannę piastuiąc dzieciątko. Rzekła mu: haec ora est Filii Dei.

Какъ видимъ изъ приведеннаго, Галятовскій, собственно, стихотворный текстъ сказанія о сивиллахъ приводитъ въ „Небѣ Новомъ“ изъ хроники Мартина Бѣльскаго [1]),

[1]) Текстъ сказанія о сивиллахъ Мартина Бѣльскаго приводимъ по *И. Франко,* Апокрифы, II, 24—32,—рукопись библіотеки Оссолинскихъ, XVII в., ч. 113, стр. 263 - 270. Тутъ же перепечатка пророчествъ сивиллъ изъ „Неба“, стр. 398—401.

даже не переводя его,—онъ только сократилъ свой текстъ (Галятовскій вообще такъ обращался со своими источниками). Что касается чудесъ 10, 11 и 12, то это передѣлка одного 10-го сказанія сивиллы Тибуртины [1]).

Въ „Небѣ Новомъ“ есть еще одно пророчество сивиллы, именно Геритреи (VIII, 7, л. 17, источникъ—книга 8 Оракулъ): **Имѧ̀ Преѵ҃тои Дв҃ы, Мр҃їѧ, ѡ҆бѧвилѧ́ Бг҃ъ людє́мъ є҆щѐ пред̾ ꙁаѵа́тїємъ є҆ѝ, бо Сибѣ́ллѧ Герїтрє́ѧ, ꙁа Бж҃кою спра́вою, в̾ свои́хъ вѣ́ршахъ, такі́и слова̀ написа́ла: ꙁ̾ жывота̀ Мр҃іи дв҃ци нова́ѧ свѣ́тлость восїѧ́ла** [2]).

Сказанія о сивиллахъ особенно распространяются въ Южной Руси и въ Москвѣ во второй половинѣ XVII вѣка, и подъ конецъ его. [3]) Изображенія 12-ти сивиллъ попали даже

---

[1]) Ср. *Франко,* Апокрифы, II, 30.

[2]) Сивиллины пророчества см. еще въ „Мессіи“, л. 421—423; см. еще „Ключъ Разумѣнія“ 1665 г. л. 274 об.

[3]) Изданія сивиллиныхъ пророчествъ появились рано; см. Sibyllina oracula ex vett. cod. aucta, renovata, et notis illustrata a *I. Opsopoeo Brettano.* Cum interpretatione latina *S. Castalionis* et indice, Parisiis, 1599. (Каталогъ книгъ Кіево-Печерской Лавры, № 1325; V 6/104). *Crisp. Passaeus,* Duodecim Sibillarum imagines in aes eleganter incisae, Amsterd., apud Iansonium, 1615.—*S. Galleus,* Dissertationes de sibyllis, earumque oraculis. Cum figuris aeneis. Amstelodami, 1688 (Кіево-Печ. Лавра № III 5/40). *S. Galleus,* Sibyllina oracula ex veteribus codicibus emendata ac restituta et commentariis diversorum illustrata. Amstelodami, 1689 (К. П. Лавра, III 4/41). О сивиллахъ см. еще *Буслаевъ,* Очерки, II. 361—365, тутъ приведены и ихъ изображенія.—*Е. Ѳ. Карскій,* Западнорусское сказаніе о сивиллѣ пророчицѣ по рукописи XVI вѣка; Варшава, 1898.—Подробную литературу о сивиллахъ см. у *Франко,* Апокрифы, т. II, стр. 22—24. Здѣсь же (18—22) приведено по рукописи XVII в. Вѣнской Библіотеки „Сказаніе о двунадесятихъ Сивиллахъ, сирѣчь пророчицахъ, иже пророчествоваху о пречистѣй Дѣвѣ Маріи и о воплощеніи Сына Божія“, при этомъ пророчество Тибуртины (стр. 21) равняется чуду 11 и 12 въ „Небѣ“ на л.л. 3 об.—4. См. еще „Отчетъ объ экскурсіи семинарія русской филологіи въ Спб., 1913 г., занятія *Ѳ. П. Сушицкаго* надъ текстомъ сказанія сивиллъ.

въ народныя картинки,—на каждой изъ 12-ти картинокъ изображалась въ ростъ сивилла и какое-либо предсказанное ею происшествіе изъ евангелія; тутъ же и соотвѣтствующія подписи прозой [1]). Часто попадаются изображенія сивиллъ на входныхъ дверяхъ храмовъ, напр., въ Москвѣ, въ церкви Славущаго Воскресенія, въ Соборахъ Успенскомъ и Благовѣщенскомъ, въ соборѣ города Суздаля, въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ, въ мужскомъ монастырѣ въ Великомъ Устюгѣ [2]), въ Новгородѣ и др.

III. Сказаніе о царѣ Сарацинскомъ Амфилогѣ.

Сказаніе о видѣніи царя Амфилога—апокрифъ, довольно распространенный въ Южной Руси, и въ XVII в. ставшій популярной темой [3]); апокрифъ этотъ извѣстенъ и за предѣ-

1) *Ровинскій,* Русск. народн. карт., т. III, № 1650. Картинки работы извѣстнаго гравера XVIII в. Мартына Нехорошевскаго.

2) Ibidem, т. IV, стр. 774.

3) Подробная редакція (свободная) сказанія объ Амфилогѣ по рукописи г. Бѣлявскаго напечатана у *Франка,* Апокрифы и легенды, т. IV, стр. 99—102. Тутъ же и другіе источники этого сказанія.—*Калужняцкій,* Обзоръ славяно-русскихъ памятниковъ языка и письма, находящихся въ библіотекахъ и архивахъ львовскихъ, Кіевъ, 1878 г., стр. 26—28.—*Сумцовъ,* Очерки исторіи апокр. сказ., 104—107, „Кіевск. Стар.“, 1887, сентябрь. Сказаніе о царѣ Амфилогѣ Галятовскаго было перепечатано проф. *В. Н. Перетцемъ* (Извѣстія Кіевскаго Университета, 1905 г., Новые труды по источниковѣдѣнію древне-русской литературы, I—VII). Тутъ же и два сказанія, слышанныя въ дѣтствѣ авторомъ. См. еще статью *А. И. Яцимирскаго:* „Къ исторіи апокрифовъ и легендъ въ южно-славянской письменности“ („Извѣстія отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ“, 1910, т. XV, кн. 1), гл. IX: „Сказанія объ эвхаристическомъ чудѣ“. Тутъ же и подробная литература вопроса. См. еще *Калужняцкій,* Die Legende von der Vision Amphilog's, „Archiv f. sl Ph.“ т. XXV. Разсказъ объ Амфилогѣ находится и въ Прологѣ подъ 26 ноября.

лами Руси,—такъ, онъ извѣстенъ въ румынской литературѣ [1]), а параллели ему А. Н. Веселовскій находитъ даже въ западныхъ романахъ о св. Гралѣ [2]).

Въ „Небѣ Новомъ“ Галятовскаго (XIX, 9, л. 52 об.—53) приводится только отрывокъ сказанія объ Амфилогѣ, источникомъ котораго указана „Исторіа о откровен: Лѵтург: Божествен:“. Вотъ это сказаніе:

Амфилóгъ царъ Сарацúнскїй поган҃и в Іеⷭ҇лимѣ пришóлъ до цр҃кви на слꙋ́жбꙋ Бж҃ꙋю, и в той часъ вúдѣлъ Хⷭ҇а ꙗкω дитáтко малóе, котóрое свѧщéнникъ на ѻлтарѣ зарѣзалъ, длѧ тогѡ̀ постáвилъ сторóжꙋ ѡколо того̀ сщ҃енника, жебы̀ не оу҆теклъ, гды мóвилъ сщ҃нникъ: Прест҃ꙋю Чúстꙋю и Преблгⷭ҇ословéннꙋю слáвнꙋю Влⷣчицꙋ нáшꙋ Бц҃ꙋ, и про̑. в тóй чáсъ пришло́ множество̀ Агг҃лωвъ, котóрыи пон҃éсши рꙋ́ки, за ввесь мі́ръ хрⷭ҇тїанскїй молилисѧ Бг҃ꙋ, а гды мóвилъ сщ҃енникъ: Изрáднѣе ω Прест҃óй Чт҃ой Преблгⷭ҇ословéнной славной Влⷣчици нáшей Бц҃и и прн҃ω Дв҃ѣ Мр҃їи, натóй часъ дш҃амъ въ тмѣ́ бꙋ́дꙋчим дверн ѿтворúлисѧ, по слꙋ́жбѣ Бж҃ой сщ҃енник Царéви принéслъ Прóсфорꙋ, мóвилъ ємꙋ̀ Царъ: Видѣлемъ тебѐ нещасли́вый чл҃вѣче, жесь дитѧ̀ зарѣзалъ, и тымъ єси́ слꙋжи́лъ, ѿказáлъ свѧщéнникъ: Такóгω чꙋ́да ни ст҃ыи Ѿц҃ы, Васи́лїй и Григóрїй невúдѣли, ꙗкóе ты цáрꙋ вúдѣлъ, поучꙋвши тóе, царъ в Хⷭ҇а оу҆вѣрилъ, и ѡкр҃щенный ѿ Патрїáрхи Іеⷭ҇лимскаго и в Схи́мꙋ ѡблечéный, потóмъ ѣхалъ в Зéмлю Сара-

---

[1]) *Gastar,* Literatura populara romana, 445; *А. Н. Веселовскій,* Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, 1889, гл. XVII и XXI—объ Амфилогѣ.

[2]) *А. Н. Веселовскій,* Разысканія въ области русск. духовн. стиха, вып. V, гл. XVII.

ци́нскꙋю, до бра́та своє́гѡ на и҆мѧ̀ Клика́нцѧ, и҆ тогѡ̀ до Х҃а наверънꙋ́лъ и҆ ѡ҆кр҃сти́лъ, кото́рые ѡ҆ба́два почали́ Х҃а проповѣда́ти, длѧ тогѡ̀ Сараци́ни пога́не и҆́хъ поꙁабїѧли [1]).

Сравнивая приведенный разсказъ съ текстомъ Калужняцкаго, находимъ въ нихъ нѣкоторое сходство и совпаденія; но Галятовскій, по своему обыкновенію, данный разсказъ сильно сократилъ, особенно первую его половину; сокращенія эти понятны: въ первой половинѣ Галятовскій выбралъ только то, что относится къ Богородицѣ, т. е. къ его темѣ.

Разсказъ, похожій на сказаніе объ Амфилогѣ, находимъ и въ „Ключѣ Разумѣнія“ (л. 121), повторенъ и въ „Мессіи“ л. 238 об.; приводимъ его дословно: **„С҃тый Васи́лїй вели́кїй, ґды ѿправова̑ слꙋ́жбꙋ Бж҃ію в҆ Цр҃кви, нато́й ча́съ є҆де́нъ жи́дъ пришо́лъ до Цр҃кви, и҆ ви́дѣлъ Х҃а, ꙗ҆́кѡ Дитѧ̑тко мало́е в҆ Пренаст҃ѣ́йшо̑ Сакраме́нтѣ Є҆ѵхари́стїи, кото́рое дитѧ̑тко с҃: Васи́лїй, на о҆́лтари ноже́мъ роꙁдроби̑ в҆ штꙋ́ки, по слꙋ́жбѣ Бж҃ой повидѣ́лъ то́е ст҃мꙋ Васи́лїю, и҆ наꙋчи́вшисѧ тое́и таѥ̑ници ѿ ст҃го Васи́лїѧ, в҆ Х҃а оу҆вѣри̑ и҆ ѡ҆кр҃ти̑сѧ“** [2]). Источникъ этого разсказа—житіе св. Василія Великаго въ книгѣ „Животы ст҃ыхъ“ (Мессія, л. 238 об.) и „св. Гіерон. въ жит. Василія Великаго“ („Ключъ Раз“. л. 121).

---

[1]) *И. Франко* перепечаталъ это сказаніе „Неба Новаго“ въ своихъ Апокрифахъ, т. IV, стр. 99.

[2]) Разсказъ приводимъ по „Мессіи“ 1669 г. л. 238 об. См. еще его въ „Рѣчи, произнесенныя І. Галятовскимъ въ Москвѣ въ 1670 г.“, *В. Эйнгорна,* гдѣ напечатанъ текстъ проповѣди Галятовскаго въ Москвѣ съ этимъ разсказомъ, стр. 11—12, а также стр. VIII.—*Н. Сумцовъ,* Очерки исторіи ю.-р. апокр. сказ., стр. 160, говоритъ, что разсказъ объ Амфилогѣ повторяется и въ „Мессіи Правдивомъ“; это неточность: въ „Мессіи“ разсказа объ Амфилогѣ нѣтъ, есть только вышеприведенный разсказъ о евреѣ, видѣвшемъ дитятко (л. 238 об.).

IV. Почитаніе воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Извѣстный апокрифъ—„Епистолія о недѣлѣ“ или „Листъ небесный“—оченъ древняго происхожденія,—древнѣйшее положительное извѣстіе о немъ относится къ концу VI-го вѣка [1]). Много важныхъ событій, какъ ветхозавѣтныхъ, такъ и новозавѣтныхъ, совершилось въ воскресный день; понятно поэтому, что его издавна почитали и въ день воскресный не работали. „Епистолія о недѣлѣ“—весьма распространенный апокрифъ, сильно отразившійся на народной малорусской поэзіи; въ Южной Руси и до нынѣ ходитъ много разсказовъ о почитаніи дней воскресныхъ и праздничныхъ и о наказаніи работающихъ въ эти дни [2]).

Въ „Небѣ Новомъ“ Галятовскаго есть нѣсколько разсказовъ, въ которыхъ Богородица наказываетъ за непочитаніе воскреснаго дня или Ея праздника. Такъ, въ Испаніи одинъ священникъ въ воскресенье отправился на охоту. Замѣтивши, что звѣрекъ спрятался въ ямку, священникъ впустилъ туда руку, чтобы вытянуть звѣрька; но звѣрекъ исчезъ, „а его въ тую яму всего цѣлкомъ втягнено“; спасла священника только Богородица. Послѣ такого случая этотъ священникъ „напоминалъ всѣхъ людей, жебы свята святили и службы Божей въ тые дни слухали“ (л. 86 об. ч. 15). Въ другой разъ одна панна долго танцовала въ воскресный день, за что въ нее вошелъ злой духъ (л. 84 ч. 8). Одна дѣвица въ Дерптѣ хотѣла на Успеніе Богородицы помыться въ банѣ, но Богородица сожгла баню и два дома (л. 63 ч. 17). Въ тотъ же праздникъ „Ермолай рыбакъ зъ Канева мѣста

---

[1]) *Н. Сумцовъ,* Очерки исторіи южно-русск. апокриф. ск., 117.

[2]) См., напр., *Чубинскій,* Труды этнографическо-географической экспедиціи, т. II, стр. 432, 433. *Б. Гринченко,* Этногрф. матер., т. II, стр. 370. „Етнограф. Збірн.“, Львів, т. XII, стр. 162, 163.

украинного пришовъ также до украинного мѣста Черкасъ, и тамъ будучи наятый, звычайную працу свою отправовалъ на ѣзахъ Днѣпровыхъ... свята не шануючи“, за это въ него вошелъ злой духъ (л. 115 ч. 23, событіе произошло въ 1627 г.). А вотъ еще разсказъ. Одинъ человѣкъ, Петръ, „въ свято Маріи Магдалины оралъ, затое и плугъ и волы его перунъ спалилъ и самого Петра рушылъ такъ, же въ нимъ тѣло и жилы огнемъ перуновымъ спалены“ (л. 47 ч. 17).

V. Почитаніе пятницы.

Съ „Епистоліею о недѣлѣ“ тѣсно связано почитаніе пятницы. Сказаніе о 12 пятницахъ, одинъ изъ старѣйшихъ апокрифовъ, было сильно распространено въ Южной Руси и живетъ въ ней до нашихъ временъ, преимущественно въ Климентовской редакціи. У Галятовскаго въ „Небѣ Новомъ“ мы встрѣчаемъ только свидѣтельство о почитаніи 12 пятницъ. Именно, въ одномъ изъ чудесъ (л. 126, ч. 10) мѣстнаго происхожденія разсказывается, что Тимоѳей Нелѣповичъ изъ села Городища „мѣлъ боль великій въ головѣ и ламанье костей въ ногахъ“; онъ молился Богородицѣ „и десять дній пятковыхъ постилъ; остатный день пятковый постячи“ заснулъ; во снѣ ему явилась Богородица и отправила его въ Купятицкій монастырь, гдѣ тотъ выздоровѣлъ. Чудо произошло въ 1634 году.

VI. Нерукотворныя иконы Божьей Матери.

Легенды о написаніи иконъ не руками человѣческими сложились еще въ средніе вѣка. Особенно много иконъ приписывается евангелисту Лукѣ,—святые отцы упоминаютъ

семь иконъ, написанныхъ Лукою, теперь же такихъ иконъ извѣстно до 20 [1]).

Въ „Небѣ Новомъ“ есть нѣсколько разсказовъ о чудесномъ написаніи иконъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ разсказывается (л. 68, ч. 6), что „Святый Лука Евангелистъ гды хотѣлъ маліовати образъ Пречистои Дѣвы Богородици, на которое маліоване еще фарбы ненаготованы были, але Образъ несподѣване Бозскою не человѣчою рукою показалъ ся вымаліованый“. Этотъ же образъ „отъ Евангелисты Луки Бозскою рукою вымаліованый“ потомъ принесли въ Римъ (л. 78, ч. 46); образъ этотъ „презъ Евангелисту Луку маліованый“, когда его принесли „до палацу Лятеранского“, „ополночи самъ яко птахъ“ прилетѣлъ до перваго своего мѣста (л. 78 об., ч. 47).

Въ другомъ мѣстѣ разсказывается, что въ Литвѣ жилъ знаменитый художникъ Іаковъ Венжикъ, который далъ обѣтъ нарисовать такую Икону Б. М., какая находится въ Ченстоховѣ; сколько онъ ни старался, исполнить своего обѣта не могъ. Но одинъ разъ, зайдя въ мастерскую, увидѣлъ прекрасную икону, передъ которой горѣла свѣча, и услышалъ голосъ, говорившій, что Икону эту нарисовалъ Ангелъ; Венжикъ эту икону отдалъ „до Сокаля мѣста, которое въ землѣ руской есть надъ рѣкою Бугомъ“ (л. 80, ч. 54). Ангелъ нарисовалъ икону Б. М. и монаху Алимпію, когда тотъ заболѣлъ и не могъ рисовать (л. 110 ч. 8).

Кромѣ этого, „Образъ Пресвятои Богородици, который есть въ Частоховѣ на Ясной горѣ, маліовалъ Евангелистъ Лука въ Іерусалимѣ“ (л. 74, об. ч. 32). А въ городѣ Валкуріи находится И. Б. М., нарисованная Св. Мартеномъ, ученикомъ ап. Петра (л. 80, ч. 53).

---

[1]) *Ровинскій,* Русск. народн. картинки, т. V, стр. 192.

VII. Апокрифъ о погребеніи Моисея.

Отмѣтимъ еще апокрифъ о погребеніи Моисея,—апокрифъ этотъ у Галятовскаго упоминается только мимоходомъ. Именно, въ „Небѣ“ разсказывается (л. 13 об., ч. 6), что „тѣло Пречистои Дѣвы заховалъ Богъ предъ людми такъ, якъ заховалъ тѣло Моисеово, о которого тѣлѣ жаденъ человѣкъ до сего часу невѣдаетъ“ [1])...

VIII. Загробная жизнь.

Вопросъ о загробномъ состояніи во всѣ времена интересовалъ человѣческую мысль,—что съ человѣкомъ будетъ тамъ, по ту сторону нашей жизни? Каноническія свѣдѣнія объ этомъ важномъ вопросѣ крайне скудны и отрывочны, и пытливаго духа они никогда удовлетворить не могли. Понятно, поэтому, почему о загробной жизни, о страшномъ судѣ, объ адѣ и раѣ у всѣхъ народовъ сложилось такъ много всевозможныхъ апокрифическихъ сказаній.

Конечно, проще всего было бы, если бы мертвый воскресъ и разсказалъ живымъ, что онъ видѣлъ, что онъ слышалъ. Въ этомъ, наиболѣе легкомъ направленіи, и начала работать народная фантазія,—появились сказанія умершихъ, но воскресшихъ людей; обмираніе, летаргическій сонъ способствовали сложенію такихъ сказаній.

Вѣра въ возможность возвращенія мертвыхъ почти повсемѣстно распространена въ Европѣ среди народа и теперь [2]). Вѣра подобная, очевидно, родилась вмѣстѣ съ человѣчествомъ,—уже у древнихъ народовъ были вѣрованія о

---

[1]) Апокрифъ о смерти Моисея см. *Порфирьевъ,* Апокр. сказанія, 67. *Ровинскій,* Р. н. картинки, IV, 557.

[2]) *И. Созоновичъ,* Къ вопросу о западномъ вліяніи на славянскую и русскую поэзію, Варшава, 1898, стр. 22, см. гл. III—Вѣра въ возвращеніе мертвыхъ (23—76) и гл. IV—Слезы и неутѣшная скорбь тревожатъ покой мертвыхъ (77—97).

возстаніи мертвыхъ. Обмираніе—весьма распространенный мотивъ въ Южной Руси; много есть записей, гдѣ разсказывается, что̀ видѣли обмершіе [1]); еще больше устныхъ подобныхъ разсказовъ,—ихъ услышите почти въ каждомъ селѣ.

У Галятовскаго въ „Небѣ Новомъ“ есть много разсказовъ, гдѣ рисуется загробная жизнь, гдѣ обмиравшіе разсказываютъ, что̀ они видѣли,—этому посвящена даже спеціальная глава (XVIII-я): „Чуда Пр. Богородици надъ умерлыми“ (10 чудесъ).

Одинъ юноша въ землѣ Британской,—разсказываетъ Галятовкій (л. 47 об, ч. I, XVIII)—умеръ и долго лежалъ мертвымъ, но ожилъ опять и разсказалъ, что „былемъ порваный предъ судъ Христовъ, где злыи духове за грѣхи три мене оскаржали“,—первый грѣхъ—что не давалъ духовенству десятины, 2-й—что тайно ловилъ рыбу у монаховъ, и 3-й грѣхъ—что топталъ „збожа убогихъ людей“, ѣздя съ собаками на охоту; „за тыи грѣхи до пекла былемъ осуженый“, но Богородица спасла его и „казано мнѣ знову до тѣла вернутися“, разсказывалъ ожившій (то же и въ „Ключѣ Разумѣнія“ 1665 г. л. 492).

Ожившая черезъ 150 дней по смерти голова дѣвицы Александры разсказала, когда „пытали люде, що ся зъ нею по смерти дѣяло?“, что „скоро ей голову утято, злыи духове барзо еи почали страшити и трапити“ (л. 51, ч. 10). Діаконъ Аделманъ въ городѣ Вѣрдунѣ „здалъся быти умерлымъ, а гды его на мари клали, ожилъ, и повѣдалъ: ижъ мѣстца видѣлъ розмаитые до караня и потѣхи, и его самого южъ

---

[1]) См. *П. Кулишъ,* Записки о Южной Руси, т. I, стр. 303, 305, 306, 307, 309. „Этнографичний Збірник“, т. XIII, стр. 64, Львів. *Н. Ѳ. Сумцовъ,* Очерки исторіи ю.-р. апокриф. сказаній и пѣсенъ, Кіевъ, 1888, стр. 130 и далѣе. См. еще „Етногр. Збірн.“ т. XV, глава VI—много повѣстей, какъ встаютъ мертвецы.

на каранье дати мѣли“, но Богородица освободила его (л. 49, ч. 4). Въ другомъ мѣстѣ ожившій, когда его „пытали, где былъ и якъся до живота вернулъ“, отвѣтилъ: „чорныи и спросные муринове огонь зъ устъ и зъ ноздеръ выпущающыи мене презъ темные мѣстца провадили, але Млоденецъ прекрасный пришолъ до мене, и мовилъ тымъ, которые мене тягнули, отпровадте его до тѣла“ (л. 84, ч. 6); этого мертваго воскресилъ священникъ Севéръ, весьма чтившій Богородицу.

А одинъ монахъ видѣлъ во снѣ страшный судъ: „Ангели въ трубы трубили, и народы збиралися въ полю широкомъ, тамъ стояли двѣ драбинѣ высокіи, отъ землѣ ажъ до Неба, една червоная, другая бѣлая, на червоную спиралъся Христосъ ображеный и загнѣваный, которыи люде шли презъ тую драбину до Неба, падали на землю, иншыи зъ третего стопня, иншыи зъ четвертого, иншыи съ половици, иншыи зъ верху драбины, потымъ удалися тыи люде до бѣлои драбины, надъ которуюся Пречистая Дѣва Богородица показала, презъ тую драбину южъ вступовали до царства небесного, до которого ихъ Царица небесная Мати Христа Царя славы пріймовала“ (л. 99, ч. 26) [1]).

Блаженный Павелъ Простакъ просилъ Богородицу показать ему мѣсто, гдѣ находится душа его ученика, и онъ увидѣлъ его „наполненого кременемъ всюды, отъ головы ажъ до ногъ... и нѣчого не мовячого, якъ окаменѣлого“; Богородица сказала Павлу: „не лѣнуйсяжъ завше за брата твоего молитися, и ялмужну давати, и офѣру чыныти, бо тыи добродѣтели барзо умерлому помагаютъ“ (л. 49, ч. 5).

---

[1]) Мотивъ о лѣстницахъ, ведущихъ въ адъ и рай,—распространенный мотивъ, попавшій и въ народныя картинки; см. *Д. Ровинскій*, т. III, стр. 133 № 759. Ср. еще Лѣствицу препод. Іоанна Лѣствичника, *Ровинскій*, т. III, 774, 775.

Душу праведныхъ Богородица съ ангелами несетъ на небо (л. 50, ч. 6, ч. 7). Одна дѣвица видѣла, какъ Богородица ночью пришла на кладбище за душой мученика-младенца, при чемъ душа была въ видѣ „голубицы яко снѣгъ бѣлой“ (л. 48, ч. 2).

Кто изъ людей праведной жизни умретъ, не исповѣдавши священнику своихъ грѣховъ, тотъ окончательно не умираетъ, а живетъ, пока священникъ не исповѣдуетъ его (см. л. 50 об. ч. 9, 10, л. 83 об. ч. 6, л. 48 ч. 3).

Таковы сказанія Галятовскаго о загробной жизни и воскресшихъ. Правда, мѣстныхъ сказаній тутъ нѣтъ,—въ большинствѣ разсказы взяты изъ средневѣковыхъ западныхъ источниковъ, но, въ сущности, разсказы эти совершенно одинаковы съ тѣми, которые еще и теперь ходятъ среди южно-русскаго народа. Вліяніе „Неба Новаго“ на сложеніе подобныхъ разсказовъ несомнѣнно; къ вліянію „Неба Новаго“ нужно прибавить еще и вліяніе „Ключа Разумѣнія“, гдѣ подобныхъ разсказовъ значительно больше [1]).

IX. Демонологія.

Средніе вѣка, какъ извѣстно, особенно интересовались вопросами демонологіи, всевозможныя легенды о дьяволахъ занимаютъ видное мѣсто во всѣхъ западныхъ средневѣковыхъ сборникахъ. Повѣрья и легенды о демонахъ нашли себѣ удобную и плодотворную почву и въ Южной Руси; здѣсь разнообразныя сказанія подобнаго рода приняли

[1]) О загробной жизни и страшномъ судѣ см. *Безсоновъ,* Калѣки перехожіе, т. V, гдѣ много подобныхъ духовныхъ стиховъ. *У Франка,* Апокрифы, т. IV, стр. 24 помѣщена „Розмова про души померших“. См. еще *В. Сахаровъ,* Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древне-русской письменности и вліяніе ихъ на народные духовные стихи, Тула, 1879 г.

реальныя формы, и дьяволъ сталъ постояннымъ членомъ семьи и общества. Изъ существа титаническаго, злого онъ превратился здѣсь въ шутливаго черта-проказника, иногда жалкаго и недалекаго, надъ которымъ можетъ посмѣяться первый встрѣчный. Повѣрья о дьяволѣ—самыя распространенныя и самыя обширныя изъ всѣхъ повѣрій въ Малороссіи, гдѣ они отлились въ своеобразную систему демонологіи [1]).

Въ „Небѣ Новомъ“ Галятовскаго очень много разсказовъ, гдѣ фигурируютъ демоны и вообще злые духи. Спеціальный отдѣлъ посвященъ имъ (XXII-й, л. л. 64—66 об.): „Чуда Пр. Богородици межы злыми духами“ (10 чудесъ), но кромѣ этого подобные разсказы разсѣяны по всему „Небу Новому“. Источники этихъ разсказовъ—въ большинствѣ западные, древніе и средневѣковые, изрѣдка разсказы эти мѣстнаго происхожденія (л. 115 ч. 23; л. 121 об. ч. 39 и 40).

Какъ наказанія за грѣхъ, въ человѣка часто вселяется злой духъ по повеленію Богородицы. Такъ, злой духъ порвалъ и мучилъ оскорбившаго Ея икону (л. 68 ч. 8). Арнольда, князя Баварскаго, отнявшаго мѣсто, посвященное Богородицѣ, „порвалъ его злый духъ и въ езерѣ ведле Монастыря утопилъ“ (л. 66, ч. 7) [2]). Одного юношу злые духи мучили за грѣхи,—не давалъ десятины священникамъ, тайно ловилъ рыбу у монаховъ и портилъ имущество бѣдныхъ (л. 47 об., ч. 1). Одинъ монахъ бросилъ монашество, за что діаволы, когда онъ умеръ, отнесли душу его въ пекло (л. 100, ч. 29).

---

[1]) Интересные матеріалы по демонологіи см въ „Этногр. Збірник.“, т. XV, посвященномъ галицко-русской демонологіи; см. еще легенды о дьяволѣ у *Ровинскаго*, т. V, стр. 203—210.

[2]) Подобныя мученія и вообще видѣніе мученій за отнятіе селъ у духовенства не рѣдкость въ средневѣковыхъ сборникахъ.

Входитъ въ человѣка злой духъ и въ наказаніе за непочитаніе воскреснаго и праздничнаго дня. Такъ, въ одну дѣвицу, которая въ воскресенье долго танцовала, вселился злой духъ и мучилъ ее такъ, что ее „для срогости звязали“; дѣвицу отправили въ храмъ Богородицы, гдѣ „хлопя малое невинное жегнаючи тую панну Крестомъ святымъ, выгналъ зъ неи злого духа, который взявши на себе постать робака косматого, вышолъ презъ уста тоеи дѣвици, хлопя оное взявши рукою смѣле робака, въкинуло въ калюжу, и заразъ той робакъ при очахъ всего люду зникнулъ, рука того хлопяти отъ доткненя того робака чорною зостала“, но св. вода ее излѣчила (л. 84 об., ч. 8). Точно такъ же наказанъ былъ и Ермолай, каневскій рыбакъ, въ котораго, за непочитаніе Успенія, вошелъ злой духъ, и сильно его мучилъ; Ермолая привели въ Печерскій монастырь, и привязали въ пещерѣ до столба, послѣ чего злой духъ оставилъ больного (л. 115, ч. 23, дѣялось тое року 1627).

Если войдетъ въ человѣка злой духъ,—спасаетъ только Богородица. Вообще же, кто изъ грѣшныхъ людей обращается къ Богородицѣ „зъ належитымъ пошановаьемъ, такій жаднымъ способомъ отъ злого духа не будетъ порваный“ (л. 26, ч. 7). Поясъ Богородицы выгоняетъ злого духа изъ Зои, жены кесаря Леона (л. 18 об., ч. 6), такой же силой обладаетъ и перстень Богородицы (л. 19 об., ч. 4).

Вообще же, часто злого духа выгоняетъ иксна Божьей Матери (л. 64 ч. 1, л. 121 ч. 38). Въ этомъ отношеніи въ „Небѣ Новомъ“ находимъ два мѣстныхъ чуда, интересныхъ по обстановкѣ исцѣленія. Изъ Бѣлой Руси привели въ монастырь Печерскій двухъ бѣсноватыхъ дѣвицъ, разсказываетъ Галятовскій, Марію и Евфимію, которыхъ злые духи, „живучи въ нихъ окрутне ихъ трапили и мордовали“; дѣвицъ ввели въ пещеру преп. Антонія и привязали „ланцухомъ до столпа“; когда отслужили за бѣсноватыхъ Парак-

лисъ Богородицѣ, больныя выздоровѣли (л. 121 об., ч. 39, року 1632).

Въ другой разъ Иванъ изъ села Зарубинецъ (теперь село Бердич. у. Кіевск. губ.) „опутаный былъ отъ злого духа, который его сродзе мучилъ и кидалъ“. На Успеніе Пр. Б-цы Ивана привели въ монастырь Печерскій, гдѣ тотъ слушалъ обѣдню; когда же запѣли Достойно есть, „въ той часъ злый духъ кинулъ на землю Іоана, и почалъ голосомъ великимъ на всю церковъ волати: Пречистая Дѣво, не мучъ мене болшей, южъ того часу выхожу зъ него и далей не внійду въ него“... Иванъ „яко мертвый лежалъ на земли“, а потомъ выздоровѣлъ и поблагодарилъ Богородицу (л. 122 ч. 40, року 1626)...

Злые духи часто искушаютъ людей праведнаго житія. Такъ, когда дѣвица Евфимія захотѣла принять монашество, злой духъ, показавшись ей въ особѣ человѣческой, хвалилъ ей супружескую жизнь и отсовѣтывалъ отъ поступленія въ монастырь; слова не дѣйствовали, и злой духъ хотѣлъ сбросить ее „зъ будынку высокого“, гдѣ она жила, но Богородица спасла Евфимію. Тогда разгнѣванный дьяволъ сказалъ дѣвицѣ: „если пойдешъ въ Монастыръ, буду тобѣ непріятелемъ срогимъ“, и признался, что она бы погибла, если бы не позвала Богородицу, „которая мнѣ естъ великою непріятелкою, и мои рады часто ламлетъ“ (л. 66, ч. 8).

Точно такъ же искушалъ дьяволъ и дѣвицу—монахиню Алхеиду, „котрую преслѣдовалъ и скушалъ явне, показавшися ей въ особѣ младенца, и мовячи: жебы зъ Монастыря вышла въ свѣтъ и роскошей свѣцкихъ телесныхъ зажывала“ (л. 96, ч. 16).

Одинъ старый монахъ, жившій въ горѣ Елеонской, всегда кланялся Иконѣ Б. М. „За тое злый духъ срого воевалъ на того старца грѣхомъ телеснымъ нечыстымъ“; одинъ разъ, „будучи въ великомъ утрапенью отъ покусъ

телесныхъ", старецъ плакалъ и спрашивалъ, когда его оставитъ злой духъ. Къ нему явился дьяволъ и заставилъ присягнуть ему, что не скажетъ никому того, что онъ отъ него потребуетъ; старецъ присягнулъ, и дьяволъ потребовалъ отъ него не кланяться И. Б. М., чего старецъ не выполнилъ (л. 94 об., ч. 14).

Святые отцы, когда искушалъ ихъ злой духъ, отгоняли его такими словами: „Отиди нещасливый, прожны сутъ силы твои, который отъ невѣсты естесь звѣтяженый", ибо Богородица „стерла голову люциперови проклятому" (л. 64 об., ч. 2).

Злой духъ любитъ издѣваться надъ человѣкомъ и причинять ему непріятности. Одной дѣвицѣ, которая „дѣвицство свое Христови пошлюбила, духъ нечистый чынилъ ей прикрости многіе въ дому, въ которомъ мешкала", а именно: „давалъ отповѣди людемъ, всѣ люде его чули, гды мовилъ, а панна сама его видѣла"; люди спрашивали злого духа, знаетъ ли онъ привѣтствіе Богородицѣ, и тотъ отвѣтилъ: „умѣю, але не могу почати" (л. 65 об., ч. 6). А однажды св. Агаѳа, „на лавѣ стоячи, сыръ убогому человѣкови рѣзати хотѣла, злый духъ зопхнувъ еи зъ лавы", упавши, Агаѳа отрѣзала себѣ палецъ (л. 66 об., ч. 10).

Въ „Небѣ Новомъ" находимъ три разсказа, въ которыхъ дьяволъ мститъ художникамъ за оскорбленіе. Одинъ набожный человѣкъ желалъ превратить свой домъ въ церковь; въ этомъ домѣ была нарисована „Венусъ невстыдливая, богиня поганская"; когда маляръ собирался уничтожить это изображеніе, злой духъ „въ руку маляреви вступилъ, и такимъ болемъ заразилъ, же якъ отъ огня горѣла и пухнула" (л. 66 об. ч. 9).

Другой разъ злой духъ отомстилъ маляру во Фландріи; этотъ художникъ рисовалъ образъ Богородицы „яко

моглъ найпіенкнѣй“, а діавола „яко моглъ найшпетнѣй“. Злой духъ во снѣ явился маляру и грозилъ ему, чтобы не рисовалъ его „такъ шпетне“, но художникъ еще больше постарался и подъ ногами Богородицы нарисовалъ „барзо шпетного“ діавола. Но когда „тое страшное дивовиско Маляръ въ Церкви на стѣнѣ маліовалъ, стоячи на рыштованю зъ тертыць учиненомъ, знагла великій вѣхоръ повсталъ, и оное рыштованье на землю обалилъ“; падая, маляръ взмолился къ Богородицѣ, „теды образъ Пр. Б-ци руку протягъ, и оного Маляра задержалъ, отъ раны и отъ смерти заховалъ“ (л. 65, ч. 5).

Третій разсказъ о мести дьявола художнику—самый интересный. Въ одномъ монастырѣ жилъ „маляръ добрый“ монахъ Іеронимъ, который рисовалъ образъ Богоматери „барзо піенкный“ а діавола рисовалъ „барзо шпетного“. Разгнѣвался за это діаволъ на маляра и „почалъ на него воевати барзо грѣхомъ телеснымъ, нечыстымъ“. И вотъ дьяволъ явился къ маляру въ образѣ „невѣсты барзо піенкной“, и уговорилъ монаха обокрасть церковь. Когда Іеронимъ началъ забирать золото и серебро, дьяволъ поднялъ шумъ, сбѣжались монахи, поймали съ поличнымъ маляра и привязали его къ столбу. Тогда дьяволъ сталъ издѣваться надъ маляромъ,—что, молъ, помогла тебѣ Богородица. Іеронимъ взмолился къ Дѣвѣ Маріи, которая сейчасъ же ему показалась, отвязала его и приказала звонить къ заутренѣ, а къ столбу привязала дьявола. Пришедшіе къ заутренѣ монахи избили діавола, который „волаючи утѣклъ отъ нихъ“ (л. 95, ч. 15)...

Злые духи часто живутъ въ болванахъ и отвѣчаютъ оттуда на вопросы (XXII, 3, 4). Св. Петръ на Аѳонской горѣ нашелъ темную пещеру, въ которой жило много гадовъ и злыхъ духовъ (л. 92 об., ч. 7).

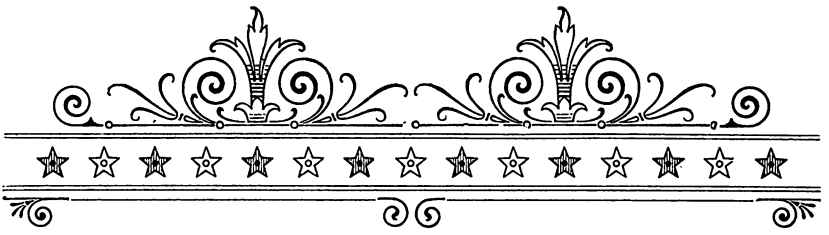
Діаволовъ иногда видятъ во снѣ. Одинъ священникъ „презъ сонъ видѣлъ великую громаду злыхъ духовъ бѣгучихъ, которые люципера князя своего на столицѣ посадили, и предъ него Удонову душу ланцухомъ огнистымъ звязаную привели... потымъ злые духове ведлугъ росказаня люципе-рового порвали Удонову душу, и вкинули до пекла на муки вѣчные“ (л. 41 об., ч. 1)...

Въ своемъ настоящемъ видѣ дьяволъ почти не является, а принимаетъ всегда какой-либо иной видъ: человѣческій (л. 66 ч. 8), монахинѣ является въ видѣ красиваго юноши (л. 96. ч. 16), а монаху—въ образѣ „невѣсты барзо піенк-нои“ (л. 95 ч. 15). Иногда онъ принимаетъ видъ „робака косматого“ (л. 84 ч. 8), „чорныхъ и спросныхъ муриновъ (лошадей), огонь зъ устъ и зъ ноздеръ выпущающихъ“ (л. 84 ч. 6), а то злые духи „бестіями учинились“ и истязали грѣшную душу (л. 42).

И. Огіенко.

Отдѣлъ III.

МАТЕРІАЛЫ.



Два неизвѣстныхъ стихотворенія Е. А. Боратынскаго.

„Боратынскій одинъ изъ тѣхъ писателей, каждая строка которыхъ дорога намъ“, говоритъ въ статьѣ о немъ Валерій Брюсовъ [1]), одинъ изъ лучшихъ знатковъ и цѣнителей поэта, вызвавшаго послѣ многихъ десятилѣтій забвенія такое вниманіе и уваженіе, которое даже превосходитъ выпавшій на его долю рѣдкій успѣхъ при началѣ литературной дѣятельности. Въ той-же статьѣ Брюсовъ указываетъ на неполноту существующихъ изданій, приводитъ новые варіанты нѣкоторыхъ стихотвореній, особенно цѣнные по отношенію къ тремъ стихотвореніямъ, помѣщаемымъ въ изданіяхъ сочиненій Боратынскаго подъ 1827 годомъ, такъ какъ М. Лонгиновъ указываетъ, что они впервые появились въ изданіи 1827 года. Брюсовъ-же нашелъ эти стихотворенія въ „Благонамѣренномъ“ за 1822 г., и при томъ съ новыми разночтеніями [2]). „Эти пропуски“, заключаетъ Брюсовъ: „даютъ право думать, что издатели Боратынскаго могутъ оты-

---

[1]) Русск. Архивъ 1899 г., № 11, стр. 437.

[2]) Можно еще отмѣтить, что стихотвореніе „Чувствительны мнѣ дружескія пени“, тоже помѣщаемое подъ 1827 г., впервые напечатано въ 1823 г.—„Нов. Лит.“, кн. IV, № XVIII, стр. 78.

скать въ старыхъ повременныхъ изданіяхъ еще нѣсколько забытыхъ его стихотвореній“ [1]).

Мнѣ кажется, что небольшой вкладъ въ собраніе матеріаловъ для новаго изданія сочиненій Боратынскаго могу сдѣлать и я. Просматривая журналы 30-хъ годовъ 19 столѣтія, я встрѣтилъ два стихотворенія, напечатанныхъ безъ подписи автора, принадлежность которыхъ Боратынскому постараюсь доказать въ настоящей замѣткѣ.

I.

„Повторяю просьбу, не печатай нигдѣ его имени подъ стихами“, писалъ 24 марта 1824 года князю П. Вяземскому А. И. Тургеневъ [2]), хлопотавшій вмѣстѣ съ другими о смягченіи положенія Боратынскаго. 20 февраля 1825 года онъ сообщаетъ князю П. Вяземскому-же: „пишу Боратынскому сегодня и прошу стиховъ для Телеграфа“ [3]); черезъ шесть дней извѣщаетъ того-же корреспондента, что Боратынскій прислалъ „Эду,“ а 15 марта опять проситъ: „пожалуйста, уйми „Телеграфъ“ и запрети печатать имя или буквы изъ имени Бор(атынскаго). Какъ имъ не совѣстно губить его изъ одного любостяжанія. Я уже писалъ объ этомъ. Ни въ скобкахъ, ни подъ піесой, ни подъ титлами, ни in-extenso имени его подписывать не должно. Скоро можетъ рѣшиться его участь“. Дѣйствительно, 13 мая Тургеневъ пишетъ кн. Вяземскому, что получилъ отъ Боратынскаго письмо съ выраженіемъ крайней радости по поводу производства въ офицеры.

Приведенныя выдержки изъ писемъ Тургенева пріобрѣтаютъ новую цѣнность, если мы сопоставимъ ихъ съ необходимыми для насъ данными изъ „Московскаго Теле-

[1]) Р. А. 1899. № 11. стр. 439.

[3]) Остаф. Арх., т. III, 24-5 стр.

[4]) ibid. 98 стр.

графа" за 1825 г.; въ № 4 помѣщено стихотвореніе нашего поэта „Веселье и Горе" съ подписью „Бар-скій"; этимъ именно было вызвано напоминаніе Тургенева („пожалуйста, уйми „Телеграфъ" и т. д).

Въ № 22 напечатанъ отрывокъ изъ „Эды"—„Финляндія" съ полной подписью „Баратынскій," что вполнѣ естественно, такъ какъ участь поэта была рѣшена въ благопріятномъ смыслѣ. Въ № же 9-мъ, который вышелъ, или по крайней мѣрѣ былъ отпечатанъ, когда въ „Моск. Телегр." еще должны были помнить недавнее и не первое уже напоминаніе друзей поэта не помѣщать его подписи и даже намековъ на подпись, напечатано безъ имени автора слѣдующее стихотвореніе:

Запросъ М-ву.

Что скажетъ другу своему
Любовникъ пламенной Авроры?
Сіяли-ль счастіемъ ему
Ея застѣнчивые взоры?
Любви заботою полна,
Огнемъ очей, ланитъ пыланьемъ
И персей томныхъ волнованьемъ
Была-ль прямой зарей она
Иль только Сѣвернымъ сіяньемъ?

Уже по первому впечатлѣнію отъ этого прекраснаго стихотворенія можно подумать, что оно сочинено не Волковымъ, Олинымъ, Бистромомъ, или какимъ-либо изъ другихъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ поэтовъ, сотрудничавшихъ въ журналѣ и обыкновенно полностью подписывавшихся подъ своими произведеніями. Изъ разсмотрѣнія-же стихотворенія убѣдимся, что авторомъ его былъ Боратынскій.

Сопоставимъ это стихотвореніе съ другимъ, первоначально написаннымъ по французски, впослѣдствіи перева-

деннымъ на русскій языкъ и напечатаннымъ въ этомъ видѣ впервые въ „Полярной звѣздѣ“ 1825 года.

A Aurore C....

Oh qu'il te sied, ce nom d' Aurore
Adolescente au teint vermeil!
Verse lumière, et plus encore
Aux coeurs dont tu romps le sommeil.
Entends la voix deja souffrante
De la jeunesse prévoyante:
„Pour qui se lève ce beau jour?
Pour qui cette Aurore charmante
Sera-t-elle soleil d'amour?

Дѣвушкѣ, имя которой было Аврора.

Выдь, дохни намъ упоеньемъ,
Соименница зари;
Всѣхъ румянымъ появленьемъ
Оживи и озари!
Пылкой юноша не сводитъ
Взоровъ съ милой и порой
Мыслитъ съ тихою тоской:
„Для кого она выводитъ
Солнце щастья за собой?“

Въ изданіи 1827 г. первая строфа измѣнена:

Соименница Авроры,
О царица красоты!
Не сама-ль Аврора ты?
Для тебя всѣ наши хоры,
И куренья, и цвѣты!

Но въ изданіи 1885 г., равно и въ слѣдующихъ изданіяхъ [1]), стихотвореніе помѣщено въ первоначальной редакціи, которую поэтъ очевидно считалъ болѣе удачной и мы увидимъ, что она типичнѣе для его творчества. Сходство приведеннаго стихотворенія съ тѣмъ, которое напечатано въ „Московскомъ Телеграфѣ,“ сразу бросается въ глаза. Оба касаются опредѣленной личности, именно румяной „дѣвушки, имя которой было Аврора,“ и ихъ поэтическая выра-

[1]) Въ изд. 1884 г.—„Авророѣ Шернваль“, 94 стр.

зительность обусловлена своего рода игрой словъ: Аврора—заря, приносящая счастье. Кромѣ того сходно формальное построеніе стихотвореній: первая строфа состоитъ изъ 4-хъ строкъ, а 2-ая имѣетъ лишнюю строку, чѣмъ какъ-бы усиливаетъ и округляетъ первую. Этотъ пріемъ часто встрѣчается у Боратынскаго и преимущественно въ стихотвореніяхъ, относящихся къ 1825-29 году („Вездѣ бранитъ поэтъ Клеонъ...", „На кровы ближняго селенья"..., „Какъ много ты въ немного дней"..., „Люблю деревню я и лѣто"..., „Глупцы не чужды вдохновенья"..., позднѣе—„Все мысль, да мысль"...) Отмѣтимъ и то, что какъ стихотвореніе изъ „Моск. Тел.", такъ и указанныя стихотворенія съ удлиненной строфой написаны, за исключеніемъ послѣдняго, одинаковымъ размѣромъ—четырехстопнымъ ямбомъ.

Но окончательно убѣдился я въ принадлежности стихотворенія Боратынскому и вполнѣ уяснилъ его содержаніе, когда нашелъ данныя, обосновавшія первоначальную догадку о лицѣ, къ которому оно обращено.

Уже заголовокъ „Запросъ М-ву" позволялъ предположить, что поэтъ обращается къ Александру Алексѣевичу Муханову, адъютанту финляндскаго генералъ-губернатора А. А. Закревскаго, съ которымъ онъ очень сблизился во время пребыванія въ Гельсингфорсѣ, въ концѣ 1824 года, какъ видно изъ писемъ Боратынскаго къ Н. В. Путятѣ [1]) и къ самому Муханову [2]). Предположить это возможно еще потому, что Боратынскій писалъ стихотворныя посланія многимъ лучшимъ друзьямъ (Дельвигу, А. С. Пушкину, Кюхельбекеру и др.), а какъ разъ посланія къ Муханову въ собраніи его сочиненій нѣтъ.

Естественное на основаніи этой догадки сближеніе именъ Муханова и Авроры увѣнчивается успѣхомъ. Муха-

[1]) Соч. 1884, 546-552.

[2]) Русск. Арх. 1895, № 9.

новъ не только зналъ Аврору Карловну Шернваль, но и былъ увлеченъ ею. Отецъ его, какъ сообщаетъ П. Б(артеневъ) въ „Русск. Арх.“ [1]), въ примѣчаніи къ письмамъ Путяты къ Муханову, первоначально не позволялъ ему жениться, потомъ согласился; свадьба была назначена, но Мухановъ внезапно скончался. Объ отношеніяхъ, существовавшихъ между Мухановымъ и Авророй въ то время, когда было написано разсматриваемое стихотвореніе, узнаемъ изъ упомянутыхъ писемъ Путяты къ Муханову, уѣхавшему изъ Финляндіи. Въ письмѣ отъ 15 мая 1825 г. онъ, разсказавъ различныя финляндскія новости, продолжаетъ: „вижу, любезный другъ, съ какимъ разсѣяннымъ взоромъ ты пробѣгаешь мои строки и какое нетерпѣніе говоритъ на лицѣ твоемъ. Ни слова объ моей Ав... терпѣніе! Вчера я видѣлъ ее. Дѣлавши свои визиты, вездѣ только видѣлъ жестяные ящики и кидалъ туда свои карточки. Наконецъ, нашелъ ее у Рихтерши, гдѣ кругъ ихъ знакомыхъ пилъ чай. Она похудѣла и потеряла нѣсколько своей прежней свѣжести; она заря осенняя, по челу коей пронеслись мрачныя и бурныя тучи, предвѣстницы сумрачнаго дня. Она сидѣла съ Миной; къ нимъ безпрестанно подходили мужчины, и я не могъ имѣть никакого особеннаго разговора, кромѣ общихъ привѣтствій. Всѣ прочіе, въ томъ числѣ старикъ Маннергеймъ, спрашивали о тебѣ, и я силился ихъ убѣдить, что ты очень сожалѣешь о Финляндіи и что одни только важныя семейныя обстоятельства причиною, что ты не могъ сюда возвратиться. Впрочемъ, молва о семъ идетъ различная“ [2]). Что отвѣчалъ Мухановъ, неизвѣстно, но отчасти можно судить по письму Путяты отъ 3 іюня 1825 г. „Ты требуешь объясненія слѣдующихъ моихъ словъ: *впрочемъ, молва о семъ идетъ различная*. Это значитъ, что невозвращенію твоему въ Фин-

[1]) Русск. Арх. 1905, № 3, 527 стр.

[2]) Ibid. 526 стр.

ляндію полагаютъ различныя причины, и не скрою отъ тебя, что нѣкоторые говорятъ, что ты не хотѣлъ окончить начатаго дѣла, но это тѣ, коимъ вовсе неизвѣстно твое поведеніе передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, и люди, какъ, наприм., Плаксинъ и тому подобные, изъ Русскихъ; а потому ты не долженъ на это нимало обращать вниманія.“ [1]). Повидимому, Боратынскій не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые говорили, что Мухановъ отказался отъ намѣренія „окончить начатое дѣло“, т. е. жениться на Аврорѣ, или хотя бы обручиться съ нею, такъ какъ она была еще молода; но, несомнѣнно, поэтъ интересовался, какъ отнесся къ своему недавнему увлеченію его другъ, послѣ разлуки съ любимою дѣвушкою. Вспомнимъ еще одно стихотвореніе Боратынскаго, относящееся къ тому-же времени (напечатано оно въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1825 года):

Мы пьемъ въ любви отраву сладкую;
Но все отраву пьемъ мы въ ней,
И платимъ мы за радость краткую
Ей безвесельемъ долгихъ дней.
Огонь любви—огонь живительный,
Всѣ говорятъ; но что мы зримъ?
Опустошаетъ, разрушительный,
Онъ душу, объятую имъ [2]).

Теперь понятно, почему въ запросѣ Муханову поэтъ спрашиваетъ объ Аврорѣ:

Была-ль прямой зарей она
Иль только сѣвернымъ сіяньемъ?

Послѣдній образъ удаченъ въ локальномъ отношеніи. Но, высказавъ такое предположеніе, Боратынскій, кажется, вообще не ошибся, хотя и временно: Мухановъ вскорѣ по-

[1]) Ibid. 527-8.

[2]) Сочин. Бар. 1884 г. 86 стр.

слѣ отъѣзда охладѣлъ къ Авророѣ. Въ 1825 г. Боратынскій былъ въ Москвѣ, и вотъ что онъ пишетъ Путятѣ, несомнѣнно о Мухановѣ—въ этомъ убѣдимся, когда письма будутъ изданы съ раскрытіемъ иниціаловъ, упоминаемыхъ въ нихъ лицъ, а пока приходится цитировать ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они перепечатаны изъ „Русскаго Архива“ 1867 г. въ „Сочиненіяхъ“ Боратынскаго, изд. 1884 г. (Казань): „Я отдалъ письмо твое N. N. Что скажу тебѣ про него? Онъ живетъ домкомъ, много читаетъ, жалуется на хандру и оживляется одними финляндскими воспоминаніями; однакожъ признается, что страсть къ А... очень поуспокоилась. Все проходитъ!“ [1]). А въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ Боратынскій сообщаетъ: „я довольно часто вижу N. N. Кажется, что любовь его къ А. очень поуспокоилась“ [2]). Это было лишь временное охлажденіе, но судьба такъ и не соединила прочными узами Аврору Шернваль и Муханова. Вотъ, между прочимъ, что говоритъ о послѣднемъ Путята въ примѣчаніи къ письмамъ Боратынскаго: „Это былъ человѣкъ замѣчательныхъ дарованій. Онъ сконч. въ 1835 г., неожиданно, почти наканунѣ давно желаннаго брака, къ прискорбію друзей своихъ, въ числѣ которыхъ былъ между прочимъ А. С. Хомяковъ, всегда съ особеннымъ чувствомъ вспомнавшій о немъ“ [3]). Упомянемъ, что А. А. Мухановъ заявилъ себя и на литературномъ поприщѣ. „Пробѣгая журналы наши, видѣлъ я, что статья твоя о Финляндіи надѣлала нѣсколько шума“, писалъ ему Путята [4]).

Что-же касается дальнѣйшей жизни Авроры Шернваль, то она вышла замужъ за богача егермейстера П. И Демидова (+1840) и потомъ вторымъ бракомъ за А. Н. Карамзи-

[1]) Ibid. 526 стр.

[2]) Ibid. 528 стр.

[3]) Ibid. 519 стр.

[4]) Русск. Арх. 1905 г. № 3, 529.

на (+убитъ 1854 г.) [1]), но бракъ этотъ не былъ счастливъ, какъ говорится въ „Запискахъ В. А. Инсарскаго.“ [2]). Послѣдній заявляетъ даже, что честолюбіе Авроры, привыкшей ранѣе къ придворной жизни, послужило причиной гибели на войнѣ ея мужа—полковника, вслѣдствіе ненужнаго геройства съ цѣлью выдвинуться. Однако другіе отзывы объ Аврорѣ рисуютъ ее въ весьма благопріятномъ свѣтѣ. Приведемъ ихъ, такъ какъ личность вдохновительницы поэта естественно должна насъ интересовать.

Въ „Русскомъ Архивѣ“ П. Б(артеневъ) сообщаетъ о ней слѣдующее: „женщина рѣдкихъ добродѣтелей. Про нее, когда она была еще дѣвицею, сказалъ Соболевскій:

Сіяетъ Аврора,
Свѣжа и румяна.
Въ ней много для взора
И шишь для кармана [3]).

Красота ея долго привлекала всеобщее вниманіе. Ей посвятилъ кн. П. Вяземскій стихотвореніе, озаглавленное „Пѣсня“ (1833 г.), повторяющее Боратынскаго и мало выразительное, растянутое въ сравненіи съ его вдохновенными строками:

Намъ сіяетъ Аврора—
Въ солнцѣ нужды намъ нѣтъ:
Для души и для взора
Есть и пламень и свѣтъ.

Неба куполъ высокій
Облеченъ сѣрой мглой.

---

[1]) Русск. Арх. 1895 № 7, 324 стр. Руммель и Голубцовъ. Родосл. Сборн. т. I, 366 стр.

[2]) Русск. Старина 1895 г., Янв. 111 стр.

[3]) Р. Арх. 1895, № 7, 324 стр.

Съ неба льются потоки
И туманъ надъ землей.

Неувѣнчанный Фебомъ
День, какъ царь безъ вѣнца.
Такъ любуйтеся небомъ
Молодого лица!

Какъ улыбчиво ярко
Это небо горитъ
И сквозь звѣзды такъ жарко
Прямо въ душу глядитъ!

Какъ румяно и пышно
Это небо цвѣтетъ,
Какъ при немъ сердцу слышно,
Что въ немъ ангелъ живетъ!

Нѣтъ ни тучъ, ни ненастья
Въ этомъ небѣ живомъ:
Заглядишься до счастья,
Позабывъ о другомъ. [1])

Кн. П. Вяземскій-же писалъ А. П. Тургеневу 26 марта 1833 года: „Въ Москвѣ все по старому, кромѣ двухъ новыхъ финляндскихъ звѣздъ: Пушкиной и сестры ея Авроры, воспѣтой Боратынскимъ и мною. Сказываютъ, что всѣ свѣтила поблѣднѣли передъ ними, и Московскій Норовъ все такъ и норовитъ, чтобы быть при нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, онѣ замѣчательно милы внутренне и внѣшне“ [2]). Такое-же восторженное признаніе встрѣтила красавица и въ сѣверной столицѣ. Оттуда кн. П. Вяземскій 25 марта 1836 г. пи-

[1]) Кн. П. Вяземскій. Собр. Соч. т. IV. 164-5 стр.

[2]) Ост. Арх. III. 229-30.

салъ А. И. Тургеневу: „Вчера вечеромъ была у насъ Аврора; съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе авророствуетъ. Послѣ этого сказать мнѣ тебѣ болѣе нечего. Лучшаго не придумаю и лучше на твой вкусъ и на твое сердце не потрафлю. Не такъ-ли?“ [1])—1-го мая 1836 года В. А. Жуковскій сообщалъ А. О. Смирновой: „Появилась у насъ теперь заря, то-есть Аврора; но я еще только въ перспективѣ любовался ея блескомъ; еще ни разу не погрѣлся имъ вблизи, и еще не знаю, какое солнце сидитъ за этою зарею. Посмотримъ, что скажетъ лѣто.“ [2]) Въ запискахъ самой А. О. Смирновой находимъ интересное упоминаніе: „Тутъ (на вечерахъ Пушкиной, ур. кн. Урусовой, П. Ф.) явилась въ свѣтъ Аврора въ полномъ цвѣтѣ красоты. Особенно у нея были необыкновенный цвѣтъ лица и зубы, какъ жемчугъ. Вьельгорскій сочинилъ мазурку Mazourka d'Auroge. Всѣмъ извѣстны стихи къ ней Баратынскаго“ [3]). Смирнова-же говоритъ о непритворной добротѣ Авроры и ея сестры. Въ приведенныхъ отзывахъ о красавицѣ прежде всего подчеркивается необыкновенный цвѣтъ ея лица, почему становятся особенно ясны и правдивы строки поэта:

Всѣхъ *румянымъ* появленьемъ
Оживи и озари.

II.

Въ первые годы литературной дѣятельности (1819-21 г.г.) Боратынскій иногда совсѣмъ не подписывалъ въ печати своихъ стихотвореній, часто ограничивался лишь иниціалами.

---

[1]) Ibid. 312 стр.

[2]) Русск. Арх. 1883, I, 338.

[3]) Ibid. 1895 г., № 7, 324 стр.

Въ „Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія“ за 1821 г. въ ч. 15, кн. 3, на стр. 338-9, напечатано безъ подписи автора подъ заголовкомъ „Прощаніе“ стихотвореніе, ранѣе помѣщенное съ полной подписью „Е. Баратынскій“ въ „Сынѣ Отечества“ [1]), вошедшее въ изданіе 1827 г. и послѣдующія. [2]) Вслѣдъ за этимъ стихотвореніемъ въ „Соревнователѣ“ находится другое, заканчивающее стихотворный отдѣлъ книжки и тоже не имѣющее подписи автора:

Стихи, написанные на манускриптъ поэта.

Быть можетъ, милый другъ, по волѣ Парки тайной
Внезапно разпрощусь я съ жизнію случайной
И свѣетъ легкій вѣтръ слѣды моихъ шаговъ;
Быть можетъ, ни одинъ изъ юношескихъ сновъ
Не сбудется со мной; быть можетъ, въ отдаленьѣ,
Какъ жертву, ждетъ меня холодное забвенье:
Пусть свитокъ сей хранитъ руки моей черты—
И сбудется со мной хоть часть моей мечты!
Съ благоговѣніемъ потомокъ просвѣщенной
Начнетъ разсматривать твой свитокъ драгоцѣнной
И, любопытствуя по чуждому перу,
Прочтетъ мои стихи—и я не весь умру.

Естественное предположеніе, что и это стихотвореніе принадлежитъ Боратынскому, укрѣпляется уже слѣдующимъ наблюденіемъ. Въ „Соревнователѣ“ за 1820—21 г. часто встрѣчаются стихотворенія, подписанныя лишь иниціалами поэтовъ: Дельвига—Д., Жуковскаго—Ж. и В. Ж., самого Боратынскаго—Е. Б., который наряду съ этимъ подписывался и полной фамиліей. Единственныя-же стихотворенія,

[1]) 1819 г., ч. 58, № XLIX, стр. 126.

[2]) Въ изд. 1884 г., стр. 4—5, „Т-му въ альбомъ.“

помѣщенныя въ журналѣ безъ подписи автора,—это два указанныхъ и, кромѣ того, въ ч. XVI, кн. II (1821 г.), двѣ общеизвѣстныхъ элегіи Боратынскаго, тоже рядомъ помѣщенныя, вмѣсто подписи его имѣютъ **.

Анализъ стихотворенія и сравненіе его съ другими произведеніями поэта также говоритъ въ пользу авторства Боратынскаго.

Отмѣтимъ прежде всего, что въ построеніи этого мастерски написаннаго стихотворенія выдѣляется одинъ пріемъ, особенно характерный для Боратынскаго. Это пріемъ повторенія отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ выраженій. Въ тѣхъ случаяхъ, когда слово непосредственно повторяется, подобный пріемъ способствуетъ усиленію представленія вслѣдствіе болѣе длительнаго сосредоточенія на немъ, напр.

Шуми, *шуми* съ крутой вершины,
Не умолкай, потокъ сѣдой („Водопадъ“, 1821 г.) [1]).

Иногда же черезъ повтореніе отдѣльныхъ словъ или цѣлыхъ выраженій создается особая цѣпкость предложеній, гармонирующая съ неторопливымъ стихомъ поэта-мыслителя. Таково, напр., начало стихотворенія „Деревня“ (1821):

Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ,
Дубравы мирныя, священный сердцу кровъ!
Я возвращуся къ вамъ, домашнія иконы!
Пускай другіе чтутъ приличія законы;
Пускай другіе чтутъ ревнивый судъ невѣждъ...
и т. д.

Нѣкоторыя стихотворенія цѣликомъ почти построены указаннымъ способомъ, напр. „Она“ (1827 г.) „Буря (1825), „Когда взойдетъ денница золотая“ (1827), „Запустѣніе“

[1]) Соч. 1884 г., 40 стр.

(1835) и др. Указанный пріемъ ясно выраженъ и въ стихотвореніи, помѣщенномъ въ „Соревнователѣ“: въ 3-хъ стихахъ повторяется въ началѣ фразы выраженіе „быть-можетъ“. Но и другія стилистическія данныя позволяютъ говорить о принадлежности его Боратынскому. Стихотворный размѣръ и сочетаніе риѳмъ въ разсматриваемомъ стихотвореніи такое-же, какъ въ отрывкахъ изъ поэмы „Воспоминанія“ (1820), какъ въ „Деревнѣ“ (1821). И вообще въ періодъ 1819—22 г. у Боратынскаго часто встрѣчается шестистопный ямбъ: изъ 42-хъ стихотвореній (по изд. „Сѣвера“)—въ 11-ти.

Первый стихъ („Быть можетъ, милый другъ, по волѣ Парки тайной“) напоминаетъ начальныя строки трехъ стихотвореній, относящихся къ тому-же періоду творчества поэта: „Повѣрь, мой милый другъ, страданье нужно намъ“ („къ Коншину“, 1820), „Пора покинуть, милый другъ“ („Коншину,“ 1821), „Гдѣ ты, безпечный другъ, гдѣ ты, о Дельвигъ мой“ („Дельвигу“ 1820)? Кромѣ того, встрѣчаемъ у Боратынскаго: „мой, милый другъ, мой другъ сердечный“ („Цвѣтокъ,“ 1821), „Не знаю, милая, не знаю“ („Дѣвушкѣ..“ 1820), „Итакъ, мой милый, не шутя“ (Брату Льву. 1820) и др.; вообще слово „милый“ въ разныхъ формахъ часто попадается въ стихахъ 1820—21 г.—„Пѣсня“, „Финскимъ красавицамъ“, „Отъѣздъ“ и др. Впослѣдствіи Боратынскій очевидно избѣгалъ этого, привычнаго для него, эпитета; такъ, въ стих. „Отъѣздъ“, „въ размолвкѣ съ *милымъ* счастьемъ“ (Соревноват. 1821) было измѣнено на: „въ размолвкѣ съ тихимъ счастьемъ“.

Благопріятно и разсмотрѣніе содержанія стихотворенія. Однимъ изъ значительнѣйшихъ мотивовъ творчества Боратынскаго является дума о поэтѣ, возвышенная, когда онъ говоритъ о его высокомъ назначеніи („Не бойся ѣдкихъ осужденій“; „Богдановичу,“ и др.), и горькая, когда предугадываетъ поколѣнія, преданныя „промышленнымъ забо-

тамъ“ и забывшія „поэзіи ребяческіе сны“. Среди такихъ думъ его занимаетъ и мысль о личной судьбѣ. Сначала на эту судьбу онъ смотритъ пессимистически и въ отрывкѣ изъ поэмы „Воспоминанія“ говоритъ о себѣ:

„Такъ, перешедши жизнь незнаемой тропою,
Свой подвигъ совершивъ, усталою главою
Склонюсь я наконецъ ко смертному одру;
Для дружбы, для любви, для памяти умру;
И все умретъ со мной! Но вы, любимцы Феба,
Вы вмѣстѣ съ жизнію принявшіе отъ Неба
И думъ возвышенныхъ и сладкихъ пѣсней даръ!
Враждующей судьбы не страшенъ вамъ ударъ:
Свой вѣкъ опередивъ, заранѣ слышитъ Геній
Рукоплесканія грядущихъ поколѣній [1]).

Однако, съ такимъ жребіемъ Боратынскій не хочетъ примириться и мечтаетъ остаться въ памяти потомства:

Мой даръ убогъ, и голосъ мой не громокъ,
Но я живу, и на землѣ мое
Кому нибудь любезно бытіе:
Его найдетъ далекій мой потомокъ
Въ моихъ стихахъ. Какъ знать? Душа моя
Окажется съ душой его въ сношеньи,
И какъ нашелъ я друга въ поколѣньи,
Читателя найду въ потомствѣ я [2]).

Это писалъ Боратынскій въ 1829 г. и, понятно, могъ ужъ свободно опираться на свои личныя литературныя заслуги; въ стихахъ, написанныхъ „на манускриптѣ поэта“,

[1]) Соч. 1884, 12 стр. Стих. напеч. въ 1820 г.

[2]) Соч. 1884, 160 стр.

какъ и въ „Воспоминаніяхъ“, нѣтъ этой увѣренности, и авторъ не рѣшается приравнивать себя къ „поэтамъ“, „любимцамъ Феба“, коимъ суждено безсмертіе; но все же мечтаетъ хотя бы о случайномъ читателѣ въ потомствѣ.

Слѣдовательно, со стороны содержанія стихи, приписываемые нами Боратынскому, также вполнѣ гармонируютъ съ другими его произведеніями.

П. Филипповичъ.

Отдѣлъ IV.

Библіографія.

Докладъ проф. Ф. И. Кнауэра объ аѳинскомъ международномъ съѣздѣ востоковѣдовъ въ 1912 году.

Весною прошлаго (1912-го) года отъ 6-го до 14-го апрѣля состоялся въ Аѳинахъ шестнадцатый международный конгресъ оріенталистовъ. Въ нѣкоторой связи съ нимъ праздновался въ то же самое время семидесятипятилѣтній юбилей аѳинскаго университета. Программа была слѣдующая:

6-го апрѣля (въ Великую субботу): собраніе юбилейныхъ делегатовъ въ актовомъ залѣ университета, въ 4 часа; собраніе конгрессистовъ, тамъ-же, въ 5 ч.; приглашеніе въ каѳедральный соборъ въ $11^1/_2$ ч. для встрѣчи Свѣтлаго Воскресенія.

7-го (въ Свѣтлое воскресенье): торжественное открытіе юбилея и съѣзда, въ Παρθενονѣ, въ 3 ч.; пріемъ со стороны студентовъ, въ Ζαρρείον'ѣ, въ 5 ч.; вечеромъ праздничный пріемъ въ актовомъ залѣ.

8-го (въ понедѣльникъ): молебенъ въ соборѣ въ 10 ч.; второе юбилейное собраніе въ актовомъ залѣ, въ 2 ч.; пред-

варительныя засѣданія разныхъ секцій съѣзда, въ 4 ч.; общее собраніе членовъ съѣзда въ актовомъ залѣ, въ 5 ч.; вечеромъ факельное шествіе студентовъ и иллюминація Акрополиса.

9-го (во вторникъ): утромъ общее собраніе конгрессистовъ въ актовомъ залѣ; послѣ обѣда экскурсія въ Элевсинъ; вечеромъ пріемъ у ректора.

10-го (въ среду): утромъ засѣданія секцій; въ 3 ч. третье юбилейное собраніе; въ 6 ч. концертъ въ залѣ литературнаго общества „Парнасъ“; вечеромъ представленіе „Царя Эдипа“ Софокла въ королевскомъ театрѣ, для первой половины гостей.

11-го (въ четвергъ): утромъ и послѣ обѣда засѣданія секцій; въ $3^1/_2$ ч. начало общегреческихъ игръ въ Стадіонѣ.

12-го (въ пятницу): до и послѣ обѣда засѣданія секцій; въ 5 ч. пріемъ у госпожи Шлиманъ; вечеромъ представленіе „Царя Эдипа“ для второй половины гостей въ королевскомъ и кинематографическая репродукція юбилейныхъ торжествъ и открытія съѣзда для первой половины гостей въ городскомъ театрѣ.

13-го (въ субботу): утромъ общее заключительное засѣданіе съѣзда; послѣ того пріемъ делегатовъ у королевича наслѣдника.

14-го (въ воскресенье): послѣ обѣда раздача наградъ побѣдителямъ на всегреческихъ играхъ въ Стадіонѣ; вечеромъ кинематографическое представленіе, какъ въ пятницу, для второй половины гостей.

Программа эта была выполнена довольно аккуратно. Оставивъ въ сторонѣ юбилей, мы здѣсь остановимся лишь на съѣздѣ, который былъ раздѣленъ на слѣдующія секціи, всего 11:

I: Лингвистика; индоевропейскіе языки.

II: Сравнительная исторія религій востока; сравнительная миѳологія и фольклоръ; клинообразныя надписи.

III: Индія (литература, исторія, археологія).

IV: Иранъ (литература, исторія, археологія).

V: Китай и Японія; центральная Азія.

VI: Индо-Китай, Бирманія, Мадагаскаръ, Меланезія.

VII: Языкъ и литературы семитовъ (финикіянъ, ассирійцевъ вавилонскихъ, евреевъ, арамейцевъ, эѳіопскихъ) и древнеассирійскихъ несемитскихъ сумерійцевъ и аккадійцевъ.

VIII: Міръ мусульманскій (исторія, литература, археологія).

IX: Египтологія и африканскіе языки.

X: Американскіе языки, народы и цивилизація ихъ.

XI: Греція и востокъ: a) въ древности, b) въ средніе вѣка и c) въ настоящее время.

Изъ этого перечня видно, что съѣзды оріенталистовъ включаютъ въ свои программы вопросы, касающіеся не одного только Востока, но и всего міра. Нѣкоторыя изъ указанныхъ секцій были на практикѣ соединены въ одну, а именно III и IV, II и VII, V и VI, VIII и IX. За то три подсекціи, на которыя распалась XI-я, засѣдали отдѣльно, даже въ разныхъ зданіяхъ. Кромѣ секціонныхъ засѣданій состоялись и три общихъ. Послѣднія, какъ и засѣданія секціи XIb., происходили въ актовомъ залѣ университета, засѣданія I-й и III-й вмѣстѣ съ IV-й въ Академіи, II-й вмѣстѣ съ VII-й въ національной библіотекѣ, V-й вмѣстѣ съ VI-й, X-й и XIa въ конференцъ-залѣ французской школы, VIII-й, IX-й и XIc въ залѣ общества Парнаса. Зданія университета, Академіи и національной библіотеки стоятъ рядомъ другъ съ другомъ, а остальныя не далеко отъ нихъ, такъ что не трудно было переходить изъ одной секціи въ другую.

Понятно, что для меня лично наибольшій интересъ представляли секціи индійская, иранская и лингвистическая. Въ соединенныхъ первыхъ двухъ было прочитано 12 рефератовъ на узко спеціальныя темы, врядъ ли могущія интересовать наше общество Нестора лѣтописца; въ лингвистической—14, изъ которыхъ три имѣли болѣе общее значеніе, а именно доклады Ниварда Шлёгля, вѣнскаго профессора и пріора католическаго ордена, вѣнскаго профессора Кречмера и англичанина Бэнса. Шлёгль читалъ утомительно длинный рефератъ „о новыхъ доселѣ непредвидѣнныхъ путяхъ сравнительнаго языковѣдѣнія", въ которомъ попытался доказать на основаніи цѣлаго ряда языковыхъ типовъ (семитскаго, турецкаго, какъ представителя тюркскихъ, африканскаго языка бушменовъ, китайскаго и греческаго, какъ представителя индоевр. языковъ), что въ основѣ первобытнаго изолирующаго языка лежало трехчленное предложеніе, состоявшее изъ имени, мѣстоименія и глагола „быть" въ извѣстныхъ видахъ, напр. λῠ-ο-μεν „освободители мы быть" т. е. мы освобождаемъ. Этимъ онъ хотѣлъ доказать и общее происхожденіе всѣхъ языковъ міра. Рефератъ, громкому заглавію котораго не совсѣмъ соотвѣтствовало содержаніе, не былъ лишенъ значительной фантазіи, но свидѣльствовалъ объ очень широкомъ знаніи докладчика. Кречмеръ говорилъ о методахъ и цѣляхъ сравнительнаго языковѣдѣнія индоевр. языковъ въ разныхъ періодахъ этой науки. Онъ различаетъ три эпохи въ методологическомъ отношеніи: въ первую преобладалъ методъ сравнительный, обратившій главное вниманіе на флексію; во вторую—психологическій, для котораго стояли на первомъ планѣ фонетическіе законы и аналогія; въ третью—настоящую—господствуетъ филологическій методъ, стремящійся къ большей спеціализаціи въ области отдѣльныхъ языковъ, къ сравнительному синтаксису, къ общему языкознанію со включеніемъ въ кругъ изслѣдованія и языковъ неиндоевропейскихъ. Самъ сознавъ, что для спеціалистовъ новаго не дастъ, докладчикъ предварительно замѣтилъ, что преслѣдуетъ своимъ рефератомъ прежде

всего практическую цѣль; для этой же цѣли онъ въ заключеніе возбудилъ и вопросъ объ особыхъ международныхъ съѣздахъ языковѣдовъ. Бэнсъ (Baynes) читалъ о происхожденіи алфавита. Выводы его любопытны: эмблематическое письмо іероглифовъ, какъ первоначальное, было въ употребленіи не только въ Египтѣ, но и въ Ассиріи и Китаѣ. Финикіяне получили свое семитское письмо, перешедшее затѣмъ черезъ посредство ихъ въ Европу, вѣроятно не изъ Египта и не изъ семитской Вавилоніи, а изъ древней Ассиріи отъ несемитскихъ сумерійцевъ и аккадійцевъ. Въ семитскихъ названіяхъ буквъ онъ усматриваетъ развитіе семитской цивилизаціи отъ пастушеской жизни до морской торговли включительно, а затѣмъ и до болѣе широкой культурной жизни; ср. алефъ „быкъ“, бэтъ „домъ“, первоначально „шатеръ“, гиммель „верблюдъ“ изъ пастушеской эпохи, нунъ „рыба“, синъ „море“ изъ торговой и т. д.

Въ соединенныхъ секціяхъ V-й и VI-й, гдѣ въ секретари былъ избранъ с.-петербургскій приватъ-доцентъ Рудневъ, много толковали объ одинаковой транскрипціи языковъ дальняго Востока и составили соотвѣтствующую резолюцію. Докладовъ было сдѣлано нѣсколько; но они могутъ интересовать только лишь спеціалистовъ. Рудневъ представилъ нѣсколько русскихъ печатныхъ трудовъ по манджурскому и монгольскому языкамъ.

Въ соединенныхъ секціяхъ II-й и VII-й—докладовъ 28, большею частью очень интересныхъ. Укажу лишь на слѣдующіе. Девисъ (анг.) читалъ о кельтскомъ и семитскомъ (древне-еврейскомъ) языкахъ. По его мнѣнію, они имѣютъ общія черты въ числѣ, родѣ и падежахъ существительныхъ, въ членахъ опредѣленномъ и неопредѣленномъ, въ мѣстоименіяхъ независимомъ и приставочномъ въ началѣ и концѣ глагола, въ отсутствіи относительнаго мѣстоименія, въ присутствіи одинаковыхъ глагольныхъ типовъ, въ порядкѣ словъ, по которому прилагательное слѣдуетъ за существи-

тельнымъ, подлежащее за глаголомъ и проч. Во всѣхъ этихъ пунктахъ къ кельтской и семитской группамъ примыкаетъ и группа гамитская. Такъ какъ кельтскій языкъ принадлежитъ къ семьѣ индоевропейской, то надо предположить, что на его основной характеръ имѣли вліяніе и языки гамито-семитскаго происхожденія, т. е. языкъ туземнаго народа, покореннаго кельтами. Гауптъ (Haupt нѣм. амер.), читавшій нѣсколько рефератовъ, въ одномъ снова какъ на копенгагенскомъ съѣздѣ выдвинулъ идею о несемитскомъ, т. е. арійскомъ происхожденіи основателя и „основателей" христіанской религіи; въ другомъ утверждалъ, что въ греческомъ языкѣ попадаются слова не только вавилонско-семитскаго, но и несемитскаго сумерійскаго корня. Циммернъ (нѣм.) говорилъ о древне-вавилонскихъ обрядовыхъ пѣсняхъ, имѣющихся на сумерійскомъ языкѣ; Yastrow (амер.) объ ассирійскихъ недобрыхъ предзнаменованіяхъ при рожденіи; предразсудки ассирійцевъ имѣли черезъ посредство этрусковъ вліяніе и на предразсудки римлянъ. Бореасъ (грекъ)—о переселеніи душъ въ греческой философіи, причемъ оспаривалъ справедливость предположенія о перенесеніи этого ученія изъ Индіи Пиѳагоромъ на греческую почву и доказывалъ, что оно могло возникнуть въ Греціи независимо отъ какого нибудь внѣшняго вліянія. Цервосъ (грекъ, медикъ) читалъ о догиппократскомъ акушерствѣ вавилонянъ и ассирійцевъ по древнимъ греческимъ писателямъ, причемъ подчеркнулъ цѣлый рядъ интересныхъ медицинскихъ вопросовъ, связанныхъ съ удивительнымъ суевѣріемъ.

Въ VIII-й секціи—рефератовъ 18. Здѣсь говорила и наша соотечественница Ольга Николаевна Лебедева о суфизмѣ и передала секціи свою книгу—часть перевода „Risalah d'al Qoshayu". Остальные доклады носили спеціальный характеръ.

Въ IX-й секціи—6 рефератовъ и сообщеній, изъ которыхъ имѣютъ общій интересъ два доклада Вольдемара Шмидта (изъ Даніи) „о трудахъ великихъ египтологовъ" и

„о разныхъ типахъ саркофаговъ и употребленіи ихъ въ древнемъ Египтѣ въ разныя эпохи". По неимѣнію другихъ докладовъ секція эта прекратила свое существованіе уже послѣ перваго засѣданія.

Въ X-й с.—лишь два реферата: Dihigo (проф. на островѣ Кубѣ) „объ исторіи фонетики народнаго языка на Кубѣ" и Errázuriz'a (изъ Чили) „О чилискомъ туземномъ народѣ араукановъ". И эта секція по той же причинѣ какъ и IX-я должна была прекратить свои занятія уже послѣ перваго засѣданія.

Въ первомъ отдѣленіи XI-й секціи—10 докладовъ, изъ которыхъ общій интересъ вызываютъ доклады графа де Губернатисъ (итальянскаго проф.) о восточномъ происхожденіи четырехъ греческихъ богинь: прекрасной Афродиты, цѣломудрой Артемиды, мудрой Аѳины и материнской Геры, которымъ въ началѣ соотвѣтствовало лишь одно божественное лицо, отмѣчаемое еще въ ведійскихъ пѣсняхъ и раздѣлившееся при переселеніяхъ арійцевъ на указанныя четыре божества; далѣе Lehmann-Haupt'a (изъ Англіи)—„объ аргосскомъ Файдонѣ и его вѣкѣ" и Паппуліаса (грека) „объ исторіи общегреческаго права", въ которой слѣдуетъ различать четыре періода: древне-греческій, эллинистическій (послѣ Александра Великаго), византійскій и послѣвизантійскій (послѣ завоеванія Константинополя турками); по мнѣнію докладчика, во всѣ эти времена не переставало существовать и дѣйствовать общегреческое право рядомъ съ гражданскимъ и государственнымъ, напр., съ римскимъ въ римскую, турецкимъ въ турецкую эпоху.—Во второмъ отдѣленіи XI с.—16 рефераговъ. Шарль Диль (изъ Парижа) докладывалъ о прогрессѣ въ изученіи византійской эпохи во Франціи съ 1899-го года: восхвалялъ все, что сдѣлано французами съ тѣхъ поръ, и съ гордостью указывалъ на существующіе во Франціи институты и заведенія для изученія византійскаго искусства, византійской культуры и филологіи, о подобныхъ Германія лишь мечтаетъ; говорилъ въ заклю-

ченіе также о необходимости учрежденія византійскихъ музеевъ и предложилъ обратиться къ греческому правительству съ просьбою учредить въ Аѳинахъ музей византійскихъ древностей. Кугеасъ (грекъ) изложилъ, какое участіе принималъ Египетъ въ классической литературѣ въ эпоху византійскаго возрожденія: Фотій Аретасъ, Константинъ Порфирогеннетосъ и другіе усердно собирали классическія произведенія, записанныя въ Египтѣ на папирусахъ; Александрія сохранила еще въ византійскую эпоху IX-го вѣка то выдающееся положеніе въ наукѣ классической, которое она занимала въ такъ наз. александрійскую эпоху. Фасмеръ (пр.-доц. петерб. унив.) сдѣлалъ сообщеніе о значеніи древне-русскихъ азбуковниковъ для изслѣдованія средне-греческихъ словъ (собирается издать „Рѣчь греческаго толкословія“, гдѣ касается подробностей).—Въ третьемъ отдѣленіи XIс.—13 докладовъ. Hatzidakis (гр.) докладывалъ о большомъ словарѣ новогреческаго языка, издаваемомъ подъ покровительствомъ греческаго правительства; Декавелла (гр.) „объ удлиненіи согласныхъ въ новогреческомъ языкѣ“; Бутурасъ (гр.) о новогреческой грамматикѣ и діалектологіи. Большинство рефератовъ, читанныхъ греками, относилось къ новогреческому языку и его разновидностямъ.

Въ первомъ засѣданіи общихъ собраній говорили Ахметъ Цекки Паша (егип. проф.) „о вліяніи греческаго духа на арабовъ“; Шаванъ (фр.) при свѣтовыхъ картинахъ—о скульптурахъ въ сѣверномъ Китаѣ, причемъ обратилъ вниманіе и на проблемы и аналогіи, существующія между китайскимъ искусствомъ, съ одной, и микенскимъ и сассанидскимъ, съ другой стороны; Лушанъ (нѣм.)—„объ антропологіи западной Азіи“: отмѣтилъ въ народонаселеніи Анатоліи и Сиріи любопытные факты: туркмены, юруки и курды являются позднѣйшими элементами; шестьдесятъ процентовъ изъ курдовъ—блондины, долихокефалы, съ голубыми или сѣрыми глазами, говорятъ на арійскомъ языкѣ иранскаго происхожденія; секты друзовъ, маронитовъ и проч.

отличаются долихокефальнымъ типомъ народа хеттитскаго происхожденія; пришлый народъ семитовъ имѣлъ короткіе, небольшіе носы; жители съ длинными носами не принадлежатъ къ семитской расѣ, а къ туземной первобытной расѣ хеттитовъ. Баланосъ (грекъ) говорилъ „о возстановленіи іоническаго портика пропилеевъ"; Martin-Forstris (фр.) представилъ съ объясненіями руководство къ международной транскрипціи „мандаринскаго" языка (китайскаго и др.).—Во второмъ общемъ собраніи говорилъ Boll (нѣм.) „о восточно-азіатскомъ зодіакѣ въ эллинизмѣ: зодіакъ возникъ изъ вавилонскихъ и другихъ элементовъ на почвѣ эллинизма во II-мъ вѣкѣ до Р. Х. и проникъ черезъ Туркестанъ въ Китай въ I-мъ вѣкѣ нашей эры; Heisenberg (нѣм.)—объ украшеніяхъ одного саркофага Латеранскаго музея, позволяющихъ сдѣлать заключенія относительно зданій, окружавшихъ гробъ Господенъ въ 4-мъ вѣкѣ; Pernot (фр.)—о пользѣ экспериментальной фонетики для изученія новогреческаго языка, Psachos (гр.) о византійской музыкѣ.—Въ третьемъ общемъ засѣданіи читалъ Hess (нѣм. изъ Каира) автобіографію своего слуги Muez'a изъ Hima Darijah, бывшаго бедуина, занимавшагося когда-то воровствомъ верблюдовъ и разбойничествомъ; о діалектѣ этихъ записокъ, очень важномъ для древне-арабской грамматики, онъ потомъ говорилъ подробно въ мусульманской секціи; Jerphanion (изъ Константинополя) докладывалъ „о каппадокійскихъ стѣнописяхъ въ Токали-Килиссе".

Съѣздъ и юбилей находились подъ высокимъ Покровительствомъ греческаго короля. Почетнымъ предсѣдателемъ былъ королевичъ наслѣдникъ, нынѣ король Константинъ, предсѣдателемъ—министръ народнаго просвѣщенія Александрисъ, генеральнымъ секретаремъ—ректоръ университета Ламбросъ. Съѣздъ вмѣстѣ съ юбилеемъ былъ открытъ королевичемъ наслѣдникомъ рѣчью на греческомъ языкѣ въ развалинахъ Парѳенона на Акрополисѣ. Привѣтственныя рѣчи сказали затѣмъ министръ и ректоръ, тоже на греч. языкѣ, а послѣ нихъ Calignon (фр.) отъ имени депутатовъ,

посланныхъ на юбилейныя торжества университета, Delbrück (нѣм.) отъ имени конгрессистовъ, и Mahaffy (анг.) отъ имени Академій—каждый, конечно, на своемъ родномъ языкѣ. Въ сравнительно короткомъ заключительномъ засѣданіи былъ предложенъ и принятъ цѣлый рядъ резолюцій, заранѣе подготовленныхъ въ секціяхъ.

Членовъ съѣзда было свыше семисотъ. Русскихъ было поразительно мало. На пріемахъ греки отличались любезностью, предупредительностью и гостепріимствомъ; не скупились на угощенія, какъ алжирскіе французы. О прекрасномъ городѣ Аѳинахъ, выстроенномъ въ классическомъ стилѣ, объ изящныхъ зданіяхъ университета, академіи и національной библіотеки, о величавыхъ развалинахъ Парѳенона, о грандіозныхъ размѣрахъ разрушеннаго элевсинскаго храма, о другихъ достопримѣчательностяхъ, какъ и о прелести природы, окружающей Аѳины, говорить не приходится. Организація съѣзда и юбилея стояла на высотѣ положенія, особенно благодаря замѣчательной дѣятельности и распорядительности ректора Ламброса. По нѣкоторымъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ конгрессистамъ были даны льготы. Юбилейныя торжества не мѣшали научнымъ занятіямъ съѣзда. Съѣздъ можно назвать вполнѣ удавшимся. Въ научномъ отношеніи онъ стоялъ значительно выше алжирскаго (1905 г.), но нѣсколько ниже копенгагенскаго (1908 г.), по крайней мѣрѣ касательно новыхъ открытій.

Относительно мѣста для ближайшаго съѣзда было сдѣлано нѣсколько предложеній. Произошло разногласіе, вслѣдствіе чего былъ избранъ особый международный комитетъ для окончательнаго рѣшенія этого вопроса.

Ф. Кнауэръ.

Кіевъ,
27-го августа 1913 г.

Библіографическія замѣтки.

III. [1])

Энциклопедическій словарь С. Селивановскаго.

Энциклопедическіе словари въ Россіи имѣютъ свою довольно длинную исторію; первыя попытки имѣть русскую энциклопедію относятся еще къ концу XVIII-го вѣка. Мы имѣемъ здѣсь въ виду „Пространное поле, обработанное и плодоносное, или всеобщій историческій словарь изъ найлучшихъ авторовъ, какъ россійскихъ, такъ и иностранныхъ, выбранный, сочиненный и по азбучнымъ словамъ расположенный П. П. священникомъ Іоанномъ Алексѣевымъ". Словарь этотъ печатался въ Москвѣ, въ университетской типографіи у В. Окорокова; первый томъ съ двумя гравюрами и съ 422 статьями на букву *А* вышелъ въ 1793 г. (въ 8-ю д. л., XVI стр. предувѣдомленія + XV стр. оглавленія + 783 стр. текста); часть первая вто-

[1]) См. „Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца", кн. XXII, вып. 1—2, Кіевъ 1911, отд. IV, стр. 3—9.

рого тома съ 450 статьями на букву *Б* издана была въ слѣдующемъ 1794 г. (въ 8-ю д. л., XVII стр. оглавленія + 1037 стр. текста). Дальнѣйшее печатаніе на этомъ и прекратилось. Что же касается изданныхъ въ двухъ книгахъ статей, то онѣ „имѣли, по словамъ библіографа С. Соболевскаго, разнообразное содержаніе, такъ что словарь напрасно названъ историческимъ; изъ нихъ многія касаются предметовъ чисто отечественныхъ и дотолѣ мало затронутыхъ“ [1]).

Слѣдующая попытка издавать русскую энциклопедію, на этотъ разъ по образцу уже западно-европейскихъ, относится къ началу XIX в. Въ 1817 г. секретарь С.-Петербургскаго Общества Любителей Россійской Словесности („Соревнователей Просвѣщенія“) А. Никитинъ представилъ въ одно

---

[1]) *См.* „Библіографическая замѣтка“. „Рус. Архивъ“ 1870 г., № 10, стр. 1937. Въ концѣ XVIII в. у насъ, видимо, ясно сознавалась потребность имѣть на русскомъ языкѣ хотя бы и переводный справочникъ энциклопедическаго характера: въ 1792 г. М. И. Веревкинъ предлагалъ перевести энциклопедію, обѣщаясь ежегодно приготовлять по два тома, но предпріятіе это не состоялось *(Н. Тупиковъ.* М. И. Веревкинъ. Спб. 1895, стр. 12; см. также „Сочиненія Державина“, т. V, стр. 789); еще раньше для переводовъ статей изъ энциклопедіи организовалось въ Москвѣ въ 1767 г. ученое общество, состоявшее изъ знатныхъ людей, изъ профессоровъ и изъ молодыхъ людей лучшихъ фамилій; оно перевело 27 статей изъ энциклопедіи Дидро и д'Аламбера, издавъ ихъ подъ загл.: „Переводы изъ Энциклопедіи“ 3 ч.ч., Москва, при Имп. Университетѣ. 1767 г., 8⁰, 121+158+126 стр. Вышедшія три части показываютъ, что предпріятіе это только начало осуществляться, но вскорѣ должно было прекратиться по неизвѣстнымъ причинамъ (см. подробности въ статьѣ *М. Н. Лонгинова:* „Ученое предпріятіе въ Москвѣ“, „Современникъ“ 1857 г., № 7, отд. „Библіограф. записки“, стр. 73—78). Существовавшее съ 1769 по 1783 г.г. въ Спб. „Собраніе, старающееся о переводѣ иностранныхъ книгъ“ также издало нѣсколько переводовъ изъ французской энциклопедіи; перечень ихъ съ указаніемъ именъ переводчиковъ см. въ „Русскомъ Библіофилѣ“ 1913 г., № 5 (сентябрь), Приложеніе, стр. 34—58.

изъ засѣданій общества докладную записку съ подробнымъ проэктомъ изданія русскаго энциклопедическаго словаря; въ архивѣ общества (въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки Имп. Академіи Наукъ) хранится составленный Никитинымъ проэктъ [1]), изъ котораго видно, что предполагавшееся изданіе задумано было широко, такъ какъ въ основу его должны были лечь французская, англійская и нѣмецкая энциклопедіи съ дополненіемъ статей, касающихся Россіи. Никитинъ горячо взялся за дѣло и всячески убѣждалъ другихъ членовъ общества отозваться на его предложеніе. „Вамъ довольно извѣстна уже, писалъ онъ въ своей запискѣ, польза Енциклопедіи, а потому описывать оную, значило бы повторять о семъ твореніи приговоръ цѣлаго свѣта. Многіе ли изъ числа людей, занимающихся просвѣщеніемъ, находятся въ состояніи имѣть обширную библіотеку, заключающуюся въ книгахъ, необходимыхъ для учености. А какъ Енциклопедія есть сокращеніе такой библіотеки, то ясно слѣдуетъ [изъ] сего, что книга сія весьма полезна, необходима; но, чтобы доставить возможность многимъ имѣть въ библіотекѣ сіе, такъ сказать, сокровище, цѣна онаго должна быть самая умѣренная“. Далѣе Никитинъ предлагалъ путемъ частныхъ пожертвованій составить сумму, необходимую для покупки сначала французской энциклопедіи Дидро и д'Аламбера, а затѣмъ англійской и нѣмецкой энциклопедій; изъ нихъ члены общества, раздѣливъ трудъ между собою, могли, по мнѣнію Никитина, дѣлать переводы, при чемъ въ русскомъ изданіи предполагалось опускать тѣ изъ заграничныхъ статей, которыя, какъ говорилось въ запискѣ, „или вовсе противны вѣрѣ нашей и правительству, или несообразны съ духомъ настоящаго времени“. Для завѣдыванія изданіемъ Никитинъ рекомендовалъ учредить особый комитетъ въ родѣ

[1]) См. „Входящія бумаги... 1817 г.“, № 22.

существовавшаго въ ихъ обществѣ цензурнаго комитета; необходимо также было слѣдить за соразмѣрностью статей словаря, а затѣмъ, чтобы не упускались изъ виду оригинальныя произведенія, касающіяся нашего отечества. Первыя части энциклопедіи, по выходѣ ихъ въ свѣтъ, Никитинъ предлагалъ посвятить Государю и добиться монаршаго соизволенія издать остальной трудъ на счетъ казны.

Предложеніе А. А. Никитина не встрѣтило, повидимому, большого сочувствія среди членовъ общества: задуманное изданіе не осуществилось, несмотря на то, что Никитинъ очень настаивалъ на немъ и въ слѣдующемъ 1818 году снова представилъ въ общество записку, гдѣ указывалъ на необходимость составленія россійской энциклопедіи. „Занятіе сего рода, убѣждалъ онъ, достойно Общества и безъ сомнѣнія поставитъ его на ряду съ славнѣйшими европейскими учеными сословіями“ [1]).

Болѣе удачны въ этомъ отношеніи были попытки извѣстнаго московскаго типографщика С. А. Селивановскаго, который почти одновременно съ Никитинымъ задумалъ на свои средства издавать „Энциклопедическій словарь“. Съ 1822 до 1826 г.г. онъ успѣлъ напечатать три тома словаря, которые однако не пускалъ въ продажу, придерживая ихъ у себя до выхода изъ печати всѣхъ томовъ. Однако и Селивановскому не удалось довести до конца начатое дѣло, такъ какъ изданіе его внезапно прекратилось на четвертомъ томѣ словаря; отпечатанные экземпляры, не поступившіе въ свое время въ продажу, не появлялись совсѣмъ на книжномъ рынкѣ и представляютъ теперь большую библіографическую рѣдкость. Въ лучшемъ нашемъ книгохранилищѣ—Имп. Публичной Библіотекѣ, имѣется всего лишь одинъ томъ словаря (именно часть 1-я, in-8, 746 стр., хранится подъ значкомъ: 18. 57.

[1]) Ibid., „Входящія бумаги“ 1818 г., № 43.

4. 17); неполный экземпляръ его (1 и 3 части) поступилъ отъ П. В. Щапова въ библіотеку московскаго музея цесаревича Николая; въ частной библіотекѣ И. Остроглазова сохранились, судя по словамъ ея владѣльца, всѣ три части словаря, которыя были переданы туда Н. В. Губерти. Тотъ же Остроглазовъ указываетъ, что словарь Селивановскаго находился еще въ рѣдкостныхъ библіотекахъ извѣстныхъ библіофиловъ—С. А. Соболевскаго, М. Н. Лонгинова и С. Д. Полторацкаго; отъ послѣдняго, по слухамъ, экземпляръ словаря поступилъ въ библіотеку Румянцевскаго музея [1]).

Какъ большая книжная рѣдкость, „Энциклопедическій словарь“ Селивановскаго давно уже привлекалъ къ себѣ вниманіе нашихъ библіофиловъ. Еще въ 1870 г. С. Соболевскій на страницахъ „Русскаго Архива“ описалъ имѣвшіяся у него три части словаря, отмѣтивъ при этомъ, что онѣ представляютъ „библіографическую рѣдкость первой степени“. Затѣмъ словарь описалъ Г. Г. Геннади въ „Русскихъ книжныхъ рѣдкостяхъ“ подъ № 134, повторивъ здѣсь главнымъ образомъ свѣдѣнія о словарѣ, сообщенныя въ „Рус. Архивѣ“ 1870 г.

Для Соболевскаго, который былъ очевидцемъ и слѣдилъ за изданіемъ словаря, осталось однако не яснымъ, почему прекратилось предпріятіе Селивановскаго. „Печатаніе энциклопедическаго лексикона, говоритъ онъ, продолжалось, насколько мнѣ извѣстно, до 1826 г. Я тутъ вскорѣ отлучился изъ Москвы и не слѣдилъ болѣе за его судьбами, такъ что мнѣ не извѣстны дальнѣйшія. Желательно бы узнать о причинахъ, заставившихъ Селивановскаго прекратить предпріятіе и о томъ, что постигло отпечатанные экземпляры.“ [2]).

---

1) *И. Остроглазовъ.* Библіографическія замѣтки. „Рус. Архивъ“ 1890 г., кн. III, стр. 348.

2) *С.* „Библіографическія замѣтки“. „Рус. Архивъ“ 1870 г., № 10, стр. 1940.

Въ такомъ же недоумѣніи и неизвѣстности относительно причинъ прекращенія изданія находился и И. Остроглазовъ, когда спустя двадцать лѣтъ послѣ появленія замѣтки Соболевскаго подробно описывалъ имѣвшіеся у него томы словаря въ томъ же „Русскомъ Архивѣ“ (1890 г., № 11). Интересуясь судьбой изданія Селивановскаго, Остроглазовъ обращался съ запросомъ къ оставшейся тогда въ живыхъ его родственницѣ, супругѣ его сына Евгеніи Антоновнѣ Селивановской (урожденная Гиззети), но и она ничего не могла отвѣтить на интересовавшій его вопросъ. Въ виду этого Остроглазовъ высказалъ, какъ предположеніе, двѣ гипотезы о причинахъ прекращенія изданія: 1) что Селивановскій могъ оставить печатаніе словаря, занявшись въ 1831 году новымъ предпріятіемъ, отвлекшимъ его вниманіе отъ прежняго дѣла; 2) можетъ быть, предпринятое изданіе прекратилось въ виду невозможности конкурировать съ предпріимчивымъ и энергичнымъ Плюшаромъ, который съ 1835 г. началъ издавать свой энциклопедическій словарь. [1]).

Въ дѣйствительности же прекращеніе изданія Селивановскаго вызвано было вовсе не тѣми причинами, на которыя указывалъ Остроглазовъ.

Обстоятельный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ сохранившаяся въ Государственномъ Архивѣ, среди дѣлъ декабристовъ, папка бумагъ подъ заглавіемъ: „Дѣло о разсмотрѣніи Комитетомъ Энциклопедіи и другихъ бумагъ, отобранныхъ у московскаго типографщика *Селивановскаго*. 7 маія 1826-го“. Оказывается, что неудача, постигшая это предпріятіе, находилась въ связи съ событіями 14-го декабря 1825 г.

---

[1]) *И. Остроглазовъ.* Библіографическія замѣтки. „Рус. Архивъ“ 1890г., № 11, стр. 344—346.

Одинъ изъ участниковъ заговора декабристовъ, баронъ В. И. Штейнгель, въ своихъ показаніяхъ Слѣдственной Коммиссіи упомянулъ, между прочимъ, что московскій типографщикъ Селивановскій, „желая способствовать къ разлитію просвѣщенія и свободомыслія изданіемъ книгъ, занимается изданіемъ Энциклопедическаго Словаря, который ничто иное есть, какъ переводъ извѣстной книги Conversations Lexicon, съ выпусками статей, не могущихъ выдержать цензуры и съ прибавленіемъ статей о Россіи... По напечатаніи первой части Словаря онъ писалъ Митрополиту [1]), можно ли ее выдать; но Преосвященный отвѣтствовалъ (баронъ Штейнгель самъ видѣлъ это письмо), что не совѣтуетъ: ибо при теперешнихъ обстоятельствахъ (это было послѣ Гаперовой исторіи) тотчасъ доберутся, изъ какого источника взятъ этотъ словарь; а оригиналъ въ замѣчаніи и подозрѣніи правительства; потому совѣтуетъ напечатать частей шесть и вдругъ издать, пока между тѣмъ обстоятельства перемѣнятся...“ [2]).

Показанія барона Штейнгеля имѣли роковыя послѣдствія для словаря Селивановскаго: они возбудили сомнѣнія у Государя, который велѣлъ немедленно отобрать всѣ имѣвшіяся у Селивановскаго подозрительныя бумаги и доставить ихъ въ Царское Село. Московскій военный генералъ-губернаторъ кн. Дм. В. Голицынъ письмомъ отъ 10 мая 1826 г. (за № 68) извѣщалъ И. И. Дибича, что въ тотъ же день въ 4 часа утра московскій оберъ-полиціймейстеръ, прибывъ въ домъ Селивановскаго, забралъ у него: издаваемую имъ энциклопедію, въ трехъ книгахъ уже напечатанную и въ нѣсколькихъ тетрадяхъ заготовленную, но еще

---

[1]) Кіевскому митрополиту Евгенію Болховитинову *В. М.*

[2]) Государств. Архивъ. I В., № 360. „Объ отставномъ подполковникѣ баронѣ Штейнгелѣ“, л. 31 об. (показанія 30 апр. 1826 г.).

цензурою не просмотрѣнную, и нѣсколько другихъ бумагъ. Что же касается издателя энциклопедіи, то о немъ кн. Голицынъ давалъ Дибичу слѣдующій лестный отзывъ: „Нащетъ самаго Селивановскаго, я обязываюсь сообщить Вамъ, милостивый государь мой, что онъ занимается въ Москвѣ печатаніемъ книгъ болѣе 30 лѣтъ; состояніе имѣетъ весьма избыточное и никогда не обращалъ на себя съ худой стороны вниманія правительства ни зазорнымъ поведеніемъ, ни образомъ худыхъ мыслей, и весьма близко извѣстенъ самому г. сенатору Кутникову, которой завтрѣшняго дня по Высочайшей волѣ отправляется въ С.П.-Бургъ и будетъ имѣть щастіе о немъ лично всеподданѣйше Его Императорскому Величеству донести. Оставивъ сего Селивановскаго подъ секретнымъ полицейскимъ надзоромъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ остановить и дальнѣйшее печатаніе Энциклопедіи впредь до Высочайшаго разрѣшенія“ [1]).

Полученные въ Царскомъ Селѣ словарь и бумаги Селивановскаго были затѣмъ препровождены барономъ И. И. Дибичемъ къ военному министру А. И. Татищеву въ особыхъ трехъ коробкахъ съ письмомъ, гдѣ указывалось, „что Государю Императору благоугодно, чтобы всѣ найденныя у Селивановскаго бумаги были разсмотрѣны въ скорѣйшее время въ учрежденномъ подъ предсѣдательствомъ вашимъ (т. е. А. И. Татищева) Комитетѣ о злоумышленныхъ обществахъ: не откроете ли въ нихъ какой либо связи съ сими обществами, и о послѣдующемъ доложили бы Его Величеству для дальнѣйшаго по сему предмѣту изслѣдованія“ [2]).

Комитетъ, ознакомившись съ бумагами Селивановскаго, не нашелъ въ нихъ ничего подозрительнаго и потому заклю-

---

[1]) Государственный Архивъ I. В. № 265. „Дѣло о разсмотрѣніи Комитетомъ Энциклопедіи..“, л.л. 7—8 об.

[2]) Ibid., л. 6 (письмо изъ Царскаго Села, за № 20, отъ 13 мая 1826 г.).

чилъ, что „находящіеся въ числѣ оныхъ рукописные переводы нѣкоторыхъ статей книги конверсаціонсъ Lexicon, равно какъ и приготовленные уже къ изданію томы русскаго перевода сей книги подлежатъ подробнѣйшему разсмотрѣнію цензуры". Увѣдомляя объ этомъ московскаго военнаго генералъ-губернатора кн. Д. В. Голицына, предсѣдатель Комитета А. И. Татищевъ препровождалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ бумаги Селивановскаго, уложенныя въ двухъ ящикахъ [1]).

28-го іюня 1826 г. кн. Голицынъ извѣщалъ Татищева, что бумаги Селивановскаго имъ уже получены [2]).

Такова была судьба одной изъ первыхъ русскихъ энциклопедій. Хотя подозрѣніе въ ея благонадежности и было снято Верховнымъ Комитетомъ о злоумышленныхъ обществахъ, но дальнѣйшее печатаніе словаря уже не возобновлялось: повидимому, не послѣдовало и Высочайшаго разрѣшенія, о которомъ упоминалъ кн. Голицынъ въ письмѣ къ Дибичу; да врядъ ли и самъ Селивановскій, послѣ пережитыхъ тревогъ, сталъ бы продолжать свое изданіе. Въ Слѣдственный Комитетъ имъ представлены были записки, въ которыхъ подробно излагалась исторія задуманнаго предпріятія (см. ниже, приложеніе № 1), перечислялись его сотрудники (см. приложеніе № 2) и указывались нѣкоторыя сочиненія, можетъ быть, отобранныя у издателя при обыскѣ (см. № 3). Всѣхъ записокъ въ „дѣлѣ" сохранилось три; хотя онѣ писаны и не отъ лица Селивановскаго, но на всѣхъ ихъ имѣется его подпись.

Считаемъ не лишнимъ привести полностью эти документы, такъ какъ они въ значительной мѣрѣ дополняютъ

---

[1]) Ibid., л. 13—13 об. Копія съ письма А. И. Татищева къ кн. Д. В. Голицыну отъ 17 іюля 1826 г., за № 929.

[2]) Ibid., Письмо изъ Москвы, за № 136.

новыми свѣдѣніями указанныя выше библіографическія статьи С. А. Соболевскаго и И. Остроглазова.

№ 1.

„Содержатель типографіи Московской купецъ Семенъ Селивановскій съ 1821 года предпринялъ изданіе Энциклопедическаго Словаря, составленнаго по выбору изъ разныхъ иностранныхъ сочиненій, какъ то: Dictioner Biographique, Dictioner geographique, Real-Encyclopedie и проч., дополняя касающіяся до Россіи и до жизни знаменитыхъ умершихъ Россіянъ, или мѣстными свѣдѣніями, или справками о службѣ и дѣяніяхъ ихъ; а большею частію занимая изъ разныхъ Россійскихъ сочиненій, прежде сего изданныхъ по одобреніи цензуры. Когда собралъ матеріалы первыхъ трехъ частей, то представилъ оную въ Цензурный комитетъ Императорскаго Московскаго Университета, который разсматривая оную и не нашедъ ничего противнаго Уставу о Цензурѣ, одобрилъ къ печатанію. Посему Селивановскій приступилъ къ изданію съ московскимъ купцомъ Григоріемъ Усачевымъ и въ настоящее время оканчиваетъ печатаніемъ третью часть сказаннаго Словаря, но котораго по сіе время не было выпущено въ публику не только никакой части, но даже и отрывковъ изъ онаго. Переводомъ статей для онаго занимались и занимаются разныя особы, имяна коихъ означены въ приложенномъ спискѣ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Селивановскаго.

Напечатанныя части и листы при семъ прилагаются безъ заглавій, еще не напечатанныхъ.

С. Селивановскій“ [1]).

[1]) Госуд. Архивъ 1. В. № 265. „Дѣло о разсмотрѣніи Комитетомъ Энциклопедіи и другихъ бумагъ, отобранныхъ у московскаго типографщика *Селивановскаго*. 7 маія 1826-го“, л. 2—2 об.

№ 2.

Переводчики Энциклопедіи.

Адольфъ Осиповичъ Гассенъ Майеръ
Гильденбрантъ, Иванъ Ѳедоровичъ } студенты
Кировъ, Николай Петровичъ

Высоцкій, Викторъ Григорьевичъ . . . . студентъ
Берсъ, Александръ Ивановичъ . . . . . студентъ
Бауеръ . . . . . студентъ
Кіріощенковъ [?], Николай . . . . . студентъ
Смирновъ, Петръ Яковлевичъ, университ. типог. корректоръ.
Рожалинъ, Николай Матвѣевичъ, Кандидатъ Университета.
Строевъ, Павелъ Михайловичъ, переводчикъ иностранной коллегіи.
Поповъ, Протогонъ Александровичъ, чиновникъ при казенной палатѣ.
Никифоръ Ивановичъ, священникъ церкви Архангела... [1]) на Мясницкой.
Сокольниковъ, чиновникъ удѣльной конторы.
Зацѣпинъ, Иванъ Яковлевичъ, отставной учитель казанскаго университета.
Титовъ, Владиміръ Павловичъ, чиновникъ иностранной коллегіи.
Лаунертъ [?], Сергѣй Ивановичъ, отставной чиновникъ.
Кюхельбекеръ, Вильгельмъ.
Шевыревъ, Степанъ Петровичъ, дворянинъ.
Аллеръ [?], Андрей Ивановичъ, колежскій Ассесоръ.
Соцъ, Иванъ Ивановичъ, Губерскій Секретарь.
Новажинскій, студентъ.

С. Селивановскій [2]).

---

[1]) Въ рукописи не разборчиво.

[2]) Госуд. Архивъ. I. В. Дѣло № 265, л. 3—3 об.

№ 3.

Государственныя грамоты
Карманная книжка для поваровъ
Французская христоматія
Антикварій, романъ вальтера-Скотта
Объ изящномъ искусствѣ размышленія
Письма объ образованіи ума и сердца для Московскаго Кадетскаго Корпуса.
О жилищахъ древнихъ Руссовъ
Dissertatio pro gradu doctoris, Iohanes Rosanov
О красильномъ искуствѣ
Третія часть Енциклопедическаго Словаря
С. Селивановскій [1]).

IV.

Къ біографіи О. М. Сомова.

Орестъ Михайловичъ Сомовъ принадлежитъ къ числу второстепенныхъ писателей первой трети прошлаго вѣка (р. 1793 г., ум. 27 мая 1833 г.). Въ литературѣ онъ извѣстенъ подъ нѣсколькими псевдонимами: „Порфирій Байскій“, „Житель Галерной Гавани“, „Карасевъ“, „Осетровъ“, „Тарасъ Бѣлозеровъ“, „Житель Васильевскаго Острова“, „Господинъ Репродуксинъ“ и др. Не обладая крупнымъ талантомъ, Сомовъ однако проявилъ значительную литературную дѣятельность, печатая свои произведенія почти во всѣхъ выходившихъ тогда журналахъ и альманахахъ. Перу его принадлежатъ басни, сказки, повѣсти изъ народной жизни, а также многіе переводы изъ зап.-европ. литературы (изъ

[1]) Ibid., л. 5.

Данте, Вольтера, Парни, Байрона и др.). Часто выступалъ Сомовъ съ критическими статьями, высказываясь въ нихъ по общимъ вопросамъ художественнаго творчества (статьи о романтизмѣ) и по поводу нѣкоторыхъ произведеній русской литературы [1]).

Какъ критикъ и литераторъ, Сомовъ до сихъ поръ еще мало изученъ. Наиболѣе крупная работа о немъ С. Н. Браиловскаго сводится главнымъ образомъ къ перечню его произведеній, разсѣянныхъ въ періодическихъ изданіяхъ начала XIX в., и къ выясненію участія его въ литературныхъ обществахъ—„Соревнователей Просвѣщенія“ и „Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ“. Сообщая цѣнный фактическій матеріалъ, монографія г. Браиловскаго не даетъ критической оцѣнки дѣятельности этого писателя, не касается условій развитія его таланта и мало удѣляетъ вниманія той литературной и общественной средѣ, въ которой приходилось вращаться Сомову [2]).

---

[1]) См. его отзывы о сл. прозведеніяхъ:—„Бѣдный поэтъ“ стихотвореніе М. В. Милонова („Благонамѣренный“ 1821 г., № 23 и 24);—о водевилѣ кн. Шаховскаго „Актеръ на родинѣ“ (Сынъ Отеч.“ 1822 г., ч. LXXX, с. 307—314);—о комедіи Грибоѣдова „Горе отъ ума“ (ibid., 1825 г., ч. CI, № 10, с. 177—195);—о „Стихотвореніяхъ Е. Баратынскаго“ въ изданіи 1827 г. (ibid., 1827 г., ч. CXVI, с. 78—80);—„Двѣ повѣсти въ стихахъ Балъ, соч. Баратынскаго и Графъ Нулинъ, соч. А. Пушкина (ibid., ч. CXXIII, с. 270—285);—„Хладнокровныя замѣчанія на толки г.г. критиковъ Исторіи Госуд. Россійскаго и ихъ сопричастниковъ“ („Моск. Телеграфъ“ 1829 г., ч. XXV, № 2);—о „Полтавѣ“ Пушкина („Сѣверные цвѣты на 1830 г.“, въ „Обозрѣніи рос. слов.“);—о „Гансѣ Кюхельгартенѣ“ Гоголя (ibid., 1831 г.);—объ А. Ѳ. Морзляковѣ и его пѣсняхъ („Литерат. Газета“ 1831 г., № 26);—о романѣ Лажечникова „Послѣдній Новикъ“ („Сѣв. Пчела“ 1833 г., №№ 13—15).

[2]) См.: *С. Н. Браиловскій.* Къ вопросу о Пушкинской плеядѣ. Историко-литературные матеріалы и изслѣдованія. О. М. Сомовъ. „Рус. Филол. Вѣстникъ“ 1908 г., № 4, 1909 г. №№ 1—4 (и отдѣльно. Варшава.

Между тѣмъ изученіе дѣятельности Сомова, какъ критика и литератора, представляетъ большой интересъ, такъ какъ этотъ писатель является однимъ изъ первыхъ нашихъ романтиковъ, отрѣшившимся отъ стараго направленія рус-

---

1909. 8⁰, 2+151 стр.). Рецензія *Л.* въ „Истор. Вѣстн." 1909 г., декабрь, стр. 1148. Литература о Сомовѣ довольно значительна, по представляетъ собою въ большинствѣ случаевъ рядъ мелкихъ замѣтокъ и статей, разсѣянныхъ въ періодическихъ изданіяхъ; имя его встрѣчается нерѣдко въ мемуарахъ современниковъ, а также въ изслѣдованіяхъ по исторіи литературы нач. XIX в. Не претендуя на полноту, приводимъ здѣсь краткій перечснь извѣстныхъ намъ статей, замѣтокъ и упоминанiй о Сомовѣ:— „Сынъ Отечества" 1821 г., ч. LXIX, с. 52, 81, 117.—„Благонамѣренный" 1822 г., ч. XIX, № 28, с. 77.—„Соревнователь Просвѣщенія" 1823 г.,ч. XXIV, с. 299.—„Славянинъ" 1828 и 1829 г. (нападенія А. Ѳ. Воейкова).— „Дамскій Журналъ" 1829 г., ч. XXVI, с. 59 (эпиграмма на С.).—„Сѣверная Пчела" 1830 г., № 12.—„Литературныя прибавленія къ „Русскому Инвалиду" 1833 г., № 49, с. 391—392.—„Библіотека для чтенія" 1834 г., т. I, с. 180.—„Мѣсяцесловъ" на 1834 г., с. 270.— *В. Гаевскій.* Дельвигъ „Современникъ" 1854 г., № 1 стр. 30, 37, № 9.—„Русскій Инвалидъ" 1854 г, № 5.—Сочиненія Н. И. Греча, т. III, Спб. 1855 г., с. 365.—*А. Гренъ.* О. М. Сомовъ, біографическая замѣтка. „Сѣверный Цвѣтокъ" 1858 г., № 4, с. 78—82.—„Рус. Архивъ" 1869 г., № 4, с. 051 (въ письмѣ Оленина).—„Русская Старина", т.т.: IV, с. 499—500; VII, с. 466; XXXII, с. 610; XXXIX, с. 86—100; LX, с. 595; LXXXIII, с. 181; LXXXV, с. 659—662; CVII, с. 663; CVIII, с. 266—269; CXI, с. 619—621.—„Отчетъ Имп. Публ. Библіотеки за 1875 г.", с. 101—103.—„Большая Энциклопедія" изд. библіограф. института и книгоизд. „Просвѣщеніе", т. XVII.— „Дневникъ *Кюхельбекера*", „Рус. Стар." 1883 г., т. XXXIX, с. 252.—*Н. И. Петровъ.* „Очерки по исторіи украинской литературы" Кіевъ 1884 г., с. 174 и сл.—„Историческій Вѣстникъ" 1885 г, т. XIX, с. 457.—*Н. И. Гречъ.* Записки о моей жизни, Спб. 1886.—„Истор. Вѣстникъ" 1886 г., т. XXVI (въ статьѣ П. Н. Полевого).—Сочиненія Пушкина, изд. 1887 г., подъ ред. Морозова, т.т.: V, 73, 114, 132, 179; VII, 59, 195, 259, 264, 266, 286, 300.—„Записки *Кс. Полевого*", „Истор. Вѣстн." 1887 г., 1—12, и отд. Спб. 1888.—*А. В. Никитенко* въ своемъ „Дневникѣ" (подъ 3 апр. 1832 г.), „Рус. Стар." 1889 г., іюнь; 2-е изд., подъ ред. М. Лемке, Спб

ской литературы и требовавшимъ для нея взамѣнъ прежнихъ теорій новаго основанія—національности и самобытности при полной свободѣ поэтическаго творчества.

1905. т I, с. 212, 216, 217, 221.—*Н. Барсуковъ.* Жизнь и труды М. П. Погодина, Спб., кн. II, с. 72, 170; III, 10, 11, 55, 229, 267, 352, 353; IV, 17, 25.—*М. Мазаевъ.* Дружеское литературное общество С. Д. Пономаревой. „Библіографъ" 1892 г., № 12, с. 384–396.—*П. П. Винклеръ.* Родословная Сомовыхъ. Спб. 1893.—Сочиненія А. А. Дельвига, изд. 1893 г.—*В. И. Шенрокъ.* Матеріалы для біографіи Гоголя, т. III, Спб. 1895, с. 537.—„Энц. Словарь" Брокг.-Ефр., пт. 60, с. 852; ibid., стр. 853, о дворянскомъ родѣ Сомовыхъ.—*Н. К. Козминъ,* Очерки изъ исторіи русскаго романтизма. Спб. 1903.—*И. И. Замотинъ,* Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX ст. въ рус. литературѣ", Варшава 1903; въ приложеніяхъ, стр. VII—XI, перепечатана въ извлеченіяхъ третья статья Сомова „О романтической поэзіи".—*И. А. Шляпкинъ.* Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. Спб. 1903.—*Н. К. Пиксановъ.* Грибоѣдовъ и А. А. Бестужевъ. „Извѣстія отд. рус. яз. и сл. Имп. Ак. Наукъ" т. XI (1906), кн. 4, с. 50, 59.—Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева, изд. „Библіотеки Декабристовъ" т. II, Москва 1907 г., с. 151 и др.—„Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и др. предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе библіотеки Имп. Академіи наукъ въ 1904 г." Спб. 1907—*Н. А. Котляревскій.* Литературныя направленія Александровской эпохи. Спб. 1907.—*Его же.* Н. В. Гоголь, изд. 2, Спб. 1908, с. 541—543.—Въ замѣткѣ *В. Брюсова.* „Вѣсы" 1908 г. май.—*В. В. Даниловъ.* Сомовъ, сотрудникъ Дельвига и Пушкина. „Рус. Филол. Вѣстникъ" 1908, № 3, с. 190—203; № 4, с. 316—331.—*Его же.* Къ характрристикѣ И. Г. Кулжинскаго. К. 1908.—Письма О. М. Сомова къ М. А. Максимовичу, сообщ. В. В. Даниловъ, „Рус. Архивъ" 1908 г., № 10, с. 257—263.—*И. И. Замотинъ.* Романтическій идеализмъ въ рус. обществѣ и литературѣ 20—30 г.г. XIX в. Варшава. 1908, с. 326—328.—*Б. Гарскій.* Сомовъ, Ор. Мих. „Рус. Біограф. Словарь", Спб. 1909, с. 108—109.—*С. Н. Браиловскій.* Пушкинъ и О. М. Сомовъ. „Пушкинъ и его современники", вып. XI, Спб. 1909.—*В. И. Масловъ.* Литературная дѣятельность К. Ѳ. Рылѣева. Кіевъ 1912.—*Н. Трубицынъ.* О народной поэзіи въ обществ. и литер. обиходѣ первой трети XIX в. Спб. 1912.

Въ 1823 году Сомовъ выступилъ въ печати со своей статьей „О романтической поэзіи", гдѣ вполнѣ опредѣленно отстаивалъ народное направленіе въ литературѣ [1]). „Народу русскому..., писалъ онъ, необходимо имѣть *свою народную поэзію, неподражательную и независимую отъ преданій чуждыхъ*. Герои русскіе утвердили славу Отчизны на поляхъ брани, мужи твердаго духа ознаменовали лѣтописи доблестями гражданскими; пусть же Пѣвцы Русскіе станутъ на чредѣ великихъ Пѣвцовъ древности и временъ позднѣйшихъ!.. Пусть въ ихъ пѣсняхъ высокихъ отсвѣчиваются, какъ въ чистомъ потокѣ, духъ народа и свойства языка богатаго и великолѣпнаго" [2]). Сомовъ не сомнѣвался въ томъ, что народъ русскій можетъ имѣть такую самобытную и національную литературу. „Новость поэзіи, указываетъ онъ въ той же статьѣ о романтизмѣ, „качества, отличающія ее отъ стихотворства другихъ племенъ состоятъ не въ названіяхъ родовъ ея, но въ духѣ языка, въ способѣ выраженія, въ свѣжести мыслей, въ нравахъ, наклонностяхъ и обычаяхъ народа, въ свойствахъ предметовъ, окружающихъ и болѣе дѣйствующихъ на воображеніе. Докажите мнѣ, что русскіе не одарены живымъ, пламеннымъ воображеніемъ; увѣрьте меня, что въ нравахъ нашихъ нѣтъ никакой отмѣны отъ другихъ народовъ; что у насъ нѣтъ, можно сказать, своихъ добродѣтелей и пороковъ; что языкъ русскіи весь вылитъ въ формы чужеземныя, и тогда я соглашусь, что у насъ нѣтъ и не будетъ своей народной поэзіи" [3]).

Обращаясь къ современнымъ писателямъ, Сомовъ совѣтовалъ имъ выбирать сюжеты изъ родной обстановки

---

[1]) „Соревнователь Просвѣщенія" 1823 г., ч. XXIII, с. 43—59, 151—169; ч. XXIV, с. 125—147.

[2]) Ibid., ч. XXIV, стр. 147.

[3]) Ibid., стр. 129—130.

и, тяготѣя къ Малороссіи, рекомендовалъ имъ описывать въ своихъ произведеніяхъ „малороссіянъ съ сладостными ихъ пѣснями и славными воспоминаніями", „воинственныхъ сыновъ тихаго Дона и отважныхъ переселенцевъ Сѣчи Запорожской"... „Цвѣтущіе сады плодоносной Украйны, живописные берега Днѣпра, Псла и другихъ рѣкъ Малороссіи, разливистый Донъ, въ который смотрятся, красуясь, виноградники,—всѣ сіи мѣста и множество другихъ ждутъ своихъ поэтовъ и требуютъ дани отъ талантовъ отечественныхъ" [1]). Самъ Сомовъ въ своихъ произведеніяхъ старался осуществлять высказанные выше взгляды: многія его повѣсти заимствуютъ свои сюжеты изъ малорусскаго быта, передаютъ народныя преданія о вѣдьмахъ, русалкахъ, оборотняхъ, разсказы о разбойникѣ Гаркушѣ, гайдамакахъ и пр. Въ этомъ отношеніи Сомовъ такъ же, какъ и Нарѣжный, является прямымъ предшественникомъ Гоголя; его разсказы изъ быта и исторіи Малороссіи нѣкоторымъ современникамъ казались до того сходными съ украинскими повѣстями Гоголя, что, напримѣръ, Н. Полевой приписывалъ послѣднія, на первыхъ порахъ ихъ появленія, Сомову [2]). Обоихъ писателей, кстати сказать, соединяли и дружескія отношенія. Сомовъ весьма интересовался первыми литературными опытами своего земляка и въ письмѣ къ М. А. Максимовичу отзывался о Гоголѣ въ слѣдующихъ словахъ: „Онъ человѣкъ съ отличными дарованіями и знаетъ Малороссію, какъ пять пальцевъ" [3]) Можно думать, что не безъ вліянія Сомова Гоголь помѣщалъ свои первыя произведенія въ „Сѣверныхъ

---

[1]) Ibid., стр. 131, 135.

[2]) *Б. Гарскій.* О. М. Сомовъ. „Рус. біограф. словарь", Спб. 1909, стр. 109.

[3]) Изъ писемъ О. М. Сомова къ М. А. Максимовичу. Сообщ. В. В. Даниловъ. „Рус. Архивъ" 1908 г., № 10, с. 266.

Цвѣтахъ" и „Литературной Газетѣ"; въ то время какъ „Сѣв. Пчела" и „Москов. Телеграфъ" враждебно отнеслись къ „Гансу Кюхельгартену", Сомовъ въ „Сѣв. Цвѣтахъ" на 1831 г. далъ благопріятный отзывъ объ этомъ произведеніи: „Осьмнадцатилѣтній стихотворецъ написалъ сіи осьмнадцать картинъ, въ которыхъ замѣтны еще молодость воображенія..., но въ сочинителѣ виденъ талантъ, обѣщающій въ немъ будущаго поэта" [1]).

Благодаря дѣятельному участію въ современной литературной жизни у Сомова установились широкія знакомства со многими писателями той поры, главнымъ же образомъ съ поэтами Пушкинской плеяды: вмѣстѣ съ бар. А. А. Дельвигомъ онъ издавалъ альманахъ „Сѣверные Цвѣты" (съ 1825 г.) и „Литературную Газету" (въ 1830 г.); близко сошелся Сомовъ и съ либеральными писателями этого кружка—К. Ѳ. Рылѣевымъ и А. А. Бестужевымъ. Вмѣстѣ съ ними онъ работалъ въ обществѣ „Соревнователей Просвѣщенія", былъ сотрудникомъ, а иногда и корректоромъ ихъ альманаха „Полярная Звѣзда" (1823—25 г.г.); съ 1824 года началась совмѣстная служба Рылѣева и Сомова въ Россійско-Американской Компаніи, и одно время всѣ три писателя жили въ домѣ этой Компаніи въ Петербургѣ у Синяго Моста.

Близость къ Рылѣеву и Бестужеву была причиной того, что послѣ возмущенія 14-го декабря 1825 г. Сомовъ на ряду съ другими участниками заговора подвергся аресту и заключенію въ Петропавловской крѣпости. Впослѣдствіи выяснилось, что Сомовъ былъ совершенно не причастенъ къ тайному обществу, и его спустя три недѣли освободили изъ заключенія.

Въ Государственномъ Архивѣ, среди дѣлъ декабристовъ, хранится и „дѣло" объ арестѣ Сомова (I. B. № 164,

[1]) Ibid., стр. 266.

на 10 листахъ); въ копіи П. Е. Щеголева этими матеріалами воспользовался для своей монографіи С. Н. Браиловскій; не имѣя, повидимому, доступа въ самый Архивъ, онъ не привлекъ къ своей работѣ еще нѣсколько документовъ, касающихся Сомова и хранящихся въ другихъ дѣлахъ Архива. Такъ, въ папкѣ I. В. № 465, озаглавленной: „Собственноручныя повелѣнія имп. Николая Павловича о заключеніи въ крѣпость и о порядкѣ содержанія каждаго изъ преступниковъ порознь...“ находится письмо Государя на имя коменданта Петропавловской крѣпости Александра Яковлевича Сукина съ приказомъ: „присылаемова Сомова посадить въ Алексѣевскій равелинъ „Николай“.

Въ другой папкѣ (I. В. № 30) хранится въ Архивѣ рапортъ А. Я. Сукина, въ которомъ онъ доносилъ, что присланный къ нему Сомовъ „принятъ и посаженъ“ въ № 13 Алексѣевскаго равелина „съ наблюденіемъ, чтобы онъ ни съ кѣмъ никакого сношенія имѣть не могъ“ [1]). Затѣмъ Сомова перевели въ Никольскую куртину, въ арестанскій казематъ № 5, гдѣ до тѣхъ поръ содержался Пестель, а этотъ послѣдній былъ посаженъ подъ строжайшій арестъ въ камеру Сомова—въ арестанскій покой № 13 Алексѣевскаго равелина, о чемъ комендантъ крѣпости и доносилъ въ своемъ рапортѣ Государю 3 января 1826 г. [2]).

Спустя нѣсколько дней по Высочайшему повелѣнію Сомова освободили изъ-подъ ареста [3]), при чемъ Слѣдственный Комитетъ особымъ аттестатомъ удостовѣрялъ непричастность писателя къ заговору декабристовъ. Документъ этотъ также сохранился въ Государственномъ Архивѣ и читается такъ:

---

[1]) Государств. Архивъ. I. В. № 30, л. 52-й.

[2]) Ibid., л. 70-й.

[3]) 8 января комендантъ Спб. Крѣпости Сукинъ въ рапортѣ (№ 63) доносилъ государю: „Дворянинъ Сомовъ изъ ввѣренной мнѣ крѣпости освобожденъ“ (Дѣло № 30, л. 10-й).

Аттестатъ.

№ 110.

Высочайше учрежденный тайный Комитетъ по волѣ Его Императорскаго Величества свидѣтельствуетъ симъ, что Дворянинъ Сомовъ, взятый по подозрѣнію въ участіи съ злоумышленниками, изъ коихъ со многими онъ былъ въ короткой связи, по изысканіи Комитета оказался не только совершенно непричастнымъ къ заговору, имѣвшему цѣлію разрушить настоящій образъ Государственнаго правленія въ Россіи, но и на Петровской площади во время возмущенія 14-го Декабря со всѣмъ не былъ.

С.-Петербургъ. Генваря 9 дня 1826-го года.

Военный министръ *Татищевъ*.
Генералъ фельдцехмейстеръ *Михаилъ*.
Князь Александръ Голицынъ.
Генералъ-Адъютантъ *Кутузовъ*.
Генералъ-Адъютантъ *Чернышевъ*.
Генералъ-Адъютантъ *Бенкендорфъ*.
Генералъ-Адъютантъ *Левашовъ*.

У сего Аттестата печать Предсѣдателя Комитета.

(М. П.)

Правитель дѣлъ *Боровковъ* [1]).

---

[1]) Ibid. I. B. № 32, л. 11. Въ этомъ же дѣлѣ, на листѣ 12-мъ, находится второй списокъ Аттестата, представляющій, повидимому, первоначальную редакцію. Приводимъ его полностью: „№ 110. *Аттестатъ*. По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію Комитетъ для изысканія о злоумышленномъ обществѣ свидѣтельствуетъ симъ, что Дворянинъ Сомовъ, взятый по подозрѣнію въ участіи съ возмутителями, изъ коихъ со многими онъ былъ въ короткой связи, какъ по изслѣдованію Комитета оказалось, не только не былъ членомъ того общества и не участвовалъ въ заговорѣ злоумышленниковъ, но и на Петровской площади во время возмущенія 14 декабря со всемъ (sic!) не находился. С. Петербургъ. Генваря 9 дня 1826 года. Вѣрно: Помощникъ правителя дѣлъ Карасевскій. У сего Аттестата печать Его Императорскаго Величества“.

Отдѣлъ V.

СМѢСЬ.

Юзефъ Дунаевскій,

помѣщикъ сквирскаго уѣзда 2-й четверти XIX ст.

(Окончаніе).

Вернувшись въ Чубинцы изъ кратковременнаго заточенія, Юзефъ Дунаевскій прежде всего учинилъ расплату съ тѣми изъ своихъ крестьянъ, которые во время судебнаго слѣдствія давали неблагопріятныя для него показанія. О результатахъ этого слѣдствія онъ мало заботился, ибо ему было извѣстно, что данныя, добытыя слѣдствіемъ, губернаторъ намѣренъ былъ использовать лишь „для возобновленія дворянскому собранію предложенія“ судить Дунаевскаго за жестокое обращеніе съ крестьянами; а онъ твердо надѣялся на то, что дворяне своего собрата-помѣщика не выдадутъ. Больше безпокоило Дунаевскаго давнее предписаніе губернатора дворянской Опекѣ—передать его имѣніе въ опекунское управленіе въ обезпеченіе его долга Приказу общественнаго призрѣнія, однихъ процентовъ по которому накопилось въ недоимкѣ около тысячи рублей. Пока что, дворянская Опека ровно ничего не сдѣлала для исполненія этого предписанія, но частнымъ образомъ дала

Дунаевскому дружескій совѣтъ—позаботиться по крайней мѣрѣ внести просроченные проценты. Онъ такъ и сдѣлалъ, да на томъ и успокоился.

Но, видно, мѣра его „неистовствъ“ переполнилась, и у высшаго начальства въ конецъ истощилось терпѣніе спокойно переносить ихъ. Въ августѣ того же 1844 года послѣдовало предписаніе генералъ-губернатора Бибикова: имѣніе помѣщика Іосифа Дунаевскаго, обличеннаго въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами и вообще въ злоупотребленіи владѣльческою властью, передать, на основаніи существующихъ законоположеній, въ опекунское управленіе, самого же владѣльца Дунаевскаго отстранить отъ всякаго вліянія на крестьянъ, воспретивъ ему жительство въ имѣніи.

Мѣра эта произвела огромное впечатлѣніе не на одного только Дунаевскаго. Ею были недовольны всѣ помѣщики края и порицали, какъ незаконную, хотя и неосновательно. По тогдашнимъ законамъ (Св. Зак. т. XIV, ст. 326—329) право отдачи въ опеку имѣнія помѣщика за суровое обращеніе его съ крестьянами предоставлено было власти главныхъ начальниковъ губерніи „по положеніямъ о томъ дворянскихъ сословій“, или по собственному усмотрѣнію; но Бибиковъ уже испробовалъ первый способъ дѣйствія и потерпѣлъ неудачу, теперь же рѣшился обойтись безъ дворянскаго соизволенія; статья же 374 того же тома Св. Зак. прямо гласила: „помѣщикамъ, имѣнія коихъ поступили въ опеку, воспрещается личное пребываніе въ оныхъ“. Однако, мѣстное дворянство, сильное своею солидарностью, привыкло оказывать всяческое противодѣйствіе начальственнымъ мѣрамъ, если только онѣ шли въ разрѣзъ сословнымъ его интересамъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Сквирская дворянская Опека не дерзнула, конечно, открыто протестовать противъ распоряженія генералъ-губернатора, но прибѣгла къ тактикѣ пассивнаго сопротивленія. На первый

указъ губ. правленія она отвѣтила упорнымъ молчаніемъ; на повторительный—удостоила сообщить, что опекуномъ надъ „предложеннымъ ко взятію въ опеку“ имѣніемъ Ю. Дунаевскаго ею назначенъ помѣщикъ Теодоръ Рыльскій. Рыльскій по старости и болѣзнямъ отказался отъ этого порученія и былъ замѣненъ Теофилемъ Рыльскимъ, который тоже просилъ уволить его отъ этой чести, но Опека не уважила его просьбы. Теперь слѣдовало уже приступить къ передачѣ имѣнія опекуну, но раньше должна быть составлена опись его въ присутствіи опекуна, двухъ сосѣднихъ помѣщиковъ въ качествѣ понятыхъ, засѣдателя уѣзднаго суда и станового пристава. Вотъ тутъ-то и началась своеобразная обструкція, напоминающая игру въ жмурки. Назначается срокъ для съѣзда, разсылаются приглашенія,—и въ Чубинцы пріѣзжаютъ засѣдатель съ приставомъ, ждутъ—пождутъ опекуна и понятыхъ, да съ тѣмъ и уѣзжаютъ. На другой срокъ соберутся всѣ, а опекунъ не явится; а тамъ—прибылъ и опекунъ, да понятые не пожаловали, и такъ далѣе. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ четыре раза повторялась эта комедія, а дворянская Опека, всякій разъ увѣдомляемая о несостоявшемся сборѣ, дѣлала видъ, будто ея это не касается. Возмущенный всѣмъ этимъ, сквирскій уѣздный стряпчій обратился къ Опекѣ съ рѣзкимъ замѣчаніемъ по поводу ея бездѣятельности и съ запросомъ: а) почему указъ губ. правленія о взятіи въ опеку имѣнія Дунаевскаго на приводится въ исполненіе? б) зачѣмъ опекуномъ назначенъ Рыльскій, далеко проживающій отъ Чубинецъ и обремененный собственнымъ обширнымъ хозяйствомъ, а не ближайшій сосѣдъ, напримѣръ помѣщикъ Рогозинскій, „имѣющій достаточныя качества для опекуна?“ и в) на какомъ основаніи не исполняется „воля вышняго начальства“ касательно удаленія Юзефа Дунаевскаго изъ с. Чубинецъ? На этотъ запросъ послѣдовалъ высокомѣрный отвѣтъ: „Опека не предвидитъ надобности въ перемѣнѣ опе-

куна, ибо таковымъ есть довольно благонадежный помѣщикъ Теофиль Рыльскій. Воля вышняго начальства о удаленіи съ жительства помѣщика Іосифа Дунаевскаго, за приведеніемъ имѣнія въ извѣстность и за отдачею онаго опекуну, въ то же время исполнена будетъ, до сего же Опека учинить распоряженіе считаетъ преждевременнымъ". Такой же отвѣтъ Опека помѣстила и въ рапортѣ губ. правленію, и тамъ его приняли, какъ нѣчто должное. Только губернаторъ Фундуклей, видимо раздосадованный упорствомъ Рыльскаго, сгоряча написалъ на рапортѣ: „Предать его суду и представить генералъ-губернатору о томъ на разрѣшеніе". А Бибиковъ въ свою очередь предписалъ губ. правленію увѣдомить его, какое сдѣлано постановленіе по поводу уклоненія помѣщика Теофиля Рыльскаго отъ бытности при описи имѣнія Дунаевскаго и принятія онаго въ свое вѣдѣніе. Конечно, Рыльскій не былъ преданъ суду, ибо поспѣшилъ представить медицинское свидѣтельство о болѣзни, и Опека замѣнила его помѣщикомъ Петромъ Кобылинскимъ.

Но это мало помогло дѣлу. Новый опекунъ продолжалъ ту же обструкціонную тактику, что и его предшественникъ, но съ формальной стороны дѣйствовалъ болѣе осторожно. Съѣдутся, бывало, въ Чубинцы нужные чины для составленія описи, а отъ опекуна уже прислано формальное увѣдомленіе съ докторскимъ посвидѣтельствованіемъ о внезапной болѣзни его самого или его жены и съ просьбой перенести съѣздъ на другое время. Хорошо понимая всю эту нехитрую политику, уѣздный стряпчій вторично атаковалъ Опеку энергичнымъ представленіемъ и запросомъ: „Почему оная Опека, въ противность ясному предписанію вышняго начальства, сама собою дозволяетъ жительство помѣщику Дунаевскому въ имѣніи впредь до окончательнаго поступленія имѣнія въ опеку, которое замедляется какъ бы нарочито неуважительными причинами: то по неприбы-

тію свидѣтелей, то неявкою опекуна? Долгомъ поставляю привести вновь во вниманіе Опеки точную силу предписанія начальства, чтобы помѣщикъ Дунаевскій устраненъ былъ непремѣнно изъ жительства въ Чубинцахъ, и прошу сію Опеку устранить всѣ препятствія ко взятію имѣнія въ опекунское управленіе и непремѣнно исполнить по сему предмету предписанія начальства". Но энергичнаго стряпчаго почему-то не поддержали изъ Кіева, и Опека по прежнему игнорировала его настойчивыя представленія и запросы и только для видимости, будто она не совсѣмъ бездѣйствуетъ, опекуна Кобылянскаго замѣнила помѣщикомъ Быдловскимъ.

Но и комедію съ передачей въ опеку имѣнія Дунаевскаго нельзя было тянуть до безконечности. Надо было придумать что-нибудь иное. Въ ноябрѣ того же 1844 г. помѣщикъ сквирскаго уѣзда, отставной майоръ бывшихъ польскихъ войскъ Бонавентура Быдловскій подалъ губернатору Фундуклеею такого рода прошеніе: такъ какъ онъ пріобрѣлъ покупкою отъ помѣщика Іосифа Дунаевскаго его имѣніе въ с. Чубинцахъ, подвергнутое опекунскому управленію, то посему проситъ предписать кому слѣдуетъ о прекращеніи опеки надъ означеннымъ имѣніемъ и о передачѣ такового въ его распоряженіе. Къ прошенію приложена была подлинная запродажная запись, совершенная въ кіевской гражданской палатѣ 24 октября, того же года. Изъ нея видно, что въ Чубинцахъ Дунаевскому принадлежало 182 души крестьянъ муж. пола (по ревизіи 1834 г.), крупчатая мельница и винокуренный заводъ; количество десятинъ земли, по обычаю того времени, вовсе не было въ актѣ обозначено. Покупная цѣна имѣнія 44,000 р. сер. Имѣніе Дунаевскаго сильно было обременено долгами: Приказу общ. призрѣнія на сумму 5849 р. 50 к. и частнымъ лицамъ на сумму 15,449 р. 50 к. Всѣ эти долги покупатель Быдловскій переводилъ на себя. И кого только не было среди кредиторовъ

Дунаевскаго! Тутъ и уніатскій священникъ Сироцинскій, что служилъ въ его домовой каплицѣ, и ксендзъ мѣстнаго прихода, и еврей Мошко Корецкій, и др. За покрытіемъ всѣхъ этихъ долговъ, Дунаевскому приходилось получить чистыми всего лишь около 23,000 р., да и изъ этой суммы половину Быдловскій удерживалъ на два года до рѣшенія судомъ нѣкоторыхъ денежныхъ исковъ, предъявленныхъ къ Дунаевскому. Купчая крѣпость должна была совершиться 20 января 1845 г., но и послѣ-того Дунаевскій оставался распорядителемъ имѣнія и могъ получать съ него доходы въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, а право жительства въ господскомъ домѣ за нимъ сохранялось до 15 іюля 1845 г., послѣ чего новый владѣлецъ обязанъ былъ дать ему нужное количество подводъ для перевозки мебели и другого имущества за 120 верстъ.

Узнавъ о совершеніи запродажной сдѣлки, сквирская дворянская Опека поспѣшила запросить губ. правленіе, остается ли въ силѣ его прежнее распоряженіе о взятіи имѣнія Дунаевскаго въ опекунское управленіе съ воспрещеніемъ ему жительства въ имѣніи, или же теперь, за переходомъ имѣнія въ другія руки, все это дѣло надо оставить?

Губернское правленіе долго медлило съ отвѣтомъ на этотъ запросъ и первоначально составило такое „опредѣленіе“: „Усматривая изъ донесеній сквирской городской полиціи, что арестованный было по распоряженію г. губернатора помѣщикъ Іосифъ Дунаевскій, по освобожденіи изъ-подъ присмотра, отправился въ состоящее въ опекѣ свое имѣніе, въ которомъ онъ, за силою существующихъ узаконеній, оставаться не долженъ, губ. правленіе постановило: предписать сквирской дворянской опекѣ, чтобы она, согласно посланному ей указу, немедленно устранила Дунаевскаго изъ имѣнія, къ освобожденію же имѣнія отъ опекунскаго управленія не представляется законныхъ основаній, а сквирскому земскому суду предписать имѣть наблюденіе, дабы Іосифъ

Дунаевскій въ имѣніи своемъ не находился". Но затѣмъ, какъ видно изъ черновыхъ бумагъ въ дѣлѣ, это „опредѣленіе" было перечеркнуто и взамѣнъ его написано другое: „Такъ какъ, по силѣ 374 ст. XIV т. Св. Законовъ, владѣльцамъ, имѣнія коихъ подвержены опекунскому управленію за злоупотребленіе помѣщичьей властью, не запрещается продажа сихъ имѣній, то, въ виду перехода имѣнія Дунаевскаго по куплѣ къ помѣщику Быдловскому, предписать сквирской дворянской Опекѣ, чтобы она, по совершеніи купчей крѣпости на имя Быдловскаго, донесла о томъ губ. правленію, оставивъ между тѣмъ означенное имѣніе въ административномъ управленіи". Какъ видимъ, здѣсь нѣтъ уже и рѣчи объ удаленіи Дунаевскаго изъ с. Чубинецъ.

На этомъ прерывается огромное (въ 607 листовъ) дѣло изъ архива губ. правленія, которымъ мы пользовались; но самое дѣло о Дунаевскомъ далеко еще не было окончено. Въ тотъ моментъ, на которомъ мы остановились, за нимъ числилось 13 уголовныхъ дѣлъ, еще не вполнѣ законченныхъ слѣдствіемъ и то и дѣло возвращаемыхъ Палатой уголовнаго суда въ низшія инстанціи для „дослѣдованій" и „переслѣдованій". Каковы были окончательные приговоры Палаты по этимъ дѣламъ—не извѣстно; весьма вѣроятно, что Дунаевскій и вѣкъ свой прожилъ, не дождавшись этихъ приговоровъ. Но и административная возня со взятіемъ имѣнія Дунаевскаго въ опекунское управленіе продолжалась еще долго. Запродажная сдѣлка его съ Быдловскимъ, кажется, была фиктивной, придуманной съ цѣлью отвертѣться отъ опеки; но если и не такъ, то во всякомъ случаѣ купчая не была совершена не только въ срокъ (20 января 1845 г.), назначенный въ запродажной записи, но и два года спустя; на это указываетъ имѣющійся въ дѣлѣ рапортъ сквирской полиціи отъ 22 февраля 1847 г. съ донесеніемъ,

что Быдловскому объявлено содержаніе какого-то указа губ. правленія „по предмету покупки имъ имѣнія у помѣщика Іосифа Дунаевскаго“ и возвращена подлинная запродажная запись, представленная имъ въ губ. правленіе въ ноябрѣ 1844 г. при ходатайствѣ о снятіи опеки съ запроданнаго ему имѣнія. Кромѣ того, въ дѣлѣ есть помѣта, что въ маѣ 1846 года оно требовалось въ канцелярію кіевскаго губернатора „для соображенія при исполненіи сообщеннаго отъ г. генералъ-губернатора предписанія министра внутр. дѣлъ по жалобѣ бывшаго помѣщика Іосифа Дунаевскаго на предположеніе объ отдачѣ имѣнія его въ опеку и о прочемъ“. Наконецъ, въ дѣлѣ имѣется сенатскій указъ отъ 18 февраля 1846 года съ требованіемъ, чтобы кіевское губ. правленіе „въ дополненіе рапорта своего сенату отъ 15 сентября 1844 г. доставило копію съ постановленія дворянства Кіевской губерніи о взятіи въ опеку имѣнія прапорщика Іосифа Дунаевскаго“, въ отвѣтъ на что и была отправлена копія извѣстнаго намъ постановленія отъ 30 января 1843 года. Очевидно, Дунаевскій, потерпѣвъ неудачу съ продажей имѣнія Быдловскому, жаловался сначала министру внутр. дѣлъ, а затѣмъ и въ сенатъ на незаконныя съ его точки зрѣнія дѣйствія кіевской администраціи по поводу отдачи его имѣнія въ опекунское управленіе. Вѣроятно, онъ находилъ, что генералъ-губернаторъ не могъ въ данномъ дѣлѣ поступить по своему усмотрѣнію, а долженъ былъ передать его, какъ и раньше, на судъ дворянства. Чѣмъ окончилась переписка кіевской администраціи съ министерствомъ внутр. дѣлъ и каково было сенатское рѣшеніе по жалобѣ Дунаевскаго—свѣдѣнія объ этомъ откроются со временемъ, когда будутъ приведены въ порядокъ и сдѣлаются вполнѣ доступными для изслѣдователей минувшаго огромные архивы старыхъ дѣлъ, хранящихся въ подвалахъ присутственныхъ мѣстъ.

Ор. Левицкій.

Имя панны Анны не разъ упоминается въ актахъ, какъ имя сестры княгини Андреевой Прихабской и княгини Михайловой Вишневецкой.

Остальныя имена рода Прихабскихъ въ помянникѣ Кіево-Печерской Лавры (нетитулованныя)—неизвѣстны. Запись, вѣроятно, сдѣлана дочерью князя Андрея, женою (вдовою) Владиміра Ивановича Горскаго, которая упоминается еще въ 1559 г.

Б. Родъ князей *Друцкихъ-Озерецкихъ.*

Село Озерцы, между Лукомлей и Сіеннемъ; другое с. Озерцы—въ Оршанскомъ повѣтѣ, недалеко отъ с. Толочина и г. Друцка,—отъ этого владѣнія одна изъ вѣтвей князей Друцкихъ стала называться *Озерецкими.* Родоначальникомъ князей Озерецкихъ былъ князь Иванъ Ѳедоровичъ, четвертый сынъ князя Ѳедора Бабича-Друцкого (сына князя Ивана Бабы), сторонника Глинскаго, ушедшаго съ нимъ въ Москву [1]).

Въ помянникъ Кіево-Печерской Лавры внесены (стр. 72): 1. Князь Семенъ Озерецкій, сынъ князя Ивана Ѳедоровича и братъ князя Андрея, намѣстника Оршанскаго, предъявившаго свои права на Друцкъ по смерти послѣдняго князя Подберезскаго въ 1541 г. Князь Семенъ упоминается у Бонецкаго подъ 1522 г. [2]).

В. *Родъ князей Друцкихъ-Путятичей.*

„Путята"—прозвище князя *Ивана Семеновича Друцкого,* жившаго въ первой половинѣ XV в. Онъ оставилъ четырехъ сыновей, изъ нихъ *Василій*—родоначальникъ князей Горскихъ, *Михаилъ*—князей Толочинскихъ, *Дмитрій*—воевода Кіевскій, умершій безъ потомства, и *Иванъ*, жившій во 2-й половинѣ XV в.; потомки его назывались князьями *Путятичами,* а перешедшіе въ Московское государство—князьями

[1]) Вольфъ, 360.

[2]) Бонецкій ,241.

Путятиными. Сынъ князя Ивана, князь *Богданъ* Ивановичъ Путятичъ, упоминаемый въ 1514—1516 гг., имѣлъ сына *Василія*, умершаго бездѣтнымъ, и дочерей: *Марину*, за княземъ Вишневецкимъ, и *Ганну*, за первымъ мужемъ Семашкомъ и за вторымъ—за княземъ Мосальскимъ; съ ними угасъ родъ князей Друцкихъ Путятичей въ Литвѣ [1]).

Имя *Путяты* въ первый разъ упоминается въ 1423 г., когда онъ, вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Друцкимъ былъ посланъ Витовтомъ противъ татаръ, осаждавшихъ г. Одоевъ [2]). Этотъ князь Путята и былъ родоначальникомъ князей Путятичей (и Путятиныхъ). Князь *Иванъ Друцкой,* извѣстный подъ именемъ „Бабы", былъ его братъ. Въ актахъ архива кн. Сангушекъ, т. I, упоминается князь *Иванъ Путята* подъ годами 1446 и 1458 [3]). У Бонецкаго упоминается князь *Иванъ Семеновичъ Путята* подъ годами 1431, 1432 и 1437 [4]). Въ тожествѣ этихъ двухъ лицъ не можетъ быть сомнѣнія. Это родоначальникъ князей Путятичей, сынъ князя *Семена Дмитріевича* Друцкого. Въ князѣ Путятѣ, упоминаемомъ у Вольфа подъ 1458 г., мы должны видѣть князя Ивана, сына послѣдняго [5]). Въ различіи этихъ двухъ лицъ не можетъ быть сомнѣнія; акты Архива кн. Сангушекъ [6]) также различаютъ въ нихъ два лица. Далѣе, князь *Дмитрій Путятичъ*, у Бонецкаго [7]) подъ 1455 г. и князь *Дмитрій Ивановичъ* въ актахъ Архива кн. Сангушекъ [8]) подъ 1467 г., одно и тоже лицо—сынъ Ивана Семеновича Путяты.

---

[1]) Вольфъ, 405.

[2]) Бонецкій, 266.

[3]) Arch. kn. Sang., т. I, стр. 34; Вольфъ, 64.

[4]) Бонецкій, 266.

[5]) Вольфъ, 405.

[6]) T. I, 34. 85. 86.

[7]) Бонецкій, 266.

[8]) Arch. kn. S., t. 1, 138.

Князь *Иванъ Путятичъ*, у Бонецкаго—городничій луцкіе въ 1488 г., ключникъ луцкій въ 1496 г., староста Перемышльскій въ 1507 г.—одно и тоже лицо съ упоминаемымъ въ актахъ Архива кн. Санг., т. I, 182, княземъ Ивановичемъ Путятичемъ, луцкимъ городничимъ. Соединяя эти оба имени въ одно, получаемъ полное имя князя *Ивана Ивановича Путятича*. Этотъ князь—сынъ князя *Ивана Путяты*, братъ Дмитрія Ивановича, воеводы Кіевскаго [1]).

А. Въ помянникъ Кіево-Печерской Лавры внесены (стр. 31):

I. Родъ князя *Дмитрія Ивановича,* воеводы Кіевскаго († 1505).

1. Князь *Дмитрій* (позднѣйшая приписка, очевидно не раньше 1505 г.,—слѣдовательно, самая запись сдѣлана раньше, можетъ быть самимъ Дмитріемъ).

2. Князь *Даніилъ Друцкой.* О немъ мы уже говорили.

3 и 4. Князья *Михаилъ* и *Михаилъ*; они могли быть отцомъ и сыномъ; слѣдовательно, второй изъ нихъ можетъ быть тѣмъ лицомъ, который считается родоначальникомъ князей Друцкихъ.

5. Кн. *Дмитрій*—не тотъ-ли, который упоминается подъ 1372 г. и можетъ быть сыномъ Михаила?

6. Кн. *Симеонъ*—сынъ Дмитрія; согласно родословнымъ упоминается подъ 1401 г., когда онъ присягалъ на вѣрность королю Владиславу-Ягайлѣ, и въ 1422 г. когда онъ выдавалъ племянницу свою, дочь князя Андрея Голшанскаго, за короля Владислава-Ягайла [2]).

7. Кн. *Іоаннъ*—братъ Симеона, † 1399 г. въ битвѣ на Ворсклѣ, съ прозвищемъ „Киндиръ“ [3]).

---

[1]) Вольфъ, 405.

[2]) Вольфъ, 57.

[3]) Ibid.

8 и 9. Кн-ья *Александръ* и *Глѣбъ*—сыновья Ивана Дмитріевича, жившіе въ Литвѣ въ первой половинѣ XV в., которыхъ владѣнія достались Ивану Путятѣ Друцкому.

10. 11. 12. 13. 14. Князья *Іоаннъ, Григорій, Іоаннъ, Василій, Дмитрій*—сыновья князя Семена Дмитріевича (№ 6).

16. Князь *Іоаннъ* Сем. Друцкой, прозванный „Бабой", намѣстникъ вел. князя Витовта въ Полоцкѣ. Въ 1422 г. подписалъ трактатъ Литвы съ Ливонск. орденомъ. Въ 1424 г. принималъ участіе въ оборонѣ г. Одоева. Въ 1431 г. подписалъ трактатъ Свидригайлы съ тѣмъ же орденомъ. Послѣ битвы подъ Вилькомиромъ, въ 1435 г., гдѣ Свидригайло былъ разбитъ вел. княземъ Сигизмундомъ, князь Иванъ „Баба" бѣжалъ къ великому магистру въ Ригу, и, пробывъ тамъ зиму, въ началѣ 1436 г. ушелъ въ Москву, гдѣ получилъ удѣлъ отъ вел. князя Василія Темнаго. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Овдотьѣ, дочери князья Андрея Шутиша, князя Тарусскаго-Мезецкаго, о которой Хроникеръ вспоминаетъ, что „была Коноплина бабка, князя Ѳеодорова матка" [1]).

16. Князь *Григорій*—вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ подписалъ трактатъ Литвы съ орденомъ въ 1422 г.; онъ былъ родоначальникомъ князей Любецкихъ и Видинецкихъ [2]).

17. Князь *Іоаннъ* Друцкой, прозванный „Путятой", вмѣстѣ съ братьями подписалъ трактатъ въ 1422 г.; въ 1424 г. участвовалъ въ походѣ противъ татаръ. Въ 1431—32 гг. неоднократно подписывался на дипломатическихъ актахъ вел. князя Свидригайла, какъ князь Путята Семеновичъ, Иванъ Путята или Иванъ Путята Семеновичъ; остался вѣренъ Свидригайлу и вмѣстѣ съ нимъ остался на Волыни. Въ 1440 г. встрѣчалъ вел. князя Казиміра при въѣздѣ его въ Литву. Князь Иванъ былъ родоначальникомъ князей Путятичей и Путятиныхъ.

---

[1]) Вольфъ, 160.

[2]) Ibid.

18. Князь *Василій* Семеновичъ, прозванный „Краснымъ“,—намѣстникъ витебскій при Свидригайлѣ, участвовалъ въ посольствѣ, отправленномъ Свидригайломъ въ 1431 г. къ королю Владиславу. Тотъ же князь Василій подписался на двухъ трактатахъ Свидригайла съ орденомъ. Будучи намѣстникомъ витебскимъ, участвовалъ въ битвѣ подъ Ошмянами въ 1432 г. и попалъ въ плѣнъ къ вел. князю Сигизмунду. При вел. князѣ Казимірѣ вновь занимаетъ видное положеніе: былъ посломъ отъ великаго князя на сеймѣ въ въ Піотроковѣ въ 1446 г., въ 1447 г. присутствовалъ на коронаціи короля, а въ 1448 г. былъ посломъ литовскимъ на люблинскомъ сеймѣ. Былъ женатъ на сестрѣ князя Ѳеодора Воротынскаго [1]).

19. Князь *Дмитрій*-Сѣкира Зубровицкій, отъ прозвища „Сѣкира“ и владѣнія с. Зубровичи на р. Ульянцѣ въ повѣтѣ Оршанскомъ. Князь Димитрій Семеновичъ Сѣкира-назывался Митькой Семеновичемъ; въ актѣ 1427 г., которымъ король записалъ ему нѣсколько имѣній, онъ называется „князь Митько, сынъ Семена князя Друцкого“. Князь Димитрій былъ сторонникомъ Свидригайла и подъ Ошмянами вмѣстѣ съ братомъ своимъ Василіемъ Краснымъ взятъ былъ въ плѣнъ. Женатъ былъ на „дѣдичкѣ“ земли Подольской и племянницѣ Владислава-Ягайла, какъ говоритъ Быховецъ. По родословной Гедиминовичей, помѣщенной въ Лѣтописи историко-родословнаго общества въ Москвѣ, вып. 4-й, 1905 г. въ главѣ „Матеріалы для родословія князей Гедиминовичей“ (1—9, стр. 6), у Ольгерда былъ сынъ Иванъ Жедвилъ, имѣвшій удѣломъ землю Подольскую. Дочь этого Ивана Жедвила, Софья, по Быховцу, и была за княземъ Дмитріемъ Зубровицкимъ [2]). Умеръ князь Дмитрій Зубровицкій около 1470 г.

---

[1]) и [2]) Подробно объ этомъ см. въ этой же книгѣ „родъ княгини Маріи Семеновой Трабь“, третью часть записи, начинающейся съ „Софіи Зубрицкой“.

20 и 21. Князья *Василій* и *Андрей*—(можетъ быть другой вѣтви) сыновья князя *Дмитрія Васильевича,* внука Михаила, предполагаемаго родоначальника Друцкихъ, женатаго на княгинѣ Анастасіи Рязанской. О князѣ Василіи ничего неизвѣстно; князь Андрей палъ въ битвѣ на Ворсклѣ въ 1399 г.

22. Князь *Михаилъ*—можетъ быть братъ князя Семена Дмитріевича; владѣлъ Подбережьемъ, отчего назывался *Подбережскимъ*, палъ въ битвѣ на Ворсклѣ въ 1399 г.

23. Князь *Ѳеодоръ*—сынъ князя Ивана Бабы, упоминается подъ 1446 г.; родоначальникъ князей Друцкихъ-Соколинскихъ, Коноплей и Озерецкихъ, назывался „Бабичемъ младшимъ".

24. Князь *Михаилъ*--можетъ быть сынъ князя Семена Дмитріевича, по прозванію „Лобанъ". Какъ сторонникъ Свидригайла, участвовалъ въ осадѣ Кременца въ 1431 г. и палъ въ 1435 г. подъ Вилькоміромъ [1]). Братъ князей подъ №№ 10—14.

25. Князь *Іоаннъ*,—братъ князя Ѳеодора Іоанновича (№ 23). Вмѣстѣ съ отцомъ перешелъ въ Москву. Князья: Василій, Іоаннъ и Ѳеодоръ (№№ 26, 27 и 28)—сыновья князя Ѳеодора Ивановича (№ 23).

26. Князь *Василій*—прозываемый Щербатымъ, умеръ бездѣтнымъ около 1466 г.

28. Князь *Іоаннъ*—родоначальникъ князей Озерецкихъ и первый князь Озерецкій.

28. Князь *Ѳеодоръ* Ѳеодоровичъ „Конопля" умеръ до 1475 г.

29. Князь *Дмитрій* (Ивановичъ) Красный—внукъ князя Василія Семеновича Краснаго (№ 18), умеръ до 1507 г.

---

[1]) Вольфъ, стр. 57.

Женскія имена:

1. Княгиня *Марія*—дочь князя Дмитрія Сѣкиры, замужемъ за княземъ Семеномъ Семеновичемъ Трабскимъ.

2. Княгиня *Марія*—1-ая жена князя Василія Краснаго, дочь князя Семена Кобринскаго.

3. Княгиня *Марія*—жена князя Ѳеодора Ѳеодоровича Соколинскаго „Конопли".

4. Княгиня *Марія*—дочь князя Дмитрія Ѳеодоровича Горскаго, † 1516 г. Судя по времени записи, это имя должно быть приписано позже.

5. Княгиня *Анна*. Въ родѣ Друцкихъ извѣстна только одна Анна, дочь князя Константина Ивановича Прихабскаго, сына князя Ивана „Бабы",—замужемъ за княземъ Дмитріемъ Ѳеодоровичемъ Воротинскимъ. Годъ смерти ея неизвѣстенъ.

6. Княгиня *Ульяна*—жена князя Дмитрія Ѳеодоровича Одинцевича. (Друцкіе и Одинцевичи въ родствѣ между собой по женской линіи, что въ своемъ мѣстѣ указано).

7. 8. Княгини: *Остинья* и *Соломонида*—неизвѣстны.

Г. *Родъ князей Друцкихъ-Соколинскихъ* и *„Бабичей-Конопля"*.

Отъ м. Сокольни (близь Друцка, въ Старотолочинской волости, въ повѣтѣ Оршанскомъ), которымъ въ XV в. владѣли сыновья князя Ѳеодора Ивановича Бабича-Друцкого, князья Семенъ и Ѳеодоръ, послѣдній по прозванію „Конопля"; оба князя и ихъ потомки назывались князьями *Соколинскими* [1]). Потомство князя Ѳеодора Ѳесдоровича „Конопли" угасло въ половинѣ XVI в. и Сокольня полностью перешла въ потомство князя Семена Ѳеодоровича.

Въ помянникъ Кіево-Печерской Лавры внесены:

А. *Родъ князя Соколинскаго Іоны* (стр. 70).

1. Князь инокъ *Іона*—неизвѣстенъ.

---

[1]) Вольфъ, 461.

2. Князь *Александръ*. Въ родѣ Соколинскихъ встрѣчается это имя только одинъ разъ. У князя Михаила Михайловича Соколинскаго, правнука князя Семена Ѳеодоровича Соколинскаго, былъ сынъ Александръ, но онъ умеръ въ 1642 г. Слѣдовательно, не онъ скрывается подъ этимъ именемъ. Въ другой разъ это имя встрѣчается въ семьѣ князя Андрея Семеновича Соколинскаго: дочь его, княжна Марина, была за княземъ Александромъ Буремскимъ, † ок. 1513 г.

3. Княгиня *Елена*—должно быть жена князя Ѳеодора Ѳеодоровича Соколинскаго „Конопли", внука князя Ѳеодора Ивановича.

4. Князь *Алимпій*—неизвѣстенъ.

5. Князь *Василій* — сынъ князя Семена Ѳеодоровича, упоминается въ 1508 и 1511 г.г., какъ дворянинъ господарскій и намѣстникъ оболецкій.

6. Княжна *Марія*. Имя это встрѣчается не разъ въ этомъ родѣ: а) княгиня *Марія*—жена князя Ѳеодора Ѳеодоровича „Конопли" (старшаго), б) княгиня *Марина*—внучка предъидущихъ, в) княгиня *Марина* Михайловна—внучка князя Василія (15), г) княгиня *Марина*—жена князя Александра Буремскаго; княгиня Марія Андреевна, и др.

7. Князь *Іоаннъ*—сынъ князя Семена Ѳеодоровича Соколинскаго, умеръ до 1524 г., сдѣлалъ запись на Кіево-Печерскій монастырь.

8. Княжна *Евфимія*—неизвѣстна.

Б. *Родъ князей Соколинскихъ съ Волыни* (стр. 82).

Просматривая всѣ родословныя князей Соколинскихъ, мы не встрѣтили ни одной вѣтви, осѣвшей на Волыни. Въ одномъ актѣ подъ 1546 г. [1]) упоминается княгиня Соколинская, по-видимому, съ Волыни; но нѣтъ никакихъ указаній

[1]) Arch. kn. Sang., t. IV, 183.

на то, чтобы опредѣлить принадлежность ея: „квитъ на поставку сукна жидомъ берестейскимъ княгинѣ Соколинской“ подписанъ маршалкомъ земли Волынской, старостой владимірскимъ, брацлавскимъ и винницкимъ, княземъ Ѳеодоромъ Андреевичемъ Санкгушкевичемъ.

Князь Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Соколинскій „Конопля“, женатый на Маріи, дочери Сенка Ивановича Петруча, получилъ за женой, въ числѣ другихъ владѣній, и м. Полонное на Волыни, въ повѣтѣ Звягельскомъ. Въ 1455 г. князь Андрей Владиміровичъ Ольгердовичъ отдалъ Полонное свояку своему, Сенку Ивановичу Петручу (брату владыки Мисаила, епископа Смоленскаго, а потомъ митрополита Кіевскаго), женатому на Овдотьѣ, сестрѣ жены его, князя Андрея Ольгердовича [1]). Въ 1459 г. король Казиміръ утвердилъ за дочерью Сенка Ивановича Маріей право на владѣніе Полоннымъ, какъ отчиной ея.

Въ Помянникъ внесены:

1. Князь *Михаилъ* — вѣроятно сынъ князя Василія Семеновича Соколинскаго, умеръ около 1559 г.

Около 1550 г. умеръ послѣдній князь Соколинскій „Конопля“, Константинъ Ѳеодоровичъ, внукъ родоначальника этой вѣтви, и владѣнія его на Волыни, вѣроятно, перешли къ другой вѣтви князей Соколинскихъ.

2. Княгиня *Уліяна*. Имя это не встрѣчается въ родѣ Соколинскихъ, но такъ какъ имя матери князя Михаила Васильевича, жены князя Василія Семеновича Соколинскаго, неизвѣстно, то можно предположить, что подъ именемъ Уліяны скрывается это лицо. Запись эту, вѣроятно, внесла вдова князя Михаила.

---

[1]) Бонецкій, 377.

Здѣсь мѣсто заняться разсмотрѣніемъ записи „рода княгини Маріи Семеновой Трабь“ (стр. 14).

Въ своемъ мѣстѣ мы разсмотрѣли имена, относящіяся къ роду князя Ольгимонта Голшанскаго. Теперь очередь за именами, стоящими въ началѣ записи и относящимися къ роду самой княгини Маріи, т. е. къ роду Друцкихъ, къ которому княгиня Марія принадлежала по рожденію.

Запись начинается именами *Ѳеодора* и *Александра*.

1. Князь *Александръ* † 1399 г.—дядя отца княгини Маріи Семеновой.

2. Князь *Ѳеодоръ*. Имя это встрѣчается только въ родѣ князей Соколинскихъ,—ближайшій изъ нихъ, князь Ѳеодоръ Ивановичъ, двоюродный братъ княгини Маріи, упоминается подъ 1446 г. [1]).

3. Князь *Іоаннъ*—Иванъ Семеновичъ Баба, дядя княгини Маріи и братъ отца ея.

4. Князь *Іоаннъ*—Иванъ Путята, другой дядя, братъ предыдущаго; можетъ быть также Иванъ Дмитріевичъ, братъ князя Александра, † 1399 г.

5. Князь *Василій*-Красный—другой братъ отца княгини Маріи.

6. Князь *Владиміръ*—имя, только однажды встрѣчающееся въ родѣ Друцкихъ,—Владиміръ Ивановичъ Горскій, о которомъ было сказано выше.

7. Княгиня *Ографена*—дочь князя Василія Ивановича Бабича, жена князя Василія Ивановича Разянскаго.

8. Княгиня *Ѳеодосія*—неизвѣстна.

9. Княгиня *Овдотья*—жена князя Ивана Бабы.

10. Княжна *Елена*—жена князя Ѳеодора Ѳеодоровича „Конопли“.

---

[1]) Есть еще Ѳедоръ, сынъ Никиты Ивановича Путятича, въѣхавшаго въ Россію. Когда онъ умеръ, неизвѣстно, жилъ въ началѣ XVI в.

11. 12. 13. Князья: *Филиппъ*, *Евпатій*, *Парѳеній*—неизвѣстны.

14. Княгиня *Марія*—можетъ быть сама княгиня Трабская.

15. Князь *Дмитрій*—отецъ княгини.

16. Князь *Симеонъ*—отецъ князя Дмитрія Сѣкиры.

17. Князь *Харитонъ*—неизвѣстненъ.

18. Княгиня *Софья*. Кромѣ княгини Зубровицкой, въ родѣ Друцкихъ извѣстна жена князя Богдана Романовича, племянника княгини Маріи Трабской, по мужу, † 1557 г.

19. Князь *Семенъ*—двоюродный братъ княгини Маріи, † 1445, сынъ князя Ивана „Бабы".

20. 21. Княгини: *Маремьяна* и *Ирина*—неизвѣстны.

22. Княгиня *Марія*—жена князя Ивана Васильевича Краснаго (Друцкого), двоюроднаго брата княгини Маріи Трабской, † ок. 1512 г.

Далѣе слѣдуютъ имена изъ рода Ольгимонтовичей-Голшанскихъ, къ которому принадлежитъ супругъ княгини Маріи Трабской. Этотъ рядъ именъ уже разсмотрѣнъ нами въ ряду именъ рода князей Голшанскихъ.

Наконецъ, третья часть записи Помянника начинается именемъ Софіи Зубровицкой. Послѣ этого имени стоитъ двоеточіе. Мы думаемъ, что слѣдующій за симъ рядъ именъ относится къ роду самой княгини Софіи Дмитріевой Зубровицкой, матери княгини Маріи Трабской, которымъ и заканчивается запись „рода княгини Маріи Семеновой Трабь", состоящая изъ трехъ частей: 1, рода княгини Маріи, т. е. рода князей Друцкихъ, изъ котораго она происходила; 2, рода супруга ея, т. е. рода Ольгимонтовичей, и 3, рода матери ея, княгини Софіи Зубровицкой, родъ который неизвѣстенъ. Вольфъ приводитъ указаніе лѣтописца Быховца, что жена князя Митька Зубровицкаго была княгиня *Софья Жедывидовна*, племянница Владислава-Ягайлы,

дѣдичка земли Подольской. При этомъ Вольфъ спрашиваетъ: „Не дочь ли она одного изъ Коріатовичей?—На этотъ вопросъ должна отвѣтить соотвѣтствующая запись помянника, разсмотрѣніе которой мы относимъ къ другому мѣсту.

VII. Родъ князей Глинскихъ.

Родоначальникомъ этого рода былъ Мансуръ-Кіятъ, сынъ татарскаго хана Мамая; послѣ Куликовской битвы, въ 1380 г., онъ поселился въ Заднѣпровьи, гдѣ заложилъ Глинскъ, Полтаву (Полдову) и Глинницы (Глещеницу); оставилъ двухъ сыновей: Лекса и Скидыру; послѣдній спустился со стадами лошадей и верблюдовъ въ Перекопъ, Лекса же остался во владѣніяхъ отцовскихъ, вмѣстѣ съ сыномъ Иваномъ, крестился въ Кіевѣ подъ именемъ Александра и отъ Глинска сталъ называться Глинскимъ; присягнулъ на вѣрность вел. князю Витовту, который далъ ему волости: Стайню, Хорозовъ, Серековъ и Гладковичи, а сына его, Ивана, женилъ на княжнѣ Анастасіи Даниловнѣ Острожской. Тому же князю Ивану Глинскому, за участіе въ битвѣ на Ворсклѣ въ 1399 г., вел. князь Витовтъ далъ Хоробръ съ волостями на Заднѣпровьи. Князь Иванъ оставилъ сыновей: Бориса, Федора и Семена, изъ которыхъ первый и послѣдній стали родоначальниками двухъ главныхъ вѣтвей князей Глинскихъ—Литовской и Черкассо-Смоленской [1]).

Въ помянникъ внесенъ:

I. Родъ князя *Василія Мамая Львовича* (стр. 34) Князь Василій Львовичъ, сынъ Льва Борисовича, съ прозвищемъ „Слѣпой“, упоминается въ 1428—1488 г.г.; вел. княземъ Александромъ былъ посланъ въ Орду; дворянинъ королевскій, князь Василій Львовичъ въ 1501 г. — намѣстникъ

[1]) Вольфъ, 77.

василишскій, а въ 1502 г. также подстолій литовскій; въ 1505 г. намѣстникъ и державца слонимскій, въ 1506 г. староста бресткій. Съ титуломъ подстолія и старосты брестскаго упоминается и въ 1507 г. Въ 1508 г. съ братомъ Михаиломъ ушелъ въ Москву, а владѣнія его перешли частью къ Нарбутовичамъ, частью къ Чорторійскимъ. Вдова его съ дѣтьми переѣхала въ Москву въ 1522 г. и упоминается тамъ еще въ 1533 и 1547 г.г. [1]).

1. Князь *Левъ* — отецъ князя Василія, сынъ Бориса Ивановича Глинскаго. О немъ ничего неизвѣстно.

2. Инокиня *Агафья*—дочь князя Семена Ивановича Глинскаго, двоюродная сестра князя Льва, жена Ивана Каленицкаго, принявшая въ иночествѣ имя Гафтелины въ 1500 г.

Далѣе внесены въ запись нетитулованныя имена Ѳедоръ и Андрей. Между князьями Глинскими встрѣчаются: Ѳеодоръ Ивановичъ, Ѳеодоръ Семеновичъ, Ѳеодоръ Львовичъ, жившіе въ XV в. и Ѳеодоръ Ивановичъ, † до 1514 г.

Съ именемъ Андрея извѣстенъ только Андрей Семеновичъ, братъ инокини Агафьи. [2])

VIII. Князья Жеславскіе.

Они именуются такъ отъ Жеславля, древняго Изяславля, въ Минскомъ княжествѣ. Родоначальникомъ князей Жеславскихъ былъ *Іевнутъ Гедиминовичъ*, въ крещеніи *Іоаннъ*.

Въ помянникъ внесенъ родъ князя *Іоанна Жеславскаго* (стр. 33):

1. Княгиня *Ѳетинья*. У князя Іевнута-Іоанна Гедиминовича былъ правнукъ князь Иванъ Юрьевичъ, сынъ Юрія Михайловича Іевнутовича. Князь Иванъ Юрьевичъ въ 1468 г

---

[1]) Вольфъ, 86.

[2]) Ibid., 92.

былъ намѣстникомъ минскимъ, въ 1484 г.—намѣстникомъ витебскимъ, упоминается еще въ 1499 г. Имя жены его неизвѣстно; можетъ быть, подъ именемъ княгини Ѳетиньи разумѣется жена князя Ивана [1]).

IX. Князья Заславскіе.

Отъ Заславля (теперь Изяславля) въ быв. Кременецкомъ повѣтѣ. Князь Юрій Васильевичъ, сынъ князя Василія Феодоровича Острожскаго, былъ родоначальникомъ князей Заславскихъ.

Въ помянникъ внесены:

I. Родъ князя *Іоанна Юрьевича* „съ Москвы". Радзиминскій признаетъ въ этомъ князѣ сына Юрія Васильевича Заславскаго. Однако, онъ не объясняетъ, почему въ записи сказано „съ Москвы" (стр. 97).

1. Князь *Юрій*—отецъ князя Іоанна, † 1500 г.

2. Княгиня *Анна*—жена князя Юрія.

3. Князь *Василій*—сынъ князя Ивана Юрьевича, а можетъ быть и отецъ князя Юрія.

4. Князь *Михаилъ*—можетъ быть дядя князя Василія Острожскаго, † 1399 г.

II. „А се самъ князь *Іоаннъ Юрьевичъ*".

1. Князь *Іоаннъ Юрьевичъ*, † 1516 г.

2. Княгиня его *Евдокія*, по-видимому, первая жена его.

3, 4. Сыновья его князь *Василій* и князь *Іоаннъ*—дѣти, по предположенію Радзиминскаго, отъ первой жены князя Ивана Юрьевича (стр. 97).

X. Родъ князей Кобринскихъ.

Кобринъ на р.р. Мухавцѣ и Кобринцѣ, притокѣ Западнаго Буга, къ востоку отъ Берестья, какъ полагаютъ, при-

[1]) Вольфъ, 587.

надлежитъ къ старымъ пунктамъ славянской колонизаціи въ Ятвяжской землѣ. Впервые Кобринъ упоминается въ послѣдней четверти XIII в.: волынскій князь Владиміръ Васильковичъ, распредѣляя въ 1286 г. свои владѣнія между наслѣдниками, выдѣлилъ женѣ своей, Ольгѣ Романовнѣ, особый удѣлъ, состоявшій изъ городовъ Кобрина и Городла съ нѣсколькими селами. Въ литовскій періодъ первыя документальныя извѣстія о Кобринѣ и Кобринскихъ князьяхъ относятся къ XIV стол. По договору 1366 г., заключенному Ольгердомъ и другими литовскими князьями съ польскимъ королемъ Казиміромъ, Кобринъ считается удѣломъ вел. князя Ольгерда. Послѣ смерти послѣдняго, Кобринъ, какъ кажется, вошелъ въ составъ Бѣльско-Городенскаго княжества и затѣмъ отошелъ къ владѣніямъ Витовта. По грамотѣ Витовта 1404 г., пожалованъ племяннику его („сыновцу"), князю Роману Ѳеодоровичу, во владѣніе Кобринъ и Грушовая, вмѣстѣ съ Несухоѣжами и Милановичами [1]). Вольфъ же полагаетъ, что Кобринъ былъ уже во владѣніи сына Ольгердова, Ѳеодора, отца Романа; пожалованіе же Кобрина этому князю Витовтомъ могло быть лишь утвержденіемъ за нимъ этого владѣнія [2]).

По смерти Романа Ѳеодоровича всѣ его владѣнія перешли къ сыну его Семену. Будучи сторонникомъ Свидригайла, онъ принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ послѣдняго съ королемъ Владиславомъ. По смерти его (ок. 1460 г.) Кобринское княжество становится достояніемъ его семьи, т. е. вдовы, княгини Уліаны, сына Ивана и двухъ дочерей, Маріи и Анны. По выходѣ послѣднихъ замужъ, Кобринъ съ волостями остался во владѣніи князя Ивана Семеновича съ матерью. Со смертью же этого князя (1490 г.)

---

[1]) Леонтовичъ, 61—62.

[2]) Вольфъ, 162.

прекратилось мужское поколѣніе князей Кобринскихъ. На основаніи вѣновныхъ записей князя Ивана Семеновича, данныхъ имъ своей женѣ Ѳеодорѣ на пожизненное владѣніе Кобринскимъ удѣломъ, и подтвержденныхъ вскорѣ вел. княземъ Александромъ, княгиня Ѳеодора (Софья въ католичествѣ) владѣла Кобриномъ на общемъ удѣльномъ положеніи до своей смерти (ок. 1512 г.). Послѣ ея смерти, единственной наслѣдницей земельныхъ богатствъ князей Кобринскихъ осталась сестра послѣдняго князя, княгиня Анна Семеновна, бывшая замужемъ за вторымъ мужемъ, маршалкомъ Костевичемъ. Ей, по праву „близкости“, король Казиміръ выдалъ привиллей на владѣніе отчиной—Кобринскимъ удѣломъ. Со смертью ея, въ 1517 г., окончательно прекратился родъ князей Кобринскихъ; ихъ удѣлъ отошелъ къ короннымъ владѣніямъ литовскимъ. Еще при жизни княгини Анны, король Сигизмундъ I далъ ея мужу, маршалку Костевичу, привиллей на владѣніе Кобринской волостью на случай смерти жены. Маршалокъ Костевичъ, дѣйствительно, вступилъ въ 1519 г. во владѣніе Кобринской волостью, но уже не на правахъ князя, а лишь въ качествѣ старосты. Вскорѣ затѣмъ выданъ былъ королевѣ Бонѣ привиллей о переходѣ Кобринской волости въ ея владѣніе послѣ смерти Костевича. Съ выѣздомъ королевы изъ Литвы въ 1555 г. всѣ ея владѣнія вошли въ составъ коронныхъ волостей [1]).

Въ помянникъ внесенъ:

I. *Родъ князя Іоанна Семеновича Кобринскаго.*

Изъ именъ, внесенныхъ въ эту запись, извѣстны, какъ принадлежащія къ этому роду, слѣдующія лица:

1. Князь *Ѳеодоръ* — сынъ Ольгерда, родоначальникъ князей Кобринскихъ, Гурко и Сангушковичей.

---

[1]) Леонтовичъ: Ист. Литов.-рус. права.

2. Князь *Романъ*—сынъ князя Ѳеодора Ольгердовича, родоначальникъ князей Кобринскихъ, упоминается подъ годами: 1387, 1393, 1394, 1404, 1414 и 1417 [1]).

3. Князь *Ѳеодоръ*—сынъ князя Романа, упоминается подъ 1386 г., какъ подписавшій договоръ вел. князя Юрія Святославича Смоленскаго съ королемъ Владиславомъ Ягеллой. Умеръ, повидимому, раньше отца.

4. Князь *Симеонъ*,—сынъ князя Романа, упоминается подъ годами: 1431 и 1455. † 1460 г. [2]).

5. Князь *Іоаннъ*,—сынъ князя Симеона, упоминается подъ годами: 1473, 1478, 1484, 1487 [3]). Послѣдній изъ рода князей Кобринскихъ.

Между именами этой записи встрѣчаются имена: князь *Михаилъ* и княгиня *Василиса*. Подъ этими именами можно предполагать князя Михаила Симеоновича Городенскаго, Бѣльскаго и Кобринскаго, и супругу его, Вассу. Вольфъ признаетъ княгиню Вассу дочерью князя Андрея Ивановича Ольгимонтовича-Голшанскаго, бывшую замужемъ за княземъ Владиміромъ Ивановичемъ Бѣльскимъ, жившею въ XV в. и умершею въ 1484 г. [4]).

Князя Михаила Семеновича Вольфъ признаетъ за князя Городецкаго, владѣвшаго въ послѣдней четверти XV ст. и позже Городкомъ (ниже Турова), однимъ изъ старыхъ городовъ литовскаго Полѣсья. Леонтовичъ не раздѣляетъ этого мнѣнія. Князь Михаилъ Семеновичъ въ актахъ называется Городенскимъ отъ Городна, бывшаго въ началѣ XVI стол. въ Берестейской землѣ. Границы тянувшихъ къ нему волостей соприкасались съ волостью берестейскаго го-

---

[1]) Arch. kn. Sang. t. I, 139. Бонецкій, 134—35; Вольфъ, 162.

[2]) Бонецкій, 134—35. Вольфъ, 162.

[3]) Ibid.

[4]) Вольфъ, 167.

рода Бѣльска. Въ сѣверо-восточной окрайнѣ Берестейской земли, въ литовскій періодъ, и лежало княжество, въ составъ котораго при Михаилѣ Семеновичѣ входили берестейскіе города: Городно, Бѣльскъ и Кобринъ. Леонтовичъ полагаетъ, что князь Михаилъ Семеновичъ владѣлъ Кобриномъ до князей Ольгердовичей, т. е. въ XIV в. при Ольгердѣ. Къ роду одного изъ князей: Ольгерда, Кейстута или Витовта, и могла принадлежать жена князя Михаила Семеновича, Васса. Король Александръ называетъ княгиню Вассу своею „бабой", т. е. прародительницей, а въ послѣднемъ описаніи фундушей бѣльскихъ церквей она и мужъ ея называются „дѣдичами" Бѣльско-Городенскаго княжества. Въ обоихъ случаяхъ дается указаніе на принадлежность княгини Вассы къ роду мѣстныхъ литовскихъ князей, владѣвшихъ Берестейскою землею, а таковыми въ XIV стол. могли быть лишь Ольгердъ, Кейстутъ и Витовтъ. Княжество Михаила Семеновича, заключавшее въ себѣ Бѣльскъ и Кобринъ (грамота вел. князя Александра, 1517 г.) могло возникнуть именно въ такое время, когда оба эти города принадлежали къ одному владѣнію. Такимъ моментомъ можно считать время, послѣдовавшее за смертью Ольгерда (1377 г.). Кобринъ отошелъ къ удѣлу Кейстута; въ это время Кобринъ вмѣстѣ съ Бѣльскомъ и могъ быть данъ Кейстутомъ княгинѣ Вассѣ (дочери или иной родственницѣ) въ качествѣ вѣна, по случаю брака ея съ княземъ Городенскимъ, Михаиломъ Семеновичемъ. Связь княгини Вассы съ Бѣльскомъ, ея „отчиной", во всякомъ случаѣ ясно подтверждается источниками. Можно, именно, думать, что владѣнія князя Михаила Семеновича и его жены составились изъ двухъ отдѣльныхъ отчинъ: стараго владѣнія мужа и примкнувшаго къ нему владѣнія жены. Князь Михаилъ Семеновичъ во всѣхъ актахъ титулуется прежде всего Городенскимъ, а это даетъ поводъ предполагать, что Городно составляло его „дѣ-

дину", и лишь послѣ брака его съ княгинею Вассой, къ старой его дѣдинѣ примкнули Бѣльскъ и Кобринъ. Въ актѣ 1787 г. (описаніе фундушей бѣльскихъ церквей) князь Михаилъ Семеновичь названъ княземъ *русскимъ*. Русское происхожденіе этого князя можно объяснить лишь тѣмъ, что въ его лицѣ является послѣдній представитель бывшихъ русскихъ князей въ Берестейской землѣ, удержавшей за собой въ XIV стол. небольшой Городенскій удѣлъ. Можно думать, что по смертп князя Михаила Семеновича и его жены, Бѣльскъ отошелъ въ родъ берестейскихъ князей, Кобринъ же въ родъ Ольгерда, и въ началѣ XV стол. сталъ удѣломъ потомковъ одного изъ Ольгердовичей [1]).

Внесеніе имени князя Михаила Семеновича въ помянникъ въ числѣ князей рода Кобринскихъ не объясняется-ли родствомъ княгини Вассы съ родомъ князей Кобринскихъ, какъ Ольгердовичей?

Мы знаемъ уже, что Вольфъ видитъ въ княгинѣ Вассѣ дочь Андрея Ивановича Ольгимонтовича, супругу князя Ивана Владиміровича (Ольгердовича) Бѣльскаго, бывшую во второмъ бракѣ за княземъ М. С. Городецкимъ. Кто правъ: Вольфъ или Леонтовичъ?

Остальныя имена записи могутъ относиться къ родамъ родственницъ.

Князья Кобринскіе, по брачнымъ союзамъ, были въ родствѣ: 1) съ Голшанскими: князь Семенъ Романовичъ былъ женатъ на княжнѣ Юліанѣ Семеновнѣ [2]) Голшанской; 2) съ князьями Острожскими: княжна Марія Семеновна Кобринская была замужемъ за княземъ Иваномъ Васильевичемъ Краснымъ (была его 2-ою женою), отцомъ князя К. И. Острожскаго. 3. Съ князьями Бѣльскими: княжна Анна Семеновна

[1]) Леонтовичъ.

[2]) Бонецкій, 134—135; Вольфъ, 162.

была замужемъ за княземъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ Бѣльскимъ, бѣжавшимъ въ Москву въ 1482 г. 4. Князь Иванъ Семеновичъ Кобринскій былъ женатъ на внучкѣ князя Андрея Владиміровича Ольгердовича, Ѳеодорѣ Рогоминской [1]). Кромѣ того, князья Кобринскіе были въ кровномъ родствѣ съ Сангушковичами. Такимъ образомъ, въ запись рода князей Кобринскихъ могли быть внесены имена изъ рода князей Голшанскихъ, Острожскихъ, Бѣльскихъ, Ольгердовичей и Сангушковичей.

1. Князь *Александръ*—можетъ быть Сомкгушковичъ, родной племянникъ князя Романа Кобринскаго, можетъ быть также княземъ Голшанскимъ, братомъ Юліаны Семеновны Кобринской.

2. 3. Князья *Іоаннъ* и *Ѳедоръ*—могутъ быть князьями Бѣльскими: 1-й—родоначальникъ князей Бѣльскихъ, сынъ Владиміра Ольгердовича, 2-й—сынъ его, женатый на княжнѣ Аннѣ Семеновнѣ Кобринской.

4. Князь *Андрей*—можетъ быть Андреемъ Владиміровичемъ Ольгердовичемъ, дѣдомъ жены князя Ивана Семеновича Кобринскаго.

5. Князь *Глѣбъ*—можетъ быть сынъ князя Андрея Владиміровича.

6. Имя *Юрій* упоминается въ записи три раза: всѣ три могутъ быть князьями Голшанскими: Юрій Семеновичъ, Юрій Юрьевичъ и Юрій Ивановичъ Дубровицкій.

7. Князь *Андрей*, трижды упоминается; подъ этимъ именемъ могутъ быть еще: князь Голшанскій Андрей Ивановичъ, и князь Сангушковичъ Андрей Александровичъ.

8. Князь *Дмитрій*—можетъ быть Ольгердъ, дѣдъ князя Романа Кобринскаго. Въ родѣ князей Бѣльскихъ есть

---

[1]) Бонецкій, 134, 135. Вольфъ, 62.

также это имя: сынъ Ѳеодора Ивановича и княгини Анны Кобринской.

9. Князь *Семенъ* упоминается дважды: можетъ быть князь Семенъ Ивановичъ Голшанскій, отецъ княжны Юліаны Семеновны Кобринской, и князь Семенъ Юрьевичъ Голшанскій, женатый на княжнѣ Наталіи Несвижской, племянникъ княжны Юліанъ Семеновичъ.

10. Князь *Іоаннъ*, дважды упоминаемый—можетъ быть князь Иванъ Юрьевичъ Голшанскій - Дубровицкій, или князь Иванъ Васильевичъ Красный (Острожскій), женатый на княжнѣ Маріи Семеновнѣ Кобринской.

11, 12, 13. Князья: *Даніилъ*, дважды упоминаемый, и *Глѣбъ*—могутъ быть князья Острожскіе.

Изъ женскихъ именъ извѣстны: 1. княгиня Василиса, княжна Голшанская, замужемъ за княземъ Иваномъ Бѣльскимъ.

2. *Овдотья*,—можетъ быть дочь князя Андрея Владиміровича, мать жены князя Ивана Семен. Кобринскаго.

3, Княгиня *Аѳанасія*—нельзя-ли предположить подъ этимъ именемъ неизвѣстную супругу князя Романа?

4. Княгиня *Настасія*—это имя встрѣчается въ родѣ Голшанскихъ.

5. Княгиня *Евпраксія*—можетъ быть дочь Ольгерда.

XI. Князья Козловскіе.

Г. Козловъ, нынѣшней Томбовской губ., былъ въ XIV и XV вв. столицею княжества, управляемаго удѣльными князьями, признававшими верховную власть Литвы. Князь Василій Ѳеодоровичъ, сынъ князя Ѳеодора Константиновича Фоминско-Березуйскаго, изъ рода князей Смоленскихъ, былъ первымъ удѣльнымъ княземъ Козловскимъ.

Въ Литвѣ извѣстенъ князь *Іоаннъ Козловскій,* упоминаемый подъ 1494 и 1506 гг. Въ 1508 г. вмѣстѣ съ Глинскимъ ушелъ въ Москву. Повидимому, его то родъ и внесенъ въ нашъ помянникъ.

I. Родъ князя *Іоанна Козловскаго* (ст. 12).

1. Князь *Іоаннъ* (
2. Княгиня *Улита* (вѣроятно, супруги.

3, 4. Князь *Іоаннъ* и княгиня *Христина*—можетъ быть родители ихъ.

5. Князь *Андрей*—неизвѣстенъ.

6. 7. Князь *Василій* и княгиня *Софья*—можетъ быть, дѣдъ и бабка князя Іоанна. Князь Василій, вѣроятно, и есть князь Василій Ѳеодоровичъ, о которомъ говорится выше.

XII. Князья Крошинскіе.

Ихъ фамилія идетъ отъ Крошина, въ повѣтѣ Новогродскомъ. Происхожденіе этого рода неизвѣстно. Кояловичъ производитъ ихъ отъ Вигунта Кейстутовича, сынъ котораго, Григорій, имѣлъ на сѣверѣ мѣсто и замокъ Крошинъ, отъ котораго и произошло названіе князей Крошинскихъ. Между тѣмъ Крошинъ, отъ котораго, вѣроятно, и произошло названіе князей, и которымъ во второй половинѣ XV в. они уже не владѣли, находился какъ мы сказали въ повѣтѣ Новогродскомъ, князей же Крошинскихъ въ XV в. встрѣчаемъ осѣдлыми въ Смоленщинѣ. Русскія родословныя такихъ князей не знаютъ, поэтому приходится признать за ними происхожденіе литовское. Вѣроятно, эти князья первоначально владѣли Крошиномъ, который былъ ихъ удѣломъ, впослѣдствіи же, во время преслѣдованія князей при вел. князѣ Сигизмундѣ (1432—1440), они потеряли свой удѣлъ, который перешелъ

на „господаря“, вслѣдствіе чего вел. князь Александръ дворъ свой Крошинъ могъ отдать въ 1499 г. князю Дмитрію Путятичу, воеводѣ кіевскому. Вѣроятно, король Казиміръ, за утрату кн. Крошинскими волостей на Литвѣ, надѣлилъ ихъ землями въ Смоленщинѣ.

Въ 1482 г. вел. князь Московскій безъ войны захватилъ земли, принадлежавшія къ древнимъ княжествамъ Смоленскому и Черниговскому и составлявшія удѣлы князей, признававшихъ власть Литвы, какъ то: Мезецкихъ, Одоевскихъ, Мосальскихъ, Воротынскихъ; въ томъ числѣ захватилъ и владѣнія князей Крошинскихъ; Вслѣдствіе чего, посольство короля Казиміра къ вел. князю Ивану Васильевичу, въ 1487 г., доносило, что подданные короля, князья Крошинскіе: Филиппъ, Константинъ и ихъ братья, жалуются, что великій князь Иванъ Васильевичъ захватилъ ихъ волости: Течиново, Сукромно, Ольховецъ, Надславль и Отвеждецъ, и отдалъ отъ себя Василію Долматову. Подъ конецъ правленія короля Казиміра IV, въ спискѣ князей и бояръ смоленскихъ, упоминаются князь Филиппъ Крошинскій и сынъ его Ивашко, братъ его, Заня, и третій братъ его Ивашко. Въ спискѣ жертвователей на монастырь св. Троицы въ Вильнѣ внесены князья Крошинскіе: князь Романъ и другіе. Въ помянникѣ Супрасльскаго монастыря внесенъ родъ князя Константина Крошинскаго: князь Романъ, князь Іоаннъ, князь Ѳеодоръ, князь Константинъ и др. Изъ этихъ же записей можно заключить, что родоначальникомъ этихъ князей былъ Романъ [1]).

Въ помянникъ Кіево-Печерской Лавры внесены (39—40).

1. *Родъ князя Константина Крошинскаго,* казначея Смоленскаго, мати его и сынъ его.

---

[1]) Вольфъ, 186.

I. Подъ именами: княгини *Ефросиньи* и 2. князя *Θеодосія* въ родословныхъ Вольфа и Бонецкаго ихъ нѣтъ; но очевидно, здѣсь разумѣются мать и сынъ князя Константина.

II. *Родъ князя Константина Крошинскаго зъ Смоленска.*

1. Князь *Романъ* -- вѣроятно, родоначальникъ этого дома.

2. Князь *Іоаннъ*—сынъ его, подписался „князь *Иванъ Романовичъ*“ въ актахъ 1446, 1450 г.г.

3. Княгиня инокиня *Евпраксія*,—вѣроятно [1]), жена князя Іоанна.

4. Князь *Федоръ*—сынъ предыдущихъ.

5. Князь *Константинъ*—сынъ князя Федора. Казначей смоленскій въ 1482 г. Въ этой должности упоминается еще въ 1503 и 1506 гг.; въ послѣднемъ году онъ сложилъ съ себя эту должность и перешелъ въ Литву, гдѣ въ 1509 г. получилъ подтвержденіе на владѣніе Дубномъ; умеръ въ 1513 г. [2]).

6. Княгиня *Анна*—жена князя Константина, дочь Ивана Кошки. Въ 1524 г. княгиня Анна получила подтвержденіе на владѣніе Дубномъ. Упоминается еще подъ 1531 г. [3]).

7. Князь *Василій*; подъ этимъ именемъ въ родѣ Крошинскихъ извѣстенъ князь Василій Ивановичъ, сынъ Ивана Филипповича, племянника князя Константина, умеръ около 1539 г. (Филиппъ, повидимому, былъ братъ Константина [4]).

III. *Родъ князей Крошинскихъ.*

1. Князь *Иванъ*—князь Иванъ Романовичъ, дѣдъ князя Константина.

2. Княгиня *Евпраксія*—жена его.

---

[1]) Вольфъ, 187.

[2]) Вольфъ, 187.

[3]) Вольфъ, 188.

[4]) Вольфъ, 187.

3. Князь *Ѳеодоръ*—сынъ князя Ивана.

4. Княгиня *Оксинья*. Не былъ ли женатъ Ѳедоръ дважды и не имя ли это его жены?

5. Княгиня инокиня *Ефросинья*—жена князя Ѳедора и мать Константина.

6. Князь *Ѳеодосій*—сынъ Константина.

7. Князь *Филиппъ*—братъ Константина.

8. Инокъ *Филаретъ*—можетъ быть другой братъ Константина.

9. Князь *Константинъ*—казначей Смоленскій.

10. 11. Князья *Дмитрій* и *Дмитрій*—не сыновья ли они Константина и Филиппа?

11. Князь *Иванъ*—сынъ Филиппа, королевскій дворянинъ въ 1512 г., умеръ около 1527 года.

IV. Въ помянникѣ Кіево-Печерской Лавры, въ который вписаны имена для поминовенія „на всякъ день", въ числѣ многихъ князей вписаны: „князь Федоръ, княгиня Анна, князь Константинъ",—противъ нихъ на поляхъ написано: „Крошинскій" (стр. 87).

Всѣ эти имена уже намъ извѣстны.

XIII. Князья Мезецкіе.

Ихъ фамилія отъ м. Мезецка въ Калужской губ.

Князь *Дмитрій Всеволодовичъ*, по прозванію „Шутиха", изъ рода князей черниговскихъ, въ 1440 г. получилъ отъ вел. князя Казиміра привилеи на разныя владѣнія и подтвержденіе на владѣніе отчиною, Мещескимъ и Колковичемъ. Такъ какъ кн. Димитрій умеръ бездѣтнымъ, то владѣнія его достались сыновьямъ брата его, князя Андрея Всеволодовича, которые назывались князьями Мезецкими. Изъ нихъ долѣе всѣхъ жилъ князь *Иванъ Андреевичъ*, † послѣ 1490 г. [1]).

[1]) Вольфъ, 258.

Въ помянникъ внесенъ (31):

1. *Родъ князя Іоанна Андреевича Шутишинъ Мезецького.*

Князь инокъ *Іона*—можетъ быть самъ князь Іоаннъ.

XIV. Князья Можайскіе.

Въ концѣ XIII в. Можайскъ былъ удѣльнымъ городомъ Смоленскаго княжества, принадлежалъ Ѳедору Ростиславичу, изъ рода Смоленскихъ князей (младшій сынъ Ростислава Мстиславича, † 1240 г.), который и считается первымъ удѣльнымъ княземъ Можайскимъ. Въ 1303 г. Можайскій удѣлъ былъ захваченъ московскимъ княземъ Юріемъ Даниловичемъ. Дмитрій Даниловичъ назначилъ Можайскъ въ удѣлъ *Андрею,* съ котораго и начинается рядъ болѣе или менѣе независимыхъ удѣльныхъ князей Можайскихъ. Послѣ смерти Андрея (1432 г.) княжилъ *Иванъ Андреевичъ;* послѣ его бѣгства въ Литву Можайскъ сдѣлался пригородомъ московскимъ, управлялся намѣстниками (1454—1462 г.). Въ 1462 г. онъ достался въ удѣлъ *Юрію Васильевичу,* по смерти котораго опять сталъ московскимъ пригородомъ (1443—81). Послѣднимъ княземъ Можайскимъ былъ *Андрей Ушицкій* (1481—91) [1]).

Въ помянникъ внесенъ:

I. *Родъ князя Василія Семеновича Можайскаго.*

Князь *Василій Семеновичъ* [2]), сынъ князя Семена Ивановича (брата Андрея Ивановича), правнукъ князя Андрея Дмитріевича (1382 — 1432), назывался то княземъ *Стародубскимъ* (такъ называлъ его вел. князь Мо-

---

[1]) Энцикл. словарь Брокгауза.

[2]) Вольфъ, 262.

сковскій), то *Можайскимъ* (такъ называлъ его король Сигизмундъ).

Князь Василій Семеновичъ упоминается въ дипломатической перепискѣ между дворами московскимъ и литовскимъ, съ 1510 по 1511 г., какъ „панъ на Стародубѣ, Гомелѣ и Черниговѣ". Онъ умеръ въ 1519 г. безъ потомства.

Въ помянникъ внесены:

1. Князь *Семенъ*—очевидно отецъ князя Василія Семеновича, упоминается въ 1483, 1488, 1886, 1493—96 г.г., а какъ князя Стародубскій, съ 1500 г.; въ войнахъ съ Литвой въ 1500—1504 гг. былъ на сторонѣ Москвы. Умеръ около 1505 г. Удѣлъ его перешелъ къ сыну его Василію.

2. Князь *Семенъ*—неизвѣстенъ.

3. Княгиня *Софья*—двоюродная сестра князя Василія Семеновича, † 1549 г. Если же предположить, что запись сдѣлана при жизни князя Василія, † 1519 г., то придется предположить, что подъ именемъ Софіи скрывается жена князя Василія, умершая, какъ кажется, раньше его.

4. Княгиня *Марья*—жена князя Верейскаго, Василія Михайловича, дяди князя Василія Семеновича,—рожд. Палеологъ, † 1503 [1]).

XV. Князья Мстиславскіе Лугвеньевичи.

Родоначальникомъ этого рода былъ князь *Семенъ-Лугвень* Ольгердовичъ.

Въ помянникъ внесенъ (35):

I. *Родъ княгини Уліяны*, князя *Іоанна Юрьевича Лугвеніевичъ.*

---

[1]) Вольфъ, 263.

1. Князь *Ольгердъ*.

2. Князь *Семенъ-Лугвень*—въ 1389 г. былъ намѣстникомъ въ Новгородѣ Великомъ, въ 1392 г. возвратился въ Литву, гдѣ скоро получилъ въ удѣлъ княжество Мстиславское; въ 1394 г. женился на Маріи, дочери великаго князя Московскаго Василія Дмитріевича. Въ 1407 г. возвратился въ Новгородъ, гдѣ оставался до 1412 г.; въ 1431 г., подписалъ перемиріе между вел. княземъ Свидригайломъ и Крестоносцами.

3. Князь *Іоаннъ*—внукъ его, сынъ князя Юрія Семеновича, умеръ до 1495 г.

4. Князь *Діонисій инокъ*—неизвѣстенъ.

5. Княгиня *Уліяна* — жена князя Ивана Юрьевича, умершая ранѣе мужа.

XVI. **Князь Великій Іоаннъ Васильевичъ Московскій** вписалъ родъ свой (Иванъ III, 1462—1505 г.).

1. Князь *Василій*—отецъ великаго князя Іоанна.

2. Великая княгиня инокиня *Марѳа*—супруга его.

3. Великая княгиня *Марія*—первая супруга великаго князя Іоанна Васильевича.

4. Великій князь *Іоаннъ*—сынъ великаго князя Іоанна Васильевича, † 1496 г.

Запись внесена между 1503 и 1505 г., такъ какъ въ нее не внесено имени Софіи, второй супруги великаго князя, умершей между этими годами, самъ же великій князь умеръ въ 1505 г.

XVII. **Родъ князей Никитиничей.**

Родоначальникомъ этого рода былъ князь *Матѳей Никитиничъ*, прибывшій или вмѣстѣ съ великой княгиней

Еленой изъ Москвы въ Вильну, или вскорѣ послѣ нея. Потомки его назывались *Никитиничи* (Микитиничи), а со второй половины XVI в. отъ владѣнія Головчинымъ стали называться *Головчинскими*. Геральдики литовскіе этихъ князей не упоминаютъ. Нѣсецкій производитъ ихъ отъ князей *Сьверскихъ*, изъ которыхъ князь *Иванъ Ѳеодоровичъ* былъ родоначальникомъ князей *Ряполовскихъ* и *Головщинскихъ*. Бартошевичъ производитъ ихъ отъ русскаго княжескаго дома *Ряполовскихъ*, изъ которыхъ князь Семенъ Ивановичъ Ряполовскій въ 1495 г. провожалъ великую княгиню Елену въ Литву. Однако родословныя князей Ряполовскихъ не упоминаютъ князя Матѳея Никитича. Хотя привиллеи, выданные королемъ Александромъ этому князю, употребляютъ выраженіе, что онъ прибылъ съ королевой Еленой, тѣмъ не менѣе въ спискѣ князей и бояръ, сопровождавшихъ королеву Елену въ Литву, нѣтъ его имени, нѣтъ его и въ числѣ тѣхъ, которые прибыли позднѣе.

Въ концѣ своей книги, въ дополненіи, Вольфъ сообщаетъ, что во второй половинѣ XV стол. появляется въ Москвѣ въ родѣ князей *Ржевскихъ*, потомковъ князей Смоленскихъ: Матѳей Михайловичъ и сыновья его, Матѳей и Никита. Матѳей Михайловичъ Ржевскій провожалъ въ 1495 г. великую княгиню Елену въ Литву.

Есть еще одно предположеніе, принадлежащее князю Михаилу Сергѣевичу Путятину, обязательно мнѣ сообщенное княземъ: „Внукъ князя Ивана Путяты (Друцкого), сынъ князя Ивана Ивановича, городничаго и ключника луцкаго, старосты перемышльскаго, князь *Никита Ивановичъ Путятинъ* показанъ во всѣхъ дошедшихъ до насъ родословныхъ и росписяхъ, и въ родословномъ сборникѣ Руммеля противъ его имени сказано: „выѣхалъ въ Россію“, т. е. другими словами, изъ подданства в. к. Литовскаго перешелъ въ подданство государства Московскаго. Никита Ива-

новичъ попалъ въ Москву мальчикомъ или совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, то очень понятно, что онъ, какъ бы, пропалъ безъ вѣсти для литовско-польскихъ хроникеровъ, но изъ этого вовсе не происходитъ, чтобы у князя Ивана Ивановича Путятича не было сына Никиты, какъ это предполагаетъ Вольфъ. Во всякомъ случаѣ, сыновья этого князя Никиты: князь *Петръ* и князь *Давыдъ* Никитичи были взяты въ плѣнъ литовцами подъ Оршею 8 сентября 1514 г. Слѣдовательно, и они оба были уже не литовскіе, а московскіе подданные, и ни они, ни ихъ братъ князь *Матѳей Никитичъ*, по вышеприведеннымъ соображеніямъ, да еще во время непрестанныхъ войнъ съ Литвою, „Друцкими" въ Москвѣ не писались. Понятно, что князь Матѳей Никитичъ уже наслѣдственно отвыкшій въ Москвѣ отъ родового своего имени *князя Друцкого*, послѣдовавъ за вел. кн. Еленой Ивановной въ Вильну и оказавшійся на Литвѣ „внѣзятмъ изъ Москвы русскимъ княземъ", не могъ тамъ начать снова писаться „Друцкимъ", а въ отличіе отъ туземныхъ литовскихъ князей Путятичей Друцкихъ — его же родственниковъ—назывался просто княземъ *Матвѣемъ Никитичемъ*, безъ всякаго прозвища. Дѣти его продолжали именоваться: Матвѣевыми Микитиновичами, пока не получили въ удѣлъ Головчину, и тогда стали именоваться Головчинскими „na Hołowczynie Hołowczyński".

Гипотеза князя М. С. Путятина весьма заманчива.

Перейдемъ однако теперь къ помянику К. П. Л.

Въ помянникъ внесенъ (54):

1. Родъ князя *Матѳея Микитинича.*

На Литвѣ князь Матѳей Микитиничъ управлялъ имѣніями королевы Елены, которая въ 1501 г. получила привилеи на Княжичи, Тетеринъ и др., и въ 1503 г. на Могилевъ и Бирштаны, а также и на Оникшты.

Князь Матѳей Микитиничъ, въ 1502 г. намѣстникъ Княжицкій и Петеринскій, получилъ для себя, жены и дѣтей отъ короля Александра, привилеи на дворъ Струно съ дворомъ Стоятшискимъ въ повѣтѣ Виленскомъ; тогда же князь Матѳей Микитиничъ, „который пріѣхалъ съ королевой Еленой“, получилъ другія привилеи. Въ 1507 г. намѣстникъ Могилевскій и Бирштанскій, въ 1509 г. намѣстникъ Могилевскій и Оникштынскій, въ 1513 г., послѣ смерти королевы Елены, остался намѣстникомъ Бирштанскимъ. Въ 1536 г. кн. Матѳей записалъ на Виленскій монастырь св. Тройцы фольваркъ Свинтыники съ селами: Курнелики и Севеляны въ Ковенскомъ повѣтѣ. Въ 1539 г., чувствуя приближенія смерти, написалъ завѣщаніе, въ которомъ выразилъ желаніе быть погребеннымъ въ церкви монастыря св. Троицы въ Вильнѣ. Онъ былъ женатъ три раза[1]).

Тотъ же князь М. С. Путятинъ говоритъ: „Въ помянникѣ князя Матвѣя Никитича мнѣ совершенно ясно представляются имена:

1. Дѣда его, князя Ивана Ивановича, 2. старшихъ братьевъ его: Федора и Петра Никитичей, изъ коихъ Петръ, вѣроятно, и умеръ въ плѣну, 3. княгини Фетиньи, которая повторяется въ помянникахъ, и 4. князей Микитиновичей и князя Дмитрія Ивановича Путятича, воеводы Кіевскаго“.

Но рядъ именъ: князя Ѳеодора, князя Дмитрія, князя Ѳеодора, князя Ивана, князя Микиты — даетъ нѣкоторое основаніе для предположенія, что эти имена нужно искать въ родословной князей Сѣверскихъ: тутъ князь Никита оказывается сыномъ князя Ивана Ѳеодоровича, того самого, котораго Нѣсецкій признаетъ родоначальникомъ Ряполовскихъ и Головчинскихъ; Князь Дмитрій—прадѣдъ князя Никиты, а первый князь Ѳеодоръ—отецъ князя Дмитрія.

---

[1]) Вольфъ, 116—117.

Далѣе идутъ имена женскія: княгиня *Евдокія*, инокиня княгиня *Ефросинья*, княгиня *Наталія;* далѣе князь *Іовъ*, княгиня *Настасія*, княгиня *Меланья,* князь *Василій*, князья *Михаилъ* и *Петръ*.

Всѣ эти имена ничего намъ не говорятъ. Приходится генеологамъ рѣшать между Никитой Путятинымъ и Никитой Ряполовскимъ-Сѣверскимъ.

XVIII. Князья Олельковичи-Кіевскіе.

Княземъ Кіевскимъ съ 1386 по 1395 г. былъ князь Владиміръ Ольгердовичъ; съ 1395 по 1396 г.—князь Скиргайло-Иванъ Ольгердовичъ; затѣмъ, Витовтъ назначилъ намѣстникомъ Кіева князя Ивана Ольгимонтовича Голшанскаго въ 1401 г. Князь Михаилъ Ивановичъ Ольгимонтовичъ былъ намѣстникомъ въ Кіевѣ съ 1422 по 1433 г. Казиміръ, сдѣлавшись вел. княземъ литовскимъ, въ 1440 г. возвратилъ Кіевъ сыну Владиміра Ольгердовича, *Александру-Олельку*, который съ 1441 г. по 1454 г. былъ княземъ Кіевскимъ; послѣ него былъ княземъ сынъ его, князь *Семенъ,* съ 1455 по 1470 г., послѣ смерти котораго Кіевское княжество обращено въ воеводство [1]).

Въ помянникъ внесенъ (24):

I. Родъ князя *Семена Александровича* Кіевскаго и княгини его *Маріи.*

1. Князь *Александръ*—сынъ Владиміра Ольгердовича † 1457.

2. Князь *Андрей*—другой сынъ Владиміра Ольгердовича † 1455 или 1456.

3. Князь *Илія*—неизвѣстенъ.

---

[1]) Вольфъ, 161,

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

Книга двадцать четвертая.

КІЕВЪ 1914 г.

Р. ПАВЛУЦКІЙ.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

Книга двадцать четвертая.

Выпускъ II.

Издана подъ редакціею

Ю. А. Кулаковскаго и А. М. Лободы.

КІЕВЪ.
Типографія М. Т. Мейнандера, Пушкинская ул., № 20.
1914.

Печатано по постановленію Совѣта Историч. Общества Нестора-лѣтописца.
Предсѣдатель Общества *Ю. Кулаковскій.*

1812 годъ въ его дѣятеляхъ.

(Окончаніе).

III

Бородино-Москва.

Хотя назначеніе Кутузова было результатомъ всеобщаго недовольства на Барклая за его непрерывное отступленіе, но въ сущности планъ Кутузова былъ тотъ же, что и его. Онъ былъ убѣжденъ, что задача его заключается въ томъ, чтобы изнурить непріятеля уклоненіемъ отъ рѣшительнаго сраженія до тѣхъ поръ, пока силы русскихъ не получатъ надъ нимъ перевѣса. Въ то же время однако онъ чувствовалъ, что военному пылу, накопившемуся въ арміи надо дать прорваться и что нельзя уйти за Москву, не давъ сраженія Французамъ, и онъ далъ Бородинское сраженіе. Послѣднее стало какъ бы искупительной жертвой за оставленіе Москвы. Ужасна и страшна была эта жертва, но она имѣла огромное нравственное значеніе для обѣихъ сторонъ.

Къ 26 августа обѣ арміи приготовились къ бою около Бородина. Съ русской стороны 120 т. человѣкъ, если считать 10 т. ратниковъ, съ французской 130 тысячъ. Рано утромъ, въ

шестомъ часу, среди полной тишины, подъ веселыми лучами взошедшаго солнца раздался глухой пушечный выстрѣлъ, и снова все смолкло. Минутъ черезъ десять раздался второй, потомъ третій и началась безпрерывная кононада; трескотня изъ 250 тысячъ ружей сливалась въ теченіе десяти часовъ съ грохотомъ 1200 пушекъ, прерываясь только на тѣ моменты, когда шелъ еще болѣе страшный рукопашный бой, въ которомъ обѣ стороны оказались достойными другъ друга противниками. Обѣ стороны въ этомъ отчаянномъ напряженіи воли и чувства истощили свои силы.

Всѣ усилія французовъ сбить русскихъ съ позиціи разбивались о небывалую стойкость послѣднихъ. Были мѣста, гдѣ трупы лежали въ восемъ ярусовъ, такъ что слова Лермонтова о томъ, что „ядрамъ пролетать мѣшала гора кровавыхъ тѣлъ“ не поэтическая вольность, а горькая правда. Въ другихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, на батареѣ Раевскаго, солдаты лежали рядами такъ, какъ они стояли въ строю. Въ результатѣ этой безпримѣрной рѣзни было овладѣніе французами батареей Раевскаго и флешами Багратіона, и только. Русскіе подались назадъ, но тамъ они сохранили порядокъ и, казалось, готовы были продолжать бой. Много говорили о томъ, что еще нѣсколько усилій стоило сдѣлать французамъ, и они разбили бы русскихъ. Но они не могли сдѣлать этого усилія, потому что они истощили свои нравственныя силы и были подавлены небывалымъ зрѣлищемъ. Предъ ними былъ непріятель, который потерялъ *половину* своего состава и—только подался назадъ, но продолжалъ стоять. Это было нѣчто не виданное ими и производило, по словамъ Л. Н. Толстого, страшное впечатлѣніе. Оно было похоже на ощущеніе кошмара: человѣкъ старается поразить призрачнаго врага, ударъ проходитъ сквозь него, и рука въ безсиліи опускается, и ужасъ овладѣваетъ человѣкомъ. Въ теченіе десяти часовъ французы

дѣлали сверхчеловѣческія усилія, чтобы справиться съ этимъ невиданнымъ упорствомъ и обезсилѣли въ этой борьбѣ. Бородино нанесло французской арміи такую рану, отъ которой она уже не могла оправиться. Къ этому нравственному удару присоединился и матерьяльный: она потеряла изъ своихъ 130 тысячъ свыше 50 т. человѣкъ и въ томъ числѣ 43 генерала. Глядя на это сраженіе, Наполеонъ не понималъ сначала, какъ это его маршалы съ такими большими силами не могутъ одолѣть противника и то и дѣло просятъ подкрѣпленій. Но на другой день послѣ боя, когда онъ объѣзжалъ поле сраженія и видѣлъ его результаты, онъ понялъ все и содрогнулся при видѣ этого зрѣлища. Не разъ глаза его наполнялись слезами, и особенной заботливостью о русскихъ раненыхъ онъ какъ бы старался выказать дань уваженія къ стойкому противнику [1]). Впослѣдствіи Наполеонъ въ своихъ мемуарахъ такъ отозвался о Бородинскомъ сраженіи: „Изъ всѣхъ моихъ сраженій самое ужасное то, которое я далъ подъ Москвою. Французы въ немъ показали себя достойными одержать побѣду, а русскіе стяжали право быть непобѣдимыми. Изъ пятидесяти сраженій, мною данныхъ, въ битвѣ подъ Москвою выказано (французами) наиболѣе доблести и одержанъ наименьшій успѣхъ“. Одинъ изъ русскихъ современниковъ, участникъ этого сраженія генералъ Ермоловъ, оцѣнивая результатъ Бородинскаго боя, сказалъ, что французская армія расшиблась объ русскую.

---

[1]) „Французы въ Россіи“. Изд. Историч. Коммиссіи О. Р. Т. 3. т. II, стр. 160 и 162. Одинъ изъ очевидцевъ французовъ говоритъ: „Я замѣтилъ среди этого безпорядка (на редутѣ Раевскаго) трупъ русскаго артиллериста, у котораго было три ордена въ петлицѣ: казалось, что храбрецъ еще дышетъ; въ одной рукѣ онъ держалъ обломокъ сабли, а другою крѣпко обнималъ пушку, которой такъ хорошо служилъ“. Ibid. стр. 132.

Но и русская армія потерпѣла потери еще большія, чѣмъ французская. Она потеряла 57—58 т. человѣкъ и 21 генерала, среди которыхъ палъ и славный Багратіонъ. Онъ былъ смертельно раненъ и скончался 12 сентября въ селѣ Зимѣ Владимірской губ. Вся тяжесть потерь легла на вторую армію, бывшую подъ его начальствомъ и стоявшую на лѣвомъ флангѣ. Въ 54 батальонахъ ея осталось только 8—10 т. человѣкъ; въ гренадерской дивизіи Воронцова осталось только 300 человѣкъ, Астраханскій кирасирскій полкъ сохранилъ только 95 человѣкъ. Когда при Воронцовѣ сказали, что его дивизія разбита, онъ воскликнулъ: не разбита, а уничтожена. Эти потери выяснились только поздно вечеромъ. Въ серединѣ дня казалось, что на утро еще можно продолжать бой. Такъ думалъ и Кутузовъ.

Также какъ и Наполеонъ, Кутузовъ въ теченіе всего боя находился на одномъ мѣстѣ, у дер. Горокъ, откуда ему удобно было наблюдать бой. Онъ руководилъ имъ искусно и пользовался всякимъ случаемъ, чтобы поддержать духъ войска. Когда выяснилось, что Наполеонъ направляетъ на центръ и лѣвый флангъ всю силу удара, Кутузовъ передвинулъ на лѣвый флангъ часть войскъ съ праваго фланга, а чтобы задержать непріятеля въ его дѣйствіяхъ противъ центра, онъ сдѣлалъ ложную атаку противъ непріятельскаго лѣваго фланга, и тѣмъ заставилъ его потерять два часа времени, пока выяснилось истинное значеніе сдѣланной диверсіи. Въ концѣ боя у Кутузова сложилось убѣжденіе, что онъ не потерпѣлъ пораженія. Въ запискѣ, написанной наскоро и посланной Барклаю, онъ говорилъ: изъ всѣхъ непріятельскихъ движеній вижу, что онъ не менѣе насъ ослабѣлъ въ сіе сраженіе и потому, завязавши уже дѣло съ нимъ, рѣшилъ я сегодняшнюю ночь устроить свое войско въ порядокъ, снабдить артиллерію снарядами и завтра возобновить сраженіе съ непріятелемъ. Ибо всякое отступле-

при теперешнемъ безпорядкѣ повлечетъ за собою потерю всей артиллеріи. Платову былъ данъ приказъ преслѣдовать непріятеля. Но потомъ, когда громадность потерь арміи была выяснена, Кутузовъ увидѣлъ всю рискованность, если не безнадежность, возобновленія боя и рѣшилъ отступить на шесть верстъ, и приказъ Платову былъ, естественно, отмѣненъ. Французы тоже не остались на занятыхъ редутахъ и вечеромъ отступили за Колочу, къ Шевардинскому редуту.

Въ своемъ донесеніи Царю Кутузовъ правильно изобразилъ исходъ сраженія, за исключеніемъ того, что будто бы „непріятель нигдѣ не выигралъ ни на шагъ земли". Это было невѣрно, ибо до поздней ночи редутъ Раевскаго и Семеновскія укрѣпленія были занимаемы непріятелемъ. Кутузовъ писалъ Государю, что его армія разстроена, что она не могла удержаться на бородинской позиціи и отступила за шесть верстъ, т. е. за Можайскъ, что патроны и снаряды израсходованы почти полностью. Эти данныя не давали никакого основанія говорить объ одержанной побѣдѣ; но въ томъ текстѣ донесенія, который былъ опубликованъ и прочитанъ въ церквахъ, всѣ эти неблагопріятныя свѣдѣнія были устранены и была прибавлена фраза: „наша армія ночевала на полѣ сраженія". Эта поддѣлка подлиннаго донесенія была дѣломъ рукъ Аракчеева.

Современники, близко стоявшіе къ дѣлу, какъ, напримѣръ, Ермоловъ, были удивлены, когда въ опубликованномъ донесеніи Кутузова увидѣли побѣдное ликованіе. Ермоловъ въ своихъ запискахъ признавалъ, что непріятель „одержалъ побѣду, не соотвѣтствующую его ожиданіямъ", и удивлялся, что Государю представили донесеніе о совершенной побѣдѣ. Кромѣ того, распространилась вѣсть еще до публикаціи донесенія объ одержанной побѣдѣ. Генералъ Михневичъ объясняетъ появленіе такой легенды тѣмъ, что, по всей вѣроятности, записка Кутузова Барклаю стала извѣстна, а также и приказъ Платову о преслѣдованіи. Очень можетъ быть,

что въ первоначальный текстъ донесенія было включено и упоминаніе объ этомъ обстоятельствѣ. Сынъ Ростопчина, служившій адъютантомъ у Барклая, могъ видѣть приказъ Платову и сообщилъ о побѣдѣ своему отцу. Послѣдній потомъ удивлялся и писалъ: „Я не понимаю этой побѣды, если наши арміи отступили къ Можайску". И Александръ I въ письмѣ къ Екатеринѣ Павловнѣ говорить, что онъ въ случаѣ пребыванія въ Москвѣ, не могъ бы воспрепятствовать ея сдачѣ, „разъ пренебрегли возможностью воспользоваться плодами побѣды и пропустили благопріятный случай" [1]). Очевидно, что Александръ находился подъ вліяніемъ поддѣланнаго донесенія и думалъ о побѣдѣ, которою не воспользовались, тогда какъ на самомъ дѣлѣ положеніе было иное.

Какъ бы то ни было, не Кутузовъ виноватъ въ томъ, что результатъ бородинскаго сраженія былъ изображенъ невѣрно и что на его голову сыпались обвиненія въ томъ, что онъ не воспользовался побѣдой и тѣмъ безъ нужды довелъ дѣло до сдачи Москвы. Онъ думалъ, что сдача Москвы была слѣдствіемъ потери Смоленска. Генералъ Ермоловъ еще раньше, вслѣдъ за отступленіемъ отъ Смоленска, писалъ о возможности въ будущемъ сдачи и Москвы [2]).

Подъ Москвою однако возникъ вопросъ о томъ, сдать ли столицу безъ боя, или дать подъ ея стѣнами новое сраженіе непріятелю. Были сторонники послѣдняго мнѣнія. Бенигсенъ даже выбралъ позицію подъ Москвой для предполагаемаго сраженія. Кутузовъ осмотрѣлъ ее и не высказывалъ своего мнѣнія объ ея явной негодности. Въ ясное утро 1-го сентября онъ сидѣлъ на лавкѣ на Поклонной горѣ и слушалъ разговоры и споры генераловъ о достоинствахъ

---

[1]) Проф. Михневичъ. Бородино. Отечеств. война, т. IV, стр. 29. Grand Duc Nicolas Mikhaïlovitch. Correspondance de l'Empereur Alexandre I. p. 90.

[2]) Проф. Михневичъ. „Фили". Проф. Колюбякинъ. Ходъ войны съ 7-го по 15 Августа. см. Отеч. Война т. IV стр. 35 и т. III стр. 204.

и недостаткахъ избранной позиціи. Тутъ же былъ и главнокомандующій Москвы гр. Ростопчинъ, не низко цѣнившій свои военные таланты и потому тоже принимавшій участіе въ спорахъ. Кутузовъ сидѣлъ молча и лишь изрѣдка переспрашивалъ кого нибудь, чье мнѣніе ему казалось интереснымъ. Потомъ, подозвавъ къ себѣ генераловъ, онъ назначилъ имъ собраться на совѣтъ въ тотъ же день въ деревнѣ Филяхъ. Ростопчина онъ не пригласилъ, что послѣдняго обидѣло. Потомъ, грузно поднимаясь съ лавки, онъ сказалъ: „хороша ли, плоха ли моя голова, а больше положиться не на кого“, всталъ и поѣхалъ въ Фили.

Тамъ въ просторной, лучшей избѣ крестьянина Андрея Савостьянова собрался военный совѣтъ. Кутузовъ сѣлъ въ темный уголъ и видимо сильно волновался. Всѣ генералы собрались своевременно; опоздалъ Бенигсенъ на два часа по случаю новой рекогносцировки позиціи. Его ожидали. Кутузовъ предложилъ на обсужденіе совѣта вопросъ: „спасеніе Россіи въ арміи. Выгодно ли рисковать потерею арміи и Москвы, или отдать Москву безъ сраженія? Вотъ на какой вопросъ я желаю знать ваше мнѣніе“. Горячо спорили генералы и въ особенности настаивалъ на сраженіи Бенигсенъ, какъ думаетъ Толстой, не совсѣмъ безкорыстно: въ случаѣ выигрыша боя, честь его принадлежала бы ему,— создателю этого плана, а въ случаѣ пораженія, тяжесть отвѣтственности легла бы на Кутузова, а онъ былъ съ нимъ въ отвратительныхъ отношеніяхъ. Кутузовъ, молча, слушалъ споривших и, наконецъ, заключилъ разговоры словами: „итакъ, господа, стало быть, мнѣ платить за перебитые горшки“... Медленно поднявшись, онъ подошелъ къ столу, за которымъ засѣдалъ военный совѣтъ. „Господа, я слышалъ ваши мнѣнія. Нѣкоторые будутъ несогласны со мною. Но я, тутъ онъ остановился,—властью, врученною мнѣ Государемъ и Отечествомъ, я приказываю отступать“. Молча выходили генералы. Старикъ фельдмаршалъ, простившись съ генера-

лами, долго сидѣлъ, задумавшись. Его, видимо, тревожила мысль о великой отвѣтственности за принятое рѣшеніе... „Этого, этого я не ожидалъ, сказалъ онъ вошедшему къ нему уже поздно ночью адъютанту Шнейдеру; этого я не ждалъ, этого я не думалъ“.—„Вамъ надо отдохнуть, Ваша Свѣтлость“, сказалъ Шнейдеръ.—„Да, нѣтъ же. Будутъ же они лошадиное мясо жрать, какъ турки“, не отвѣчая, прокричалъ Кутузовъ, ударяя пухлымъ кулакомъ по столу. „Будутъ и они, только бы“... Эти слова „только бы“ вполнѣ понятны: „только бы“ я остался у власти, „только бы“ не перестали вѣрить въ меня, „только бы“ дали довести дѣло до конца, какъ я рѣшилъ его провести. На счастье Россіи фельдмаршалъ уцѣлѣлъ на своемъ посту и дожилъ до счастливаго сознанія быть спасителемъ отечества.

Послѣ оставленія Москвы, изъ с. Жилина, 4-го сентября Кутузовъ подробно доносилъ о мотивахъ, которые побудили его сдѣлать этотъ шагъ, огромной важности. Онъ предсказывалъ, что, перейдя на югъ отъ Москвы и дѣйствуя на сообщенія непріятеля, онъ вынудитъ его оставить городъ и перемѣнить всю свою операціонную линію, а тѣмъ временемъ русская армія усилится подкрѣпленіями и будетъ находиться въ связи со всѣми тѣми запасами, которые приготовлены въ богатыхъ губерніяхъ. Въ заключеніе онъ писалъ: „пока армія Вашего Величества цѣла и движима извѣстной храбростью и нашимъ усердіемъ, дотолѣ возвратная потеря Москвы не есть еще потеря отечества. Впрочемъ, Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше изволите согласиться, что послѣдствія сіи нераздѣльно связаны съ потерею Смоленска и съ тѣмъ разстроеннымъ совершенно состояніемъ войскъ, въ которомъ я оныя засталъ“. Это донесеніе было напечатано въ Сѣверной Почтѣ, но за исключеніемъ заключительныхъ словъ: „съ тѣмъ разстроеннымъ совершенно состояніемъ войскъ, въ которомъ я оныя засталъ.

IV.

Ростопчинъ.

Въ то время, какъ принимались эти трагическія и важныя рѣшенія, въ Москвѣ командовалъ гр. Ростопчинъ. Это былъ представитель реакціоннаго направленія того времени, крѣпостникъ до мозга костей и ненавистникъ Наполеона и пореволюціонныхъ французовъ. Назначеніемъ своимъ главнокомандующимъ въ Москву онъ былъ обязанъ Екатеринѣ Павловнѣ, тверской дворецъ которой былъ центромъ реакціонной партіи, враждебной реформамъ Сперанскаго. Реакціонеры того времени ненавидѣли Сперанскаго не меньше, чѣмъ самого Наполеона. Съ цѣлью оказать вліяніе на императора Александра въ направленіи отрицательномъ къ реформамъ и политикѣ Сперанскаго была составлена Карамзинымъ „Записка о Древней и Новой Россіи“, которая была передана Александру Екатериной Павловной. Когда Екатерина Павловна возбудила передъ своимъ братомъ вопросъ о назначеніи въ Москву Ростопчина, она встрѣтила со стороны Императора возраженіе. Онъ указалъ ей на то, что Ростопчинъ не можетъ быть назначенъ главнокомандующимъ въ Москву, такъ какъ онъ не военный, а только камергеръ. На это она ему отвѣтила, что не видитъ никакого затрудненія превратить штатскаго въ военнаго. По ея словамъ: „c'est une affaire du tailleur“. Ея настоянія увѣнчались успѣхомъ. Уже въ февралѣ 1812 года вопросъ о назначеніи Ростопчина былъ рѣшенъ, а въ маѣ состоялся приказъ о его назначеніи.

На новаго главнокомандующаго возлагается опредѣленная задача: возбудить въ Москвѣ передъ войною патріотическое настроеніе и прежде всего возжечь въ сердцахъ дворянства любовь къ императору, совсѣмъ почти угасшую,

какъ выражался Ростопчинъ. Скажите Ростопчину, писала Оболенскому Екатерина Павловна, что онъ „долженъ воспламенить" дворянство. Кромѣ того Ростопчинъ ставилъ себѣ задачею „разсѣять и занять вниманіе въ народѣ" и отвлечь его помыслы отъ толковъ объ освобожденіи. Эти толки, по видимому, были очень слабы; но возможность ихъ пугала современниковъ. Какъ писала помѣщица Волкова, очень интересовавшаяся современными событіями: „Москва дѣйствовала на всю страну; и будь увѣрена, говоритъ она своей сестрѣ, при малѣйшемъ безпорядкѣ между жителями ея все всполошилось бы. Намъ всѣмъ извѣстно, съ какими вѣроломными намѣреніями явился Наполеонъ. Надо было ихъ уничтожить, возстановить умы противъ негодяя и тѣмъ охранить чернь, которая вездѣ легкомысленна".

Въ сущности говоря, патріотизмъ москвичей былъ достаточно силенъ и не нуждался въ ростопчинскомъ возжиганіи. Посѣщеніе Москвы императоромъ Александромъ въ началѣ іюля служитъ тому наглядным доказательствомъ. Опасенія волненій народа тоже были крайне преувеличены; но разъ такія задачи были поставлены командующему Москвы, Ростопчинъ былъ подходящимъ человѣкомъ. Дѣйствовать цѣлесообразно по условіямъ дѣла не требовалось, нужна была только шумиха, кажущаяся дѣятельность, направленная къ борьбѣ съ несуществующимъ врагомъ. Крѣпостникъ и реакціонеръ по убѣжденіямъ, фанатически враждебный къ Франціи, какъ носительницѣ революціонныхъ идей, и къ Наполеону, какъ порожденію революціи, человѣкъ неумный, плоскій въ своихъ остротахъ и шуткахъ и не только на словахъ, но и на дѣлѣ, онъ долженъ былъ создалъ себѣ фантомъ революціи въ Москвѣ, съ которымъ и боролся для саморекламы и самовосхваленія. Человѣкъ въ высокой степени неискренній, любившій позировать и оригинальничать, Ростопчинъ каждому своему дѣйствію и

каждому своему шагу придавалъ пышную инсценировку. Съ этого онъ и началъ по прибытіи въ Москву. Тутъ онъ долженъ показать примѣръ патріотическаго служенія, „полезный, по его словамъ, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ". Онъ пишетъ Балашеву, министру полиціи и проситъ его назначить ему очень большое жалованіе по должности командующаго и прибавляетъ, что онъ съ первой же почтой откажется отъ этого огромнаго жалованія и заявитъ, что на все время войны онъ служитъ безъ жалованія. Къ этому жесту онъ прибавляетъ другой, чтобы, по его собственнымъ словамъ, бросить пыль въ глаза москвичамъ. Въ день своего пріѣзда въ Москву онъ велѣлъ отслужить молебенъ предъ всѣми чудотворными иконами, „которыя весьма почитаетъ народъ". Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ говоритъ, что такимъ путемъ ему достаточно было двухъ дней, чтобы бросить пыль въ глаза. Впослѣдствіи онъ писалъ гр. Воронцову о своей дѣятельности въ Москвѣ, говоря: „могу васъ увѣрить, что Магометъ былъ менѣе любимъ и уважаемъ, чѣмъ я въ теченіе августа мѣсяца, и все достигалось словомъ, отчасти шарлатанствомъ". Такое значеніе онъ приписываетъ своимъ знаменитымъ афишамъ, въ которыхъ, по словамъ современника писателя Глинки, Ростопчинъ поставилъ себя „на чреду старшины мірской сходки" и въ „дружескихъ посланіяхъ бесѣдовалъ съ обывателями, какъ заботливый другъ". Но иные современники относились къ этимъ бесѣдамъ и отрицательно. Такъ Маракуевъ, городской голова Ростова, писалъ, что „глупыя афиши Ростопчина, писанныя языкомъ деревенскихъ бабъ, совершенно убивали надежду публики".

Къ Наполеону Ростопчинъ относился съ такою ненавистью, которая была бы совершенно непонятна въ русскомъ человѣкѣ, если бы мы не знали, что русское общество тогдашняго времени усвоило чувства и отношенія къ

нему французской эмиграціи. Дорогой бронзовый бюстъ Наполеона онъ поставилъ въ совсѣмъ неподходящемъ мѣстѣ, не смотря на протесты жены, католички, которая смотрѣла на Наполеона, какъ на помазанника Божія.

Въ качествѣ главнокомандующаго Москвы, Ростопчинъ много потрудился надъ сборомъ пожертвованій и организаціей восьмидесятитысячнаго московскаго ополченія и потомъ надъ удаленіемъ изъ Москвы казеннаго имущества. Это его заслуга; но борьба его съ измѣной и съ крамолой напоминаетъ борьбу съ вѣтряными мельницами. По его мнѣнію, вредныхъ иностранцевъ не слѣдуетъ оставлять въ Москвѣ и въ особенности тѣхъ, кто можетъ быть заподозрѣнъ въ якобинствѣ. Книгопродавецъ Аллартъ, какъ таковой, былъ высланъ въ Сибирь, гдѣ онъ могъ быть безопасенъ. Французы Овернеръ и Реутъ были высланы въ Пермь и въ Оренбургъ, послѣдній за дерзкія слова противъ правительства и за карточную игру. Въ концѣ іюля французъ Турне былъ наказанъ плетьми и высланъ въ Тобольскъ „за внушеніе разнаго рода мыслей, клонящихся къ преклоненію къ французамъ“. Въ августѣ мѣсяцѣ портной нѣмецъ Шнейдеръ и французъ Токе были наказаны плетьми и высланы въ Нерчинскъ за то, что пророчествовали, что Наполеонъ будетъ 15 августа обѣдать въ Москвѣ. Это не были единственные случаи высылокъ, мотивированныхъ фантастическими преступленіями. Наконецъ, 22 августа Ростопчинъ произвелъ огульную высылку иностранцевъ. Ихъ арестовали и посадиля на барку и 22 августа отправили въ Нижній. Эту высылку Ростопчинъ объяснялъ впослѣдствіи тѣмъ, что онъ желалъ избавить этихъ людей отъ ярости народной и, кромѣ того, говорилъ онъ, эти люди, оставшись въ Москвѣ, присоединились бы къ арміи Наполеона и погибли бы вмѣстѣ съ нею. Выходитъ, по его словамъ, что онъ ихъ спасъ не только отъ ярости народной, но и отъ

гибели вмѣстѣ съ наполеоновской арміей. Но современникъ этихъ событій, писатель Глинка, вообще симпатично относившійся къ дѣятельности Ростопчина, свидѣтельствуетъ, что въ населеніи Москвы не было никакого враждебнаго отношенія къ иностранцамъ, и не одобряетъ этой мѣры Ростопчина. Самъ Ростопчинъ не впослѣдствіи, а въ самый моментъ ссылки, въ обращеніи къ высылаемымъ объясняетъ принимаемую мѣру тѣмъ, что они, найдя въ Россіи убѣжище, не перестаютъ „злоумышлять противъ нея". Другимъ опаснымъ элементомъ столицы Ростопчинъ считалъ масоновъ и мартинистовъ. Въ число ихъ онъ зачислялъ всѣхъ, кто позволялъ себѣ неодобрительно отзываться объ его мѣропріятіяхъ. Новикова, мирно доживавшаго свой вѣкъ въ своемъ селѣ Авдотьинѣ, онъ отдалъ подъ опеку Бронницкаго капитанъ-исправника. Противъ масоновъ и мартинистовъ его настраивали жившіе въ Москвѣ іезуиты, относившіеся съ равной ненавистью къ тѣмъ и другимъ. Изъ переписки аббатовъ Сюрюга и Бюлли (іезуитовъ) видно, что походъ противъ масоновъ и мартинистовъ былъ открытъ Ростопчинымъ подъ ихъ вліяніемъ. Гнѣздомъ мартинистовъ онъ считалъ небольшой кружокъ московскихъ масоновъ съ Кутузовымъ, Лопухинымъ, Ключаревымъ и Поздѣевымъ во главѣ. Послѣднему онъ воспретилъ въѣздъ въ Москву. Но очагомъ вреднаго направленія онъ считалъ университетъ. Въ письмѣ къ императору Александру отъ 13 августа, онъ говоритъ, что всѣ злые слухи, распускаемые съ цѣлью обвинить его, Императора, исходятъ отъ мартинистовъ, „и всѣхъ неистовѣе университетъ, состоящій изъ якобинцевъ профессоровъ и воспитанниковъ", и прибавляетъ, что если полиція „затруднится сдерживать негодяевъ, то я велю нѣкоторыхъ повѣсить". Едва ли можно сомнѣваться, что всѣ эти обвиненія были навѣяны разгоряченной реакціонной фантазіей Ростопчина и нашептываніями іезуитовъ. Характернымъ

образчикомъ солидности политическихъ мѣропріятій Ростопчина и свидѣтельствомъ его злого характера и его мстительности является дѣло Верещагина.

Молодой человѣкъ изъ купеческой семьи, получившій для своего времени хорошее образованіе, перевелъ изъ иностранныхъ газетъ на русскій языкъ два сообщенія, а именно: „письмо Наполеона къ прусскому королю“ и „рѣчь Наполеона къ князьямъ Рейнскаго союза въ Дрезденѣ“. Какъ могли попасть къ Верещагину иностранныя газеты, не замазанныя цензурой? Говорили, что онъ былъ знакомъ съ сыномъ почтдиректора Ключарева, котораго Ростопчинъ не любилъ и радъ былъ бы случаю привлечь къ отвѣтственности. Верещагинъ отрицалъ фактъ знакомства своего съ Ключаревымъ и объяснилъ, что онъ самъ сочинилъ эти статьи. Тогда Ростопчинъ сталъ его обвинять въ сочиненіи измѣнническихъ прокламацій. Зачѣмъ Верещагинъ перевелъ названныя статьи? Трудно сказать. Вѣроятнѣе всего изъ простого любопытства и изъ желанія познакомить друзей съ упомянутыми газетными сообщеніями въ то время, какъ цензура не пропускала никакихъ сообщеній изъ иностранныхъ газетъ. Какъ бы то ни было, въ этомъ переводѣ газетныхъ сообщеній нельзя было найти признаковъ измѣнической прокламаціи. Но Ростопчинъ раздулъ это дѣло до невѣроятныхъ размѣровъ. „Вы увидите, Государь, писалъ онъ Александру 30 іюля, изъ моего донесенія къ министру полиціи, какого я откопалъ здѣсь злодѣя. Сочинитель прокламаціи отъ имени врага своего отечества и въ началѣ войны есть измѣнникъ и государственный преступникъ. Не дай Богъ, чтобы здѣсь произошло волненіе въ народѣ;—но если-бы произошло, я напередъ увѣренъ, что эти лицемѣры мартинисты явятся открытыми злодѣями“. Онъ просилъ Государя для ускоренія дѣла именнымъ указомъ приказать повѣсить Верещагина и въ то же время, не приводя казни в

исполненіе, заклеймивъ его подъ висѣлицей, заклепать въ кандалы и отправить въ каторжныя работы. Онъ хотѣлъ сдѣлать изъ этого дѣла эффектное зрѣлище. „Я постараюсь, пишетъ Ростопчинъ Александру, придать торжественный видъ этому зрѣлищу, и до послѣдней минуты никто не будетъ знать, что преступникъ будетъ помилованъ". Желательность такого рѣшенія Ростопчинъ мотивировалъ тѣмъ, что дѣло это, поступивъ въ сенатъ, тамъ затянется, а между тѣмъ по обстоятельствамъ времени требуется быстрое его рѣшеніе, которое „послужитъ ужасающимъ примѣромъ для народа и особенно для нѣкоторыхъ тайныхъ злодѣевъ". Императоръ не согласился съ представленіемъ Ростопчина, и дѣло пошло обычнымъ порядкомъ, причемъ магистратъ, а затѣмъ и сенатъ приговорили Верещагина къ ссылкѣ въ каторжныя работы, такъ какъ, говорилъ сенатъ въ своемъ приговорѣ, „Верещагинъ изобличенъ и самъ сознался въ составленія пасквильнаго сочиненія и что по силѣ узаконеній уложенія 2 гл., 2 пункта, военныхъ артикуловъ 131 и указа 1762 г. іюня 19 подлежитъ смертной казни, но какъ таковая казнь указомъ 1754 г. сентября 30 дня отмѣнена, да и отъ означеннаго пасквиля ни малѣйшаго вреда не послѣдовало и потому, что онъ, Верещагинъ, по дѣлу не изобличается въ томъ, что намѣренъ былъ причинить означеннымъ пасквилемъ какой нибудь вредъ, а написалъ оный единственно, какъ самъ показываетъ, изъ вѣтренности мыслей, желая похвастаться новостью, каковое показаніе его обстоятельствомъ дѣла не опровергается, то, согласно мнѣнію главнокомандующаго Москвы, наказать его, Верещагина, кнутомъ, двадцатью ударами, потомъ, заклепавъ въ кандалы, сослать въ которжныя работы". Этотъ жестокій даже для тогдашняго времени приговоръ былъ остановленъ въ своемъ исполненіи, такъ какъ Ростопчинъ получилъ предписаніе представитъ дѣло министру юстиціи для доклада

Государю. Верещагинъ остался въ тюрьмѣ ожидать рѣшенія своей участи; но какъ увидимъ, это не спасло его жизни.

Когда приближеніе французовъ къ Москвѣ дѣлало вѣроятнымъ занятіе столицы, Ростопчинъ, по его словамъ, ставитъ себѣ двѣ цѣли: сохраненіе спокойствія въ городѣ и удаленіе изъ него по возможности всѣхъ жителей. Эти цѣли противорѣчатъ одна другой. Удалить всѣхъ жителей нельзя было съ сохраненіемъ спокойствія. На самомъ дѣлѣ, въ первой половинѣ августа выѣздъ изъ Москвы былъ дозволяемъ только лицамъ привилегированныхъ сословій, для остальныхъ заставы были закрыты. При такихъ условіяхъ выѣздъ дворянъ изъ города раздражалъ народъ. Современникъ Свербеевъ разсказываетъ, какъ ратники каширскаго ополченія провожали ихъ угрозами и бранили измѣнниками и предателями. Не смотря на ограниченность числа выѣзжавшихъ, сравнительно съ общимъ населеніемъ столицы, плата за подводы поднялась весьма значительно. Уже 15 августа платили за лошадь на тридцать верстъ 50 р.; когда же въ послѣдніе дни августа заставы были открыты для всѣхъ безъ изъятія, плата за подводы, вмѣсто 50 р., поднялась до 800 р. Все населеніе хлынуло къ заставамъ. Окрестности Москвы, говоритъ помѣщица Волкова, „могли бы послужить художнику образцомъ для изображенія исхода египетскаго. Ежедневно тысячи каретъ выѣзжаютъ во всѣ заставы“. Послѣ бородинскаго сраженія, по свѣдѣніямъ, собраннымъ Ростопчинымъ, ежедневно выѣзжало изъ Москвы 1320 берлинъ, колясокъ, каретъ и бричекъ. Суматоха съ каждымъ днемъ увеличивается. Вигель даетъ описаніе, относящееся къ послѣднему дню, 2 сентября: приближаясь къ заставѣ для всѣхъ уже открытой, толпы людей становились все гуще и гуще. Противъ же нея съ трудомъ можно было продвигаться посреди плотной массы удаляющихся. Безпорядокъ являлъ картину, единственную въ своемъ родѣ,

ужасную и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько каррикатурную. Тамъ виденъ былъ попъ, надѣвшій одну на другую всѣ ризы и державшій въ рукахъ узелъ съ церковной утварью, сосудами и т. п., тамъ четверомѣстную тяжелую карету тащили двѣ лошади, тогда какъ въ иныя дрожки было ихъ впряжено пять или шесть, тамъ въ тележкѣ сидѣла достаточная купчиха или мѣщанка въ парчевомъ нарядѣ и въ жемчугахъ, во всемъ, что не успѣла уложить. Конные, пѣшіе валили кругомъ, гнали коровъ и овецъ; собаки слѣдовали за общимъ побѣгомъ".

Когда населеніемъ уже овладѣла паника предъ приближающимся непріятелемъ и когда самъ главнокомандующій едвали думалъ о возможности защиты столицы собственными средствами, онъ своими воззваніями питалъ эту надежду въ остающемся населеніи Москвы. Ко времени вступленія въ Москву непріятеля жителей въ ней осталось очень мало, но все-же ихъ считали 50 т. чел. Возбуждая духъ населенія, Ростопчинъ объявилъ продажу всѣмъ желающимъ оружія изъ арсенала. Оружіе продавалось за ничтожную цѣну, почти задаромъ; но современникъ Бестужевъ Рюминъ, признавая дешевизну продаваемаго оружія,—ибо ружье или карабинъ стоили три рубля, соблю можно было получить за рубль,—говоритъ, что оружіе это было никуда негодно; такъ, ружья были безъ замковъ или безъ прикладовъ, или стволы у нихъ были согнуты, сабли были безъ эфесовъ, или же клинки ихъ были сломаны и зазубрены.

Въ своихъ афишахъ Ростопчинъ объявлялъ объ образованіи дружины московской, которая поразитъ французовъ, если они осмѣлятся напасть на Первопрестольную. 30-го августа онъ получилъ отъ Кутузова письмо, въ которомъ послѣдній, извѣщая его о томъ, что Наполеонъ отрядилъ цѣлый корпусъ по направленію къ Звенигороду, писалъ Главнокомандующему Москвы: „неужелн не найдетъ онъ

(Наполеонъ) гробъ свой отъ дружины московской, еслибы онъ осмѣлился посягнуть на столицу... Ожидаю нетерпѣливо отзыва вашего сіятельства". „Я ему ничего не отвѣтилъ", пишетъ Ростопчинъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Письмо Кутузова показалось ему „весьма дурною шуткой". Можетъ быть, оно такъ и было; но историкъ Отечественной Войны А. Н. Поповъ думаетъ, что Кутузовъ могъ вполнѣ искренно повѣрить, что Ростопчинъ исполнилъ свое обѣщаніе сформировать вольную дружину,—помимо ополченія,—изъ московскихъ обывателей, о которой такъ много говорилъ хвастливый московскій градоправитель.

Въ эти же послѣдніе дни Ростопчинъ съ одной стороны удаляетъ изъ Москвы сенаторовъ, чтобы они ему не мѣшали въ его дѣятельности, а съ другой призываетъ все населеніе собраться на Трехъ Горахъ и обѣщаетъ лично стать во главѣ ихъ для сокрушенія француза. Сенатъ собрался въ засѣданіе, чтобы рѣшить вопросъ о томъ, что дѣлать, и рѣшилъ послать въ главную квартиру вопросъ о томъ, не находится ли столица въ опасности отъ непріятельскаго вторженія, и въ тоже время послалъ къ министру юстиціи просьбу объ указаніяхъ. Ростопчинъ разрѣшилъ недоразумѣнія сенаторовъ. Онъ имъ прислалъ своего адъютанта съ приказаніемъ немедленно выѣхать изъ Москвы, предупредивъ, что неповинующіеся этому распоряженію будутъ вывезены силою и подъ добрымъ карауломъ. Впослѣдствіи Ростопчинъ объяснялъ свою мѣру тѣмъ, что будто сенаторы-мартинисты имѣли въ виду остаться въ Москвѣ, чтобы играть роль при Наполеонѣ. Удаленіемъ сенаторовъ онъ, по его словамъ, спасъ Россію отъ страшной опасности. Едвали нужно доказывать, что такой опасности не было и что объясненія Ростопчина придуманы были уже тогда, когда его мѣры не всѣ встрѣчали одобреніе и когда его героизмъ взятъ былъ въ подозрѣніе.

Жители Москвы, принявшіе за правду призывъ Ростопчина явиться на Три Горы для защиты города и его обѣщаніе самому предводительствовать ими, собрались 31 августа туда въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, такъ что, какъ говоритъ современникъ, яблоку упасть негдѣ было. Съ ранняго утра до заката солнца пробыли они тамъ и, не дождавшись Ростопчина, въ горестномъ унынiи разошлись по домамъ. На другой день Ростопчинъ, видимо отвѣчая на возбужденное неудовольствіе, снова обѣщалъ, что поѣдетъ къ Кутузову и переговоритъ съ нимъ. „Я пріѣду назадъ, говорилъ онъ въ афишѣ къ обѣду и примемся за дѣло: обдѣлаемъ, додѣлаемъ и злодѣевъ отдѣлаемъ“. Толпа снова собиралась на Трехъ Горахъ и съ тѣмъ же успѣхомъ.

Между тѣмъ наступила развязка. 2-го сентября аріергардъ Милорадовича уходилъ изъ Москвы, а за нимъ вступалъ авангардъ Себастіани. Возбужденіе обывателей дошло до крайней степени. Толпа собралась къ генералъ-губернаторскому дворцу и запрудила весь дворъ и прилегающую улицу. Она требовала, чтобъ графъ исполнилъ свое обѣщаніе и велъ ее на Три Горы. Ростопчинъ долго не выходилъ, а тѣмъ временемъ приказалъ привести Верещагина. Одинъ чиновникъ вотчиннаго департамента такъ разсказывалъ въ тотъ же день Бестужеву—Рюмину объ этомъ возмутительномъ событіи. „Ахъ, Алексѣй Дмитріевичъ! Какой ужасъ я видѣлъ, проходя мимо дома графа Ростопчина, котораго дворъ былъ полонъ людьми, большею частью пьяными, кричавшими, чтобы шелъ онъ на Три Горы предводительствовать ими къ отраженію непріятеля. Вскорѣ на такой зовъ вышелъ и самъ графъ на крыльцо и громогласно сказалъ: подождите братцы, мнѣ надо еще управиться съ измѣнникомъ. И тутъ представленъ ему несчастный купеческій сынъ Верещагинъ... и Ростопчинъ, взявъ его за руку, вскричалъ народу: вотъ измѣнникъ! Отъ него погибаетъ Москва! Не-

счастный Верещагинъ, блѣдный только успѣлъ сказать: Грѣхъ вашему сіятельству будетъ! Ростопчинъ махнулъ рукой и стоявшій близъ Верещагина ординарецъ графа по имени Бурдаевъ ударилъ его саблею въ лицо. Несчастный палъ испуская стоны; народъ сталъ терзать его и таскать по улицамъ. Самъ же графъ Ростопчинъ, воспользовавшись этимъ смятеніемъ, сошелъ съ крыльца и въ заднія ворота дома своего выѣхалъ на дрожкахъ изъ Москвы".

Этотъ разсказъ Бестужева-Рюмина, записанный въ главныхъ чертахъ со словъ очевидца, совпадаетъ съ показаніями другихъ свидѣтелей событія и между прочимъ съ разсказомъ близкаго къ Ростопчину человѣка, драгунскаго офицера Гаврилова, который говоритъ, что, самъ не знаетъ какъ, нанесъ ударъ Верещагину, когда Ростопчинъ того потребовалъ. Самъ Ростопчинъ впослѣдствіи тоже записалъ разсказъ о гибели Верещагина. Вотъ какъ онъ изображаетъ дѣло.

„Я приказалъ вывести изъ тюрьмы и привести къ себѣ купеческаго сына Верещагина, автора наполеонскихъ прокламацій и еще одного французскаго фехтовальнаго учителя по фамиліи Мутона, который за свои революціонныя рѣчи былъ преданъ суду и уже болѣе трехъ недѣль тому назадъ былъ приговоренъ уголовною палатою къ тѣлесному наказанію и ссылкѣ въ Сибирь; но я отстрочилъ исполненіе этого приговора. Оба они содержались въ тюрьмѣ..- и ихъ забыли отправить съ 730 преступниками... Преступники эти ушли три дня тому назадъ. Приказавъ привести къ себѣ Верещагина и Мутона и обратившись къ первому изъ нихъ, я сталъ укорять его за преступленіе тѣмъ болѣе гнусное, что онъ одинъ изъ всего московскаго населенія захотѣлъ предать свое отечество. Я объявилъ ему, что онъ приговоренъ сенатомъ къ смертной казни (?) и долженъ понести ее и приказалъ двумъ унтеръ-офицерамъ моего конвоя ру-

бить его саблями. Онъ упалъ, не произнеся ни одного слова... Тогда, обратившись къ Мутону, который, ожидая той же участи, читалъ молитвы, я сказалъ ему: дарую вамъ жизнь, ступайте къ своимъ и скажите имъ, что негодяй, котораго я только что наказалъ, быть единственнымъ русскимъ, измѣнившимъ своему отечеству. Я провелъ его къ воротамъ и далъ знакъ народу, чтобы пропустить его. Толпа раздвинулась, и Мутонъ бросился опрометью бѣжать... Я сѣлъ на лошадь и выѣхалъ со двора и съ улицы, на которой стоялъ мой домъ. Я не оглядывался, чтобы не смущаться тѣмъ, что произошло". Этотъ разсказъ Ростопчина, написанный значительно позже событія, грѣшитъ противъ истины. Онъ придаетъ всей обстановкѣ театральный характеръ, котораго она не имѣла. Онъ изображаетъ настроеніе толпы мирнымъ, тогда какъ она была въ сильномъ возбужденіи и была далека отъ повиновенія. Онъ говоритъ, что преступники были выведены изъ Москвы за три дня передъ тѣмъ, забывая, что приказъ о вывозѣ преступниковъ былъ имъ подписанъ только наканунѣ, 1-го сентября. Современники напротивъ, въ своихъ письмахъ говорятъ, что колодники были распущены по приказу главнокомандующаго въ день входа непріятеля въ Москву. Булгаковъ, помощникъ и ближайшій другъ Ростопчина, говоритъ: „у заставы кабакъ разбитъ; у острога колодники бѣгутъ. Ихъ выпустили, или они поломали замки свои". Ростопчинъ говоритъ, что онъ сѣлъ на коня и какъ бы подчеркиваетъ, что онъ покойно выѣхалъ со двора и съ улицы, на которой стоялъ его домъ. Между тѣмъ и Бестужевъ Рюминъ и драгунскій офицеръ Гавриловъ, не сговариваясь, говорятъ въ своихъ воспоминаніяхъ одно и тоже, что когда „толпа кинулась добивать страдальца (слова Гаврилова) и потащила его на улицу, Ростопчинъ въ заднія ворота ускакалъ на дрожкахъ". Въ разсказѣ Бестужева-Рюмина и другихъ очевидцевъ казни Верещагина

есть указаніе на полную анархію, въ которой находилась Москва въ послѣдніе дни предъ вступленіемъ французовъ. Возбужденная толпа не признавала никакой власти, которая къ тому же, по обстоятельствамъ дѣла была безсильна предпринять что либо для поддержанія порядка. Чернь, раненые солдаты, колодники разбивали кабаки и начали грабить лавки. Булгаковъ, проѣзжая по Басманной, видѣлъ по его словамъ ужасную картину: „грабежъ вездѣ ранеными и мародерами". „Предъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ вступилъ французъ въ Москву, вспоминалъ одинъ дворовый человѣкъ, приказано было разбивать въ кабакахъ бочки съ виномъ. Народъ то на нихъ и навалился; перепились пьянехоньки. Вино течетъ по улицамъ, а иные припадутъ къ мостовой и камни лижутъ. Драки, крикъ". Приказали ли разбивать бочки съ водкой, или ихъ разбивали безъ приказанія, но только и начальникъ воспитательнаго дома Тутолминъ, сообщалъ о томъ что вся прислуга дома перепилась, таская изъ разбитыхъ кабаковъ водку ведрами, горшками и кувшинами. Выпущенные изъ тюремъ колодники пристали къ подонкамъ народа и, по словамъ письма одного современника Лунина, „они, а не французы, грабятъ и жгутъ наши дома". Оно и понятно: лишенные крова и пищи, полуголодные колодники и не могли иначе выйти изъ своего безвыходнаго положенія, какъ путемъ грабежа. Еще до вступленія въ городъ французовъ говорили о людяхъ, которые хотятъ поджечь городъ, чтобы пограбить богатыя лавки.

V.

Пожаръ Москвы.

По вступленіи своемъ въ Москву французы были поражены невиданнымъ зрѣлищемъ: они увидѣли пустыя улицы, на которыхъ не видно было живой души, видѣли за-

пертыя окна домовъ, какъ будто необитаемыхъ. Сначала они заподозрили ловушку; но потомъ убѣдились, что городъ пустъ и почти совсѣмъ оставленъ жителями. Только часть войска вошла въ городъ, остальные стали лагеремъ подъ городомъ. Въ тотъ же вечеръ 2-го сентября французы увидѣли пожаръ въ городѣ. Загорѣлось въ Гостинномъ Дворѣ. Такъ какъ пожарные инструменты были вывезены изъ города, то пожаръ тушить было нечѣмъ, и онъ свободно развивался, распространяясь шире и шире въ теченіе ночи и слѣдующаго дня. Въ ночь съ третьяго на четвертое сентября началась сильная буря при сѣверовосточномъ вѣтрѣ. Пожаръ сразу принялъ колоссальные размѣры. Горящія головни перебрасывало далеко, и вся Москва превратилась въ громадный костеръ. Вся полоса воздуха надъ городомъ превратилась въ огненную массу, которая изрыгала горящія головешки. Отъ нагрѣва воздуха буря еще болѣе усилилась. „Никогда, говоритъ современникъ, небо въ гнѣвѣ своемъ не являло зрѣлища ужаснѣе этого“.

На другой день по вступленіи въ Москву, Наполеонъ проснулся здоровымъ и въ хорошемъ расположеніи духа. Простуда, мучившая его со дня Бородинскаго сраженія, прошла. Когда утромъ вошелъ къ нему лейбъ-медикъ, онъ спросилъ его: что новаго? Тотъ отвѣтилъ, что пожаръ принимаетъ все болѣе широкіе размѣры. На это Наполеонъ покойно замѣтилъ: вѣроятно солдаты, приготовляя пищу, разложили костры слишкомъ близко къ домамъ. Потомъ, помолчавъ немного, онъ какъ будто сразу понялъ значеніе совершавшагося событія и весь его грозный смыслъ. Онъ быстро вскочилъ съ постели, выраженіе его лица стало ужасно, онъ подскочилъ къ окну, перебѣжалъ къ другому, потомъ къ третьему и т. д., какъ будто не въ силахъ оторвать глазъ отъ ужаснаго зрѣлища. Боже мой, восклицалъ онъ, это скиѳы... они сами жгутъ свой городъ! Въ теченіе

дня опасность подступила къ Кремлю. Оставаться въ немъ стало невыносимо.

Наполеонъ рѣшился выйти за городъ. Сегюръ такъ описываетъ это рискованное предпріятіе. Подойдя ближе къ пожару, мы не рѣшались войти въ эти волны огненнаго моря. Тѣ которые успѣли немного познакомиться съ городомъ, не узнавали улицъ, исчезавшихъ въ дыму и въ развалинахъ. Однакоже надо было рѣшиться на что нибудь, такъ какъ съ каждымъ мгновеніемъ пожаръ усиливался все болѣе. Одна узкая улица казалась скорѣе входомъ, чѣмъ выходомъ изъ этого ада. Императоръ пѣшкомъ, не колеблясь, пошелъ впередъ по этой улицѣ. Онъ шелъ среди треска пылающихъ домовъ, грохотѣ разрушающихся сводовъ, среди падавшихъ вокругъ него горящихъ бревенъ и раскаленныхъ кровельныхъ листовъ желѣза. Груды обломковъ затрудняли его путь. Пламя, высоко поднимавшееся надъ крышами, силою вѣтра наклонялось надъ нашими головами. Мы шли по огненной землѣ, подъ огненнымъ небомъ и между огненныхъ стѣнъ. Сильный жаръ жегъ наши глаза, но мы не могли закрыть ихъ и должны были пристально смотрѣть впередъ. Удушливый воздухъ, горячій пепель и вырывавшееся отсюду пламя спирали наше дыханіе, короткое, сухое и затрудняемое дымомъ. Мы обжигали руки, стараясь защитить лица отъ страшнаго жара, сбрасывая съ себя искры, осыпавшія и прожигавшія платье. Въ этомъ то ужасномъ положеніи, когда, казалось, все наше спасеніе зависѣло отъ быстроты, проводникъ нашъ сбился съ пути и остановился въ смущеніи. Здѣсь окончилась бы наша жизнь, исполненная треволненій, еслибы случайное обстоятельство не вывело императора изъ этого грознаго положенія. Солдаты корпусовъ Даву и Нея, грабившіе въ этой части города, неожиданно натолкнулись на императора и его свиту. Они вывели его по пожарищамъ къ рѣкѣ Москвѣ у Дорогомиловскаго моста.

Пока пожаръ не принялъ гигантскихъ размѣровъ, французы старались бороться съ нимъ и находили помощь въ этомъ отношеніи со стороны русскихъ. Но потомъ, они бросили эту безсильную борьбу и стали грабить то, что можно было отнять у огня. Русскіе тоже старались поживиться на счетъ пожара; но были между ними и такіе, которые еще съ самаго начала пожара старались усилить его поджогами. На этотъ счетъ свидѣтельства, какъ французовъ такъ и русскихъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія. Мы уже приводили свидѣтельство современника русскаго въ этомъ смыслѣ. Французскій сержантъ Бургонь говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что, идя по улицѣ, „мы встрѣтили патруль егерей, заблудившихся также, какъ и мы. Командовавшій ими сержантъ разсказывалъ мнѣ, что они видѣли каторжниковъ, поджигавшихъ нѣсколько домовъ и что одному изъ нихъ онъ вынужденъ былъ отсѣчь кисть руки, чтобы заставить его бросить факелъ; но когда факелъ выпалъ у него изъ правой руки, онъ поднялъ его лѣвой, съ намѣреніемъ продолжать поджоги. Они принуждены были убить его".

Результаты пожара были ужасны. Огромная часть города сгорѣла, въ особенности ея деревянные кварталы. По очищеніи Москвы французами московскій оберъ-полицмейстеръ доносилъ Ростопчину о состояніи столицы: „Соборы, храмы Божіи, осквернённые неистовствами ихъ, въ пяти мѣстахъ подорванный Кремль, выжженыя Грановитая Палата и часть дворца, нѣкоторыя казенныя зданія и 6496 обывательскихъ домовъ каменныхъ и деревянныхъ, множество мертвыхъ труповъ людей и лошадей, все сіе составляло ужасную истину варварства изверговъ сихъ". Булгаковъ, котораго мы уже упоминали, въ письмѣ къ Оденталю сообщаетъ, что изъ девяти тысячъ домовъ осталось только 2655, между коими треть маленькіе домики и избы, такъ что надо полагать 9/10 сгорѣвшими.

Но самой ужасной изъ картинъ, связанныхъ съ пожаромъ Москвы, была конечно гибель больницъ вмѣстѣ съ больными и ранеными, въ нихъ находившимися. Тамъ было, говоритъ въ своемъ дневникѣ Чезаре Ложье, гвардейскій офицеръ корпуса Евгенія Богарне, до 20000 тяжело больныхъ и раненыхъ. Только что пламя охватило эти зданія, какъ изъ оконъ послышались страшные крики. Несчастные двигались какъ призраки и послѣ томительныхъ мучительныхъ колебаній, многіе изъ нихъ бросались изъ оконъ. Считаютъ, что погибла въ пожарѣ половина больныхъ и раненыхъ, т. е. до 10000 человѣкъ.

Вѣсть о пожарѣ Москвы произвела сильное впечатлѣніе во всей Россіи. Пожаръ, говоритъ современникъ, оплакивался въ Одессѣ. Каторжники въ Сибири, относительно которыхъ, по словамъ Канарскаго, были опасенія, чтобы они не начали безпорядковъ по поводу вторженія французовъ, оплакивали гибель Москвы, какъ потерю своей собственности. Помѣщица Волкова пишетъ по поводу пожара Москвы: какъ я ни ободряла себя, какъ ни старалась сохранить твердость среди несчастій, ища прибѣжища въ Богѣ; но горе взяло верхъ: узнавъ о судьбѣ Москвы, я пролежала три дня въ постели, не будучи въ состояніи ни о чемъ думать и ничѣмъ заниматься. Пожаръ Москвы сыгралъ большую роль въ борьбѣ 1812 года. Общее горе объединило въ одномъ чувствѣ все русское общество, отъ простого до знатнаго человѣка, и укрѣпило въ рѣшеніи бороться до конца. Съ другой стороны пожаръ Москвы, открывъ путь для грабежей, разрушилъ дисциплину въ арміи Наполеона, въ особенности въ ея не французскихъ контингентахъ, и превратилъ это войско въ орду, за исключеніемъ гвардіи и другихъ французскихъ полковъ. Пожаромъ Москвы усилено было дѣйствіе того удара, который получила армія Наполеона при Бородинѣ.

Каковы были причины этого грандіознаго по своей ужасности событія? Ихъ было нѣсколько. Наличность поджоговъ мы уже указали. Она подверждается и слѣдственнымъ производствомъ французскаго военнаго суда, который былъ наряженъ надъ лицами, задержанными и обвинявшимися въ поджогахъ. Въ составѣ 26 подсудимыхъ мы видимъ каторжниковъ и другихъ колодниковъ и простолюдиновъ; но вмѣстѣ съ ними обвинялись въ этотъ дѣлѣ одинъ офицеръ Московскаго пѣхотнаго полка, одинъ солдатъ и девять полицейскихъ. Другой причиной и, можетъ быть, болѣе значительною, была неосторожность въ обращеніи съ огнемъ. Въ оставленномъ хозяевами городѣ такое отношеніе къ огню было совершенно естественно, да не мало, вѣроятно, было оставлено въ печахъ и въ самоварахъ огня во время всеобщаго поспѣшаго удаленія жителей въ послѣдній день предъ вступленіемъ французовъ. Но самой важной причиной пожара слѣдуетъ признать отсутствіе средствъ тушенія, такъ какъ пожарные инструменты были вывезены. Это дало распространиться пожару и сдѣлало безплодными усилія французовъ тушить начавшіеся пожары, причемъ и русскіе имъ помогали въ этомъ. Если при наличности пожарныхъ командъ и пожарныхъ инструментовъ Москва была часто свидѣтельницею большихъ пожаровъ, да и до нынѣ отъ нихъ не освободилась, то что же удивительнаго, что она сгорѣла тогда, будучи наводнена солдатами, оставлена своими хозяевами, при отсутствіи всякаго порядка и средствъ тушенія и при наличности выпущенныхъ изъ тюремъ преступниковъ, которымъ не куда было дѣваться, и при наличности желанія нѣкоторыхъ русскихъ людей уничтожить городъ, лишь бы не доставался непріятелю? Современники очевидцы такъ и смотрѣли на причины пожара Москвы. Свербеевъ, отрицая участіе Ростопчина въ пожарѣ Москвы, даетъ такой отвѣтъ на вопросъ, кто сжегъ Москву: „не мы русскіе

и не они французы заранѣе обдуманно и преднамѣренно; и мы русскіе, и они французы, т. е. всѣ галлы и всѣ ихъ двадесять языкъ, тѣ и другіе незадуманно и не заранѣе намѣренно. Можетъ быть въ рѣдкихъ случаяхъ и были между зажигателями русскіе по чувству ненависти къ врагу и изъ мщенія за жестокое съ ними обращеніе непріятеля, но главнѣйшею причиной пожаровъ было отсутствіе всякой дисциплины въ непріятельскомъ войскѣ и всякаго порядка между кочующими по городу толпами жителей. Не должно ли будетъ согласиться, что Москвѣ труднѣе было уцѣлѣть, нежели сгорѣть при такихъ безпорядкахъ, продолжавшихся не день, не два, а цѣлую недѣлю".

Эти данныя и свидѣтельства близкихъ къ событію лицъ и при томъ не заинтересованныхъ въ томъ или иномъ толкованіи событія устраняютъ мысль о намѣренномъ сожженіи Москвы русскими или французами, хотя и не устраняютъ отдѣльныхъ фактовъ поджоговъ. Легенда о томъ, что Русскіе изъ патріотизма сожгли свою столицу, появилась значительно позднѣе. Сначала заинтересованныя лица обвиняли другъ друга въ этомъ дѣлѣ, считая его дѣломъ нехорошимъ. Сначала обвиняли въ пожарѣ французовъ. Обвиненіе это встрѣчаемъ въ проповѣдяхъ іерарховъ и въ оффиціальномъ извѣстіи о пожарѣ, написанномъ Шишковымъ, и наконецъ въ Высочайшемъ рескриптѣ 14 ноября 1812 года. Въ немъ говорится о врагѣ, который „нанесъ ущербъ Россіи не преодоленіемъ поставленной ему обороны" и „не силою осадныхъ орудій, но дѣйствіями неприличныхъ и срамныхъ для воина зажиганій, грабительствъ и подрываній". И позже, въ 1814 году, Воронцовъ въ письмѣ къ Ростопчину говоритъ: „насъ считаютъ варварами, а французы неизвѣстно почему прослыли самымъ образованнымъ народомъ. Они сожгли Москву, а мы сохранили Парижъ". Ростопчинъ въ письмахъ своихъ къ Воронцову С. Р. категорически гово-

ритъ: „Неполеонъ предалъ городъ пламени, чтобы имѣть предлогъ подвергнуть его грабежу“, а въ другомъ письмѣ прибавляетъ: „Бонапартъ, чтобы свалить на другого свою гнусность, наградилъ меня титуломъ поджигателя“. Правдивость такихъ категорическихъ заявленій Ростопчина опровергается его-же письмами къ женѣ, которыя онъ писалъ тотчасъ же послѣ событія и даже до него. 1-го сентября, когда еще пожаръ не начинался, онъ пишетъ женѣ: „городъ уже грабятъ, а такъ какъ нѣтъ пожарныхъ трубъ, то я убѣжденъ, что онъ сгоритъ“. 9-го сентября онъ пишетъ ей же: „я хорошо зналъ, что пожаръ неизбѣженъ“, а двумя днями позже въ письмѣ къ ней же онъ признается, что у него была мысль спалить Москву, говоря: „моя мысль поджечь городъ до вступленія въ него злодѣя была полезна; но Кутузовъ обманулъ меня... было уже поздно“. Ясно изъ этихъ словъ, что Ростопчинъ вовсе не считалъ Наполеона виновникомъ пожара и если впослѣдствіи говорилъ въ этомъ духѣ, то повторялъ то обвиненіе, которое считалось тогда приличнымъ.

Наполеону было чрезвычайно важно отклонить отъ себя обвиненіе въ сожженіи столицы. Поэтому въ письмѣ къ Императору Александру отъ 20 октября 1812 года всю отвѣтственность за пожаръ онъ слагаетъ на Ростопчина и на подчиненныхъ ему лицъ. Въ томъ же мѣсяцѣ въ Монитерѣ опубликованъ былъ протоколъ слѣдственной коммиссіи о причинѣ пожара, въ коемъ французы обвиняли русскихъ. Но до конца 1814 года, говоритъ современникъ Свербеевъ, никто не помышлялъ среди русскихъ, что Москва была сожжена русскими преднамѣренно, и эта точка зрѣнія, какъ мы видѣли подтверждается перепиской выдающихся русскихъ людей [1]).

[1]) Интересно, что въ тотъ же день, какъ Наполеонъ писалъ императору, подчиненный Ростопчина Булгаковъ пишетъ въ письмѣ 20-го

Впервые заявленіе о томъ, что русскіе сожгли свои жилища изъ чувства патріотизма идетъ отъ иностранца, англичанина. Англійскій министръ графъ Ливерпуль въ засѣданіи парламента 18 декабря 1812 предлагаетъ назначить пособіе московскому населенію, „сжегшему свои жилища". Эта точка зрѣнія не была сначала усвоена, но потомъ изъ взаимодѣйствія русскихъ и французскихъ обвиненій слагается наконецъ легенда о намѣренномъ сожженіи Москвы самими русскими изъ патріотизма. Эта мысль усваивается только ужъ послѣ окончанія заграничнаго похода, и на усвоеніе ея вліяло то настроеніе русскаго общества, въ которомъ оно находилось въ то время. Одержанныя побѣды, огромная слава побѣдителей непобѣдимаго, преклоненіе всей Европы—на столько подняли національную гордость и чувство патріотизма, что легко вѣрилось во все то, что выставляло русскихъ въ ореолѣ славы и недосягаемаго величія. Это настроеніе прекрасно характеризовано г. Игнатовымъ въ его статьяхъ о развитіи русскаго театра въ первой четверти прошлаго столѣтія [1]). Но и тогда, повидимому, были люди, которые относились скептически къ этой легендѣ. Ермоловъ пишетъ: Напрасно многіе ищутъ оправдаться въ этомъ (въ сожженіи Москвы) и стараются сложить вину на непріятеля: не можетъ быть преступленія въ томъ, что возвышаетъ честь всего народа... За что отнимать у себя славу пожертвованія столицей, когда справедливый непріятель у насъ ея не похищаетъ. Ни одинъ народъ изъ всѣхъ, предъ счастіемъ Наполеона спрятавшихся, не явилъ подоб-

октября въ Петербургъ Оденталю: „Бонапарте хотѣлъ увѣрить, что Москва зажигалась по приказанію Ростопчина, что онъ же желалъ порядка, тогда какъ варваръ подкапывалъ Кремль и взорвалъ его отъѣзжая"... (Русская Старина 1912 г. № 11, стр. 327—328).

[1]) Игнатовъ. Театръ и зрители. Послѣ войны. Голосъ минувшаго. Апрѣль 1913 г.

наго примѣра: судьба сберегла его для славы россіянъ“ [1]). Чѣмъ дальше, чѣмъ болѣе удалялась въ глубь забвенія дѣйствительная обстановка событія, тѣмъ менѣе становилось число скептиковъ и тѣмъ больше росло число вѣрующихъ. Современникъ Граббе еще оговаривается, что „пожаръ былъ дѣломъ немногихъ“, но несомнѣнно, говоритъ онъ, что онъ „былъ мыслью всѣхъ“. Потомъ этой оговорки уже болѣе не требовалось, и пожаръ Москвы сталъ подвигомъ всего русскаго народа.

VI.

Настроеніе Наполеона.

Мы говорили выше о томъ впечатлѣніи, которое произвелъ пожаръ Москвы на Наполеона. Адъютантъ его гр. Сегюръ, имѣвшій возможность близко наблюдать за нимъ въ это время, передаетъ его душевныя переживанія. Первымъ его движеніемъ, говоритъ онъ, былъ гнѣвъ: онъ хотѣлъ властвовать надъ стихіями. Но скоро онъ долженъ былъ преклониться и уступить необходимости. Удивленный тѣмъ, что, поразивъ въ сердце имперію, онъ встрѣтилъ не страхъ и изъявленіе покорности, а нѣчто иное, онъ почувствовалъ, что его побѣдили и превзошли въ рѣшимости. Это завоеваніе, для котораго онъ все принесъ въ жертву, на его глазахъ исчезало въ дыму и пламени. Имъ овладѣло страшное безпокойство, казалось, его самого пожиралъ огонь который насъ окружалъ“ [2]). Это впечатлѣніе было на столько сильно, а предвидимыя послѣдствія его такъ страшны, что непоколебимая воля Наполеона какъ будто зашата-

[1]) Отечеств. Война, т. IV, стр. 161.

[2]) Французы о Россіи, (Biot, colonel. Souvenirs historiques), т. II, стр. 113.

лась. Онъ не зналъ, на что рѣшиться. Его выдающіеся маршалы Ней и Мюратъ (король Неаполитанскій) совѣтовали ему не засиживаться въ Москвѣ, пробыть въ ней дней восемь, чтобы дать отдыхъ войскамъ и затѣмъ двинуться назадъ къ Смоленску. Этотъ совѣтъ былъ вѣренъ. Армія могла дойти туда безпрепятственно и до наступленія морозовъ. Правильность послѣдняго предположенія была оправдана фактически. Черезъ нѣсколько дней послѣ вступленія въ Москву былъ отправленъ обозъ съ ранеными, увѣчными и солдатами, нуждавшимися въ продолжительномъ отдыхѣ, въ числѣ коихъ былъ генералъ Нансути. Этотъ обозъ, не смотря на медленность своего движенія, достигъ благополучно Минска раньше, чѣмъ послѣдній былъ занятъ русскими, и не терпѣлъ никакихъ лишеній [1])

Наполеонъ не рѣшился послѣдовать этому совѣту, хотя отказаться отъ предлагаемаго рѣшенія можно было только при томъ условіи, если Наполеонъ предполагалъ остаться зимовать въ Москвѣ. Но на этой мысли онъ не останавливался. Причиной его отказа отъ совѣта Нея и Мюрата было соображеніе политическаго свойства. Онъ боялся того впечатлѣнія, которое произведетъ въ Германіи и даже во Франціи его отступленіе, знаменующее неудачу всего похода. Какъ въ Смоленскѣ онъ не остановился въ въ силу политическихъ, а не военныхъ соображеній, такъ и въ Москвѣ онъ замѣшкался тоже въ силу политическаго мотива, которому принесены были въ жертву соображенія военныя. Эта ошибка была роковая.

Была еще одна причина его рѣшенія подождать,—это надежда на миръ, и эта надежда была тѣмъ сильнѣе, чѣмъ желательнѣе былъ миръ. Но, помимо желательности, основанія для этой надежды были очень слабы, и видъ Москвы

[1]) Отечеств. война, т. IV, стр. 145.

былъ однимъ изъ аргументовъ противъ нея. Все же Наполеонъ хотѣлъ знать, хотя бы приблизительно степень опасности замедленія обратнаго движенія. Онъ приказалъ собрать по календарямъ справки за сорокъ лѣтъ о времени наступленія морозовъ. Эти справки сказали, что таковыхъ слѣдуетъ ожидать къ началу декабря по новому стилю. Стоявшая тогда прекрасная, теплая осень какъ будто подтверждала это предположеніе. Можетъ быть, еслибы оно оправдалось въ дѣйствительности, армія Наполеона не потерпѣла бы того крушенія отъ морозовъ, жертвой котораго она стала, и допущенная Наполеономъ крупная ошибка не имѣла-бы гибельныхъ послѣдствій.

Въ надеждѣ вызвать Александра на переговоры, онъ обращается къ начальнику воспитательнаго дома Тутолмину, оставшемуся въ Москвѣ со своими питомцами. Онъ попросилъ у Наполеона разрѣшенія послать донесеніе въ Петербургъ. „Вы можете послать донесеніе, сказалъ Наполеонъ, и я прошу васъ написать при этомъ Императору Александру, котораго я уважаю по прежнему, что я желаю мира“. Это было 6-го сентября. Черезъ два дня послѣ этого онъ самъ пишетъ Александру по поводу московскаго пожара, стараясь отклонить отъ себя подозрѣніе въ томъ, что онъ виноватъ въ немъ. И то, и другое обращенія оставлены были безъ отвѣта. Тревога овладѣла Наполеономъ. Она сказывалась, по словамъ гр. Сегюра, въ вспышкахъ гнѣва. „Особенно это случалось утромъ, когда онъ вставалъ съ постели... По его блѣдному лицу можно было видѣть, что его томила горькая истина его положенія, со всею ясностью представлявшаяся во тьмѣ ночей“.[1]) И все же надежда на миръ не покидала его, хотя и становилась слабѣе. Онъ рѣшается обратиться къ Кутузову. Кого послать? Конечно Коленкура,

1) Отечественная Война, т. IV стр. 175.

который хорошо знаетъ русскихъ; но тотъ именно вслѣдствіе того, что онъ хорошо зналъ положеніе вещей, далъ понять Наполеону всю ошибочность его шага, указывая, что имп. Александръ не согласится на миръ, и что попытка переговоровъ только обнаружитъ всю затруднительность положенія французской арміи. Наполеону не понравились возраженія Коленкура. „Хорошо, рѣзко оборвалъ онъ его, въ такомъ случаѣ я пошлю Лористона". Но послѣдній попробовалъ отклонить отъ себя щекотливое порученіе. Наполеонъ, раздраженный противорѣчіемъ, наконецъ воскликнулъ: „я желаю мира, мнѣ нуженъ миръ, я непремѣнно его хочу заключить, только бы честь была спасена. Отправляйтесь немедлено въ русскій лагерь". Лористонъ отправился и на другой же день состоялось его свиданіе съ Кутузовымъ въ Тарутинскомъ лагерѣ, какъ извѣстно, не принесшее никакихъ результатовъ, но оправдавшее предсказаніе Коленкура. Уже черезъ два дня послѣ свиданія Лористона съ Кутузовымъ англійскій агентъ Тэрконель, сообщая о присылкѣ Лористона съ просьбою о перемиріи, прибавлялъ: „французы признались въ своей слабости".

Наконецъ, узнавъ о пораженіи авангарда при Тарутинѣ, Наполеонъ понялъ, что ждать больше нечего, и рѣшилъ выступить изъ Москвы, что и начато было 6/18 октября. Это рѣшеніе, конечно, было правильно. Зимовать въ Москвѣ по всѣмъ соображеніямъ было нельзя. Но это рѣшеніе запоздало на цѣлыхъ 20—25 дней, и это опозданіе стало роковымъ для арміи и всей кампаніи.

VII.

Настроеніе русскихъ.

Вернемся къ другой сторонѣ и взглянемъ на то, въ какомъ настроеніи былъ Александръ и войско въ эту тяж-

кую годину. Мы видѣли, въ какомъ бодромъ настроеніи онъ пріѣхалъ изъ Москвы, Теперь, послѣ паденія столицы, тѣмъ тяжеле было его настроеніе духа, что онъ не могъ освободиться отъ мысли объ отвѣтственности за судьбу Россіи. Въ этомъ печальномъ настроеніи духа онъ лишенъ былъ утѣшенія въ томъ, что общественное мнѣніе его поддерживаетъ. Напротивъ, какъ это нерѣдко бываетъ, тѣ, которые его толкали на войну съ Наполеономъ и нападали въ свое время на него за союзъ съ этимъ исчадіемъ революціи, теперь осыпали его обвиненіями во всемъ, въ чемъ можно было и въ чемъ совсѣмъ нельзя было его винить, не нарушая элементарной справедливости. Враждебное ему настроеніе общества было такъ сильно, что боялись всего худшаго. Когда подошелъ день праздника коронаціи (15 сентября), ему настойчиво совѣтывали не ѣхать въ соборъ верхомъ, какъ это онъ обыкновенно дѣлалъ, но ѣхать съ императрицами въ закрытой каретѣ. Въ первый и послѣдній разъ онъ послушался этого совѣта осторожности, и это свидѣтельствуетъ о томъ, какъ велики были опасенія. На всемъ пути отъ Каменноостровскаго дворца и до Казанскаго собора стояли толпы народа мрачныя и молчаливыя; ни одного клика, ни одного привѣта не раздалось на встрѣчу. По мѣрѣ приближенія къ собору толпа становилась все гуще, и зловѣщее молчаніе царило всюду. Вся площадь Казанскаго собора запружена была народомъ, хранившимъ глубокое молчаніе. „Никогда въ жизни не забуду тѣхъ минутъ, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ фрейлина гр. Эдлингъ, когда мы поднимались по ступенямъ въ соборъ, слѣдуя среди толпы. Не раздалось ни одного привѣтствія. Можно было слышать наши шаги, и я нисколько не сомнѣваюсь, что достаточно было малѣйшей искры, чтобы все воспламенить кругомъ. Я взглянула на Государя, поня-

ла, что происходитъ въ его душѣ, и мнѣ показалось, что колѣни подо мной подгибаются. [1]).

Обвиненія публики доходили до Александра; но они по его словамъ, не могли его трогать глубоко, потому что обвинявшіе его люди не знали его. Но обвиненія шли и со стороны тѣхъ, кто зналъ, и ему довелось испить чашу горечи обвиненій и со стороны близкихъ людей. Такимъ близкимъ ему человѣкомъ, котораго онъ любилъ, была сестра его Екатерина Павловна. Она его тоже очень любила; но она сильно поддавалась первому впечатлѣнію, плохо разбиралась въ событіяхъ и не способна была, повидимому, разбираться критически въ томъ, что говорятъ. Въ письмѣ своемъ къ Азександу, написанномъ изъ Ярославля 6 сентября, т. е. черезъ чеыре дня послѣ оставленія Москвы, она передаетъ ему обвиненія въ томъ, что онъ будто бы не сдержвлъ своего обѣщанія москвичамъ быть съ ними и въ томъ, что онъ оставилъ армію. Она говоритъ между прочимъ: „Взятіе Москвы довело до высшаго предѣла раздраженіе умовъ. Недовольство достигло высшей точки, и Васъ лично не щадятъ. Если это доходитъ до меня, то судите объ остальномъ. Васъ громко обвиняютъ въ бѣдствіяхъ Имперіи, въ общей разрухѣ и частной (générale et particulière), наконецъ въ томъ, что вы погубили честь страны и Вашу личную честь“. Она говоритъ, что ему не угрожаетъ никакое революціонное движеніе, но нѣсколько разъ повторяетъ въ письмѣ, что личная честь Александра затронута. Въ концѣ письма она говоритъ: „Не мнѣ указывать Вамъ, что дѣлать; но спасайте Вашу честь, которая затронута (qui est attaqué). Ваше присутствіе можетъ вернуть вамъ расположеніе умовъ; не пренебрегайте никакимъ средствомъ и не думайте, что я преувеличиваю. Нѣтъ, къ несчастью, я гово-

1) Шильдеръ. Императоръ Александръ I. т. III, стр. 118.

рю правду (vrai) и сердце обливается кровью у той, которая столькимъ Вамъ обязана и которая желала бы цѣною тысячи жизней извлечь Васъ изъ того положенія, въ которомъ Вы находитесь".

Это письмо любимой сестры задѣло Александра за живое. Его можно было понять такъ, какъ будто и она сама не чужда тѣхъ обвиненій, которыя она передавала. Онъ такъ и понялъ это письмо [1]) и нѣсколько дней спустя отвѣчалъ на него длиннымъ письмомъ, занимающимъ въ въ изданіи Вел. Князя Николая Михайловича семь печатныхъ страницъ большого формата. Это письмо отъ 18 сентября очень интересно по своему фактическому содержанію, но оно вмѣстѣ съ тѣмъ характеризуетъ настроеніе императора Александра въ это время. Онъ подробно и обстоятельно опровергаетъ тѣ обвиненія, которыя противъ него выставлялись. Онъ напоминаетъ сестрѣ тѣ обстоятельства, при которыхъ онъ оставилъ армію, и указываетъ ей, какъ она сама настаивала на томъ, чтобы онъ не оставался при арміи. Онъ объясняетъ ей, что никогда не обѣщалъ воротиться въ Москву и къ тому же не имѣлъ для этого ни случая, ни времени. „Вы говорите, пишетъ онъ, спасайте вашу честь, на которую нападаютъ. Ваше присутствіе можетъ вернуть вамъ расположеніе умовъ". Разумѣете ли вы подъ этимъ мое присутствіе въ арміи? Какъ же примирить два такихъ противоположныхъ мнѣнія. Послѣ того, какъ я, оставивъ армію, принесъ мое самолюбіе въ жертву общей пользѣ, такъ какъ думали, что я тамъ вреденъ, что я снималъ всю отвѣтственность съ генераловъ, что я не внушаю никакого довѣрія войскамъ, что, наконецъ, неудачи, которыя будутъ приписываемы мнѣ, будутъ болѣе важны,

1) Corespondance... стр. 83 и 84. Письмо Екатерины Павловны 6 сентября.

чѣмъ тѣ, которыя будутъ приписываемы моимъ генераламъ, послѣ всего этого судите теперь сами, мой добрый другъ, какъ мнѣ больно слышать, когда мнѣ говорятъ, что моя честь этимъ затронута, тогда какъ я, оставляя армію, дѣлалъ только то, чего другіе хотѣли, тогда какъ у меня не было иного желанія, какъ остаться при ней".

Говоря объ этой душевной тяжести, онъ пишетъ; „совершенно откровенно долженъ, признаться, что быть не признаннымъ публикой (méconnu) или массою людей, которая меня мало знаетъ, или не знаетъ вовсе, мнѣ гораздо менѣе больно, чѣмъ быть покинутымъ тѣми немногими, которымъ я отдавался всей душой и которые, какъ я надѣялся, знаютъ меня вполнѣ. Но даже если это новое горе должно присоединиться къ тѣмъ несчастіямъ, которыя я выношу, я передъ Богомъ клянусь, я никого не буду обвинять; я увидѣлъ бы въ этомъ обычную судьбу несчастныхъ людей: быть всѣми покинутыми".

Въ другомъ мѣстѣ письма онъ говоритъ о себѣ: „что касается меня, мой дорогой другъ, то я могу отвѣчать только за свое сердце, за свои стремленія и за радѣніе о всемъ томъ, что можетъ, по моему глубокому убѣжденію, служить благу и пользѣ моего отечества"... Обращаясь къ современному моменту и къ понесеннымъ неудачамъ, Александръ обращаетъ вниманіе своей собесѣдницы на то, что эти неудачи не непредвидѣны, что онѣ совершенно понятны, если принять во вниманіе превосходство силъ противника и въ особенности талантливость предводителя этихъ силъ Наполеона. „Припомните, пишетъ онъ, что часто въ разговорахъ нашихъ съ вами обоими (Екатериною Павловною и ея мужемъ) мы ихъ предвидѣли, даже потерю обѣихъ столицъ считали возможною и думали, что только настойчивость можетъ быть лѣкарствомъ противъ золъ этого жестокаго времени. Далекій отъ того, чтобы падать духомъ подъ тяжестью

всѣхъ огорченій (deboires), которыя на меня обрушиваются, я рѣшилъ, болѣе чѣмъ когда либо, быть настойчивымъ въ борьбѣ, и всѣ мои заботы направлены къ этой цѣли“ [1]).

Приведенныя строки изъ письма Императора къ своему близкому другу свидѣтельствуютъ о томъ тяжеломъ настроеніи духа, въ которомъ находился въ это время Александръ. Нерѣдко бываетъ, что человѣкъ, подавляемый тяжестью обрушивающагося на него горя и не видя исхода и утѣшенія въ земныхъ силахъ, обращается къ Тому, Кто сказалъ: „придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и азъ упокою вы“. А Александръ былъ до этихъ поръ лишенъ этого источника утѣшенія въ скорби. Онъ не получилъ религіознаго воспитанія и по своимъ убѣжденіямъ былъ деистъ. Но именно въ это время безъисходнаго горя въ немъ происходитъ душевный поворотъ, который далъ ему это утѣшеніе и поддержку. Однажды онъ гулялъ съ своимъ другомъ кн. А. Н. Голицынымъ по Каменному острову и повѣрилъ ему свое безъисходное горе послѣ пожара Москвы. Кн. Голицынъ, который незадолго передъ тѣмъ изъ празднаго гуляки сталъ обращаться въ степеннаго человѣка и заниматься чтеніемъ священнаго Писанія, посовѣтовалъ Александру поискать утѣшенія въ этомъ источникѣ. Онъ ничего не отвѣтилъ ему на это предложеніе, но, вернувшись домой, попросилъ у жены Библію. Императрица очень удивилась этой неожиданной просьбѣ и дала ему Библію. Государь ушелъ къ себѣ, принялся читать и почувствовалъ себя перенесеннымъ въ новый для него кругъ понятій. Онъ сталъ подчеркивать всѣ тѣ мѣста, которыя могъ примѣнить къ своему собственному положенію, и, когда вновь перечитывалъ ихъ, ему казалось, что какой то дружескій голосъ придавалъ ему бодрости и разсѣевалъ его

1) Correspondance de l'Empereur Alexandre I. стр. 91 и 92.

заблужденія. „Пожаръ Москвы освѣтилъ мою душу, признавался потомъ императоръ Александръ прусскому епископу Эйлерту, и наполнилъ мое сердце теплотой вѣры, какой я не ощущалъ до тѣхъ поръ. Тогда я познался Бога". Пламенная и искренняя вѣра проникла ему въ сердце. „Про эти подробности, пишетъ гр. Эдлингъ, я узнала много позже отъ него самого".

Утѣшеніе, найденное Александромъ въ религіи, дало ему поддержку въ рѣшеніи, не смотря ни на что, продолжать войну. Эта стойкость была ему необходима именно теперь, потому что многіе изъ близкихъ ему лицъ поколебались и склонны были къ заключенію мира съ Наполеономъ. Братъ Государя цесаревичъ Константинъ Павловичъ, графъ Румянцевъ, гр. Аракчеевъ, мин. полиціи Балашевъ были за заключеніе мира. Сама императрицд Марія Ѳедоровна, которая во время Тильзита была ненавистницей „этого изверга" Наполеона и упрекавшая сына за дружбу съ нимъ, теперь была подавлена несчастьемъ и совѣтовала ему преклониться предъ неотразимою судьбою. Немногія лица наряду съ бар. Штейномъ были за продолженіе войны; таковы: адмиралъ Шишковъ и гр. Кочубей. Самъ Александръ стойко держался взгляда, что необходимо продолжать войну во что бы то ни стало. Его другъ-сестра Екатерина Павловна энергично поддерживала его въ его рѣшеніи. Сообщая ему объ оставленіи Москвы, она какъ бы кричитъ въ письмѣ: „только не миръ, мой милый другъ, только не миръ, даже если-бы вы очутились въ Казани... Не забывайте вашего рѣшенія: „никакого мира" [1]). Лица, наблюдавшія императора Александра, въ это времи, отмѣчаютъ его твердую рѣшимость продолжать войну. Де-Местръ пишетъ: „императоръ твердъ и слышать не хочетъ о мирѣ". Онъ пишетъ своей сестрѣ Екате-

1) Correspondance... стр. 88. Письмо 3 сентября.

ринѣ Павловнѣ „будьте увѣрены, что мое рѣшеніе продолжать борьбу болѣе непоколебимо, чѣмъ когда либо. Я предпочитаю скорѣе перестать быть тѣмъ, что я есмь, чѣмъ войти въ соглашеніе съ чудовищемъ, составляющимъ несчастіе міра. Я возлагаю мою надежду на Бога, на чудный характеръ нашей націи и на настойчивость, съ которою я рѣшился не склоняться подъ ярмомъ“ [1]). Когда Кутузовъ донесъ ему о своемъ свиданіи съ Лористономъ, онъ послалъ ему выговоръ въ собственноручномъ письмѣ и требовалъ впредь не допускать какихъ либо переговоровъ и клонящихся къ миру сношеній съ непріятелемъ. Къ этому онъ присоединилъ строгій выговоръ Бенигсену за его разговоръ съ Мюратомъ на передовыхъ позиціяхъ въ Тарутинѣ.

Еще ранѣе того въ разговорѣ съ англійскимъ генераломъ Вильсономъ, пріѣхавшимъ изъ арміи, по поводу опасеній мира Александръ поручилъ ему повезти въ армію увѣреніе въ рѣшимости своей вести войну съ Наполеономъ, „пока хоть одинъ французъ останется въ предѣлахъ Россіи. Я не отступлю, сказалъ Государь, отъ своихъ обязательствъ, чтобы ни случилось. Я готовъ отправить свое семейство въ отдаленныя губерніи и принести всевозможныя жертвы...“ Отпуская Вильсона онъ повторилъ эти увѣренія и прибавилъ: „лучше отрощу себѣ бороду и буду питаться картофелемъ въ Сибири“. Этотъ разговоръ былъ еще до Бородина. Около того же времени императрица Елисавета Алексѣевна писала своей матери письмо, изъ котораго видно, что она была солидарна съ Александромъ въ его рѣшимости не уступать. „Мы готовы дѣйствительно на все, только не на переговоры... таково единодушное мнѣніе Императора и всего народа, всѣхъ классовъ общества. Благодаря Бога, въ этомъ отношеніи существуетъ полное согласіе“...

---

1) Ibidem, стр. 84. Письмо Императора Александра 7 Сент.

„Этотъ миръ, который былъ бы смертнымъ приговоромъ Россіи, къ счастью не можетъ быть заключенъ; Императоръ не допускаетъ и мысли объ немъ, а если бы даже онъ и желалъ этого, то не могъ бы осуществить своего желанія. Вотъ прекрасная и героическая сторона нашего положенія“ [1]). Эти слова даютъ намекъ на настроеніе арміи, которое дѣйствительно было бы серьезнымъ препятствіемъ къ мирному соглашенію съ Наполеономъ въ эту эпоху.

Сердце Александра и многихъ близкихъ ему людей въ тяжелую минуту испытаній билось въ унисонъ съ сердцемъ русской арміи, этимъ крупнѣйшимъ дѣятелемъ 1812 года. Настроеніе ея было тоже самое. Она не только не желала мира въ это время, но, напротивъ, боялась его, какъ вещи безславной, могущей унизить ея достоинство. Такое настроеніе арміи сказалось въ нѣсколькихъ, единичныхъ, но характерныхъ проявленіяхъ. 15 августа Багратіонъ пишетъ Аракчееву письмо по поводу слуховъ о склонности правительства заключить миръ: „Слухъ носится, что вы думаете о мирѣ. Чтобы помириться—Боже сохрани! Послѣ столькихъ пожертвованій и послѣ столькихъ сумазбродныхъ отступленій—мириться! Вы поставите всю Россію противъ себя, и всякій изъ насъ за стыдъ поставитъ носить мундиръ. Надо драться, пока Россія можетъ и пока люди на ногахъ, ибо война теперь не обыкновенная, а національная“ [2]) Повидимому, тѣже слухи побудили командный составъ арміи къ очень рѣзкому и необычному заявленію. Англійскій генералъ Вильсонъ, по уполномочію генераловъ и высшихъ офицеровъ арміи поѣхалъ въ Петербургъ съ просьбою объ удаленія Румянцева, какъ сторонника мира. Онъ былъ при-

---

1) Шильдеръ. Императоръ Александръ I, т. III, стр. 114.

2) Отечественная Война. т. IV стр. 157. Статья Жаринова.

нятъ Государемъ 22 августа. Онъ заявилъ ему отъ имени всей арміи, что только удаленіе графа Румянцева изъ министерства можетъ возстановить полное довѣріе къ повелѣніямъ правительства, и что затѣмъ всякое приказаніе изъ Петербурга о прекращеніи военныхъ дѣйствій и открытіи переговоровъ съ французами, будетъ принято не за дѣйствительное выраженіе воли государя, а за выраженіе постороннихъ злоумышленныхъ внушеній, что поэтому армія намѣрена продолжать войну, пока непріятель не будетъ изгнанъ изъ предѣловъ имперіи... Закончивъ свои объясненія, Вильсонъ просилъ Александра принять во вниманіе опасное положеніе государства, могущее служить извиненіемъ поступка, внушеннаго чистѣйшими побужденіями любви къ отечеству и преданности государю. Какъ бы ни объяснять мотивы этого заявленія, оно было слишкомъ необычно и отзывалось вмѣшательствомъ войска въ прерогативы монарха. Впечатлѣніе его было чрезвычайно сильно. Во время этого объясненія, говоритъ Шильдеръ, государь нѣсколько разъ измѣнялся въ лицѣ. Когда Вильсонъ кончилъ, императоръ подошелъ къ окну и оставался тамъ одну или двѣ минуты, какъ бы желая собраться съ мыслями. Затѣмъ онъ подошелъ къ Вильсону, взялъ его за руку, обнялъ и сказалъ: „Вы единственный человѣкъ, отъ котораго я могъ выслушать это сообщеніе... но вамъ не трудно понять, въ какое положеніе вы поставили меня, государя Россіи (Moi! Souverain de la Russie!). Я долженъ былъ выслушать это". Объяснивъ Вильсону невѣрность представленія о роли Румянцева въ политикѣ отношеній къ Наполеону, онъ назначилъ Вильсону аудіенцію на другой день и сказалъ, что онъ подумаетъ обо всемъ этомъ.

Когда на другой день Вильсонъ явился въ назначенное время, Александръ встрѣтилъ его словами: „господинъ посланникъ мятежниковъ (Monsieur l'ambassadeur des rebel-

les). Я думалъ всю ночь о нашемъ вчерашнемъ разговорѣ. Вы повезете въ армію увѣреніе въ моей рѣшимости продолжать войну съ Наполеономъ... Но что касается выбора моихъ собственныхъ министровъ, то въ этомъ дѣлѣ я не могу дѣлать уступокъ. Такая сговорчивость повлекла бы за собою другія требованія, еще болѣе неумѣстныя и неприличныя“ [1]). Отпуская Вильсона въ армію, онъ еще разъ обнадежилъ его относительно своего твердаго рѣшенія продолжать войну и сдѣлалъ ему заявленіе, о которомъ мы выше упомянули.

Миссія Вильсона, представляя собою явленіе совершенно выходящее изъ ряда вонъ, служитъ въ тоже время яркимъ выраженіемъ того напряженія чувства и стремленія бороться, во что бы ни стало, которое господствовало въ арміи.

Паденіе Москвы вызвало сначала упадокъ духа, но вскорѣ за нимъ появились какъ въ обществѣ такъ и въ арміи признаки подъема и бодрости. Современникъ Гурьевъ пишетъ по этому поводу женѣ своей: „настойчивость одна можетъ насъ вывести изъ унизительнаго состоянія, въ какое мы попали, и рѣшимость быть настойчивыми тверда у всѣхъ... Немыслимо, чтобы 100 тыс. человѣкъ внутри Россіи могли приводить въ трепетъ 45 милльоновъ, настроенныхъ патріотически“. Въ этомъ же родѣ отзывается о настроеніи русскихъ другой современникъ и притомъ нашъ противникъ. Онъ говоритъ по поводу пожара Москвы: „когда мы были несчастными жертвами московскаго пожара, мы не могли не восхищаться великодушнымъ самопожертвованіемъ жителей этого города, которые, подобно испанцамъ, своею храбростью и настойчивостью съумѣли поднять себя до высшаго предѣла настоящей славы“ [2]).

1) Шильдеръ. Александръ I, т. III, стр. 107.

2) Французы въ Россіи, т. II, стр. 10. Labaume. Relation complete de la campagne de Russie.

Подъ вліяніемъ этого подъема одно подозрѣніе, что кто-то хочетъ заключить миръ, вызвало трепетное негодованіе. Когда Кутузовъ былъ извѣщенъ о прибытіи Лористона, онъ рѣшилъ свидѣться съ нимъ не въ лагерѣ, а за линіей форпостовъ совершенно секретно, во избѣжаніе разныхъ толковъ. Но когда слухъ о предстоящемъ свиданіи прошелъ по лагерю, среди генераловъ и старшихъ офицеровъ пошли разговоры о томъ, что Кутузовъ желаетъ заключить съ Наполеономъ конвенцію объ очищеніи русской территоріи и что даже въ этой конвенціи будутъ заключаться предварительныя условія мира. Генералы черезъ Вильсона потребовали отъ Кутузова, чтобы свиданіе послѣдовало въ главной квартирѣ; Вильсонъ грозилъ даже отъ ихъ имени, въ противномъ случаѣ, отказомъ въ повиновеніи, Кутузовъ уступилъ.

VIII.

Партизаны.

Яркимъ выраженіемъ настроенія арміи и проявленіемъ самостоятельной иниціативы тогдашняго офицерскаго персонала являются партизаны. Ихъ было довольно много, но на первомъ планѣ вырисовываются три фигуры: Дениса Давыдова, Фигнера и Сеславина. Идея партизанской войны, явившаяся еще до Бородинскаго боя и навѣянная безоглядной растянутостью французской операціонной линіи, принадлежитъ Давыдову, подполковнику гусарскаго ахтырскаго полка. Онъ замѣтилъ, что при такомъ расположеніи непріятеля большую пользу могутъ принести нападенія на транспорты и отдѣльные отряды непріятеля, и сообщилъ свою мысль Багратіону. Послѣдній отнесся къ его мысли сочувственно и доложилъ о проектѣ Дениса Давыдова

Кутузову. Такъ какъ разговоръ объ этомъ совпалъ съ приготовленіями къ сраженію, то Кутузовъ только отмахнулся отъ этой затѣи. Когда же Багратіонъ сталъ настаивать, онъ разрѣшилъ дать отважному подполковнику 50 гусаръ, да 80 козаковъ. Этотъ отрядъ былъ такъ ничтоженъ для того дѣла, которое затѣвалось, что его считали обреченнымъ на погибель. Самъ Багратіонъ считалъ дѣло при такомъ условіи крайне рискованнымъ и высказалъ свое опасеніе Давыдову; но тотъ отвѣтилъ ему, что ручается своей честью за цѣлость отряда. Въ эту цѣлость никто не вѣрилъ; его заранѣе хоронили, а другіе, посылали черезъ него поклоны нашимъ плѣннымъ у французовъ, считая, что, какъ только отрядъ Давыдова отойдетъ отъ главныхъ силъ, такъ сейчасъ же попадетъ въ руки непріятеля. Положеніе отряда дѣйствительно было опасно. Вся полоса верстъ на тридцать по обѣ стороны отъ Смоленской дороги была занята непріятельскими отрядами. Укрыться отъ нихъ и въ тоже время дѣйствовать противъ нихъ было крайне трудно. Но опасность была и съ другой стороны, со стороны своихъ. На первыхъ порахъ, какъ только отрядъ Давыдова приближался къ деревнѣ, онъ встрѣчалъ группы крестьянъ у въѣзда въ околицу у запертыхъ воротъ. Они были вооружены, чѣмъ попало, и даже иногда стрѣляли въ приближавшихся, или же бросали въ нихъ топорами, не взирая на ихъ русскую рѣчь. Давыдовъ не отступалъ передъ этой враждебностью. Ему надо было превратить крестьянъ въ своихъ союзниковъ, и онъ вступалъ въ переговоры съ ними и обыкновенно убѣждалъ ихъ въ своемъ дѣлѣ. Разъ они убѣждались, что это свой, и впускали въ деревню, картина рѣзко измѣнялась. Начинались откровенные разговоры, являлось угощеніе пирогами, хлѣбомъ и квасомъ. „Сколько разъ, говоритъ Давыдовъ, я спрашивалъ жителей послѣ заключенія съ ними мира: отчего вы полагали насъ французами? и каждый

разъ они отвѣчали мнѣ: да, вишь, родимый, (показывая на гусарскій мой ментикъ), это, баютъ на ихъ одежу схоже. Да развѣ я не русскимъ языкомъ говорю? Да, вѣдь, у нихъ батюшка всякаго сброда люди.—Такъ я на опытѣ узналъ, что въ народной войнѣ должно не только говорить языкомъ черни, но принаравливаться къ ней, къ ея обычаямъ, къ ея одеждѣ. Я надѣлъ мужичій кафтанъ, сталъ отпускать бороду и, вмѣсто ордена св. Анны, повѣсилъ образъ св. Николая и заговорилъ языкомъ вполнѣ народнымъ".

Пробравшись на Медынь, онъ обосновался около села Скугарева въ Медынскомъ уѣздѣ. Село это было расположено на высокомъ мѣстѣ, съ котораго верстъ на восемь кругомъ видно было. Первые дни пребыванія здѣсь были наиболѣе тяжелымъ временемъ, когда нужно было постоянно увертываться отъ непріятельскихъ отрядовъ. Днемъ онъ выслѣживалъ непріятеля, вечеромъ раскладывалъ огни около села, потомъ переходилъ на другое мѣсто и тамъ снова раскладывалъ костры, потомъ отрядъ уходилъ въ лѣсъ и тамъ уже пытался ночевать безъ огней. Но ночевать приходилось почти безъ сна. „Никогда не забуду, говоритъ Давыдовъ, этого ужаснаго времени: и прежде,—и послѣ я бывалъ въ жестокихъ битвахъ, часто проводилъ ночи, стоя, часто засыпалъ на сѣдлѣ, приклонясь къ шеѣ лошади и съ поводьями въ рукахъ, но не десять дней и десять ночей сряду, ибо здѣсь дѣло шло о жизни, а не о чести" Дѣйствуя удачно на сообщенія непріятели и успѣвъ въ нѣсколькихъ малыхъ предпріятіяхъ, Давыдовъ успѣлъ пріобрѣсти довѣріе крестьянъ и ихъ содѣйствіе. Онъ пробрался къ Цареву Займищу и, ловко захвативъ развѣдочный французскій отрядъ, онъ узналъ о приближеніи значительнаго французскаго транспорта со снарядами подъ прикрытіемъ 250 человѣкъ конницы. Выслѣдивъ его расположеніе, онъ палъ ему, какъ снѣгъ на голову, совсѣмъ въ расплохъ и захва-

тилъ его почти совсѣмъ безъ сопротивленія, такъ какъ дѣло было на разсвѣтѣ, когда всѣ спали, 119 человѣкъ и 2 офицера попались въ плѣнъ и десять фуръ съ провіантомъ и одна фура съ папиросами стали добычей смѣлаго партизана. Въ началѣ сентября Давыдовъ присоединилъ къ себѣ два козачьихъ полка, находившихся или, по его выраженію, бродившихъ по Калужской губерніи, да еще 700 человѣкъ русскихъ плѣнныхъ, которыхъ онъ отбилъ у французовъ. Обыкновенно онъ захваченное оружіе раздавалъ крестьянамъ и давалъ имъ указанія, какъ дѣйствовать противъ непріятеля. Пріобрѣтя довѣріе крестьянъ, онъ находилъ между ними множество сотрудниковъ. Они развѣдывали, имъ однимъ извѣстными лѣсными тропами они пробирались отъ одного отряда къ другому и поддерживали связь между ними. Безвѣстными остались для потомства эти скромные герои двѣнадцатаго года, но имя одного изъ нихъ сохранилось и дошло до насъ. Рюховскій дьячекъ Василій Григорьеичъ Рагозинъ отличался особенной энергіей и ловкостью въ выслѣживаніи непріятеля. Обыкновенно онъ отправлялся одинъ, пробираясь верхомъ на своей лошадкѣ лѣсами, которыхъ тогда не мало было между Рюховымъ, Рузой и Можайскомъ. Узнавъ отъ скрывавшихся въ лѣсу крестьянъ, что въ такой то деревнѣ расположился непріятель, Рагозинъ пряталъ свою лошадку въ лѣсу, наряжался нищимъ, выходилъ на дорогу и спокойно шелъ въ занятую непріятелемъ деревню, ходилъ между французами и выпрашивалъ у нихъ, какъ умѣлъ, подаяніе. Французы всегда добродушно относились къ мнимому нищему. Только разъ, заподозривъ въ немъ шпіона, они чуть не убили его. Выслѣдивъ непріятеля, В. Г. Рагозинъ гналъ на своей лошадкѣ въ Волоколамскъ, гдѣ стояли казаки и велъ ихъ на непріятеля. Свѣдѣнія, которыя онъ давалъ, всегда были такъ точны, а подводилъ онъ нашихъ такъ умѣло, что французовъ брали въ плѣнъ почти безъ потерь.

Послѣ первыхъ успѣховъ Дениса Давыдова значеніе придуманной имъ тактики было понято и своими, и чужими. Теперь командующій арміей самъ организуетъ партизанскіе отряды, а Наполеонъ, съ перваго момента понявъ значеніе дѣятельности Давыдова, распорядился захватить его живого или мертваго. Но недостатокъ конницы и слабость, и истощенность ея у французовъ и ловкость, и подвижность Давыдова дѣлали такую задачу почти неисполнимой. Партизанскіе отряды образовали вокругъ арміи Наполеона какъ бы подвижную сѣть, которая обволакивала ее со всѣхъ сторонъ и слѣдила за нею, и дѣлала невозможнымъ отдѣленіе отъ нея какихъ либо отрядовъ съ цѣлями фуражировки. Дѣятельность отряда Давывова выдавалась между другими особенной подвижностью и ловкостью нападеній, какъ равно и ихъ смѣлостью. Никто никогда не зналъ, кромѣ его самого, куда идетъ отрядъ. Въ случаѣ, если кто и попадалъ въ плѣнъ къ непріятелю, послѣдній не могъ изъ него извлечь какую-нибудь пользу, потому что плѣнный и самъ ничего не зналъ. Готовясь къ нападенію, Давыдовъ вообще отличался большою осторожностью, сочетавшеюся въ немъ съ такою же смѣлостью. Въ бою онъ былъ беззавѣтно храбръ, для него бой былъ наслажденіемъ воина-художника. Но въ душѣ у него не было злобы противъ непріятеля. Нечего и говорить, что онъ не отличался по отношенію къ нему какой либо мягкостью и нерѣдко, когда это было нужно, онъ передъ боемъ давалъ распоряженіе, чтобы плѣнныхъ не брали; но никакой жестокости по отношенію къ непріятелю онъ не проявлялъ и совершенно не способенъ былъ охотиться на людей или убивать безоружныхъ, какъ это дѣлалъ Фигнеръ. Напротивъ, разъ непріятель оказывался въ плѣну, онъ находился подъ его защитой, доходившей иногда до картинности. Такъ, однажды у одного плѣннаго поручика Тиллинга козаки отняли часы,

деньги въ бумажникѣ и сняли съ пальца кольцо. Тиллингъ обратился къ Давыдову съ просьбой вернуть ему кольцо, дорогое ему по воспоминаніямъ о любимой женщинѣ. „Увы, пишетъ Давыдовъ, будучи самъ склоненъ ко всему романическому, сердце мое поняло его сердце, и я обѣщалъ постараться удовлетворить его желаніе... Въ это время я пылалъ страстью къ невѣрной, которую полагалъ вѣрною. Чувства моего узника отозвались въ душѣ моей". Давыдовъ распросилъ козаковъ своихъ и, какъ онъ говоритъ, „былъ настолько счастливъ, что отыскалъ не только портретъ, но и волосы и письма ему принадлежащіе, немедленно отослалъ ихъ къ плѣнному поручику при сей запискѣ: recevez, Monsieur, les effets, qui vous sont si chers; puissent-ils, en vous rappelant l'objet aimé, vous prouver, que le courage et le malheur sont respectés en Russie, comme partout ailleurs. Denis Davidoff, partisan".

Эта фраза, нѣсколько театральная, обнаруживаетъ въ Давыдовѣ чувство національной гордости, а поступокъ характеризуетъ его какъ человѣка, способнаго сочувствовать горю и непріятеля. Это былъ человѣкъ истинно военный въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Храбрый, рѣшительный и энергичный, онъ великодушенъ къ побѣжденному и твердо помнитъ русскую поговорку: лежачаго не бьютъ. Военное дѣло было для него любимымъ дѣломъ, а война съ ея опасностями—потребностью его натуры. Въ черномъ чекменѣ, въ красныхъ шароварахъ, съ круглой курчавой бородой, въ черкесской папахѣ на головѣ, всегда бодрый и веселый партизанъ-поэтъ Д. В. Давыдовъ переносилъ труды опасной партизанской службы, по его словамъ, какъ праздникъ. Еще въ юности военное ремесло стало для него страстью. По его собственнымъ словамъ „при первомъ крикѣ войны онъ торчалъ на аванпостахъ, какъ казачья пика" и до самой кончины (1839 г.) онъ, по словамъ кн. Вяземскаго, сохранилъ

изумительную молодость сердца и нрава. Всю жизнь онъ остался полонъ воспоминаній о партизанской дѣятельности: „кочевье на соломѣ, подъ крышей неба, восклицаетъ онъ, вседневная встрѣча со смертью, неугомонная жизнь партизанская! — вспоминаю васъ и теперь съ любовью, когда въ кругу семьи своей пользуюсь полнымъ спокойствіемъ, наслаждаюсь всѣми удовольствіями жизни и весьма счастливъ... Но отчего по временамъ я тоскую о той эпохѣ, когда голова кипѣла отважными замыслами и грудь, полная надежды, трепетала честолюбіемъ изящнымъ и поэтическимъ?“ На конѣ и въ бою, во главѣ своего отряда, онъ забывался до отчаянной храбрости; но судьба пощадила его,—не такъ какъ Фигнера и Сеславина, — и дала ему на склонѣ дней съ отрадой переживать въ воспоминаніяхъ свою кипучую дѣятельность на пользу родины.

Противоположность Давыдову представляетъ Александръ Самойловичъ Фигнеръ. Давыдовъ былъ человѣкъ открытаго характера, Фигнеръ — замкнутаго въ себѣ; первый былъ великодушенъ, второй — жестокъ и даже безсердеченъ; одинъ былъ прямодушенъ и доступенъ великодушнымъ движеніямъ, другой былъ способенъ на возмутительное вѣроломство, хотя не изъ личныхъ побужденій, и душа его, повидимому, совершенно лишена была способности чувствовать къ противнику что-либо, кромѣ фанатической ненависти. Въ одномъ они оба были схожи, это въ безпредѣльной храбрости. Можно сказать, однако, что и тутъ между ними было различіе. Давыдовъ любилъ дѣйствія совмѣстныя съ товарищами, Фигнеръ же предпочиталъ дѣйствовать въ одиночку или съ небольшимъ числомъ людей, и въ своихъ одинокихъ предпріятіяхъ проявлялъ такое безконечное мужество и хладнокровіе, что невольно думается, что онъ совершенно лишенъ былъ самаго понятія о страхѣ. Къ французамъ и, въ частности,

къ Наполеону онъ питалъ фанатическую ненависть. Онъ бралъ плѣнныхъ, но не оставлялъ ихъ въ живыхъ. Поставивъ ихъ въ рядъ, онъ собственноручно убивалъ ихъ по одиночкѣ изъ пистолета. Онъ не только самъ это дѣлалъ, но требовалъ, чтобы и его подчиненные способны были дѣлать это, и съ этой цѣлью, какъ онъ самъ выражался, онъ „натравливалъ козаковъ“ на французовъ. Узнавъ, что у Давыдова были плѣнные, онъ попросилъ у него, чтобы онъ далъ ему ихъ для того, чтобы пріучить молодыхъ казаковъ убивать ихъ. Давыдовъ отказалъ. По отношенію къ плѣнному французу онъ считалъ все дозволеннымъ. Такъ, однажды, взявъ въ плѣнъ французскаго офицера, онъ обласкалъ его, вошелъ съ нимъ въ дружбу, а потомъ, когда узналъ отъ него все, что ему надо было, подошелъ къ нему въ то время, когда тотъ обѣдалъ среди другихъ офицеровъ, и застрѣлилъ его сзади, въ затылокъ. Другого плѣннаго офицера, тоже ставшаго какъ будто его другомъ, онъ приказалъ своему офицеру задушить соннаго, когда же тотъ отказался исполнить такое подлое порученіе, онъ позвалъ одного очень тупого солдата и приказалъ ему исполнить это дѣло. Такихъ случаевъ звѣрскаго отношенія къ людямъ было не мало въ его практикѣ. Племянникъ его, разбираясь потомъ въ причинахъ жестокости партизана и способности его озвѣрѣвать, приписываетъ эту склонность какой-то душевной болѣзни, „не опредѣленной окончательно наукой, но которая наслѣдственно переходила въ нѣсколько поколѣній нашего угасающаго рода“. Генералъ Ермоловъ тоже считалъ Фигнера душевно-ненормальнымъ человѣкомъ.

Война 1812 года застаетъ Фигнера двадцатипятилѣтнимъ артиллерійскимъ офицеромъ. Когда Москва была отдана, онъ испросилъ разрѣшеніе остаться въ городѣ. Оставшись тамъ съ шестью козаками, онъ воспользовался тѣмъ преимуществомъ, которое заключалось въ его совершенномъ

знаніи языковъ: французскаго, итальянскаго и нѣмецкаго. Онъ говорилъ на нихъ такъ, что никогда нельзя было заподозрить въ немъ иностранца. Переодѣваясь, то нищимъ, то офицеромъ, то облекаясь во фракъ, Фигнеръ вращался среди французовъ, внимательно слѣдилъ за всѣмъ и, сойдясь вечеромъ со своими козаками, посылалъ кого нибудь съ вѣстями въ главную квартиру. Нерѣдко ночью съ другими козаками онъ охотился за французскими солдатами по улицамъ Москвы и убивалъ втихомолку. Главная его цѣль была убить самого Наполеона.

Въ концѣ пребыванія французовъ въ Москвѣ, когда главная квартира сама стала организовывать партизанскіе отряды, Фигнеръ сталъ во главѣ одного изъ нихъ и райономъ своей дѣятельности выбралъ подмосковныя села,—самое опасное положеніе,—и очень скоро нанесъ французамъ столько вреда, что Наполеонъ приказалъ захватить его живымъ или мертвымъ и оцѣнилъ его голову. Но онъ былъ столь же ловокъ, какъ и не устрашимъ. Такъ, однажды онъ, переодѣвшись французскимъ кирасирскимъ офицеромъ, выѣхалъ на опушку лѣса, когда по дорогѣ проходилъ непріятельскій отрядъ и окликнулъ французскихъ офицеровъ. Они подъѣхали къ нему, онъ поговорилъ съ ними, распросилъ объ направленіи слѣдованія отряда, потомъ совершенно покойно простился съ ними, поѣхалъ въ лѣсъ, какъ бы возвращаясь къ своему отряду. Въ другой разъ Фигнеръ взялъ съ собою поручика Сумскаго гусарскаго полка Орлова. Надѣвъ французскіе мундиры, они отправились въ главную квартиру командовавшаго авангардомъ французской арміи Мюрата. Пробравшись незамѣтно черезъ цѣпь ведетовъ, Фигнеръ подъѣхалъ къ посту на рѣчкѣ, прикрывавшей непріятельскіе биваки. Пѣхотный часовой, стоявшій на мосту, встрѣтилъ его окликомъ: qui vive? и потребовалъ отзывъ; но Фигнеръ, вмѣсто отзыва, котораго, конеч-

но не зналъ, разругалъ часового за неправильную будто-бы формальность по отношенію къ рунду, повѣряющему посты. Часовой, совсѣмъ сбившійся съ толку, пропустилъ обоихъ партизановъ въ лагерь, куда Фигнеръ явился какъ свой: подъѣзжалъ ко многимъ кострамъ, говорилъ весьма хладнокровно съ офицерами и, узнавъ все, что ему было нужно, возвратился къ мосту. Тамъ снова сдѣлалъ наставленіе знакомому часовому, чтобы онъ не осмѣливался останавливать рундовъ, переѣхалъ черезъ мостъ и сначала пробирался шагомъ, а потомъ, приблизясь къ цѣпи ведетовъ, промчался черезъ нее вмѣстѣ съ Орловымъ подъ пулями и возвратился къ своему отряду.

Въ 1813 году, когда русскіе осаждали Данцигъ, Фигнеръ подъ видомъ итальянца проникъ въ крѣпость и не только свободно наблюдалъ за всѣмъ, что тамъ дѣлается, но сталъ возбуждать жителей противъ французовъ. Этого подозрительнаго итальянца арестовали, и комендантъ генералъ Раппъ лично подвергъ его допросу. Казалось, все пропало; но Фигнеръ не только сумѣлъ оправдаться, но и втерся въ довѣренность къ генералу до такой степени, что тотъ отправилъ его съ важными депешами къ Наполеону. Нечего и говорить, что Фигнеръ ихъ доставилъ въ русскую главную квартиру. Онъ былъ награжденъ чиномъ полковника и вскорѣ организовалъ отрядъ изъ испанцевъ и итальянцевъ, дезертировавшихъ изъ французской арміи. Онъ назвалъ его „батальономъ мстителей“ и съ нимъ сталъ сильно безпокоить французовъ на ихъ флангахъ и въ тылу. Въ одномъ изъ столкновеній онъ былъ припертъ превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ къ рѣкѣ Эльбѣ и, не видя выхода, кинулся въ рѣку. Будучи раненъ, онъ не могъ справиться съ теченіемъ и утонулъ. Тѣла его не могли найти.

Иную фигуру, чѣмъ первые два, представляетъ изъ себя партизанъ Сеславинъ. Александръ Никитичъ Сесла-

винъ (род. 1780 г.) отличался бо̀льшей вдумчивостью въ своихъ дѣйствіяхъ и особенной содержательностью тѣхъ задачъ, которыя онъ ставилъ себѣ въ качествѣ партизана. Въ то время какъ Фигнеръ былъ человѣкомъ аффекта и эффекта, когда Давыдовъ былъ рубакой и поэтомъ войны, который чувствовалъ себя въ сраженіи, какъ въ родной ему стихіи, Сеславинъ всегда имѣлъ въ виду общія стратегическія задачи и старался сообразоваться съ ними въ своихъ дѣйствіяхъ. Такъ же, какъ и другіе партизаны, онъ безпокоилъ, чѣмъ только могъ, французовъ, но, какъ кажется, онъ главное вниманіе свое сосредоточилъ на томъ, чтобы не упустить момента. когда начнется отступленіе французовъ изъ Москвы. Въ этотъ важный поворотный моментъ, когда рѣшалась дальнѣйшая судьба кампаніи и когда Кутузовъ, встревоженный извѣстіемъ Дорохова о начавшемся движеніи Наполеона изъ Москвы, послалъ значительный отрядъ подъ начальствомъ Дохтурова, чтобы опредѣлить направленіе этого движенія, Сеславинъ въ лѣсу, неподалеку отъ дороги на Боровскъ взобрался на дерево и слѣдилъ внимательно за движеніемъ французовъ. Онъ видѣлъ и карету, въ которой ѣхалъ Наполеонъ. Воспользовавшись тѣмъ, что нѣсколько человѣкъ отдѣлились отъ отряда и приблизились къ опушкѣ онъ съ своими людьми схватилъ ихъ и добылъ свѣдѣнія о направленіи движенія французовъ. Когда онъ донесъ объ этомъ Дохтурову, тотъ изъ осторожности не рѣшился положиться на это донесеніе. Тогда Сеславинъ въ порывѣ увлеченія кидается къ французскимъ бивуакамъ, ловко захватываетъ нѣсколько плѣнныхъ, лично перекидываетъ одного изъ нихъ себѣ черезъ сѣдло и доставляетъ Дохтурову. Изъ опроса выяснилось, что первое донесеніе было вѣрно и что Наполеонъ идетъ къ Малоярославцу и къ Калугѣ. Это извѣстіе, во̀время доставленное, охранило отрядъ Дохтурова отъ пораженія и дало возможность Ку-

тузову загородить дорогу Наполеону въ Малоярославцѣ. Напротивъ, опоздай это свѣдѣніе,—Наполеонъ могъ обойти Кутузова, и кампанія могла получить иной оборотъ.

И въ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ Сеславинъ стремился занимать возможно раньше важные стратегическіе пункты на пути французовъ. Такъ, онъ вóвремя занялъ Вязьму, отрѣзавъ французскій арьергардъ, занялъ Борисовъ, гдѣ захватилъ 3000 плѣнныхъ и одинъ разъ въ концѣ ноября чуть было не захватилъ въ плѣнъ самого Наполеона. Ему принадлежитъ честь захвата Вильны, когда французы еще не успѣли тамъ оправиться отъ ужасовъ похода отъ Березины. Этимъ онъ заставилъ ихъ спѣшить уходомъ оттуда и оставить большіе запасы провіанта и амуниціи. Вообще это былъ партизанъ, у котораго его частная задача начальника отряда болѣе, чѣмъ у другихъ, согласовалась съ тѣми общими цѣлями, которыя въ каждый данный моментъ должны были осуществляться главними силами арміи. По пріемамъ веденіа своего дѣла онъ былъ ближе къ Давыдову, чѣмъ къ Фигнеру, и оба эти сотоварища по оружію отзываются объ немъ съ большимъ уваженіемъ. Давыдовъ пишетъ: „Сеславина я ставлю несравненно выше Фигнера и какъ воина, и какъ человѣка, ибо къ военнымъ качествамъ Фигнера онъ присоединялъ строжайшую нравственность и изящное благородство чувствъ и мыслей, въ личной же храбрости не подлежитъ никакому сомнѣнію: онъ Ахиллъ, а тотъ Улисъ“. „Сеславинъ достойнѣе меня, говорилъ Фигнеръ;—на немъ меньше крови“.

Сеславинъ дѣйствовалъ и въ 1813 году, и въ 1814. Этотъ серьезный и блестящій въ то же время артиллерійскій офицеръ, кончилъ службу генералъ-майоромъ. Но въ старости онъ пришелъ къ мысли, что его заслуги недостаточно оцѣнены, впалъ въ мизантропію, и одиноко и печально кончилъ свою жизнь въ деревнѣ на 78 году (1858 г.).

Дѣятельность военныхъ партизановъ едвали была бы столь успѣшной, если-бы она не находила содѣйствія въ широкихъ слояхъ населенія. Съ этой стороны она тѣсно соприкасается съ народной войной, начавшейся со времени отступленіи французовъ изъ Москвы. Сначала населеніе не вступало въ борьбу съ французами. Даже кое гдѣ между нимъ и ими налаживались торговыя сношенія. Такъ было въ Москвѣ. Подмосковные крестьяне стали было привозить продукты въ столицу; но эти попытки были неудачны, потому что тамъ ихъ ограбили солдаты. Но крестьяне тоже являлись въ Москву, привлекаемые слухомъ, что тамъ дешево можно пріобрѣсти мѣдныя деньги, соль и даже ассигнаціи. Ихъ привлекала также возможность собирать разное добро, оставшееся въ обгорѣлыхъ домахъ и лавкахъ. Мѣди оказалось много въ подвалахъ въ Кремлѣ. Мѣшокъ мѣдныхъ денегъ, по словамъ одного колоніальнаго торговца, стоящій 25 р., можно было пріобрѣсти за ту же цѣну, какъ и четверть соли, т. е. за 4 рубля ассигнаціями или за одинъ серебряный рубль. Число покупателей все увеличивалось по мѣрѣ того, какъ крестьяне съ цѣлыми грузами соли и мѣдныхъ денегъ возвращались невредимо домой [1]). Въ Смоленскѣ торговыя сношенія наладились. Въ Витебскѣ, по словамъ французскаго генерала Дедема крестьяне относились къ нимъ лучше, чѣмъ къ своимъ помѣщикамъ. Для взаимныхъ отношеній русскихъ и французовъ характерны сношенія войскъ французскаго авангарда генерала Себастіани съ козаками русскаго аріергарда. Маршалъ Кастелланъ въ своемъ дневникѣ сообщаетъ объ этомъ со словъ генерала Себастіани, пріѣзжавшаго въ Москву. „Со времени взятія Москвы они въ дружескихъ отношеніяхъ съ козаками. Авангардъ (французскій) подвинулся на восемь

[1]) „Французы въ Россіи“, т. II, стр. 113.

миль. Передъ выступленіемъ онъ предупреждалъ козаковъ, которые тоже выступали. Когда генералъ Себастіани хотѣлъ остановиться, онъ давалъ объ этомъ знать непріятелю; послѣдній занималъ позиціи. Конные патрули устанавливались на разстояніи пистолетнаго выстрѣла, лагери—ружейнаго. Генералъ Себасгіани посылалъ вино козацкому генералу. Установили соглашеніе не драться безъ предупрежденія. 18-го (сентября н. с.) они прислали сказать, что не могутъ оставить позиціи безъ приказа. Генералъ Себастіани отвѣтилъ, что онъ долженъ занять ихъ; дали нѣсколько пушечныхъ залповъ, произвели атаку. Въ дружескихъ отношеніяхъ къ вечеру ничего не измѣнилось. Козаки продолжали жить въ дружескихъ отношеніяхъ съ нашими кавалеристами. Наши гусары дѣлятся съ ними виномъ [1]).

Такія отношенія не свидѣтельствуютъ о ненависти непріятелей. Они измѣняются рѣзко послѣ того, какъ французы, ища провизіи и фуража, стали грабить и обращаться жестоко съ населеніемъ подмосковныхъ деревень. Населеніе съ своей стороны стало противодѣйствовать этимъ насиліямъ и жестоко мстить непріятелю. Генералъ Ермоловъ склоненъ даже думать, что при иной тактикѣ непріятеля никакой народной войны и не было-бы. „Если-бы, говоритъ онъ, вмѣсто звѣрства и насилій, непріятель употребилъ кроткое съ поселянами обращеніе и къ тому еще не пожалѣлъ денегъ, то армія (французская) не только не подверглась бы бѣдствіямъ ужаснѣйшаго голода, но и вооруженіе жителей или совсѣмъ не имѣло бы мѣста, или было бы не столь общее и не столь пагубное“ [2]). Трудно конечно сказать, что было бы, если бы не такое поведеніе французовъ; но вѣроятнѣе предположеніе, что не только оно было причиной на-

[1]) „Французы въ Россіи“, т. II, стр. 9.

[2]) Отечественная война, т. IV, стр. 230.

родной войны. Само вторженіе непріятеля въ сердце Россіи вызывало въ населеніи враждебное чувство, а пожаръ Москвы не могъ не обострить его. Генералъ Жюно послѣ Смоленска писалъ своей женѣ, что французы вступили въ Испанію, только безъ границъ. Такъ онъ характеризовалъ настроеніе русскаго населенія къ непріятелю.

Какъ бы то ни было, изъ какихъ бы побужденій не вышла народная война, она представляетъ собою фактъ крупной важности и сыграла большую роль въ гибели непріятеля. Но для вѣрнаго пониманія этого явленія, не слѣдуетъ его преувеличивать. Прежде всего районъ народной войны былъ довольно ограниченъ. Онъ захватилъ главнымъ образомъ западную часть Московской губерніи и восточную часть Смоленской. Тактика крестьянъ заключалась въ томъ, чтобы нападать на французовъ нечаянно и истреблять ихъ возможно больше, или же забирая въ плѣнъ, доставлять по начальству. Когда нападенія французовъ на деревни стали чаще, то и дѣйствія крестьянъ противъ нихъ изъ эпизодическихъ, какими они были сначала, стали болѣе общими и болѣе организованными. Они выслѣживали непріятеля, наблюдая за нимъ съ верхушекъ деревьевъ и, если отрядъ непріятеля былъ незначителенъ, они старались окружить его и истребить такъ, чтобы не обнаружить своего притона. Если же онъ оказывался значительнымъ, дозорные давали знать объ немъ по сосѣднимъ селамъ и собирались большимъ отрядомъ для нападенія на него, или же давали знать военнымъ партизанамъ. Интересно, что въ нападеніяхъ на французовъ принимали участье и женщины. Въ Боровскѣ двѣ дѣвушки убили четырехъ французовъ. Нѣсколько дней тому назадъ, говоритъ одинъ современникъ, крестьянки привели взятыхъ ими въ плѣнъ французовъ. А въ Сычевскомъ уѣздѣ Смоленской губ. прославилась старостиха Василиса своими дѣйствіями противъ французовъ съ предводитель-

ствуемымъ ею отрядомъ. Для характеристики дѣйствій крестьянъ можетъ служить случай, бывшій въ селѣ Каменкѣ. 500 человѣкъ французовъ, привлеченныхъ богатствомъ этого селенія, вступили въ Каменку. Жители встрѣтили ихъ съ хлѣбомъ-солью и спрашивали ихъ, что имъ надобно. Поляки, служившіе переводчиками, требовали вина. Начальникъ села приказалъ отворить имъ погреба и предложить обѣдъ. „Оголодѣлые галлы не остановились пить и кушать; проведя день въ удовольствіи, расположились спать. Среди темноты ночной крестьяне отобрали у сонныхъ оружіе и увели лошадей и, закричавъ ура, напали на сонныхъ и полутрезвыхъ непріятелей, дрались цѣлыя сутки и, потерявъ сами 30 человѣкъ, побили ихъ сто и остальныхъ 400 отвели въ Калугу“ [1]). Большею часть однако съ плѣнными обходились очень жестоко, подвергая ихъ всякаго рода истязаніямъ. Сначала, когда плѣнные попадались не часто, съ ними долго возились, подвергая мученіямъ. Потомъ, когда замерзшіе и голодные французы чуть не сами въ руки лѣзли, ихъ уничтожали цѣлыми партіями: сжигали живьемъ въ сараяхъ или же закапывали живыми въ землю, вырывая большія ямы.

Нѣкоторые партизанскіе отряды изъ крестьянъ были весьма значительны и стали извѣстны. Таковыми были отряды, предводимые крестьянами Стуловымъ и Куринымъ. Иногда такіе отряды организовывались солдатами, отбившимися отъ своихъ отрядовъ. Одинъ изъ такихъ предводителей сталъ извѣстенъ широкой округѣ. Это былъ унтеръ-офицеръ Четвертаковъ. Свалившись съ раненой лошади, онъ попалъ въ плѣнъ, сумѣлъ бѣжать и добрался до деревни Басманы. Не желая оставаться безъ дѣла, онъ предложилъ крестьянамъ вооружиться и идти на французовъ.

[1]) Отечественная война, т. IV, стр. 233.

Тѣ отнеслись недовѣрчиво къ Четвертакову. Нашелся только одинъ охотникъ, съ которымъ онъ и отправился въ путь. Дорогой они убили двухъ французскихъ кавалеристовъ и сѣли на ихъ лошадей. Въ Зодновѣ къ нимъ присоединилось человѣкъ сорокъ крестьянъ. Четвертаковъ посадилъ ихъ всѣхъ на лошадей и вооружилъ пиками. Убивая французовъ, они забирали ихъ лошадей и оружіе, и стали очень успѣшно дѣйствовать. Слухи объ немъ широко распространились, и когда онъ вторично появился въ Басманахъ, его встрѣтили съ восторгомъ, и къ нему присоединилось теперь ужъ триста человѣкъ. Послѣ этого Четвертаковъ превратился изъ случайнаго партизана въ защитника данной мѣстности. Обосновался въ Басманахъ, организовалъ развѣдки, устроилъ пикеты и повелъ правильныя дѣйствія противъ непріятеля. Впослѣдствіи, по удаленіи непріятеля, наряжена была слѣдственная комиссія для повѣрки дѣйствій Четвертакова, и она установила, что въ округѣ въ 35 верстъ отъ Гжатской пристани страна не была разорена, тогда какъ внѣ этого района всѣ деревни лежали въ развалинахъ. Этотъ результатъ былъ заслугой Четвертакова.

Въ Смоленской губерніи были отряды крестьянъ, организованные помѣщиками, которые сами ими и предводительствовали. Большую извѣстность пріобрѣли отряды Энгельгардта, Шубина, Лесли, предводителя дворянства Нахимова и помѣщика Цызырева.

IX.

Отступленіе Наполеона.

Народная война сдѣлала крайне труднымъ положеніе арміи во время ея отступленія, особенно тогда, когда ей пришлось идти по разоренной Смоленской дорогѣ. Мы го-

ворили о томъ, какъ маршалы Наполеона настаивали на томъ, чтобы не засиживаться въ Москвѣ и, давъ отдыхъ войску въ теченіе восьми-десяти дней, начать обратное движеніе съ цѣлью остановиться на зимнихъ квартирахъ въ Бѣлоруссіи. Наполеонъ понималъ значеніе этихъ совѣтовъ, и все-таки не послѣдовалъ имъ. Онъ понималъ также и трагизмъ своего положенія послѣ пожара Москвы. Для него было ясно, какой дезорганизующій элементъ вошелъ въ жизнь арміи вмѣстѣ съ мародерствомъ, какъ послѣдствіемъ пожара. Ему необходимо было уйти, и онъ не желалъ этого. Его останавливало соображеніе о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ это отступленіе въ Германіи и даже въ самой Франціи. Такимъ образомъ, военныя соображенія говорили за возможно скорый уходъ изъ Москвы, а политическія—удерживали отъ этого шага. Они перевѣсили въ рѣшеніи Наполеона, и онъ сдѣлалъ эту роковую ошибку. Какъ рѣшеніе не останавливаться въ Смоленскѣ на зиму, а идти въ Москву, вопреки военнымъ соображеніямъ, было подсказано политикой, такъ теперь промедленіе въ оставленіи Москвы состоялось подъ вліяніемъ той же политики. А тѣмъ временемъ было пропущено благопріятное состояніе погоды. Кутузовъ успѣлъ совершить свой знаменитый фланговый маршъ и загородить дорогу на югъ отъ Москвы, на Калугу, и, какъ говорилъ впослѣдствіи Наполеонъ, ловко посадилъ его этимъ своимъ движеніемъ. Авангардное сраженіе при Тарутинѣ и кровопролитный и упорный бой подъ Малоярославцемъ заставили Наполеона—первое ускорить выходъ изъ Москвы, а второй—отказаться отъ движенія къ Смоленску черезъ Калугу и пойти по разоренному сѣверному пути. Мы говорили, что въ его умѣ еще во время пожара мелькалъ грозный призракъ будущности его арміи, и это сказывалось въ его тревожномъ настроеніи. Маршалъ Сегюръ, имѣвшій возможность близко наблюдать его, говоритъ, что это настроеніе

вырывалось вспышками гнѣва и безпокойствомъ его за работой. То онъ принимался за нее, то оставлялъ ее и начиналъ быстро ходить по комнатамъ, подбѣгая къ окнамъ и вглядываясь въ пожарище. Особенно по утрамъ на его блѣдномъ лицѣ можно было видѣть слѣды нравственныхъ мукъ отъ мыслей о будущемъ, которое особенно ясно вставало передъ нимъ во мракѣ ночи.

Когда, послѣ неудачи подъ Малоярославцемъ онъ долженъ былъ пойти на старую дорогу, оказалось, что календари соврали. Вмѣстѣ съ выходомъ на эту дорогу на западъ отъ Можайска, въ половинѣ октября начались морозы, сначала небольшіе, потомъ становившіеся все сильнѣе и сильнѣе. Послѣ казанской начался буранъ съ морозомъ при сильномъ сѣверозападномъ вѣтрѣ. Лошади отъ недостатка корма и непривычки къ холодамъ падали тысячами. Въ одну ночь пало ихъ 30000 т.[1]). Сразу кавалерія и артиллерія понесли огромныя потери. Люди, лишенные теплой одежды, терпящіе недостатокъ въ продовольствіи, тоже гибли отъ холода. Послѣ каждаго бивака на снѣгу и на морозѣ оставались мертвыя тѣла у потухшихъ костровъ. Голодъ уже въ это время (въ концѣ октября) доходилъ до того, что люди бросались на павшихъ лошадей и, какъ волки, рвали другъ у друга куски мяса. Бывало, вспоминаетъ очевидецъ, что лошадь еще жива, а съ нее уже сдираютъ мясо, не обращая вниманія на ея страданія. Изголодавшіеся и замерзающіе люди съ отчаянія иногда отдавались козакамъ, лишь бы избавиться отъ своихъ страданій. Подъ вліяніемъ такихъ условій армія быстро теряла свой порядокъ и таяла съ каждымъ днемъ. Не потерпѣвъ еще ни одного пораженія, выдержавъ бои подъ Вязьмой, она разстроилась затѣмъ и до Смоленска дошла уже дезорганизованной. То, что началъ пожаръ Москвы, докончили морозы.

[1]) Отеч. Война, т. IV, стр. 185.

Наполеонъ испытывалъ жестокія нравственныя муки при этомъ зрѣлищѣ; онъ видѣлъ, какъ, начиная съ генераловъ, разлагалась армія. „Съ тѣхъ поръ, какъ температура спустилась ниже 9^0, ни въ одномъ корпусѣ, говорилъ онъ, я не видѣлъ ни одного генерала на своемъ мѣстѣ“ [1]). Примѣръ генераловъ не могъ не отзываться на офицерахъ и солдатахъ. Дисциплина падала, войско превращалось въ толпу. Это зрѣлище мучило императора. Днемъ онъ шелъ пѣшкомъ впереди своей старой гвардіи въ зеленой шубѣ и въ мѣховой шапкѣ. Онъ молчалъ и ни одинъ мускулъ лица не выдавалъ его мученій. Но ночью они не давали ему сомкнуть глазъ и находившіеся рядомъ съ нимъ адьютанты слышали иногда его стоны [2]). До Смоленска онъ какъ будто былъ подавленъ тяжестью обрушившагося несчастья и въ такомъ состояніи видимаго равнодушія онъ находился до момента отступленія къ Красному, когда, по выраженію Ермолова, значительная часть французской арміи должна была стать „нашей добычею“. Очевидная опасность какъ будто разбудила его, вывела его изъ равнодушія, которое имъ овладѣло подъ гнетомъ несчастья. Тутъ проявилась и сила его воли, которая стала поддерживать всѣхъ, и сила его генія и энергіи. Въ бояхъ подъ Краснымъ, когда надо было спасти корпуса Даву и принца Евгенія, остававшихся еще въ Смоленскѣ, Наполеонъ самъ берется за операціи и при этомъ, говорятъ очевидцы, у него вырвалась знаменательная фраза: „J'ai assez fait l'empereur, il est temps que je fasse le général“. (Я довольно изображалъ императора, по-

[1]) „Французы въ Россіи“, т. II, стр. 88.

[2]) Сегюръ. Походъ въ Москву въ 1812 г. стр. 124 и 151. „Особенно въ ту ночь, во время пребыванія въ Красномъ, когда Ней считался погибшимъ, его приближенные слышали его стоны и крики; онъ громко признавался, что бѣдственное положеніе его солдатъ разрываетъ его душу на части“..,

ра стать генераломъ). Онъ рѣшился на смѣлое дѣло: задержать съ своими слабыми силами всю русскую армію. Онъ привлекъ ее на себя и далъ возможность дивизіямъ Даву и Евгенія пройти опасный Лосминскій оврагъ подъ картечью Милорадовича. Пропустивъ ихъ мимо себя, онъ приказалъ имъ идти къ Красному, а самъ пошелъ только вслѣдъ за ними. Потери въ этихъ бояхъ были велики; но армія была спасена. Не надо однако забывать въ оцѣнкѣ этихъ событій нѣкоторую нерѣшительность и медленность дѣйствія русскаго главнокомандующаго, которыя были отчасти причиной успѣха Наполеона. Одинъ мемуаристъ французъ, очевидецъ дѣла, справедливо говоритъ: „этотъ старецъ (Кутузовъ) только на половину и плохо исполнилъ то, что такъ мудро задумалъ".

Послѣ Краснаго встала новая опасность подъ Березиной, и на этотъ разъ болѣе грозная, и, какъ казалось, гибель была неизбѣжна. Три русскихъ арміи подошли съ трехъ сторонъ и должны были захватить Наполеона и всѣ его войска: Витгенштейнъ подошелъ съ сѣвера, Кутузовъ настигалъ Наполеона съ востока, адмиралъ Чичаговъ запиралъ дорогу съ юга и запада. При такихъ условіяхъ переправа черезъ Березину представлялась невозможною, да еще съ разстроенною арміею. Когда генералъ Викторъ, оттѣсненный Витгенштейномъ, соединился съ Наполеономъ, онъ, его офицеры и солдаты поражены были ужасомъ при видѣ того, что слѣдовало за Наполеономъ. „Вмѣсто грандіозной колонны, говоритъ графъ Сегюръ, которая завоевала Москву, они увидали за Наполеономъ линію призраковъ, одѣтыхъ въ лохмотья, въ женскія шубы, куски ковровъ или въ грязные плащи, обгорѣлые или продырявленные пулями, призраковъ, ноги которыхъ были обуты въ разныя тряпки. Тогда они замерли, пораженные ужасомъ. Они смотрѣли со страхомъ, какъ проходили передъ ними несчастные, полуголые солдаты съ землистыми

лицами, обросшіе щетинистою, отвратительною бородой, безъ оружія, безъ стыда, выступавшіе какъ попало, съ опущенными головами, глазами, устремленными въ землю, молча, какъ стадо плѣнныхъ“ [1]).

Боевыя силы Наполеона послѣ боевъ подъ Краснымъ не превосходили 23000 штыковъ, 2000 сабель и 30—40 орудій. Счастье его, что онъ нашелъ корпусъ Виктора, который былъ свѣжимъ подкрѣпленіемъ; въ этомъ было и несчастье: въ его планѣ этому корпусу предназначалось находиться дальше и удерживать по возможности ген. Витгенштейна. Когда Наполеонъ узналъ, что его приказаніе, посланное Виктору, опоздало, онъ счелъ гибель неминуемой. Но тѣмъ не менѣе онъ сдѣлалъ все, чтобы обезпечить переправу хотя бы части арміи. Переправа была предназначена у д. Студенки, выше города Борисова: но все было сдѣлано для того, чтобы непріятель пришелъ къ убѣжденію, что переправа будетъ производиться у Борисова. Это убѣжденіе у адмирала Чичагова и у Витгенштейна еще усилилось, когда попытка, недостаточно подготовленная, сдѣланная гр. Паленомъ, двинуться изъ Борисова по лѣвому берегу на Лошницу кончилась неудачей (11 ноября). Войска Удино нанесли ему полное пораженіе и заняли Борисовъ. Эта неудача не только ввела въ заблужденіе адмирала Чичагова, но вызвала въ немъ рѣшеніе не предпринимать ничего серьезнаго противъ французовъ, ограничиваясь пассивной защитой рѣки и къ тому же стянуть всѣ силы къ Борисову и къ мѣстамъ ниже его по теченію рѣки. Между тѣмъ 14 ноября, Наполеонъ на разсвѣтѣ явился къ Борисову; чтобы ввести въ заблужденіе непріятеля, онъ приказалъ батальону пѣхоты двинуться внизъ по рѣкѣ къ д. Ухолодамъ и съ нимъ послалъ толпу безоружныхъ, отсталыхъ. Эта масса людей въ сумерки принята была съ другого берега за значительныя

[1]) Гр. Сегюръ. Походъ въ Москву въ 1812 г. изд. тов. Образованіе стр. 176.

силы и еще болѣе сосредоточила вниманіе адмирала Чичагова и его штаба на нижнемъ теченіи Березины. Но въ тотъ день, какъ происходили эти ложныя со стороны Наполеона операціи около Борисова, у Студенки началась наводка мостовъ. Генералъ Чаплицъ, стоявшій на другомъ берегу у деревни Брили, доносилъ объ этомъ адмиралу, но получилъ отъ него приказаніе, вышедшее еще раньше, отойти къ Борисову. Исполняя его, онъ оставилъ только маленькій отрядъ противъ Студенки. Передовой французскій отрядъ, переправленный на ту сторону, легко отбросилъ его, и переправа была открыта. 15-го утромъ рано Наполеонъ былъ уже у Студенки и руководилъ переправой и самъ переправился на правый берегъ, приказавъ ген. Виктору защищать переправу до тѣхъ поръ, пока не перейдетъ все войско. Эта переправа могла быть уничтожена гр. Витгенштейномъ; онъ былъ очень близко, численное превосходство было на его сторонѣ; но онъ не рѣшился сдѣлать нападеніе, стать лицомъ къ лицу съ Наполеономъ. То обстоятельство, что Кутузовъ нѣсколько отсталъ и не оказался на мѣстѣ къ моменту переправы, тоже послужило въ пользу Наполеона. Иначе, можетъ быть, и части арміи не удалось бы спастись при переправѣ.

Заключительныя сцены переправы разыгрались на другой день на лѣвомъ берегу Березины. Въ день переправы сдался генералъ Партуно съ своей дивизіей, лишившейся возможности пробраться къ переправѣ. На другой день, исполняя предписаніе Наполеона, генералъ Викторъ завязалъ упорный бой съ превосходными силами Витгенштейна. Бой длился съ утра и до вечера. Чтобы отстоять переправу и дать возможность перейти нестроевымъ, Викторъ въ теченіе дня нѣсколько разъ переходилъ въ наступленіе и не далъ Витгенштейну отбросить себя. Ночь разняла дерущихся. Видя тщету своихъ усилій, Викторъ воспользовался ею для перехо-

да на другой берегъ. Немногимъ однако удалось изъ оставшихся переправиться. Одинъ изъ наведенныхъ мостовъ рухнулъ подъ тяжестью войскъ и толпы. Все, бывшее на немъ, рухнуло въ воду. Толпа навалила на другой мостъ, на которомъ разыгрались страшныя сцены людей, объятыхъ животнымъ страхомъ и борящихся за спасеніе жизни. Мужчины, женщины и дѣти смѣшались въ этой толпѣ, не давая пройти войскамъ. Съ полудня русскія ядра стали долетать до этого мѣста и попадать въ толпу на берегу и на мосту, что еще болѣе увеличивало смятеніе и ужасъ положенія. Наконецъ, когда, по переходѣ арьергарда Виктора, мостъ былъ зажженъ, началась всеобщая гибель въ водѣ и на берегу.

Ужасное зрѣлище представилось намъ, говоритъ въ своихъ запискахъ Чичаговъ, когда мы 17 ноября пришли на то мѣсто, которое наканунѣ занималъ непріятель и которое онъ только что оставилъ. Земля была покрыта трупами убитыхъ и замерзшихъ людей. Они лежали въ разныхъ положеніяхъ. Крестьянскія избы вездѣ были ими переполнены. Рѣка была запружена множествомъ утонувшихъ пѣхотинцевъ, женщинъ и дѣтей. Около мостовъ валялись цѣлые эскадроны, которые бросились въ рѣку. Среди этихъ труповъ, возвышавшихся надъ поверхностью воды, видны были стоявшіе, какъ статуи, окоченѣвшіе кавалеристы на лошадяхъ въ томъ положеніи, въ какомъ застала ихъ смерть. Среди этого поля мертвыхъ были еще дышавшіе, и казаки сумѣли отравить имъ послѣднія минуты жизни. Не довольствуясь добычей съ мертвыхъ, они стаскивали платье съ умирающихъ. Эти несчастные громко кричали. Отдыхая ночью въ избѣ, я слышалъ ихъ вопли. Многіе въ борьбѣ со смертью силились перелѣзть ко мнѣ черезъ заборъ; но это послѣднее усиліе окончательно убивало ихъ, такъ что при выходѣ моемъ я нашелъ ихъ замерзшими: однихъ съ поднятыми руками, другихъ съ поднятыми ногами... Впослѣдствіи, по распоря-

женію минскаго губернатора здѣсь было сожжено 24000 труповъ. Подъ Краснымъ разрушена была сила французской арміи, и былъ ей нанесенъ непоправимый нравственный ударъ; Березина доканала ее.

Послѣ переправы черезъ Березину, Наполеонъ позаботился обезпечить за собою тѣ гати, черезъ которыя только и можно было пройти дальше по дорогѣ на Вильну. Въ виду оттепели онѣ были чрезвычайно цѣнны. Поэтому, утилизировавъ ихъ, онъ ихъ уничтожилъ, чтобы задержать непріятеля и тѣмъ ослабить стремительность его преслѣдованія. Но природа оказалась противъ него. Вскорѣ послѣ переправы оттепель смѣнилась морозомъ, и дорога русскимъ войскамъ была открыта помимо гатей. Чѣмъ дальше, тѣмъ становилось холоднѣе. Морозъ сталъ доходить до 27 градусовъ. Холодъ, по словамъ очевидца, проникалъ черезъ толщу мускуловъ до мозга костей. Поверхность кожи становилась бѣла, какъ снѣгъ, а члены хрупки, какъ алебастръ. Удароподобный припадокъ поражалъ тѣло внезапно, и трупъ, еще дышащій, становился неподвиженъ. Тогда можно было отламывать отъ него руки и ноги безъ всякаго усилія, и живой мертвецъ не чувствовалъ при этомъ никакой боли. [1]). Остатки арміи таяли послѣ каждаго перехода и въ особенности послѣ каждаго привала. Костры окружены были трупами замерзшихъ.

Въ Сморгони Наполеонъ, послѣ многихъ совѣщаній съ маршалами, рѣшилъ ѣхать во Францію и оставилъ армію, поручивъ начальство Мюрату. Это былъ послѣдній ударъ, нанесенный порядку арміи. Авторитетъ Наполеона хоть немного поддерживалъ связь между этими изголодавшимся и замерзавшими людьми. Съ его отъѣздомъ эта связь рушилась, исчезло единство команды, и всякая дисциплина рушилась; отступленіе превращается въ безпорядочное бѣг-

[1]) Отечественная война, изд. Сытина, т. IV, стр. 258.

ство, при которомъ всякій крикъ: „казаки“! вызываетъ паническій страхъ.

Въ этотъ мрачный періодъ агоніи французской арміи рельефно выдвигается фигура маршала Нея, которому съ самой Вязьмы приходилось выносить на своихъ плечахъ всю тяжесть положенія арьергарда отступающей и поражаемой арміи. Его роль была еще труднѣе роли Милорадовича въ первый періодъ войны. Это былъ человѣкъ безъ всякаго книжнаго образованія, начавшій въ 1788 году свою военную каррьеру солдатомъ; черезъ восемь лѣтъ онъ уже сталъ бригаднымъ генераломъ. Это было не только оттого, что порядокъ постепенности службы, столь выгодный для всякой посредственности, былъ разрушенъ революціей и эмиграціей офицеровъ-дворянъ, но и отъ того, что Ней выдавался своей талантливостью и несокрушимой храбростью. Его выдающіяся способности дали ему возможность въ военной жизни учиться тому, что дается только отчасти книгой. Онъ скоро сталъ выдающимся генераломъ. Его сильная воля, тактическое искусство доставили ему тѣ лавры, которые онъ стяжалъ на поляхъ битвъ подъ Ульмомъ, подъ Іеной и при Фридландѣ. Но что поражало современниковъ, это его безграничная храбрость. Въ сраженіи при Фридландѣ его прозвали храбрымъ изъ храбрыхъ. Чувство страха было ему повидимому совершенно чуждо. По крайней мѣрѣ, никто не могъ подмѣтить въ немъ это чувство, столь присущее всякому живому существу. Даже въ послѣднюю минуту своей жизни онъ не выказалъ его присутствія въ себѣ. Когда Бурбоны приговорили его къ смертной казни за то, что онъ, какъ и всѣ французы въ 1815 году, перешелъ на сторону Наполеона, онъ не только отнесся къ этому приговору совершенно равнодушно, но попросилъ послѣдней милости: позволить

ему самому командовать своимъ разстрѣляніемъ. Передъ казнью онъ позавтракалъ, какъ обыкновенно, выпилъ полбутылки вина и поѣхалъ на казнь, и командовалъ ею такъ, какъ будто она его не касалась.

Русскій походъ доставилъ ему еще большую военную славу, чѣмъ предыдущіе. Въ сраженіи подъ Бородинымъ онъ былъ награжденъ въ тотъ же вечеръ титуломъ князя Московскаго.

Послѣ отступленія изъ Смоленска онъ попалъ въ положеніе почти безвыходное. Ему приказано было двинуться изъ Смоленска 5-го ноября. Не смотря на то, что ему извѣстно было затруднительное положеніе корпусовъ Евгенія Богарне и Даву при ихъ движеніи къ Красному, онъ не пошелъ вслѣдъ за ними и дождался въ Смоленскѣ того срока выступленія, который ему былъ назначенъ. Послѣ всѣхъ тѣхъ трудностей, съ которыми были связаны движенія предыдущихъ корпусовъ, Наполеонъ считалъ Нея потеряннымъ и чрезвычайно горевалъ объ этомъ. Дѣйствительно, Нею прорваться къ Красному представлялось невозможнымъ. Правда, русскіе не ожидали его, и ему удалось безъ выстрѣла пройти опасный Лосминскій оврагъ и обойти первые ряды русской артиллеріи. Но они спохватились, открыли огонь; начались атаки. Милорадовичъ предлагалъ Нею сдаться, обѣщая почетныя условія. Офицеръ, присланный парламентеромъ, по словамъ Сегюра, говорилъ, что его послалъ Кутузовъ. „Фельдмаршалъ не дерзнулъ бы сдѣлать столь жестокаго предложенія столь великому генералу, прославленому воину, еслибы у него оставался хоть малѣйшій шансъ на спасеніе. Но передъ Неемъ и вокругъ него находится восемьдесятъ тысячъ русскихъ и, если онъ этому не вѣритъ, то Кутузовъ предлагаетъ ему послать кого нибудь, чтобы объѣхать его ряды и сосчитать его силы. Не успѣлъ русскій договорить, разсказываетъ гр. Сегюръ, какъ съ праваго флан-

га его арміи былъ пущенъ залпъ картечи, врѣзавшійся въ наши ряды и заставившій умолкнуть изумленнаго парламентера. Въ ту же минуту на него набросился французскій офицеръ и хотѣлъ убить его, какъ измѣнника; но Ней, удержавъ его порывъ, воскликнулъ: маршалы не сдаются! Вы мой плѣнникъ. И несчастный, обезоруженный офицеръ остался среди насъ, подвергаясь выстрѣламъ своихъ соотечественниковъ. Онъ былъ выпущенъ на свободу только въ Ковнѣ, пробывъ съ нами двадцать шесть дней и раздѣляя всѣ наши невзгоды. Хотя онъ и имѣлъ возможность бѣжать, но онъ чувствовалъ себя связаннымъ даннымъ словомъ".

Ней съ своими девятью тысячами войска и съ шестью пушками всетаки рѣшался переходить въ наступленіе и даже имѣлъ частичный успѣхъ, хотя, конечно, уронъ французовъ, шедшихъ подъ разстрѣлъ, былъ громаденъ. Недостатокъ энергіи въ нападеніяхъ русскихъ спасъ отрядъ Нея отъ полнаго уничтоженія, а его отчаянная рѣшимость спасла его отъ гибели. Настали сумерки, положеніе продолжало быть безысходнымъ; но Ней разсчитывалъ на скорое наступленіе темноты въ эти короткіе дни. Онъ стоялъ, не двигаясь. Фезензакъ, одинъ изъ полковыхъ командировъ, передаетъ слѣдующій діалогъ Нея съ однимъ изъ стоявшихъ около него офицеровъ: „плохо наше положеніе", сказалъ Ней тихо. „Что же Вы будете дѣлать"? спросилъ офицеръ. „Перейду за Днѣпръ". „А гдѣ дорога?"—„Найдемъ". „А если Днѣпръ не замерзъ"?—„Замерзнетъ".

Съ наступленіемъ темноты огонь прекратился. Тогда Ней далъ приказъ идти назадъ, къ Смоленску. Всѣ окаменѣли, говоритъ Сегюръ, отъ удивленія, услышавъ такое приказаніе. Даже адъютантъ не повѣрилъ своимъ ушамъ: онъ устремилъ на своего начальника растерянный взглядъ, и молча стоялъ. Тогда маршалъ рѣшительно повторилъ приказаніе и отрядъ двинулся. Они отступали около часу.

Они снова подошли къ тому мѣсту, которое прошли раньше и на которомъ они вновь увидѣли валявшіеся остатки арміи Богарне. Тутъ они остановились; къ нимъ подоспѣлъ Ней, шедшій одинъ въ арьергардѣ. Они слѣдили глазами за всѣми движеніями своего начальника: что же онъ предприметъ? И каковы были его намѣренія, куда же направится онъ безъ проводника въ невѣдомой странѣ? Онъ же, движимый инстинктомъ опытнаго воина, остановился на краю глубокаго оврага, на днѣ котораго, какъ онъ предполагалъ, долженъ быть ручей. Онъ приказалъ расчистить снѣгъ; оказался ледъ, который по его приказанію сломали. Тогда, увидѣвъ теченіе ручья, маршалъ воскликнулъ: „это притокъ Днѣпра! Вотъ нашъ проводникъ! Мы должны слѣдовать за нимъ, онъ приведетъ насъ къ Днѣпру, мы переправимся на тотъ берегъ. Тамъ наше спасеніе“. И онъ немедленно послѣдовалъ по этому направленію. Цѣлую ночь они шли и приблизились къ Днѣпру у д. Сырокоренья. Въ одной излучинѣ рѣка оказалась покрытой льдомъ, и французы съ большими предосторожностями, но безъ пушекъ, перебрались по этому затору на берегъ.

Говоря объ этомъ смѣломъ отступленіи, Н. А. Поповъ прямо утверждаетъ, что Кутузовъ извѣщалъ Платова объ этомъ отступленіи Нея и о возможности этой переправы. Нею удалось ускользнуть, благодаря тому, что высланная для наблюденія за нимъ кавалерія потеряла его изъ виду, какъ утверждаетъ Богдановичъ, въ силу своей безпечности. Переправившись на правый берегъ Днѣпра, Ней долго бродилъ съ остатками своего отряда, преслѣдуемый казаками, и наконецъ засѣлъ въ селѣ Якубовѣ и долго отбивался тамъ отъ насѣдавшаго на него врага. Тутъ ему удалось вступить въ связь съ корпусомъ Богарне, и тотъ его выручилъ [1]).

---

[1]) Отечественная война, т. IV, стр. 204,—гр. Сегюръ: Походъ въ Москву въ 1812 году, стр. 162—164.

Послѣ Березины Ней снова все время находился въ аррьергардѣ, выдерживая на себѣ всю тяжесть преслѣдованія. Съ отъѣздомъ Наполеона эта тяжесть стала еще большею, въ силу паденія дисциплины. Деморализація и дезорганизація достигли теперь, говоритъ графъ Сегюръ, такихъ размѣровъ, до которыхъ, кажется, не доходила ни одна армія. Казалось, что во всѣхъ проявилась какая то яростная, дикая и варварская природа какого то дикаго существа. Подобно дикарямъ, болѣе сильные грабили болѣе слабыхъ: они сбѣгались толпою къ умирающему и часто не ждали даже его послѣдняго вздоха.

Когда падала лошадь, то казалось, что около нея собралась голодная стая волковъ: они окружали ее, разрывали ее и дрались изъ за нея, какъ дикіе звѣри. Ѣли и трупы людей. Сегюръ былъ самъ свидѣтелемъ людоѣдства у костра.

Суровѣе стала съ отъѣздомъ Наполеона и природа. Усилились морозы. Самъ воздухъ, казалось, замерзалъ. Птицы падали на лету замерзшими. Атмосфера была неподвижной и нѣмой. Казалось, все въ природѣ, что двигалось и жило, было сковано льдомъ. Не слышалось больше словъ, не слышно ропота. Царило угрюмое молчаніе. Всѣ двигались въ этомъ царствѣ смерти, подобно призракамъ. Глухой и монотонный гулъ нашихъ шаговъ, трескъ снѣга и слабые стоны умирающихъ, одни нарушали это глубокое, гробовое безмолвіе. Люди шли и тутъ же на ходу умирали; смерть ихъ была ужасна. Отъ сильнаго мороза кровь замерзала, какъ вода, дѣятельность сердца слабѣла, люди начинали шататься, какъ пьяные, дѣлая неимовѣрныя усилія, чтобы удержаться на ногахъ... Изъ ихъ глазъ, красныхъ и воспаленныхъ, вытекали настоящія кровавыя слезы...

Кое-какъ добрались до Вильны. Тамъ были большіе запасы всего нужнаго для арміи. Тамъ даже были свѣжія войска. Съ одной дивизіей изъ нихъ генералъ Вуазонъ при-

шелъ на помощь въ Сморгонь; но на обратномъ пути изъ приведенныхъ имъ 15000 человѣкъ въ три дня погибло 12000 отъ мороза. Когда остатки „Великой Арміи“ дошли до Вильны, они разсѣялись по городу, стараясь найти пищу и убѣжище въ домахъ. Мюратъ ничего не могъ сдѣлать для поддержанія порядка. А между тѣмъ авангардъ русской арміи приближался. Генералы Вреде и Вуазонъ, которымъ поручено было прикрывать подступъ къ городу, не могли выполнить эту задачу. Какъ только казаки Сеславина показались въ предмѣстіяхъ, крикъ „казаки“ переполошилъ всѣхъ и все бросилось бѣжать. Не успѣли даже уничтожить магазиновъ. По подсчету Кутузова послѣ вступленія въ Вильну въ разныхъ магазинахъ оказалось ржи 14000 четвертей, сухарей и муки 50000 четвертей и „весьма значущіе запасы шинелей, сумъ, сѣделъ, мундировъ и прочихъ коммисаріятскихъ вещей.“ Въ плѣнъ были взяты 7 генераловъ, 18 штабъ-офицеровъ, 224 оберъ-офицера, 9517 нижнихъ чиновъ и 5139 больныхъ въ госпиталяхъ.

Когда французы устремились на Ковенскую дорогу, Ней добровольно взялъ на себя снова командованіе арьергардомъ. Въ шести верстахъ отъ Вильны находится крутая Понарская гора. По ея откосу, обледенѣвшему и скользкому, не могла подниматься артиллерія и кавалерія, а также и обозы. Все, что можно было бросить, здѣсь было брошено. Брошены были императорскіе экипажи и всѣ дрогоцѣнности, захваченные въ Москвѣ; брошена была армейская казна. Бросили за тѣмъ, чтобы поскорѣе уйти отъ непріятеля; но, вмѣсто того, произошла задержка, и непріятель тутъ настигъ французовъ. Видъ брошенныхъ драгоцѣнностей пробудилъ въ самихъ солдатахъ французахъ корыстныя чувства. Они бросились на вещи, и предъ лицомъ смерти начался грабежъ. Раскрывшійся денежный ящикъ послужилъ сигналомъ. Всѣ бросились къ повозкамъ. Ихъ разбивали и вытаскивали оттуда самые дорогіе предметы. Солдаты арьергарда,

проходившіе мимо, бросили оружіе, чтобы овладѣть добычей, Они дрались изъ за нея съ такимъ ожесточеніемъ, что не слышали выстрѣловъ и крика казаковъ, которые ихъ преслѣдовали.... Преслѣдователи при этомъ присоединились къ преслѣдуемымъ и приняли участіе въ грабежѣ. Видѣли русскихъ и французовъ, забывшихъ о войнѣ и грабившихъ вмѣстѣ одинъ и тотъ же ящикъ. Пропало на 10 мильоновъ золота и серебра.

Платовъ, чтобы преградить путь французамъ, занялъ дорогу на Ковно и открылъ убійственный артиллерійскій огонь. Нею однако удалось обойти его съ ничтожнымъ остаткомъ арьергарда и дойти до Ковно. Это уже четвертый разъ послѣ Вязьмы его арьергардъ подвергся почти полному уничтоженію. По донесенію Кутузова 1 генералъ, 1000 солдатъ, 28 пушекъ и очень много обозовъ были взяты.

Въ Ковно Нея встрѣтила печальная картина: нѣсколько тысячъ солдатъ было на площади и на прилегающихъ улицахъ; но они лежали замерзшими передъ винными лавками, которыя разгромили. Они нашли смерть тамъ, гдѣ искали жизни, говоритъ Сегюръ. Это было единственное подкрѣпленіе, оставленное ему Мюратомъ. Самъ Мюратъ оставилъ Ковно 1-го декабря, и въ тотъ же день туда подошелъ Платовъ. Но Ней не растерялся и съ своимъ ничтожнымъ отрядомъ бился, пока была возможность до самой ночи за городомъ, на Алесотенскихъ высотахъ. Съ наступленіемъ же ночи съ оставшимися солдатами онъ прокрался вдоль Нѣмана и укрылся въ лѣсу. Бѣгство для нихъ было единственнымъ спасеніемъ, и они бѣжали такъ быстро въ теченіе ночи и дня, что многіе солдаты падали по дорогѣ, выбившись изъ силъ. Въ Вильковишки, гдѣ находился Мюратъ, Ней явился почти въ единственномъ числѣ [1]). Въ общемъ

[1]) Отечественная война, изд. Сытина, т. IV, стр. 264-265, гр. Сегюръ, Походъ въ Москву стр. 210-212.

изъ шестисотъ-тысячной громады, приведенной Наполеономъ въ Россію, вышло обратно за границу 400—450 челов. старой гвардіи, 600 челов. гвардейской кавалеріи и 9 орудій артиллеріи, т. е. ничтожная горсть [1]).

Такъ уничтожилась эта „Великая Армія“ которой предназначалось побѣдить Россію и подчинить ее волѣ Наполеона. Но надо имѣть въ виду, что поразительные успѣхи нашей арміи достались ей не дешево. Изъ 97.112 человѣкъ, выступившихъ изъ Тарутина, армія считала въ своихъ рядахъ по прибытіи въ Вильну 27.464 чел. Изъ 622 орудій, находившихся при арміи, осталось только 200. Прочія были оставлены позади, вслѣдствіе потери лошадей и убыли прислуги. 48.000 чел. были разсѣяны по госпиталямъ: остальные были убиты въ дѣлахъ, умерли отъ ранъ и болѣзней [2]).

X.

Заключеніе.

Война въ предѣлахъ Россіи окончилась. Ни одного вооруженнаго непріятеля не осталось въ ея предѣлахъ; создалось то условіе, которое Императоръ Александръ считалъ необходимымъ для возможности заключенія мира. Теперь вопросъ этотъ былъ поднятъ. 11-го декабря въ пять часовъ пополудни Императоръ Александръ пріѣхалъ въ Вильну и у подъѣзда дворца былъ встрѣченъ кн. Кутузовымъ, который съ строевымъ рапортомъ стоялъ во главѣ почетнаго караула отъ Семеновскаго полка. Государь прижалъ его къ своей груди и подъ руку съ нимъ вошелъ во дворецъ. Пройдя въ кабинетъ, онъ долго бесѣдовалъ съ Кутузовымъ наединѣ. По выходѣ изъ кабинета Кутузовъ былъ встрѣченъ графомъ Толстымъ, который поднесъ ему на серебряномъ блюдѣ орденъ св. Георгія первой степени.

1) Отеч. война, т. IV, ст. 266.

2) Шильдеръ. Императоръ Александръ I. т. III. стр.131.

Нельзя сказать, чтобы этой наградой выражено было истинное отношеніе Александра I къ Кутузову. Англійскій генералъ Вильсонъ такъ передаетъ слова Императора, сказанныя ему по этому поводу: „Мнѣ извѣстно, что фельдмаршалъ ничего не исполнилъ изъ того, что слѣдовало сдѣлать, не предпринялъ противъ непріятеля ничего такого, къ чему бы онъ не былъ буквально вынужденъ обстоятельствами. Онъ побѣждалъ всегда только противъ воли; онъ сыгралъ съ нами тысячу и тысячу штукъ въ турецкомъ вкусѣ. Однако дворянство поддерживаетъ его и вообще настаиваетъ на томъ, чтобы олицетворить въ немъ народную славу этой кампаніи... Мнѣ предстоитъ украсить этого человѣка орденомъ св. Георгія первой степени; но, признаюсь Вамъ, я нарушаю этимъ статуты этого славнаго учрежденія... Я только уступаю самой крайней необходимости“... [1]). Зная враждебныя чувства генерала Вильсона къ Кутузову, нельзя, какъ справедливо говоритъ Шильдеръ, относиться съ полнымъ довѣріемъ къ этому показанію; но въ письмѣ къ Салтыкову изъ Вильны самъ Александръ, между прочимъ, писалъ: „у насъ все благополучно; но нѣсколько трудно выжить отсюда фельдмаршала, что весьма необходимо“... Эта фраза не говоритъ о такомъ расположеніи Александра къ Кутузову, которое онъ выказывалъ на людяхъ.

Между Александромъ и Кутузовымъ было разнорѣчіе по существеннымъ вопросамъ. Александръ настаивалъ на энергіи въ преслѣдованіи французской арміи съ цѣлью полнаго уничтоженія „корсиканца“. Кутузовъ не проявлялъ этой энергіи и не только въ силу своего возраста, но и потому, что находилъ, что уничтоженіе французской арміи само собою сдѣлается. По поводу нападокъ на недостатокъ быстроты дѣйствій онъ говорилъ: „наша молодежь досадуетъ на меня старика за то, что я удерживаю ея порывы.

[1]) Ibid. стр. 134.

Надлежало бы имъ сообразить, что обстоятельства сами собою сдѣлаютъ больше, чѣмъ наше оружіе". По отношенію къ гибели „корсиканца" Кутузовъ былъ особаго мнѣнія. Въ то время, какъ императоръ Александръ все чаще повторялъ: „Наполеонъ или я" и хотѣлъ полной гибели корсиканца, Кутузовъ очень сомнѣвался, будетъ ли ужъ такъ выгодна для Россіи рѣшительная гибель Наполеона, полагая, что этой гибелью воспользуются для своей пользы и вовсе не для нашей англичане, австрійцы и пруссаки. Это онъ прямо сказалъ Вильсону, которому, конечно, это не понравилось. Будущее показало, кто былъ больше правъ.

Въ Вильнѣ противоположность воззрѣній Императора и Кутузова на дальнѣйшую задачу вскрылась. Кутузовъ обратился къ Императору съ совѣтомъ прекратить дальнѣйшую войну. Онъ сказалъ ему: „Вашъ обѣтъ исполненъ, ни одного вооруженнаго непріятеля не осталось на русской землѣ; теперь остается исполнить и вторую половину обѣта: положить оружіе". Такого же воззрѣнія на дальнѣйшую задачу держались Аракчеевъ и Шишковъ и многіе изъ приближенныхъ Александра. Надо прибавить къ этому, что и общественное мнѣніе, поскольку оно выражалось тогдашнимъ высшимъ обществомъ, было тоже за заключеніе мира съ Наполеономъ. Указанныя лица полагали, что при наличныхъ условіяхъ можно заключить миръ съ Наполеономъ на весьма выгодныхъ для Россіи условіяхъ. Шишковъ говорилъ Кутузову, чтобы онъ обратился къ Императору съ этимъ совѣтомъ, который, по его мнѣнію долженъ быть уваженъ. Кутузовъ на это отвѣчалъ: „я представлялъ ему объ этомъ, но первое, онъ смотритъ на это съ другой стороны, которую тоже совсѣмъ опровергнуть не можно, и второе, скажу тебѣ про себя чистосердечно и откровенно: когда онъ доказательствъ моихъ оспорить не можетъ, то обниметъ меня и поцѣлуетъ: тутъ я заплачу и соглашусь съ нимъ".

Александръ смотрѣлъ на вопросъ о возможности мира съ Наполеономъ, какъ на химеру. Въ разговорѣ съ фрейлиной Стурдзой онъ высказалъ, что прочнаго мира съ Наполеономъ быть не можетъ и что настоящій миръ можетъ быть заключенъ только въ Парижѣ. Кромѣ этого воззрѣнія, у него въ глубинѣ души уже въ это время жила мечта стать спасителемъ Европы. На другой день послѣ своего пріѣзда въ Вильну онъ сказалъ собравшимся генераламъ: „Вы спасли не одну Россію, вы спасли Европу". Очень можетъ быть, что, соблазняясь ролью освободителя народовъ и увлекаясь этой честолюбивой мечтой, Александръ не достаточно внимательно относился къ реальнымъ интересамъ Россіи и преувеличивалъ трудности непосредственнаго соглашенія съ Наполеономъ. Космополитическое воспитаніе Александра тутъ сказалось. Какъ бы то ни было, можно сказать, что рѣшеніе продолжать войну до полнаго искорененія Наполеона было дѣломъ личнымъ Александра.

Нельзя не признать, что продолженіе войны съ Наполеономъ до полнаго уничтоженія его господства не только въ средней Европѣ, но и во Франціи, не было выгодно для политическихъ интересовъ Россіи и что въ этомъ отношеніи оцѣнка положенія Кутузовымъ была правильнѣе взгляда на дѣло Александра. Война 1813 и 1814 года повела къ возсозданію Пруссіи и Австріи и къ значительному усиленію Англіи. Антагонизмъ интересовъ Австріи и Россіи вскрылся уже на Вѣнскомъ конгрессѣ и чуть не повлекъ за собою открытое столкновеніе. Поведеніе австрійскаго министра Меттерниха было таково, что Александръ вызвалъ его на дуэль. Притязанія Пруссіи въ ущербъ интересамъ Россіи сказались еще въ самомъ началѣ кампаніи 1813 года, когда она заявила, что ей должны быть возвращены всѣ земли Варшавскаго герцогства. Въ теченіе XIX вѣка Россія не разъ имѣла основаніе пожалѣть о возсозданіи этихъ государствъ въ центрѣ Европы.

Послѣдствія войны 1812 года и затѣмъ войнъ за освобожденіе Европы для Россіи сказались къ подъемѣ національнаго чувства русскихъ и въ развитіи сознанія своего единства. Борьба съ непріятелемъ возвысила русскихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ и подняла ихъ вѣру въ собственныя силы. Можетъ быть, это въ значительной степени ослабило то подобострастное отношеніе ко всему иностранному, которое отличало русское общество начала XIX вѣка.

Подъемъ національнаго чувства, усиленіе самосознанія въ связи съ непосредственнымъ знакомствомъ русскаго дворянства (въ рядахъ офицеровъ) съ западно-европейскими порядками отозвалось въ свою очередь въ общественномъ движеніи, направленномъ въ улучшенію политической и соціальной жизни русскаго народа. Это общественное теченіе, коренившееся въ Екатерининской эпохѣ, оживленное реформами начала царствованія Александра I и сказавшееся въ судорожномъ толчкѣ декабристовъ, развиваясь дальше, становилось все шире и шире и привело въ концѣ концовъ къ паденію крѣпостного права и къ освободительнымъ реформамъ Александра II.

Но Александру I не привелось дожить до лучшихъ дней. На его долю, отчасти благодаря ему самому, пришлось много разочарованій, какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ. Онъ шелъ на освобожденіе народовъ отъ Наполеоновскаго деспотизма, а на самомъ дѣлѣ долженъ былъ видѣть торжество іезуитско-эмигрантской реакціи во Франціи и въ другихъ странахъ и вынужденъ былъ самъ отчасти помогать ей. Во Франціи возстановились Бурбоны и дворяне, ничему не научившіеся и ничего не забывшіе. Въ Италіи воцарилось тройное иго: Бурбоновъ, папства и Австріи. Національныя мечты надолго были похоронены. Въ Пруссіи воскресла палка и косичка съ преслѣдованіемъ всякой живой мысли и мечтаній о германскомъ единствѣ, а

въ Германіи возстановились князьки разныхъ величинъ и настроеній, и надъ всѣмъ легла тяжелая ферула Австріи. Спаситель Европы уже на вѣнскомъ конгрессѣ сталъ свидѣтелемъ образованія коалиціи противъ него, а затѣмъ долженъ былъ видѣть, какъ его идея священнаго союза превратилась въ союзъ государей противъ свободы народовъ. И самъ Александръ на конгрессахъ принималъ участіе въ этой борьбѣ государей противъ народовъ.

Во внутренней политикѣ тоже разочарованіе. Вмѣсто мечтаній о созданіи въ Россіи конституціи, наступилъ полный отказъ отъ этой мысли и настало господство Аракчеевщины, мистиковъ и гасителей мысли и науки. Вмѣсто радѣтелей просвѣщенія, на первый планъ выступаютъ Голицынъ, Руничъ и Магницкій. Александръ чувствовалъ это противорѣчіе между его внутренними побужденіями и дѣйствительностью, но не чувствовалъ въ себѣ силы противостоять этому. А между тѣмъ рядомъ съ нимъ росло и недовольство такими порядками, и другіе люди взялись за тѣ идеи, которыя когда то были путеводными звѣздочками въ дѣятельности императора, и взялись за ихъ осуществленіе. Александръ зналъ о недовольствѣ, зналъ и о томъ, какъ образовались тайныя общества съ цѣлью перемѣны государственнаго строя, и въ ихъ стремленіяхъ и дѣятельности чувствовалъ укоръ себѣ. Онъ не могъ ихъ преслѣдовать не потому, чтобы у него на это не было силы матерьяльной, нѣтъ, но онъ нравственно не могъ бить ихъ, такъ какъ они были олицетвореніемъ его самого въ его прошломъ, хорошемъ прошломъ. Онъ самъ говорилъ тѣмъ, кто побуждалъ его дѣйствовать противъ декабристовъ: какъ я могу преслѣдовать ихъ за то, что они стараются осуществить то, къ чему я самъ стремился. Бить въ ихъ лицѣ самого себя онъ не могъ, пойти по пути реформъ былъ не въ силахъ. Отсюда разочарованіе,

апатія, потеря энергіи и исканіе удаленія отъ жизни, потеря интереса къ ней и преждевременная смерть. Эта смерть была настолько неожиданной, что встрѣчена была сомнѣніемъ и стала поводомъ образованія легенды объ Александрѣ, ушедшемъ изъ Таганрога и схоронившемся въ образѣ Кузьмича въ отдаленной Сибири. Нельзя вѣрить этой легендѣ; но, если на минуту отрѣшиться отъ реальности, нельзя не признать ея литературной красоты и моральнаго значенія: Царь, отрекшійся отъ царства и ищущій искупленія грѣха своего въ страданіи и терпѣливомъ несеніи униженія и обрѣтшій душевный миръ и просвѣтленіе въ отреченіи отъ міра и въ полномъ одиночествѣ!

Александръ пережилъ своего противника. Судьба послѣдняго была иною, чѣмъ судьба Александра. На поляхъ Лейпцига рушилось его господство надъ Европой, на высотахъ Монмарта сокрушено было его владычество и надъ Франціей. Человѣкъ, честолюбію котораго тѣсны были предѣлы Европы, долженъ былъ удовольствоваться предѣлами маленькаго острова Эльбы, а потомъ стать узникомъ на островѣ св. Елены. Страшное паденіе, исполненное трагическаго характера! Но съ этимъ паденіемъ не сочеталось никакого разочарованія. До конца жизни, въ теченіе своего шестилѣтняго заточенія, которое становилось все тѣснѣе и тѣснѣе, Наполеонъ ни разу не проявилъ упадка духа. Какъ справедливо говоритъ про него Тэнъ, его воля могла быть уничтожена вмѣстѣ съ нимъ, но не сломлена.

5-го мая 1821 года въ неволѣ мрачной закатился Наполеона грозный вѣкъ, и нашъ поэтъ со свойственнымъ его великой душѣ чувствомъ предостерегалъ отъ нападокъ на мертваго врага: „да будетъ омраченъ позоромъ, говорилъ онъ, тотъ малодушный, кто въ сей день безумнымъ возмутитъ укоромъ его развѣнчанную тѣнь“. По мѣрѣ того, какъ время отдаляло отъ Наполеона, забывались темныя стороны

его господства и дороже становились его заслуги; чѣмъ злобнѣе становилась реакція, чѣмъ мельче были ея дѣятели, тѣмъ выше поднималась въ воображеніи потомства фигура Наполеона, пока не достигла наконецъ апоѳеоза. Іюльская монархія почувствовала силу этого образа и рѣшила использовать ее въ своей выгодѣ. Таковъ смыслъ перенесенія тѣла Наполеона съ острова св. Елены въ Парижъ. Торжество оказалось колоссальнымъ; но со стороны зачинщиковъ его въ преклоненіи предъ его славой и памятью было слишкомъ много лицемѣрія. Другой нашъ поэтъ, говоря объ этомъ преклоненіи предъ памятью Наполеона, бросилъ укоръ французамъ за нарушеніе покоя того, „кто ждалъ въ своей пустынѣ такъ жадно столько лѣтъ спокойствія и сна“. Онъ думаетъ, что если духъ Наполеона прилетитъ къ своей новой могилѣ, „какое въ немъ негодованье при этомъ видѣ закипитъ“,

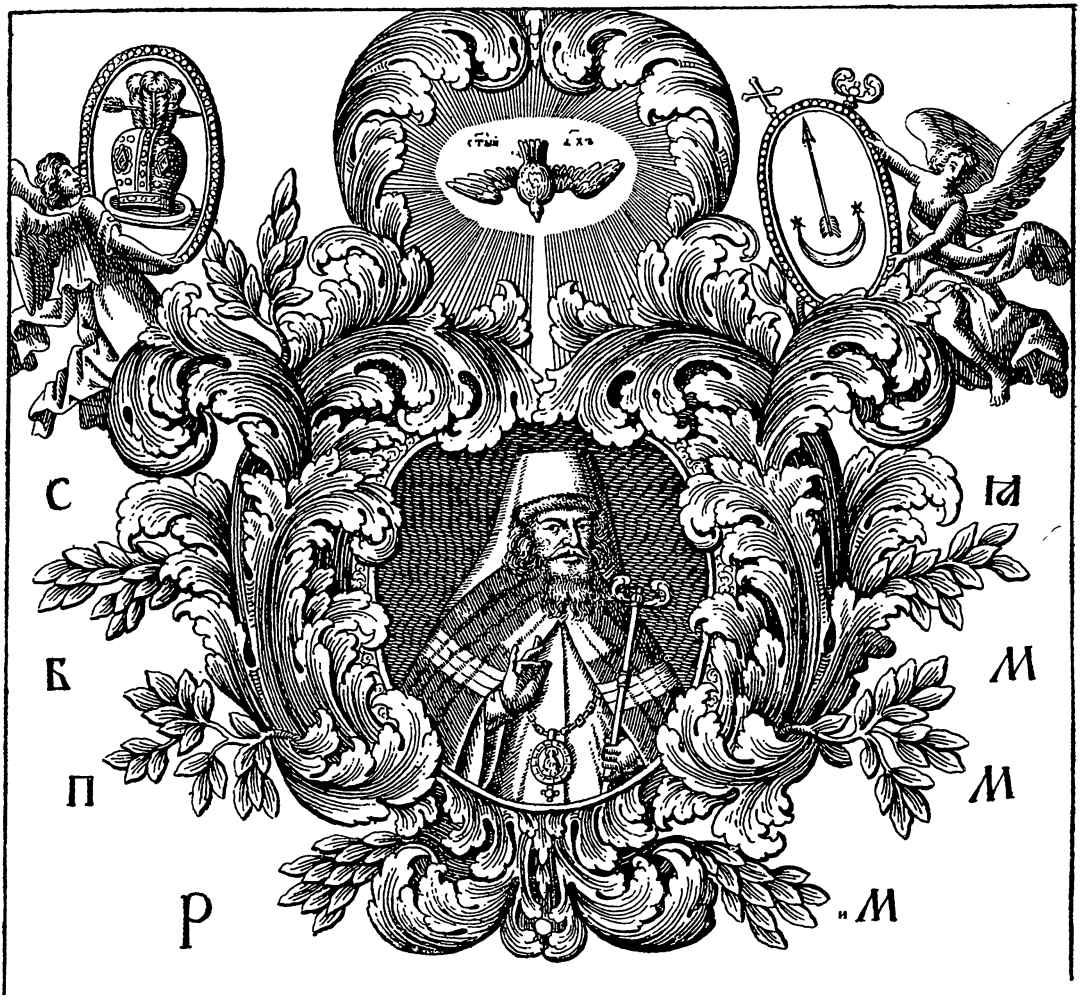
Какъ будетъ онъ жалѣть, печалію томимый,
О знойномъ островѣ подъ небомъ дальнихъ странъ,
Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ, непобѣдимый,
Какъ онъ, великій океанъ!

Г. Е. Аѳанасьевъ.

Кіевъ, 26 Декабря
1913 года.

Отдѣлъ II.

Сообщенія и изслѣдованія.



Сто́лпъ цр҃кве восто́чныѧ, и҆́стинны ревнитель,
Въ рѡссі́и патрїа́рша престо́ла блюсти́тель.
СТЕФА́НЪ ҆ЯВО́РСКІЙ си́ленъ мꙋ́жъ дѣ́ломъ и҆ сло́вомъ
Па́стыремъ дѡ́брымъ ѻ҆́бразъ, че́сть, и҆ Бг҃осло́вѡмъ.
Стѣ́нь лица̀ є҆гѡ̀ пло́ти, мо́жеши здѣ̀ зри́ти,
А҆ оу҆ма̀ невозмо́же хи́трость и҆зꙗви́ти.
Ѡ҆ смерте неисцѣ́лнѡ ты̀ на́съ оу҆ѧзви́ла,
Єгда̀ сего̀ преди́вна мꙋ́жа оу҆мертви́ла.

Грыдорова҆л ї҆ва҆н зꙋбовъ.

1. Портретъ Стефана Яворскаго (Камень вѣры. М. 1729).

Библіотека Стефана Яворскаго.

I.

Стефанъ Яворскій [1])—одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей латино-польской схоластической образованности, той образованности, которая сыграла крупную роль въ исторіи умственной жизни Юго-Западной и Московской Руси XVII и нач. XVIII ст. Въ

[1]) Въ научной литературѣ жизни и дѣятельности Стефана Яворскаго удѣлено много вниманія, хотя нельзя сказать, чтобы всѣ относящіеся сюда вопросы были разработаны съ достаточной полнотой. Ниже перечисляются важнѣйшія изданія и изслѣдованія; детали читатель найдетъ въ статьѣ *Ал. Королева*: „Стефанъ Яворскій"—въ соотвѣтствующемъ томѣ „Русскаго Біографическаго Словаря", изд. Русск. Историч. Обществомъ. Спб. 1909, стр. 413—422.

1. Біографія Яворскаго и общіе обзоры его административной и литературной дѣятельности. Едвали не первымъ по времени очеркомъ жизни Яворскаго является составленное, вѣроятно, Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ „Сказаніе о творцѣ книги сея", приложенное къ „Камню вѣры" М. 1728 (см. также послѣд. изд.). Подъ вліяніемъ этого „Сказанія" написана статья о Яворскомъ въ „Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ" *Н. Новикова* (Спб. 1772) и„ Жизнь автора книги сея" въ сборникѣ „Проповѣди блаж. пам. Стефана Яворскаго..." Ч. I. М. 1804,

этомъ отношеніи Яворскій представляетъ замѣчательно цѣльную личность.

стр. VII—XI. Къ послѣдующему времени относятся: *[Митроп. Евгеній]* Словарь историческій о писателяхъ духовнаго чина. Ч. II. Спб. 1818, стр. 631—641 (во второмъ изд.—т. II. Спб. 1827, стр. 251—262).—*Т. Воздвиженскій.* Историческое обозрѣніе Рязанской іерархіи. М. 1820.—*Дм. Бантышъ-Каменскій.* Словарь достопамятныхъ людей русской земли. Ч. V. М. 1836, стр. 101—104.—Въ 1840—1843 г.г. было написано первое большое изслѣдованіе о богословскихъ, административныхъ и проповѣднических трудахъ Яворскаго. Это—диссертація *Ю. Ѳ. Самарина* „Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ", писанная на степень магистра философіи. По цензурнымъ соображеніямъ работа эта въ свое время не могла появиться въ печати. Къ изданію и публичной защитѣ была допущена только III часть ея (см. ниже). Въ полномъ видѣ диссертація напечатана въ „Сочиненіяхъ Ю. Ѳ. Самарина". Т. V. М. 1880.—Нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни преосв. Стефана Яворскаго и краткое обозрѣніе его твореній. „Воскресное Чтеніе". Годъ XIV. К. 1850—1851, № 26, стр.248—254.—Статьи *Шишацкаго-Иллича* и др. о родинѣ Стефана—„Черниг. Губернск. Вѣдомости" 1851 г., № 5; 1852 г., № 27; 1853 г., № 2; „Москвитянинъ" 1852 г., № 19.—*Преосв. Филаретъ.* Обзоръ русской духовной литературы. 862—1720. Спб 1856, стр. 264—267 (въ 3-мъ изданіи, Спб. 1884, стр. 268—273).—*В. Аскоченскій.* Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею. Ч. I. К. 1856, стр. 228—229, 245—249.—*Н. Устряловъ.* Исторія царствованія Петра Великаго. Тт. III и VI. Спб. 1858 и 1859.—*Г. Есиповъ.* Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія. Т. I. Спб. 1861, стр. 3—84.—*П. Пекарскій.* Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Т.т. I—II. Спб. 1862.—*[Ф. Терновскій].* Мѣстоблюститель патріаршаго престола, митрополитъ Рязанскій Стефанъ Яворскій и Дмитрій Тверитиновъ. (Отрывокъ изъ жизнеописанія Стефана). „Прибавл. къ изданію твор. св. отцевъ". Ч. XXI (1862 г., кн. III), стр. 447—482.—*[Преосв. Филаретъ].* Къ жизни м. Стефана Яворскаго. „Черниг. Епарх. Извѣстія" 1862 г., № 20. Прибавленія, стр. 456—462 (дѣло Левина).—*Священникъ Стефанъ Родосскій.* Стефанъ Яворскій, митрополитъ Рязанскій и Муромскій... „Странникъ" 1863 г., т. IV, стр. 33—51.—*Ф. Терновскій.* Московскіе еретики въ царствованіе Петра I. „Правосл. Обозрѣніе". Т.т. X и XI, 1863 г., №№ 4, 5, 6, 8.—*Его-же* М. Стефанъ Яворскій (Біографическій очеркъ). „Труды Кіевск. Дух.

Стефанъ (въ мірѣ Симеонъ) Яворскій родился въ 1658 г. въ польскомъ мѣстечкѣ Яворѣ въ Галиціи. Послѣ Андру-

---

Академіи" 1864 г. №№ 1, 3 и 6.—*С. М. Соловьевъ.* Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т.т. XV—XVII.—*И. Чистовичъ.* Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время. Спб. 1868.—*Н. С. Тихонравовъ.* Московскіе вольнодумцы начала XVIII вѣка и Стефанъ Яворскій. „Русскій Вѣстникъ" 1870 г., № 9; 1871 г., №№ 2 и 6 (перепеч. въ „Сочиненіяхъ Н. С. Тихонравова" т. II. М. 1898, стр. 156—304; примѣчанія, стр. 31—58).—*П. Савлучинскій.* Русская духовная литература первой половины XVIII вѣка и ея отношеніе къ современности (1700—1762 г.г.). „Труды Кіевск. Дух. Академіи" 1878 г., №№ 4 и 5.—*Ф. Терновскій.* Очерки изъ исторіи русской іерархіи въ XVIII вѣкѣ. Стефанъ Яворскій, „Древняя и Новая Россія" 1879 г., № 8, стр. 305—320.—*А. Архангельскій.* Духовное образованіе и духовная литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Казань 1883.—*А. Доброклонскій.* Руководство по исторіи русской Церкви. Вып. IV. М. 1893.—*С. Г. Рункевичъ.* Исторія русской Церкви подъ управленіемъ Святѣйшаго Синода. Т I. Спб. 1900, стр. 62—91, 166—177.—*С. Н. Введенскій.* Къ біографіи митрополита Стефана Яворскаго. „Христ. Чтеніе" 1912 г., № 7—8.—*К. В. Харламповичъ.* Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь. Т. I. Казань 1914.

2. Курсы лекцій и учебники. Лекціи, читанныя въ Кіево-Могилянскомъ коллегіумѣ въ 1690—1698 г.г. по піитикѣ (Camoena), философіи (Agonium philosophicum) и богословію, извѣстны только въ рукописяхъ. О нихъ см. въ очеркѣ *Ф Терновскаго:* „Труды Кіевск. Дух. Академіи" 1864 г. № 1, стр. 60—63, и у *Н. И. Петрова:* Кіевская Академія во второй половинѣ XVII вѣка. К. 1895, стр. 49—50, 53—56. Изданъ лишь учебникъ риторики, писанный, вѣроятно, для употребленія въ Московской академіи: Риторическая рука. Сочиненіе Стефана Яворскаго. Переводъ съ латинскаго Ѳеодора Поликарпова. Спб. 1878. „Изд. Общ. Любит. Др. Письм." XX.

3. Стихотворенія. Латино-польскіе панегирики: Hercules post Atlantem. Черниговъ 1684 (въ честь Варлаама Ясинскаго); Echo głosu wołającego na puszczy. К. 1689 (въ честь Мазепы); Arctos caeli Rossiaci. К. 1690 (въ честь Варлаама Ясинскаго); Pełnia neubywającej chwały. К. 1691 (то-же),—разсмотрѣны у *М. Максимовича.* Книжная старина южно-русская: О панегирикахъ Стефана Яворскаго и о времени его

совскаго договора (1667 г.) родители его покинули предѣлы Польши и переселились на правый берегъ Днѣпра въ село

префектства. „Кіевлянинъ“ 1850 г., кн. III, стр. 133—136 (перепечат. въ „Собраніи сочиненій М. А. Максимовича“. Т. III. К. 1880, стр. 709—713).

„Стіхи на измѣну Мазепы, изданные отъ лица всея Россіи“, напеч. въ сборникѣ „Проповѣди блаж. пам. Стефана Яворскаго...“ Ч. III. М. 1805, стр. 299—302. См. еще „Современные стихи на измѣну Мазепы“. „Кіевская Старина“ 1883 г., № 7, стр. 596—598.—*В. Науменко.* Стефанъ Яворскій въ двойной роли хвалителя и обличителя Мазепы. Ibid. 1885 г., № 9, стр. 172—175.

Надгробная, юже преосв. Стефанъ по погребеніи св. Димитріа написа. „Сочиненія св. Димитріа, митрополіта Ростовскаго“. Ч. I. К. 1824, стр. 29—30 (также въ послѣдующихъ изданіяхъ, напр., въ 3-емъ. Ч. I. М. 1857, стр. 45—47).

Стихи пустынножителямъ Саровскимъ, 1711 г. изд. въ „Исторіи россійской іерархіи“ *преосв. Амвросія [Орнатскаго].* Ч. VI. М. 1815, стр. 26—27.

О стихотвореніи „Luctuosum libris vale“ (Элегія къ библіотекѣ) см. ниже.

Нѣкоторые изъ виршевыхъ опытовъ Яворскаго остаются неизданными, напримѣръ, вирша въ честь Антонія печерскаго п. загл. „И на стихи преподобному“, начин. словами: „Кто тако есть древнему Мойсею подобный, яко же сей Антоній преподобный?...“ въ рукописи Кіево-Софійскаго собора № 362, л.л. 86 об.—87 (22 строки; въ концѣ подписано *i. c. явор.*). См. еще *Н. И. Петровъ.* Описаніе рукописей Церк.-Археол. Музея при Кіевск. Дух. Академіи. Вып. II. К. 1877, № 468 (Муз. № 52, л. 61).

4. Проповѣди. „Виноградъ Христовъ“. Черниговъ 1698—проповѣдь, произнесенная въ Батуринѣ при бракосочетаніи Іоанна Обѣдовскаго, полковника Нѣжинскаго, 2 января 1698 г. О ней см. *В. Ундольскій.* Неизвѣстное сочиненіе Стефана Яворскаго. „Москвитянинъ“ 1842 г. ч. II, № 3, стр. 105—109 (ср. замѣтку *Сахарова.* Ibid. 1843 г., № 9, стр. 155).—*П. Пекарскій.* Наука и литература. Т. II. Спб. 1862, № 2.

Проповѣди блаж. памяти Стефана Яворскаго... Ч.ч. I—III. М. 1804—1805. Два изъ напечатанныхъ здѣсь слова (въ нед. 6 по Пасхѣ и въ нед. 9 по Пятидес., см. ч. I, стр. 120 и 245) принадлежатъ Димитрію Ростовскому; см. объ этомъ въ сочиненіи: „Св. Димитрій, митроп. Ростовскій“. М. 1849, стр. 108. Съ другой стороны, во II ч. „Сочиненій

Красиловку недалеко отъ Нѣжина. Около 1673 г. Симеонъ поступилъ въ Кіево-Могилянскій коллегіумъ, гдѣ преподава-

---

Димитрія Ростовскаго" изданы двѣ проповѣди Яворскаго: о поклоненіи иконамъ и въ нед. 27 по Св. Духѣ. *Шляпкинъ.* Св. Димитрій Ростовскій. Спб. 1891, стр. IX.—*[Преосв. Филаретъ].* Нѣжинскій Мужескій монастырь. Неизданныя сочиненія Стефана, митрополита Рязанскаго. „Черниг. Епарх. Извѣстія" 1861 г. Прибавленія, № 11, стр. 523—533.—*А. Никодимъ.* Неизданныя проповѣди мѣстоблюстителя патріаршаго престола, Рязанскаго митрополита, Стефана Яворскаго. „Прибавленія къ изданію твор. св. отцевъ" Ч. XXII (1863 г., кн. II), стр. 249—270.—Слово предъ проклятіемъ Мазепы, произнесенное митр. Стефаномъ Яворскимъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, 12 ноября 1708 г. „Труды Кіевской Дух. Академіи" 1865 г., № 12, стр. 499—512 („Трость, вѣтромъ колеблема...").—*В. П[ѣвницкій].* Слова Стефана Яворскаго, митрополита Рязанскаго и Муромскаго. Ibid. 1874 г., №№ 7, 10, 12; 1875 г., №№ 1, 3, 5, 9, 10; 1877 г., № 4.—Два слова преосвящ. Стефана Яворскаго, митрополита Рязанскаго. „Иркутск. Епарх. Вѣдом." 1875 г., №№ 48 и 49.—*К. Карпинскій.* Слово, сказанное игуменомъ Стефаномъ Яворскимъ при погребеніи святителя Ѳеодосія Углицкаго, архіепископа Черниговскаго (съ переводомъ на современный русскій языкъ *И. Н. Лебедева*). „Сборникъ Черниг. Епарх. Древлехранилища". Вып. I. Черниговъ 1908, стр. 1—31, 1—38 (также въ „Черниг. Епарх. Извѣстіяхъ" 1908 г., №№ 5, 8—9).

Этими изданіями далеко не исчерпывается проповѣдническое наслѣдіе Яворскаго. Большая часть словъ его остается неизданной. Автографы ихъ хранятся въ Архивѣ св. Синода въ отдѣлѣ рукописей подъ № 1592. О нихъ см. *[И. Чистовичъ].* Неизданныя проповѣди Стефана Яворскаго. „Христ. Чтеніе" 1867 г., №№ 2, 3, 5 и 7 (описано болѣе 200 проповѣдей).—*[А. Никольскій].* Описаніе рукописей, хранящихся въ Архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Т. II, вып. 1. Спб. 1906, стр. 381—426 (описано 329 проповѣдей).

О проповѣдяхъ Яворскаго см. слл. работы: О трехъ проповѣдникахъ Петрова времени: Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, Стефанѣ Яворскомъ и Гавріилѣ Бужинскомъ. „Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія" Ч. VII, 1835 г., № 7, стр. 1—41.—*Ю. Самаринъ.* Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники. М. 1844 (III часть диссертаціи 1840—1843 г.г., перепеч. въ „Сочиненіяхъ Ю. Ѳ. Самарина". Т. V. М. 1880, стр. 333 - 450).—О церковно-ораторскихъ произведеніяхъ преосвящ.

ніе велось на латинскомъ языкѣ и носило схоластическій характеръ. Прослушавъ здѣсь курсъ наукъ, Яворскій въ

Стефана Яворскаго. „Воскресное Чтеніе". Годъ XIV. К. 1850—1851, № 27, стр. 257—265.—*Ф. Т[ерновскій]*. Русское проповѣдничество при Петрѣ I-мъ. „Руководство для сельск. пастырей" 1870 г., №№ 36, 37, 39, 41.—*Д. Извѣковъ*. Проповѣдническая противу-протестантская литература на Руси въ первой половинѣ XVIII ст. „Правосл. Обозрѣніе" 1871 г., № 1, стр. 80—90.—Рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій, какъ проповѣдникъ. „Рязанск. Епарх. Вѣдомости" 1874—1875 г.г. Прибавленія №№ 9—11.—*П. Черепнинъ*. Рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій, какъ проповѣдникъ. „Смоленск. Епарх. Вѣдомости" 1876 г., №№ 1, 2, 3, 5, 6, 8, 10, 12.—*П. Морозовъ*. Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель. Спб. 1880, стр. 75—95.

5. Знаменія пришествія антіхристова и кончины вѣка. М. 1703 и послѣдующія изданія вплоть до нашего времени. О „Знаменіяхъ" см. *Пекарскій*. Наука и литература..., т. II. Спб. 1862, № 67.—*П. Смирновъ*. Рязанскій митроп. Стефанъ Яворскій, какъ полемистъ противъ раскола. Миссіонерскій сборникъ, изд. въ Рязани, 1891 г., кн. IV, іюль—августъ, стр 209—217.

6. Камень вѣры. Протоіерей І. Моревъ (см. ниже) устанавливаетъ двѣ группы изданій „Камня вѣры". Въ первую входитъ московское изданіе 1728 г. и его послѣдующія перепечатки: М. 1729, К. 1730, М. 1749. Вторую группу составляютъ изданія: Спб. 1839, М. 1841, 1843, съ пропусками и отмѣнами въ языкѣ (м. пр. пропущенъ весь трактатъ о наказаніи еретиковъ). Кромѣ того, извѣстны передѣлки отдѣльныхъ трактатовъ „Камня" на современномъ русскомъ языкѣ, напеч. въ Костромѣ и въ Москвѣ въ 1880-хъ и 1890-хъ г.г. По словамъ Адама Селлія (Schediasma literarium... Rev. 1736, p. 22), существуетъ также латинскій переводъ „Камня вѣры", изданный коллегіей de propaganda fide въ 1736 г. См. об. этомъ у *Морозова*: Ѳеофанъ Прокоповичъ, стр. 351.

О „Камнѣ вѣры" и полемикѣ, вызванной его изданіемъ, кромѣ названныхъ работъ *Самарина* (Сочиненія, т. V, стр. 34 слл.), *Чистовича* (Ѳеоф. Прокоповичъ, стр. 366—407), *Морозова* (Ѳеоф. Прокоповичъ, стр. 338—353) и *Архангельскаго* (Дух. образованіе, стр. 97—120), см. еще *Р.**** Матеріалы для исторіи духовной литературы XVIII вѣка. „Православное Обозрѣніе" 1860 г., т. III, стр. 577—591.—*Ф. Терновскій*. Рожнецъ духовный и Камень вѣры. Два полемическія сочиненія противъ московскихъ еретиковъ въ царствованіе Петра I. Ibid. т. XII, 1863 г.,

1684 г., по настоянію своего покровителя Варлаама Ясинскаго, впослѣдствіи Кіевскаго митрополита, отправился въ

№№ 11 и 12.—*Д. Извѣковъ.* Изъ исторіи богословской полемической литературы XVIII ст. Ibid. 1871 г., №№ 8 и 9.—*Н. Покровскій.* Ѳеофилактъ Лопатинскій. Ibid. 1872 г., № 12, стр. 693—696.—*Прот. Іоаннъ Моревъ.* „Камень вѣры" митрополита Стефана Яворскаго, его мѣсто среди отечественныхъ противопротестантскихъ сочиненій и характеристическія особенности его догматическихъ воззрѣній. Спб. 1904.—*Его же.* Митрополитъ Стефанъ Яворскій въ борьбѣ съ протестантскими идеями своего времени. „Христ. Чтеніе" 1905 г., № 2, стр. 254—267.—*Его же.* Камень вѣры митроп. Стефана Яворскаго. „Православная Богословская Энциклопедія". Т. VIII. Спб. 1907, столб. 187—193.—Отзывы *П. И. Лепорскаго* и *А. И. Пономарева* о первой изъ названныхъ работъ Морева см въ „Христ. Чтеніи" 1902 г., № 6; 1904 г. № 7 (въ „Журн. засѣданій Совѣта Спб. Дух. Ак."); также 1905 г., №№ 5—8; рецензія *С. Г. Вилинскаго*—въ „Журналѣ Мин. Нар. Пр." 1905 г., № 1, стр. 211—215.

7. Остальныя сочиненія Яворскаго. Трактаты: „О пресуществленіи и поклоненіи св. дарамъ", „О трикратномъ пречистыя крове Христовы причащеніи", „Изъявленіе вопросовъ богословскихъ", (предложенныхъ Іовомъ, митроп. Новгородскимъ, въ 1711 г.)—изданы *[преосв. Филаретомъ]* въ Прибавленіяхъ къ „Черниг. Епарх. Извѣстіямъ" 1861 г., №№ 9 и 10. Трактатъ о пресуществленіи напечатанъ также у *Гр. Мирковича:* „О времени пресуществленія св. даровъ". Вильна 1886, стр. I—XXVI (съ именемъ Димитрія Ростовскаго).

Увѣщаніе Григорію Талицкому по ркп. Общ. Ист. и Др. росс. № 213 издано *С. Н. Введенскимъ* въ „Христ. Чтеніи" 1912 г., № 7—8, стр. 909—919 (приписывается Стефану на основаніи сопоставленія съ „Знаменіями пришествія антихриста". Ibid., стр. 898—909).

Предисловіе на книгу Бесѣдъ Іоанна Златоустаго на 14 посланій ап. Павла (М. 1709) перепечатано въ сборникѣ „Проповѣди Стефана Яворскаго". Ч. III. М. 1805, стр. 113—137.

„Предисловіе увѣщательное къ растерзателямъ ризы Христовы", напечатанное въ „Соборномъ дѣяніи на еретика Мартина": Спб. 1718. *Ф. Терновскій* приписываетъ эту статью Яворскому на основаніи слога и образа мыслей ея: „Труды Кіевск. Дух. Академіи" 1864 г., № 3, стр. 262—263. О „Соборномъ дѣяніи" см. *Пекарскій.* Наука и литература... Т. II, № 362.

Отвѣтъ училищу Сорбонскому, 1718 г. изданъ въ „Проповѣдяхъ Стефана Яворскаго". Ч. III. М. 1805, стр. 289—298.

Польшу: въ Львовѣ и Люблинѣ онъ слушалъ лекціи по философіи, а въ Познани и Вильнѣ изучалъ богословіе. Извѣстно, что въ іезуитскихъ школахъ православные допускались къ слушанію высшихъ наукъ только послѣ отрече-

---

Чинъ, како пріимати отъ расколниковъ и отступниковъ къ православнѣй вѣрѣ приходящихъ. М. 1720. Приписывается Яворскому *преосв. Филаретомъ:* Обзоръ русской духовной литературы. Спб. 1884, стр. 272. Ср. *Пекарскій*, op. cit., т. II, № 425.

Апологія о возношеніи явственномъ и воспоминаніи въ молитвахъ церковныхъ св. патріарховъ, 1721 г.—рукопись Царскаго № 588 (Увар. № 378).

8. Переписка Яворскаго. Часть переписки Яворскаго опубликована въ названныхъ въ 1-мъ отдѣлѣ работахъ *Воздвиженскаго, Пекарскаго, Терновскаго* и *Чистовича.*—Четыре письма Димитрія Ростовскаго 1707—1708 г.г. см. въ „Сочиненіяхъ св. Димитріа, митрополіта Ростовскаго". Ч. I. К. 1824, стр. 337—341, 343—347 (также въ послѣдующихъ изданіяхъ, напримѣръ, въ 3-мъ: ч. I. М. 1857, стр. 495—501, 504—509).—Письмо митрополита Рязанскаго Стефана Яворскаго къ Казанскому митрополиту Тихону. „Православный Собесѣдникъ" 1859 г., ч. II, стр. 86—88.—Посланіе Стефана Яворскаго къ преосвящ. Алексѣю и Варлааму, 1718 г. (съ протестомъ противъ посвященія Θеоф. Прокоповича) изд. *И. Чистовичемъ*: „Рѣшиловское дѣло". Спб. 1861. Приложенія, стр. 1—4, и *архим. Макаріемъ* въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. россійскихъ" 1864 г., т. IV. Смѣсь, стр. 5—8.—*[Ф. Терновскій].* Письма митр. Стефана Яворскаго. „Труды Кіевск. Дух. Академіи" 1866 г. № 4, стр. 539—555.—Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Правительствующаго Сѵнода. Т. I. Спб. 1868; т. II, ч. 2. Спб. 1878.—Письма и бумаги имп. Петра Великаго. Т.т. I—IV. Спб. 1887—1900.—*В. И. Срезневскій.* Сборники писемъ И. Т. Посошкова къ митрополиту Стефану Яворскому. Спб. 1900 (изъ „Извѣстій Отдѣленія русск. яз. и словесности", т. IV, 1899 г., кн. 4, стр. 1411—1457).—*С. Г. Рункевичъ.* Архіереи петровской эпохи въ ихъ перепискѣ съ Петромъ Великимъ. Вып. I. Спб. 1906, стр. 139—186.

Письма, относящіяся къ Нѣжинскому монастырю, печатаются обыкновенно въ статьяхъ, посвященныхъ исторіи этого монастыря. О грамотѣ 1717 г., „Тестаментѣ", духовномъ завѣщаніи и „Завѣщаніи послѣднемъ" см. ниже.

нія отъ православія. Уступая установившейся традиціи, Яворскій принялъ католичество (съ именемъ Станислава-Симона) и далъ клятву всегда вѣрно служить римскому престолу [1]). При этомъ онъ, повидимому, имѣлъ нѣкоторыя заслуги передъ католической церковью: если вѣрить донесеніямъ іезуитовъ о Россіи, въ Вильнѣ ему была поручена должность ректора Конгрегаціи Пр. Дѣвы. „Studia absolvit,—читаемъ мы въ донесеніи о миссіи въ Москвѣ въ 1698—1709 г.г.,—apud nostros Vilnae, ubi etiam fuit rector Congregationis b. Virginis, sed cum transiisset ad schismaticos, nomen ejus in Congregatione fuit exustum, uti nobis retulit illustrissimus dominus Potocky“ [2]).

Около 1689 г. съ ученой степенью artium liberalium et philosophiae magister, consummatus theologus [3]) Яворскій возвратился въ Кіевъ. Здѣсь онъ былъ снова принятъ въ лоно православія и на испытаніи въ Кіевскомъ коллегіумѣ обнаружилъ такое искусство слагать русскіе, латинскіе и польскіе стихи, что кіевскіе ученые пришли въ восторгъ и почтили его наименованіемъ роёta laureatus. „И коронованъ бысть,—говорится въ одной старинной рукописи,—по чину академическому вѣнцемъ неувядаемыя славы“. Въ томъ же 1689 г. Яворскій принялъ монашество, а въ слѣдующемъ Варлаамъ Ясинскій назначилъ его профессоромъ въ Кіевскій коллегіумъ [4]).

Вступивъ на каѳедру, Яворскій въ теченіе восьми лѣтъ наставлялъ другихъ въ той схоластической премудрости,

---

[1]) *Ф. Терновскій.* М. Стефанъ Яворскій. „Труды Кіевск. Дух. Академіи“ 1864 г., № 1, стр. 45—53.

[2]) Письма и донесенія іезуитовъ о Россіи конца XVII и начала XVIII вѣка. Спб. 1904, стр. 359, ср. 183—184.

[3]) См. подпись его подъ панегирикомъ въ честь Мазепы „Echo głosu wołającego na puszczy“ К. 1689. „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича“. Т. III. К. 1880, стр. 710.

[4]) *Ф. Терновскій.* Ibid., стр. 56—59.

которую усвоилъ самъ въ польскихъ школахъ. Нѣкоторое время онъ читалъ въ коллегіумѣ піитику и реторику, затѣмъ философію и богословіе, при чемъ исполнялъ также обязанности префекта [1]). „Сіе Стефану воспріемшу,—говоритъ біографъ-панегиристъ о преподавательскихъ талантахъ Яворскаго,—уже не бѣ нужды малороссійскимъ юношамъ искати ученія въ чужихъ государствахъ, вся бо требуемая обрѣтахуся въ Кіевѣ, удобь снискаемая отъ таковаго учителя“ [2]).

Въ началѣ 1700 г. по дѣламъ Кіевской митрополіи Яворскій пріѣхалъ въ Москву и здѣсь, неожиданно для себя, былъ посвященъ въ митрополита Рязанскаго и Муромскаго. Вскорѣ, по смерти патріарха Адріана, Петръ сдѣлалъ его экзархомъ и блюстителемъ Всероссійскаго Патріаршаго престола.

На новомъ мѣстѣ, стоя во главѣ русской Церкви, Яворскій оставался вѣрнымъ тому католическо-схоластическому міровоззрѣнію, какое выработалъ себѣ въ предшествующіе годы. Прежде всего, въ качествѣ протектора Московской академіи, онъ постарался пересоздать ее по образцу Кіево-Могилянскаго коллегіума, и въ 1701 г. Петръ велѣлъ „завесть въ академіи ученія латинскія“ [3]). Какъ истинный питомецъ католической школы, Яворскій всегда былъ врагомъ протестантскихъ ученій, нашедшихъ въ Петровскую

---

[1]) *Ф. Терновскій.* Ibid., стр. 59—64.—*Н. И. Петровъ.* Кіевская Академія во второй половинѣ XVII вѣка. К. 1895, стр. 49 - 50, 53 - 56.

[2]) Камень вѣры. М. 1729. Сказаніе о творцѣ книги сея.

[3]) *С. Смирновъ.* Исторія Московской Славяно-греко-латинской академіи. М. 1855, стр. 80 слл. Реформа Московской академіи, равно какъ и другія стороны въ дѣятельности Яворскаго, обнаруживающія пристрастіе его къ католицизму, вызвали, какъ извѣстно, протестъ со стороны іерусалимскаго патріарха Досиѳея. См. грамоту послѣдняго отъ 15 ноября 1703 г. *Н. Ѳ. Каптеревъ.* Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII ст. Сергіевъ Посадъ 1914, стр. 541—546.

эпоху весьма благопріятную почву для распространенія въ Россіи. Эта вражда къ протестантизму съ особенной рѣзкостью проявилась въ дѣлѣ Тверитинова и въ составленіи „Камня вѣры“, въ которомъ ревнители православія, въ родѣ Посошкова, видѣли надежное средство для того, чтобы сокрушать „еретическія, люторскія и кальвинскія, челюсти“. Враждой къ протестантамъ было подсказано и недружелюбное отношеніе Яворскаго къ сторонніку протестантскихъ идей Ѳеофану Прокоповичу. Воспитанный въ католической доктринѣ о приматѣ Церкви надъ государствомъ, Яворскій полагалъ, что священство и монашество не должны подлежать власти государя, и всю жизнь отстаивалъ идею патріаршества, этого подобія папства въ Россіи. Конечно, къ Синоду, учрежденію, заимствованному изъ протестантской церковной практики, Яворскій относился крайне отрицательно.

Вся литературная дѣятельность Яворскаго въ московскій и петербургскій періодъ жизни, покоится на католическихъ богословскихъ авторитетахъ. И форма изложенія и идеи его трактата объ антихристѣ, его „Камня вѣры“, его проповѣдей отражаютъ на себѣ черты католической литературы XVI—XVII ст. Гуманистическое движеніе, новѣйшія открытія научной мысли прошли мимо Яворскаго; если же они и становились ему извѣстными, вызывали съ его стороны лишь осужденіе: „Одному только нѣкоему астроному Копернику приснилося,—писалъ Стефанъ въ одной изъ проповѣдей,—будто солнце, луна, звѣзды стоятъ, а земля оборочается, противно священнаго писанія. Смѣются съ него богослови“ [1]). Совсѣмъ другое отношеніе къ прин-

[1]) *И. Чистовичъ.* Неизданныя проповѣди Стефана Яворскаго. „Христ. Чтеніе“ 1867 г., № 3, стр. 429. Ср. въ другомъ мѣстѣ: „Не лежатъ, не стоятъ, не опочиваютъ колеса небесныя, якоже нѣціи новіи філософи съ Коперникомъ ложно научаютъ, но въ непрестанныхъ движеніяхъ, въ непрестанныхъ бѣгахъ всегда пребываютъ, а всей земли на пользу“. „Проповѣди Стефана Яворскаго“. Ч. III, стр. 193.

ципамъ новой астрономіи находимъ у Ѳеофана Прокоповича: Зачѣмъ, нечестивый папа,—восклицаетъ Прокоповичъ въ латинскомъ стихотвореніи о судѣ надъ Галилеемъ,—мучишь ты дѣятельнаго служителя природы? Чѣмъ заслужилъ этотъ старецъ такое гоненіе?.. Его земля истинная, а твоя—ложная; его звѣзды создалъ Богъ, а твои обманъ... Тебѣ ли судить о свѣтлыхъ мысляхъ Галилея? Тебѣ ли винить въ преступленіяхъ проницательность ума, зоркаго, какъ рысь? Или ничтожный кротъ (putida talpa) видитъ лучше рыси? [1])

Это строго выдержанное католическое міросозерцаніе рязанскаго митрополита скоро привело къ охлажденію между нимъ и возвысившимъ его Петромъ I. Естественно, что Яворскій не могъ сочувствовать Петру, который высоко цѣнилъ Лютера, устраивалъ анти-патріаршескіе праздники и стремился въ конецъ уничтожить былую власть и авторитетъ духовенства. Такимъ образомъ, Яворскій не примкнулъ къ друзьямъ реформы. По нѣкоторымъ вопросамъ онъ, наоборотъ, сблизился съ староперковной партіей, возлагавшей надежды на „Авессалома"—царевича Алексѣя.

На почвѣ разрыва съ Петромъ Яворскому пришлось пережить не мало непріятностей и огорченій, отъ которыхъ его не могли защитить ни санъ, ни высокое положеніе, занимаемое имъ въ церковной іерархіи.

17 марта 1712 г. по случаю тезоименитства царевича Алексѣя Яворскій произнесъ знаменитое поученіе „О храненіи заповѣдей Господнихъ". Обыкновенно отвлеченный и схоластичный въ своихъ проповѣдяхъ, онъ на этотъ разъ далъ нѣкоторый просторъ чувству раздраженія, подвергъ критикѣ новый законъ о фискалахъ, сдѣлалъ нѣсколько печальныхъ выводовъ о положеніи Россіи, намекнулъ даже

[1]) *И. О. Морозовъ.* Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель. Спб. 1880, стр. 157—158.

на личную жизнь государя. Пребываніе царевича заграницей Яворскій уподобилъ безпріютной, скитальческой жизни Алексѣя, человѣка Божія, и назвалъ его „особеннымъ хранителемъ заповѣдей Божіихъ“, „единой надеждой“ Россіи. Проповѣдь эта произвела на Петра сильное и непріятное впечатлѣніе. Яворскому было запрещено проповѣдывать, и въ теченіе трехъ лѣтъ онъ, мѣстоблюститель Патріаршаго престола, первый сановникъ русской Церкви, не имѣлъ права появляться на церковной каѳедрѣ! [1])

Это подозрительное отношеніе къ Яворскому проявилось въ особенности во время суда надъ царевичемъ Алексѣемъ въ 1718 г., въ дѣлѣ кабальнаго человѣка Любимова въ 1720—1721 г.г. и въ процессѣ безумца Левина, судившагося въ 1722 г. за публичное провозглашеніе государя антихристомъ. Замѣшанный въ это послѣднее дѣло самимъ же Левинымъ, Стефанъ уже не могъ прійти въ Синодъ для дачи показаній. Тогда, 6 іюля 1722 г., Синодъ вмѣстѣ съ Сенатомъ явился къ нему на домъ и здѣсь допрашивалъ больного, умирающаго президента по обвиненію въ государственномъ преступленіи, влекущемъ лишеніе сана, а, можетъ быть, и смертную казнь [2]).

Вообще, въ Синодѣ положеніе Яворскаго было двусмысленнымъ. Поставивъ его въ главѣ новоучрежденной коллегіи, Петръ хотѣлъ только использовать то уваженіе, какое питали къ Стефану консервативные круги русскаго общества. Фактическаго вліянія на синодальныя дѣла Яворскій не имѣлъ; послѣднее принадлежало сторонникамъ Петра—вице-президентамъ Ѳеофану Прокоповичу и Ѳеодосію Яновскому.

---

[1]) *Ф. Терновскій.* „Труды Кіевск. Дух. Академіи“ 1864 г. № 6, стр. 139—140.—*П. Морозовъ.* Ѳеофанъ Прокоповичъ, стр. 91—92.

[2]) *Ф. Терновскій.* Ibid., стр. 175—178.—*С. Г. Рункевичъ.* Исторія русской Церкви подъ управленіемъ Св. Синода. Т. I. Спб. 1900, стр. 168—169.

Такъ, окруженный внѣшнимъ почетомъ, но въ сущности безсильный противникъ того новаго теченія, какое укоренилось въ русской церковной жизни, въ атмосферѣ подозрѣній и недовѣрія, мучимый къ тому же болѣзнями, Яворскій доживалъ свои послѣдніе дни († 27 ноября 1722 г.), убѣдившись на личномъ опытѣ въ тщетѣ мірской славы и мірскихъ титуловъ.

По личному характеру, по складу своего ума Яворскій былъ человѣкомъ, созданнымъ для созерцательной жизни. Книги и научныя занятія, составленіе проповѣдей—вотъ сфера, болѣе всего приходившаяся ему по душѣ. Большая административная дѣятельность мало прельщала его. Еще въ 1700 г., узнавъ о намѣреніи государя посвятить его въ митрополита, Яворскій много „скучалъ челобитьемъ“ патріарху, умоляя позволить возвратиться въ Кіевъ. Въ самый же день, назначенный для совершенія обряда, когда патріархъ и находившіеся въ Москвѣ архіереи ожидали его въ Крестовой палатѣ, и уже начался благовѣстъ къ наречѣченію, Стефанъ сдѣлалъ попытку скрыться и бѣжалъ съ Малороссійскаго подворья въ Донской монастырь [1]).

Сдѣлавшись по волѣ государя митрополитомъ и затѣмъ блюстителемъ Патріаршаго престола, Яворскій не скоро примирился съ дѣйствительностью и долго не переставалъ вздыхать по ученой кельѣ и по прелестямъ уединенія. Лѣтомъ 1706 г. Стефанъ былъ вмѣстѣ съ Петромъ въ Кіевѣ и снова сталъ просить позволенія остаться здѣсь навсегда. Петръ не далъ согласія. По отъѣздѣ государя митрополитъ приступилъ къ боярину Стрѣшневу и слезно просилъ о

---

[1]) *Н. Устряловъ.* Исторія царствованія Петра Великаго. Т. III. Спб 1858, стр. 535—536. См. еще *С. Рункевичъ.* Исторія русской Церкви. Т. I, стр. 67—69. *Его же.* Архіереи Петровской эпохи въ ихъ перепискѣ съ Петромъ Великимъ. Вып. I. Спб. 1906, стр. 140—142.

томъ же. Долго пришлось Стрѣшневу разговаривать съ Стефаномъ: и милостью царскою обнадеживалъ онъ его и гнѣвомъ грозилъ, пока, наконецъ, упрямый митрополитъ не сдался [1]). Отъ 1707 г. сохранилось письмо Яворскаго къ его ближайшему другу Димитрію Ростовскому. Въ письмѣ этомъ Стефанъ жалуется на „неудобостерпимое бремя“ своихъ обязанностей, которое „и умъ ослѣпило, и здоровье отняло, и душу повредило“. На присланную Димитріемъ „Лѣтопись келейную“ онъ смотритъ не безъ зависти, какъ на opus, quod nec Jovis ira, nec ignes, nec poterit ferri abolere vetustas. Всѣми силами своей души онъ рвется изъ Вавилона—Москвы и стремится въ Кіевъ на митрополичью каѳедру, освободившуюся послѣ смерти Варлаама Ясинскаго. Тамъ ждетъ его отдыхъ (quies) и спокойная жизнь, при которой можно оставить потомству какое нибудь произведеньице своего умишка (aliquod ingenioli mei opusculum). Здѣсь же за „суетами сими проклятыми“ онъ все перезабылъ, и прежняя живость ума смѣнилась сухостью. Онъ весь изжился (consumor) на служеніи другимъ и послѣ себя не имѣетъ ничего оставить, кромѣ праха. O beata solitudo, o sola beatitudo,—продолжаетъ Яворскій,—te omnibus viribus appetit anima mea! Sine te deficio, morior et vix non intereo. Повѣрь мнѣ, счастливо прожилъ тотъ, кто хорошо спрятался. Помолись, святитель Божій, объ избавленіи плѣненныхъ, отъ нихъ же первый есмь азъ! [2])

Не находя другихъ путей къ избавленію отъ „безчисленныхъ суетствъ“ блюстительства, Яворскій нѣсколько разъ склонялся къ мысли о принятіи схимы. Слухи объ этомъ ходили въ 1710 г., когда Стефанъ жилъ въ Рязани. Предвидя неудовольствіе Петра, Мусинъ-Пушкинъ послалъ

[1]) *Рункевичъ*. Исторія русской Церкви.... Т. I, стр. 74.

[2]) *[Ф. Терновскій]*. Письма митр Стефана Яворскаго. „Труды Кіевск. Дух. Акад.“ 1866, № 4, стр. 544—547.

къ Стефану съ письмомъ нарочнаго дьяка, чтобы удержать его отъ рѣшительнаго шага, а всѣмъ архимандритамъ и священникамъ подъ страхомъ жестокаго наказанія воспретилъ производить постриженіе. Въ 1712 г., послѣ проповѣди о фискалахъ, Стефанъ свое „обѣщаніе на схиму паки обновилъ“ и снова безуспѣшно просилъ государя уволить его на покой и отпустить въ Донской монастырь или куда нибудь въ другое мѣсто [1]).

Такимъ образомъ административныя обязанности сильно тяготили Яворскаго. На административномъ поприщѣ онъ не обнаружилъ ни энергіи, ни талантовъ и не предпринималъ никакихъ важныхъ шаговъ къ усовершенствованію церковной жизни. Это хорошо понимали современники, и авторъ памфлета „Молотокъ на Камень вѣры“ не преминулъ бросить Яворскому рядъ упрековъ въ такомъ смыслѣ [2]).

II.

Среди безпокойствъ и огорченій служебной карьеры было одно дѣло, въ которомъ Яворскій находилъ отдыхъ и душевное успокоеніе. Дѣло это—созданіе въ Нѣжинѣ, близъ мѣста второй родины, монастыря въ честь Благовѣщенія Пр. Богородицы. Сначала Стефанъ предполагалъ устроить въ Нѣжинѣ только церковь. Къ сооруженію послѣдней приступили въ 1702 г., при чемъ главный надзоръ за ходомъ работъ митрополитъ поручилъ своему родному брату, нѣжинскому протопопу Павлу Яворскому. Черезъ нѣсколько лѣтъ работы были закончены, и Стефанъ исхлопоталъ у

---

[1]) *Чистовичъ.* Ѳеофанъ Прокоповичъ, стр. 61—63.—*Рункевичъ.* Архіереи Петровской эпохи. Вып. I, стр. 152—153, 156—158.

[2]) *Чистовичъ.* Ibid., стр. 393 слл. Ср. замѣчанія *Ф Терновскаго:* „Труды Кіевск. Дух. Академіи“ 1864 г., № 6, стр. 184—185; „Древн. и Нов. Россія“ 1879 г., № 8, стр. 319.

государя отпускъ, чтобы побывать въ Нѣжинѣ и лично принять участіе въ освященіи своей церкви.

Не успѣлъ Яворскій выбраться въ дорогу, какъ Петръ потребовалъ его въ Петербургъ для участія въ пересмотрѣ дѣла Тверитинова. Получивъ соотвѣтствующій указъ, Стефанъ 24 декабря 1714 г. написалъ государю письмо съ мольбой не лишать его возможности немедленно отправиться въ Нѣжинъ [1]). Петръ однако не внялъ просьбѣ митрополита: „Въ Нѣжинъ для освященія церкви,—отвѣчалъ онъ 5 января 1715 г.,—можете вы и послѣ съѣздить, какъ помянутое дѣло окончается, понеже вашея должность есть тѣхъ управить и рѣшить, для кого церкви дѣлаютца“ [2]). 11 іюля Стефанъ возобновилъ просьбы объ отпускѣ. Подозрѣвая, что государь опасается, какъ бы онъ не остался въ Малороссіи навсегда, митрополитъ клялся, что не помышляетъ ничего лукаваго о бѣгствѣ и что по освященіи тотчасъ же возвратится въ Петербургъ: „А буде и сія клятва моя, на ней же спасеніе мое лежитъ, явится вашему великодержавію невѣроятна, прошу о пристава какого либудь офицера съ солдатами, съ ними же быхъ могль сей путь управити для всякой осторожности и вѣры“ [3]). 14 ноября Стефанъ поздравлялъ государя съ рожденіемъ царевича Петра и снова просилъ „для такой всемірной радости“ разрѣшить „по прежнему милостивому отпуску“ съѣздить освятить церковь, „въ ней же и о новорожденномъ царевичѣ принесется умилостивительная Богу жертва“ [4]). Не получая отвѣта, Яворскій 23 января

---

[1]) *С. Г. Рункевичъ.* Архіереи Петровской эпохи... Вып. I, стр. 173—174.

[2]) Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Правит. Сунода. Т. I. Спб. 1868. Приложенія, столб. VI.

[3]) *И. Чистовичъ.* Ѳеофанъ Прокоповичъ, стр. 67—69.—*С. Г. Рункевичъ.* Op. cit., стр. 176—178.

[4]) *Рункевичъ.* Op. cit., стр. 180.

1716 г. обратился съ челобитной къ самому царевичу, чтобы онъ „для всерадостнаго и торжественнаго на сей свѣтъ пришествія“ помогъ ему своимъ ходатайствомъ передъ батюшкой [1]).

Въ этомъ году Яворскій получилъ, наконецъ, давно жданный отпускъ, и 22 іюля съ большой торжественностью храмъ былъ освященъ. Кромѣ самого Стефана, въ освященіи принимали участіе три малорусскихъ архіерея: кіевскій митрополитъ Іоасафъ Крковскій, архіепископъ черниговскій Антоній Стаховскій и епископъ переяславскій Кириллъ Шумлянскій, множество архимандритовъ, игуменовъ и проч. духовенства. На торжество прибыло также немало „мірскаго начальства“. Послѣ освященія духовенство, зная желанія Яворскаго, которыя онъ, повидимому, не рѣшался открыть государю, предложило учредить при церкви монастырь и наименовало ее Богородичнымъ Назаретомъ.

Стефанъ долго оставался въ Нѣжинѣ. 15 августа и 1 октября онъ говорилъ въ своемъ монастырѣ проповѣди къ народу [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подыскивалъ архимандрита для новой обители и 13 ноября произвелъ „на сей преизящный степень“ намѣстника Кіево-Печерской лавры Модеста Ильницкаго. Ему и по немъ будущимъ архимандритамъ Стефанъ предоставилъ цѣлый рядъ прерогативъ епископскаго священнослуженія и облаченія, выдѣливъ такимъ образомъ Богородичный Назаретъ изъ среды другихъ русскихъ монастырей. Всѣ права и привилегіи, дарованныя монастырю, Стефанъ подтвердилъ потомъ въ присланной изъ Москвы роскошной пергаменной грамотѣ 1717 г. [3]).

---

[1]) *Рункевичъ.* Op. cit., стр. 180—181.

[2]) *И. Чистовичъ.* Неизд. проповѣди Стефана Яворскаго. „Христ. Чтеніе“ 1867 г., № 5, стр. 817.

[3]) Исторіи Нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря посвящены слл. работы: *Амвросій [Орнатскій].* Исторія россійской іерархіи. Ч. III.

Возвратившись къ исполненію своихъ обязанностей по управленію Всероссійской Церковью, Яворскій не переставалъ думать о далекой Нѣжинской обители и время отъ времени присылалъ сюда деньги и различные предметы церковной утвари [1]). Въ концѣ 1721 г., за годъ до смерти, онъ завѣщалъ Благовѣщенскому монастырю всю свою библіотеку [2]).

М. 1811, стр. 361—377.—*И. Черновъ.* Краткая исторія построенія Нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря, называемаго: Богородичнымъ Назаретомъ. М. 1815.—*И. К[улжинскій].* Нѣжинскій Благовѣщенскій монастырь, называемый: Назаретъ Пр. Богородицы. „Маякъ". Т. VII. Спб. 1843. Матеріалы, стр. 109—120.—*[Преосв. Филаретъ].* Нѣжинскій Мужескій монастырь. „Черниг. Епарх. Извѣстія" 1861 г. Прибавленія. №№ 6 и 7.—*Л. Бѣлоусовичъ.* Нѣжинскій Благовѣщенскій второкласcный монастырь, называемый „Назаретъ" Пр. Богородицы. Ibid. 1867 г., №№ 19—21, 24; 1868 г., № 3 (перепечат. въ „Историко-статист. описаніи Черниговской епархіи". Кн. III. Черниговъ 1873, стр. 157—208).—*А. Ѳ. Хойнацкій.* Очеркъ исторіи Нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря. Нѣжинъ 1906 (изъ „Черниг. Епарх. Извѣстій" 1882 г., №№ 31, 33; 1883 г., №№ 2, 3, 10, 14, 16—18).—*С. И. Масловъ.* Грамота Стефана Яворскаго Нѣжинскому Благовѣщенскому монастырю 1717 г. „Искусство въ Южной Россіи" 1914 г., № 5—6, стр. 203—215. Къ отдѣльнымъ оттискамъ (Кіевъ 1914) приложенъ не вошедшій въ журналъ текстъ грамоты 1717 г. съ перечнемъ предшествующихъ изданій; кромѣ названныхъ здѣсь, см. еще текстъ, напечатанный въ „Описаніи докум. и дѣлъ, хранящ. въ Архивѣ Св. Cунода". Т. L. Петроградъ 1914, столб. 870—878.—Снимокъ съ Благовѣщенскаго собора—въ „Картинахъ церковной жизни Черниговской епархіи изъ IX вѣковой ея исторіи". К. 1911, стр. 110.

[1]) См., напримѣръ, опись вещей, посланныхъ въ Нѣжинъ въ февралѣ 1719 г. черезъ архимандрита Донского монастыря Лаврентія. Здѣсь упоминаются: деньги 3000 р. „копѣйками сребренними, межъ которыми есть 141 червоній"; панагія съ изображеніемъ Благовѣщенія Пр. Богородицы, вся въ алмазахъ и пр. Сборникъ Нѣжинскаго мон. № 3, л. 53 (копія въ сборникѣ № 1, л. 47).

[2]) Документы, относящіеся къ составу и судьбѣ библіотеки Яворскаго, сохранились гл. обр. въ слл. сборникахъ:

Исторію этой библіотеки, ея постепенный ростъ, выяснить въ настоящее время, конечно, очень трудно. Мы можемъ привести только нѣсколько относящихся сюда фактовъ. Какъ свидѣтельствуютъ надписи, нѣкоторыя изъ книгъ Яворскій пріобрѣлъ еще въ годы ученія въ польскихъ школахъ. Такъ, напримѣръ, на сочиненіи J. St. Pisarskiego „Mowca polski“ (Kalisz 1683) сдѣлана помѣта: „ex libris Stanislai Simonis Jaworscy“ и другая позднѣйшая: „ex libris

---

a) Сборникъ Нѣжинскаго Благовѣщенскаго мон. № 1, содержащій 75 нумеров. лл. in folio и in 4-to (при этомъ номеръ 50 abest, лл. 54 и 70 bis); переплетенъ въ картонъ, обтянутый синимъ шелкомъ; съ надписями и помѣтами: 1) на верхней крышкѣ переплета: „Собраніе древнихъ указовъ и грамотъ. Переплет. въ 1846 году маја 12-го“, 2) на корешкѣ: „1. Рукопись Стефана Яворскаго“, 3) на первомъ бѣломъ л.: „Принадлежитъ Нѣжинскому Благовѣщенскому монастырю. Хранить въ ризницѣ, съ документами. Архимандритъ Никаноръ. 12 маја 1846“, 4) на послѣднемъ, 75 л.: „Въ сей рукописной книгѣ листовъ скрѣпленныхъ, перенумерованныхъ, шнуромъ прошитыхъ и припечатанныхъ 75. Епископъ Іоанникій, управляющій Нѣжинскимъ Благовѣщенскимъ монастыремъ“. Что касается состава сборника № 1, въ немъ наиболѣе цѣнными являются документы, относящіеся къ передачѣ книгъ въ Нѣжинскій монастырь (въ большинствѣ случаевъ автографы Яворскаго).

b) Дѣло Архива Св. Синода 1723 г. № 37 (253) на 36 лл. in folio и in 4-to. Содержитъ документы, относящіеся къ передачѣ книгъ изъ Нѣжина въ Харьковскій Училищный монастырь.

c) Сборникъ Нѣжинскаго мон. № 3. Въ немъ 64 нумеров. лл. in folio и in 4-to (нумерація однако неправильна, въ дѣйствительности въ сб. 71 лл.); надписи и помѣты: 1) на верхней крышкѣ переплета: „№ 3. Нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря. Собраніе разныхъ документовъ, подлинныхъ и копій за XVIII вѣкъ, особенно за 1751—1756 годы“; 2) на об. л. 71 скрѣпа еп. Іоанникія. Документы, входящіе въ составъ сборника, касаются ходатайства Нѣжинскихъ архимандритовъ о возвращеніи отобранныхъ отъ монастыря денегъ и книгъ Яворскаго.

Свѣдѣнія о библіотекѣ Яворскаго въ научной литературѣ крайне скудны. Они встрѣчаются преимущественно въ статьяхъ, посвящен-

Stephani Jaworscy, indigni monachi, emptis Posnaniae" [1]). Къ 1700 г. у Стефана уже была, вѣроятно, небольшая библіотека. Въ запискѣ „Вины, для которыхъ ушелъ я отъ посвященія", приложенной къ письму ближнему боярину Θ. А. Головину, Яворскій упоминаетъ о необходимости забрать изъ Кіева различныя вещи и въ числѣ ихъ „книги, книжечки, письма" [2]). По словамъ іезуита Франциска Эмиліана, въ январѣ 1702 г. Яворскому досталась библіотека Палладія Роговскаго, вывезенная изъ Рима и состоящая по меньшей мѣрѣ изъ 500 сочиненій, гл. образомъ, изъ твореній св. отцевъ, соборныхъ постановленій и полемическихъ трактатовъ (e ss. patribus, conciliis et controversiis) [3]).

ныхъ исторіи Благовѣщенскаго монастыря—у *И. Чернова* (М. 1815) и др., при чемъ наиболѣе обстоятельными являются замѣчанія въ очеркахъ *преосв. Филарета:* „Черниг. Епарх. Извѣстія" 1861 г., № 7, стр. 342—350, и *Л. Бѣлоусовича:* Ibid. 1867 г., № 20, стр. 660—661; № 24, стр. 832—834.—См. еще: *Митр. Евгеній.* Словарь историческій. Ч. II. Спб. 1818, стр. 641.—*Гр. Геннади.* Указатель библіотекъ въ Россіи. „Журн. Мин. Нар. Просв." 1864 г., № 5, стр. 15. Геннади ошибочно полагаетъ, будто книги Яворскаго поступили въ Московскую Синодальную библіотеку.—Описаніе докум. и дѣлъ, хранящ. въ Архивѣ Св. Сунода. Т. III (1723 г.) Спб. 1878, столб. 25—27. Здѣсь м. пр. говорится, что каталогъ книгъ, оставшихся послѣ Яворскаго, напечатанъ въ Черниг. Епарх. Вѣдомостяхъ (sic!) за 1865 г., № 2. Однако, ни въ „Черниг. Епарх. Извѣстіяхъ", ни въ „Черниг. Губернск. Вѣдомостяхъ" за 1865 и др. годы мы не нашли названнаго изданія.—*Н. Бокачевъ.* Описи русскихъ библіотекъ... Спб. 1890, стр. 29—30.—*В. С. Иконниковъ.* Опытъ русской исторіографіи. Т. I, кн 2. К. 1892, стр. 1087.—*У. Г. Ивасскъ.* Частныя библіотеки въ Россіи. Ч. II. Спб. 1912 (Приложеніе къ „Русскому Библіофилу" 1911 г.), стр. 49, № 1090.—*К. В. Харламповичъ.* Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь. Т. I. Казань 1914, стр. 790.

[1]) *Филаретъ.* Обзоръ русской духовной литературы. Спб. 1884, стр. 269.

[2]) *С. Г. Рункевичъ.* Исторія русск. Церкви. Т. I, стр. 69.

[3]) Письма и донесенія іезуитовъ..., стр. 300 и 111.

Долгое время библіотека Яворскаго хранилась въ Москвѣ, гдѣ онъ жилъ до мая 1718 г. сначала на Рязанскомъ подворьи на Лубянкѣ, а потомъ въ роскошномъ домѣ на Прѣснѣ, съ садомъ и прудомъ, возбуждавшемъ зависть другихъ вельможъ. Въ Петербургъ Стефанъ пріѣзжалъ въ это время только на короткіе сроки. 28 мая 1718 г. по требованію Петра Стефанъ выѣхалъ въ Петербургъ для участія въ судѣ надъ царевичемъ Алексѣемъ. Выѣхать пришлось спѣшно, налегкѣ, не взявъ съ собой ни ризницы, ни платья, ни келейной обстановки. Между тѣмъ, этотъ переѣздъ оказался окончательнымъ: Стефанъ прожилъ въ Петербургѣ около трехъ съ половиной лѣтъ, почти до смерти. Резиденціей его было подворье на Воскресенской набережной, на мѣстѣ Таврическаго дворца [1]). Сюда, вѣроятно, была перевезена его библіотека въ 1719 или 1720 г. [2]).

Намѣреніе завѣщать книги Нѣжинскому монастырю возникло у Яворскаго не сразу. Сначала онъ хотѣлъ передать ихъ своему племяннику Сильвестру Шумскому, который учился тогда въ Львовскихъ школахъ, а позже былъ профессоромъ въ Московской академіи. 3 апрѣля 1721 г., чувствуя, что приближается пора „въ путь выбиратися, въ онь же вси пойдоша и пойдутъ“, и опасаясь, какъ бы его „собранийце“, состоящее теперь болѣе, чѣмъ изъ 600 книгъ, книжекъ и казаній, не попало въ чужія руки, Стефанъ написалъ письмо протопопу Павлу съ просьбой вызвать изъ

[1]) *Ф. Терновскій.* Труды Кіевск. Дух. Академіи 1864 г., № 3, стр. 283; № 6, стр. 149—150.—*С. Г. Рункевичъ.* Исторія русской Церкви... Т. I, стр. 84—88.

[2]) Каменное зданіе, которое Яворскій началъ строить въ 1719 г. на Васильевскомъ Островѣ на берегу Невы, было закончено, повидимому, не ранѣе осени 1721 г. Въ письмѣ къ казанскому митрополиту Тихону отъ 12 августа 1721 г. Яворскій упоминаетъ объ этомъ зданіи, какъ о еще строящемся: „На Васильевскомъ Острову храмины для насъ дѣлаютъ...“ „Православный Собесѣдникъ“ 1859 г., ч. II, стр. 88.

Львова и прислать къ нему въ Петербургъ Шумскаго, чтобы въ формальномъ порядкѣ, per legationem et testamentum, передать ему духовное свое богатство [1]). Шумскій, повидимому, не захотѣлъ прерывать ученія и не откликнулся на призывъ Стефана. Тогда Стефанъ, въ октябрѣ 1721 года, завѣщалъ библіотеку Богородичному Назарету.

При передачѣ книгъ въ Нѣжинскій монастырь было составлено два каталога. Они оба до сихъ поръ хранятся въ монастырскомъ архивѣ, благодаря чему мы можемъ составить довольно полное представленіе о библіотекѣ Яворскаго въ послѣдніе годы его жизни.

Одинъ каталогъ, № 1, писанъ самимъ митрополитомъ въ августѣ 1721 г. Онъ имѣетъ слѣд. заглавіе: „Cathalogus librorum Stephani Jaworski, metropolitae Riazanensis et Muromensis, conscriptorum anno Domini 1721 mense Augusto, cum ex Divina gratia morbo pulsante sentiret se morti vicinum“. Книги въ немъ сгруппированы по формату: 1) Libri in folio, 91 №№; 2) Libri minores quantitate folio, vulgo in 4-to, 67 №№-овъ; 3) Libri in 8-vo, 44 №№-а; 4) Libri parvae quantitatis, 37 №№-овъ [2]).

Кѣмъ и когда составленъ другой каталогъ, № 2, мы не знаемъ. Сохранившійся списокъ его писанъ не рукой Яворскаго. Имя митрополита упоминается въ немъ въ третьемъ лицѣ, ср., напримѣръ: „Agonium philosophicum, propia manu scriptum illustrissimi metropolitae“ 422 [3]), „Liber controversiarum, manuscrip. ab illust. metropolita“ 423, „Trun-

---

[1]) Сборникъ Нѣжинскаго мон. № 1, лл. 51—52, автографъ. Изд. *преосв. Филаретомъ* въ „Черниг. Епарх. Извѣстіяхъ“ 1861 г., № 6, стр. 330—332 и у насъ: „Документы, относящ. къ библіотекѣ Стефана Яворскаго“, стр. 17—18.

[2]) Сборникъ Нѣжинскаго мон. № 1, лл. 2—7. См. ниже: „Документы...“, стр. 21—32.

[3]) Здѣсь и вездѣ ниже при ссылкахъ на каталоги мы имѣемъ въ виду привнесенную нами общую нумерацію книгъ.

cus informis manuscriptus illustrissimi metrop." 465. Во всякомъ случаѣ, этотъ каталогъ составленъ до октября 1721 г., такъ какъ его, конечно, имѣетъ въ виду Яворскій въ своемъ Тестаментѣ, когда говоритъ о книгахъ, списанныхъ, „подъ инымъ реестромъ". Книги въ каталогѣ № 2 расположены также по формату: 1) Libri in folio, 102 №№-а; 2) Libri minores quantitate folio, vulgo in 4-to, 122 №№-а; 3) Libri in 8-vo, simul et parvae quantitatis libelli, 146 №№-овъ [1]).

Въ общемъ оба каталога обнимаютъ 609 номеровъ. Это по преимуществу печатныя книги, но нѣсколько номеровъ, не менѣе 28, приходится на долю рукописей. См. №№ 71, 83, *91,* м. быть 147, 149, 153, *158, 191, 192, 221, 236,* 336, 358, 371, 391, 406, 415—417, *422, 423,* 424, 426, 427, 431, 445, 447, *465,* 607 [2]).

Не всѣ перечисленныя въ каталогахъ книги составляли собственность Яворскаго. Какъ показываютъ отмѣтки въ каталогѣ № 1, часть ихъ принадлежала различнымъ кіевскимъ монастырямъ—Лаврѣ: №№ 6, 42, 61, 65, 95, 102, 108, 112, 139, 164, 182 [3]); монастырю Братскому: № 173 и Пустынно-Никольскому: № 54.

Что касается языка, большинство книгъ и рукописей, названныхъ въ каталогахъ, писаны по латыни (приблизительно 443 №№-а, 73% [4]); гораздо меньше книгъ на языкахъ славяно-русскомъ (около 88 №№-овъ, 15%) и польскомъ (около 75 №№-овъ, 12%); одна—„Dévises et emblèmes curieuses" 394 писана по французски.

---

[1]) Сборникъ Нѣжинскаго мон. № 1, лл. 10—17. См. „Документы...", стр. 38—53.

[2]) Курсивомъ означены рукописи, писанныя самимъ Яворскимъ.

[3]) Сюда должны быть причислены еще №№ 124 и 385; см. роспись Ерод. Мартиніана Лобача: „Документы...", стр. 59.

[4]) Въ это число входитъ пять греко-латинскихъ изданій: №№ 11, 12, 41, 294, 303.

Переходя къ обзору книгъ по содержанію, мы выдѣлимъ въ особую группу *сочиненія* самого *Яворскаго.* Ихъ сравнительно немного: „Agonium philosophicum“ 422 [1]), двѣнадцать экземпляровъ проповѣди „Виноградъ Христовъ“ 458 [2]), „Камень вѣры“ 91, одиннадцать связокъ казаній и различныхъ scripta и notata 158, „Apophasis orthodoxa ad erotemata latinorum“ 221. Можетъ быть, сюда же слѣдуетъ отнести и нѣкоторые другіе трактаты, отмѣченные въ каталогахъ, какъ автографы Яворскаго.

Остальныя книги, входившія въ составъ библіотеки Стефана, распадаются на двѣ группы. Одну составляютъ сочиненія богословскія и церковно-историческія; въ другую входятъ книги свѣтскаго характера.

I. Въ первой группѣ отмѣтимъ прежде всего нѣсколько *книгъ священнаго писанія.* Сюда относится три полныхъ свода библіи: венеціанское изданіе вульгаты 155, Biblia polska 90, Острожская библія 61 (прин. К. Печер. лаврѣ) [3]); затѣмъ—нѣсколько отдѣльныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта; среди нихъ—„Novum testamentum, per lutheranum Bezam scriptum“ 183, повидимому, переводъ кальвинскаго писателя XVI в Théodore de Bèze. См. еще № 85: „Historiae biblicae, iconibus illustratae“, и № 86: „Historiae evangelicae imagines“.

---

[1]) Это курсъ лекцій по философіи, читанный Яворскимъ въ 1691—1693 гг. въ Кіевскомъ коллегіумѣ. Другіе списки его: Кіевск. Дух. семинаріи VIII. 1. 69; Кіево-Софійск. собора №№ 397 и 398; Универс. Св Владиміра № 42. См. *Н. И. Петровъ.* Описаніе рукописныхъ собраній, наход. въ г. Кіевѣ. Вып. I. М. 1891, № 152; вып. III. М. 1904, №№ 619 и 618.—*С. И. Масловъ.* Обзоръ рукописей библіотеки Имп. Университета Св. Владиміра. К. 1910, № 60.

[2]) *П. Пекарскій.* Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Т. II, № 2.

[3]) Ср. *И. Каратаевъ.* Описаніе славяно-русскихъ книгъ. Т. I. Спб. 1883, №№ 101 и 102.

Изъ пособій для изученія книгъ священнаго писанія у Яворскаго были, съ одной стороны, различныя конкорданціи и катены: 113, 131, 253, 331; съ другой, рядъ комментаторовъ, католиковъ и протестантовъ: Math. Cantacuzenus 330, Bellarminus 141 („Explanatio in psalmos"), Fr. Balduinus 302, Pineda 31, Cornelius a Lapide 1—10, Scherlogus 54 (Кіевск. Никольск. м.), Baeza 39, 454, Celada 58, Th. le Blanc 30, 247, 258, Joh. de Sylveira 242, 244—246, 259, Aug. Pfeifferus 380.

Книги *богослужебныя* представлены въ каталогахъ не обильно. Среди нихъ отмѣтимъ „Breviarium romanum" 527 и „Синаксарь на вѣкопомное прославленіе" 460, составленный въ воспоминаніе Полтавской побѣды [1]). Въ тѣсной связи съ богослужебными книгами находится изданная при патр. Никонѣ „Скрижаль" 433, содержащая объясненіе обрядовъ греко-восточной Церкви.

Творенія отцевъ и учителей Церкви были у Яворскаго въ греко-латинскихъ, латинскихъ и славяно-русскихъ изданіяхъ. Съ большей или меньшей полнотой въ его библіотекѣ собраны слл. писатели I—XI ст. по Р. Хр.: Діонисій Ареопагитъ 294, Юстинъ Мученикъ 25, Тертулліанъ 15, 320, 325, 351, 355, 357, 375, 404, 449, Климентъ Александрійскій 300, Оригенъ 248, Меѳодій Патарскій 291, Аѳанасій Александрійскій 26, 308, 312, 558, Василій Великій 26, 79, Кириллъ Іерусалимскій 115, Григорій Богословъ 26, 251, 328, Григорій Нисскій 11, 254, Амфилохій Иконійскій 291, Епифаній Кипрскій 313, 314, Іоаннъ Златоустъ 12—14, 17—22, 285, 347, 363, 367, 381, 383, 438, 452 [2]), Августинъ

[1]) См. у *Пекарскаго*. Op. cit. T. II, № 174.

[2]) №№ 13—14 „Бесѣды на посланія ап. Павла". Можетъ быть, это московское изданіе 1709 г., которое вышло съ предисловіемъ Яворскаго. *Пекарскій* Op. cit. T. II, № 140.—Подъ № 17 „Маргаритъ". Ср. у *Пекарскаго* № 3.—Подъ № 19 „Толкованіе на Дѣянія свв. апп." Ср. у *Пекарскаго* № 211.

24, 209, 252, 290, 468, 545, 578, Исихій Іерусалимскій 476, Кириллъ Александрійскій 74, Проклъ Константинопольскій 387, Іоаннъ Лѣствичникъ 78, Андрей Кесарійскій 81 [1]), авва Дороѳей 457, Максимъ Исповѣдникъ 303, 309, Андрей Критскій 291, Іоаннъ Дамаскинъ 26, 41, 79, 296, Ѳеофилактъ Болгарскій 23, 279, 469. Изъ сборниковъ свято-отеческихъ твореній у Яворскаго были: „Catena graecorum patrum in b. Job“ 322, „Ss. patrum homiliae de sanctis et in varia scipturae loca“ 295 и „Bibliotheca ss. patrum concionatoria“ 591.

Среди книгъ по *богословію догматическому, нравственному и полемическому* встрѣчаются труды слл. авторовъ: Thomas d'Aquinas 249, 256, 299, 307, 310, 326, 490, 557, 588 (преимущественно различныя части его труда „Summa theologiae“), Hugo von Strassburg 185 („Comp. theol. veritatis“), Duns Scot 479, Petrus Berchorius 55, Johan. Turrecremata (Torquemada) 350, Thomas a Kempis 209, Fr. Junius Bituriges 240, Fr. Costerus 597, Rob. Bellarminus 27—29, 184, 208 (то же 238), 470, Mart. Becanus 166, 174—179, 215, Ludovicus de Ponte 116, 165, Petrus Arcudius 365, Alvarez 36, Hierem. Drexellius 32, 33, 203, 515, 581 589, Gilb. Primerose 528, Jacob Merlo Horstius 232, Didacus Ruiz 250, 304, 315, De Lugo 260, 262, 264, 277, 301, 306, 327, Allatius 379, 418, 474, 481, 485, Botsaccus 293, Stella 210, Platelius 471, 486, 487, Joh. Fabricius 120, Mich. Nau 564, Lud. Abellius 109, 110, 473, Rich. Archdekin 194, Gormaz 478, 480. См. еще рядъ трактатовъ безъ имени автора: №№ 227, 385, 416, 424, 488 и др.

Кромѣ этихъ, католическихъ зап.-европейскихъ писателей, у Яворскаго было нѣсколько писателей польскихъ: Adr. Bratkowicz 360 [2]), A. K. Drużbicki 204, 205 [3]), Cichowski

[1]) „Толкованіе на Апокалипсисъ“. Ср. у *Пекарскаго* № 212.

[2]) „Controversia.“ Ср. *K. Estreicher.* Bibliografia polska. T. XIII. Kraków 1894, str. 322.

[3]) „Considerationes in dominicas“, „Cons. pro festis“. *Estreicher.* T. XV. Kraków 1897, str. 332—333, 333—334.

414 [1]), Jan Andrzejkiewicz 144 [2]), Th. Rutka 403, 405, 408, 409, 411. Подъ № 191 названъ трактатъ: „Abyssus inscrutabilium Dei arcanorum" — лекціи по богословію, которыя Яворскій слушалъ въ Вильнѣ и Познани.

Число протестантскихъ богослововъ, упоминающихся въ каталогахъ, сравнительно невелико. Это: Mart. Chemnitius 324, Gomar 243, Quenstedt 241 и Ad. Osiander 343. См. еще № 220: „Bellarminus enervatus, liber calvinisticus", и № 535: „Cathechismus lutheranorum".

Наконецъ, среди богословскихъ трактатовъ находится нѣсколько православныхъ сочиненій, писанныхъ въ Россіи, напримѣръ, „Книга о вѣрѣ" 84, 145, 608 [3]), „Θρῆνος" Мелетія Смотрицкаго 127, „Исповѣданіе православныя вѣры" 199 [4]), „Миръ съ Богомъ" Иннокентія Гизеля 63 (то же 288), „Prawdziwa wiara stara" его же 146, „Nowa miara" Лазаря Барановича 376 (то же 377, 396) [5]), нѣсколько полемическихъ сочиненій Іоанникія Галятовскаго 398, 399, 407, 419, 432 [6]), „Акосъ" Лихудовъ 149, „Θеатронъ" 111 и „Царскій путь креста Господня" 150 Іоанна Максимовича [7]), „Рожнецъ духовный", приписываемый Пафнутію Олисову 445 [8]) и др. Нѣкоторые изъ этихъ трактатовъ посвящены спеціально обличенію раскола: „Жезлъ правленія" Симеона Полоцкаго 67, „Возглашеніе увѣщателное

[1]) „Tribunal". *Estreicher.* T. XIV. Kraków 1896, str. 270.

[2]) „Ziarno gorczyczne". *Estreicher.* T. XII. Kraków 1891, str. 151.

[3]) Ср. *И. Каратаевъ.* Описаніе славяно-русскихъ книгъ. Т. I, №№ 170, 246 и 641.

[4]) Ср. *Пекарскій.* Op. cit. T. II, №№ 138 и 330.

[5]) Ср. *Estreicher.* Biblogr. polska. T. XII, str. 358—359.

[6]) „O rożnych haerezyach per alphabetum", „Stary Kościoł", „Fundamenta", „Alkoran Machom." „Meccia правдивый". Ср. *Estreicher.* T. XVII. Kraków 1899, str. 11—14.

[7]) *Пекарскій.* Op. cit. T. II, №№ 127 и 146.

[8]) *Ф. Терновскій.* Рожнецъ духовный и Камень вѣры. „Правосл. Обозрѣніе" 1863 г., № 11.

на расколниковъ" патр. Іоакима 451, „Отвѣтъ краткій на подметное писмо о рожденіи сихъ временъ антихриста", напис. Іовомъ, митрополитомъ Новгородскимъ 609 [1]), „Розыскъ" Димитрія Ростовскаго 71, „Соборное дѣяніе на еретика Мартина" 430 [2]), „Объявленіе о сложеніи перстовъ" 448.

Съ наибольшей полнотой представлена въ библіотекѣ Яворскаго *проповѣдническая литература*. Изъ западноевропейскихъ проповѣдниковъ у него были: Joannes de Mata 117, Meffreth 132, Thomas a Villa Nova 137, Polygranus 492, Th. Stapleton 160, 161, 163, Sanchez 172, Joannes de Carthagena 42, 112 (К. Печ. лавр.), 374, Ph. Boskhierus 516, P. Bessaeus 162, 348, 504, Math. Faber 45, 48, 60, 107, Sebast. Henr. Penzinger 345, Max. Sandaeus 139 (К. Печ. лавр.), P. Oliva 93, Engelgrave 95 (К. Печ. лавр.), 97, Hartung 104—106, 136, Schrotter 133, P. Segneri 138, Ant. Vieira 134, 135, Math. Stempel 125, Clemens XI, pontif. Romanus 87. См. еще рядъ сборниковъ, авторы которыхъ въ каталогахъ не названы: „Sanctuarium, h. e. sermones panegyrici pro festis Chr." 72, „Scala caeli" 186, „Sermones in dies sanctorum" 282, „Conciones funebres" 349, „Conciones in praecipua festa" 466, „Sermones morales pro dominicis" 497, „Conciones in magnificat" 556, „Fasciculus orationum piarum" 579.

Много вниманія удѣлилъ Яворскій и польскимъ проповѣдникамъ конца XVI и XVII ст. Въ каталогахъ встрѣчаются слл. имена: P. Skarga 76, 77, J. Olszewski 128, Fab. Birkowski 80, 283 [3]), Abrah. Bzovius 346 [4]), Al. Lorencowicz 53 [5]),

---

[1]) *Пекарскій* указываетъ изданіе M. 1707 in 8°. Op. cit. T. II, стр. 159—160, 164.

[2]) Объ этой книгѣ и объ участіи Яворскаго въ ея составленіи см. *Пекарскій*. Ibid. № 362 (ср. №№ 367 и 421).

[3]) „Kazania niedz. y świąteczne". *Estreicher*. T. XIII, str. 142—143.

[4]) „Conciones". *Estreicher*. Ibid., str. 494 - 495.

[5]) „Kazania niedz. y pogrzebne". *Estreicher*. T. XXI. Kraków 190[6], str. 408—409.

Paw. Kaczyński 297, 298 [1]), Stephanowicz 50, Stryjewski 354, Jacek Liberyusz 122, 123, 124 (К. Печ. лавр.) [2]), Fr. Rychłowski 49, 51, Th. Młodzianowski 52, 69, 73 [3]), Jan Krosnowski 46 [4]), Wal. Gutowski 47, 352 [5]), Andrzej Chryzostom Załuski 453, Jan Morawski 121 [6]), P. St. Dunin 68 [7]), Bened. Zawadzki 70, 280, Jan Kraszewski 66, 118, 140, 281 [8]). См. еще №№ 43, 82, 142 и 329 безъ имени авторовъ.

Произведеній русской проповѣднической литературы у Яворскаго было немного: „Поученіе о благоговѣйномъ стояніи въ храмѣ Божіи“ 437, „Евангеліе учительное“ Кирилла Транквилліона 62 [9]), „Мечъ духовный“ Лазаря Барановича 286 [10]), „Обѣдъ душевный“ и „Вечеря душевная“ Симеона Полоцкаго 88, 89, казанья Димитрія Ростовскаго 153 и „Панегирикосъ о преславной надъ войсками свѣйскими побѣдѣ“ Ѳеофана Прокоповича 338 [11]).

На ряду съ произведеніями церковныхъ ораторовъ въ библіотекѣ Стефана было нѣсколько теоретическихъ руководствъ для проповѣдниковъ: „Brevis instructio pro

---

[1]) „Kazania na swięta“, „Kaz. na niedziele“. *Estreicher.* T. XIX. Kraków 1903, str. 8.

[2]) „Gospodarz nieba y ziemie“, „Gospodyni nieba y zieme“, „Gwiazda morska“. *Estreicher.* T. XXI, str. 260—261.

[3]) „Kazania swiąteczne“, „Kazania y homilie“. *Estreicher.* T XXII. Kraków 1908, str. 453.

[4]) „Pochodnia, s. kazania niedz“. *Estreicher.* T. XX. Kraków 1905, str. 290.

[5]) „Quadragesimał“ и какія то „Kazania“. *Estreicher.* T. XVII, str. 477—478.

[6]) „Ambona Ducha Św.“ *Estreicher.* T. XXII, str. 552.

[7]) „Wschod y Zachod słońca“. *Estreicher.* T. XV, str. 410—411.

[8]) „Proloquia domestica“, „Norma evang. in festa“, „Impetus ad concionandum“. *Estreicher.* T. XX, str. 242—243.

[9]) См. *И. Карамаевъ.* Описаніе сл. р. книгъ. Т. I, № 249.

[10]) Ср. *Estreicher.* Bibliogr. polska. T. XII, str. 359.

[11]) *Пекарскій.* Op. cit. T. II. №№ 142, 143.

concionatoribus" 553, „Manuale concionatorum" p. Alvarez 99 и „Modi concionandi" Kas. W. Kojałowicza 524 [1]). Далѣе назовемъ рядъ сборниковъ, служившихъ пособіями при составленіи проповѣдей: „Summa de exemplis et rerum similitudinibus" Joan. a S. Geminiano 164 (К. Печ. лавр.), „Reductorium morale" Petri Berchorii 55, „Summa praedicantium per alphabetum" Bromiardi dominicani 439 [2]), „Flores exemplorum" Ant. Dauroultii (D'Averoult) 102 К. Печ. лавр. (ср. 382), „Viridarium sacrae ac profanae eruditionis" a Franc. de Mendoça 169, „Hortus pastorum" Jac. Marchantii 92, „Firmamentum symbolicum" Sebastiani a Matre Dei 402 (ср. 406). „Apelles symbolicus" Ketten 170, 171 [3]), „Sylva allegoriarum" 35. Характеръ справочниковъ имѣютъ: „Regestr materii na kazania" 427 и „Index concionum Drexelii" 567.

Отдѣлъ *церковной исторіи* составляютъ такіе писатели, какъ Евсевій Памфилъ 319, Сократъ Схоластикъ и Созоменъ 317, Никифоръ Каллистъ 475, 592, Johannes Foxus 261, Бароній 64 [4]), Димитрій Ростовскій 83. Кромѣ того, отмѣтимъ: нѣсколько центурій (4, 5, 8, 10, 12 и 13-я) „Ecclesiasticae historiae" 269—275 и сочиненіе „De statu Ecclesiae et religionis in regno Persico" 517.

Отдѣлъ житій святыхъ и сказаній о чудесахъ представленъ слл. сборниками: „Żywoty swiętych", можетъ быть, П. Скарги 65 (К. Печ. лавр.), „Patericon pieczarski" Сильв. Коссова и „Τερατοὐργημα" Аѳанасія Кальнофойскаго 353 [5]),

---

[1]) Точнѣе „Modi LX sacrae orationis formandae". Ср. *Estreicher.* Bibliogr. polska. T. XIX, str. 396.

[2]) О составѣ этой книги см. у *R. Cruel*'я: Geschichte der deutschen Predigt im Mittelalter. Detmold 1879, S. 456.

[3]) *Estreicher.* Bibliogr. polska. T. XIX, str. 234.

[4]) На польскомъ языкѣ. Ср. *Estreicher.* T. XII, str. 376—377.

[5]) Ср. у *Estreichera.* T. XX, str. 141—142; t. XIX, str 66—67.

„Руно орошенное“ 148, 456 [1]) и „Житія святыхъ“ 287 Димитрія Ростовскаго [2]).

Къ книгамъ *церковно-юридическаго характера* принадлежатъ: „Summa omnium conciliorum“ 173 (Кіевск. Братск. мон.), „Summa conciliorum“ Carranzae 571, „Synodus Jerosolymitana“ 129, два сочиненія о Флорентійскомъ соборѣ 392, 483 и „Jus canonicum“ Arn. Corvini 538.

Отдѣлъ *религіозной поэзіи* заключаетъ въ себѣ: „Pia desideria“ Hermanni Hugonis 536, „Elogia in Christi miracula“ Juglaris 268 [3]), „Piesni polskie nabożne“ 235; „Elogia in Josaphat“ 421, повидимому, сочиненіе Andrz. Młodzianowskiego: „Icones symbolicae vitae et mortis b. Josaphat, mart. archiep. Polocensis“ [4]); „Supplex libellus“ Joh. Kwiatkiewicza 580 [5]), „Lutnia Apollinowa“ Лазаря Барановича 356 [6]), „Алфавитъ, риѳмами сложенный“ Іоанна Максимовича 335 [7]). Можетъ быть, къ этому отдѣлу слѣдуетъ причислить и названное среди книгъ in folio „Зерцало“ 334, если это—„Зерцало отъ писанія божественнаго“, изданное въ 1705 г. префектомъ Черниговскаго коллегіума іером. Антоніемъ [8]).

II. Въ группѣ книгъ свѣтскаго характера отмѣтимъ рядъ трудовъ по *философіи* и *логикѣ*: сочиненія Аристотеля 257, 305, сочиненія Сенеки 180, 531 и выборки изъ нихъ подъ загл.: „Seneca christianus, seu flores ex antiquo Seneca“ 531; Diogenes Laertius de vita et moribus philoso-

[1]) Ср. *Пекарскій*. Op. cit. T. II, № 59.

[2]) Ibid., № 29.

[3]) Повидимому, „Christus Jesus, seu Dei hominis elogia“ Aloisii Juglaris. Ср. *Estreicher*. Bibliogr. polska. T. XVIII. Kraków 1901, str. 661—662.

[4]) Ср. реестръ Ѳеодосія Янковскаго Q⁰. 131. *Estreicher*. Ibid. T. XXII, str. 451—452.

[5]) *Estreicher*. Ibid. T. XX, str. 427—428.

[6]) *Estreicher*. Ibid. T. XII, str. 358.

[7]) См. *Пекарскій*. Op. cit. T. II, № 97.

[8]) Ibid. № 98. *Филаретъ*. Обзоръ русск. дух. литературы. Спб. 1884 г., стр. 213.

phorum 502, „Corona exultationis, seu consolatio philosophiae“ Boethii 228, девять книгъ этики Paul. Abeitzen 509, Метафизика Clement. Timpleri 500, „Mensa theolo-philosophica“ Tympii 218, „Triennium philos.“ Semery 511—513. Кромѣ того, рядъ сочиненій безъ указанія автора: „Summa totius philosophiae“ 103; „Oedipus, aenigmaticam Aristotelis sphingem soluturus, seu compendiosa philosophia“ 192—лекціи, которыя слушалъ Яворскій въ Львовѣ и Люблинѣ; „Philosophia academiae Gedanensis“ 361; „Quaestiones philosophicae in antiquissima universitate Viennensi“ 555, различныя conclusiones и theses philosophicae 197, 224, 563, 585, „Dialectica“ 506, „Logica“ 391, „Logica Thomistarum“ 496, „Physica“ 358, „Tractatus in 8 libros physicorum Aristotelis“ 415.

Среди книгъ *историческаго*, *юридическаго* и *географическаго* характера назовемъ, во первыхъ, произведенія античныхъ писателей; изъ нихъ въ каталогахъ упоминаются: Livius 493, Valerius Maximus 167, Vellejus Paterculus 489, Joseph. Flavius 593—595, Pausaniae „Descriptio Graeciae“ 263, Dio Cassius 323, Institutiones Justiniani 576. Далѣе слѣдуютъ труды писателей византійскихъ, западно-европейскихъ и польскихъ: Joannis Zonarae, Nicetae Choniatae, Nicephori Laonici annales 267, сочиненіе Joan. Cinnami 388, „Kronika polska“ M. Bielskiego 59 [1]), Justi Lipsii „Politicorum, sive doctrinae civil. libri 6“ 537, Machiavelli „Utrum licet tyrannis rebellare?“ 602, „De re publica libri 6“ Petri Tholozani 98, „Relacye powszechne“ Jana Botera Benesiusza 366 [2]), „Hortulus historico-politicus“ Eliae Reusneri 207, „Argenis“ J. Barclay'a 522, Donati „Roma vetus ac recens“ 463, „Symbola politica“ Savedrae 547—повидимому, сочиненіе испанскаго писателя Diego de Saavedra-Faxardo [3]), „Chronologia“ Alstedii 168 и Marcelli 395. Безъ

[1]) *Estreicher.* Bibliogr. polska. T. XIII, str. 88.

[2]) Ibid., str. 291—292.

[3]) М. б., амстердамское изданіе 1659 г., вышедшее подъ загл. „Idea principis christiano-politici, 101 symbolis expressa“, въ 12 д. л.

имени автора приводятся: „Historia orbis terrarum“ 119, „Chronius, s. historiae universalis epitome“ 190, „Specula totius mundi“ 289, „Chronica gestorum in Europa singularium recentiorum“ 265, „De conversatione civili“ 544, „De praecipuis Germaniae urbibus“ 495. Нѣкоторыя изъ сочиненій, входящихъ въ этотъ отдѣлъ написаны на русскомъ языкѣ: „Исторіа о разореніи Іерусалима“ 193 [1]), „Сѵнопсисъ, или исторіа о россійстемъ народѣ“ 151, повидимому, т. наз. Синопсисъ Иннокентія Гизеля [2]), „Введеніе краткое во всякую исторію“ 436 [3]), „Географіа, или краткое земнаго круга описаніе“ 196 [4]).

Событій *современной* Яворскому *политической жизни,* кромѣ названнаго выше „Панегирикоса“ Ѳеофана Прокоповича, касаются два произведенія, вышедшія изъ Московской Славяно-греко-латинской академіи: „Торжественная врата“ 339, изданныя въ связи съ празднованіемъ побѣдъ надъ шведами въ 1703 г. [5]), и „Политиколѣпная ἀποθέωσις“ 446 по случаю „генералноі баталіі“ подъ Полтавою въ 1709 г. [6]).

Что касается *наукъ филологическихъ*, кромѣ трехъ работъ словарнаго характера: „Dictionarium“ Calepini 311, „Cnapius manuscriptus“ 371 и „Лексіконъ треязычный“ Ѳедора Поликарпова 130 [7]), ничего другого у Яворскаго не было.

---

[1]) *Пекарскій.* Op. cit. Т. II, №№ 236 и 319.

[2]) Ibid., стр. 333—335.

[3]) Ibid., № 12.

[4]) Ibid., №№ 182, 317 и 324.

[5]) Ibid., № 65.

[6]) Ibid., № 160.

[7]) Въ началѣ книги, въ особомъ „увѣщательномъ извѣщеніи“ Поликарповъ сообщаетъ, что обращался за справками къ различнымъ лицамъ; въ числѣ ихъ онъ называетъ, между прочимъ, и „премудраго и превелебнаго отца, пр. Стефана Яворскаго... мужа, суща словомъ и дѣломъ преславна и православна, въ латинскомъ же и славянскомъ языцѣхъ изящна, богословіи и свободныхъ наукъ верху не краемъ перста коснувшася“. *Пекарскій.* Op. cit. Т. II, № 80.

Изъ произведеній *свѣтскаго краснорѣчія* въ каталогахъ названы: Scripta Isocratis 401, Demosthenis et Aeschinis orat. opera 318, Perpiniani Valentini orationes 518, „Triumphus christianus“ Ad. J. Komorowskiego 455 [1]) и сборникъ J. Pisarskiego „Mowca polski“ 413. Подъ № 562-мъ приведенъ учебникъ риторики—„Phoenix rhetorum“ J. Kwiatkiewicza [2]).

Среди *сборниковъ сентенцій, басенъ и анекдотовъ* отмѣтимъ: „Catonis disticha de moribus“ 603, „Sententiae, ex thesauris Graecorum delectae“ Joan. Stobaei 278, „Anthologia“ Josephi Langii 467, три сборника съ неопредѣленными названіями: „Polyanthea“ 34, „Sententia“ 596 и „Fasciculus sententiarum“ 566. Далѣе назовемъ: „Aesopi vita et fabulae“ 501, можетъ быть, изданіе, напечатанное на латинскомъ и русскомъ языкахъ въ Амстердамѣ у Тессинга въ 1700 г. [3]), „Democritus ridens“ 601, „Apophtegmata“ per Erasmum Roterodamum 464 и „Apophtegmata philosophorum“ Bieniasza Budnego 397 [4]).

Отдѣлъ *свѣтской поэзіи* составляютъ слл. произведенія: Homerus poeta 543 (24 книги „Одиссеи“, какъ свидѣтельствуетъ реестръ Ѳеодосія Янковскаго, O⁰. 123), Tragediae Sophoclis 533, Fraszki wierszami 400, можетъ быть, Яна Кохановскаго [5]), „Woyna domowa“ Sam. Twardowskiego 284, „Lyricorum libri 4“ M. K. Sarbiewskiego 587.

Естествознаніе представлено въ каталогахъ всего однимъ-двумя сочиненіями, зато трактатовъ по *медицинѣ*

---

[1]) *Estreicher.* Bibliogr. polska. T. XIX, str. 479.

[2]) *Estreicher.* Ibid. T. XX, str. 426.

[3]) См. *Пекарскій.* Op. cit. T. II, №№ 28, 221, 312.

[4]) *Estreicher.* Bibliogr. polska. T. XIII, str. 426—428. Ср. *Пекарскій.* Op. cit. T. II, № 206.

[5]) *Estreicher.* Ibid. T. XIX, str. 361—362.

довольно много. Въ общемъ, въ этомъ отдѣлѣ могутъ быть названы: Plinii Secundi historiae 266, „Liber medicus“ Leonhardi Fuchsii 499, „Novus annus incolumis et sanus, seu ars bene diuque valendi“, auth. Lessio 222, три сочиненія Дан. Сеннерта: „De scorbuto“ 181, „Naturalis scientia“ 477, „Epitome institutionum medicinae“ 219, 7 книгъ Ludovici Septalii, medici Mediolanensis 503, трактатъ Petri Andreae medici „De admirandis vini virtutibus“ 510. См. еще нѣсколько произведеній безъ имени автора: „Compendium medicum“ 202, „Medicus familiaris“ 188, „Apteczka domowa“ 201, „Medicamentorum euporiston“ 529, „Anatomicum compendium“ 599 и др.

Послѣдній отдѣлъ образуютъ *сборники смѣшаннаго состава* и различныя *энциклопедіи:* Plutarchi libri morales, historici, phisici, metaphisyci 321, „Orator politicus“ Jak. Boczyłowicza 189 [1]), „Encyclopaedia de omni scibili“ 342, „Libellus de omni scibili“ 532. Указаніе на какіе то „7 thomi Simonis Maioli“ 292, можетъ быть, относится къ принадлежащей Maiolo компиляціи „Dies caniculares, h. e. colloquia physica, nova et admiranda“...

Таковъ составъ библіотеки Яворскаго въ моментъ передачи ея въ Нѣжинскій монастырь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, таковы тѣ источники, которые лежатъ въ основѣ его собственныхъ произведеній. На трудахъ Беллярмина и Бекана построенъ „Камень вѣры“ [2]). Въ автографахъ проповѣдей, кромѣ классическихъ авторовъ, цитируются: Berchorius, Stapleton, Bellarminus, Alvarez, Drexelius, Math. Faber, Sandaeus, Celada, Marchantius, Penzinger, Fabricius, Th. le Blanc, Engelgrave, Hartung, Schrotter, Segneri, Vieira, Olszewski, Drużbicki, Lorencowicz, Rychłowski, Krosnowski, Kraszewski

[1]) *Estreicher.* Bibliogr. polska. T. XIII, str. 192—193.

[2]) *І. Моревъ.* Камень вѣры митр. Стефана Яворскаго... Спб. 1904, стр. 187—285.

и др. [1]). Въ большинствѣ случаевъ все это іезуитскіе писатели XVI и XVII в., къ которымъ въ силу условій своего воспитанія всю жизнь тяготѣлъ Яворскій.

Готовясь къ разлукѣ со своими книгами, съ этимъ „сокровищемъ и богатствомъ паче тисящъ злата и сребра дражайшимъ", Стефанъ составилъ извѣстную элегію къ библіотекѣ и помѣстилъ ее въ началѣ каталога № 1 подъ заглавіемъ „Possessoris horum librorum luctuosum libris vale".

Ite, meis manibus gestati saepe libelli,
Ite, meus splendor, luxque decusque meum!
Pergite felices, alias jam pascite mentes
Et nectar vestrum fundite nunc aliis!

Идите книги, которыя такъ часто держалъ я въ своихъ рукахъ, идите, моя слава, свѣтъ и моя красота! Счастливаго пути, питайте теперь умы другихъ, имъ истачайте свой нектаръ!.. Такъ начинаетъ Яворскій свою элегію. Вы, книги,—продолжаетъ онъ,—скрашивали мою жизнь. Вы были моимъ богатствомъ и славой. Вы—мой рай, моя любовь, мое веселіе. Вы меня прославили, вы снискали мнѣ расположеніе сильныхъ міра. Но увы! судьбѣ неугодно, чтобы я короталъ съ вами счастливые, безоблачные дни. Вѣчная ночь уже смыкаетъ мои вѣжды, и рука моя больше не потревожитъ васъ. Другая, вѣчная книга раскрывается передъ моими очами, та книга, гдѣ каждый узритъ свои дѣла и помышленія и воспріиметъ сообразно заслугамъ. О, страшная книга! при мысли о ней ужасъ сковываетъ мои члены, и сердце пронзаетъ острая стрѣла... Дальше Явор-

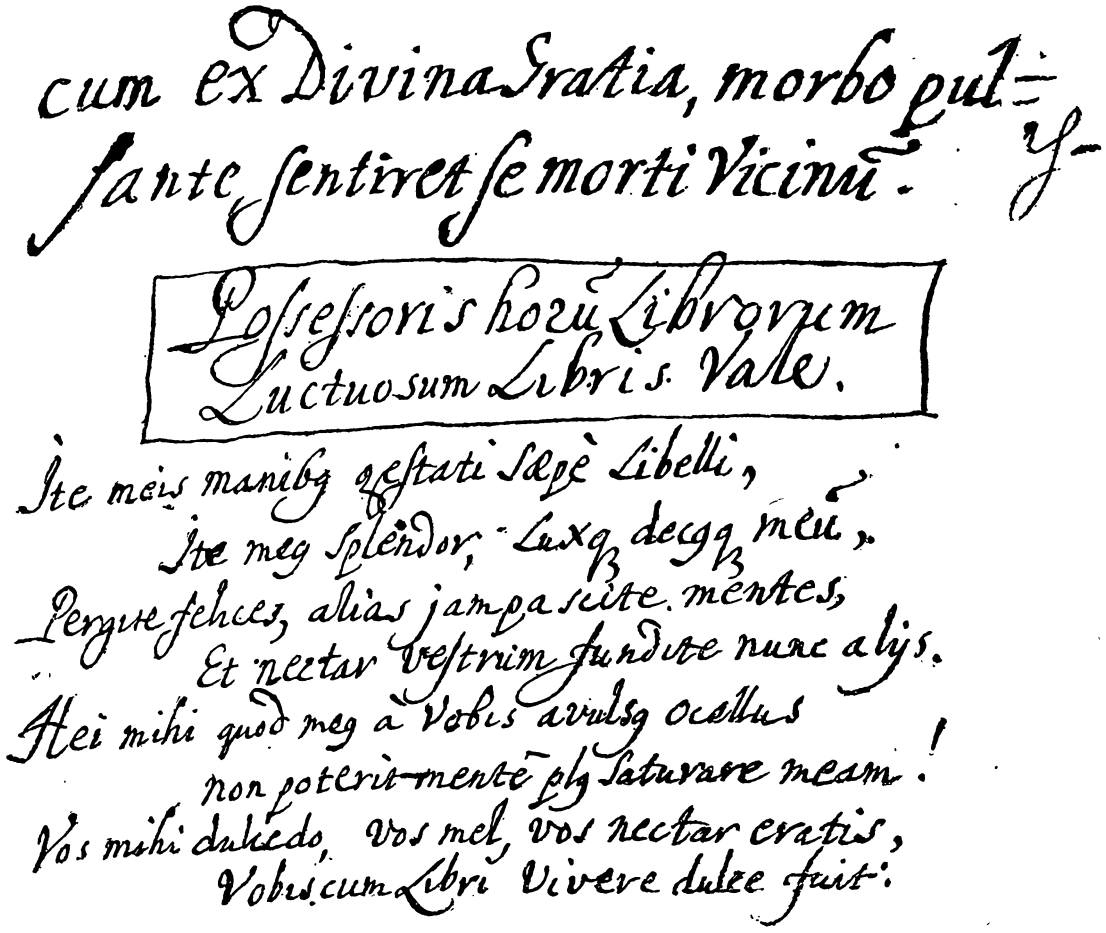
[1]) *И. Чистовичъ.* Неизданныя проповѣди Стефана Яворскаго. „Христ. Чтеніе" 1867 г., № 2, стр. 264—270.—*П. Морозовъ.* Ѳеофанъ Прокоповичъ. Спб. 1880, стр. 76.

скій возсылаетъ мольбу вписать его имя въ книгу живота, затѣмъ воздаетъ библіотекѣ послѣднее цѣлованіе: Прощайте, мои книги и всѣ писанія! Прощай, собранная мною библіотека! Прощайте, люди и братья! Прощай и ты, добрая родительница, гостепріимная земля! Обними меня материнскимъ объятіемъ, такъ какъ душу я отдаю небесамъ, тѣло же возвращаю тебѣ [1]).

Эта элегія, въ которой такъ ярко выразилась тихая грусть человѣка, когда на краю могилы онъ обращаетъ послѣдній взоръ къ тому, что любилъ въ теченіе всей жизни, произвела большое впечатлѣніе на читателей XVIII вѣка. Ее переписывали, переводили на русскій языкъ прозой [2]), перелагали въ русскіе стихи. Намъ извѣстно четыре такихъ переложенія. Одно, едва ли не самое древнее, сохранилось въ дѣлѣ о передачѣ библіотеки Яворскаго въ Харьковскій

[1]) Автографъ элегіи въ сборникѣ Нѣжинскаго мон. № 1, л. 1—1 об. Другіе, позднѣйшіе списки латинскаго текста: сборн. Кіево-Софійск. собора № 355, второй пол. XVIII ст., лл. 20—21; сборн. Нѣжинскаго Ист.-Филолог. Института № 53, того же времени, лл. 52—52 об.—Печатныя изданія: Illustrissimi ac reverendissimi Theophan. Prokopowicz Miscellanea sacra. Vratislaviae 1745, pp. 216—217 подъ загл.: „Elegia illustrissimi mytropolitae Riazanensis et Muraemensis Stephani Jaworski, ante mortem suam super libros bibliothecae suae composita“; *И. Черновъ.* Op. cit., стр. 54—56; *И. К[улжинскій].* Op. cit., стр. 115—116; Стефана Яворскаго завѣщаніе о книгахъ и прощаніе съ ними. „Духовная Бесѣда“ 1868 г., т. I, № 23, стр. 402—403; *А. В. Петровъ.* Одинъ изъ библіофиловъ XVIII вѣка (Стефанъ Яворскій) и его предсмертное прощаніе съ книгами. „Русскій Библіофилъ“ 1914 г., № 5, стр. 57—58; у насъ: Документы, относящіяся къ библіотекѣ Стефана Яворскаго; стр. 19—20, см. также снимокъ № 2.

[2]) Прозаическій переводъ подъ загл.: „Посессора сихъ книгъ плачевное книгамъ цѣлованіе“, начин. словами: „Грядѣте, моими рукамы часто пѣстовніи книжицѣ...“ см., напримѣръ, въ сборн. Церк.-Археол. Музея при Кіевск. Дух. Академіи № 5, конца XVIII в., лл. 94 об.—95; также въ сборн. Кіево-Софійск. собора № 634 (изъ собранія митр. Евгенія), лл. 258—259.


cum ex Divina Gratia, morbo pul-
sante, sentiret se morti vicinum.

Possessoris hoc Librorum
Luctuosum Libris. Vale.

Ite meis manibus gestati sæpe Libelli,
Ite meus Splendor, Lux, Decus, meum,
Pergite felices, alias jam pascite mentes,
Et nectar vestrum fundite nunc alijs.
Hei mihi quod meus à Vobis avulsus ocellus
non poterit mentem ply saturare meam!
Vos mihi dulcedo, Vos mel, Vos nectar eratis,
Vobis cum Libri Vivere dulce fuit.

2. Начало Элегіи къ библіотекѣ (автографъ Яворскаго).

Училищный монастырь [1]); другое мы встрѣтили въ рукописи Кіево-Софійскаго собора второй половины XVIII ст., принадлежавшей нѣкогда Иринею Фальковскому [2]); третій переводъ напечатанъ въ журналѣ В. Г. Рубана „Трудолюбивый Муравей“ 1771 г. [3]); четвертый—въ „ежемѣсячномъ сочиненіи“ „Уединенный Пошехонецъ“ 1786 г. [4]). По словамъ митроп. Евгенія, извѣстный ученый XVIII—XIX ст., грекъ Евгеній Булгарисъ, архіепископъ Славенскій и Херсонскій, перевелъ элегію Яворскаго „въ еллиногреческіе стихи“ [5]).

---

[1]) Дѣло Архива Св. Сунода 1723 г. № 37, л. 4—4 об. Синодальный списокъ напечатанъ *І. Я. Образцовымъ* въ „Описаніи докум. и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Сунода“. Т Ш. Спб. 1878. Приложенія, столб. IV—V. См. также у насъ „Документы...“, стр. 80—81.—По другому списку этотъ же переводъ изданъ *Ал. Шишацкимъ-Илличемъ* въ „Черниг. Губернск. Вѣдомостяхъ“ 1854 г., № 44, часть неофиц., стр. 299.

[2]) Сборникъ Кіево-Софійск. собора № 355, л. 24—24 об. См. ниже: „Документы...“, стр. 82—83.

[3]) Трудолюбивый Муравей 1771 г., № 7, стр. 54—55. Съ нѣкоторыми измѣненіями этотъ переводъ перепечатанъ въ изданіи „Проповѣди блаж. памяти Стефана Яворскаго“. Ч. Ш. М. 1805, стр. 138—139; отсюда, повидимому, его взялъ *С. Г. Рункевичъ:* „Архіереи Петровской эпохи“... Вып I. Спб. 1906, стр. 185—186. См. еще у насъ: „Документы...“, стр. 83—85.

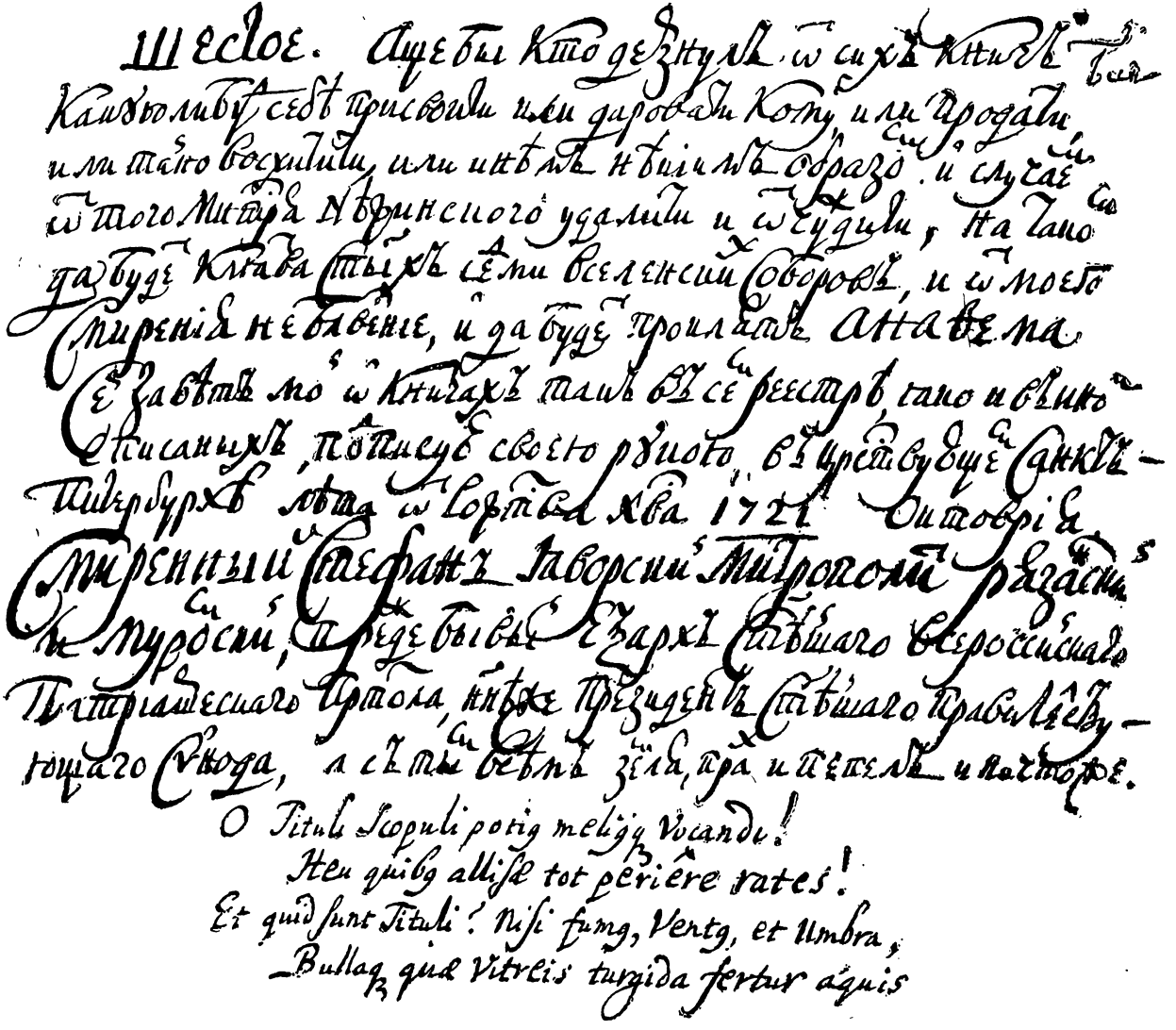
[4]) Уединенный Пошехонецъ 1786 г. Ч. I. Мѣсяцъ май, стр. 329—331. См. у насъ: „Документы...“, стр. 85—86.

[5]) Словарь историческій о писателяхъ духовнаго чина. Т. II. Спб. 1827, стр. 260.—Элегія не переставала нравиться и въ XIX вѣкѣ. Такъ, *митроп. Евгеній* замѣчаетъ, что она писана „прекрасными латинскими стихами“. Ibid. По мнѣнію *И. Кулжинскаго,* въ прощальныхъ стихахъ Яворскаго „кромѣ легкости и необыкновеннаго искусства латинской версификаціи, такъ много разсыпано перловъ истинной христіянской поэзіи, что читая эти стихи кажется, читаешь поэтическое произведеніе св. Григорія Назіанзена“. Op. cit., стр. 115. *Преосв. Филаретъ* утверждаетъ, что элегія написана такимъ прекраснымъ языкомъ, отъ котораго не отказался бы Виргилій. „Черниг. Епарх. Извѣстія“ 1861 г., № 7, стр. 343.

Фактъ передачи книгъ въ Нѣжинскій монастырь Яворскій оформилъ въ особомъ „Тестаментѣ“, подписанномъ въ Петербургѣ въ октябрѣ 1721 г. Здѣсь Стефанъ говоритъ между прочимъ, что даетъ книги Нѣжинскому Назарету съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы „въ немъ была своя бібліотека для ученыхъ іеромонаховъ, которі бы могли наставленіемъ сихъ книгъ... слово Божіе проповѣдати и народъ поучати“. Такимъ образомъ, по замѣчанію Ф. Терновскаго, Яворскій желалъ создать изъ своей обители нѣчто въ родѣ средневѣковыхъ католическихъ монастырей. „По идеѣ Стефана Богородичный Назаретъ долженъ былъ сдѣлаться коллегіею ученыхъ монаховъ, которые, будучи хорошо обезпечены, должны были жить строго, обладать ораторскимъ талантомъ и заниматься сочиненіемъ проповѣдей,—однимъ словомъ: быть тѣмъ, чѣмъ былъ самъ Яворскій въ свои лучшіе, молодые годы“ [1]).

Опасаясь, чтобы бібліотека не оказалась въ монастырѣ безъ надлежащаго присмотра, Яворскій помѣстилъ въ „Тестаментѣ“ цѣлый рядъ предписаній относительно храненія книгъ и пользованія ими. Прежде всего, архимандритъ долженъ подыскать для книгъ удобное помѣщеніе, обязательно каменное съ желѣзными затворами „для огненного случая“. Далѣе, изъ постриженцевъ Нѣжинскаго монастыря архимандриту предлагается избрать „благои совѣсти монаха или іермонаха“ и назначить его бібліотекаремъ. Въ качествѣ кандидатовъ, подходящихъ для этой должности, Яворскій называетъ какого то Григорія Рогачевскаго и своихъ племянниковъ: Сильвестра Шумскаго и сыновей брата Павла, при условіи, если названныя лица пожелаютъ вступить въ число иноковъ Нѣжинской обители. Этотъ бібліотекарь долженъ быть „надъ книгами прилежнымъ дозорцею“. Онъ долженъ слѣдить, чтобы книги въ бібліотекѣ не стояли

[1]) Древняя и Новая Россія 1879 г., № 8, стр. 319—320.



3. Послѣдняя страница „Тестамента“ (автографъ).

близъ стѣнъ и не гнили отъ влажности кирпича; въ вѣтренную погоду надо открывать „затворы оконные“ и провѣтривать книги, лѣтомъ въ вёдро ихъ надо выносить изъ библіотеки и просушивать на солнцѣ; вообще необходимо всячески охранять ихъ „отъ гнилости и отъ моля“.

Кромѣ архимандрита и библіотекаря, никто не долженъ входить въ библіотеку. Книги можно выдавать только тѣмъ инокамъ Благовѣщенскаго монастыря, которые „труждаются въ проповѣди слова Божія“, при чемъ необходимо требовать расписки „съ подкрѣпленіемъ руки“ взявшихъ. И архимандритъ и библіотекарь должны строго слѣдить, чтобы лица, выбывающія изъ монастыря, не увозили книгъ съ собою. Въ заключеніе Яворскій грозитъ неблагословеніемъ и проклятіемъ тѣмъ, кто посягнетъ на цѣлость библіотеки и дерзнетъ „себѣ присвоити, или даровати кому, или продати, или тайно восхитити, или инѣмъ нѣкіимъ образомъ и случаемъ... удалити и отчуждити“ отъ Нѣжинскаго монастыря какую-нибудь изъ завѣщанныхъ ему книгъ.

Въ концѣ „Тестамента“ обычная подпись Яворскаго и латинское четверостишіе, въ которомъ сказалась выработанная опытомъ личной жизни горькая иронія надъ титулами, прельстившими и погубившими столькихъ людей. Титулы—это подводныя скалы, о которыя разбилась такъ много судовъ. Титулы—это дымъ, вѣтеръ и тѣнь,—пузырь, вздувшійся на быстро текущей водѣ:

O tituli, scopuli potius meliusque vocandi,
Heu! quibus allisae tot periere rates!
Et quid sunt tituli, nisi fumus, ventus et umbra
Bullaque, quae vitreis turgida fertur aquis! [1])

[1]) Автографъ тестамента въ сборникѣ Нѣжинскаго мон № 1, лл. 7—9; копія писаря Якова Смяловскаго въ сборн. № 3, лл. 4—5 об.; см. еще рукоп. Архива Св. Синода № 3721 *(А. И. Никольскій.* Описаніе рукописей, хранящихся въ Архивѣ Св. Синода. Т. II, вып. 2. Спб. 1910, стр. 464).—

15 ноября 1722 г., за нѣсколько дней до смерти, Яворскій вручилъ ктитору Нѣжинскаго мон. Димитрію Володковскому 3300 р. и „Завѣщаніе послѣднее“, гдѣ больной, дрожащей рукой изложилъ свои предсмертныя распоряженія. Во 2-мъ пунктѣ „Завѣщанія“ онъ предлагаетъ соорудить капитальное зданіе для трапезы и здѣсь же помѣстить библіотеку [1]).

Изданія: „Проповѣди блаж. пам. Стефана Яворскаго“. Ч. I. М. 1804, стр. XXI—XXVII, безъ четверостишія (оригиналъ, по которому печаталось это изданіе, съ подписью цензора іером. Геннадія 20 ноября 1804 г.,—въ рукоп. Моск. Синод. Типогр. № 475); *преосв. Фил* въ статьѣ о Нѣжинскомъ мон. „Черниг. Епарх. Извѣстія“ 1861 г., [illegible], стр. 343—346; „Духовная Бесѣда“ 1868 г., т. I, № 23, стр. 397—402; см у насъ: „Документы...“, стр. 33—37 и снимокъ № .—Русскій переводъ четверостишія. „O tituli, scopuli...“ встрѣчается обыкновенно въ соединеніи съ тѣмъ переводомъ элегіи къ библіотекѣ, который сохранился въ дѣлѣ Архива Св. Сунода 1723 г. № 37; см. выше, стр. 137, примѣч. 1.—Что касается источниковъ этого четверостишія, митроп. Евгеній называетъ его пародіей изъ Германна Гугона: „Словарь Историч.“ Ч. II. Спб. 1818, стр. 641. Дѣйствительно, въ первыхъ двухъ строкахъ почти дословно воспроизведено сл. мѣсто стихотворенія. Гуго на тему. „Averte oculos meos, ne videant vanitatem. Psal. CXVIII“:

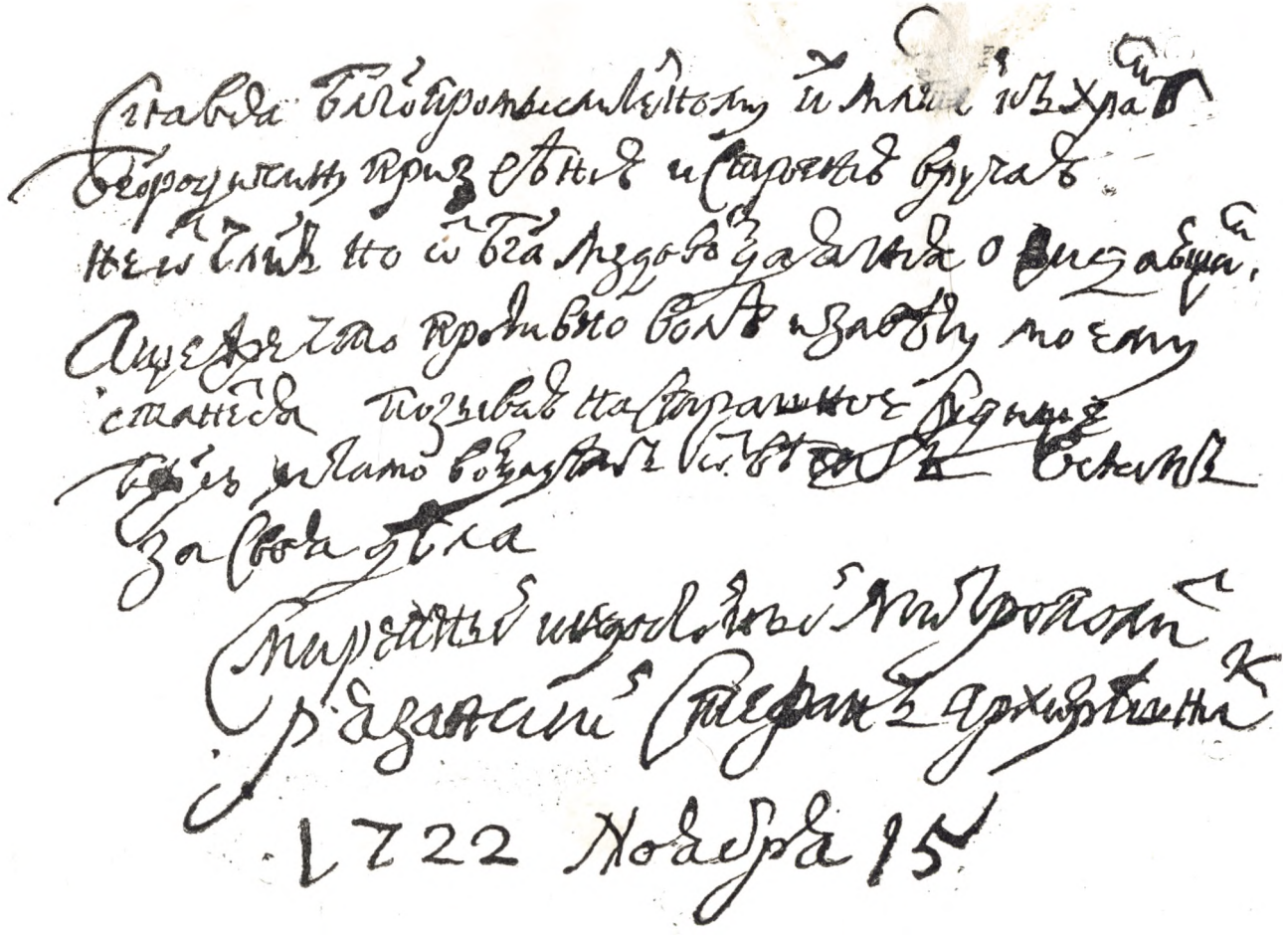
O oculi! scopuli titulo meliore vocandi!
Heu, quibus allisae tot periere rates!

Остальная часть, можетъ быть, навѣяна стихотвореніемъ: „Deus, tu scis insipientiam meam, et delicta mea a te non sunt abscondita. Psal. LXVIII“, гдѣ находимъ сходныя по формѣ строки:

Quid tamen est aurum, fulvae nisi pulvis arenae?
Gemmaque quam vitrei gutta gelata maris?

Hermanni Hugonis Pia desideria, elegiis, emblematibus et ss. patrum scriptis illustrata... Editio nova correctior, cum praefatione Joh. Heinrici Ernesti.. Lipsiae M DCC XXI, pag. 119 et 9.

[1]) См. автографъ „Завѣщанія послѣдняго“ въ сборн. Нѣжинскаго мон. № 1, л. 19—19 об.; копія Якова Смяловскаго въ сборн. № 3, л. 6—6 об.; дѣло Архива Св. Сунода 1723 г. № 37, л. 5—5 об.; рукоп. Архива Св. Сунода № 3721 *(А. И. Никольскій.* Op. cit. Т. II, вып. 2, стр. 464).—Изданія:



4. Конецъ „Завѣщанія послѣдняго“ (автографъ).

Наконецъ, въ „Духовной“ Стефанъ поручаетъ Нѣжинскій монастырь особенному призрѣнію Св. Сунода и архіерея Кіевскаго и обращается со слезной мольбой къ государю, чтобы обитель всегда пребывала въ цѣлости и чтобы все „наданное“ ей: вещи, деньги, книги и пр., не были отъ нея отняты [1]).

И. Черновъ. Op. cit., стр. 63—66; *И. Кулжинскій.* Op. cit. „Маякъ“. Т. VII. Спб. 1843, стр. 117—118 (въ обоихъ этихъ изданіяхъ съ „Завѣщаніемъ послѣднимъ“ неправильно соединено стихотвореніе „O tituli scopuli...“); *преосв. Филаретъ:* „Черниг. Епарх. Извѣстія“ 1861 г., № 7, стр. 346—347; Опис. докум. и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Сунода. Т. III. Приложенія, столб. VI; *А. Ѳ. Хойнацкій.* Очеркъ исторіи Нѣжинск. мон. Нѣжинъ 1906, стр. 19—20; у насъ: „Документы...“, стр. 54—55 снимокъ № 4.—Дрожащій, неразборчивый почеркъ „Завѣщанія“ объясняется болѣзнью руки, которую отмѣчаетъ м. пр. „Сказаніе“ о Яворскомъ, приложенное къ „Камню вѣры“: „аще по природѣ и зѣло крѣпокъ бѣ плотію, каменную болѣзнь чрезъ многая лѣта претерпѣ, по сей арѳрітіду, яже наипаче вселися въ ногахъ и рукахъ, нарицаемая подагра и хірагра“. Жалобы на хирагру, искрившую пальцы руки, встрѣчаются уже въ письмѣ Стефана 1715 г. См. *Ф. Терновскій* въ „Трудахъ Кіевск. Дух. Академіи“ 1864 г., № 6, стр. 171.

[1]) Гдѣ хранится подлинникъ „Духовной“, намъ неизвѣстно; въ доношеніи Синоду о кончинѣ Яворскаго, писанномъ дьякомъ Рязанскаго архіерейскаго дома Аѳанасіемъ Кульбицкимъ, говорится: „а по смерти ево осталась духовнаа за ево архіерейскимъ подписаніемъ толко на первой странице двѣ строки, а имени своего не подписалъ за болѣзнію своею жестокою хирагрою: была на правой рукѣ, і не могъ отъ той болѣзни въ рукѣ держать пера...“ Дѣло Архива Св. Сунода 1723 г. № 37, л. 1. Списковъ „Духовной“ извѣстно очень много. См., во первыхъ, въ названномъ дѣлѣ, лл. 2—3 об., затѣмъ въ рукописяхъ: Имп. Публичной Библіотеки Q. XVII. № 196, л. 97 слл. (Отчетъ за 1890 г. Спб. 1893, стр. 41); Тихонрав. № 324, лл. 1—6; его же № 551 (*Г. Георгіевскій.* Собраніе Н. С. Тихонравова. I. Рукописи. М. 1913, стр. 57 и 99); Церк.-Археол. Муз. при Кіевск. Дух. Академіи № 5, лл. 92 об.—94 об.; Кіево-Софійск. собора № 634 (изъ бумагъ митр. Евгенія), лл. 256—258; Общ. Нестора-лѣтописца № 21, лл. 136—138 (съ помѣтой: „написана лѣта 1722 ноября 17 дня“) и др.—Изданія:

III.

Книги, перечисленныя въ каталогѣ № 2, Яворскій „саморучно“ передалъ архимандриту Нѣжинскаго монастыря Епифанію Тихорскому. Передача состоялась въ Петербургѣ, когда именно, въ точности неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ она произошла до октября 1721 г., такъ какъ въ „Тестаментѣ“, датированномъ этимъ мѣсяцемъ, о ней говорится, какъ о фактѣ совершившемся [1]).

Книги, названныя въ каталогѣ № 1, были, повидимому, перевезены обратно въ Москву, куда вслѣдъ за государемъ переѣхалъ весь Синодъ въ концѣ 1721 г. [2]). Изъ Москвы 16 ноября 1722 г. эти книги, уложенныя въ двѣ сороковыя бочки, были отосланы въ Нѣжинъ черезъ Димитрія Володковскаго вмѣстѣ съ „Завѣщаніемъ послѣднимъ“, деньгами и различными вещами [3]).

Намъ неизвѣстно, какъ отнеслись нѣжинскіе монахи къ планамъ и распоряженіямъ Яворскаго, связаннымъ съ передачей библіотеки. Кажется, уже съ самаго начала составъ

„Проповѣди блаж. пам. Стефана Яворскаго“. Ч. I, стр. XVI—XX; „Черниг. Губернск. Вѣдомости“ 1854 г., № 44, часть неоф., стр. 297 слл.; Описаніе докум. и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Cунода. Т. III. Приложенія, столб. I—IV.

[1]) См. „Тестаментъ“: „Документы...“, стр. 33.

[2]) *Ф. Терновскій.* М. Стефанъ Яворскій. „Труды Кіевск. Дух. Академіи“ 1864 г., № 6, стр. 174.

[3]) Опись всего посланнаго съ Володковскимъ см. въ дѣлѣ Архива Св. Cунода 1723 г. № 37, лл. 6—7; то же въ сборникѣ Нѣжинскаго мон. № 1, лл. 45—46. Издана въ „Описаніи докум. и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Cунода“, Т. III. Приложенія, столб. VII. Впрочемъ, и на этотъ разъ не всѣ книги Яворскаго были взяты въ Нѣжинъ: по свидѣтельству архимандрита Саввы Шпаковскаго, послѣ смерти Стефана часть его книгъ осталась въ Москвѣ. См. ниже, стр. 149—150 и „Документы...“, стр. 56—57.

монастырской братіи оказался не соотвѣтствующимъ его идеаламъ. „Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ,—пишетъ Ф. Терновскій,—чтобы иноки Богородичнаго Назарета умѣли сочинять проповѣди, но что они умѣли тратить деньги,—объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Стефанъ въ письмѣ къ настоятелю Саввѣ Шпаковскому“ [1]). Дѣйствительно, въ 1722 г. каѳедральные ревизоры обнаружили, что изъ столповой суммы въ 11.055 р. въ монастырѣ осталось только 4.860 р. „Сіе прочетши,—писалъ по этому случаю Стефанъ въ монастырь,—ужасъ нападе на мя и лютое оружіе пройде душу мою, и нынѣ непрестанно сокрушаюсь сердцемъ, что такъ въ краткомъ времени напрасно пропало толикое число денегъ. О безбожныи марнотратцы, паче же воры и татіе! того ли на васъ надѣялся, егда приставилъ васъ до дому Богородичина стражей и строителей? Гдѣ совѣсть ваша? Гдѣ христіанство?“... „Я бѣдный,—продолжаетъ Яворскій,—отъ довольства своего отьемлю и на хвалу Божію и украшеніе дому Богородичина воздаю и посылаю, а вы, безбожные марнотратцы, то на свои избытки, помпы, пированія, вина венгерскія и волоскія, цуги, шари, кареты и прочая и прочая тратите“... „О, кто мя прельстилъ,—обращается Стефанъ къ архимандриту Саввѣ,—яко вмѣсто рыбы змію, вмѣсто хлѣба камень, вмѣсто яйца скорпію обрѣтохъ! И смотря на браду видится апостолъ, а смотря на руцѣ sacco nudo..“ [2]).

Что касается Синода, особенному призрѣнію котораго монастырь поручался, онъ сразу же обнаружилъ тенденцію не считаться съ завѣщаніемъ Яворскаго. Въ февралѣ 1723 г. Синодъ запретилъ употреблять въ расходъ 3000 рублей, присланныя черезъ Димитрія Володковскаго, и такимъ образомъ

[1]) „Древняя и Новая Россія“ 1879 г., № 8, стр. 320.

[2]) *И. Черновъ.* Краткая исторія построенія Нѣжинскаго Благовѣщенскаго мон. М. 1815, стр. 59—63.

лишилъ администрацію монастыря возможности исполнить предсмертныя распоряженія Стефана, изложенныя въ „Завѣщаніи послѣднемъ". Вскорѣ, по указамъ отъ 30 октября 1723 г. и 4 августа 1724 г. эти деньги совсѣмъ были отобраны отъ монастыря и обращены на достройку новаго синодальнаго дома [1]).

Черезъ нѣсколько лѣтъ по постановленію Синода Нѣжинскій монастырь лишился и книгъ, завѣщаныхъ Яворскимъ. Въ февралѣ 1728 г. Московская Синодальная типографія приступила къ изданію „Камня вѣры" [2]). И вотъ 16 февраля, по просьбѣ типографіи, Синодъ потребовалъ отъ архимандрита Саввы немедленно прислать изъ Нѣжина оригиналъ „Камня", правленный самимъ авторомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось доставить въ Синодъ опись всѣмъ „оставшымъ послѣ его преосвященства всякаго званія книгамъ и тетратемъ". И „Камень вѣры" и опись были получены въ Петербургѣ 20 мая [3]). Зачѣмъ Синоду понадобилась опись библіотеки Яворскаго въ 1728 г., изъ документовъ не видно [4]); мы знаемъ только, что она пригодилась три года спустя.

---

[1]) Дѣло Архива Св. Сунода 1723 г., № 37, л. 10.—Сборникъ Нѣжинск. мон. № 1, лл. 21, 22—22 об., 48.—Опис. док. и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Сунода. Т. IV. Спб. 1880, столб. 36 и 37.

[2]) *І. Моревъ.* „Камень вѣры..." Спб. 1904, стр. 290.

[3]) Въ Архивѣ Св. Сунода подъ №№ 2083—2090 хранится списокъ „Камня вѣры" въ 8 книгахъ, изъ коихъ 7 въ листъ, а 1 въ четвертку, автографъ Яворскаго, съ поправками. Объ этомъ спискѣ см. у *І. Морева:* „Камень вѣры..." Спб. 1904, стр. 294—295, и въ „Описаніи рукописей, хранящихся въ Архивѣ Св. Синода" *А. И. Никольскаго.* Т. II, вып. 2. Спб. 1910, стр. 94—95. Снимокъ у *А. И. Соболевскаго:* „Новый сборникъ палеограф. снимковъ съ русскихъ рукописей XI—XVIII вв." Спб. 1906, № 65... Вѣроятно, это рукопись, присланная въ 1728 г. Саввой Шпаковскимъ.

[4]) Можетъ быть, эта опись также предназначалась для Московской типографіи; по крайней мѣрѣ, при конфискаціи отпечатанныхъ

Дѣло въ томъ, что въ 1726 г. въ Харьковѣ, входившемъ тогда въ составъ Бѣлгородской епархіи, была основана славяно-греко-латинская школа, позже (въ 1734 г.) переименованная въ коллегіумъ. Основателемъ школы явился Бѣлгородскій епископъ Епифаній Тихорскій, занимавшій передъ этимъ должность архимандрита Нѣжинскаго Богородичнаго Назарета [1]). Онъ устроилъ школу при Покровской церкви, преобразовавъ послѣднюю въ монастырь, получившій названіе Училищнаго [2]). Новосозданная школа, естественно, нуждалась въ книгахъ. Черезъ Епифанія, повидимому, стало извѣстнымъ, что въ Нѣжинскомъ монастырѣ хранится библіотека Яворскаго, мало или почти совсѣмъ не пригодная для нуждъ монастырской братіи. Можетъ быть, самъ Епифаній подалъ мысль объ отчужденіи этой библіотеки въ пользу Харьковской школы. Какъ бы тамъ ни было, преемникъ

экземпляровъ и рукописей „Камня“ въ августѣ 1732 г. отъ типографіи былъ между прочимъ отобранъ какой то „катологъ писменной“. См. *I. Моревъ.* Op. cit., стр. 292.

[1]) Хиротонисанъ въ епископа Бѣлгородскаго 19 апрѣля 1722 г., † 2 іюля 1731 г. См. „Описаніе докумен. и дѣлъ, хранящ. въ Архивѣ Св. Сунода“. Т. II, ч. I. Спб. 1879, столб. 1095.—*А. С. Лебедевъ.* Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности. Харьковъ 1902, стр. 21—38, съ портретомъ Епифанія.

[2]) Исторія Харьковскаго коллегіума излагалась неоднократно, начиная съ конца XVIII ст. Важнѣйшими работами являются: „Основаніе Харьковскаго Коллегіума, нынѣшней Харьковской Духовной Семинаріи“ въ альманахѣ „Молодикъ на 1844 годъ...“ Харьковъ 1843, стр. 7—32.—*Свящ. Дим. Ѳеодоровскій.* Очеркъ исторіи Харьковскаго Духовнаго Коллегіума. „Духовная Бесѣда“ 1863 г, №№ 23, 24, 27.—*Его же.* Къ исторіи Харьковскаго Духовнаго Коллегіума. Ibid., № 50.—*Прот. П. А. С[олнце]въ.* Очеркъ исторіи Харьковскаго Коллегіума. „Харьковск. Епарх. Вѣдомости“ 1872 г., № 22; 1873 г., №№ 1, 2, 4, 5, 11; 1874 г., № 9; 1880 г., №№ 10, 11, 15, 22, 24.—*А. С. Лебедевъ.* Харьковскій коллегіумъ, какъ просвѣтительный центръ Слободской Украйны до учрежденія въ Харьковѣ университета. М. 1886. Изъ

Епифанія—Досиѳей Богдановичъ-Любимскій [1]) при самомъ вступленіи на Бѣлгородскую каѳедру возбудилъ соотвѣтствующее ходатайство, и 10 сентября 1731 г., при участіи Ѳеофана Прокоповича, состоялся Высочайшій указъ о передачѣ книгъ Яворскаго въ Харьковъ.

15 сентября Прокоповичъ доложилъ этотъ указъ Синоду. Послѣдній, учинивъ надлежащія справки въ канцеляріи, разсмотрѣлъ переводъ каталога, присланнаго еще въ 1728 г. архим. Саввой, и 29 сентября повелѣлъ отдать книги Яворскаго въ Училищный монастырь, вручивъ ихъ уполномоченному Бѣлгородскаго архіепископа. 6 октября синодальный указъ былъ посланъ, съ одной стороны, Кіевскому архіепископу Рафаилу Заборовскому, съ другой, находившемуся въ Петербургѣ Досиѳею. И въ томъ и въ другомъ случаѣ къ указу была присоединена копія съ перевода каталога Саввы [2]).

„Чтеній въ Обществѣ Ист. и Древн. росс.“ 1885 г., кн. IV.—*Ѳ. Титовъ.* Духовныя школы Курско-Бѣлоградской епархіи. Вып. I—II. Курскъ 1895, стр. 3 слл.—*Свящ. Н. Стеллецкій.* Харьковскій коллегіумъ до преобразованія его въ 1817 г. Харьковъ 1895. Изъ журнала „Вѣра и Разумъ“ 1895 г., №№ 11, 12, 14, 16—19, 21, 23.—*К. В. Харламповичъ.* Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь. Т. I. Казань 1914, стр. 715—721.

[1]) Посвященъ изъ архимандрита Саввина-Сторожевскаго мон. Въ сентябрѣ 1733 г. за различныя вины, м. пр., за неправильное преданіе вѣчной анаѳемѣ ректора коллегіума Митрофана Слотвинскаго, былъ запрещенъ въ священнослуженіи и заключенъ въ Курскій Знаменскій монастырь. † 1736 г. *А. С. Лебедевъ.* Op. cit., стр. 39—48, съ портретомъ Досиѳея.

[2]) Дѣло Архива Св. Синода 1723 г. № 37, лл. 11—11 об., 12—12 об., 25—26, 27—29 об., 30. Кромѣ того, указъ на имя Рафаила Заборовскаго и копіи съ него см. въ Указной книгѣ Кіевск. Дух. Консисторіи за 1726—1731 гг.; въ сборникѣ Нѣжинск. мон. № 1, лл. 37—38 об., 56—57 об.; въ сборникѣ № 3, лл. 8—9 об. (копія Якова Смяловскаго); въ рукоп. Архива Св. Синода № 3721 *(А. И. Никольскій.* Op. cit. Т. II, вып. 2, стр. 464).—Изданъ у насъ: „Документы...“, стр. 60—63.

Сколько знаемъ, каталогъ Саввы Шпаковскаго въ подлинномъ видѣ не сохранился. Намъ извѣстенъ только переводъ его на русскій языкъ, сдѣланный въ синодальной канцеляріи. Переводъ этотъ представленъ нѣсколькими списками.

Списокъ, находящійся въ дѣлѣ Архива Св. Синода 1723 г. № 37, имѣетъ заглавіе: „Переводъ съ присланнаго маіа 20-го дня 1730-го (sic!) года изъ Нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря отъ архімандріта Саввы каталога о имѣющихся въ томъ монастырѣ оставшихся послѣ бывшаго преосвященнаго Стефана, митрополіта Рязанскаго и Муромскаго, разнаго именованія латінскихъ и полскихъ книгъ". По составу своему каталогъ Саввы распадается на двѣ части. Въ одной, большей, перечисляются латинскія и польскія книги; въ другой, меньшей, названы книги „рускіе", точнѣе славяно-русскія. Какъ видно изъ перевода, Савва не производилъ новой самостоятельной описи библіотеки. Онъ воспользовался каталогами, составленными при жизни Стефана, и переписалъ ихъ одинъ за другимъ съ нѣкоторыми пропусками. Слѣдуя во всемъ плану и порядку своего источника, Савва въ *первой* части каталога расположилъ книги по формату:

Въ десть, 65 №№-овъ.
Книги въ полдесть, 52 №№-а [1]).
Книги въ четверть, 40 №№-овъ.
Книги малой мѣры, 37 №№-овъ.

Подъ нумеромъ 2-мъ:

Книги въ десть, 88 №№-овъ [2]).
Книги въ полдесть, 92 №№-а.
Книги въ четверть и малой мѣры книжицы, 139 №№-овъ.

[1]) Въ рукописи показано 48 №№-овъ: первыя четыре книги „въ полдесть" по ошибкѣ продолжаютъ нумерацію книгъ „въ десть".

[2]) Въ рукописи 87 №№-въ: между №№-ми 16 и 17 одно сочиненіе не пронумеровано.

Во *второй* части, гдѣ перечисляются книги славяно-русскія, приведено 14 названій безъ обозначенія формата. Такимъ образомъ, въ каталогѣ Саввы содержится всего 527 названій.

Хотя на послѣднихъ страницахъ Савва заявляетъ, что въ его реестръ вписаны всѣ книги „кромѣ церковныхъ и прочихъ маловажныхъ и чуждыхъ монастырей книжицъ, которые покойный преосвященный архіерей Рязанскій собственноручнымъ своимъ писаніемъ въ надлежащіе монастыри велѣлъ возвратить", однако изученіе каталога приводитъ къ иному заключенію. Во первыхъ, оказывается, что книги, принадлежавшія другимъ монастырямъ, исключены Саввой далеко не всегда. Далѣе, кромѣ книгъ „церковныхъ", т. е. богослужебныхъ, Савва не внесъ въ каталогъ цѣлаго ряда сочиненій, не имѣющихъ прямого отношенія къ богослуженію, при чемъ исключенію подверглись главнымъ образомъ книги славяно-русскія: Острожская библія, „Евангеліе учительное" Кирилла Транквилліона, „Миръ съ Богомъ" Иннокентія Гизеля, „Руно орошенное", „Розыскъ", „Лѣтопись" и казанья Димитрія Ростовскаго, „Обѣдъ" и „Вечеря" Симеона Полоцкаго, „Лексиконъ" Ѳедора Поликарпова, „Акосъ" Лихудовъ, „Алфавитъ", „Ѳеатронъ" и „Царскій путь креста Господня" Іоанна Максимовича, „Синопсисъ", „Мечъ духовный" Лазаря Барановича, „Мессія правдивый" Іоанникія Галятовскаго, „Рожнецъ духовный" Пафнутія Олисова, „Виноградъ Христовъ" Стефана Яворскаго и др. Повидимому, получивъ предписаніе представить въ Синодъ опись и догадавшись, что дѣло клонится къ отобранію библіотеки, архим. Савва рѣшилъ удержать часть книгъ въ монастырѣ: онъ аккуратно перечислилъ мало доступныя для нѣжинскихъ монаховъ латинскія и польскія изданія и рукописи, но умолчалъ предусмотрительно о книгахъ славяно-русскихъ.

Въ концѣ каталога, послѣ перечня книгъ, которыя „на лице явилися", Савва помѣстилъ реестръ книгъ, оставшихся послѣ смерти Яворскаго въ Москвѣ. Реестръ этотъ обнимаетъ всего 20 названій. Одни изъ нихъ упоминаются въ собственноручномъ каталогѣ Стефана 1721 г., напримѣръ, Бароній 2 (64) [1]), Толкованіе Андрея Кесарійскаго 7 (81), Беллярминъ „О седми словахъ Христовыхъ" 16 (208,238), „Руководство на небо" 17 (239), „Аптечка домовая" 18 (201), „Сокращеніе медическое" 19 (202). Названныя подъ № 1 большія и малыя связки казаній, безъ сомнѣнія, проповѣди самого Яворскаго (см. въ каталогѣ 1721 г. № 158) [2]). Нѣкоторыя изъ книгъ, оставшихся въ Москвѣ, неизвѣстны по каталогамъ, составленнымъ при Стефанѣ, и встрѣчаются въ реестрѣ впервые. Это книги, вышедшія въ послѣдній годъ жизни Стефана, послѣ того, какъ работы по каталогизаціи библіотеки были закончены: „Разсужденіе о войнѣ шведской" 6—извѣстный трактатъ Петра Шафирова, можетъ быть, въ изданіи 1722 г. [3]), „Духовный регламентъ" 8 [4]), „Врата тріумфалные" 11—брошюра, изданная въ связи съ московскими

[1]) Приводимъ номера реестра и, въ скобкахъ, общую нумерацію каталога 1721 г.

[2]) Вслѣдствіе повелѣнія Петра I собрать въ одну книгу и напечатать всѣ проповѣди, относящіяся къ Шведской войнѣ, казанья Яворскаго были вытребованы въ Синодъ и переданы для разбора протектору типографій архим. Гавріилу Бужинскому. У послѣдняго они оставались довольно долго, пока, наконецъ, по требованію Синода не были возвращены 7 іюня 1727 г. См. „Описаніе докум. и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Синода". Т. II, ч. 2. Спб. 1878, столб. 612—614; т. IV. Спб. 1880, столб. 459. Описаніе ихъ у *И. Чистовича*: „Христ. Чтеніе" 1867 г., №№ 2, 3, 5 и 7, и *А. И. Никольскаго:* „Описаніе рукописей, хранящ. въ Архивѣ Св. Синода". Т. II, вып. 1. Спб. 1906, стр. 381—426.

[3]) *Пекарскій.* Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Т. II, № 530, ср. №№ 355 и 356.

[4]) Ibid №№ 478 и 535.

торжествами по случаю заключенія Ништадтскаго мира [1]); „Табель о рангахъ“ 14 [2]).

Указъ о библіотекѣ Яворскаго вмѣстѣ съ каталогомъ Саввы былъ врученъ архіеп. Досиѳею 8 октября 1731 г. [3]). Въ Кіевѣ указъ и каталогъ получились только 20 декабря: ихъ привезъ архидіаконъ бѣлгородскаго архіерейскаго дома Ѳеодосій Янковскій [4]), командированный для пріема библіотеки Стефана. Снявъ копіи, Рафаилъ Заборовскій отослалъ ихъ вмѣстѣ съ Янковскимъ въ Богородичный Назаретъ „для немедленного исполнения и скорой отдаче“ книгъ въ Харьковскій монастырь [5]).

Прибывъ въ Нѣжинъ, Янковскій энергично приступилъ къ разбору библіотеки и къ 5 января 1732 г. составилъ опись принятыхъ книгъ.

Въ спискѣ, сохранившемся въ сборникѣ Нѣжинскаго мон. № 1, опись эта имѣетъ слѣд. заглавіе: „Реэстръ, что по имянному Всемилостивѣйшия Государыни Императрицы Анны Іоанновны, Самодержицы Всероссійския, указу и по опредѣленію Святѣйшаго Правителствующаго Всероссійскаго Сунода изъ Нѣжинского Благовѣщенского монастыря чрезъ

[1]) Ibid. №№ 483 и 511.

[2]) Ibid. №№ 517 и 518.—Списки каталога Саввы въ русскомъ переводѣ: дѣло Архива Св. Сунода 1723 г. № 37, лл. 13—25, съ записью по листамъ: „переводилъ Василей Козловской“; Указная книга Кіевской Духовной консисторіи за 1726—1731 гг.; сборникъ Нѣжинскаго мон. № 1, лл. 66—74 об.; рукоп. Архива Св. Сунода № 3721 (*А. И. Никольскій.* Op. cit. т. II, вып. 2, стр. 464—465). Извлеченіе изъ каталога—реестръ книгъ, оставшихся въ Москвѣ, издается ниже: „Документы...“, стр. 56—57.

[3]) Дѣло Архива Св. Сунода 1723 г. № 37, л. 31.

[4]) Позже, въ 1745—1750 гг., этотъ Янковскій занималъ должность архіепископа С.-Петербургскаго. Онъ былъ родомъ изъ Вильны; при бѣлгородскомъ архіерейскомъ домѣ состоялъ съ 1726 г. См. *А. С. Лебедевъ.* Бѣлогородскіе архіереи .. Харьковъ 1905, стр. 36.

[5]) Дѣло Архива Св. Сунода 1723 г. № 37, л. 32.

посланнаго отъ преосвященнаго Досиѳея, архіепископа Бѣлоградскаго и Обоянскаго, архидіакона Ѳеодосия Янковского по присланному при томъ указѣ каталогу принято преосвященнаго Стефана, митрополита Рязанскаго, книгъ и что изъ оныхъ книгъ не явилось, 1732 году генваря 5 дня". Какъ и въ разсмотрѣнныхъ выше каталогахъ, книги въ реестрѣ Янковскаго расположены по формату:

Libri in folio, 167 №№-овъ.
In 4-to, 149 №№-овъ.
Libri in 8-vo, inter quos et libelli parvae ac parvullimae quantitatis, 201 №№.

Въ концѣ особый: „Реэстръ разнаго имянования книгамъ маловажнымъ, имѣющимся въ связкахъ":

In folio 9 №№-овъ.
In 4-to 5 №№-овъ и

„двѣ книжици латинскихъ; една писанная, in 4-to; вторая друкованная, in 8-vo, неоправление". Въ общемъ, въ реестрѣ Янковскаго содержится 533 названія.

Порядокъ въ расположеніи отдѣльныхъ сочиненій у Янковскаго иной, не тотъ, какого придерживаются каталоги Яворскаго и архим. Саввы. Многія изъ книгъ, опущенныхъ Саввой, у Янковскаго названы. Встрѣчаются также сочиненія, о которыхъ ничего не говорятъ каталоги 1721 г., напримѣръ: „Пуфендорфиа" F⁰.167, повидимому, „Введеніе въ гісторію европейскую чрезъ Самуила Пуфендорфія", напечатанное въ Петербургѣ въ 1718 г. [1]), „Tragediae selectae Aeschilli" O⁰.4, „Chwalebny oslow na pogrzebie p. Nikolaja Lanckorąskego "Малов. F⁰.4, „Przyklad Alexemu, Piotra Wielkego czara synowi jedynemu" Малов. F⁰.6, „Konstytucyi seymy walnego" Малов. F⁰.9, „Magnae molis magna ruina" Малов. Q⁰.5 и др.

Къ реестру книгъ, принятыхъ въ Нѣжинскомъ монастырѣ, Янковскій присоединилъ перечень сочиненій, которыя

[1]) *Пекарскій.* Наука и литература... Т. II, № 394.

„не явились“ при отобраніи библіотеки. Такихъ „не явившихся“ книгъ отмѣчено 37 номеровъ: 8 in folio, 13 in 4-to, 16 in 8-vo et parvae quantitatis.

Слѣдуетъ, однако, сказать, что этотъ перечень даетъ не совсѣмъ вѣрное представленіе о тѣхъ утратахъ, какія понесла библіотека Яворскаго къ моменту передачи ея въ Харьковскую школу. Прежде всего, нѣкоторыя книги, отмѣченныя Янковскимъ, какъ утерянныя, называются тѣмъ не менѣе въ реестрѣ книгъ принятыхъ. Таковы, напримѣръ, 1-я часть „Summae theologiae“ Ѳомы Аквината, „Disputationes scholasticae et morales“ de Lugo и „Navis spei publicae“ [1]). Далѣе, при выясненіи утратъ Янковскій базировался не на б. м. точныхъ и полныхъ каталогахъ 1721 г., но на данной ему въ качествѣ руководства тенденціозно составленной описи Саввы. Кромѣ того и эту опись онъ использовалъ не въ полной мѣрѣ. Такимъ образомъ, цѣлый рядъ сочиненій, по тѣмъ или инымъ причинамъ не оказавшихся на лицо и потому не включенныхъ въ реестръ книгъ принятыхъ, ускользнулъ отъ вниманія Янковскаго и не попалъ въ списокъ книгъ „не явившихся“. Сюда относятся: „Polyanthea“ 34, „Росыскъ о расколщикахъ“, „Лѣтопись“ и казанья Димитрія Ростовскаго 71, 83, 153, книга Іоанна Лѣствичника 78, „Толкованіе на Апокалипсимъ“ Андрея Кесарійскаго 81, „Обѣдъ“ и „Вечеря“ Симеона Полоцкаго 88, 89, „Hortus pastorum“ Marchantii 92, „Viridarium“ Mendoçae 169, „Summa theologiae“ Becani 174—179, „Зерцало“ 334, „Алфавитъ“ Іоанна Максимовича 335, „Analceta“ Procli 387, „Мессіа-правдивый“ Іоанникія Галятовскаго 432, „Рожнецъ духовный“ 445, „Lyricorum libri 4“ M. K. Sarbiewskiego 587, „Отвѣтъ на писмо о рожденіи антихриста“ митр. Іова 609 и др. [2]).

[1]) См. въ реестрѣ принятыхъ книгъ F⁰.55, F⁰.103 и Малов. F⁰.2

[2]) Реестръ Ѳеодосія Янковскаго—въ сборникѣ Нѣжинскаго мон. № 1, лл. 25—35 (съ собственноручной распиской Ѳеодосія въ принятіи

Куда же дѣлись тѣ книги, которыя числятся въ каталогахъ 1721 г., но не попали въ реестръ Янковскаго? Часть ихъ, какъ извѣстно изъ описи Саввы, и не привозилась въ Нѣжинскій мон. и осталась послѣ смерти Яворскаго въ Москвѣ [1]). Далѣе, автографъ „Камня вѣры“ въ 1728 г. по требованію Синода былъ высланъ въ Петербургъ. Въ іюлѣ того же года нѣсколько книгъ увезъ съ собой племянникъ Яворскаго, іеромонахъ Пустынно-Никольскаго монастыря Стефанъ Шумскій, вызванный въ Москву на должность профессора академіи. Книги эти: „Polyanthea“, „Hortus pastorum“, какія-то „Concordantiae“, шесть томовъ сочиненія Бекана „Summa theologiae“ и „Manuscripta philosophia“. Шумскій, повидимому, не успѣлъ прислать ихъ обратно, хотя и обѣщалъ возвратить все „безъ всякаго задержанія“, чтобы не подпасть анаѳемѣ и неблагословенію преосвященнаго митрополита [2]). 11 книгъ, взятыхъ нѣкогда Яворскимъ изъ библіо-

---

книгъ); то же въ сб. № 3, лл. 11—21 об. и въ рукоп. Архива Св. Синода № 3721, два списка (*А. И. Никольскій*. Op. cit. Т. II, вып. 2, стр. 464). Перечень книгъ „не явившихся“ съ переводомъ заглавій на русск. языкъ—въ дѣлѣ Архива Св. Синода 1723 г., № 37, лл. 34—35 (при доношеніи архіеп. Досиѳея отъ 24 февраля 1732 г.). Текстъ перечня по сборн. № 1 издается ниже: „Документы...“, стр. 67—69.—Болѣе точный учетъ потерь, понесенныхъ библіотекой Яворскаго къ концу 1731 г., весьма труденъ, такъ какъ въ виду краткости обозначеній сравненіе реестра Янковскаго съ каталогами 1721 г. не всегда даетъ надежные результаты.

[1]) См. выше, стр. 149.

[2]) См. расписку его въ сборникѣ Нѣжинскаго мон. № 1, л. 18. Издается ниже: „Документы...“, стр. 58. Стефанъ (въ мірѣ Сильвестръ) Шумскій былъ вызванъ изъ Кіева по ходатайству ректора Московской академіи Гедеона Вишневскаго. Въ 1728—1730 гг. онъ преподавалъ въ академіи піитику, а въ 1730—1731 гг. реторику; † 1731 г. См. „Описаніе докум. и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Синода“. Т. VII, столб. 204 слл.; т. VIII, столб. 336; т. X, столб. 547 и 548.—Полное собраніе постановленій по вѣдомству Православ. Исповѣданія. Т. VII.

теки Кіево-Печерской лавры, были отобраны въ 1730 и 1731 гг. черезъ уполномоченныхъ лавры, іеродіак. Мартиніана Лобача и Гедеона Онишкевича [1]). Наконецъ, нѣкоторыя изъ книгъ, не включенныхъ въ реестръ Янковскаго, остались въ Нѣжинской обители. Сюда относятся, можетъ быть, недостающія въ реестрѣ богослужебныя книги, названныя въ каталогахъ 1721 г. подъ №№-ми 147, 157, 200, 433, 440, 443, 450, 460, 461, 607 и др.; возможно, что Синодъ предписалъ Янковскому оставить эти книги въ Нѣжинѣ. Кромѣ того, нѣжинскіе монахи удержали у себя нѣсколько сочиненій не богослужебнаго характера. При бѣгломъ осмотрѣ библіотеки Богородичнаго Назарета мы встрѣтили здѣсь нѣсколько книгъ съ надписями Яворскаго: одну четверть „Четьихъ Миней“ Димитрія Ростовскаго, „Обѣдъ“ и „Вечерю“ Симеона Полоцкаго. До 1873 г. въ Нѣжинскомъ монастырѣ хранился принадлежавшій Яворскому списокъ „Лѣтописи“ Димитрія Ростовскаго, но въ этомъ году по указу Черниговской Духовной консисторіи архим. Іеронимъ передалъ его въ Церковно-Археологическій музей при Кіевской Духовной академіи [2]).

Спб. 1890, стр. 144—147 и 352. Ср. *С. Смирновъ*. Исторія Московской Славяно-греко-латинской академіи. М. 1855, стр. 218.

[1]) См. расписки Лобача и Онишкевича отъ 4 октября 1730 и 29 декабря 1731 гг. въ сборникѣ Нѣжинскаго мон. № 1, лл. 39 и 55. Издаются ниже: „Документы...“, стр. 59 и 66. Нѣкоторыхъ изъ лаврскихъ книгъ: „Conciones de morte“ Max. Sandaei 139, „Prawdziwa wiara stara“ Иннокентія Гизеля 146 и „Aquae vitae de fontibus Salvatoris“ 182, повидимому, во время въ Нѣжинскомъ мон. не разыскали. Позже Янковскій включилъ ихъ въ свой реестръ, см. Q⁰.29 и 69, O⁰.43. Не были также возвращены по принадлежности и книги Пустынно-Никольскаго и Братскаго мон.: „Explanatio moralis in Cant. cant.“ Scherlogi 54, „Summa omnium conciliorum“ 173. Ср. въ реестрѣ Янковскаго F⁰.120 и O⁰.145.

[2]) *Л. Бѣлоусовичъ*. Нѣжинскій Благовѣщ. мон. „Черниговск. Епарх. Извѣстія“ 1867 г. № 24, стр. 832—833; *А. Ѳ. Хойнацкій*. Очеркъ исторіи Нѣжинскаго Благовѣщ. мон. Нѣжинъ 1906, стр. 76. Ср. *Н. И. Петровъ*.

Вскорѣ послѣ 5-го января 1732 г., когда былъ законченъ реестръ, Янковскій отправилъ библіотеку Яворскаго въ Харьковъ. 24 февраля архіеп. Досиѳей доносилъ Синоду, что книги, привезенныя изъ Нѣжина, приняты отъ Янковскаго и переданы въ Училищный монастырь ректору игумену Митрофану Слотвинскому и префекту іеромонаху Иларіону Григоровичу [1]).

Слѣдуетъ замѣтить, что кромѣ Досиѳея съ ходатайствомъ объ отчужденіи библіотеки Яворскаго обращался въ Синодъ и кіевскій архіепископъ Рафаилъ Заборовскій. Въ этомъ ходатайствѣ онъ указывалъ на недостатокъ книгъ въ Кіево-Могилянскомъ коллегіумѣ и просилъ повелѣнія взять книги изъ Нѣжина, такъ какъ онѣ тамъ „въ церквѣ, въ бочкахъ сохраненніе, напрасно лежать и портятся“, отъ нихъ

Описаніе рукописей Церк.-Археол. музея... Вып. I. К. 1875, стр. 108.— По словамъ митроп. Евгенія, въ Нѣжинскомъ монастырѣ остались собственноручныя сочиненія Яворскаго на латинскомъ языкѣ въ 15 книгахъ. „Словарь историческій“. Ч. II. Спб. 1818, стр. 641 (то же у *преосв. Филарета:* „Обзоръ русск. дух. лит.“ Спб. 1856, стр. 266, и у *В. С. Иконникова:* „Опытъ русской исторіографіи“. Т. I, кн. 2. К. 1892, стр. 1087). Мы не нашли въ монастырѣ этихъ сочиненій. Ничего не говоритъ о нихъ и *И. Черновъ* въ своей „Краткой исторіи построенія Нѣжинскаго мон.“ М. 1815. Повидимому, извѣстіе митроп. Евгенія основано на недоразумѣніи: можетъ быть, за сочиненія Яворскаго были приняты хранящіеся въ библіотекѣ латинскіе курсы позднѣйшаго времени, въ родѣ лекцій по философіи и богословію Амвросія Дубневича. См. *Л. Бѣлоусовичъ.* Op. cit. „Черниг. Епарх. Извѣстія“ 1867 г., № 24, стр. 833.

[1]) Дѣло Архива Св. Сѵнода 1723 г. № 37, л. 33. См.: „Документы...“, стр. 70—71. Митрофанъ Слотвинскій приглашенъ въ Харьковскую школу изъ профессоровъ Кіевской академіи; ректоромъ былъ въ теченіе 1730—1737 гг., затѣмъ перешелъ на ту же должность въ Москву. Иларіонъ Григоровичъ также вызванъ изъ Кіева въ 1726 г. Въ 1729 г. былъ уже префектомъ, оставался въ этой должности не менѣе, чѣмъ до 1732 г. *К. В. Харламповичъ.* Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь. Т. I. Казань 1914, стр. 717—718.

„никакой ползы въ томъ монастырѣ Благовѣщенскомъ не имѣетъся, и никакого себѣ пожитку монахи простаки тамошніе Нѣжинскіе съ тѣхъ книгъ не пріемлютъ“. Но архіеп. Рафаилъ опоздалъ: 17 декабря 1731 г. онъ послалъ въ Петербургъ свое „доношеніе“, а черезъ три дня изъ указа, привезеннаго Янковскимъ, узналъ, что библіотека Яворскаго уже отдана въ Харьковскую школу [1]).

IV.

На первыхъ порахъ нѣжинскіе монахи, повидимому, мирились съ лишеніемъ денегъ и книгъ, завѣщанныхъ Яворскимъ. Съ теченіемъ времени монастырь началъ приходить въ ветхость, понадобились средства для реставраціи, и монахи вспомнили о взятыхъ въ Синодъ 3000 р. и о библіотекѣ, которая, если и не нужна была для монастыря, представляла все же большую имущественную цѣнность. И вотъ въ сентябрѣ 1746 г. архимандритъ Германъ Барутовичъ обратился къ митрополиту Рафаилу Заборовскому съ „доношеніемъ“, въ которомъ указывалъ, что Нѣжинскіе монастыри: Благовѣщенскій и подчиненный ему Ветхій Рождественскій находятся „въ крайнемъ опустошеніи и обветшалости“ и „не малой требуютъ репараціи“, по справкѣ же съ монастырскимъ „скарбцемъ“ выяснилось, что эту „обветшалость подчинить и малѣйше нѣчимъ“; приведя затѣмъ синодальные указы, повелѣвавшіе отобрать отъ монастыря 3000 р. и „имѣвшуюсь“ въ немъ „знатную библѣотеку до нѣсколко сотъ разныхъ, на разныхъ діялектахъ книгъ“, Германъ просилъ митрополита возбудить передъ Синодомъ ходатайство о возвращеніи этихъ денегъ, упомянувъ также и о книгахъ „библѣотечныхъ“, дабы или и книги были возвращены или за нихъ было заплачено, сколько придется по надлежащей

[1]) Дѣло Архива Св. Сунода 1732 г. № 21 (368). См. ниже: „Документы...“, стр. 64—65.

оцѣнкѣ [1]). Въ октябрѣ 1748 г. съ подобной просьбой обращался къ митрополиту Тимоѳею Щербацкому преемникъ Барутовича архим. Платонъ Левицкій [2]). Однако, всѣ эти ходатайства не получали въ Синодѣ удовлетворенія.

14 сентября 1754 г. въ Нѣжинѣ случился большой пожаръ, во время котораго сильно пострадалъ и Благовѣщенскій монастырь. Въ связи съ этимъ въ концѣ сентября архим. Митрофанъ Горленко возобновилъ хлопоты о возвращеніи денегъ и книгъ [3]), а 31 октября послалъ въ Петербургъ іеромонаха Савву для „хожденія“ въ Синодъ. Кромѣ необходимыхъ документовъ Савва везъ съ собой различные презенты синодальнымъ членамъ: 6 боченковъ по 5 окъ лимоннаго соку да 10 окъ каракатицъ [4]). 8 января 1755 г. Савва извѣщалъ Горленка, что въ Синодѣ обѣщали разсмотрѣть дѣло немедленно, и просилъ прислать еще 2 ока каракатицъ, чтобы вручить ихъ „двумъ нѣкоторымъ персонамъ, которые по тому дѣлу не безнуждны“, да „по барылечку“ чернаго и бѣлаго лимоннаго соку, да наилучшей „кеѳаловой ікры“ для архимандрита Троице-Сергіевой лавры Аѳанасія. Для болѣе вѣрнаго успѣха Савва указывалъ также на необходимость исхлопотать у Разумовской „просителное писмо“ къ ея сыну графу Алексѣю Григорьевичу [5]).

---

[1]) Сборникъ Нѣжинскаго мон. № 1, лл. 60—61; см. еще л. 61 об. и сборникъ № 3, лл. 3 и 10 об. У насъ: „Документы...“, стр. 72—74.

[2]) Сборникъ № 3, лл. 22—24 об. См. также л. 30, гдѣ указанъ 1749 г. Жалобы на „немалое оскудѣніе и разореніе“ встрѣчаются еще въ письмѣ ктитору монастыря полковнику Ѳ. И. Качановскому отъ 30 іюня 1751 г. Причиной отобранія денегъ и книгъ монахи выставляютъ здѣсь „старателство“ Ѳеофана Прокоповича, подсказанное „собственнымъ его недоброхотствомъ“ къ митроп. Стефану. Ibid., лл. 27—28.

[3]) Сборникъ № 3, лл. 30—30 об. См.: „Документы...“, стр. 75—76

[4]) Сборникъ № 3, л. 31. „Око“ мѣра вѣса, около 3 фунтовъ.

[5]) Сборникъ № 3, л. 46—46 об. См. также лл. 47—48, 49—50.

„Хожденіе“ Саввы и презенты синодальнымъ членамъ сдѣлали свое дѣло. Въ мартѣ 1755 г. Синодъ постановилъ возбудить передъ имп. Елисаветой Петровной ходатайство о возвращеніи 3000 р. Что касается книгъ, Синодъ находилъ, что въ нихъ „по нынѣшнему того Нѣжинскаго монастыря состоянію далней тому монастырю нужды не зависитъ“, и просилъ объ уплатѣ за нихъ приблизительно 500 рублей [1]). 3 мая состоялся докладъ государынѣ [2]), а 10 декабря Елисавета Петровна повелѣла возвратить монастырю отобранныя деньги. Объ уплатѣ 500 р. за библіотеку въ Высочайшемъ повелѣніи не упоминалось, и Синодъ постановилъ: въ удобное время доложить Ея Величеству, изъ какихъ доходовъ будетъ повелѣно произвесть оные въ выдачу монастырю [3]). Въ апрѣлѣ 1756 г. 3000 р. были, наконецъ, получены въ Нѣжинѣ, и благодарные монахи послали оберъ-прокурору Синода А. И. Львову „на портище“ 22 аршина „алой люстрины“ цѣною по 2 р. [4]). Стоимость библіотеки осталась, кажется, не возмѣщенной.

Нѣжинскій монастырь больше не возобновлялъ попытокъ въ той или иной формѣ возстановить свои права на библіотеку Яворскаго. Послѣдняя осталась въ Харьковскомъ коллегіумѣ. Коллегіумъ этотъ, переименованный въ 1840 г. въ Духовную семинарію, помѣщался сначала въ центрѣ города въ особомъ зданіи при Покровскомъ монастырѣ. Въ 1850 г.

---

[1]) См. указъ Св. Синода отъ 29 марта 1755 г. въ сборникѣ № 3, лл. 34—35 об.; присланъ въ Нѣжинскій мон. Саввой при письмѣ отъ 4 апрѣля, ibid., лл. 32—33. Тотъ же указъ въ Указной книгѣ Кіевск. Дух. консисторіи 1755 г., лл. 498—499. Издается ниже: „Документы...“, стр. 77—79.

[2]) Сборникъ № 3, лл. 36—37 об.

[3]) Сборникъ № 3, лл. 38—39 об. Дѣло Архива Св. Синода 1746 г. № 358 (328); см. „Описаніе докум. и дѣлъ, хранящ. въ Архивѣ Св. Синода“. Т. XXVI. Спб. 1907, столб. 644—648.

[4]) Сборникъ № 3, лл. 68—68 об., 69—70, 71.

семинарія перешла въ новое помѣщеніе на Холодной горѣ, гдѣ находится и по настоящее время. Для библіотеки здѣсь отведена большая свѣтлая и сухая комната. Книги Яворскаго не выдѣлены въ особый отдѣлъ. Впрочемъ отличить ихъ отъ остальныхъ книгъ не трудно, такъ какъ каждый томъ, входившій въ его собраніе, имѣетъ на внутренней сторонѣ переплета помѣту: „Mandato Augustissimae Rossorum imperatricis Annae post obitum piae recordationis Stephani Jaworski, metropolitae Riazanensis et Muromensis, cura illustrissimi Dosithei, archiepiscopi Bialogrodensis et Obojanensis, hic liber applicatus est bibliothecae collegii Charcoviensis. Anno 1732“ [1]).

Нѣжинскій монастырь, изъ котораго Яворскій хотѣлъ сдѣлать разсадникъ схоластической проповѣди въ краѣ, остался обыкновеннымъ русскимъ монастыремъ и не сыгралъ почти никакой роли въ исторіи умственной жизни Малороссіи. Въ теченіе XVIII ст. монастырь пережилъ рядъ бѣдствій въ видѣ пожаровъ и конфискаціи принадлежащихъ ему земель, такъ что въ 1797 г. черниговскій архіепископъ Викторъ Садковскій предлагалъ даже совсѣмъ упразднить его [2]). Впрочемъ мысль эта не была

---

[1]) Свѣдѣнія о библіотекѣ Харьковскаго коллегіума вообще приведены въ названныхъ выше очеркахъ исторіи коллегіума: „Молодикъ на 1844 г.“ стр. 27—28.—*Дим. Ѳеодоровскій.* Къ исторіи Харьк. Дух. коллегіума. „Духовная Бесѣда“ 1863 г., № 50, стр. 661—664 (здѣсь м. пр. сказано, что изъ библіотеки Яворскаго въ коллегіумъ поступило 327 книгъ).—*П. А. С[олнце]въ:* „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ 1873 г., № 1, стр. 40—42; № 4, стр. 183; № 5, стр. 226 (по Солнцеву, изъ собранія Яворскаго поступило въ коллегіумъ только 273 книги).—*Н. Стеллецкій:* „Вѣра и Разумъ“ 1895 г., № 23, стр. 644—651.—См. еще *Н. Ѳ. Сумцовъ.* Замѣтка о старопечатныхъ книгахъ Харьковской Духовной семинаріи. „Кіевская Старина“ 1888 г., № 6.

[2]) *А. Ѳ. Хойнацкій.* Очеркъ исторіи Нѣжинскаго Благовѣщенскаго мон. Нѣжинъ 1906, стр. 33—34.

приведена въ исполненіе. Обитель и до сихъ поръ существуетъ въ Нѣжинѣ въ качествѣ второкласснаго монастыря. Многія детали въ ея обстановкѣ связаны съ именемъ Рязанскаго митрополита. Среди церковной утвари есть нѣсколько вещей съ его гербомъ [1]) или иниціалами. Въ ризницѣ хранятся принадлежавшіе ему предметы церковнаго облаченія, въ родѣ митрополичьяго жезла изъ слоновой кости или панагіи, усыпанной алмазами. Въ монастырѣ имѣется два портрета Стефана: одинъ въ настоятельскихъ покояхъ, другой въ Благовѣщенскомъ соборѣ на пилястрѣ западной стѣны; здѣсь рядомъ съ нимъ изображены его современники Ѳеодосій Углицкій и Димитрій Ростовскій. Въ ознаменованіе памяти Стефана Городская дума наименовала въ 1887 г. одну изъ прилегающихъ къ монастырской усадьбѣ улицъ—улицей Стефана Яворскаго [2]). Все это вмѣстѣ со скудными остатками библіотеки и сохранившимися въ архивѣ документами напоминаетъ историку о знаменитомъ основателѣ обители, о его сердечныхъ привязанностяхъ и планахъ, безжалостно разрушенныхъ дѣйствительностью [3]).

---

[1]) Полумѣсяцъ съ звѣздами на концахъ; изъ середины его летитъ вверхъ стрѣла. См. на снимкѣ № 1.

[2]) „Кіевлянинъ“ 1887 г., 18 октября, № 225.

[3]) Для сравненія приводимъ нѣсколько справокъ о размѣрахъ и судьбѣ библіотекъ ближайшихъ сподвижниковъ Яворскаго. Послѣ Димитрія Ростовскаго († 1709 г.) осталось 302 тома печатныхъ книгъ и рукописей. Онѣ поступили въ Московскую Патріаршую библіотеку. Роспись книгъ св. Димитрія издана *прот. Іоанномъ Троицкимъ* въ „Ярославск. Губернск. Вѣдомостяхъ“ 1855 г., №№ 21—25; перепеч. въ „Москвитянинѣ“ 1855 г., т. VI, № 21 и 22, стр. 79—86 и у *И. А. Шляпкина:* „Св. Димитрій Ростовскій и его время“. Спб. 1891. Приложенія, стр. 54—58.—При дѣлѣ объ осужденіи Ѳеодосія Яновскаго († 1726 г.) сохранился реестръ принадлежавшихъ ему книгъ. Въ немъ

Ниже, въ отдѣлѣ III, печатаются наиболѣе важные документы, относящіеся къ библіотекѣ Яворскаго. Въ изданіи мы стремились сохранить всѣ особенности языка и главнѣйшія черты правописанія подлинниковъ. Отступленія допущены только въ слѣдующемъ:

названо 138 сочиненій (преимущественно по правовѣдѣнію) на языкахъ латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ. См. *П. Н. Петровъ.* Собраніе книгъ архіеп. новгородскаго, 1-го вицепрезидента Св. Синода, Ѳеодосія (Яновскаго). „Россійская библіографія“ Э. Гартье 1880 г., № 55 (3), стр. 97 - 102.—Книги Гавріила Бужинскаго († 1731 г.) въ числѣ 195 номеровъ были переданы въ Московскую академію. *К. В. Харламповичъ.* Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь. Т. I. Казань 1914, стр. 790.—Огромную для своего времени библіотеку собралъ Ѳеофанъ Прокоповичъ: по свидѣтельству Шереровой біографіи, число книгъ въ ней доходило до 30.000. Любопытенъ взглядъ Прокоповича на общественное значеніе частныхъ библіотекъ. Въ 1723 г. онъ писалъ государю: „библіотеку порядочную собираю. На тысячу шестьсотъ рублевъ уже книгъ купилъ и, если смогу, никогда куповать не перестану. И, служа прихоти моей, служу, кажется, и общей пользѣ. Никому никогда, хотя бы крайняя нужда, библіотеки продавать не мышлю, но по мнѣ будетъ тамъ, гдѣ Государь повелитъ“. *И. Чистовичъ.* Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время. Спб. 1868, стр. 144 и 626. По смерти Прокоповича († 1736 г.) книги его по Высочайшему указу были отданы въ Александро-Невскій монастырь, но въ 1742 г. по просьбѣ новгородскаго архіепископа Амвросія Юшкевича Елисавета Петровна велѣла передать ихъ въ Новгородскую семинарію. Здѣсь онѣ находятся и теперь, при чемъ хранятся въ сыромъ, не безопасномъ отъ огня помѣщеніи: въ зданіи, отведенномъ для библіотеки, внизу помѣщается семинарская кузница, гдѣ постоянно идетъ работа! См. объ этомъ въ статьѣ *П. В. Верховского:* „Библіотека Новгородской Духовной семинаріи и ея сокровища. (О необходимости спасти библіотеку Ѳеофана Прокоповича)“. Варшава 1913. Опись библіотеки Прокоповича, составленная іеродіакономъ Александро-Невскаго монастыря Епифаніемъ, сохранилась въ Архивѣ Св. Синода. Проф. Верховской обѣщаетъ въ скоромъ времени ее издать.—Послѣ смерти Ѳеофилакта Лопатинскаго († 1741 г.) осталось 1416 книгъ; онѣ поступили въ Тверскую семинарію. *К. В. Харламповичъ.* Op.-cit. Т. I, стр. 790—791.

1) Титла раскрыты; всѣ буквы, какими при этомъ пришлось пополнить текстъ, набраны курсивомъ, напримѣръ, форма **гл҃ю** передана черезъ: г*лаго*лю, **мн҃тръ** черезъ м*она*ст*ы*ръ, **прєчє҃тнѣши́**— пречестнѣйший, Xti—X*ris*ti и пр.

2) Въ изданіе внесено дѣленіе на абзацы; знаки препинанія и употребленіе прописныхъ буквъ пріурочены къ правиламъ современной намъ орѳографіи [1]).

3) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ текстъ документовъ пополненъ нашими вставками; послѣднія вездѣ обозначены квадратными скобками.

Къ статьѣ приложено 4 снимка: портретъ работы извѣстнаго гравера Ивана Зубова [2]) и три образца почерка Яворскаго. Сравнительно съ оригиналами снимки приводятся въ нѣсколько уменьшенномъ видѣ [3])

Кіевъ.
25 декабря 1914 г.

С. Масловъ.

---

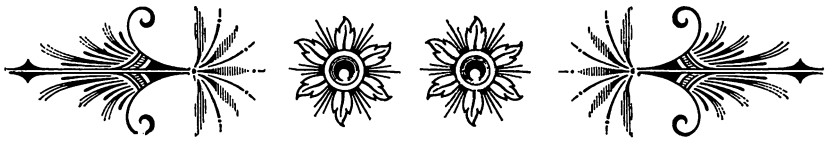
[1]) Только стихотворенія XVII. 3 и XVII. 4, представляющія воспроизведеніе печатнаго текста, издаются безъ всякихъ отступленій отъ оригинала.

[2]) Перечень другихъ портретовъ Яворскаго см. у *Д. А. Ровинскаго:* „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ". Т. II. Спб. 1889, стлб. 1673—1677. Гравюра, приведенная у насъ, заимствована изъ второго изданія „Камня вѣры" (М. 1729). Къ первому изданію „Камня" (М. 1728) былъ приложенъ другой, менѣе удачный портретъ работы того же Ив. Зубова, съ другимъ поворотомъ (3/4 влѣво отъ зрителя) и другимъ расположеніемъ герба и различныхъ деталей орнамента. См., напримѣръ, экземпляръ перваго изданія въ библіотекѣ Кіево-Печерской лавры подъ номеромъ XVI 2/24 (Д. VII в. 76).

[3]) Всѣ эти снимки помѣщены также въ нашей работѣ о грамотѣ Яворскаго Нѣжинскому монастырю 1717 г. „Искусство въ Южной Россіи" 1914 г., № 5—6 и отдѣльно, К. 1914.

Отдѣлъ III.

МАТЕРІАЛЫ.



Документы, относящіеся къ судьбѣ библіотеки Стефана Яворскаго.

I.

Письмо Стефана Яворскаго къ брату Павлу, протопопу Нѣжинскому, съ просьбой прислать къ нему Сильвестра Шумскаго. С.-Петербургъ, 3 апрѣля 1721 г.

†

(Л. 51) Пречестнѣйший отецъ протопопъ Нѣжинский, мнѣ по духу и по плоти брате любимый! Пришла, брате, пора въ путь выбиратися, въ онь же вси пойдоша и пойдутъ, а я, близкий смерти, не имѣю при себѣ никого отъ сродникъ, кому быхъ моглъ вручити духовное мое богатство, сирѣчъ книги и книжки и казанѣйца мои до шести сотъ и далей. Того ради молю тя, братецъ, постарайся всякимъ образомъ сыскати и призвати къ мнѣ Сѵлвестра Шумскаго, который бы былъ при моей кончинѣ и тое всіо per legationem et testamentum забралъ, чтобъ въ чужіе руки не попало и не пропало. Слышалъ я, что Шумский нашъ учится во Львовѣ: пиши къ нему, братецъ, чрезъ купцовъ Нѣжинскихъ либо чрезъ какую нибудь оказію, чтобъ приежжалъ къ мнѣ; прочее, чого не доучился, дочитается въ книгахъ, отъ которыхъ прилежнаго чтенія болшую людіе почерпаютъ мудрость, нежели отъ школъ. Се же молю тя, братецъ, сторицею, да не вознерадиши о семъ. Можеши, аще толко щире

восхощеши сіе дѣло сотворити, и пана свата, войта Нѣжинского, и п. Петра, ‖ (л. 51 об.) зятя своего, о тое жъ просити, дабы они межъ купцами приискали оказіи до Львова, и искусно къ нему напишите, чтобъ, оставивши школы, для болшого сокровища ко мнѣ поспѣшилъ. Пущай бы, братецъ, мое собранийце не въ чужіе пошло руки. Сія пишу, маліенко отъ тяжкои болѣзни воспрянувши, и паки молю васъ, да сіе дѣло въ незабвенную память восприймете и о тое, о что прошу, прилежно постараетеся, бо будете потомъ жалѣти, егда иніи восхитятъ трудъ. Можетъ и денга какая ему жъ достатися, но найпаче книги, не малою цѣною и трудомъ, да и казаня, моимъ потомъ писаныя, ему, яко близкому сроднику, изъ рукъ до рукъ достатися. По смерти, хотя быхъ и написалъ въ тестаментѣ и просилъ кого, то сицево дѣло ту у васъ въ совершеніи не бываетъ. Прошу жъ Христа ради, не забудь, но всякимъ образомъ попецися.

Вамъ и всему дому вашему
благословенія Божія и всякихъ благъ
желатель, братъ по плоти и по духу
смиренный Стефанъ, митрополитъ
Рязанский, старецъ
болной.

Санктъпитербурхъ 1721
апріля 3.

(л. 52) Написалъ я къ Шумскому и цедулку curto stylo, понеже не вѣмъ, аще его рукъ дойдетъ, которую цедулку прошу, братецъ, благоволи въ свой къ нему листъ вложити и запечатовати, увѣщавши его, дабы немедленно прибувалъ къ мнѣ. Подводи отъ васъ наймѣте ему, а я здесь вдвое отдамъ. Въ томъ же дѣлѣ можете посовѣтовати и съ пречестнымъ отцемъ архимандритомъ, какимъ бы образомъ намѣреніе и прошеніе мое исполнити.

(Сборникъ Нѣжинскаго Благовѣщенскаго мон., № 1, лл. 51—52. Автографъ).

II.

Каталогъ библіотеки Стефана Яворскаго, составленный въ августѣ 1721 г.—Элегія къ библіотекѣ.

†

(л. 1) In nomine Partis et Filij et
Spiritus Sancti.
Amen.

Cathalogus librorum

Stephani Jaworski,
Metropolitae Riazanensis
et Muromensis,
conscriptorum anno Domini 1721
mense Augusto,
cum ex Divina gratia morbo pulsante sentiret se morti vicinum.

Possessoris horum librorum
luctuosum libris vale.

1. Ite, meis manibus gestati saepe libelli,
Ite, meus splendor, luxque decusque meum!
Pergite felices, alias jam pascite mentes
Et nectar vestrum fundite nunc alijs!
5. Hei mihi, quod meus, a vobis avulsus ocellus,
Non poterit mentem plus saturare meam!
Vos mihi dulcedo, vos mel, vos nectar eratis,
Vobiscum, libri, vivere dulce fuit. ‖

(л. 1 об.) Vos mihi divitiae, vos gloria magna fuistis,
Vos paradysus, amor, delitiaeque meae,
Vos illustrastis, vos nomina clara dedistis,
Per vos magnatum conciliatus amor.
At nunc fata negant vobiscum [proh dolor ingens!] [1])
Ducere jucundos et sine nube dies.
Jam mihi in aeternam claudentur lumina noctem,
Non jam vos manibus sollicitabo meis.
Aeternus liber ante oculos proponitur alter,
Quem mihi venturus vult aperire DEUS.
Omnis in hoc sua dicta et facta volumine cernet
Et capiet meritis premia quisque suis.
O liber horrendus, qui tunc erit ante tribunal,
Nudatum faciens omnibus omne scelus!
Hunc ego mente librum dum volvo, mox tremor artus
Occupat, et cordi fixa sagitta manet.
O DEUS, o pater, o summae charitatis abyssus,
O pietatis fons, o bonitatis apex,
O maris et terrae et summi moderator Olympi,
Qui manibus flectis fraena tumentis aquae,
Stelliferosque poli sapienter dirigis orbes,
Te precor, indignus vermis, inane, nihil:
Respice et in libro vitae mea nomina pinge
Sanguine CHRISTI, qui vita salusque mea est.
Vos autem, mea scripta tomique librique, valete,
Parta labore meo bibliotheca, vale!
Terricolaeque omnes fratresque hominesque, valete,
Tu quoque, cara parens, hospita terra, vale!
Suscipe maternis, peto te, complexibus artus,
Namque animam caelis, reddimus ossa tibi!

[1]) Скобки въ рукописи.

(л. 2) *Libri in folio.*

1. 1. Cornelius a Lapide in Pentateuchum.
2. 2. Cornelius a Lap. in Proverbia Salomonis.
3. 3. Cornelius a Lapide in Ecclesiasticum.
4. 4. Cornelius a Lap. in 4 prophetas majores.
5. 5. Cornelius a Lap. in 12 prophetas minores.
6. 6. Cornelius a Lap. in Evangelia.

   Сія книга есть Печерского монастыря, рукою блаженныя памяти Іннокентіа Гизеля, архимандрита Печерскаго, подписаная, и оную книгу надобѣ отдать въ Печерскую святую обитель [1]).
7. 7. Cornelius a Lapide in Epistolas divi Pauli.
8. 8. Cornelius a Lap. in Epistolas divi Jacobi, divi Petri, divi Ioannis, divi Judae, Thadaei.
9. 9. Cornelius a Lap. in Acta apostolorum.
10. 10. Cornelius a Lap. in Apocalypsim.
11. 11. Opera sancti Gregorij Nysseni graeco-latina.
12. 12. Opusculum graeco-latinum s. Ioannis Chrysostomi.
13. 13. Бесѣди святаго Іоанна Златоустаго на Посланія Павлова, часть первая.
14. 14. Бесѣди свят. Іоанна Златоуст. на Посланія Павлова, часть 2.
15. 15. Tertullianus.
16. 16. Anselmi opera.
17. 17. Маргаритъ Златоустого свят.
18. 18. Златоустого свят. на Матѳея свят. толкованіе.
19. 19. Златоустого свят. толкованіе на Дѣянія ссвят. аа.
20. 20. Златоустого свят. толкованіе на Матѳея свят. ||

(л. 2 об.) 21. 21. Златоустого толков. на свят. евангелиста Іоанна.

[1]) На поляхъ отмѣтка: *взят.*

22. 22. Паки Златоуст. на *свят.* ев*ангелиста* Іоанна.
23. 23. Толкованіе *свят.* Ѳеофилакта на Ев*ангеліе.*
24. 24. Augustini opus de civit*a*te Dei etc.
25. 25. S. Justini Martyris opera graeco-latina.
26. 26. *Свят*ыхъ Григоріа, Василіа, Аѳанасіа, Дамаскина бесѣды.
27. 27. Bellarminus de peccatis, gratia, libero arbitrio et justificatione.
28. 28. Bellarminus de Verbo Dei, de Christo etc.
29. 29. Bellarminus de sacramentis.
30. 30. Explanatio Blanc in psalmos.
31. 31. Explanatio Pinedae in librum s. Iobi.
32. 32. Drexellij pars 1.
33. 33. Drexellij pars 2.
34. 34. Polyanthea.
35. 35. Sylva allegoriarum.
36. 36. Alvarez de exterminatione mali et promotione boni libri 5.
37. 37. Dubia sacra in librum Genesis.
38. 38. Itidem Dubia sacra in Genesim.
39. 39. Baeza in Evangelia.
40. 40. Baeza de Abrahamo, de Josve, de Davide, de Salomone, de Absalone.
41. 41. Дамаскинъ *свят*ый, греко-латинский.
42. 42. Carthagena de mysterijs B*eatissi*mae.

Сія книга есть *монастыр*я Печерского, рукою блаженныя памяти Іннокентіа Гизеля, архимандрита Печерского; отдать еи въ *монастыр*ь Печерский [1]) ||

(л. 3) 43. 43. Kazania o przenaswiętszey Eucharistiey.
44. 44. Kazania Gustowskiego niedzielne.
45. 45. Conciones Fabri, editionis Antverpiensis.
46. 46. Pochodnia, sive kazania niedzielne Krosnowskiego.

[1]) На поляхъ: *взят.*

47. 47. Quadragesimał, albo kazania Gutowskiego na Wielki post.
48. 48. Faber, pars aestivalis, conciones, edit. Antverp.
49. 49. Kazania Rychłowskiego swiąteczne.
50. 50. Dzieło zbawienia ludzkiego, sive kazania Stephanowicza.
51. 51. Kazania niedzielne Rychłowskiego.
52. 52. Kazania swiąteczne Młodzianowskiego.
53. 53. Kazania niedzielne y pogrzebne Lorencowicza.
54. 54. Explanatio moralis in Cantica canticorum Scherlogi.

Сія книга монастыря Николского Кіевского; отдать еи тому монастырю [1]).

55. 55. Petri Berchorij Reductorium morale.
56. 56. Francisci Labatae Loci communes, tomus I.
57. 57. Eiusdem Francisci Labatae Loci communes, tomus II.
58. 58. Celada in Tobiam.
59. 59. Kronika pols[k]a Bi[e]lskiego.
60. 60. Fabri conciones, editionis Cracoviensis.
61. 61. Библія руская, друку Острозкого.

Сія книга монастыря Печерского; отдать еи, где надлежитъ [2]).

62. 62. Казаня Транквиліона.
63. 63. Міръ съ Богомъ [Иннокентія Гизеля].
64. 64. Baroniusz polski.
65. 65. Żywoty swiętych [Piotra Skargi?]

Сія книга монастыря Печерского; отдать еи, куди надлежитъ [3]).

66. 66. Proloquia domestica Ioannis Kraszewski Soc. Jesu. ||
(л. 3 об.) 67. 67. Жезлъ правленія на расколщиковъ [Симеона Полоцкаго].

---

[1]) На поляхъ: *NB.*

[2]) На поляхъ: *взят.*

[3]) На поляхъ: *NB.*

68. 68. Wschod y Zachod słonca, kazania Piotra Dunina Soc. Jesu.
69. 69. Kazania y homilie Młodzianowskiego Soc. Jesu, t. I.
70. 70. Kazania niedzielne Benedykta [Zawadzkiego], piarum scholarum.
71. 71. Росыскъ о расколщикахъ преос*вя*щен. Димитріа.
72. 72. Sanctuarium, hoc est sermones panegyrici pro festis X*ri*sti.
73. 73. Kazania y homilie Młodzianowskiego, tom III.
74. 74. Sancti Cyrilli, Alexandrini archiep*isco*pi, sermones paschales.
75. 75. Baeza de Abrahamo et Josue.
76. 76. Kazania przygodne x. Skargi.
77. 77. Kazania o siedmi sakramentach x. Piotra Skargi.
78. 78. Іоанна с*вят*. Лѣствичника книга полезная.
79. 79. Василіа с*вят*. и Дамаскина с*вят*. бесѣди.
80. 80. Kazania niedzielne y swiąteczne Fabiana Birkowskiego, dominikana.
81. 81. С*вят*аго Андрея, архіеп*иско*па Кесарийского, толкованіе на Апокалипсимъ.
82. 82. Kazania niedzielne, Postilla, część pierwsza y wtora swiąteczna.
83. 83. Лѣтопись преос*вя*щен. Димитріа, митроп. Ростовского, рукописный.
84. 84. Книга о вѣрѣ, исправленія требующая.
85. 85. Historiae biblicae, iconibus illustratae.
86. 86. Historiae evangelicae imagines.
87. 87. Homiliae pontificis Romani Clementis XI.
88. 88. Книга, нарицаемая *Обѣдъ*; казаня на дни воскресныя и праздники г*осподь*скія [Симеона Полоцкаго].
89. 89. Книга, нарицаемая *Вечеря*; на праздники прочіихъ с*вя*тыхъ [Симеона Полоцкаго].
90. 90. Biblia polska.

91. 91. Кнйга моихъ трудовъ, нарицаемая Камень Вѣры, которую подъ разсужденіе Церкви *свѧтыя* Восточныя предаю и дабы тую исправили умнѣйшіе паче мене главы и, аще изволится имъ, тѵпу предали всесмиренно прошу. Стефанъ грѣшникъ [1]). ||

(л. 4) *Libri minores quantitate folio, vulgo in 4-to.*

92. 1. Hortus pastorum, in quo omnis doctrina fidei et morum, [autore Jacobo Marchantio].
93. 2. Conciones Pauli Olivae, generalis Soc. Jesu.
94. 3. Considerationes quadragesimales Coutini dominicani.
95. 4. Lux evangelica, seu conciones dominicales, patris Engelgrave.

Сія книга печерская; отдать ей, где надлежитъ [2]).

96. 5. Busaeus de statibus hominum.
97. 6. Pantheon caeleste, sive conciones pro festis sanctorum, Engelgrave.
98. 7. De re publica libri 6 Petri Tholozani.
99. 8. Manuale concionatorum patris Alvarez.
100. 9. Mellificium ad concionandum Joannis Binchij.
101. 10. ΠΑΝΑΡΙΟΝ, hoc est Arca medica contra animi morbos.
102. 11. Flores exemplorum p. Antonij Dauroultij.

Сія книга *монастыря* Печерского Кіевс.; отдать ей, куди надлежитъ [3]).

103. 12. Summa totius philosophiae.
104. 13. Conciones tergeminae pro dominicis autoris Hartung.
105. 14. Eiusdem autoris Hartung conciones pro festis.
106. 15. Eiusdem autoris Hartung conciones festivales.
107. 16. Fabri conciones festivales.

---

1) На поляхъ: *взят. на Москву до тѵпу.*

2) На поляхъ: *взят.*

3) На поляхъ: *взят.*

108. 17. Promontorium malae spei impijs periculose navigantibus.

Сія книга печерская; отдать еи, куди надлежитъ [1]).

109. 18. Medulla theologica Ludovici Abellij, pars 1.

110. 19. Eiusdem autoris Medulla theologica, pars 2.

111. 20. ΘΕΑΤΡΟΝ, sive Theatrum politicum, in linguam ruthenam conversum [Анастасія Наузейзіуса?]

112. 21. Homiliae in omnia christianae religionis arcana autore Carthagena.

Сія книга печерская; отдать еи, куди надлежитъ [2]).

113. 22. Concordantiae sacrorum bibliorum vulgatae editionis. ||

(л. 4 об.) 114. 23. Incredulus non excusatus, autore Paulo Segneri S. J.

115. 24. Cyrilli, Hierosolymorum archiep*isco*pi, Cathecheses.

116. 25. De perfectione christiani hominis Ludovici de Ponte S. J.

117. 26. Triumphi Christi D*omi*ni, sive discursus praedicabiles, [Joannis de Mata].

118. 27. Norma evangelica in festa ss. Joannis Kraszewski S. J.

119. 28. Historia orbis terrarum.

120. 29. Consideratio variarum controversiarum Joan. Fabrycij.

121. 30. Ambona Ducha S., do serca mowiącego, Morawscij S. J.

122. 31. Gospodarz nieba y ziemie, sive kazania na swięta X*rist*usowe, [Jacka Liberyusza].

123. 32. Gospodyni nieba y ziemie Najsw. P. Maria, kazania iey swiąteczne [его же].

124. 33. Gwiazda morska, sive kazania swiąteczne Najs. Panny [его же].

125. 34. Conciones dominicales patris Stempel S. J.

126. 35. Controversiae Stapletoni.

127. 36. Lament Cerkwie swiętey Wschodniey [Theophila Orthologa].

---

[1]) На поляхъ: *взят.*

[2]) На поляхъ: *взят.*

128. 37. Kazania Jakuba Olszewskiego S. J.
129. 38. Synodus Jerosolymitana, sub patriarcha Dositheo habita.
130. 39. Лексіконъ треязычный, руской, латинской, греческой [Ѳедора Поликарпова].
131. 40. Bibliorum sacrorum concordantiae morales.
132. 41. Meffret, verbi Dei praeconis, conciones.
133. 42. Exedra ecclesiastica, sive conciones dominicales, Schrotter S. J.
134. 43. Antonij Vieira Sermones selectissimi, pars 1.
135. 44. Antonij Vieira Sermones selectissimi, pars 2.
136. 45. Philippicae, seu invectivae in peccatores, Philippi Hartung.
137. 46. Thomae a Villa Nova conciones. ||
(л. 5) 138. 47. Pauli Segneri sermones quadragesimales.
139. 48. Maximiliani Sandaei conciones de morte.

Сія книга монастыря Печерского; отдать еи, куди надлежитъ [1]).

140. 49. Impetus ad concionandum Joannis Kraszewski S. J.
141. 50. Explanatio in psalmos Bellarmini.
142. 51. Kazań czternascie pogrzebowych od roznych autorow.
143. 52. Xięga, w ktorey zbierane rozne rzeczy, a naprzod Dírectorium.
144. 53. [Andrzejkiewicz] Ziarno gorczyczne gorzkiey męki Xristusowey.
145. 54. Книга о вѣрѣ.
146. 55. Prawdziwa wiara stara.

Piae memoriae Innocentij Gizel, archim. piecz. [2]).

147. 56. Служебникъ древний.
148. 57. Руно орошенное [Димитрія Ростовскаго].
149. 58. Акосъ, или врачеваніе [бр. Лихудовъ].

---

[1]) На поляхъ: *NB.*

[2]) На поляхъ: *NB.*

150. 59. Царский путь креста Господня [Іоанна Максимовича].
151. 60. Cvнопсисъ, или исторіа о россійстемъ народѣ.
152. 61. Zbierane rzeczy, a z początku Виноградъ процвитающь.
153. 62. Казаня рукописныя преосвящ. Димитріа, митр. Рост.
154. 63. Новый завѣтъ друку Чернѣговского.
155. 64. Biblia sacra vulgatae editionis, Venetijs.
156. 65. Канонъ святому Духу и другій—Пресвятѣй Богородици во время смерти.
157. 66. Акаѳистъ свят. великомуч. Варвары.
158. 67. Казаня мои и различные scripta и notata, іные и чужіе примешалися, связей или текъ болшихъ и меншихъ числомъ одинадцять. ||

(л. 5 об.) *Libri in 8-vo.*

159. 1. Pedagogus christianus.
160. 2. Thomae Stapletoni conciones controversisticae.
161. 3. Eiusdem Stapletoni concionum pars aestivalis.
162. 4. Conciones Petri Baessei.
163. 5. Stapletoni concionum pars hyemalis.
164. 6. Summa de exemplis et rerum similitudinibus [Joannis a S. Geminiano].

Сія-книга печерская; отдать еи, куди надлежитъ [1]).

165. 7. Meditationes Ludovici Pontani Soc. Jesu.
166. 8. Manuale controversiarum Martini Becani.
167. 9. Valerius Maximus historicus.
168. 10. Alstedij chronologia.
169. 11. Viridarium Mendoçae [2]) Soc. Jesu.
170. 12. Apelles symbolicus autore Ketten, pars I.
171. 13. Eiusdem autoris Apelles symbolicus, pars II.

[1]) На поляхъ: *NB.*

[2]) Въ рукописи: Mendogae.

172. 14. Conciones Sanctij, seu Sanchez quadragesimales.
173. 15. Summa omnium conciliorum.

Сія книга монастыря Братского Кіевского; отдать еи, куди надлежитъ.

174. 16. Summa theologiae Becani, tomus 1-mus, pars 1-ma.
175. 17. Eiusdem Becani Theologiae tomus 2-dus.
176. 18. Eiusdem Becani Theologiae tomus 3-tius.
177. 19. Eiusdem Becani Theologiae tomus 4-tus.
178. 20. Eiusdem Becani Theologiae tomus 5-tus.
179. 21. Eiusdem Becani Theologiae tomus 6-tus.
180. 22. Senecae opera omnia.
181. 23. De scorbuto tractatus [Danielis Sennerti] [1]). ||
(л. 6) 182. 24. Aquae vitae de fontibus Salvatoris, hoc est doctrina evangelica.

Сія книга монастыря Печерского Кіевского; отдать еи, куди надлежитъ [2]).

183. 25. Novum testamentum D. n. Jesu X*risti*, per lutheranum Bezam scriptum.
184. 26. Controversia Bellarmini de concilijs et Eccle*sia* mil.
185. 27. Compendium theologicae veritatis.
186. 28. Scala caeli, seu conciones de vijs caelestibus.
187. 29. Scrutinium sacerdotale, sive modus examinandi.
188. 30. Medicus familiaris.
189. 31. [Jakub Boczyłowicz]. Orator politicus, albo Wymowny polityk.
190. 32. Chronius, sive historiae universalis epitome [3]).
191. 33. Abyssus inscrutabilium Dei arcanorum; liber, mea manu scriptus per compendium theologiae, quam audivi Vilnae et Posnaniae.

---

[1]) Въ реестрѣ Ѳеодос. Янковскаго: De scorbuto tractatus Danielis (0⁰. 49).

[2]) На поляхъ: *NB.*

[3]) Ср. въ реестрѣ Ѳеодос. Янковскаго: Petri Aurebergij Chronius (0⁰. 44).

192. 34. Oedipus, aenigmaticam Aristotelis sphingem soluturus, seu compendiosa philosophia, mea manu scripta ex opere manuscripto philosophiae, quam audivi Leopoli et Lublini.
193. 35. Исторіа о разореніи Іерусалима.
194. 36. Theologia tripartita autore Richardo Archdekin.
195. 37. Cordis, Deo sacri, affectiones variae.
196. 38. Географіа, или краткое земнаго круга описаніе.
197. 39. Conclusiones philosophicae, ubi plurimae quaestiones curiosae.
198. 40. Wyroki Boskie o 4 rzeczach ostatecznych.
199. 41. Исповѣданіе православныя вѣры.
200. 42. Апостоли и евангеліа недѣлныя и праздничныя.
201. 43. Apteczka domowa.
202. 44. Compendium medicum. ||

(л. 6 об.) *Libri parvae quantitatis.*

203. 1. Zodiacus christianus auctore Drexellio.
204. 2. In dominicas considerationes Druzbicki.
205. 3. Eiusdem autoris Considerationes pro festis.
206. 4. Deliciarum gentis humanae pars II, Christus Jesus moriens.
207. 5. Hortulus historico-politicus Eliae Reusneri.
208. 6. Bellarmini libri de 7 verbis Xristi in cruce, item scala, item de aeterna felicitate, item de bona morte deque gemitu columbae.
209. 7. D. Augustini Meditationes, simul et Thomas a Kempis.
210. 8. De contemnendis mundi vanitatibus autore Stella.
211. 9. Fasti Mariani cum divorum elogijs.
212. 10. Vera sapientia Dei timor, simul Locutio Dei ad cor religiosi.

213. 11. Diarium sanctorum, seu Meditationes, tomulus 1-mus, semestre 1-mum.
214. 12. Diarium ss. eiusdem autoris, tomulus 2-dus, semestre 2-dum.
215. 13. Compendium manualis controversiarum Martini Becani.
216. 14. Risus sardonicus, hoc est deficta mundi laetitia.
217. 15. De sacratissimo eucharistiae sacrificio.
218. 16. Mensa theolo-philosophica, seu conviviorum pulpamenta, Tympij.
219. 17. Epitome institutionum medicinae Danielis Sennerti.
220. 18. Bellarminus enervatus, liber calvinisticus.
221. 19. Ad haereticum *ubi* responsio catholica; in eodem libello meo labore scripta Apophasis orthodoxa ad erotemata latinorum.
222. 20. Novus annus incolumis et sanus, seu ars bene diuque valendi, autore Lessio.
223. 21. Innocentia vindicata de conceptione immaculata B*eatissi*mae.
224. 22. Aristoteles, ex euripo emersus, seu theses philosophicae.
225. 23. Jugum grave super omnes filios Adam autore Tylkowski. ||

(л. 7) 226. 24. Perpetua crux, sive passio Jesu X*risti*.
227. 25. De cognitione Dei.
228. 26. Corona exultationis, seu consola*tio* philosophiae, Boethij, libellus praestantissimus.
229. 27. Fons vitae, ex quo scaturiunt suavissimae consola*tio*nes afflictis [1]).
230. 28. Seneca christianus, seu flores ex antiquo Seneca.
231. 29. Canticum novum animi, sive Lot golębice.
232. 30. Paradisus animae, pijssimus libellus.
233. 31. Scintillae divini amoris.

---

[1]) Въ реестрѣ Θеодос. Янковскаго: Fons vitae auth. Joannis (0⁰. 188).

234. 32. Cor sanctum Theophili Mariani.
235. 33. Piesni polskie drukowane nabożne.
236. 34. Hypomnema symbolorum, moią ręką pisane.
237. 35. Compendium biblicum.
238. 36. Bellarminus de 7 verbis X*risti* in cruce, scala, de aeterna felicit*ate*, de arte bene moriendi, de gemitu columbae.
239. 37. Manuductio ad caelum, libellus praestantissimus.

(Сборникъ Нѣжинскаго Благовѣщенскаго мон., № 1, лл. 1—7. Автографъ).

III.

Завѣщаніе о библіотекѣ. С.-Петербургъ. Октябрь 1721 г.

(л. 7) ТЕСТАМЕНТЪ.

Сіи книги, въ семъ реестрѣ списаные, [кромѣ нѣкоторыхъ чюжихъ, тутъ-же-въ реестрѣ означеныхъ], [1]) такожде и иные книги множайшіе, подъ инымъ реестромъ списаные и прежде сего самому пречестному отцу архимандриту Нѣжинскому Епифанію Тихорскому отъ мене саморучно въ царствующемъ Санктъ-Питербурхе на монастырѣ Нѣжинскій врученные, еднымъ словомъ, всѣ книги, такъ въ семъ реестрѣ, яко и въ иномъ, посылаю, даю и послѣднымъ тестаментомъ легую вѣчными времени Назарету Нѣжинскому, сирѣчъ монастырю Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, моимъ убогимъ иждивеніемъ фундованому.

Даю же сіи книги мои тому монастырю симъ намѣреніемъ, дабы въ немъ была своя бібліотека для ученыхъ іеромонаховъ, которі бы могли наставленіемъ сихъ книгъ ||
(л. 7 об.) съ Божіею помощію слово Божіе проповѣдати и народъ поучати, не въ словесехъ премудрости, но въ силѣ духа и не себе проповѣдующе, но Христа распята, себе же образъ добрыхъ дѣлъ людемъ представляюще, яко Божія слуги, по реченному: „тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже есть на небесехъ“, и паки индѣ рече: „иже сотворитъ и научитъ, сей велий наречется въ царствіи небесномъ“; ибо проповѣдникъ безъ добрыхъ дѣлъ и благочиннаго житія, иже учитъ, а не творитъ, никоея же ползы въ слушателехъ своихъ содѣлаетъ и будетъ подобенъ грому безъ

[1]) Скобки въ рукописи.

молніи, стрелбѣ безъ ядра, луку напряженному безъ стрѣлы, гримѣти будетъ и стреляти словесы токмо, но страхомъ Божіимъ не уязвитъ сердецъ слышащихъ. Како бо можетъ научити храненія заповѣдей Божіихъ той, иже самъ оныя не сохраняетъ? Како можетъ о постахъ и трезвости глаголати не имущь воздержанія? Како о цѣломудріи, о смиреніи, о кротости и о прочіихъ добродѣтелехъ возглаголетъ самъ противная тѣмъ творяй? Всякъ таковому речетъ: „врачю, исцѣлися самъ! Изми прежде бервно изъ очеси твоего, да въ нашихъ зѣницахъ сучецъ узриши“. О проповѣдницы! О богогласныя трубы! Вы есте соль земли; аще же соль обуяетъ, къ чему угодна будетъ? Вы есте свѣтъ міру; аще убо свѣтъ, иже въ васъ, тма есть, то тма колми, [то есть простый народъ]? [1]) Вы есте вожды слѣпыхъ; аще убо отъ пути истинны, въ небо ведущаго, заблуждаете, како инѣхъ можете наставити? Како инаго омыеши, скверны руцѣ имущь? Како иныхъ просвѣтиши, тма сый? Должни же и на то памятствовати проповѣдници слова Божія, яко сіе многотрудное дѣло не земнаго ждетъ воздаянія, но небеснаго. Аще же за своя труды истязуютъ мзды земныя, или началства и власти, или похвалы человѣческія и симъ намѣреніемъ труждаются, ||
(л. 8) уже тамо мзды не воспріймутъ, и речется имъ: „воспріялъ еси благая въ животѣ твоемъ“. О суетныя мзды, за толикъ трудъ пару ищезающую гонити! На небеси таковыя труды мзду совершенную восприймутъ, юже уготова Богъ, глаголя: „иже сотворитъ и научитъ, сей велій наречется въ царствіи небесномъ“. Аще бо чашу студеныя воды давый жаждущему въ імя Христово не погубитъ мзды своея, колми паче жаждущія души напаяющий источниками словесъ Божіихъ, текущими въ животъ вѣчный? Не глаголю о томъ, дабы и здѣ на земли проповѣдницы не имѣли особиннаго

[1]) Скобки въ рукописи.

отъ архіереевъ и отъ настоятелей призрѣнія, на вящшій степень возведенія, почитанія, угодія, въ пищи и одѣяніи доволства, ибо и апостолъ глаголетъ: „труждающіися въ словѣ и ученіи сугубыя чести да сподобляются, писано бо есть: вола молотяща да не заградиши уста, и: достоинъ дѣлатель мзды своея". О семъ точію глаголю, да не тѣмъ первымъ намѣреніемъ труждаются, но ищуще прежде царствія Божія, и сія вся приложатся имъ.

Но о сихъ довлѣетъ. Сія бо отъ случая токмо рекошася; мнѣ же здѣ намѣреніе писати о книгахъ моихъ, о сихъ мнѣ попеченіе, сіи бо бяху мнѣ сокровище и богатство паче тисящъ злата и сребра дражайшее. Того ради не сребро ниже злато,—вся бо сія, яже имѣхъ, истощихъ на строеніе монастыря Нѣжинского,—но книги мои, сокровище мое, симъ послѣднымъ моимъ тестаментомъ легуючи Назарету Богородичину Нѣжинскому, молю всеусердно іменемъ Христа, Бога нашего, архимандрита того монастыря, кого Богъ и власть правилная || (л. 8 об.) митрополита Кіевского въ томъ монастырѣ Благовѣщенскомъ поставитъ, дабы онъ, архимандритъ, сіе мое многоцѣнное стяжаніе имѣлъ въ особинномъ призрѣніи подъ сими статьями.

Первое. Дабы мѣсто удобное на тые книги усмотрѣлъ или нарочно устроилъ, не древяное, но каменное съ затворами желѣзными для огненного случая. Мнѣ видится, на трапезѣ полату сдѣлать съ полицами доволными и тамъ оныя держать за крѣпкимъ замкомъ, понеже въ самой церкви на хорахъ или въ казіонки держать ихъ—тѣсное мѣсто, да, видится, и не прилично.

Второе. Усмотрѣть доброго и благои совѣсти монаха или іермонаха, тогожъ монастыря пострыженца, и поставить его библіотекаремъ, или надъ книгами прилежнымъ дозорцею, чтобъ незабвенно надсматривалъ книгъ и, когда бываетъ вѣтеръ, чтобъ затворы оконные отворялъ для провѣ-

ваня книгъ, чтобъ не погнили; и не близко при стѣнѣ каменной оные держать, бо отъ мокроты каменя кирпичного скоро погніютъ. Таковъ бібліотекарь можетъ быти самъ той, который въ проповѣди слова Божія упражняется, яковъ мнѣ обѣщался быти господинъ Григорий Рогачевский, воспріемши іноческий чинъ въ монастырѣ Нѣжинскомъ, или племянникъ мой Сулвестръ Шумский, когда возвратится изъ наукъ изъ Полщи и пострижется въ томъ монастырѣ Нѣжинскомъ, или который отъ сыновъ брата моего родного, честнаго отца Павла Яворского, протопопа Нѣжинского, буде іноком̀ъ въ томъ же монастырѣ Нѣжинскомъ станетъ, или инъ нѣкто, его же изберетъ по разсмотренію своему пречестнѣйший отецъ архимандритъ Нѣжинский.

Третее. Когда бываетъ ведро лѣтомъ, выносить оныя книги изъ бібліотеки вѣрными послушниками, при добромъ дозорѣ и просушовать на солнцы, не всѣ разомъ, но по части, того дня тіи, иного иныи, и хранить всячески отъ гнилости и отъ моля.

Четвертое. Въ бібліотеку никому не входить, || (л. 9) кромѣ архимандрита и бібліотекаря и кому вѣрному они соизволятъ для послушанія, сирѣчъ для просушованя книгъ или для очищенія и іныхъ нуждъ.

Пятое. Никому же отнюдь книгъ не давать, кромѣ тѣхъ, которіе въ томъ же монастырѣ труждаются въ проповѣди слова Божія; а давать книги въ помощь дѣла казнодѣйского подъ реестромъ съ подкрѣпленіемъ ихъ руки. И аще той, который взялъ книги, восхощетъ по благословенію старшихъ изыйти изъ Нѣжинского монастыря, или на иное послушаніе посланъ будетъ, или на ігуменство или на архимандрію взятъ будетъ, и отъ такого отобрать книги подъ реестромъ тѣмъ, который онъ самъ закрепилъ своею рукою, чего смотрѣть накрепко архимандриту и бібліотекарю.

Ш е с т о е. Аще бы кто дерзнулъ отъ сихъ книгъ какую либудь (sic!) себѣ присвоити, или даровати кому, или продати, или тайно восхитити, или инѣмъ нѣкіимъ образомъ и случаемъ отъ того монастыря Нѣжинского удалити и отчуждити, на такомъ да будетъ клятва святыхъ седми вселенскихъ соборовъ и отъ моего смиренія неблагословеніе, и да будетъ проклятъ, анаѳема.

Сей завѣтъ мой о книгахъ, такъ въ семъ реестрѣ, яко и въ иномъ списаныхъ, подписую своею рукою въ царствующемъ Санктъ-Питербурхѣ лѣта отъ Рожества Христова 1721 октоврія.

Смиренный Стефанъ Яворский, митрополитъ Рязанский и Муромский, прежде бывый екзархъ Святѣйшаго Всероссийскаго Патріаршескаго Престола, нынѣ же президентъ Святѣйшаго Правителствующаго Cvнода, а съ тымъ всѣмъ земля, прахъ и пепелъ и ничтоже.

O tituli, scopuli potius meliusque vocandi,
Heu! quibus allisae tot periere rates!
Et quid sunt tituli, nisi fumus, ventus et umbra
Bullaque, quae vitreis turgida fertur aquis!

(Сборникъ Нѣжинскаго Благовѣщенскаго мон. № 1, лл. 7—9. Автографъ).

VI.

Каталогъ книгъ, переданныхъ въ Нѣжинскій монастырь черезъ архимандрита Епифанія Тихорскаго до октября 1721 г.

(л. 10) *Libri in folio.*

240. 1. Opera theologica Francisci Junij Biturigis.
241. 2. Quenstedij Systema theologicum [1]).
242. 3. Sylveira in Evangelia, in annum 2-dum et 3-tium praedicationis X*ris*ti, tom. III et IV.
243. 4. Gomarus. Opera theologica omnia.
244. 5. Sylveira in Evangelia thom. I: a X*ris*to nato ad Joannem, et thom. II: de praedicatione et miraculis X*ris*ti.
245. 6. Sylveira in Evangelia thomus V et VI: a caena Domini, additiones ad 4 evangelistas.
246. 7. Sylveira in Acta apostolorum et resolutiones casuum.
247. 8. Blanc a psalmo 34 ad psalmum 90 inclusive, thomus 3-tius et 4-tus.
248. 9. Origenis Adamantij opera, quae extant.
249. 10. D. Thomae Aquinatis Summae theol. pars prima.
250. 11. Soc. Jesu Ruiz de Trinitate.
251. 12. S. Gregorij Nazianzeni opera.
252. 13. S. Augustini operum thomus III et IV.
253. 14. Clavis sacrae scripturae.
254. 15. S. Gregorij Nysseni operum thom. I.
255. 16. Thesaurus theologicus ex sola sacra scriptura.

---

[1]) Ср. въ реестрѣ Θеодос. Янковскаго: D. Joh. Andreae Quaenstedij Systema theologicum, pars 1, 2, 3 et 4-ta (F⁰. 23).

256. 17. D. Thomae Aquinatis Summa totius theologiae.
257. 18. Opera Aristotelis.
258. 19. Blanc a psalmo 91 ad finem, thomus V et VI.
259. 20. Sylveira in Apocal. duo thomi. ||
(л. 10 об.) 260 21. Disputationes scholasticae et morales Joannis de Lugo.
261. 22. Rerum, in Ecclesia gestarum, pars 1 autore Joanne Foxo anglo.
262. 23. Cardinalis de Lugo de sacramento paenitentiae.
263. 24. Pausaniae descriptio Graeciae.
264. 25. Lugo de iustitia et iure, tomus II.
265. 26. Chronica gestorum in Europa singularium recentiorum.
266. 27. Plinij Secundi historiae.
267. 28. Joannis Zonarae, Nicetae Choniatae, Nicephori Laonici annales.
268. 29. De articulis fidei divinae.
269. 30. Decima centuria Ecclesiasticae historiae.
270. 31. Quarta centuria Ecclesiasticae historiae.
271. 32. Quinta centuria Ecclesiasticae historiae.
272. 33. Octava centuria Ecclesiasticae historiae.
273. 34. Duodecima centuria Ecclesiasticae historiae.
274. 35. Decima tertia centuria Ecclesiasticae historiae.
275. 36. Ecclesiastica historia.
276. 37. Commentationes in psalmos Davidis.
277. 38. Lugonis Responsa moralia.
278. 39. Joannis Stobaei Sententiae, ex thesauris Graecorum delectae.
279. 40. Theophylacti, archiepiscopi Bulgariae, in Evangelia enarrationes luculentissimae.
280. 41. Kazania na swięta uroczyste x. Benedykta [Zawadzkiego].
281. 42. Proloquia domestica autore Joanne Kraszewski S. J.

282. 43. Sermones in dies sanctorum.
283. 44. Kazania Birkowskiego.
284. 45. Woyna domówa [Sam. Twardowskiego].
285. 46. Бесѣды *свят.* Иоанна Златоустаго.
286. 47. Мечъ *д*уховный [Лазаря Барановича]. ||
(л. 11) 287. 48. Житія *сс*вят. на 3 *м*ѣсяцы: декемврій, януарій и февру*арій* [Димитрія Ростовскаго?]
288. 49. Миръ съ Б*о*гомъ [Иннокентія Гизеля].
289. 50. Specula totius mundi.
290. 51. D. Augustini electa ex septem thomis.
291. 52. Amphilochij [Iconiensis], Methodij [Patarensis] et Andrei Cretensis opera.
292. 53. Simonis Maioli septem thomi.
293. 54. Botsaccus redivivus.
294. 55. S. Dyonysij Areopagitae opera [1]).
295. 56. Ss. patrum homiliae de sanctis et in varia scripturae loca.
296. 57. S. Joannis Damasceni [2]).
297. 58. Kazania x. Pawła Kaczynskiego na swięta całego roku.
298. 59. Kazania x. Pawła Kaczynskiego na niedziele całego roku.
299. 60. D. Thomae Aquinatis quaestiones de potentia Dei, de malo, de spiritualibus creaturis etc.
300. 61. S. Clementis Alexandrini opera.
301. 62. Lugo de iustitia et iure.
302. 63. D. Friderici Balduini commentarius in omnes Epistolas Pauli.
303. 64. S. Maximi Confess. operum thomus II [3]).

[1]) Ср. въ реестрѣ Ѳеодос. Янковскаго: S. Dionisij Areopag. omnia opera graeco-lat. (F⁰. 53).

[2]) Ср. у Ѳеодос. Янковскаго: Joannis Damasceni omnia opera. (F⁰. 125).

[3]) Ср. въ реестрѣ Ѳеодос. Янковскаго: S. Maximi opera graeco-lat., tom. 2-dus (F⁰. 30).

304. 65. Ruiz de providentia, praedeficiente ac praebente praedestinationis exordium.
305. 66. Operum Aristotelis thomus II.
306. 67. De Lugo Disputationes de virtute fidei.
307. 68. S. Thomae secunda secundae.
308. 69. Athanasij Magni, archiep*isco*pi Alexandr., operum tomus II.
309. 70. S. Maximi operum thomus I.
310. 71. S. Thomae prima secundae.
311. 72. Dictionarium Calepini.
312. 73. S. Athanasij Magni, archiep*isco*pi Alexandriae, opera. ||
(л. 11 об.) 313. 74. S. Epiphanij, [episcopi Constantiae Cypri], opera.
314. 75. S. Epiphanij operum omnium tomus II [1]).
315. 76. Didacus Ruiz Soc. Jesu de praedestinatione reprob. h*omi*num et angelorum.
316. 77. D. Thomae Aquinatis enarrationes in 4 Evangelia.
317. 78. Socratis et Sozomeni historia ecclesiastica.
318. 79. Demosthenis et Aeschinis orat. opera.
319. 80. Eusebij Pamphili historia ecclesiastica.
320. 81. Tertulliani Omniloquium, thomus II.
321. 82. Plutarchi libri morales, historici, phisici, metaphisyci.
322. 83. Catena graecorum patrum in beatum Job.
323. 84. Dionis Cassij Romanae historiae.
324. 85. Martini Chemnitij loci theologici, in 5 thomos divisi.
325. 86. Tertulliani Omniloquium, thomus 3-tius.
326. 87. B. Thomae Summae theolog. pars 3-tia.
327. 88. De Lugo Disputationes scholasticae de incarnatione.
328. 89. Gregorij Nazianzeni carmina et orationes.
329. 90. Полууставъ, Ев*анге*лie страстное, Kazania dwoie pogrzebne.

[1]) Ср. въ реестрѣ Θеодос. Янковскаго: S. patris Epiphanij Kiprski tomus 1-mus (F⁰. 15).—S. patris Epiphanij Cypri tomus 2-dus. (F⁰. 16).

330. 91. Cantacuzenus in Canticum canticorum.
331. 92. Concordantiae bibliorum sacrorum emendatae.
332. 93. О нѣкоторыхъ государствахъ древныхъ, руской печаты.
333. 94. Жезлъ.
334. 95. Зерцало.
335. 96. Алфавитъ, риѳмами сложеный.
336. 97. Уставленїя царская писанна.
337. 98. Reguły s. Bazylego [Theophila Rutki?]
338. 99. Два панегирики, приписаные Великому монарсѣ [Ѳеофана Прокоповича] [1]).
339. 100. Торжественная врата.
340. 101. Врата торжественная Каллисту, архиепископу Тверскому.
341. 102. Navis spei publicae [2]). ||

(л. 12) *Libri minores quantitate folio, vulgo in 4-to.*

342. 1. Encyclopaedia de omni scibili.
343. 2. Adami Osiandri Collegium theol. systematicum.
344. 3. Propheta Daniel.
345. 4. Festivale Sebastiani Henrici Penzingeri.
346. 5. Conciones Abrahami Bzovij.
347. 6. Joannis Xrisosthomi opera, thomus 2-dus.
348. 7. Conciones Bessaej.
349. 8. Conciones funebres.
350. 9. Jana z Turekrematu, kardynała, na s. Benedykta wykład.

---

[1]) Ср. у Ѳеодос. Янковскаго въ „Реэстрѣ разнаго имянования книгамъ маловажнымъ, имѣющимся въ связкахъ": Панигирикосъ о преславной надъ войсками свѣйскими побѣдѣ, Петру Первому, Всероссийскому монарсѣ, Богомъ данной (F⁰. 7).

[2]) У Янковскаго въ „Реэстрѣ книгамъ маловажнымъ"; Navis spei publicae, thaeologicis virtutibus ditata (F⁰. 2).

351. 10. Tertullianus praedicans, tomus 1-mus.
352. 11. Waleryana Gutowskiego kazania.
353. 12. Pateryk pieczarski [Sylwestra Kossowa] z cudami ss. oycow pieczarskich [Athanasiusza Kalnofoyskiego].
354. 13. Kazania Stryiewskiego na swięta uroczyste.
355. 14. Tertullianus praedicans, tomus 2-dus.
356. 15. Lutnia Apollinowa [Łazarza Baranowicza].
357. 16. Tertullianus praedicans, tomus 5-tus.
358. 17. Physica manuscripta.
359. 18. Nucleus Coppensteinij aureus.
360. 19. Controversia x. Adriana Bratkowica.
361. 20. Philosophia academiae Gedanensis.
362. 21. Opus controversiarum inter epi*sco*pos regulares et laicos.
363. 22. Chrysosthomus in Evangelium Joannis et Acta apo*sto*lorum.
364. 23. Tractatus theologicus de interpretatione sacrarum scriptur.
365. 24. Petrus Arcudius de purgatorio [1]).
366. 25. Relacye powszechne Jana Botera Benesiusza.
367. 26. Chrysosthomi opera, thomus 5-tus: de sacerdotio et reliquis.
368. 27. Juglaris elogia in Christi miracula.
369. 28. Acta colloquij montis Belligartensis. ||
(л. 12 об.) 370. 29. In Leviticum explanatio moralis.
371. 30. Cnapius manuscriptus [2]).
372. 31. De veritate religionis christianae amica collatio cum judaeo erudito.

---

[1]) Въ рукописи Arcadius; ср. реестръ Ѳеодос. Янковскаго, гдѣ Arcudius (Q⁰. 33).

[2]) Въ реестрѣ Янковскаго: Cnapius latino-rutenicus scriptus Q⁰. 110). Ср. тамъ же: Cnapius parvus (Q⁰. 149).

373. 32. Graeciae orthodoxae de processione Spir. S. et alijs thom. 1.
374. 33. Homiliae catholicae Joannis de Carthagena, tom. 2-dus.
375. 34. Tertullianus praedicans, tom. 6-tus.
376. 35. Nowa miara starey wiary, wymierzenie władzy s. Piotra y papieżow rzymskich [Łazarza Baranowicza].
377. 36. Item Nowa miara starey wiary.
378. 37. De fide et monarchia pontificis.
379. 38. Allatius de Orientali et Occidentali Ecclesia.
380. 39. Dubia vexata Augusti Pfeifferi de locis sacris, tabernaculo etc.
381. 40. Chrysosthomi opera, tomus 4-tus.
382. 41. Flores exemplorum [Antonij Dauroultij?]
383. 42. Chrysosthomi opera in Genesim et psalmos.
384. 43. In librum Jobi commentarius.
385. 44. Controversiae theologicae inter Thomam et Scotum.
386. 45. De Christo, ut Deo, contra arianos.
387. 46. S. Procli analecta.
388. 47. Joannis Cinnami et Comnenorum historae Constantinopol.
389. 48. Orationes academicae.
390. 49. Refutatio pseudo-christianae cathechesis.
391. 50. Logica manuscripta.
392. 51. Florentinae synodi thomus 2-dus.
393. 52. Tabula chronologica, continens seriem annorum mundi.
394. 53. Devises et emblemes curieses.
395. 54. Chronologia Marcelli.
396. 55. Nowa miara starey wiary [Łaz. Baranowicza].
397. 56. Apophtegmata philosophorum polskie [Bieniasza Budnego].
398. 57. O rożnych haerezyach per alphabetum [Joannicyusza Galatowskiego]. ||

(л. 13) 399. 58. Stary Kościoł, od oyca Galatowskiego napisany.

400. 59. Fraszki wierszami [Jana Kochanowskiego?]

401. 60. Scripta Isocratis.

402. 61. [Sebastianus a Matre Dei]. Firmamentum symbolicum, in quo Deiparae elogia.

403. 62. Goliat Rutki [1]) Soc. Jesu.

404. 63. Tertullianus praedicans, tomus 3-tius.

405. 64. Herby, lubo znaki Kościoła Rżymskiego [Theophila Rutki].

406. 65. Firmamentum symbolicum manuscriptum.

407. 66. Fundamenta lacinnikow [Joannic. Galatowskiego].

408. 67. Budynek Chrystusow, s. Kościoł Rżymski, [Theopila Rutki].

409. 68. Goliath Rutki Soc. Jesu.

410. 69. О хиротоніи и о сакраментахъ.

411. 70. Chorągiew zgody y pokoiu [Theophila Rutki].

412. 71. Hiacinthi Lucerna de veritate et mendacio.

413. 72. [Jan Stef. Pisarski] Mowca polski.

414. 73. Tribunal Cic^{h}ovij.

415. 74. Tractatus in 8 libros phisicorum Arist. manuscriptus.

416. 75. Tractatus theologicus manuscriptus de Deo et homine etc.

417. 76. Tractatus de fide, spe manuscriptus.

418. 77. Allatius de templis graecorum.

419. 78. Alkoran Machometow [Joannic. Galatowskiego?].

420. 79. Anonymus polski Nayswiętszey Pannie na chwałę.

421. 80. Elogia in Josaphat [2]).

422. 81. Agonium philosophicum, propria manu scriptum illustrissimi metropolitae.

---

[1]) Въ рукописи: Rutka.

[2]) Ср. въ реестрѣ Ѳеодос. Янковскаго: Icones symboli vitae et mortis Josaphat (Q^{o}. 131).

423. 82. Liber controversiarum, manuscrip. ab illust. metropolita.

424. 83. О предопредѣленіи, предуставленіи scripta, simul et responsio ad tractatum apophasim orthodoxam, ibidem paragraphus de virtute productiva et actione spirativa.

425. 84. Zbierane rżeczy.

426. 85. Quaestiones manuscriptae, nieoprawne.

427. 86. Notata rożne y regestr materij na kazania, писаные по руску. ||

(л. 13 об.) 428. 87. Drzewka y ziołka.

429. 88. Слово бл*а*годарственное Г*оспо*ду Б*о*гу отъ св*я*тѣйшаго кvрь патріарха Іоакима московскаго.

430. 89. Соборное дѣяніе на еретика арменина мниха Мартина.

431. 90. Списокъ архимандрита Варсонофія съ подлиннымъ свидѣтелствомъ о гробницѣ кн*я*гини Анны.

432. 91. Мессіа правдивый, Іи*с*усъ Х*ристос*ъ, с*ы*нъ Б*о*жій [Іоанникія Галятовскаго].

433. 92. Скрижаль с*вя*тѣйшаго патріарха Никона.

434. 93. С*вя*тѣйшаго патріар*ха* Іоакима утвержденіе въ вѣрѣ.

435. 94. Рѣчь, какъ подасть посланіе.

436. 95. Введеніе краткое во всякую исторію по чину историческому.

437. 96. Поученіе о бл*а*говѣйномъ стояніи въ храмѣ Б*о*жіи.

438. 97. О с*вя*щенствѣ с*вя*т. Іоанна Златоустаго.

439. 98. Summa praedicantium per alphabetum Bromiardi dominicani.

440. 99. Акафистъ стр*а*стемъ Х*ристо*вымъ и канонъ Параклиту.

441. 100. На обидящихъ Церковь Божію.
442. 101. О ангелскомъ паденіи.
443. 102. Послѣдованіе молебнаго пѣнія во время брани.
444. 103. Возобличеніе на лютерскій катехисмъ.
445. 104. Рожнецъ духовный [Пафнутія Олисова].
446. 105. Политиколѣпная ΑΠΟΘΕΩΣΗΣ [Іосифа Туробойскаго?]
447. 106. De transsubstantiatione eucharistica dialogismus [1]).
448. 107. Обявленіе о сложеніи перстовъ.
449. 108. Tertullianus praedicans, thomus 4-tus.
450. 109. Требникъ.
451. 110. Возглашеніе увѣщателное на расколниковъ святѣйшаго патріарха Іоакима.
452. 111. Свят. Іоанна Златоустаго слово о лжепророкахъ и ложныхъ учителѣхъ. ||
(л. 14) 453. 112. Kazania Załuskiego.
454. 113. Baeza in Evangelia.
455. 114. Triumphus christianus.
456. 115. Руно орошенное [Димитрія Ростовскаго].
457. 116. Поученія аввы Дороѳея.
458. 117. Виноградъ Христовъ [Стефана Яворскаго], книгъ числомъ 12.
459. 118. О должности всякаго вѣрна суща въ защищеніи святыя Церкве противу еретиковъ.
460. 119. Синаксарь на вѣкопомное прославленіе.
461. 120. Чинъ архіерейскаго дѣйствія.
462. 121. Apophasis.
463. 122. Donati Roma vetus ac recens, sed non in toto. ||

---

[1]) Въ реестрѣ Ѳеодос. Янковскаго добавлено: rutenicus manu scriptus (Q⁰. 129).

(л. 14 об.) *Libri in 8-vo, simul et parvae quantitatis libelli.*

464. 1. Apophtegmata per Erasmum Roterod.
465. 2. Truncus informis manuscriptus illustrissimi metrop.
466. 3. Conciones in praecipua festa.
467. 4. [Josephi Langij] Anthologia, sive florilėgium rerum et materiarum [1]).
468. 5. Augustinus in psalmos, incipiendo a 80.
469. 6. Theophilacti, archiep*isco*pi Bulgariae, in 4 Evang. enarrationes.
470. 7. Bellarminus de pontifice Romano.
471. 8. Platelius de incarnatione et sacramentis.
472. 9. Francisci de matrimonio non ineundo cum his, qui extra Ecclesiam sunt [2]).
473. 10. Ludovici Abellij Medullae theologicae pars 2-da.
474. 11. Allatij de utriusque Ecclesiae consensione.
475. 12. Nicephori Callisti historiae ecclesiasticae.
476. 13. Commentaria in Leviticum Isychij.
477. 14. Naturalis scientia Danielis [Sennerti].
478. 15. Gormaz de paenitentia.
479. 16. Scoti, subtilis doctoris, pars theologiae de Deo.
480. 17. De paenitentia autore Gormaz Soc. Jesu.
481. 18. Allatius de aetate et interst*iti*js ordinum.
482. 19. Controversia Masenij cum cominist*is*.
483. 20. Gennadij patriarchae syn. Floren. defensio.
484. 21. Medulla theologica ex sacris scripturis.
485. 22. Allatius de processione Spiritus S.
486. 23. Platelius de Deo, angelis, bea*titud*ine.

---

[1]) Ср. у Θеодос. Янковскаго: A*n*thologia, sive florilegium Josephi Langij (О⁰. 64).

[2]) Ср. у Θеодос. Янковскаго: Francisci Duysseldorpij de matrimonio (О⁰. 9).

487. 24. Platelius de fide, spe, charitate, iure et iustitia.
488. 25. De primatu papae. ||
(л. 15) 489. 26. Velleij Paterculi historiae Romanae.
490. 27. D. Thomae Aquinatis compendium totius Summae theologiae.
491. 28. Casista, resolvens omnia peccata mentis, oris, operis in confiteor tibi, Pater.
492. 29. Polygrani Enarrationes in Evangelia.
493. 30. Historiae Livij thomus 2-dus [1]).
494. 31. Abrahami [Sculteti] idea concionum d*omi*nicalium [2]).
495. 32. De praecipuis Germaniae urbibus pene ducentis.
496. 33. Logica Thomistarum.
497. 34. Sermones morales pro dominicis.
498. 35. Pandectae locorum communium.
499. 36. Liber medicus Leonhardi Fuchsij.
500. 37. Clementis Timpleri Metaphisicae systema methodicum.
501. 38. Aesopi vita et fabulae.
502. 39. Diogenis [Laertij] de vita et moribus philosophorum.
503. 40. Ludovici [Septalij], medici Mediolanensis, libri 7 [3]).
504. 41. Petrus Bessaeus, praedicator nobilissimus.
505. 42. Justiniani historia.
506. 43. Dialectica.
507. 44. Haereticum *quare* per catholicum *quia*.
508. 45. Casuum conscientiae et quaestionum decisiones ex sacra scriptura.
509. 46. Ethicae doctrinae d. Pauli Abeitzen libri 9.
510. 47. Petri Andreae medici de admirandis vini virtutibus libri 3.
511. 48. Triennium philosophicum Semery.
512. 49. Semery philosoph. tomi 3.

[1]) У Θеодос. Янковскаго: T. Livij Patavini edi*ti*o novissima (О⁰. 14).
[2]) У Θеодос. Янковскаго: Abraami Sculteti idaea (О⁰. 73).
[3]) У Θеодос. Янковскаго: Ludovici Septalij libri 7 (О⁰. 16).

513. 50. Semery philosoph. secunda editio.
514. 51. Conciones in totum annum Didaci.
515. 52. Obraz wiecznosci oyca Hieremiasza Drexelliusza. ||
(л. 15 об.) 516. 53. Consolatio desperatorum, filius prodigus, a patre susceptus, [auctore Philippo Boskhiero].
517. 54. Anonymus de statu Ecclesiae et religionis in regno Persico.
518. 55. Perpiniani Valentini orationes..
519. 56. Historiae Deiparae.
520. 57. Magia naturalis.
521. 58. Memoriale biblicum.
522. 59. Barclavij Argenis.
523. 60. De trinitate, aliena lingua et latine.
524. 61. Modi concionandi p. Kojalowicz.
525. 62. Symbola amoris.
526. 63. Conciones Didaci pro dominicis [1]).
527. 64. Breviarium romanum.
528. 65. [Gilbert Primerosius] Tuba sionica, exhortatio ad paenitentiam.
529. 66. Medicamentorum euporiston.
530. 67. Kalvaria, albo Nowe Jeruzalem, [Franc. Dzielowskiego].
531. 68. Senecae philosophi de rebus naturalibus et epistolae.
532. 69. Libellus de omni scibili.
533. 70. Tragediae Sophoclis.
534. 71. Epitomae institutionum medicinae.
535. 72. Cathechismus lutheranorum.
536. 73. Piae animae desideria versibus et symbolis [Hermanni Hugonis?]
537. 74. Justi Lipsij politicorum, sive doctrinae civilis, libri 6.
538. 75. Arnoldi Corvini jus canonicum.
539. 76. In conversionem Pauli commentarius.

[1]) Въ реестрѣ Ѳеодосія Янковскаго: Conciones Didaci franciscani pro d*omi*nicis (O°. 94).

540. 77. Evangelia et lectiones pro dominicis et festis.
541. 78. Sol mysticus Maria [Maximil. Sandaei].
542. 79. Praxis exercitij spiritualis.
543. 80. Homerus poeta [1]).
544. 81. De conversatione civili.
545. 82. Confessiones Augustini. ||
(л. 16) 546. 83. Gemmeum monile de passione Christi.
547. 84. Symbola politica Savedrae.
548. 85. Libellus medicus.
549. 86. Manus religiosorum.
550. 87. Aphorismi confessariorum.
551. 88. De frequenti communione.
552. 89. Medulla theologica, editio 3-tia.
553. 90. Brevis instructio pro concionatoribus.
554. 91. Busenbaum Casista.
555. 92. Quaestiones philosophicae in antiquissima universitate Viennensi.
556. 93. Conciones in magnificat.
557. 94. Theologiae Aquinaticae prima 2-dae.
558. 95. Explanatio in Psalterium et dialogus Athanasij [Alexandrini].
559. 96. Pius libellus.
560. 97. Nowy testament polski.
561. 98. Cathechismus.
562. 99. Phaenix rhetorum [autore Joanne Kwiatkiewicz S. J.].
563. 100. Theses philosophicae.
564. 101. [Michał Nau] O pochodzeniu Ducha Swiętego.
565. 102. Quaestiunculae controversae.
566. 103. Fasciculus sententiarum.
567. 104. Index concionum Drexelij.
568. 105. Palaestra.

[1]) Въ реестрѣ Θеодос. Янковскаго: Homeri Odyssaeae libri 24 (O⁰. 123).

569. 106. Epigrammata in es (?).
570. 107. Examen ordinandorum.
571. 108. Summa conciliorum Carranzae.
572. 109. Horologium asceticum.
573. 110. Przygotowanie na smierć.
574. 111. Claudianus. ||
(л. **16 об.**) 575. 112. Elogia ingeniosissima totius lineae X*ris*ti.
576. 113. Institutiones Justiniani imperatoris [1]).
577. 114. De contemptu mundi.
578. 115. Confessiones Augustini.
579. 116. Fasciculus orationum piarum.
580. 117. Supplex libellus wierszami [Joannis Kwiatkiewicz S. J.].
581. 118. Hieremias Drexelius.
582. 119. Brevis notitia eorum, quae scitu necessaria vel valde utilia sunt confessarijs ad audiendas confessiones.
583. 120. Ad sacrarum literarum studium exhortatio ex sacris literis.
584. 121. Roma triumphans.
585. 122. Theses philosophicae Caroli, ep*isco*pi Olomucensis.
586. 123. [Kar. Kreitz] Odpowiedz na częste owo pytanie: *gdzie to napisano jest?*
587. 124. Mathiae Casimiri Sarbievij Lyricorum libri 4.
588. 125. D. Thomae Quaestiones.
589. 126. Drexelius. Mortis nuntius.
590. 127. Actus interni virtutum r. p. Blasij.
591. 128. Bibliotheca ss. patrum concionatoria.
592. 129. Callisti historiae.
593. 130. Josephi Judaei historiae de antiquitatibus.
594. 131. Eiusdem Josephi historiae.
595. 132. Eiusdem Judaei historiae.
596. 133. Sententia.

[1]) Въ каталогѣ Ѳеодос. Янковскаго: Imperatoris Justiniani institu*ti*onum lib. IV (O⁰. 141).

597. 134. Francisci Costeri de institutione christiana libri quinque. ||

(л. 17) 598. 135. Scriptor ae veritatis concionator.

599. 136. Anatomicum compendium.

600. 137. Ovenus.

601. 138. Democritus ridens.

602. 139. Machiavellus. Utrum licet tyrannis rebellare?

603. 140. Catonis disticha de moribus.

604. 141. Извѣстіе учителное, како долженствуетъ іерей и діяконъ служеніе въ церкви *с*вятой совершати.

605. 142. Катехисмъ руский.

606. 143. ΔΙΟΠΤΡΑ.

607. 144. Требничокъ писаный.

608. 145. Книга о вѣрѣ православной.

609. 146. Отвѣтъ краткій на подметное писмо о рожденіи сихъ временъ антихриста.

(Сборникъ Нѣжинскаго Благовѣщенскаго мон. № 1, лл. 10—17).

V.

„Завѣщаніе послѣднее“. [Москва] 15 ноября 1722 г.

†

(л. 19) Завѣщаніе послѣднее

пречестному отцу Саввѣ, архимандриту монастыря Нѣжинского, да ихъ милостямъ господамъ ктиторамъ того жъ монастыря Благовѣщенского Нѣжинского.

Умираючи, послѣднее воздаю цѣлованіе ихъ милостямъ и прошу чрезъ цѣну неоцѣненную, КРОВЪ Спасителя нашего, за насъ изліянную, дабы мой сей завѣтъ исполняли.

Посылалося часто отъ моихъ келейныхъ доходцовъ денежокъ нескудно, и нынѣ послѣдняя посылка три тисяча и триста рублевъ вручается ктитору, его милости пану Дмитрію Володковскому въ вѣрные руцѣ. А за тыя и прочія денги прошу симъ послѣднымъ завѣщателнымъ прошеніемъ, чтобъ сія вещи въ бытіе произышли.

Первое. Церковъ всю маліованемъ украсити, какъ почали въ олтарѣ.

Второе. Трапезу съ церковію и съ прочіими надлежащими твердо и крѣп[к]о поставити и жестянымъ желѣзомъ покрыти; тамъ же и бібліотеку построити.

Третее. Колоколню съ болшими часами для угодія всему городу построити.

Четвертое. Богодѣлню змуровати.

Пятое. Въ Ветхомъ монастырѣ на погорѣломъ мѣстѣ церковъ каменную не велми великую поставити и жестю покрыти.

Шестое. Дворы греческіе для пространствія монастыря скупити. ||

(**л. 19 об.**) Седмое. Мѣдь ломаная изъ колоколовъ, которая обрѣтается въ Новгородку въ монастырѣ, къ той мѣди прикупить еще да вылити колоколъ къ церкви Благовѣщенской Нѣжинской.

Осмое. Триста рублей отъ сына войтова Петра отыскать: церковные то денги, и утаевать ихъ—клятва.

Сія вся благопромыслителному ихъ милостей къ храму Богородичину призрѣнію и строенію вручаю, не отъ человѣкъ, но отъ Бога мздовоздаянія ожидающимъ. Аще же что противно волѣ и завѣту моему станется, позываю на страшное судище Божіе, и тамо воздадѣмъ отвѣтъ всякъ за своя дѣла.

Смиренный и недостойный митрополитъ
Рязанский Стефанъ архигрѣшникъ.
1722 Ноября 15 [1]).

(Сборникъ Нѣжинскаго Благовѣщенскаго мон. № 1, л. 19—19 об. Автографъ).

---

[1]) На оборотѣ л. 20 современная „Завѣщанію“ помѣта: Завѣтъ преосвященнаго архіерея Рязанского остатней, воля его и повелѣніе, что еще надлежитъ строити и въ Благовѣщенской обители и въ Ветхомъ монастыру Нѣжинскомъ, року 1722 ноевр. 15 присланий.

VI.

Извлеченіе изъ каталога, составленнаго по предписанію Св. Сунода архимандритомъ Саввой Шпаковскимъ въ началѣ 1728 г.

(л. 73) ... Кромѣ церковныхъ и прочихъ маловажныхъ и чуждихъ монастырѣй книжицъ, которіе покойній преосвященный архіерей Рязанскій собственноручнимъ своимъ писаніемъ въ надлежащіе монастыри вѣлѣлъ возвратить, въ сей реестръ вписаны книги всѣ.

І оніе въ реэстрѣ нынѣ книжицы въ бытность мою архімандричою на лице явились, прочіе же книги по смерти покойного преосвященнаго архіерея въ Москвѣ [1]) остались, какъ ниже сего реэстръ явствуетъ, а имянно:

1. Казаня текъ или связий болшихъ и малихъ.
2. Бароніевыхъ двѣ книги.
3. Псалтиръ со возслѣдованіемъ [2]).
4. Апостолъ новій кіевскій. ||

(л. 73 об.) 5. Новій Завѣтъ.

6. Разсужденіе о войнѣ Шведской.
7. Андрея, архіепископа Кессарійскаго, толкованіе.
8. Духовній регламентъ.
9. Псалтиръ и регламентъ вкупѣ.
10. О пришествіи антихриста.
11. Врата триумфалніе.
12. Форма церковному возношенію.
13. Канонъ ко Пресвятому Духу.

---

[1]) Исправлено въ рукописи изъ *в моихъ*; послѣднее чтеніе во всѣхъ извѣстныхъ намъ спискахъ каталога Саввы.

[2]) Въ рукописи: со позслѣдованіемъ.

14. Табель о рангахъ [1]).
15. Связка печатнихъ и писаннихъ книгъ.
16. Беллармінъ о седми словахъ Христовыхъ, о вѣчномъ бла*а*женствѣ, о лѣствицѣ, о образѣ бла*а*женнаго преставленія и проч. } латинскіе
17. Руководство на н*е*бо. } латинскіе
18. Аптечка домовая [2]), полская.
19. Сокращеніе медическое, латинская.
20. Два реестра книгамъ.

(Сборникъ Нѣжинскаго Благовѣщенскаго мон. № 1, л. 73—73 об.).

[1]) Въ рукописи: о рангагъ.

[2]) Исправлено въ рукописи изъ *домашняя*.

VII.

Расписка Стефана Шумскаго въ томъ, что уѣзжая въ Москву „для наученія“, онъ взялъ изъ библіотеки Благовѣщенскаго монастыря 10 книгъ. 16 іюля 1728 г.

По благословенію преподобнѣйшаго его милости господина, господина отца Савы Шпаковского, архимандрити Свято-Благовѣщенского Нѣжинского, а по требованію и прошенію мене, нижей именованного, въ Москву для наученія съ прочиими зъ монастиря Николского Пустинного Киевского высланного по указу Его Імператорскаго Величества, зъ Святѣйшаго Правителствующаго Суноду присланному, взялъ я ко употребленію своему зъ библіотеки того-жъ монастиря Свято-Благовѣщенского Нѣжинского, блаженныя памяти преосвященнымъ митрополитомъ Стефаномъ Яворскимъ въ оный монастирь наданной, книгъ числомъ десять, а именно: Polyantheam in folio, Hortum pastorum, Concordantias in 4-to, Summam theologiae Becani in 8-vo, thomum 1-mum, ejusdem thomum 2-dum, thomum 3-tium, thomum 4-tum, tomum 5-tum, tomum 6-tum et manuscriptam philosophiam in 8-vo. Которие книги своего времени безъ всякаго задержанія въ тую жъ библиотеку Нѣжинскую долженъ буду возвратити и никому инному во употребленіе дати, дабымъ не подпалъ преосвященного митрополити анаѳемѣ и неблагословенію, чего для, болшой ради вѣри и крѣпости, сию далъ росписку и подписалъся. 1728 году мѣсяця юля дня 16.

Іеромонахъ Стефанъ Шумскій.

(Сборникъ Нѣжинскаго Благовѣщенскаго мон. № 1, л. 18).

VIII.

Расписка іеродіакона Мартиніана Лобача въ полученіи 9 книгъ, принадлежащихъ библіотекѣ Кіево-Печерской Лавры. Нѣжинъ. 4 октября 1730 г.

†

На подписѣ вираженній обявляю симъ моимъ писаніемъ кому о томъ вѣдати надлежитъ, а именно преподобнѣйшому его милости господину отцу Савѣ Шпаковскому, архимандритѣ монастира Ниженскаго Благовѣщенскаго, и всей братіи того жъ монастира, ижъ я по приказу его милости отца и пастира нашого Романа, Кѵево-Печерской Лаври архимандрита, одобралъ книгъ отъ того жъ вишъ вираженнаго архимандрита Ниженскаго, собственною рукою блаженной памяти преосвященнаго Резанского Стефана Яворского реестровнѣ описаннихъ, седмъ книгъ: 1 Joannis de Carthagina, 2 Cornelij a Lapide in Evangelia, 3 Lux evangelica, 4 Promontorium malae spei, 5 Homiliae catholicae, 6 Flores exemplorum, 7 Biblia ruthenica. Кромѣ же реестра того жъ преосвященнаго Резанского, книгъ двѣ: 1 Gwiazda morska, 2 Controversiae theologicae inter Scotum et Thomam, означеннихъ писаніемъ библіотецѣ Лаври Кѵево-Печерскои и надлежащихъ, и на тое розписуюся.

Въ Нѣжинѣ дня 4-таго 8-бря мѣсяця 1730 году.

Іерод. Мартиніанъ Лобачъ, п. п., трр.

Вишше писаннихъ книгъ одобранію присудствующій подписуюся. Іерод. Гедеонъ Онишкевичъ, п. печер., трр.

(Сборникъ Нѣжинскаго Благовѣщенскаго мон. № 1, л. 39).

IX.

Копія указа Св. Правительствующаго Сунода о передачѣ библіотеки Стефана Яворскаго въ Харьковскій Училищный монастырь. 6 октября 1731 г.

(л. 37) Копія.

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійскія изъ Святѣйшаго Правителствующаго Сунода преосвященному Рафаилу, архіепископу Кіевскому и Галицкому.

№ 1684. Сего 1731 года сентября 15 дня Святѣйшему Правителствующему Суноду сунодалной членъ, преосвященній Ѳеофанъ, архіепископъ Великонѣвоградскій і Великолуцкій, предлагалъ словесно: того жъ де сентября 10 числа Всепресвѣтлѣйшая Велікая Государыня Імператрица АННА ІОАННОВНА, Самодержица Всероссійская, въ присутствіе свое въ новопостроенномъ Аннинъ-гофѣ имяннимъ своего Імператорскаго Величества указомъ повелѣла книги, по преосвященномъ Стефанну, митрополитѣ бывшемъ Рязанскомъ, оставшія, которыя нынѣ обрѣтаются въ Нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ, отдать по прошенію преосвященного Досіфея, архіепископа Бѣлоградскаго, въ Училищной монастырь Харковскій.

И Святѣйшій Правителствующій Сунодъ во исполненіе онаго Ея Імператорскаго Величества имяннаго указу приказали о вышеупомяненныхъ, оставшихся по преосвященномъ Стефанѣ, митрополитѣ бывшемъ Рязанскомъ, книгахъ, которые нынѣ имѣются въ Нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ, въ сунодалной канцеляріи учинить надлежащая писменная справка, что о тѣхъ книгахъ имѣется лі каковое

извѣстіе, и буде имѣется, то оное предложить къ сѵнодалному разсмотренію въ самой скорости, а ежелі, паче чаянія, никакова о тѣхъ кнігахъ извѣстія не имѣется, и о томъ Свя-тѣйшему Правителствующему Сѵноду доложить неукоснително.

И по оному Свя-тѣйшаго Правителствующаго Сѵнода опредѣленію въ сѵнодалной канцеляріи по справкѣ значится: Въ прошломъ 728-мъ году февраля 16 дня || (л. 37 об.) по состоявшемуся Свя-тѣйшаго Правителствующаго Сѵнода опредѣленію, а по доношенію Московской тѵпографіи послан Бла-говѣщенского монастыря къ настоятелю съ братіею указъ, по которому велѣно подлинной кнігі Камень вѣры орігіналъ, рукою преосвященнаго Стефана митрополита поправленой, и обрѣтающымся въ тамошней бібліотекѣ, оставшымъ послѣ его преосвященства всякаго званія книгамъ и тетратемъ для надлежащаго въ Свя-тѣйшемъ Сѵнодѣ вѣдѣнія учиня опись, изъ помянутаго Нѣжинского Бла-говѣщенского монастыря прислать въ Свя-тѣйшій Сѵнодъ съ нарочно посланнимъ въ самой крайнѣй скорости, безъ всякаго замедленія.

И по силѣ того указу упомяненного Нѣжинского Бла-говѣщенскаго монастыря архимандритъ Савва з братіею при доношеніи своемъ въ Свя-тѣйшій Сѵнодъ прислали того жъ 728 года маія 20 дня изъ того монастыря съ нарочно присланнымъ означенной кнігы Камень вѣры орігіналъ и при томъ оставшымъ по преосвященномъ Стефанѣ, митрополитѣ бывшемъ Рязанскомъ, обрѣтающимся въ томъ Нѣжинскомъ монастирѣ въ бібліотекѣ на латинскомъ разнаго званія иностраннымъ кнігамъ каталогъ, также при томъ малаго числа россійскимъ реэстръ. И со онаго латинскаго каталога въ Свя-тѣйшемъ Сѵнодѣ переводъ учиненъ и разсмотриванъ, по которому явились разнаго имянованія латинскіе, полскіе и рускіе книги.

И того жъ сентября 29 дня по Ея Императорскаго Величества указу и по опредѣленію Свѧтѣйшаго Правительствующаго Сѵнода велѣно оныя, означенныя въ переводѣ съ присланного каталога, оставшіяся || (л. 38) послѣ бывшаго преосвѧщеннаго Стефана, митрополіта Рязанского, имѣющіяся въ помянутомъ Нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ разнаго имянованія латинскіе, полскіе и рускіе книги по силѣ вишеупомяненного, состоявшагося и того жъ сентября 15 дня обявленнаго въ Свѧтѣйшемъ Правительствующемъ Сѵнодѣ імянного ЕЯ Императорскаго Величества указу отдать по прошенію преосвѧщеннаго Досіѳея, архіепископа Бѣлоградскаго, епархіи его преосвѧщенства въ Харковскій Училищной монастырь присланному отъ того преосвѧщенного архіепископа для пріиму тѣхъ книгъ повѣренному съ писменнымъ за рукою его архіерейскою свидѣтелствомъ, съ росписко̀ю, и объ отдаче ихъ къ вашему преосвѧщенству, понеже оной Нѣжинской Благовѣщенской монастырь въ епархіи вашего преосвѧщенства состоитъ, а о принятіи и о запискѣ во ономъ Училищномъ Харковскомъ монастырѣ тѣхъ книгъ въ монастырскіе книги по обыкновенію безъ упущенія и ко оному преосвѧщенному Досіѳею, архіепископу Бѣлоградскому и Обоянскому, изъ Свѧтѣйшаго Правителствующаго Сѵнода послать указы, [о чемъ сей къ вашему преосвѧщенству и посилается] [1]), при которыхъ и съ выше упомяненнаго о тѣхъ книг[ах]ъ перевода для надлѣжащаго извѣстія приобщить точныя копіи, которая при семъ и приобщена, а что и когда вашимъ преосвѧщенствомъ учинено будетъ, о томъ въ Свѧтѣйшій Правителствующій Сѵнодъ прислать писменныя репорты немедлено, безъ упущенія.

---

[1]) Скобки въ рукописи.

И преос*вя*щенному Рафаилу, архіеп*иско*пу Кіевскому || (**л. 38 об.**) и Галицкому, о вышеписанномъ вѣдать и учинить по сему Ея Імператорскаго Величества указу. А къ преос*вя*щенному Досіеею, архіеп*иско*пу Бѣлоградскому и Обоянскому, о томъ же изъ С*вя*тѣйшаго Правителствующаго Сѵнода съ приобщенною о онихъ книгахъ съ перевода копіею указъ посланъ.

Секретарь Михайло Дудинъ.
Секретарь Петръ Анѳимовъ.
Канцелярістъ Міхаилъ Бѣляевъ.

Октября 6-го дня
1731 года.

Іеродіяконъ Антоній Силичъ, канцеллярістъ архіеп*иско*піи Кѵевской, слѣдовалъ съ подлиннимъ и подписалъся [1]).

(Сборникъ Нѣжинскаго Благовѣщенскаго мон. № 1, л.л. 37—38 об.).

---

1) На подлинномъ указѣ, хранящемся въ архивѣ Кіевской Духовной Консисторіи (см. Указную книгу 1726—1731 г.г.), сдѣлана слѣдующая помѣта: Сей указъ Ея Імператорскаго Величества изъ С*вя*тѣйшаго Правителствующаго Сѵнода съ присообщеннимъ реестромъ о видаче книгъ изъ Нѣжинского Бл*а*говѣщенского мон*а*ст*ы*ря, по покойному преос*вя*щенному митрополиту Рязанскому Стефану Яворскому въ тотъ Нѣжинскій м*о*настырь наданныхъ и тестаментомъ утвержденныхъ, въ Харковское коллегіумъ въ катедру Кіевскую привезъ архидіяконъ Бѣлоградскій Ѳеодосій 1731 года декемврія 20 дня.

X.

Представленіе архіеп. Рафаила [Заборовскаго] Св. Сѵноду о передачѣ библіотеки Яворскаго въ Кіево-Могилянскій коллегіумъ. Кіевъ. 17 декабря 1731 г.

Свѧтѣйшему Правителствующему Сѵноду

Доношеніе.

Преосвѧщенній блаженнія памѧты мѵтрополитъ Рязанскій и Муромскій Стеѳанъ Яворскій въ городѣ Нѣжинѣ построилъ своимъ иждивеніемъ монастыръ для содержанія монаховъ, до котораго монастыря Благовѣщенского онъ жѳ, покойній преосвѧщенній Стеѳанъ, немалое число книгъ латинскихъ и славенскихъ, потребныхъ Церкви свѧтой, прислалъ, намѣриваючи, подобно, школы для греко-латинского ученія устроити; по которому его преосвѧщенства намѣренію за пресѣченіемъ живота его-жъ не собылося, и тѣ всѣ книгы латинскіе и славенскіе въ церквѣ, въ бочкахъ сохраненніе, напрасно лежать и портятся; съ которихъ книгъ никакой ползы въ томъ монастырѣ Благовѣщенскомъ не имѣеться, и никакого себѣ пожитку монахи простаки тамошніе Нѣжинскіе съ тѣхъ книгъ не пріемлють, а коллегіумъ Кіевское, въ книгахъ потребнихъ очинь будучи скудное, всячески требуеть показаннихъ книгъ такъ для учителей, якъ и для учениковъ на ползу Церкви свѧтой и общаго добра учащихся.

Того рады вашего Свѧтѣйшаго Правителствующаго Сѵнода съ нижайшимъ моимъ молю прошеніемъ, да повелитъ ваше Свѧтѣйшество милостивѣйшимъ своимъ указомъ книгы съ Нѣжинского Благовѣщенского монастыря, всуе тамъ ле-

жачіе и ни къ чему не употребляеміе, въ коллегіумъ Кіевское взять для содержанія общей ползы; которого повелителного указа отъ Вашего Свя*т*ѣйшества о переносѣ книгъ съ Нѣжина въ коллегіумъ Кіево-Могилеанское всепокорнѣйше ожидаю

Свя*т*ѣйшаго Правителствующаго Сунода
нижайшій послушникъ
Рафаилъ, архіепископъ Кіевскій.

1731 года декемвріа 17-го
Кіевъ [1]).

(Дѣло Архива Святѣйшаго Правител. Сунода 1732 г. № 21 (368), л. 1).

[1]) Вверху, надъ текстомъ „Доношенія“ канцелярская справка: № 100. Подано 1732 года генваря 10 дня. Записавъ въ книгу, сообщить и повытью доложить.

XI.

Расписка іеромонаха Гедеона [Онишкевича] въ полученіи 2 книгъ, принадлежащихъ Кіево-Печерской Лаврѣ. 29 декабря 1731 г.

†

Regestr ksiąg pieczarskich, ktore maią bydź odebrane w Nizynskim monasterzu.

1. Zywoty swiętych in folio.
2. Conciones Maximiliani Sandei de morte in 4-to.
3. Prawdziwa wiara stara.
4. Summa de exemplis et rerum similitudinibus in 8-vo.
5. Aquae vitae de fontibus Salvatoris in 8-vo.

Z tych przyiałem Zywoty swiętych in folio, drugą xięgę Summam de exemplis et rerum similitudinibus.

Die 29 X-bris 1731 a*nno*.

Іеромонахъ Гедеонъ,
городничій Лосиновскій трр.

(Сборникъ Нѣжинскаго Благовѣщенскаго мон. № 1, л. 55).

XII.

Извлеченіе изъ реестра, составленнаго архидіакономъ Ѳеодосіемъ Янковскимъ при отобраніи книгъ Яворскаго отъ Благовѣщенскаго монастыря 5 января 1732 г.

(л. 25) [Книги,] которые не явились, и подъ какимъ по сѵнодалному каталогу нумеромъ и какия имянно [1]).

Libri in folio.

Sub №:

6. Cornelius a Lapide in Evangelia 6
42. Carthagena de mysterijs B*eatissi*mae 30
85. Hystoriae biblicae, iconibus illustratae 62
86. Hystoriae evangelicae imagines 63
65. Żywoty swiętych 49

In 2-do.

249. D. Thomae Aquinatis Summae thaeologiae pars 1-ma 10
260. Disputa*ti*ones scholasticae et morales de Lugo . 20
341. Navis spei publicae . . . . . 87 ||

(л. 28 об.) *In 4-to.*

95. Lux evangelica p. Engelgrave [2]) . . . inter in folio 70
102. Flores ex*em*plorum p. Antonij Dauroultij [3]) . . . 7
108. Promo[n]torium malae spei impijs, periculose navigantibus 12

---

[1]) Въ первой, лѣвой колоннѣ—общая нумерація каталоговъ библіотеки Яворскаго (дополнена издателемъ). Справа—указанные Янковскимъ нумера каталога Саввы Шпаковскаго 1728 г.

[2]) Въ рукописи: Engengrave.

[3]) Въ рукописи: Dauroultis.

Sub №:

124. Gwiazda morska, s. kazania swiąteczne 26
131. Bibliorum sacrorum concordantiae morales . . . 32
142. Kazań czternaście pogrzebowych od rożnych awtorow 43

In 2-do *numero*.

342. Encyclopaedia de *omni* scibili 1
359. Nucleus Coppensteinij [1]) aureus 18
385. Controversiae thaeologicae inter Thomum et Scotum 44
394. Devises et emblemes curieses 53
400. Fraszki wierszami . . . . . 59 ||
(л. 29) 423. Liber contraversiarum manu scriptus . . 79
462. Apophasis 91

(л. 31 об.) *Libri in 8-vo, inter quos et libelli parvae ac parvullimae quantitatis.*

164. Summa de ex*em*plis et rerum similitudinibus . . 6
192. Oedipus, oenigmaticum Aristotelis spingen soluturus 34
195. Cordis, Deo sacri, affectiones 36
201. Apteczka domowa 39
202. Compendium medicum 40

In 2-do.

556. Conciones in magnificat 93
590. Actus interni virtutum r. p. Blassij 127
598. Scriptor ac veritus concionator 134

Parvae quantit*at*is.

206. Deliciarum gentis h*uma*nae pars 2 4
208. Bellarmini libri de 7 ve*r*bis X*rist*i in cruce, scala, i*te*m de aeterna felicit*at*e, de bona morte etc. . 6

1) Въ рукописи: Conspenteinij.

Sub №:

210. De contemnendis [1]) mundi vanitatibus authore Stella 8
211. Fasti Mariani cum divorum elogijs 9
214. Diarium ss. tom. 2-dus . . . . . 12 ||
(л. 32) 224. Aristoteles, ex [2]) euripp[o eme]rsus. . . . 22
238. Bellarminus de 7 verbis in cruce et reliquis . . 36
239. Manuductio ad caelum 37

(Сборникъ Нѣжинскаго Благовѣщенскаго мон. № 1, лл. 25, 28 об.—29, 31 об.—32).

[1]) Въ рукописи: continendis.

[2]) Въ рукописи: in.

XIII.

Доношеніе Досиѳея, архіепископа Бѣлгородскаго, Св. Сѵноду о томъ, что библіотека Яворскаго передана въ Харьковскій Училищный монастырь. 24 февраля 1732 г.

Свя*т*ѣйшему Правителствующему Сѵноду

Доношение.

Прошедшаго октября 8 дня 1731 году по присланному Ея Імператорского Величества указу отъ Вашего Свя*т*ѣйшества велѣно імяннымъ Ея Імператорского Величества указомъ по прошению моему, всенижайшего богомолца вашего, содержащияся въ Ниженскомъ Бла*г*овѣщенском*ъ* мона*с*ты*р*ѣ бывшего преосвя*щ*енного Стеѳана, митрополита Рязанского, по предложенной при томъ указѣ копіи кни*г*и латынския, полския і руския отдать исъ того мона*с*ты*р*я епархіи моей въ Харковской Училищной мона*с*ты*р*ь посланному отъ меня повѣренному съ росписк*ою*.

І по тому Ея Імператорского Величества указу во оной Ниженской Благовѣщенской мона*с*ты*р*ь для принятия оныхъ кни*г*ъ посланъ былъ дому моего иеродиаконъ Ѳеодосіі Явковски.

Изъ оного Благовѣщенского монастыря архимандритъ Сава Шпаковской съ братиею тому посланному іеродиакону Ѳеодосию по предложенной при указѣ копіі оные кни*г*и отдали съ росписк*ою*, а каковыхъ кни*г*ъ не явилось, тому предлагается при семъ доношени реэстръ.

Которые книги латынскія, полскія і рускія по принятіі отданы въ Харковской Училищной монастырь ректору ігумену Митрофану Слатвѣнскому да преѳекту іеромонаху Иларіону Григоровичю съ росписко̀ю, о чемъ Вашему Святѣйшеству благопочтенно и репортую.

Вашего Святѣйшества всенижайши богомолецъ
Досиѳей, архіепископъ Бѣлоградскій.

Ѳевраля 24 дня 1732 году [1]).

(Дѣло Архива Святѣйшаго Правител. Сѵнода 1723 г. № 37 (253), л. 33).

[1]) Вверху канцелярская помѣта: „№ 436. Подано 1732 года марта 21 дня. Записавъ въ книгу, сообщить къ отпуску и по реэстру доложить.

XIV.

Ходатайство архимандрита Германа [Барутовича] о возвращеніи денегъ и книгъ Яворскаго въ Благовѣщенскій монастырь. Сентябрь 1746 г.

(л. 60) Великому Господину, ясне въ Богу преосвященнѣйшему кѵръ Рафаилу Заборовскому, архіепископу, митрополиту Кіевскому, Галицкому и Малыя Россіи,

Доношеніе.

Понеже съ прибытія моего сего 1746 года марта 14 дня во исполненіе ЕЯ ІМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКІЯ изъ Святѣйшаго Правителствующаго Сѵнода къ Вашему ясне въ Богу Преосвященству присланного указа, а по опредѣленію Вашего ясне въ Богу Преосвященства въ монастиръ Благовѣщенскій Нѣжинскій на архімандрическое началъство усмотрѣлъ я, что оной монастиръ, тако жъ и подлежащій къ досмотру оного монастиря состоящій за городомъ Нѣжиномъ не въ великомъ разстояніи прозиваемій Ветхій монастиръ въ крайнемъ опустошеніи и обветшалости находятся и не малой требуютъ репараціи, яко то: болшая каменная церковъ—окошокъ постройки, новихъ главъ, прикритія сверху жестю, кирпичемъ по разнимъ мѣстамъ подкрѣпленія, чрезъ кои мѣста не малая во время дождеваго случая течъ бываетъ, и оттого внутрь церкви украшеніе портится и камень розсѣдается; церковъ святихъ апостолъ Петра и Павла каменная жъ, состоящая близъ тоей же церкви, съ трапезою каменною—сверхъ прикритія гонтою, а звнутрь и внѣ понтинкования; монастиръ—постройки келій; такожъ и Ветхій монастиръ

подобно же сему во всемъ репараціи требуетъ; которую обветшалость подчинить за крайнимъ оскудѣніемъ онаго монастиря и малѣйше нѣчимъ, ибо какъ по справки съ скарбцемъ явилось на лице денегъ дукатовъ пять, въ которихъ вѣсомъ содержится по десяти червонъцовъ да малихъ одинковихъ двадцать четири, приходу же въ оній монастиръ не толко, чтобъ употребить на показанные къ исправки церковной нужди, но и для самого препитанія едной братіи || (л. 60 об.) никогда не бываетъ;

въ ономъ же монастирѣ имѣется дѣло таково: преосвященный Стефанъ Яворскій, митрополитъ Рязанскій и Муромскій, при кончинѣ житія своего писменно своею собственною рукою завѣщалъ разные въ ономъ монастирѣ подѣлать строенія, кои же іменно строенія и какъ завѣщалъ, тѣхъ завѣщаній при семъ къ Вашему ясне въ Богу Преосвященству точніе сообщаю копіи, и на тѣ строенія келейнихъ прислалъ былъ денегъ три тисящи и шесть сотъ рублевъ, кои въ монастирѣ Благовѣщенскомъ Нѣжинскомъ чрезъ нѣкоторое время по полученіи и содержани были, посля же указомъ ЕГО ІМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, изъ канцелляріи Святѣйшаго Правителствующаго Сунода къ тогдашнему Нѣжинскому архімандриту, а нынѣшнему преосвященному Коломинскому и Коширскому Савѣ Шпаковскому 1723 октября отъ 30 отпущеннымъ, взято съ тѣхъ денегъ двѣ тисячи рублевъ да другимъ, изъ Святѣйшаго Правителствующаго Сунода 1724 годовъ августа 4 чыселъ отпущеннымъ же, тисячу рублевъ, да сверхъ того и имѣвшуюся въ томъ Нѣжинскомъ монастирѣ знатную библѣотеку до нѣсколко сотъ разныхъ, на разнихъ діялектахъ книгъ по указу жъ, къ Вашему ясне въ Богу Преосвященству изъ Святѣйшаго Правителствующаго Сунода 1731 года посланному, въ Бѣлоградскую епархію до преосвященного тогдашнего Досиѳея взято, коихъ указовъ, какъ о взятіи денегъ,

такъ и библѣотеки, тако жъ и реэстра книгамъ точніе къ Вашему ясне въ Богу Преосвященству для разсмотренія сообщаю копіи; и по таковимъ послѣдовавшимъ случаямъ тое его преосвященства писменное завѣщаніе въ неисъполненіи состоитъ, а монастирѣ Благовѣщенскій Нѣжинскій и Ветхій Рождественскій въ крайное чрезъ ту обыду пришли, оскудѣніе и разореніе;—

того ради Вашего ясне въ Богу Преосвященства || (л. 61) въ нижайшей моей покорности прошу сіе мое доношеніе и сообщенные копіи, милостиво разсмотрѣвъ, куда надлежитъ о возвращеніи таковихъ денегъ въ монастирѣ Нѣжинскіе ради единаго онихъ монастирей во всемъ оскудѣнія повелѣть писменно представить, такожъ и о книгахъ библѣотечнихъ, взятихъ въ Бѣлоградъ, упомянуть, дабы или тіе книги по прежнему въ монастирѣ Нѣжинскіе взятіе по реэстру возвращенны были или за оніе книги, сколко по оцѣнки надлежащей доведется, положено бъ было, чтобъ оніе, Благовѣщенскій и Рождественскій Ветхій, монастирѣ по завѣщанію преосвященного Стефана Яворского мощно было какъ подчинкою, такъ и протчіимы потрѣбностми снабдѣть и въ болшую обветшалость и оскудѣніе не попустить.

О семъ нижайше донося, о вишше писанномъ и паки съ покорностію проситъ 1746 года септеврія дня

ясне въ Богу Преосвященства Вашего
милостиваго моего отца и архи-
пастиря всегдашній богомолецъ
и покорній слуга Нѣжинского Бла-
говѣщенского монастиря архи-
мандритъ Германъ [1]).

(Сборникъ Нѣжинскаго Благовѣщенскаго мон. № 1, лл. 60—61).

[1]) Пять послѣднихъ строкъ, со словъ „милостиваго моего отца...“ писаны другимъ почеркомъ, повидимому, рукой архим. Германа.

XV.

Черновой набросокъ ходатайства архимандрита Митрофана [Горленка] о возвращеніи денегъ и книгъ Яворскаго въ Благовѣщенскій монастырь. 28 сентября 1754 г.

(л. 30) По титлѣ архіпастырской

Доношеніе.

Въ минувшомъ 749 году за жизны своей усопшій архімандрітъ Нѣжинскій Платонъ Левѣцкій Вашего ясне въ Богу Преосвященства доношеніемъ своимъ просилъ о представленіи Святѣйшему Правителствующему Сіноду отъ Вашего ясне въ Богу Преосвященства о забратыхъ зъ Нѣжинского монастыра въ Святѣйшій Сінодъ троихъ тысячей рублей и книгъ библіотечныхъ (коихъ и реестръ при томъ же доношеніи представленъ), легованныхъ создателемъ тоя Нѣжинскія обители преосвященнымъ Стефаномъ Яворскимъ зъ угрозителнымъ завѣщаніемъ подъ анаѳемою, кто бы имѣлъ укладъ его преосвященства отъ сооруженныя коштомъ его преосвященства обители Нѣжинскія отобрать и въ іное мѣсто употребыти; о коихъ денгахъ и книгахъ библіотечныхъ такъ Вашему ясне въ Богу Преосвященству, яко и Святѣйшему Сіноду уже доволно извѣстно есть съ обстоятелствомъ, толко на многіе посланніе доношенія и партикулярніе прошенія до сего времени еще въ Святѣйшемъ Сінодѣ нѣкакой резолюціи не послѣдовало.

А понеже сего 754 года сентября 14 дня отъ учинывшагося въ городѣ Нѣжинѣ чрезъ звичайнаго пожара и помянутая обитель Нѣжинская згорѣла и совсѣмъ разоренна, помощы жъ къ реставраціи подъ сіе время отнюдь нѣ отку-

дова получить, а къ тому и дворы наемніе монастырскіе, съ коихъ толко и прибиль въ монастыръ была, всѣ до основанія погорѣлы, чрезъ что не толко реставровать оного монастыра крайне нѣ съ чего, || (л. 30 об.) но и дневнія пыщи конечно лишатись треба, яко за обичай тому монастырю было по всякъ день зъ базара кормится,—того ради, дабы въ конецъ фундація преосвященного Стефана Яворского къ разоренію не пришла, съ моимъ рабскимъ челопреклоненіемъ прошу Вашего ясне въ Богу Преосвященства для показанныхъ горестныхъ нуждъ приложить своего отческаго предстателства въ взнесеніи съ прошеніемъ Святѣйшого Сінода о возвращеніи вышшепрописанныхъ троихъ тисячей рублей, тако жъ и книгъ библіотечныхъ или за оніе указную заплату; за которымъ дѣломъ для хожденія въ Святѣйшій Сінодъ имѣетъ отправитись отъ мене зъ монастыра Благовѣщенского Нѣжинского того жъ монастыра духовникъ іеромонахъ Савва, которому такъ пашепортъ, какъ и книгу ради испрошенія въ царствующихъ градѣхъ Санкпѣтербурги и Москвѣ милостины зъ катедры Вашего ясне въ Богу Преосвященства высоко милостиво повелѣть выдать.

1754 года сентября 28 дня.

Подписъ:

архімандритъ Нѣжин. Митрофанъ.

(Сборникъ Нѣжинскаго Благовѣщенскаго мон. № 3, л. 30—30 об.).

XVI.

Указъ Св. Сунода объ отдачѣ въ Благовѣщенскій монастырь 1000 р. изъ предположенныхъ къ возвращенію 3000 и къ уплатѣ за библіотеку 500 р. 29 марта 1755 г.

(л. 498) Указъ ЕЯ ІМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІИСКІЯ изъ Свѧтѣйшаго Правителствующаго Сунода преосвѧщенному Тимофею, митрополиту Кіевскому і Галицкому.

№ 891-й.

Присланными Свѧтѣйшему Правителствующему Суноду Ваше Преосвѧщенство декабря 12-го дня прошлаго 1754-го года двумя доношеніями съ поданныхъ Вашему Преосвѧщенству Благовѣщинскаго Нѣжинскаго Монастыря архиманъдрита Митрофана Горленка [1]) двухъ доношеній представилъ, что де сентября 14-го того 1754-го года въ городѣ Нѣжинѣ учинилъся чрезвычайный пожаръ, отъ котораго де въ томъ Нѣжинскомъ монастырѣ трапеза съ церковью сгорела, а келліи монастырскія въ верхахъ разломаны і совсемъ раззорены и къ тому де наемныя дворы монастырскія, съ коихъ де толко и прибыль въ монастырь получалась, всѣ до основанія погорели, чрезъ что де не токмо онаго монастыря респаровать не съ чего, но и дневныя де пищи лишатись конечно треба, а въ 722-мъ году покойный преосвѧщенный Стефанъ, митрополитъ Рязанскій, фундаторъ онаго монастыря, писмянно завѣщалъ отдать во оный Благовѣщинскій Нѣжинскій монастырь собственныя свои книги да разныя въ томъ же Нѣжинскомъ і Вѣтхо-Рожественскомъ монастыряхъ подѣлать строенія и на то де опредѣлилъ денегъ три тисячи рублевъ, і оныя де денги и книги купно съ подлинными его преосвѧщенства завещаніями въ 1722-мъ году были во онои Нѣжинской Благовещенской

[1]) Въ рукописи: Гарленка.

монастырь [1]), которыя де денги тры тысячи рублевъ въ 723-мъ и 724-мъ годѣхъ по указомъ изъ Свя́тѣйшаго Сунода взяты въ сунодалную казну, а книги въ 1732-мъ году отданы Бѣлоградской епархіи въ Харковской Училищной монастырь,— и просилъ, чтобъ о возвращеніи откуда надлѣжитъ ‖ **(л. 498 об.)** во оной Благовещинской Нѣжинской монастырь, вышеозначеннымъ чрезвычайнымъ пожаромъ раззоренный і крайнѣ уже опустошенный, помянутыхъ книгъ (или за оныя сколко по оценкѣ надлѣжитъ денгами), [2]) также и выше означеннаго числа денегъ учинить милостивое разсмотреніе і опредѣленіе.

А по учиненнымъ въ канцеляріи Свя́тѣйшаго Сунода справкамъ оказалось, что означенныя денги, три тысячи рублевъ, по учиненнымъ въ 1723-мъ и 1724-мъ годѣхъ Свя́тѣйшаго Сунода опредѣленіямъ взяты въ Свя́тѣйшій Сунодъ і употреблены въ сунодалныя росходы, а книги по именному 1731-го года блаженныя і вѣчно достойныя памяти ГОСУДАРЫНИ ІМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ІОАННОВНЫ, обявленному Свя́тѣйшему Суноду бывымъ сунодалнымъ членомъ преосвященнымъ Феофаномъ, архіепископомъ Новгородскимъ, указу отданы въ выше помянутой Бѣлоградской епархіи Харковской Училищной монастырь.

И по указу ЕЯ ІМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Свя́тѣйшій Правителствующій Сунодъ согласно приговорили: ЕЯ ІМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ Всемилостивѣйшей нашей Государынѣ ІМПЕРАТРИЦѢ ЕЛИСАВЕТЪ ПЕТРОВНѢ, САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ, поднесть отъ Сунода докладъ, въ коемъ всеподданнѣйше представить, что въ разсужденіи учиненныхъ покойнаго преосвященнаго Стефана, митрополита Рязанскаго, писмяннозаручныхъ завѣщаній, и чтобъ оныя безъ действія, а тотъ Нѣжинской Благовещинской, яко къ исправленію своему никакова достатка не имущей, а къ

[1]) Повидимому, пропущено одно слово (присланы?).

[2]) Скобки въ рукописи.

тому еще і погорѣвшей монастырь безъ надлѣжащаго по онымъ завещаніямъ удоволствія остатся не могли, ‖ (л. 499) вмѣсто означенныхъ, изъ того монастыря взятыхъ і въ сѵнодальныя росходы издержанныхъ трехъ тысячь рублевъ надлѣжитъ толикое жъ число въ тотъ монастырь возвратить изъ собираемыхъ въ сѵнодалную Экономическую канцелярію доходовъ, также и за выше показанныя, изъ того монастыря взятыя въ Харковской Училищной монастырь книги (въ которыхъ по нынѣшнему того Нѣжинскаго монастыря состоянію далней тому монастырю нужды не зависитъ) [1]) долженствуетъ отдать денгами до пяти сотъ рублевъ, изъ каковой суммы ЕЯ ІМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО соизволитъ,—а нынѣ въ тотъ монастырь для выше означеннаго во ономъ бывшаго пожарнаго раззоренія въ надежду и на щетъ къ возвращенію изъ вышеполагаемыхъ къ выдачѣ во оной монастырь денегъ выдать присланному изъ того монастыря духовнику іеромонаху Саввѣ изъ собираемыхъ въ Экономическую канцелярію доходовъ тысячю рублевъ, записавъ въ росходъ съ роспискою.

О чемъ въ ту Экономическую канцелярію, а для вѣдома въ Московскую Святѣйшаго Сѵнода кантору указы изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода посланы, і преосвященному Тимофею, митрополиту Кіевскому и Галицкому, о томъ вѣдать.

Оберъ-секретарь Яковъ Леванидовъ.
Секретарь Міхайло Остолоповъ.
Канцелярістъ Андрей Кононовъ.

Марта 29-го дня
1755-го года [2]).

(Указная книга Кіевской Духовной Консисторіи 1755 г., лл. 498—499).

[1]) Скобки въ рукописи,

[2]) На обор. 499 л. помѣта: полученъ 1755 года іюля 12 дня.

XVII.

Элегія къ библіотекѣ въ русскихъ переводахъ XVIII в.

1.

(л. 4) Стяжателя сихъ книгъ
послѣднее кн*и*гамъ цѣлованїе.

Книги, мною многажды носимы, грядите,
Свѣтъ очїю моею, отъ мене їдите!
Идите бл*а*госчастно, иныхъ насыщайте,
Сотъ в*а*шъ уже прочїимъ[1]) н*ы*нѣ їскапайте!
Увы мнѣ! око мое отъ васъ устранено,
Ниже вами можетъ быть къ тому насыщено.
Паче меда и сота вы мнѣ сладши бѣсте,
Съ вами жить сладко бяше, горѣ, яко нѣсте.
Вы богатство, вы слава [бѣсте][2]) мнѣ велика,
Вы рай, любви радость и сладость колика,
Вы мене прославили, вы меня просвѣтіли,
Вы мнѣ у лицъ высокихъ м*и*л*о*сть приобрѣли.
Но болѣе жить съ вами [ахъ, тяжкое горѣ!]
Запрещаетъ часъ см*е*ртныи і горкихъ слезъ море.
Уже мнѣ вѣчнымъ слѣпнутъ очеса сномъ см*е*рти,
Не къ тому дерзну ко вамъ рукъ моихъ простертї.
Иной книги очесамъ моимъ не минути,
Юже Б*о*гъ, хотяй прїити, хощетъ мнѣ разгнути.
Всякъ вся дѣла своя въ сей кн*и*зѣ обрящетъ,
И по дѣламъ всякого своя мзда усрящетъ.

---

[1]) Въ рукописи: прочіими.

[2]) Здѣсь и въ стихѣ 13 скобки въ рукописи.

О книга престрашная, яже всѣхъ всецѣло
Земнородныхъ обличитъ предъ судищемъ дѣло!
О сей книзѣ азъ страстный егда помышляю,
Трепещу і трясуся, сердцемъ увядаю. ||
(л. 4 об.) 25. О Боже милосердый, о щедротъ пучино,
Їсточниче милости, благости вершино,
О царю вѣковъ, небесъ і земли всесилне,
Смирителю волнъ морскихъ едине презѣлне,
Звѣздоносныя круги иже устрояй,
30. Тя молю, червь ничтожный, зѣло восклицаяй: [1])
Призри на мя і впиши въ книгу мя животну
Кровию Христа, юже імамъ въ жизнь істотну.
Вы же, вся писанія моя і вся книги,
Простите, не суть на вы болшъ мною вериги.
35. Людие і братія, вси мя, вси простите,
Мати земле, прости мя, къ сему не клените!
Пріими мя въ нѣдра своя, земле, тя прошаю:
38. Духъ мой Богу предаю, тѣло ти вручаю.

Смиренный Стефанъ Яворскій, митрополитъ Рязанскій и Муромскій, прежде бывый екзархъ Святѣйшаго Патриаршаго Ѳрона Всероссійского, нынѣ же президентъ Святѣйшаго Правителствующаго Сунода, прочее же земля, прахъ і пепелъ и ничтоже.

О титулы, пропасти паче васъ назвати,
Коль вы многихъ обыкли людей пожирати!
И что же суть тїтулы: мракъ, тма, вѣтръ і сѣ[ни],
Пузырь водный, пыщащся скорыя отмѣны!

(Дѣло Архива Святѣйшаго Правител. Сунода 1723 г. № 37 (253), л. 4—4 об.).

[1]) Въ рукописи: восклицаняй.

2.

(л. 24) Преосв. Яворск. Переводъ прощательнаго писма къ книгамъ. [1])

Прощайте, красота, честь моя и свѣтило,
Книжки, коихъ я въ рукахъ частѣ держу было!
Оставайтесь щасливы, ужъ увеселяйте
Инныхъ уми и сладость вашу искапайте!
Уви! что отъ васъ мои очеса отяти
Болшъ моего не могутъ ума насищати.
Вы мнѣ въ наслажденіе всяко могли быти,
Съ вами, о книжици, мнѣ сладко было жити.
Вы богатство, вы и честь великая были,
Вы рая веселіемъ мене одарили,
Вы мене учинили почтеннимъ и знатнимъ,
Чрезъ васъ имѣлъ велможъ я любовнихъ, пріятнихъ.
Нынѣ жъ декретъ не велитъ Божій, о печали!
Чтобъ мнѣ съ вами болше дни весели сіяли.
Уже очесамъ моимъ симъ вѣчно не зрѣти,
Уже васъ въ рукахъ своихъ не буду имѣти.
Инъ свитокъ вѣчный вижу предо мною сущій,
Его же мнѣ откріетъ Судія грядущый.
Въ семъ всякаго слова и дѣла обнажатся,
И всякому по дѣломъ будетъ награждатся. ||
(л. 24 об.) О книга ужасная, яже на судищи
Всякъ грѣхъ откріетъ явно богатымъ и нищимъ!
Сію книгу я умомъ когда разсуждаю,
Страхъ имамъ велій и мечъ въ сердцѣ ощущаю.
О Боже, превеликой любвы сый глубина,
О источникъ щедротъ, о благости пучина,

[1]) Заглавіе приписано рукой Иринея Фальковскаго.

Владѣющый небомъ и на земли, на морѣ,
Предѣлъ полагаяй водъ восходящыхъ горѣ,
Управляющый мудрѣ круги небесъ Боже,
Тя молю недостойный азъ, червъ и ничто [же]:
Призри и за кровъ Хріста, юже мнѣ далъ пити,
Даждъ въ книгахъ живота мнѣ написану быт[и].
Жилища и книжни, ужъ оставайтесь сами!
Библіотека, прости, сискана трудами!
Братіи, отцамъ земнымъ, всѣмъ часъ покой дати,
Ты, земле, гостю здравствуй, любезная мати!
Пріими мя въ нѣдра твоя, тебе умоляю,
Тебѣ бо тѣло, духъ же Боговы вручаю.

(Сборникъ Кіево-Софійскаго собора № 355, л. 24—24 об.).

3.

(стр. 54) Елегія

къ Библіотекѣ

Преосвященаго Стефана Яворскаго, Митрополита Рязанскаго и Муромскаго, сочиненная имъ самимъ предъ кончиною своею.

Идите отъ моихъ любезны книги рукъ,
Изъ коихъ почерпалъ я сладости наукъ.
Идите и другихъ умы уже питайте
И въ нихъ сладчайшій свой вы Нектаръ изливайте!
Богатство, слава, честь и щастье дней моихъ
Зависѣло отъ васъ возлюбленныхъ мнѣ книгъ:
Чрезъ васъ я приобрѣлъ почтеніе Синода,
Любовь Царя, вельможъ и града и народа.
Но нынѣ рокъ велитъ на вѣкъ оставить васъ,
Послѣднїй ужъ моей приходитъ жизни часъ.

Закроются мои на вѣчность бренны очи
И зрѣть я васъ уже имѣть не буду мочи:
Другую вѣчную узрю я книгу тамъ,
Которую моимъ Творецъ явитъ очамъ.
Въ ней узритъ всякъ свои и рѣчи и дѣянья
И достодолжны тѣмъ возприметъ воздаянья. ||
(стр. 55) О книга страшная! съ которою на судъ
Всѣ беззаконія людскіе повлекутъ:
Сколь мысленно сію я книгу разверзаю,
Ужасной въ тѣлѣ страхъ и трепетъ ощущаю;
Но Боже благости источникъ и отецъ
Земли, морей, небесъ правитель и Творецъ:
Ты укрощаешь водъ свирѣпствующихъ бездны,
И мудро правятся Тобой теченья звѣздны.
Я червь передъ Тобой и подлый прахъ земли;
Но искренюю Ты мольбу мою внемли:
На имя зря мое въ своей Ты книгѣ вѣчной [1]),
Загладь мои грѣхи, внявъ голосъ мой сердечной,
Ихъ Сынъ Твой кровію священной искупилъ
Спасенія онъ мнѣ единъ предмѣтомъ былъ.
А вы оставленны земные книги мною
И начертанные тщаливою рукою
На свѣтѣ славимыхъ ученостью мужей,
Библіотеки весь соборъ прости моей
Отцы и братія и сродники простите!
Вы тѣла моего прахъ персти предадите:
И ты любезна мать земля на вѣкъ прости
И плоть мою въ свои объятія вмѣсти.

---

1) Въ изданіи „Проповѣди блаженныя памяти Стефана Яворскаго“ (ч. III, М. 1805, стр. 139) этотъ стихъ измѣненъ такъ:

Впиши мое въ своей ты имя книгѣ вѣчной.

Се общая тебѣ отъ смертныхъ дань бываетъ
А духъ на небесахъ зиждитель принимаетъ.

Переведено съ Латинскаго [1]).

(Трудолюбивый Муравей 1771 г. № 7, стр. 54—55).

4.

(стр. 329) Стихи

Писанные Преосвященнымъ Митрополитомъ Рязанскимъ Стефаномъ Яворскимъ предъ смертїю къ Библїотекѣ своей [2]).

Простите книги! рукъ частѣйше упражненье,
Простите вы, мой свѣтъ, моя краса, почтенье.
Щастливой путь уже! другихъ умы питайте,
И ваши сладости другимъ днесь изливайте.
Ахъ жаль! что принужденъ мой съ вами гласъ растаться,
И тѣмъ мой болѣе не могъ умъ насыщаться,
Вы сладость мнѣ, вы медъ, питье вы райско были,
И съ вами дни мои прїятно проходили,
Богатство вы мое, моя велика слава;
Вы рай мой, вы любовь, вы были мнѣ забава. ||
(стр. 330) О книги! я почтенъ, я сталъ прославленъ вами,
Чрезъ васъ я былъ любимъ большими Господами,
Днесь съ вами рокъ претитъ, о тяжко скорбей бремя!
Вести прїятное и безпечально время;
Уже лучь глазъ моихъ ночь вѣчна уничтожитъ,
И васъ моя рука во вѣкъ не потревожитъ.

---

[1]) Печатается съ сохраненіемъ знаковъ препинанія и прописныхъ буквъ оригинала.

[2]) Въ оглавленіи на стр. 332 добавлено: переведенные съ Латынскаго языка.

Я книгу вѣчную зрю мыслїю моею,
Разгнется оная грядущимъ Судїею;
Явятся въ оной всѣхъ дѣла и рѣчи взгляду,
И приметъ по дѣламъ достойну всякъ награду.
Лежаще предъ судомъ о страшное писанье!
Всѣмъ обнажающе злодѣйское дѣянье,
Въ ту книгу вѣчную какъ мысль моя взираетъ,
Трепещутъ члены всѣ и сердце замираетъ.
О Боже! Отче мой, любови всей пучина!
Источникъ благости, доброта ты едина! ||
(стр. 331) Ты море, землю ты и небо управляешъ,
Надмѣнныхъ ярость водъ десницей укрощаешъ.
Премудростью мѣста, ты правишъ Свѣтоносный;
Молю тя азъ тщета, ничто, и червь поносный,
Воззри, да въ книги я животны напишуся,
Христовой кровїю, Христомъ живу спасуся:
Тыжъ рукопись прощай, и книги всѣ съ домами,
Прощай собранье книгъ, что я снискалъ трудами!
Прости старикъ и братъ и всякъ до земледѣльца,
И ты драгая мать земля! прости пришельца!
Прошу тебя: прими мой трупъ въ свою утробу;
Духъ Небу, твоемужъ предастся тѣло гробу [1]).

(Уединенный Пошехонецъ. Ежемѣсячное сочиненіе на 1786 годъ. Ч. I. Мѣсяцъ май, стр. 329—331).

[1]) Печатается съ сохраненіемъ знаковъ препинанія и прописныхъ буквъ оригинала.

XVIII.

Указатель къ каталогамъ библіотеки Яворскаго [1]).

A.

Abeitzen Paulus 509.
Abellius Ludovicus 109, 110, 473 (ср. 484, 552).
Abyssus inscrutabil. Dei arcanorum 191.
Acta colloquii montis Belligartensis 369.
Ad haereticum ubi responsio catholica 221.
Ad sacr. literarum studium exhortatio 583.
Aeschines 318.
Aesopus 501.
Акаѳистъ страстемъ Христовымъ 440.
Акаѳистъ св. вмч. Варварѣ 157.
Алфавитъ, риѳмами сложенный 335.
Allatius 379, 418, 474, 481, 485.
Alstedius 168.
Alvarez 36, 99.
Amphilochius Iconiensis 291.
Anatomicum compendium 599.
Andreas Cretensis 291.
Andreas Petrus 510.
Андрей Кесарійскій 81.
Andrzejkiewicz 144.
Anonymus de statu Ecclesiae in regno Persico 517.
Anonymus polski Najsw. Pannie na chwalę 420.
Anselmus 16.
Aphorismi confessariorum 550.
Apophasis 221, 462.
Apophtegmata philosophorum см. Budny Bien.
Апостолы и евангелія нед. и праздн. 200.
Apteczka domowa 201.
Aquae vitae de fontibus Salvatoris 182.
Archdekin Rich. 194.
Arcudius Petrus 365.
Aristoteles 257, 305.
Aristoteles, ex euripo emersus 224.
Athanasius, archiep. Alexandrinus 26, 308, 312, 558.

[1]) См. приложенія №№ II и IV. Указатель расположенъ въ порядкѣ буквъ латинской абецеды. Цифры при именахъ и названіяхъ означаютъ общую нумерацію каталоговъ.

Augustinus 24, 209, 252, 290, 468, 545, 578.
Aurebergius Petrus 190.

В. Б.

Baeza 39, 40, 75, 183, 454.
Balduinus Fridericus 302.
Baranowicz Łazarz 286, 356, 376, 377, 396.
Barclavius 522.
Baroniusz 64.
Becanus Martinus 166, 174—179, 215.
Bellarminus 27—29, 141, 184, 208, 238, 470.
Bellarminus enervatus 220.
Berchorius Petrus 55.
Bessaeus Petrus 162, 348, 504.
Biblia polska 90.
Biblia sacra 155.
Библія острожская 61.
Bibliotheca ss. patrum concionatoria 591.
Bielski Mart. 59.
Binchius Joannes 100.
Birkowski Fabian 80, 283.
Biturigus Franciscus Junius 240.
Blanc см. Le Blanc.
Blasius 590.
Boczyłowicz Jakub 189.
Boethius 228.
Boskhierus (Bosquierius) Phil. 516.
Boter Benesiusz Jan 366.
Botsaccus redivivus 293.
Bratkowic Adrian x. 360.
Breviarium romanum 527.
Brevis instructio pro concionatoribus 553.
Brevis notitia... ad audiendas confessiones 582.
Bromiardus dominicanus 439.
Budny Bieniasz 397.
Busaeus 96.
Busenbaum 554.
Bzovius Abrahamus 346.

С. Ч.

Calepinus 311.
Callistus Nicephorus 475, 592.
Cantacuzenus 330.
Canticum novum animi 231.
Carolus, episcopus Olomucensis 585.
Carranza 571.
Carthagena см. Joannes de Carthagena.
Casista 491.
Casuum conscientiae et quaestionum decisiones... 508.
Catena in beatum Job 322.
Cathechismus 561, см. еще Катехисмъ.
Cathechismus luther. 535.
Catonis disticha de moribus 603.
Celada 58.
Chemnitius Martinus 324.
Chronica gestorum in Europa... 265.

Chronius, s. historiae univers. epitome 190.
Cichovius 414.
Cinnamus Joannes 388.
Claudianus 574.
Clavis sacrae scripturae 253.
Clemens Alexandrinus 300.
Clemens XI, pontifex Romanus 87.
Cnapius 371.
Commentationes in psalmos 276.
Compendium biblicum 237.
Compendium medicum 202.
Compendium theol. veritatis 185.
Conciones funebres 349.
Conciones in magnificat 556.
Conciones in praecipua festa 466.
Conclusiones philosophicae 197.
Concordantiae bibliorum sacr. 113, 131, 331.
Controversiae theolog. inter Thomam et Scotum 385.
Coppensteinius 359.
Cordis, Deo sacri, affectiones variae 195.
Cornelius a Lapide 1—10.
Corvinus Arnoldus 538.
Costerus Franciscus 597.
Coutinus dominicanus 94.
Cyrillus Alexandrinus 74.
Cyrillus Hierosolymitanus 115.
Чинъ архіер. дѣйствія 461.

D. Д.

Daniel propheta 344.
Dauroultius Antonius 102, 382.
De articulis fidei div. 268.
De Christo, ut Deo, contra arianos 386.
De cognitione Dei 227.
De contemptu mundi 577.
De conversatione civili 544.
De eucharistiae sacrificio 217.
De fide et monarchia pontificis 378.
De frequenti communione 551.
De praecipuis Germaniae urbibus 495.
De primatu papae 488.
De transsubstantiatione eucharistica dialogismus 447.
De trinitate 523.
De veritate religionis christianae amica collatio cum judaeo erudito 372.
Deliciae gentis humanae 206.
Democritus ridens 601.
Demosthenes 318.
Dévises et emblèmes curieuses 394.
Dialectica 506.
Diarium sanctorum 213, 214.
Didacus 514, 526.
Димитрій Ростовскій 71, 83, 148, 153, 287, 456.
Dio Cassius 323.
Diogenes Laertius 502.
Διοπτρα 606.
Directorium 143.

Donatus 463.
Дороѳей авва 457.
Drexelius Hieremias 32, 33, 203, 515, 581, 589 (ср. 567).
Druzbicki 204, 205.
Drzewka y ziołka 428.
Dubia sacra in Genesim 37, 38.
Dunin Piotr S. J. 68.
Dyonysius Areopagita 294.
Dziełowski Fr. 530.

E.

Ecclesiastica historia 269—275.
Elogia ingenios. totius lineae Christi 575.
Elogia in Josaphat 421.
Encyclopaedia de omni scibili 342.
Engelgrave 95, 97.
Epigrammata in es (?) 569.
Epiphanius, episcopus Cypri 313, 314.
Epitomae institutionum medicinae 534.
Erasmus Roterodamus 464.
Eusebius Pamphilus 319.
Evangelia et lectiones pro dominicis et festis 540.
Евангеліе страстное 329.
Examen ordinandorum 570.

F.

Faber Matth. 45, 48, 60, 107.
Fabricius Joan. 120.
Fasciculus orationum piarum 579.
Fasciculus sententiarum 566.
Fasti Mariani 211.
Flavius Josephus 593—595.
Florentina synodus 392.
Fons vitae 229.
Foxus Joannes 261.
Franciscus 472.
Fraszki wierszami см. Kochanowski Jan.
Fuchsius Leonhardus 499.

G. Г.

Галятовскій Іоанникій 398, 399, 407, 419, 432.
Gemmeum monile de passione Christi 546.
Gennadius patr. 483.
Географія 196.
Гизель Иннокентій 63, 288 (ср. 151).
Gomarus 243.
Gormaz S. J. 478, 480.
Graeciae orthodoxae de processione Spiritus S. 373.
Gregorius Nazianzenus 26, 251, 328.
Gregorius Nyssenus 11, 254.
Gustowski 44.
Gutowski Waleryan 47, 352.

H.

Haereticum *quare* per catholicum *quia* 507.
Hartung Philippus 104—106, 136.
Hiacinthus 412.
Historia orbis terrarum 119.
Historiae biblicae cum iconibus 85.

Historiae Deiparae 519.
Historiae evangelicae imagines 86.
Homerus 543.
Horologium asceticum 572.
Hugo Hermannus 536.
Hypomnema symbolorum 236.

I. J. И. Я.

Jan z Turrekremata 350.
Яворскій Стефанъ 91, 158, 221, 422, 458.
In conversionem Pauli commentarius 539.
In Leviticum explanatio moralis 370.
In librum Jobi commentarius 384.
Index concionum Drexelii 567.
Innocentia vindicata 223.
Institutiones Justiniani 576.
Іоакимъ, патр. Московскій 429, 434, 451.
Іоаннъ Лѣствичникъ 78.
Joannes a S. Geminiano 164.
Joannes Chrysostomus, Іоаннъ Златоустъ 12—14, 17—22, 285, 347, 363, 367, 381, 383, 438, 452.
Joannes Damascenus 26, 41, 79, 296.
Joannes de Carthagena 42, 112, 374.
Joannes de Mata 117.
Josephus Judaeus см. Flavius Josephus.
Isocrates 401.
Исповѣданіе прав. вѣры 199.
Исторія о разореніи Іерусалима 193.
Isychius 476.
Jugler 368.
Justinianus 505.
Justinus Martyr 25.
Извѣстіе учительное, како іерею и діакону служеніе совершати 604.

K.

Kaczyński Paweł x. 297, 298.
Kalnofoyski Athanasiusz 353.
Канонъ Параклиту 440.
Канонъ Пр. Богородицѣ 156.
Канонъ Св. Духу 156.
Катехисмъ руски 605, см. еще Cathechismus.
Kazania niedzielne, Postilla 82.
Kazania o przenajsw. eucharistiey 43.
Kazania pogrzebowe 142, 329.
Ketten 170, 171.
Книга о вѣрѣ 84, 145, 608.
Kochanowski Jan 400.
Kojałowicz Cas. Wil. 524.
Kossow Sylwestr 353.
Kraszewski Joannes S. J. 66, 118, 140, 281.
Kreitz Kar. 586.

Krosnowski 46.
Kwiatkiewicz Joannes 562, 580.

L. Л.

Labata Franciscus 56, 57.
Langius Joseph. 467.
Laonicus Niceph. 267.
Lapide см. Cornelius a Lapide.
Le Blanc Thomas 30, 247, 258.
Lessius 222.
Libellus de omni scibili 532.
Libellus medicus 548.
Liber controversiarum 423.
Liberyusz Jacek 122—124.
Лихуды 149.
Lipsius Justus 537.
Livius 493.
Locutio Dei ad cor religiosi 212.
Logica 391.
Logica Thomistarum 496.
Lorencowicz 53.
Ludovicus de Ponte 116, 165.
Lugo Joannes 260, 262, 264, 277, 301, 306, 327.

M.

Machiavellus 602.
Magia naturalis 520.
Maiolus Simon 292.
Максимовичъ Іоаннъ 150.
Manuductio ad caelum 239.
Manus religiosorum 549.
Marcellus 395.
Marchantius Jacobus 92.
Маргаритъ 17.
Marianus Theoph. 234.
Masenius 482.
Mata см. Joannes de Mata.
Maximus Confessor 303, 309.
Medicamentorum euporiston 529.
Medicus familiaris 188.
Medulla theologica 484, 552 (ср. 109, 110, 473).
Meffreth 132.
Memoriale biblicum 521.
Mendoça S. J. 169.
Merlo Jacob. Horstius 232.
Methodius Patarensis 291.
Młodzianowski 52, 69, 73.
Morawscius S. J. 121.

N. Н.

На обидящихъ Церковь Божію 441.
Nau Michał 564.
Наузейзіусъ Анастасій 111.
Navis spei publicae 341.
Nicetas Choniates 267.
Notata 158, 427.
Nowy testament 560.
Новый завѣтъ 154.

O.

О ангельскомъ паденіи 442.
О хиротоніи и о сакраментахъ 410.
О должности всякаго вѣрна 459.
О нѣкоторыхъ государствахъ древнихъ 332.

О предопредѣленіи, предуставленіи scripta 424.
О rożnych haerezyach per alphabetum 398.
Объявленіе о сложеніи перстовъ 448.
Oedipus, aenigm. Arist. sphingem soluturus 192.
Олисовъ Пафнутій 445.
Oliva Paulus S. J. 93.
Olszewski Jakub S. J. 128.
Opus controversiarum 362.
Orationes academicae 389.
Origenes Adamantius 248.
Ortholog Theophil 127.
Osiander Adamus 343.
Отвѣтъ краткій объ антихристѣ 609.
Ovenus 600.

Р. П.

Paedagogus christianus 159.
Palaestra 568.
Παναριον 101.
Pandectae locorum communium 498.
Paradisus animae см. Merlo J. H.
Paragraphus de virtute productiva et actione spirativa 424.
Paterculus Velleius 489.
Pausanias 263.
Penzinger Sebast. Henric. 345.
Perpetua crux 226.
Perpinianus Valentinus 518.
Petrus Tholosanus 98.
Pfeiffer Aug. 380.
Philosophia acad. Gedanensis 361.
Physica 358.
Piae animae desideria см. Hugo Herm.
Piesni polskie nabożne 235.
Pineda 31.
Pisarski Jan. Stef. 413.
Pius libellus 559.
Platelius 471, 486, 487.
Plinius Secundus 266.
Plutarchus 321.
Поликарповъ Ѳедоръ 130.
Политиколѣпная Ἀποθέωσις см. Туробойскій Іос.
Полууставъ 329.
Polyanthea 34.
Polygranus 492.
Pontanus Lud. см. Ludovicus de Ponte.
Послѣдованіе молебнаго пѣнія во время брани 443.
Postilla см. Kazania niedzielne.
Поученіе о стояніи въ храмѣ 437.
Prawdziwa wiara stara 146.
Praxis exercitii spiritualis 542.
Primerosius Gilbert 528.
Proclus 387.
Прокоповичъ Ѳеофанъ 338.
Promontorium malae spei 108.
Przygotowanie na śmierć 573.

Q.

Quaestiones manuscriptae 426.
Quaestiones philosophicae in universitate Viennensi 555.
Quaestiunculae controversae 565.
Quenstedius 241.

R. P.

Refutatio pseudo - christianae cathechesis 390.
Regestr materii na kazania 427.
Reguły św. Bazylego 337.
Responsio ad tractatum apophasim orthodoxam 424.
Reusner Elias 207.
Рѣчь, какъ подасть посланіе 435.
Risus sardonicus 216.
Roma triumphans 584.
Рожнецъ духовный см. Олисовъ Пафн.
Ruiz Didacus 250, 304, 315.
Rutka Theophil 337, 403, 405, 408, 409, 411.
Rychłowski 49, 51.

S. C.

Sanchez 172.
Ss. patrum homiliae 295.
Sanctuarium, h. e. sermones panegyrici pro festis Christi 72.
Sandaeus Maximilianus 139, 541.
Sarbievius Mathias Casimirus 587.
Savedra 547.
Scala caeli 186.
Scherlogus 54.
Schrotter S. J. 133.
Scintillae divini amoris 233.
Scotus 479.
Scriptor ac veritatis concionator 598.
Scrutinium sacerdotale 187.
Scultetus Abrah. 494.
Sebastianus a Matre Dei 402, 406.
Segneri Paulus S. J. 114, 138.
Semery 511—513.
Seneca 180, 531.
Seneca christianus 230.
Sennertus Daniel 181, 219, 477.
Sententia 596.
Septalius Ludovicus 503.
Sermones in dies sanctorum 282.
Sermones morales pro dominicis 497.
Симеонъ Полоцкій 67, 88, 89 (ср. 333).
Синаксарь на вѣкопомное прославленіе 460.
Синопсисъ 151.
Skarga Piotr 65, 76, 77.
Скрижаль патр. Никона 433.
Служебникъ 147.
Смотрицкій Мелетій см. Ortholog Theophil.
Соборное дѣяніе на еретика Мартина 430.
Socrates 317.

Sophocles 533.
Sozomenus 317.
Specula totius mundi 289.
Списокъ архим. Варсонофія о гробницѣ кн. Анны 431.
Stapleton Thomas 126, 160, 161, 163
Stella 210.
Stempel S. J. 125.
Stephanowicz 50.
Stobaeus Joannes 278.
Stryjewski 354.
Summa omnium conciliorum 173.
Summa totius philosophiae 103.
Sylva allegoriarum 35.
Sylveira 242, 244—246, 259.
Symbola amoris 525.
Synodus Jerosolymitana 129.

Т. Ѳ.

Tabula chronologica 393.
Θεατρον, s. Theatrum politicum см. Наузейзіусъ Аназ.
Theophilactus, archiep. Bulgariae 23, 279, 469.
Thesaurus theologicus 255.
Theses philosophicae 563.
Thomas a Kempis 209.
Thomas Aquinas 249, 256, 299, 307, 310, 316, 326, 490, 557, 588.
Thomas a Villa Nova 137.
Tertullianus 15, 320, 325, 351, 355, 357, 375, 404, 449.
Timplerus Clemens 500.
Tractatus de fide, spe 417.
Tractatus in 8 libros physicorum Aristot. 415.
Tractatus theologicus de Deo et homine 416.
Tractatus theologicus de interpretatione sacr. scriptur. 364.
Транквилліонъ 62.
Требникъ 450, 607.
Triumphus christianus 455.
Truncus informis 465.
Туробойскій Іосифъ 446.
Turrekremata см. Jan z Turrekr.
Twardowski Samuel 284.
Tylkowski 225.
Tympius 218.

У.

Уставленія царская 336.

V. W. В.

Valerius Maximus 167.
Василій Великій 26, 79.
Vera sapientia Dei timor 212.
Vieira Antonius 134, 135.
Виноградъ процвитающъ 152.
Возобличеніе на лютерскій катехисмъ 444.
Врата торжественная 339, 340.
Введеніе краткое во всякую исторію 436.

Wyroki Boskie o 4 rzeczach ostatecznych 198.

Z. Ż.

Załuski 453.
Zawadzki Benedykt 70, 280.
Zbierane rzeczy 143, 152, 425.
Зерцало 334.
Zonara Joannes 267.

Ж.

Жезлъ 333 (ср. 67).

XIX.

Перечень документовъ, относящихся къ библіотекѣ Яворскаго.

	стр.
I. Письмо Стефана Яворскаго къ брату Павлу, протопопу Нѣжинскому, съ просьбой прислать къ нему Сильвестра Шумскаго. С.-Петербургъ. 3 апрѣля 1721 г.	17—18.
II. Каталогъ библіотеки Стефана Яворскаго, составленный въ августѣ 1721 г.—Элегія къ библіотекѣ	19—32.
III. Завѣщаніе о библіотекѣ („Тестаментъ"). С.-Петербургъ. Октябрь 1721 г. . . .	33—37.
IV. Каталогъ книгъ, переданныхъ въ Нѣжинскій монастырь черезъ архимандрита Епифанія Тихорскаго до октября 1721 г.	38—53.
V. „Завѣщаніе послѣднее". [Москва] 15 ноября 1722 г.	54—55.
VI. Извлеченіе изъ каталога, составленнаго по предписанію Св. Сунода архимандритомъ Саввой Шпаковскимъ въ началѣ 1728 г.	56—57.
VII. Расписка Стефана Шумскаго въ томъ, что, уѣзжая въ Москву „для наученія", онъ взялъ изъ библіотеки Благовѣщенскаго монастыря 10 книгъ. 16 іюля 1728 г.	58.
VIII. Расписка іероліакона Мартиніана Лобача въ полученіи 9 книгъ, принадле-	

стр.

жащихъ библіотекѣ Кіево-Печерской Лавры. Нѣжинъ. 4 октября 1730 г. . . . 59.

IX. Копія указа Св. Правительствующаго Cvнода о передачѣ библіотеки Стефана Яворскаго въ Харьковскій Училищный монастырь. 6 октября 1731 г. . . . . 60—63.

X. Представленіе архіеп. Рафаила [Заборовскаго] Св. Cvноду о передачѣ библіотеки Яворскаго въ Кіево-Могилянскій коллегіумъ. Кіевъ. 17 декабря 1731 г. . . 64—65.

XI. Расписка іеромонаха Гедеона [Онишкевича] въ полученіи 2 книгъ, принадлежащихъ Кіево-Печерской Лаврѣ. 29 декабря 1731 г. . . . . 66.

XII. Извлеченіе изъ реестра, составленнаго архидіакономъ Ѳеодосіемъ Янковскимъ при отобраніи книгъ Яворскаго отъ Благовѣщенскаго монастыря 5 января 1732 г. . . . . 67—69.

XIII. Доношеніе Досиѳея, архіепископа Бѣлгородскаго, Св. Cvноду о томъ, что библіотека Яворскаго передана въ Харьковскій Училищный монастырь. 24 февраля 1732 г. . . . . 70—71.

XIV. Ходатайство архимандрита Германа [Барутовича] о возвращеніи денегъ и книгъ Яворскаго въ Благовѣщенскій монастырь. Сентябрь 1746 г. . . . . 72—74.

XV. Черновой набросокъ ходатайства архимандрита Митрофана [Горленка] о томъ же. 28 сентября 1754 г. . . . . 75—76.

стр.

XVI. Указъ Св. Сѵнода объ отдачѣ въ Благовѣщенскій монастырь 1000 р. изъ предположенныхъ къ возвращенію 3000 и къ уплатѣ за библіотеку 500 р. 29 марта 1755 г. . . . . 77—79.

XVII. Элегія къ библіотекѣ въ русскихъ переводахъ XVIII в. . . . . 80—86.

1. Изъ дѣла Архива Св. Сѵнода 1723 г. № 37 (253).
2. Изъ сборника Кіево-Софійскаго собора № 355.
3. Изъ „Трудолюбиваго Муравья“ 1771 г. № 7.
4. Изъ ежемѣсячн. сочиненія „Уединенный Пошехонецъ“ 1786 г., ч. I, май.

XVIII. Указатель къ каталогамъ библіотеки Яворскаго . . . . . 87—96.

Дополненія и поправки.

Отдѣлъ II.

1) Стр. 104, примѣчаніе. Кромѣ латинскаго изданія „Камня вѣры", указаннаго Ад. Селліемъ, слѣдуетъ отмѣтить еще переводъ на латинскій яз. главы „О наказаніи еретиковъ", принадлежащій Bülfinger'у: „St. Jaworscii Discursum de poena haereticorum, noviter ab Ecclesia se evellantium, in latinum idioma translatum ad disputandum proponit G. B. Bülfinger". Tübingae 1731; послѣдующ. изданія: Tübingae 1735 и Jenae 1742. Ср. *Estreicher.* Bibliogr. polska. T. XVIII. str. 517.

2) Стр. 122, примѣчаніе 3. Лаврѣ принадлежало ещё сочиненіе № 146: „Prawdziwa wiara stara" Innoc. Gizel. См. расписку Гедеона Онишкевича: „Документы...", стр. 66.

Отдѣлъ III.

3) Стр. 22, № 30. Explanatio Blanc in psalmos. Ср. въ реестрѣ Ѳеодосія Янковскаго: Blanc a psalm. 1 ad 33 inclusive (F°. 115).

4) Стр. 22, № 31. Explanatio Pinedae in librum s. Jobi. Ср. въ реестрѣ Янковскаго: Pineda in s. Job, tomus 2-dus (F°. 71).

5) На стр. 26 подъ № 111 среди книгъ in 4-to приводится „Θέατρον, s. Theatrum politicum, in linguam ruthenam conversum". Во вступительномъ очеркѣ (стр. 126 и 148) мы отнесли это указаніе къ сочиненію Іоанна Максимовича: „Ѳеатронъ, или позоръ нравоучителный, царемъ, княземъ, владыкамъ и всѣмъ спасителный" (Черниговъ 1708, in 4-to),

вполнѣ опредѣленно названному въ реестрѣ Янковскаго (Q⁰. 145). Выраженіе „in linguam ruthenam conversum", казалось намъ, находится въ связи съ тѣмъ, что трактатъ Максимовича представляетъ въ главной своей части извлеченіе изъ сочиненія Амвросія Мерліака. См. *Филаретъ*. Обзоръ русской духовной литературы. Спб. 1884, стр. 212. Однако, кромѣ „Θеатрона" Максимовича, Янковскій приводитъ въ своемъ каталогѣ еще какой-то „Theatrum politicum" (O⁰. 197). Если допустить, что Яворскій при опредѣленіи формата сдѣлалъ ошибку, помѣстивъ книгу in 8-vo среди книгъ in 4-to, „Θέατρον, s. theatrum politicum" придется отождествить съ „Theatrum politicum" Янковскаго. Въ такомъ случаѣ наша догадка, высказанная на стр. 26, окажется болѣе правдоподобной: скорѣе всего „Θέατρον, s. theatrum politicum" — панегирикъ Анастасія Наузейзіуса „Βασιλικὸν Θέατρον", переведенный на русскій языкъ П. Беклемишевымъ и изданный въ 1710 г. въ Амстердамѣ, in 8-vo. Ср. *Пекарскій*. Наука и литература... Т. II, № 178.

6) Стр. 29, № 185. Compendium theologicae veritatis— вѣроятно, сочиненіе Hugo von Strassburg. Ср. *R. Crüel*. Geschichte der deutschen Predigt im Mittelalter. Detmold 1879, S. 455.

7) Стр. 31, № 232. Paradisus animae, piissimus libellus— повидимому, сочиненіе Jac. Merlo Horstius'a: „Paradisus animae christianae lectissimus, omnigenae pietatis delitiis amoenus". Ср. *Estreicher*. Op. cit. T. XXII, str. 302—303.

8) Стр. 42, № 335. Алфавитъ, риѳмами сложеный—извѣстное сочиненіе Іоанна Максимовича. *Пекарскій*. Op. cit. T. II, № 97.

9) Стр. 45, № 421. Elogia in Josaphat—сочиненіе Andrz. Młodzianowskiego. Ср. *Estreicher*. Op. cit. T. XXII, str. 451—452.

10) Стр. 47, № 455. Triumphus christianus—повидимому, рѣчь Ad. J. Komorowskiegc. *Estreicher.* Op. cit. T. XIX, str. 479.

11) Стр. 52, № 586. Odpowiedz na częste owo pytanie: *gdzie to napisano jest?* ошибочно приписана нами Kar. Kreitz'y. Это отвѣтъ на сочиненіе Kreitz'a: „Catholicus, indebite vexatus acatholicorum quaestione: *ubi scriptum est?*" Ср. *Estreicher.* Op. cit. T. XX, str. 253.

12) Стр. 53, № 609. Отвѣтъ краткій на подметное писмо о рожденіи сихъ временъ антихриста—сочиненіе Іова, митроп. Новгородскаго. *Пекарскій.* Op. cit. T. II, стр. 159—160.

Списокъ членовъ Общества Нестора-лѣтописца къ 1-му января 1915 г.

А. Члены, живущіе въ Кіевѣ.

а) Почетные:

Высокопреосвященнѣйшій Флавіанъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій.

Аѳанасьевъ, Георгій Емельяновичъ.

Владимірскій-Будановъ, Михаилъ Флегонтовичъ.

Ивановъ, Николай Іудовичъ.

Иконниковъ, Владиміръ Степановичъ (членъ-учредитель).

Кулаковскій, Юліанъ Андреевичъ.

Петровъ, Николай Ивановичъ (членъ-учредитель).

Флоринскій, Тимоѳей Дмитріевичъ.

б) Дѣйствительные:

Абрамовичъ, Владиміръ Антоновичъ.

Адріанова, Варвара Павловна.

Александровскій, Григорій Владиміровичъ.

Антоновичъ, Екатерина Николаевна.

Ардашевъ, Павелъ Николаевичъ.

Багрій, Александръ Васильевичъ.
Богаевскій, Петръ Михайловичъ.
Боголюбовъ, о. Николай Михайловичъ.
Бокадоровъ, Николай Константиновичъ.
Бубновъ, Николай Михайловичъ.
Бугославскій, Сергѣй Алексѣевичъ.
Бѣляшевскій, Николай Ѳедотовичъ.
Василенко, Николай Прокоѳьевичъ.
Глокке, Николай Эрнестовичъ.
Голубевъ, Степанъ Тимофеевичъ.
Грузинскій, Александръ Сергѣевичъ.
Гудзій, Николай Каллиниковичъ.
Данилевичъ, Василій Евфимовичъ.
Демченко, Григорій Васильевичъ.
Добровольскій, Леонидъ Павловичъ.
Довнаръ-Запольскій, Митрофанъ Викторовичъ.
Завитневичъ, Владиміръ Зеноновичъ.
Истоминъ, Михаилъ Павловичъ.
Истоминъ, Ѳедоръ Павловичъ.
Каманинъ, Иванъ Михайловичъ.
Кивлицкій, Евгеній Александровичъ.
Клингеръ, Витольдъ Павловичъ.
Клячинъ, Василій Петровичъ.
Кнауэръ, Ѳедоръ Ивановичъ.
Кожинъ, Илья Флоровичъ.
Кордтъ, Веніаминъ Александровичъ.
Кореневскій, Николай Ивановичъ.
Крыловскій, Амвросій Семеновичъ.
Кульженко, Василій Степановичъ.
Левицкій, Орестъ Ивановичъ.
Личковъ, Леонидъ Семеновичъ.
Лобода, Андрей Митрофановичъ.
Лукьяненко, Александръ Митрофановичъ.

Ляскоронскій, Владиміръ Григорьевичъ.
Малининъ, Василій Николаевичъ.
Марковскій, Михаилъ Николаевичъ.
Масловъ, Василій Ивановичъ.
Масловъ, Сергѣй Ивановичъ.
Меньшовъ, Дмитрій Петровичъ.
Мердеръ, Алексѣй Ивановичъ.
Музыченко, Александръ Ѳедоровичъ.
Назаревскій, Александръ Адріановичъ.
Наркевичъ, Николай Ѳедоровичъ.
Науменко, Владиміръ Павловичъ.
Никифоровъ, Николай Ивановичъ.
Огіенко, Иванъ Ивановичъ.
Павлуцкій, Григорій Григорьевичъ.
Пальмовъ, Николай Николаевичъ.
Покровскій, Алексѣй Ивановичъ.
Полонская, Наталія Дмитріевна.
Праховъ, Адріанъ Викторовичъ.
Рогозинскій, Александръ Митрофановичъ.
Розовъ, Алексѣй Васильевичъ.
Розовъ, Владиміръ Алексѣевичъ.
Сикорскій, Иванъ Алексѣевичъ.
Синайскій, Василій Ивановичъ.
Смирновъ, Павелъ Петровичъ.
Соколовъ, Платонъ Петровичъ.
Сонни, Адольфъ Израилевичъ.
Сташевскій, Евгеній Дмитріевичъ.
Стеллецкій, Борисъ Семеновичъ.
Стельмашенко, о. Михаилъ Авксентьевичъ.
Степовичъ, Андроникъ Іоанникіевичъ.
Стешенко, Иванъ Матвѣевичъ.
Стороженко, Андрей Владиміровичъ.
Стороженко, Николай Владиміровичъ.

Тимошокъ, Павелъ Родіоновичъ.
Титовъ, о. Ѳеодоръ Ивановичъ.
Туткевичъ, Дмитрій Васильевичъ.
Ханенко, Богданъ Ивановичъ.
Чаговецъ, Всеволодъ Андреевичъ.
Чернышевъ, Серапіонъ Ивановичъ.
Шаровольскій, Иванъ Васильевичъ.
Шевченко, Савва Филипповичъ.
Щеглова, Софья Алексѣевна.
Щербина, Владиміръ Ивановичъ.
Эрнстъ, Николай Людвиговичъ.
Яворскій, Юліанъ Андреевичъ.
Ясинскій, Михаилъ Никитичъ.

в) Корреспонденты:

Барацъ, Германъ Марковичъ.

Б. Иногородные члены.

а) Почетные:

Бертье-Делагардъ, Александръ Львовичъ (Ялта).
Бобринскій, графъ, Алексѣй Александровичъ (Петроградъ).
Глазовъ, Владиміръ Гавріиловичъ (Москва).
Знаменскій, Петръ Васильевичъ (Казань).
Иловайскій, Дмитрій Ивановичъ (Москва).
Кондаковъ, Никодимъ Павловичъ (Петроградъ).
Латышевъ, Василій Васильевичъ (Петроградъ).
Лучицкій, Иванъ Васильевичъ (Петроградъ).
Соболевскій, Алексѣй Ивановичъ (Петроградъ).
Сумцовъ, Николай Ѳедоровичъ (Харьковъ).
Уварова, графиня, Прасковья Сергѣевна (Москва),
Филипповъ, Александръ Никитичъ (Москва).
Шереметевъ, графъ, Сергѣй Дмитріевичъ (Петроградъ).

б) Дѣйствительные:

Аничковъ, Евгеній Васильевичъ (Петроградъ).
Багалѣй, Дмитрій Ивановичъ (Харьковъ).
Безсмертный, Евгеній Адріановичъ (Саратовъ).
Бережковъ, Михаилъ Николаевичъ (Нѣжинъ).
Бороздинъ, Илья Николаевичъ (Москва).
Бродовичъ, Осипъ Александровичъ (Харьковъ).
Варнеке, Борисъ Васильевичъ (Одесса).
Василенко, Викторъ Ивановичъ (Полтава).
Гамченко, Сергѣй Спиридоновичъ (Житоміръ).
Георгіевскій, Василій Тимоѳеевичъ (Петроградъ).
Гливенко, Иванъ Ивановичъ (Петроградъ).
Глубоковскій, Николай Никаноровичъ (Петроградъ).
Гнѣвушевъ, Андрей Михайловичъ (Москва).
Грушевскій, Александръ Сергѣевичъ (Петроградъ).
Де-Виттэ, Елисавета Ивановна (Калужск. губ.).
Дебольскій, Владиміръ Николаевичъ (Житоміръ).
Де-ла-Бартъ, графъ, Фердинандъ Георгіевичъ (Москва).
Дитрихсъ, Михаилъ Константиновичъ (Петроградъ).
Діаковскій, Евфимій Петровичъ (Вильно).
Дмитріевскій, Алексѣй Аѳанасьевичъ (Петроградъ).
Дороѳеевъ, Георгій Кузьмичъ (Москва).
Желѣзновъ, Владиміръ Яковлевичъ (Москва).
Ивановъ, Николай Ивановичъ (Рига).
Ивановъ, Павелъ Андреевичъ (Одесса).
Ильинскій, Григорій Андреевичъ (Нѣжинъ).
Козловскій, Иванъ Павловичъ (Варшава).
Кулжинскій, Ярославъ Степановичъ (Звенигородка).
Линниченко, Иванъ Андреевичъ (Одесса).
Люба-Радзиминскій, Сигизмундъ Владиміровичъ (Волын. губ.)
Любовичъ, Николай Николаевичъ (Варшава).
Ляскоронскій, Василій Григорьевичъ (Нѣжинъ).

Максимовичъ, Георгій Андреевичъ (Нѣжинъ).
Малиновскій, Іоанникій Алексѣевичъ (Томскъ).
Михалевскій, Владиміръ Андреевичъ (Керчь).
Модзалевскій, Вадимъ Львовичъ (Петроградъ).
Мусинъ-Пушкинъ, графъ, Александръ Алексѣевичъ (Петроградъ).
Николайчикъ, Ѳедоръ Даниловичъ (Ромны).
Новодворскій, Витольдъ Владиславовичъ (Нѣжинъ).
Оглоблинъ, Николай Николаевичъ (Москва).
Павловскій, Иванъ Францевичъ (Полтава).
Падалка, Левъ Васильевичъ (Полтава).
Перетцъ, Владиміръ Николаевичъ (Петроградъ).
Петровскій, Мемнонъ Петровичъ (Казань).
Петръ, Вячеславъ Ивановичъ (Нѣжинъ).
Рѣзановъ, Владиміръ Ивановичъ (Нѣжинъ).
Савва, Владиміръ Ивановичъ (Харьковъ).
Сперанскій, Михаилъ Несторовичъ (Москва).
Спрогисъ, Иванъ Яковлевичъ (Вильно).
Сторожевъ, Василій Николаевичъ (Москва).
Сѣцинскій, о. Евфимій Осиповичъ (Каменецъ-Подольскъ).
Терновскій, Сергѣй Алексѣевичъ (Казань).
Трубецкой, князь, Евгеній Николаевичъ (Москва).
Удинцевъ, Всеволодъ Аристарховичъ (Петроградъ).
Уманецъ, Ѳедоръ Михайловичъ (Черниговъ).
Фарфоровскій, Сергѣй Васильевичъ (Елисаветполь, Закавк.).
Фотинскій, Орестъ Авксентьевичъ (Житомиръ).
Челпановъ, Георгій Ивановичъ (Москва).
Шахматовъ, Алексѣй Александровичъ (Петроградъ).
Эйнгорнъ, Виталій Осиповичъ (Карачовъ, Орлов. губ.).
Ясинскій, Антонъ Никитичъ (Юрьевъ).

в) Корреспонденты:

Гатцукъ, Семенъ Андреевичъ (Черниг. губ.).

Каньшинъ, Викторъ Павловичъ (г. Сумы, Харьков. губ.).
Пичета, Владиміръ Ивановичъ (Екатеринославъ).
Рябининъ, Иванъ Трофимовичъ (д. Гарницы, Олонец. губ.)

В. Члены, находящіеся за границей.

а) Почетные:

Успенскій, Ѳедоръ Ивановичъ (Константинополь).
Ягичъ, Игнатій Викентьевичъ (Вѣна).

б) Дѣйствительные:

Грушевскій, Михаилъ Сергѣевичъ (Львовъ).
Де-Бай, Жозефъ, баронъ (Парижъ).
Прохаска, Антоній Антоніевичъ (Львовъ).
Ровинскій, Павелъ Аполлоновичъ (Цетинье).
Шишмановъ, Иванъ Дмитріевичъ (Софія).
Яновскій, Людвигъ Викторовичъ (Краковъ).

Должностныя лица Общества Нестора-лѣтописца.

(избраны по октябрь 1917 г.).

Предсѣдатель—Ю. А. Кулаковскій.
Товарищъ предсѣдателя—А. М. Лобода.
Казначей—В. И. Щербина.
Секретарь—С. И. Масловъ.
Библіотекарь и помощникъ секретаря—В. А. Абрамовичъ.

Совѣтъ Общества.

а) Члены по должности.

Ю. А. Кулаковскій.
А. М. Лобода.

В. И. Щербина.
С. И. Масловъ.

б) Пожизненные члены (чл.-учред. Общ-ва).

В. С. Иконниковъ.
Н. И. Петровъ.

в) Члены, избранные по мартъ 1918 г.

М. Ф. Владимірскій-Будановъ.
В. З. Завитневичъ.
О. И. Левицкій.
А. І. Степовичъ.

г) Члены, избранные по мартъ 1915 г.

Г. Е. Аѳанасьевъ.
М. В. Довнаръ-Запольскій.
И. М. Каманинъ.
В. И. Щербина.

Редакціонный Комитетъ.

М. Ф. Владимирскій-Будановъ.
В. С. Иконниковъ.
Ю. А. Кулаковскій.
А. М. Лобода.
В. И. Щербина.
С. И. Масловъ.

---

4. Князь *Владиміръ*—отецъ князя Александра.

5. Инокъ князь *Александръ*—неизвѣстный.

6. Князь *Семенъ Олельковичъ*—князь Кіевскій, † 1470.

7. Князь *Михаилъ* Олельковичъ Слуцкій, † 1481.

8. Князь *Іоаннъ*—сынъ Владиміра Ольгердовича, князь Бѣльскій.

9. Князь *Романъ*—Кобринскій.

10. Князь *Александръ*—Глинскій?

11. Князь *Михаилъ*—не мужъ ли княгини Софіи Семеновны Олельковичевой, князь Тверской?

12. 13. Князья *Петръ* и *Илья?*

14. Князь *Симеонъ* Михаиловичъ Слуцкій, † 1503 г.

15. 16. Князья *Владиславъ* и *Петръ*?

17. Князь *Стефанъ*—не мужъ ли княгини Овдотьи Олельковичевой, господарь волошскій?

18. Князь *Михаилъ*?

19. Княгиня *Анна*—жена князя Михаила Олельковича.

20. Княгиня *Александра*—дочь князя Семена Олельковича, † 1518, за княземъ Ѳеодоромъ Ярошевичемъ.

21. Княгиня инокиня *Марина—?*

22. Княгиня инокиня *Настасія*—не жена-ли князя Александра Владиміровича?

23. Княжна великая *Софія*—не жена-ли Владислава Ягайлы? Г. Радзиминскій предполагаетъ въ ней супругу великаго князя Василія III (94).

24. Княгиня *Софья*—дочь князя Семена Олельковича, жена князя Михаила Тверского.

25. Княгиня инокиня *Настасія?*

26. Княгиня *Марія?*

27. Княгиня *Василиса*—жена князя Ивана Владиміровиа Бѣльскаго.

28. Княгиня *Анна*—не дочь-ли князя Семена Романовича Кобринскаго, за княземъ Ѳеодоромъ Бѣльскимъ?

29. 30. 31. Княгини: *Вопка, Овдотья* (дочь Александра Владиміровича) и княгиня *Марія*—жены Стефана Валахскаго. [1]).

[1]) Радзиминскій, 123.

32. 33. 34. Княгиня инокиня *Анна*, княжны *Наталія* и *Марина?*

35. Княгиня *Ѳеодора*—не жена-ли князя Ивана Семеновича Кобринскаго, внучка князя Андрея Влад. Ольгердовича?

36. Княгиня *Евпраксія*—не дочь-ли Ольгерда?

37. Княгиня *Настасія*—не жена-ли князя Семена Михайловича Слуцкаго, княжна Мстиславская?

38. Князь *Ѳома*—не тотъ-ли самый, который упоминается въ родѣ князей Трубецкихъ?

39. Митрополитъ *Григорій*—Самблакъ, 1416—1419 г.г.

40. Архимандритъ *Николай* (въ Печерской лаврѣ).

41. Архимандритъ *Іосифъ*—между 1470 и 1480 г.г.

II. Памяни Г—ди князей наших великих:

1. Князя великаго *Владиміра*, нареченнаго въ святомъ крещеніи Василія (Владиміра Святославовича).

2. Князя великаго *Ольгерда*, нареченнаго въ святомъ крещеніи *Димитрія.*

(Далѣе въ подлинникѣ около 3 строкъ выскоблено. Было написано: князій великій Витовтъ, нареченный въ святомъ крещеніи Александромъ).

3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. Великіе князья: *Симеонъ, Даніилъ, Іоаннъ, Дмитрій, Василій, Василій, Симеонъ*—всѣ эти имена, надо полагать, относятся къ великимъ князьямъ Московскимъ, въ Литвѣ такихъ не было. Родство же между ними существовало. Великимъ княземъ *Ѳеодоромъ* назывался Ѳеодоръ Любартовичъ, великій князь Владиміро-Волынскій.

11. 12. Великіе князья: *Іоаннъ, Симеонъ?* [1])

13. Великій князь *Александръ*—не Витовтъ ли?

14. Великій князь *Дмитрій*—не Любартъ-ли?

15. Великій князь *Скиргайло*, во святомъ крещеніи нареченный *Іоаннъ.*

16. Великій князь *Владиміръ* Кіевскій Ольгердовичъ.

---

[1]) Arch. Sang., т. I, 8.

17. Князь *Александръ* Кіевскій, во иноцѣхъ *Алексій.*

18. Сынъ его, князь *Симеонъ* Кіевскій.

19. Князь *Василій*—сынъ князя Симеона, † 1496.

20. Князь *Іоаннъ*—сынъ Владиміра Ольгердовича, князь Бѣльскій.

21. Князь *Андрей*—сынъ Владиміра Ольгердовича.

22. Князь *Іоаннъ*—не былъ-ли у предъидущаго сынъ этого имени?

23. Князь *Глѣбъ*—сынъ князя Андрея Владиміровича.

24. Князь Ольгимонтъ, нареченный во святомъ крещеніи *Михаилъ*, во иноцѣхъ *Евфимій.*

Слѣдующія за симъ имена относятся къ роду князей Голшанскихъ.

Остается еще одна запись, относящаяся къ роду *Олельковичей.*

Родъ княгини *Юрьевой* (Олельковичей, княгини Голшанской).

Въ помянникъ внесены:

1. Князь *Александръ* Владиміровичъ Ольгердовичъ.

2. Княгиня *Анастасія*—его супруга.

3. Князь *Симеонъ*—ихъ сынъ.

4. Княгиня *Марія*—жена изъ рода Гаштольдовъ.

5. Княгиня *Василиса*—Голшанская, за княземъ Бѣльскимъ.

6. Князь *Симеонъ* Михайловичъ Слуцкій.

7. Князь *Михаилъ*—отецъ его.

8. Княгиня *Овдотья*—дочь князя Александра Владиміровича, за Стефаномъ Великимъ, господаремъ валахскимъ.

9. Князь *Михаилъ*—вѣроятно Тверской, супругъ.

10. Княгиня *Софья*—дочь Семена Александровича (Олельковича).

11. Князь *Іоаннъ*—можетъ быть Ольгимонтовичъ.

12. Княгиня *Марія*—можетъ быть жена Семена Ивановича Голшанскаго.

13. Князь *Іоаннъ*—можетъ быть князь Иванъ Юрьевичъ Голшанскій, † 1481 г.

14. Князь *Юрій*—мужъ княгини Юрьевой, родъ которой здѣсь вписанъ.

Теперь перейдемъ къ записи *Софіи Зубровицкой*. Вольфъ спрашиваетъ: „не дочь ли это одного изъ Коріатовичей?“ Но изъ братьевъ Коріатовичей ни одинъ не назывался Жедевидомъ. Быховецъ называетъ сына Ольгерда, извѣстнаго подъ именемъ Коригайлы, *Иваномъ Жедевидомъ* подольскимъ [1]). По другимъ источникамъ онъ назывался или просто Коригайло [2]), или Коригайло-Казиміръ [3]), или Коригайло-Василій-Казиміръ, причемъ Вольфъ называетъ его княземъ Мстиславскимъ [4]). Очевидно, Быховецъ считалъ княгиню Софію Зубровицкую [5]) дочерью Коригайла. Не поможетъ ли намъ самая запись помянника въ рѣшеніи этого вопроса?

Послѣ имени Софіи Зубрицкой слѣдуютъ имена:

1. *Дмитрій*, въ иноцѣхъ *Даміанъ*. Подъ этимъ именемъ въ родѣ Ольгерда извѣстны: 1) самъ *Ольгердъ*, 2) *Корибутъ-Дмитрій* и 3) *Дмитрій* Брянскій. Изъ нихъ Корибутъ палъ въ битвѣ на Ворсклѣ; могъ ли онъ передъ смертью принять иночество? Не признать ли подъ этимъ именемъ самого Ольгерда, какъ главы рода?

2. Княгиня *Ографена*—въ родѣ Ольгердовичей это имя не встрѣчается. Не мать-ли это княгини Софіи Зубровицкой?

3. Князь *Ѳеодоръ*. Въ родѣ Ольгердовичей подъ этимъ именемъ извѣстны: 1) *Ѳеодоръ Ольгердовичъ*, родоначальникъ князей Кобринскихъ, Гурко и Сангушковичей, и 2) князь *Ѳеодоръ Корибутовичъ*.

4. Княгиня *Анастасія*—сестра Ѳеодора Корибутовича, жена князя Василія Кашинскаго; другая Анастасія, жена Димитрія Корибута, дочь Олега Ивановича Рязанскаго.

---

[1]) Spr. początków rodu XX Sang. Z. L. Radziminski.

[2]) B. Gorczak. X. L. D. Kozicki, 6.

[3]) Даниловичъ, Длугошъ.

[4]) Вольфъ, Радзиминскій.

[5]) Стадницкій, 207. Вольфъ, 340.

5. Князь *Іоаннъ*—братъ ихъ, Корибутовыхъ. Если же признать княгиню Софію Зубровцкую дочерью Коригайла и вмѣстѣ съ Быховцемъ называть послѣдняго Іоанномъ, то придется подъ этимъ именемъ видѣть отца княгини Софьи.

6. Княгиня *Марія Корибутовна*—княгиня Ѳеодоровая Воротынская.

7. Князь *Андрей.* Въ семьѣ Корибута этого имени нѣтъ, но среди Ольгердовичей извѣстны: 1) князь Андрей Ольгердовичъ полоцкій, † 1399, и князь Андрей Владиміровичъ Ольгердовичъ, † 1455. Впрочемъ, литовскіе источники говорятъ, что у Дмитрія Корибута былъ сынъ Андрей.

8. 9. 10. Имена: *Акулина, Савва, Татіяна* совсѣмъ не встрѣчаются въ родѣ Ольгердовичей и Гедиминовичей; они могутъ относиться къ роду матери княгини Софіи, намъ неизвѣстному.

11. Князь *Василій*—можетъ быть князь Кашинскій, супругъ княгини Анастасіи Корибутовны, встрѣчается подъ годами 1393 и 1417.

12. Княгиня *Уліана*—можетъ быть вторая супруга Ольгерда.

13. Княгиня *Уліана* въ родѣ Ольгердовичей—дочь князя Ивана Владиміровича Бѣльскаго, бывшая въ замужествѣ за княземъ Дмитріемъ Одинцевичемъ.

14. Князь *Іоаннъ.* Въ родѣ Ольгердовичей, кромѣ Корибутовича, подъ этимъ именемъ извѣстны: 1) Скиргайло—Іоаннъ Ольгердовичъ, 2) князь Иванъ Андреевичъ, намѣстникъ псковскій, внукъ Ольгерда, 3) князь Иванъ Дмитріевичъ, сынъ князя Брянскаго, и 4) князь Иванъ Владиміровичъ Бѣльскій. За исключеніемъ Скиргайлы, † 1396, всѣ другіе современники.

15. Князь *Симеонъ* — можетъ быть Лугвень Ольгердовичъ, князь Мстиславскій.

16. Князь *Константинъ.* Ольгердовичъ — родоначальникъ Чорторыйскихъ.

17. Княгиня *Марія*
18. Княгиня *Марія*

въ родѣ Ольгердовичей подъ этимъ именемъ извѣстны: 1) пер-

вая супруга Ольгерда, княжна Витебская, 2) жена князя Семена Лугвеня, 3) жена князя Андрея Владиміровича.

Итакъ, всѣ имена разсматриваемой записи помянника, за исключеніемъ именъ подъ №№ 8, 9, 10, встрѣчаются въ родѣ Ольгердовичей, и многія изъ нихъ, очевидно, относятся къ роду Дмитрія Корибута. Это даетъ право предполагать, что княгиня Софья Зубровицкая вышла изъ рода Корибута, что Быховецъ ошибся, считая ее дочерью Киргайла-Іоанна, и что она могла быть дочерью Ѳеодора Корибутовича, имя котораго стоитъ въ ряду первыхъ мѣстъ записи, впереди Іоанна.

Можетъ быть, надъ Дмитріемъ Корибутомъ успѣли совершить обрядъ постриженія, и въ такомъ случаѣ имя, стоящее на первомъ мѣстѣ записи, относится къ нему. Но предположеніе, что отцомъ княгини Софьи Зубровицкой былъ князь Ѳеодоръ Корибутовичъ, противорѣчитъ мнѣнію, что онъ былъ безпотомственнымъ [1]). Но такое мнѣніе не безспорно. Матерью же княгини Софьи могла быть княгиня Ографена, стоящая рядомъ съ княземъ Ѳеодоромъ.

XIX. Родъ князя Юрія Пинскаго.

Гедиминъ, завладѣвъ Пинскомъ, отдалъ его сыну своему Наримонту, который потомъ палъ въ битвѣ на Стравѣ въ 1348 г.; нѣсколько лѣтъ спустя является княземъ Пинскимъ князь Василій Михайловичъ Наримонтовичъ. О Михаилѣ Наримонтовичѣ упоминается глухо. Существованіе его подтверждается лишь тѣмъ, что сынъ его называется „Михайловичемъ“. Въ 1349 г. въ посольствѣ отъ Ольгерда къ татарамъ между князьями литовскими называется Михаилъ, быть можетъ, Наримонтовичъ. Во всякомъ случаѣ, пинскимъ княземъ онъ былъ недолго и преемникомъ его явился сынъ его, Василій. Князь Василій Михайловичъ уже извѣстное лицо. Въ 1355 г. князь Василій Михайловичъ Наримонто-

[1]) Вольфъ, 179.

вичъ, князь Пинскій и Мстиславскій, основалъ въ Курженцѣ церковь во имя Пресв. Богородицы. Далѣе упоминается князь Федюшко, „отца своего князя Василья сынъ“. Въ 1386 г. князь Василій Пинскій присягалъ на вѣрность королю, королевѣ и коронѣ польской. Въ слѣдующемъ году упоминается въ одномъ актѣ, вмѣстѣ съ княземъ Витовтомъ, Юріемъ Бѣльскимъ, Ѳеодоромъ Ратненскимъ, *Василій Пинскій*, Ѳеодоръ Владимірскій, Юрій Слуцкій и Семенъ Степанскій. Князь Василій Пинскій умеръ въ концѣ XIV в. Сыновьями его могли быть, кромѣ упомянутаго *Федюшки*, и *Семенъ*, и слѣдовавшій за княземъ Василіемъ, непосредственно, князь *Юрій Пинскій* [1]).

Въ помянникъ внесенъ (32):

I. *Родъ князя Юрія Пинскаго.*

Надо полагать, что это и былъ преемникъ и, вѣроятно, сынъ князя Василія Михайловича Пинскаго. Онъ въ 1398 г подписалъ мирный договоръ Витовта съ орденомъ.

1. Княгиня *Евпраксія*—вѣроятно, мать или жена князя Юрія.

2. Князь *Юрій*—родъ котораго вписанъ въ помянникъ.

3. Князь *Іоаннъ*—можетъ быть сынъ князя Юрія или братъ.

4. Князь *Юрій*—можетъ быть племянникъ князя Юрія Пинскаго, сынъ князя Семена Васильевича, бывшій княземъ Пинскимъ при королѣ Казимірѣ.

6. Княгиня *Агриппина*—можетъ быть жена князя Юрія Семеновича.

XX. Княгиня Ровенская.

Она внесена въ помянникъ въ родъ священника Исаакія „отъ великаго Николы Пустыньского монастыря“ (67).

Княгиня *Марія Ровенская*, дочь Феди Оршанки (отецъ Феди былъ панъ Оршанинъ Юрша, имя котораго неизвѣст-

[1]) Вольфъ, 366.

но. Другимъ мужемъ Феди, отчимомъ Маріи, былъ Олизаръ Шиловскій, староста луцкій, маршалокъ земли Волынской), была вдова п. Якова Войны Немировича, старосты луцкаго, который въ духовной записалъ женѣ своей, дочери п. Федька Олизаровой, Маріи: Стволовичи, Житинъ, Честный Крестъ, Буяновъ и другіе съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ бездѣтной смерти ея или вторичнаго замужества, имѣнія эти перешли къ племянникамъ его, князьямъ Чорторыйскимъ. Въ 1460 г. Марія Немировичева вышла вторымъ бракомъ за князя Семена Васильевича Несвижскаго-Збаражскаго. Въ 1487 г. король утвердилъ за ней владѣніе Хоценомъ, который записалъ на нее отчимъ ея, покойный Олизаръ Шиловичъ. Княгиня Марія Ровенская упоминается подъ 1485, 1488, 1490, 1491, 1494, 1503 г.г. [1]), по случаю пріобрѣтенія ею покупкою разныхъ имѣній. Въ 1507 году король Сигизмундъ подтвердилъ владѣніе Ровномъ и другими имѣніями покойнаго князя Семена Васильевича княгинѣ Маріи Ровенской.

Г. Ровно былъ пріобрѣтенъ княземъ Семеномъ Васильевичемъ въ 1461 г. отъ Ивана Дьяка Васильевича, и вдова его, княгиня Марія, извѣстна только подъ именемъ княгини Ровенской. Внучка ея была замужемъ за княземъ К. И. Острожскимъ. Княгиня Марія Ровенская умерла въ 1517 г.

Сестра п. Ѳеди Олизаровой была за княземъ Василіемъ Григорьевичемъ Друцкимъ [2]).

XXI. Князья Ряполовскіе.

„С Москвы уписали родъ князя *Семена Ряполовскаго*, отець и мати и сына“ (78).

1. Князь *Іоаннъ*—отецъ князя Симеона.

2. Инокиня схимница княгиня *Настасія*—мать князя Семена.

3. Князь *Симеонъ*—сынъ ихъ.

---

[1]) Arch. Sang., t. I, 79, 87, 92, 93, 101, 120, 121, 125, 126, 142, 145.

[2]) Вольфъ, 607.

Князь Семенъ Ивановичъ Ряполовскій, воевода Московскій, участвовалъ въ походѣ Іоанна III на Новгородъ въ 1477 г. Въ 1496 г. ходилъ съ большимъ войскомъ защищать казанскаго царя Махметъ-Амина отъ притѣсненій хана Шибянскаго. Въ 1494 г. ѣздилъ въ Литву принимать присягу Іоанну III отъ Александра, великаго князя Литовскаго; въ 1498 г. содѣйствовалъ открытію заговора противъ Дмитрія, внука Іоанна. Подозрѣвая обманъ, Іоаннъ велѣлъ разслѣдовать дѣло, обвинилъ Ряполовскаго въ измѣнѣ и велѣлъ казнить его [1]).

XXII. Родъ князей Ромодановскихъ.

Фамилія ихъ происходитъ отъ названія „шляха Ромодана“ въ Полтавской губ. Князья Ромодановскіе происходятъ отъ князей Стародубскихъ, потомковъ Черниговскихъ князей. Князь Василій Ѳеодоровичъ, жившій во второй половинѣ XV в., былъ родоначальникомъ этого дома [2]).

Въ помянникъ внесены: (40.84).

I. Родъ князя *Семена* Васильевича Ромодановскаго. Бонецкій говоритъ о князѣ Семенѣ, что онъ умеръ въ плѣну въ Трокахъ въ 1538 г. [3]). У Карамзина онъ упоминается подъ 1499 г., какъ посолъ царя къ Крымскому хану [4]).

1. Князь *Ѳеодоръ*—должно быть братъ князя Семена, упоминается у Карамзина подъ 1501 г. [5]).

2. Князь *Иванъ*—другой его братъ, у Карамзина подъ 1485 г., какъ участникъ въ походѣ на казанскаго царевича Мехметъ-Аминя [6]).

3. Князь *Михаилъ*—вѣроятно, тоже Семеновъ братъ; родъ его внесенъ во вторую запись помянника.

---

[1]) Энциклоп. словарь Брокгауза.

[2]) Ibid.

[3]) Ст. 238.

[4]) IV., прим. 459.

[5]) VI, 187, прим. 495—496.

[6]) VI, прим. 299.

Вторая запись:

1. Князь *Досифей* схимникъ, 2) княгиня *Огрофена*, 3) княгиня *Марина* схимница, 4) княгиня *Акулина* инокиня. Изъ княгинь *Евфимія* неизвѣстна. Первое имя можетъ быть относится къ отцу трехъ братьевъ, второе—къ матери ихъ, остальныя три, можетъ быть, къ женамъ ихъ.

II. Родъ князя *Михаила Васильевича Ромодановскаго.*

1. Инокъ князь *Мисаилъ*—не самъ ли князь Михаилъ?

2. Инокъ князь *Васьянъ*—можетъ быть, князь Василій, отецъ или братъ упомянутыхъ князей; упоминаемый подъ 1490 г. [1]).

3. Княгиня *Евфимія*—вѣроятно, та же, что и въ предыдущей записи, можетъ быть, жена князя Михаила.

XXII. Родъ князей Ружинскихъ.

Окольскій производитъ этихъ князей отъ Наримонта Гедиминовича, Папроцкій—отъ Коріата Гедиминовича; М. А. Максимовичъ [2]) держится мнѣнія Окольскаго; Вольфъ же болѣе вѣроятнымъ считаетъ происхожденіе ихъ отъ мѣстныхъ волынскихъ князей. Сами же Ружинскіе считали себя Наримонтовичами; но это ничего не доказываетъ [3]). Въ XV и XVI в. литовско-русскіе князья и литовскіе писатели любили производить всѣхъ литовско-русскихъ князей отъ Гедимина.

Первымъ извѣстнымъ княземъ *Ружинскимъ* былъ князь *Иванъ*, упоминаемый подъ 1486 г. Сынъ его князь *Михаилъ* назывался то княземъ *Ружинскимъ*, отъ владѣнія Ружинымъ (во Владимірскомъ повѣтѣ, недалеко отъ Ковля), то *Роговицкимъ*—отъ владѣнія Роговичами; онъ умеръ въ 1523 г. [4]).

---

[1]) Карамзинъ, VI, 145, прим. 374.

[2]) Собраніе сочиненій, т. I, стр. 298.

[3]) Лѣтопись историко-родосл. общества въ Москвѣ, вып. 4, 1905 г., стр. VII.

[4]) Вольфъ, 413.

Сыновья его, князья Иванъ, Василій и Ѳеодоръ, не разъ упоминаются въ актахъ, какъ князья Роговицкіе [1]). Такимъ образомъ, существованіе князей Роговицкихъ внѣ сомнѣнія, вопреки утвержденію М. А. Максимовича, что „такихъ князей и не слыхано“ [2]).

Отъ трехъ братьевъ: Ивана, Василія и Ѳеодора, пошли три вѣтви:

1. Князь Иванъ *Михайловичъ* Роговицкій упоминается подъ годами: 1524, 1528, 1533 и 1545.

Сыновья его называются только князьями Ружинскими.

2. Князья *Василій и Ѳеодоръ* также называются князьями Роговицкими, но сыновья ихъ—князьями Ружинскими.

Можно предположить, что къ этому времени имѣніе Роговичи перешло въ другой родъ.

Ѳ. И. Леонтовичъ говоритъ, что князья Ружинскіе, какъ полагаютъ, сдѣлались удѣльными князьями еще при Ольгердѣ [3]). Этимъ самымъ какъ бы отвергается происхожденіе ихъ отъ мѣстныхъ князей. Въ помянникъ внесенъ (стр. 78) родъ князя Ружинскаго—слѣдуетъ нѣсколько нетитулованныхъ именъ.

XXIII. Князья Солтаны.

Княжескаго рода Солтановъ не существовало; были дворяне Солтаны, къ роду которыхъ принадлежитъ митрополитъ Іосифъ [4]); были князья съ именемъ Солтана въ родѣ *Збаражскихъ*—князь Солтанъ Васильевичъ, и въ родѣ князей *Сокольскихъ*—князь Солтанъ Михайловичъ [5]).

Въ помянникъ внесенъ: 1) *родъ князей Солтановъ*. Въ родѣ князей Сокольскихъ не встрѣчаются имена въ записи; въ родѣ князей Збаражскихъ встрѣчаются только имена *Си-*

---

[1]) Arch. Sang. t. t. I, 2; III, 67, 72, 73, 325, 449.

[2]) Собр. сочиненій, т. I, 303.

[3]) Исторія литовскаго права, 254.

[4]) Бонецкій, 332.

[5]) Бонецкій, 326, 421. Вольфъ, 492, 606.

меона и *Агриппины*. Подъ именемъ инока князя *Симеона*, можетъ быть, скрывается князь Солтанъ Збаражскій. Подъ именемъ княгини *Агриппины*, † 1472,—можетъ быть супруга князя Солтана. Другой князь Симеонъ, можетъ быть, братъ князя Солтана, мужъ княгини Маріи Ровенской.

Княгиня *Анна*, можетъ быть, жена князя Василія Збаражскаго, брата князя Солтана. Князь *Іоаннъ*, неизвѣстный въ родѣ, если не считать за такого князя Ивана Несвицкаго Предѣльницкаго, женатаго на Ярохнѣ наслѣдницѣ Предѣльницкой въ землѣ Перемышльской, жившаго во второй половинѣ XV в. и бывшаго, какъ кажется, младшимъ сыномъ князя Ѳеодора Несвицкаго [1]).

XXIV. Родъ князей Трубецкихъ.

Фамилія ихъ происходятъ отъ имени Трубчевска, древняго Трубецка, повѣтоваго мѣстечка въ губерніи Орловской.

Въ концѣ XIV в. этимъ городомъ, вмѣстѣ съ Брянскомъ и Черниговомъ, владѣлъ Дмитрій Ольгердовичъ, съ титуломъ князя Черниговскаго и Трубчевскаго. Послѣ его смерти (въ 1399 г. на Ворсклѣ), сыновья его получили изъ владѣній отцовскихъ только Трубчевскъ, который былъ подвластенъ Брянску и Чернигову. Князь Свидригайло, владѣвшій этими городами съ 1419 г., титуловался и княземъ Трубчевскимъ [2]).

Въ помянникъ внесены:

I. *Родъ князя Ивана Трубецкого.*

1. Князь *Дмитрій*—Ольгердовичъ.

2. Князь *Михаилъ*—сынъ его.

3. Князь *Іоаннъ*—внукъ Михаила, сынъ князя Юрія, ушедшаго въ Москву.

4. Князь *Романъ*—внукъ князя Іоанна Юрьевича, сынъ князя Семена Ивановича. Годъ смерти его неизвѣстенъ.

---

[1]) Вольфъ, 276.

[2]) Вольфъ, 541—542.

Отецъ его, Семенъ, умеръ въ 1533 г., и такъ какъ имя его не внесено въ запись, то слѣдуетъ предположить, что князь Романъ умеръ раньше отца, оставивъ, однако, потомство.

5. 6. 7. Княгини: *Ѳедосія, Марія, Анастасія* — имена эти не встрѣчаются въ родѣ князя Ивана Трубецкого, въ родословныхъ, но такъ какъ имена женъ князей Михаила, Юрія, Іоанна—неизвѣстны, то можно предположить, что подъ записанными въ помянникѣ именами скрываются эти лица.

8. Князь *Ѳома*—неизвѣстенъ. Можно предположить въ немъ внука князя Ивана, умершаго въ дѣтствѣ.

II. *Князь Іоаннъ, Юрьевичъ сынъ.*

Князь *Иванъ Юрьевичъ* Трубецкой съ 1487—1490 г. былъ при королѣ Казимірѣ намѣстникомъ Мценскимъ и Любецкимъ. Въ 1488 г. князь Иванъ Юрьевичъ доноситъ королю о пограничныхъ нападеніяхъ со стороны Москвы: Князь Иванъ Юрьевичъ упоминается въ 1490 г. въ дипломатической корреспонденціи короля Казиміра съ великимъ княземъ Московскимъ по поводу нападеній со стороны Москвы на Любутскъ. Въ 1500 г. князь Иванъ Юрьевичъ принялъ подданство Москвы; умеръ, какъ кажется, въ 1501 г. [1]).

XXV. Родъ князей Ярославичей.

Князь Василій Ярославичъ Боровскій, потерявъ удѣлъ въ Москвѣ, перешелъ въ Литву, гдѣ назывался, по имени отца, *Ярославичемъ*. Дѣти его и внуки сохранили это имя. Родъ князей Боровскихъ происходитъ отъ князя Андрея Ивановича Московскаго, младшаго сына великаго князя Ивана Даниловича Калиты, получившаго въ удѣлъ Боровскъ, въ нынѣ Калужской губ. Сынъ его, князь Владиміръ Андреевичъ, по прозванію „Храбрый“, двоюродный братъ великаго князя Димитрія Донского и удѣльный

[1]) Вольфъ, 542.

князь на Боровскѣ и Серпуховѣ, женился на Еленѣ, дочери Ольгерда, въ 1391 г.; княгиня Елена овдовѣла въ 1410 г. и умерла въ Москвѣ въ 1437 г., принявъ передъ смертью иночество съ именемъ Евпраксіи. У князя Владиміра Андреевича и княгини Елены было 6 сыновей, которые имѣли удѣлы въ Боровскѣ, Серпуховѣ и Угличѣ. Изъ нихъ *Ярославъ Владиміровичъ*, удѣльный князь Боровскій, умеръ въ 1426 г., оставивъ двухъ дочерей: *Марію*, жену великаго князя Василія Васильевича, *Елену*, жену Михаила Андреевича, князя Верейскаго, и сына *Василія*. Василій Ярославичъ, удѣльный князь Боровскій, бывшій сторонникомъ Димитрія Шемяки, въ 1446 г. ушелъ на Литву, гдѣ получилъ отъ Казиміра Брянскъ, Гомель, Стародубъ и Мстиславъ. Вскорѣ опять возвратился въ Москву и получилъ отъ вел. князя Василія подтвержденіе на владѣніе своими отчинами въ 1449 г. Въ томъ же году князь Василій Ярославичъ подписалъ трактатъ великаго князя Василія съ Литвой. Въ 1456 г., невинный, былъ схваченъ въ Москвѣ и лишенъ удѣла; только женѣ его и дѣтямъ удалось уйти въ Литву. Василій Ярославичъ умеръ во Владимірѣ въ 1483 г. Жена его, возвратившись къ нему, родила ему еще трехъ сыновей: *Ивана*, *Андрея* и *Василія*. Изъ нихъ Иванъ молодымъ прибылъ въ Литву и получилъ отъ короля Казиміра: Клецкъ, Городокъ и Рогачовъ надъ Днѣпромъ. Князь Иванъ Ярославичъ былъ женатъ на дочери князя Ѳеодора Воротынскаго и Маріи Корибутовны. Онъ умеръ въ 1518 г. [1]).

Въ помянникъ внесенъ (69):

I. Родъ *князя Ѳеодора Ярославича.*

1. 2. Князь *Ѳеодоръ*, княгиня *Елена*. Князь Ѳеодоръ Ярославичъ былъ женатъ на Еленѣ (Александрѣ), дочери князя Семена Олельковича Кіевскаго и жены его Маріи, которая, будучи вдовою, владѣла Пинскомъ вмѣстѣ съ сыномъ Василіемъ Семеновичемъ, † 1495 г. По смерти сына княгиня Марія владѣла Пинскомъ вмѣстѣ съ дочерью сво-

[1]) Вольфъ, 153—154.

ею Еленой, какъ о томъ свидѣтельствуютъ документы 1496—1498 г.г. Въ 1498 г. княгиня Елена вышла за князя Ѳеодора Ярославича. Въ 1501 году княгиня Марія умерла, и король утвердилъ Пинскъ за княземъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ Ярославичемъ и его княгиней, дочерью князя Семена Олельковича. Съ тѣхъ поръ князь Ѳеодоръ Ярославичъ съ княгиней своей Еленой владѣли Пинскомъ. Княгиня Елена умерла въ 1518 г., а князь Ѳеодоръ Ивановичъ въ 1521 году и погребенъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ [1]).

Въ той же записи, среди многихъ именъ, относящихся къ разнымъ родамъ, стоитъ „князь *Стефанъ*“ и на поляхъ противъ этого имени стоитъ „*Домонтовичъ*“.

XXVI. Родъ князей Домонтовичей.

Они происходятъ изъ д. Домонтовъ, въ повѣтѣ Радомысльскомъ, въ Кіевской губ.

Князья Домонтовы владѣли имѣніемъ Мошны въ повѣтѣ Черкасскомъ, отъ котораго назывались прежде Мошенскими. Имѣніе Мошенское въ первой половинѣ XV в. получилъ какой-то князь Григорій, который уступилъ его князю Семену Глинскому. Въ бытность княземъ Кіевскимъ князя Семена Васильевича, Мошны отданы были нѣкоему Юршѣ, сыну котораго, боярину кіевскому, Ваську Юршовичеву, великій князь Александръ подтвердилъ въ 1494 г. право владѣнія Мошнами въ повѣтѣ Черкасскомъ, которые даны были отцу его княземъ Семеномъ Олельковичемъ.

Въ описаніи замка Черкасскаго, въ 1552 г., упоминается владѣтелемъ Мошенъ подъ Черкассами князь *Василій Домонтъ* черкашанинъ, а далѣе говорится, что князь Василій Домонтъ владѣетъ домомъ въ Черкассахъ и въ трехъ миляхъ отъ города селомъ Мошнами; тутъ же говорится, что Янъ Келбовскій владѣлъ: третьею частью въ Мошнахъ по

[1]) Вольфъ, 155—156.

женѣ, княгинѣ Домонтовнѣ, половиной села Лебедина владѣлъ Михайло Гробуновичъ, также по женѣ, княгинѣ Домонтовичъ, а другой половиной этого села владѣлъ Янъ Келбовскій, и еще другимъ селищемъ и городищемъ, по имени „Глинское", владѣли за Днѣпромъ, на р. Ворсклѣ, Совладѣльцами Лебедина и Кирилова были: Николай Клебовскій, Лазарь Боруховскій, Ѳеодоръ и др., Грибуновичи Байбузевы и Янъ Луцкевичъ, изъ которыхъ первый въ 1618 г. требовалъ себѣ выдѣленія части „по бабкѣ своей Еленѣ, съ Глинскихъ, Василевой Домонтовой" [1]).

На основаніи этихъ свѣдѣній Вольфъ выводитъ родоначальникомъ Домонтовичей князя *Василія Домонта Ряшова* (?), „котораго родъ вписанъ въ помянникъ Кіевскій рядомъ съ родами другихъ князей". Но эта замѣтка не точная: князь Семенъ Домонтовичъ внесенъ въ запись помянника, начинающуюся родомъ князя Ѳеодора Ярославича и въ 17 послѣдующихъ строкахъ не заключающую ни одного княжескаго имени, и изъ „рода Домонтовыхъ"—только имя князя Стефана Въ ряду внесенныхъ въ эту запись именъ разныхъ родовъ, все нетитулованныхъ, встрѣчаемъ такія, противъ которыхъ на поляхъ написано: Оберисевичевъ, Манцикова матка з Волохъ, родители Сергѣевы, Ерынь, и, наконецъ, Домонтовичъ. Ни *о родѣ князя Василія Домонта, ни о родахъ другихъ князей* здѣсь рѣчи нѣтъ.

Далѣе Вольфъ говоритъ, что этотъ князь Василій Домонтъ во второмъ бракѣ женатъ былъ на княжнѣ Еленѣ Глинской (см. родословную Домонтовъ), которая, по Руликовскому, была дочью князя Владиміра Богдановича Глинскаго Путивльскаго, а въ родословной князей Глинскихъ у Вольфа—женою князя Василія Дашковича. Такимъ образомъ, ни по Вольфу, ни по Руликовскому нельзя составить точной родословной Домонтовъ. Вольфъ же приводитъ выписку изъ Руликовскаго: „Въ XVI ст. жили Василій и Потапъ Домонтовы, изъ которыхъ первый основалъ другое

1) Вольфъ, 51—52.

Домонтово около Золотоноши, и былъ женатъ на Еленѣ Глинской. Потапъ Домонтовичъ имѣлъ сыновей: Григорія и Яцка". О князѣ Стефанѣ нигдѣ ни слова. Не былъ ли онъ отцомъ князей Василія и Потапа? Въ всякомъ случаѣ происхожденіе этихъ князей остается неизвѣстнымъ.

Княжескіе роды исключительно помянника Михайловскаго Золотоверхаго монастыря.

(Князья Бѣлевскіе, князья Волконскіе, князья Пронскіе, князья Лыки, князья Слуцкіе, князья Владимірскіе).

I. Родъ князей Бѣлевскихъ.

Историческая справка. Бѣлевское княжество, какъ отдѣльный удѣлъ, существовало недолго: съ 1468—1558 г. Первымъ княземъ, положившимъ основаніе Бѣлевскому удѣльному княжеству, былъ *Василій Романовичъ*, который считалъ своимъ родоначальникомъ Новосельскаго князя *Симеона*, происходившаго изъ дома св. Михаила, князя Черниговскаго. Послѣ Василія Романовича, † 1482 г, Бѣлевскимъ княземъ сталъ сынъ его *Михаилъ Васильевичъ* до 1493 г., за нимъ слѣдовалъ братъ его, *Андрей Васильевичъ*, и потомъ *Василій Васильевичъ*, съ 1535 г. *Ѳеодоръ Михайловичъ*, а послѣднимъ княземъ Бѣлевскимъ былъ *Іоаннъ Іоанновичъ*—по 1558 г. Въ 1558 г. Іоаннъ IV, подозрѣвая Іоанна Іоанновича въ измѣнѣ, сослалъ его въ Вологду, а Бѣлевъ отдалъ князю *Вишневецкому* въ помѣстье со всѣми волостями, какъ награду за отраженіе крымскихъ хановъ и польскаго короля.

Г. Бѣлевъ—уѣздный городъ Тульской губ., на Окѣ. Лѣтопись впервые упоминаетъ о немъ подъ 1147 г., относя его къ удѣлу одной вѣтви князей черниговскихъ, которые владѣли имъ приблизительно до половины XIV в., когда онъ перешелъ къ князьямъ Одоевскимъ. Въ 1407 г. Бѣлевъ былъ взятъ литовскимъ княземъ Витовтомъ и подъ властью

Литвы находился до конца XV ст. Въ 1468 г. литовско-польское правительство, имѣя въ виду распространеніе уніи и въ Бѣлевѣ, отдало его въ удѣлъ *Василію Романовичу*, брату Одоевскаго князя Льва Романовича, но ни Василій Романовичъ, ни послѣдующіе князья Бѣлевскіе не обнаружили готовности служить Литвѣ; мало-по-малу, они, не отступая отъ православія, стали переходить къ великому князю Московскому, а въ 1493 г., по мирному договору, Литва должна была совершенно отказаться отъ Бѣлева въ пользу Іоанна III. Находясь подъ верховною властью князя Московскаго, Бѣлевскіе князья участвовали почти во всѣхъ походахъ московскихъ князей; вѣрнымъ Москвѣ и ея законному государю оставался Бѣлевъ и во все продолженіе смутнаго времени, не разъ стойко выдерживая и отражая нападеніе польскихъ войскъ. Во время первой польской войны, которую велъ Михаилъ Ѳеодоровичъ въ 1618 г., подъ стѣнами Бѣлева появился польскій воевода Чаплинскій, но былъ отбитъ съ урономъ. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича Бѣлевъ былъ весьма значительнымъ городомъ въ торговомъ и промышленномъ отношеніи. Въ 1708 г. былъ приписанъ къ Кіевской губ., въ 1719 г.—къ Бѣлогородской губ. Орловской провинціи и, наконецъ, въ 1777 г., съ открытіемъ Тульской губ., отнесенъ къ послѣдней и возведенъ на степень уѣзднаго города [1]).

Генеологическая справка. Князь *Семенъ Михайловичъ Глуховской* (отъ Глухова въ Черниговской губ.), сынъ Михаила Всеволодовича Черниговскаго († 1246), оставилъ 3-хъ сыновей: *Александра Новосильскаго*, *Василія* и *Михаила Глуховского*, у котораго былъ сынъ *Семенъ*. Князь Александръ Новосильскій оставилъ сыновей: *Семена*, *Сергѣя* и *Всеволода*, у котораго былъ сынъ *Михаилъ*. Князь Семенъ Александровичъ былъ отцомъ князя *Романа*, который и былъ родоначальникомъ князей *Бѣлевскихъ* [2]).

---

1) Энциклоп. словарь Брокгауза.

2) Вольфъ, 2 и 3.

Въ помянникъ внесенъ:

I. Родъ *князей Бѣлевскихъ.*

1. Князь *Матѳей* и князь схимникъ *Порфирій* — неизвѣстныя по родословнымъ лица.

II. Родъ князей Волконскихъ.

Происходитъ отъ младшаго сына св. Михаила Всеволодовича Черниговскаго, *Юрія*, князя Торусскаго. У внука Юрія, князя *Ѳеодора Іоанновича* († 8 сентября 1380 г. въ Куликовской битвѣ) было три сына: *Константинъ*, *Иванъ* и *Ѳеодоръ*, которые переселились въ Алексинскій уѣздъ, гдѣ пріобрѣли вотчину по берегамъ р. Волкони, отъ которой и стали называться князьями *Волконскими.* Отъ нихъ происходятъ три главнѣйшія, нынѣ существующія, вѣтви этого рода. Старшая вѣтвь въ началѣ XVI в. раздѣлилась на три отрасли, родоначальниками которыхъ были внуки Константина Ѳеодоровича: *Дмитрій, Петръ Верига* и *Ипатъ Потулъ Васильевичи.* Вторая вѣтвь, въ половинѣ XVI в., раздѣлилась на двѣ отрасли, родоначальниками которыхъ были: *Тимоѳей* и *Романъ* Александровичи (внуки Ивана Ѳеодоровича). Внукъ перваго, *Ѳеодоръ Ивановичъ*, по прозванію *Меринъ*, имѣлъ трехъ сыновей: *Ѳеодора*, *Петра* и *Ивана*, и дочь *Марію.* Первый изъ нихъ и есть тотъ князь *Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ,* бояринъ, родъ котораго внесенъ въ помянникъ.

I. *Родъ боярина князя Ѳеодора Ѳеодоровича Волконскаго.* Противъ этого имени написано: „Лѣта ҂зр҃ѯв. Вручилъ Богъ великому Гр҃ю Цр҃ю и великому князю Алексѣю Михаиловичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу Великое княженіе Киевское и по его Г-ву указу первые присылки на великое киевское княжение бояръ и воеводъ“.

Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, бояринъ, посолъ и воевода, † 1665 г.

1. Князь *Тимоѳей* — родоначальникъ той отрасли, къ которой принадлежитъ князь Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, боярин, прадѣдъ его.

2. Князь *Иванъ*—вѣроятно, сынъ князя Тимоѳея и дѣдъ князя Ѳеодора Ѳеодоровича.

3. Князь *Ѳедотъ* — не Ѳеодоръ-ли, отецъ боярина и сынъ Ивана? Можетъ быть описка.

4. Князь *Петръ*, въ иноцѣхъ Пафнутій. Это имя встрѣчается въ родѣ князей Волконскихъ нѣсколько разъ: 1) братъ князя Ѳеодора Ѳеодоровича, боярина, † 1640 г. 2) Петръ Васильевичъ Верига, воевода 1515—1521 г. 3) Петръ Ипатьевичъ и 4) Петръ Ивановичъ, сынъ Ивана Ѳеодоровича (3-й вѣтви). Вѣроятнѣе всего, здѣсь упоминается первый изъ нихъ, окольничій и воевода, 1649—50 г.

5. Князь *Иванъ*—вѣроятно, другой братъ боярина Ѳеодора Ѳеодоровича, стольничій и воевода, † 1640 г.

6. Князь *Андрей*. Имя это встрѣчается также нѣсколько разъ въ этомъ родѣ: 1) сынъ боярина Ѳеодора Ѳеодоровича, 2) Андрей Романовичъ, племянникъ князя Тимоѳея Александровича, 3) Андрей Петровичъ Чайка, сынъ Петра Вериги, и 4) Андрей Ивановичъ (3-й вѣтви). Вѣроятнѣе предположить князя Андрея Романовича, который въ 1566—1568 г. былъ рындой, а въ 1573—1598 г. воеводой. Въ 1591 г. посланъ царемъ съ дружиною стрѣльцовъ противъ шведовъ [1]).

7. Князь *Дмитрій*. Подъ этимъ именемъ извѣстны: 1) князь Дмитрій Васильевичъ, двоюродный братъ князя Тимоѳея, 2) князь Дмитрій Ипатьевичъ и 3) князь Дмитрій Ивановичъ, внукъ князя Ипата. Мы предполагаемъ здѣсь послѣдняго, такъ какъ ниже встрѣчаются имена его отца и сына.

8. Князь *Григорій*—племянникъ князя Андрея Романовича и сынъ князя Константина Романовича; вмѣстѣ съ княземъ Андреемъ посланъ былъ противъ шведовъ [2]).

---

1) Карамзинъ, X, 95.

2) Ibid.

9. Князь *Иванъ*—должно быть братъ князя Дмитрія Ипатьевича.

10. Князь *Михаилъ*—сынъ князя Константина Романовича, воевода боровскій, палъ при защитѣ Боровскаго Пафнутьева монастыря въ 1610 г. [1]). Въ родословной книгѣ „Родъ князей Волконскихъ“ означено, что онъ убитъ въ Рыльскѣ.

11. Князь *Иванъ убіенный*—сынъ князя Михаила Константиновича, убитый подъ Смоленскомъ въ 1633 г. [2]).

12. Князь *Ияковъ*—сынъ князя Дмитрія Ипатьевича, правнукъ князя Ипата, убитъ подъ Конотопомъ [3]).

13. Князь *Офонасій*—извѣстны: 1) князь Аѳанасій Ивановичъ, сынъ Ивана Ѳеодоровича (3-й вѣтви), и 2) сынъ его, князь Аѳанасій Аѳанасьевичъ (родъ князей Волконскихъ).

14. Князь *Даніилъ*—неизвѣстный.

Изъ женскихъ именъ помянника, какъ сообщилъ намъ Л. М. Савеловъ, извѣстны:

1. Княгиня *Марѳа*—мать боярина Ѳеодора Ѳеодоровича.

2. Княжна *Марія*—сестра его.

3. Княгиня *Ульяна*—жена князя Василія Андреевича, внука князя Петра Вериги, † 1603 г., и

4. Княгиня *Ѳеодосія*, † 1669 г.—жена князя Ѳедула Ѳеодоровича (1630—1707)—1-й вѣтви и 1-й отрасли.

Остальныя имена: 1) скимница княгиня *Анисія*, 2) скимница княгиня Наталія, 3) княгиня *Марія*, 4) скимница княгиня *Марина*, 5) княжна *Елена* и 6) княгиня *Дарья*—неизвѣстны.

III. Князья Владимірскіе.

Подъ именемъ князей Владимірскихъ извѣстны: князь *Любартъ-Дмитрій Гедиминовичъ*, владѣвшій Волынью во

---

[1]) Карамзинъ, XII, 133, прим. 552.

[2]) Брокгаузъ.

[3]) Ibid.

второй половинѣ XIV в. (1347, 1379—1386) [1]), и сынъ его, князь *Ѳеодоръ* (1386—1393), у котораго во владѣніи оставался только г. Владиміръ (-Волынскъ) съ округомъ [2]). Въ 1393 г. король Владиславъ Ягайловичъ отнялъ у него Владиміръ, отдавъ его Витовту, а взамѣнъ его далъ Ѳеодору Любартовичу Сѣверскую землю [3]). Годъ смерти его неизвѣстенъ.

Въ помянникъ внесенъ:

1. Родъ *князя Владимірскаго Ѳеодора.*

Въ записи нѣтъ ни одного княжескаго имени; несомнѣнно, имена эти не относятся къ роду князя Ѳеодора Любартовича, хотя между ними и встрѣчаются имена его братьевъ *Лазаря* и *Семена*, о которыхъ говорится въ грамотѣ 1386 г., выданной князю Ѳеодору Даниловичу Острожскому отъ имени „великаго князя Ѳедота (Ѳеодора) съ братомъ своимъ Лазаремъ и Семеномъ, и съ маткою своею Ольгою", чтобы не вступаться въ его отчизну и проч. [4]). Сколько извѣстно, Ѳеодоръ Любартовичъ не имѣлъ потомства.

IV. Родъ князей Лыко.

Русскій княжескій родъ этотъ происходитъ отъ князей Оболенскихъ, отрасли князей Черниговскихъ. Изъ этого рода князь *Иванъ Ивановичъ Лыковъ* оставилъ пять сыновей, изъ коихъ на Литвѣ упоминаются князья: *Александръ*, *Иванъ* и *Семенъ Ивановичи Лыко.* Князья Иванъ и Семенъ имѣли владѣнія въ повѣтѣ Мстиславскомъ; изъ нихъ князь Семенъ, за свою рыцарскую храбрость и военныя заслуги при взятіи Бѣлгорода и Рыльска и оборонѣ Путивля отъ московскихъ войскъ, получилъ отъ Сигизмунда III привилеи на Толчи, Березки и Бѣловичи въ Кіевскомъ воевод-

---

[1]) Radziminski. Sprawa pocz. rodów XX. Sang., 63.

[2]) А. М. Андріяшевъ. Очеркъ исторіи Волынской земли, 22 ².

[3]) Archiv. S. t. I, 13.

[4]) Ibid., t. I, 8.

ствѣ, въ старостве Любецкомъ, за Днѣпромъ. Князь Семенъ Лыко † 1621 г. и погребенъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ [1]).

Въ помянникъ внесены:

1. Князь *Семенъ Лыко*, о которомъ сказано выше.

2. Княгиня *Евфимія*—можетъ быть мать князя Семена, такъ какъ обѣ жены его носили другое имя.

V. Родъ князей Пронскихъ.

Историческая справка. Пронскій княжескій родъ происходитъ отъ князей Рязанскихъ и упоминается въ лѣтописи съ конца XII в. и начала XIII в. Первымъ княземъ Пронскимъ былъ князь *Всеволодъ Глѣбовичъ*, правнукъ князя Ярослава Святославича Рязанскаго. Въ 1427 г. князья Пронскіе сдѣлались ленниками Литвы, а въ началѣ XVI в. перешли въ подданство великаго князя Московскаго за исключеніемъ одной вѣтви, которая осталась въ Литвѣ. Князь Семенъ, а по принятіи въ 1544 г. католичества *Фридрихъ-Глѣбъ*, былъ воеводой кіевскимъ. Литовская вѣтвь князей Пронскихъ угасла около 1638 г. [2]).

Въ помянникъ внесенъ:

I. *Родъ князя Пронскаго*, воеводы кіевскаго (князя Симеона, въ католичествѣ Фридриха-Глѣба, старосты Остерн Чернобыльскаго съ 1552—1554 г.) [3]).

Князь Семенъ Глѣбовичъ Пронскій въ 1533—39 г.г. староста Житомірскій, по смерти князя Ильи Острожскаго († 1539 г.) староста Брацлавскій и Винницкій, въ 1544 г. сдѣланъ воеводой Кіевскимъ. Женившись на Ѳеодорѣ Богушевнѣ, дочери Богуша Боговитиновича, подскарбія земскаго, онъ принялъ католичество съ именемъ Фридриха. Въ 1549 г. князь Фридрихъ получилъ привилей на держав-

---

[1]) Сборн. матер. по топографіи Кіева.

[2]) Энциклоп. словарь Брокгауза.

[3]) Бонецкій, 261.

ство Чернобыльское. Умеръ въ 1555 г. и погребенъ у Бернардиновъ въ Вильнѣ [1]).

1. Князь *Ѳедоръ* — прадѣдъ князя Семена-Фридриха, сынъ князя Ивана Владиміровича Пронскаго, получилъ отъ короля Казиміра села въ повѣтѣ Мстиславскомъ [2]).

2. Князь *Юрій*—сынъ князя Ѳедора Ивановича, упоминается подъ 1479 г. [3]).

3. Княгиня *Евлампія* — вѣроятно, жена князя Юрія, бывшаго два раза женатымъ; первая жена — княжна Слуцкая, дочь Александра Владиміровича Ольгердовича, вторая—княжна Соломорецкая, дочь князя Василія Соломорецкаго. Имена обѣихъ женъ неизвѣстны ни по родословнымъ князей Пронскихъ, ни по родословнымъ Олельковичей и Соломорецкихъ. Можно предположить, что одна изъ нихъ называлась Евлампіей.

4. Князь *Глѣбъ*—сынъ князя Юрія и отецъ князя Фридриха, въ 1551 г. намѣстникъ Остерскій, въ 1504 г.—намѣстникъ Бобруйскій, въ 1508 г. — намѣстникъ и державца Мойшагольскій [4]), палъ въ битвѣ съ татарами подъ Минскомъ въ 1553 г.

5. Княгиня *Оксинья*—вѣроятно, жена Глѣба, который былъ женатъ на дочери Подбипяты, тіуна виленскаго и троцкаго [5]).

6. Князь *Іоаннъ*—братъ князя Глѣба, упоминается подъ 1480 г., умеръ молодымъ.

7. Княжна *Марія*,—можетъ быть дочь Фридриха, умершая въ молодости [6]).

8. Княжна *Овдотья*—можетъ быть другая, неизвѣстная по родословнымъ, сестра Маріи.

---

[1]) Вольфъ, 401.
[2]) Ibid., стр. 399.
[3]) ibid.,
[4]) ibid.,
[5]) ibid.,
[6]) Ibid., 403.

VI. Родъ князей Слуцкихъ.

Историческая справка. Этотъ родъ происходитъ отъ Слуцка, города повѣтоваго въ Минской губ., нѣкогда столицы княжества Слуцкаго. Слуцкъ въ первый разъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1116 г., какъ городъ въ землѣ Дреговичей [1]). О дальнѣйшей судьбѣ его говорилось выше, въ главѣ о князьяхъ Несвижскихъ. Въ XIV в. Слуцкъ входитъ въ составъ княжества Пинскаго, которымъ владѣли князья Наримонтовичи. Послѣднимъ изъ этого рода упоминается князь Юрій Слуцкій подъ 1387 г. Послѣ него Слуцкъ достался князю Владиміру Ольгердовичу, лишенному княжества Кіевскаго. Въ хроникахъ подъ 1395 г. говорится, что Витовтъ, отнявши у Владиміра Кіевъ, далъ ему взамѣнъ Копыль; можно предположить, что вмѣстѣ съ Копылемъ данъ былъ князю Владиміру и Слуцкъ, такъ какъ въ первой половинѣ XV вѣка Слуцкъ былъ резиденціей сына Владимірова, князя Александра (Олелька). Въ Слуцкѣ въ 1420 г. митрополитъ Кіевскій крестилъ сына князя Александра—*Семена.* Другой сынъ князя Александра, князь *Михаилъ Олельковичъ*, получившій Слуцкъ, былъ родоначальникомъ князей Олельковичей, называвшихся сначала *князьями*, а потомъ *княжатами Слуцкими,* родъ которыхъ пресѣкся въ концѣ XVI в. [2]).

Въ помянникъ внесены:

I. Родъ князя *Юрія Слуцкаго.*

1. Князь *Георгій.* Въ этомъ родѣ (Слуцкихъ) имя Юрія встрѣчается три раза: 1) князь *Юрій Семеновичъ*, сынъ князя Семена Михайловича, † 1552 [3]), 2) князь *Юрій Юрьевичъ*, сынъ, † 1572, 3) князь *Юрій Юрьевичъ*, сынъ предыдущаго, † 1586 [4]). Подъ этимъ именемъ можетъ скрываться также князь Юрій Слуцкій, изъ рода Наримонтовича, о

---

1) Ипат. лѣтоп. 203.

2) Вольфъ, 459.

3) Archiv. S., t. III, 266, 311—312, 355, 443.

4) Вольфъ, 336.

которомъ сказано выше. Имена, слѣдующія въ записи помянника за этимъ именемъ, никакого свѣта не проливаютъ на этотъ вопросъ, такъ какъ всѣ они нетитулованныя.

Роды лицъ, извѣстныхъ по своему служебному положенію.

Помянникъ Кіево-Печерской Лавры.

1. Родъ пана *Быка Александровича*, старосты Винницкаго. Убитъ татарами. Въ 1497 г. великій князь Александръ подтвердилъ Быку Александровичу привилей на Брылево, въ повѣтѣ Житомірскомъ. Въ роду Александровичей были ключники, намѣстники, бояре королевскіе, бояре повѣтовъ: Виленскаго, Троцкаго и Брянскаго [1]).

Въ спискѣ старостъ у Бонецкаго Александровича нѣтъ [2]).

2. а) родъ пана *Богуша*, писаря господарскаго (въ 2-хъ записяхъ подъ №№ 210 и 214). б) родъ пана *Боговитиновъ*. в) *Война Боговитиновъ* жену свою уписалъ Евдокію.

Эти три лица принадлежатъ къ извѣстному на Волыни роду Боговитиновъ или Боговитиновичей. Родоначальникъ этого рода, *Боговитинъ*, упоминается, какъ бояринъ, подъ 1431 г. [3]). Сынъ его, *Богушъ*, упоминается подъ годами: 1466, 1467, 1478, 1482 и 1483, какъ свидѣтель на актахъ [4]): въ 1491 г. подскарбій земскій, маршалокъ и писарь королевскій, староста Каменецкій; умеръ въ началѣ XVI ст. [5]).

Сынъ его, Богушъ-Михаилъ, во всѣхъ актахъ называется только Богушемъ. При кор. Александрѣ Ягел.—городни-

---

1) Бонецкій, 1, 2.

2) Ibid, LXII.

3) Ibid, II.

4) Archiv. Sang., t. I, 61, 63, 70, 81, 82.

5) Бонецкій, 12.

чій троцкій. Король Сигизмундъ I, взамѣнъ городничества, далъ ему въ 1508 г. дворъ Жижморскій, а взамѣнъ послѣдняго, въ 1509 г., дворъ Довговскій. Съ 1509 г. Богушъ-Михаилъ былъ писаремъ литовскимъ и намѣстникомъ довговскимъ; въ 1511 г.—маршалкомъ королевскимъ, въ 1518 г.—маршалкомъ, писаремъ литовскимъ и намѣстникомъ довговскимъ; въ 1522 г.—державцей слонимскимъ; умеръ въ 1530 г. [1]).

Война Боговитиновъ, братъ Михаила-Богуша. Онъ былъ еще живъ въ 1546 г.; ревизія замка Кременецкаго 1545 г. упоминаетъ его. Имя жены его *Евдокіи*, внесенное въ помянникъ, встрѣчается впервые.

Боговитины владѣли обширными и многочисленными имѣніями на Волыни, въ Кременецкомъ и сосѣднихъ съ нимъ уѣздахъ. Потомки Богуша Боговитиновича, поселившись въ своихъ имѣніяхъ, раздѣлились на нѣсколько вѣтвей: одна изъ нихъ, отъ мѣстечка *Шумбаръ*, прозвалась *Боговитинами Шумбарскими*; другая—отъ *Кутна—Кутненскими*, третья—отъ *Козерадъ—Козерадскими*. Самая главная вѣтвь была *Шумбарская* и *Рохмановская*. Всѣ Боговитиновы были православные. Вездѣ въ имѣніяхъ своихъ они воздвигли замки, слѣды коихъ остались и понынѣ. Главныя земли ихъ были въ *Рохмановѣ* (въ 5 вер. отъ м. Сурожа) или въ такъ называемыхъ тогда *Пигасахъ*. Въ 1545 г. владѣтелями Шумска и Пигасъ были братья Иванъ и Война Боговитины. Въ XVII стол. эти имѣнія перешли къ Вишневецкимъ [2]).

Въ записяхъ помянника очень много княжескихъ именъ, а такъ какъ Боговитиновичи были некняжескаго рода, то можно предположить, что эти имена относятся къ родамъ родственнымъ. Князь Богушъ-Михаилъ былъ же-

---

1) Бонецкій, 12, 13.

2) Н. Теодоровичъ. „Историческое и статист. описаніе Волынской епархіи, т. III, стр. 353.

натъ первымъ бракомъ на княжнѣ Острожской, вторымъ—на княжнѣ Сангушковой [1]).

Свѣдѣнія о Боговитиновичахъ имѣются: въ соч.: „Областн. и мѣстн. упр. Литовско-русскаго государства", Леонтовича [2]), въ „Арх. Ю.-З. Р." [3]), въ „Памятникахъ" [4]), и у Курбскаго [5]).

3. Родъ Ивана *Васильевича*, воеводы Стародубскаго.

Бояринъ Брянскій, Иванъ Васильевичъ, выслужилъ у вел. кн. Сигизмунда имѣніе Жирятинъ, въ Брянскомъ повѣтѣ. По смерти его, князь Иванъ Андреевичъ, державшій Брянскъ изъ рукъ короля Казиміра Ягел., отнялъ у брата покойнаго, боярина Карпа, Жирятинъ. Сыну его, Енѣ Карповичу, великій князь велѣлъ дать вводъ во владѣніе этимъ имѣніемъ [6]).

4. Родъ пана Данилы *Васильевича*, писаря кн. К. И. Острожскаго [7]).

5. Родъ пана Іоанна *Владыки*. Ивашко Яцковичъ Владыка, писарь короля Александра въ 1493 г., женатъ былъ на кн. Маріи Васильевнѣ Збаражской [8]).

6. Родъ пана Звѣря *Волчковича*, намѣстника Слуцкаго. Волчковичи—отъ Волчка, бояре королевскіе, Минскаго повѣта. Свѣдѣнія о Волчковичахъ у Бонецкаго [9]).

7. Родъ *Гагиновъ* Михайловъ. Михаилъ Гагинъ, намѣстникъ Мозырскій, въ 1504 г. принималъ участіе въ дѣлѣ Глинскаго. Дворы его перешли къ Тышкевичу [10]). Въ 1509 г.

---

1) Бонецкій, 13.

2) XII, XIII, 299, 441, 544, 567, 625, 614, 669, 672, 788.

3) I. 1: 36, 182, 184; 1. 4: 352; IV. I: 217; IV. 1 438.

4) T. IV. 2: 146, 199, 201, 206, 223.

5) II: 104.

6) Леонтовичъ, „Област. и мѣст. упр. Лит. рус. гос-ва", 604.

7) Свѣдѣнія о Васильевичахъ имѣются: въ Памятн. IV. 2: 156, 205, 221; IV. 2: 73, 75, 76, 85—91, 102—105.

8) Бонецкій. 479, 380. Archiv S., t. I, 96, подъ 1491 г.

9) 379, 380.

10) Ibid, 69.

Михаилъ Гагинъ вновь упоминается въ одномъ актѣ короля Сигизмунда I [1]).

8. Родъ *Гораиновъ-Гридновъ*. Въ числѣ именъ, внесенныхъ въ запись помянника, встрѣчается имя Григорія. У Бонецкаго [2]) упоминается Гораинъ Григорій, дворянинъ короля въ 1516 г. О Гораинахъ имѣются свѣдѣнія въ Арх. Ю-З. Р. [3]).

9. Родъ пана *Богдана Гостьского*. Родъ Гостскихъ или Гойскихъ—дѣдичи Гощи на Волыни (на р. Горыни).

Богданъ Сенковичъ Гостскій, сынъ родоначальника этого дома, въ 1488 г. подчашій литовскій и ключникъ луцкій, въ 1492—1494 г.—только ключникъ луцкій. Въ 1494 г. великій князь Александръ Ягел. пожаловалъ ему с. Звѣрово, въ повѣтѣ Луцкомъ, а въ 1495 г. установилъ торги въ Гощѣ. У Богдана было три сына: Иванъ, Александръ и Василій (всѣ они внесены въ помянникъ) и дочь Юліана, жена Яна Тура. Юліана записала дворъ подъ Брестомъ брату Василію; запись эту король Сигизмундъ I подтвердилъ въ 1527 г.

Иванъ Богдановичъ Гостскій женатъ былъ на дочери Быка Александровича. Александръ Богдановичъ, дворянинъ королевскій, получилъ въ 1509 г. отъ короля Сигизмунда I г. Бабичи, въ повѣтѣ Мозырскомъ; умеръ въ слѣдующемъ году холостымъ. Король Сигизмундъ подтвердилъ въ 1527 году дворянину своему, Василію Богдановичу Гостскому, пожалованіе дворища подъ Луцкомъ, сдѣланное отцу его, Богдану Семеновичу (Сенковичу), Александромъ Ягел. въ 1502 году, и далъ ему староство Кременецкое съ тѣмъ, чтобы онъ не собиралъ доходовъ съ ярмарокъ въ Почаевѣ, которое было во владѣніи Василія Гостскаго. Василій не жилъ уже въ 1537 г., въ которомъ король Сигизмундъ подтвердилъ

---

1) Леонтовичъ, „Област. и мѣст. упр. Лит.-рус. гос.“, XV.

2) 85.

3) I. I: 110; I. 4: 11—13: II. 1: 81, 172, 175—178, 216; III. 3: 66, 181—183; IV. 1: 167—169; Приложеніе. 282, 408.

за дѣтьми его всѣ пожалованія короля Александра Ягел. Изъ сыновей его извѣстенъ только Ерофей, который упоминается въ 1568 г.

Одна изъ двухъ записей рода п. Богдана Гостскаго сдѣлана Василіемъ Гостскимъ, слѣдовательно, ранѣе 1537 г. [1]).

Свѣдѣнія о Гостскихъ имѣются въ Памятникахъ [2]) и Арх. Ю.-З. Р. [3]).

Родоначальникомъ Гостскихъ былъ нѣкій татаринъ Кирдей, у котораго было нѣсколько сыновей; отъ нихъ пошли, по имени поселковъ, коими они владѣли: Вильгорскіе, Богуринскіе, Гойскіе, Чапличи-Шпановскіе и Мыльскіе Кирдеи. М. Гоща было однимъ изъ центральныхъ пунктовъ социніанства на Волыни. Въ одной изъ гощскихъ школъ, какъ полагаютъ, учился Димитрій Самозванецъ [4]).

10. Родъ *Даниловъ* — ключника князя Василія Ошемячина. Князь Иванъ Дмитріевичъ Ошемячинъ — потомокъ князя Димитрія Шемяки, выѣхалъ въ Литву въ 1454 г., гдѣ получилъ отъ короля Рыльскъ и Новгородъ-Сѣверскій. Сыновья его—князья: Семенъ, Владиміръ, Иванъ и Василій остались въ Литвѣ. Одинъ изъ нихъ назывался Ошемячичъ. О князьяхъ Владимірѣ и Иванѣ ничего неизвѣстно; князь Семенъ умеръ около 1500 г.; князь Василій въ 1500 г. перешелъ вмѣстѣ съ Рыльскомъ и Новгородъ-Сѣверскомъ въ подданство Москвы и былъ послѣднимъ удѣльнымъ княземъ русскимъ; умеръ въ 1529 г. [5]). Даниловъ, внесенный въ разсматриваемый помянникъ, былъ, должно быть, ключникомъ у этого самаго князя Василія Ошемячича.

11. Родъ пана Іоанна *Дашковича*. Подъ 1476 г. упоминается Ивашко Дашковичъ, племянникъ Ивана Ходкевича;

---

[1]) Бонецкій, 92, 93.

[2]) Т. IV. 2: 83, 103, 159, 160, 181—186.

[3]) П, I: 7, 14; Ш, 3: 253; IV. 1: 468.

[4]) Н. Теодоровичъ, „Историч. и стат. описаніе Волынск. епархіи, уѣздъ Острожскій".

[5]) Вольфъ, 419, 520.

въ 1480 г. былъ ключникомъ витебскимъ. Извѣстный Остафій Дашковичъ, о происхожденіи котораго мало извѣстно, могъ быть сыномъ Ивашка Дашковича. Такое предположеніе основывается на записи, сдѣланной Остафіемъ въ 1515 г. на Кіево-Печерскій монастырь, въ которой онъ назвалъ себя Остафіемъ Ивановичемъ Дашковичемъ. Умеръ въ 1535 г. [1]). Въ записи находится и имя Остафій.

12. Родъ п. Романа *Елизаровича*, воеводы кіевскаго. Ни въ спискахъ воеводъ кіевскихъ, ни въ „Описаніи" гор. Кіева Н. Закревскаго, ни въ спискѣ у Бонецкаго—его нѣтъ. Не былъ-ли онъ воеводой кіевскимъ между 1502 и 1507 г.г., между княземъ Дмитріемъ Путятичемъ и Иваномъ Львовичемъ Глинскимъ?

13. Родъ п. Семена *Олизаровича*. Это, несомнѣнно, одинъ и тотъ же родъ,—потомки Олизара Шиловича, сына Шила Кирдеевича, подписавшаго трактатъ Свидригайла съ крестоносцами въ 1432 г. Шило иначе назывался Гавріиломъ. Олизаръ Шиловичъ, земянинъ Луцкій, въ 1461 г.—староста Владимірскій, въ 1475 г. — маршалокъ земли Волынской, въ 1480 г.—маршалокъ и староста луцкій. Отъ первой, неизвѣстной жены, имѣлъ, согласно родословнымъ, трехъ сыновей: Семена, Ѳедора и Василія. Отъ 2-ой жены, Федьки, матери княгини Маріи Ровенской, по Бонецкому, потомства не имѣлъ. Семенъ Олизаровичъ, намѣстникъ Брестскій въ 1495—1496 г., былъ женатъ на княжнѣ Острожской, сестрѣ князя К. И., отъ которой имѣлъ дочь Настасію. Первый мужъ ея — князь Янушъ Санкгушковичъ, второй—князь Иванъ Михайловичъ Вишневецкій.

Въ разсматриваемую запись внесены: Симеонъ, Василій, Романъ. Въ записи рода п. Романа Олизаровича встрѣчаются имена: Елеозаръ, Романъ, Семенъ, Василій, княгиня

---

[1]) Бонецкій, 42, 43.

Марія. Подъ именемъ послѣдней нельзя-ли подразумѣвать княгиню Марію Ровенскую? [1])

14. *Заморенко* Матѳій.

На листѣ 75, въ одну изъ записей внесены родители Матѳея Заморенкова, Степанъ и Марія. Матвей Заморенко—дворянинъ королевскій въ 1522 г., намѣстникъ замковъ Гарвольскаго и Чернобыльскаго, упоминается подъ годами: 1526, 1531, 1539, 1540 [2]). Въ 1516 г. король Сигизмундъ пожаловалъ дворянину Матѳею Заморенку село Контевичи, въ Бчицкой волости, Мозырскаго повѣта. Въ 1527 г. король Сигизмундъ далъ замокъ Чернобыль держать на два года дворянину Заморенку. Матѳей Заморенко былъ еще живъ въ 1540 г. [3]). Имя его внесено въ служебникъ Кіево-Печерской Лавры на всякъ день.

15. Родъ п. Юрія *Зиновьевича.* Намѣстникъ брацлавскій, въ 1494 г. участвовалъ въ посольствѣ въ Москву. Намѣстникомъ брацлавскимъ былъ и въ 1499 г, намѣстникомъ смоленскимъ—въ 1507 и 1508 г, намѣстникомъ могилевскимъ—въ 1514 г. и маршалкомъ короннымъ—въ 1516 г. Въ потомствѣ его были намѣстники, королевскіе дворяне, воеводы, каштеляны, подкоморіи [4]).

Въ 1486 г. п. Юрій Зиновьевичъ далъ отказную запись Кіево-Печерскому монастырю на сельцо Киселевичи, въ Бобруйской волости, съ медовыми и денежными данями [5]).

Запись въ помянникѣ сдѣлана послѣ смерти Юрія Зиновьевича, такъ какъ имя его внесено въ нее.

16. *Калантаевъ.* Изъ извѣстныхъ въ этомъ родѣ именъ въ помянникѣ встрѣчаются имена: Василій, Ѳеодоръ, Симе-

---

[1]) Ibid, 221. Archiv Sang., t. I: 52, 54, 55, 69, 71, 87, 93, 140, 141 (Олизаръ), 62. Т. Ш: 30, 32, 92, 109, 110; т. IV: 75, 270, 433 (Семенъ Олизаровичъ).

[2]) Бонецкій, 396.

[3]) Свѣдѣнія о Заморенкахъ встрѣчаются: въ „Област. и мѣстн. упр. Лит.-рус. гос.“ Леонтовича, 495; въ Арх. Ю. З. Р. IV, : 36, 47, 48.

[4]) Бонецкій, 416.

[5]) Митроп. Макарій, Исторія рус. церкви, т. IX, 73.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Содержаніе XXIV книги „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца.

Вып. 1-й.

	стран
1812-й годъ въ его дѣятеляхъ (начало).—*Г. Е. Аѳанасьева*	1.
Отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества Нестора-лѣтописца съ 27 октября 1912 г. по 27 октября 1913 г.—*А. М. Лободы*	1.

Вып. 2-й.

1812-й годъ въ его дѣятеляхъ (окончаніе).—*Г. Е. Аѳанасьева*	65.

Отдѣлъ II.

Вып. 1-й.

Гоголь—критикъ Пушкина.—*Н. К. Гудзія*	1.

СТРАН.

Легендарно-апокрифическій элементъ въ „Небѣ Новомъ“ Іоанникія Галятовскаго, южно русскаго проповѣдника XVII вѣка.—*И. Огіенко* . . . . 41.

Вып. 2-й.

Библіотека Стефана Яворскаго.—*С. И. Маслова.* . . 99.

Отдѣлъ III.

Вып. 1-й.

Два неизвѣстныхъ стихотворенія Е. А. Боратынскаго.—*П. Филипповича* . . . . . 1.

Вып. 2-й.

Документы, относящіеся къ судьбѣ библіотеки Стефана Яворскаго.—Сообщилъ *С. И. Масловъ* . . 17.

Отдѣлъ IV.

Вып. 1-й.

Докладъ проф. *Ф. И. Кнауэра* объ аѳинскомъ международномъ съѣздѣ востоковѣдовъ въ 1912 г. . . 2.

Библіографическія замѣтки. III — IV.—*В. И. Маслова* . . . . . 13.

Отдѣлъ V.

Вып. 1-й.

стран.

Юзефъ Дунаевскій, помѣщикъ Сквирскаго уѣзда 2-й четверти XIX ст. (окончаніе).—*О. И. Левицкаго.* 1.

Приложеніе.

Вып. 1-й.

Комментаріи къ древнѣйшимъ помянникамъ Кіево-Печерской Лавры и Кіево-Златоверхо-Михайловскаго монастыря (*л.л.* 6 и 7).—*Е. И. Де-Витте.* 81.

Вып. 2-й.

Тоже (л.л. 8 и 9) . . . . . 113.

Списокъ членовъ Общества Нестора-лѣтописца къ 1-му января 1915 г. . . . . 1.